



8-й годъ изданія.

ВѢСТНИКЪ ТЕОСОФІИ

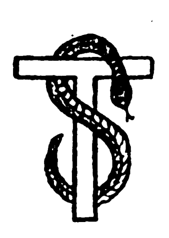
РЕЛИГІОЗНО-ФИЛОСОФСКО-
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Satyât Nâsti Paro Dharmah

(Нѣтъ религіи выше истины).

---

7 января.



ПЕТРОГРАДЪ.

—

1915.

№ 1.

Типографія Б. М. Вольфа, Петроградъ. В. О., Волховской, 4.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1915 ГОДЪ

на религіозно-философско-научный журналъ

„ВѢСТНИКЪ ТЕОСОФІИ"

ВОСЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

1) статьи какъ оригинальныя, такъ и переводныя по теософіи, по сравнительному изученію религій, оккультизму, изслѣдованію психическихъ силъ, скрытыхъ въ природѣ и въ человѣкѣ, по психологіи и др. отраслямъ знанія;

2) свѣдѣнія о теософическомъ движеніи въ Россіи и за границей и о другихъ родственныхъ духовныхъ и общественныхъ движеніяхъ;

3) біографіи выдающихся представителей теософическаго міросозерцанія и общественныхъ дѣятелей;

4) художественно-литературный отдѣлъ, какъ отраженіе въ искусствѣ теософическаго міросозерцанія;

5) отзывы о книгахъ, поступающихъ въ Редакцію журнала, по вопросамъ теософіи, психологіи и др.

6) справочный отдѣлъ, вопросы и отвѣты на вопросы подписчиковъ.

Журналъ выходитъ 7-го числа каждаго мѣсяца, книжками въ форматѣ in 8°, не менѣе пяти печатныхъ листовъ каждая, подъ редакціей **А. А. Каменской** и **Ц. Л. Гельмбольдтъ**, при участіи г-жи **А. Безантъ**, *Alba, П. Н. Батюшкова, А. Ф. Вельцъ, А. А. Веселовской, М. Ф. Гардениной, А. В. Гардеръ, Н. К. Гернетъ, С. В. Герье,* д-ра *В. В. Гинце, Даны, А. А. Каменской, А. В. Корольковой, Е. М. Кузьмина, В. М. Лалетина, К. К. Латынина, Н. П. Лихачевой, Е. Лубны-Герцыкъ, Ю. Ф. Львовой, И. В. Манціарли, А. Г. Молокина, В. А. Молокиной, В. А. Меркурьевой, Н. Н. Павлиновой, Е. Ф. Писаревой (Е. П.), В. Н. Пушкиной, В. И. Рудичъ, М. М. Самохвалова, М. К. Станюковичъ, Д. В. Страндена, С. В. Татариновой, П. И. Тимофеевскаго, Л. М. Тицъ, Н. А. Трофименко (Дмитріевой), А. В. Унковской, П. Д. Успенскаго, О. М. Фаминцыной, М. А. Федоровой, Н. И. Эрасси, Эссель* и др.

Въ теченіе года предполагается помѣстить нижеслѣдующія статьи: Извлеченіе изъ *Тайной Доктрины*, **Е. П. Блаватской**; нѣсколько „*Упанишадъ*", „Обрѣтеніе міра", „Эволюція жизни и формы", **А. Безантъ**; „Изъ оккультнаго міра", **Ч. Ледбитера**; „Цвѣты и сады", **С. Джннараджадаза**; „Наука эмоцій", **Бхагаванъ Даса**; „Аполлоній Тіанскій", **Дж. Мида**; „Методы концентраціи", **Е. Вуда**; „Святилища Востока" (извлеченія) **Э. Шюре**; „Письма о музыкѣ", **А. Унковской**; „Письма къ читателю", Друга читателя. Кромѣ того пойдетъ рядъ оригинальныхъ статей сотрудниковъ Редакціи по вопросамъ сравнительнаго изученія религій, педагогики, философіи, исскуства и др. отдѣламъ. Въ зависимости отъ притока текущаго матеріала будетъ дана **„Махабхарата" (великая война)** въ изложеніи **А. Безантъ**.

Въ теченіе двухъ лѣтнихъ мѣсяцевъ (Іюнь и Іюль) журналъ не выходитъ.

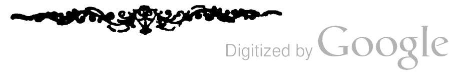
Цѣна **6** руб. въ годъ съ доставкой и пересылкой въ предѣлахъ Россійской Имперіи. Допускается разсрочка: за ½ — **3** руб. **50** коп., за 3 мѣсяца — **2** руб. **20** коп. Отдѣльный № **75** коп. За перемѣну адреса городского на городской — **20** коп., городского на иногородній и обратно иногородняго на городской — **50** коп.

Подписка за границу принимается только годовая; цѣна **10** руб.

Подписка для иногороднихъ **только черезъ Контору Редакціи.**

Городская подписка принимается въ Конторѣ Редакціи (Петроградъ, Ивановская, 22, кв. 24) ежедневно, кромѣ субботъ и праздничныхъ дней, отъ 2—4 час. дня, а также во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ. Годовая подписка въ разсрочку безъ повышенія цѣны допускается только **до 1 января 1915 года.**

По дѣламъ редакціи издательница принимаетъ лично по средамъ отъ 4—5 час. дня.



От Редакціи журнала „Вѣстникъ Теософіи".

Въ виду недостатка краткихъ популярныхъ руководствъ по основнымъ вопросамъ Теософіи, намѣченъ къ изданію рядъ брошюръ, излагающихъ въ сжатой, общедоступной формѣ основныя положенія Теософіи. Въ настоящее время вышли изъ печати шесть первыхъ брошюръ: № 1. „Человѣкъ и его видимый и невидимый составъ" № 2. „Законъ причинъ и послѣдствій" (Карма). № 3. Перевоплощеніе. № 4. Сила мысли. № 5. Законы высшей жизни. № 6. Жизнь послѣ смерти. Что такое Теософія?

Статьи, присылаемыя для напечатанія въ „Вѣстникѣ Теософіи", подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и исправленіямъ. Рукописи должны быть написаны четко и на одной сторонѣ листа. Рукописи, не востребованныя въ теченіе трехмѣсячнаго срока, уничтожаются.

Во избѣжаніе недоразумѣній съ доставкою журнала Редакція проситъ гг. подписчиковъ заблаговременно **сообщать ей о перемѣнѣ ихъ адресовъ, не позже перваго числа каждаго мѣсяца.**

Заявленія о неполученіи очереднаго № должны быть дѣлаемы не позже полученія слѣдующей книжки журнала, такъ какъ жалобы, заявляемыя по истеченіи этого срока, экспедиція городского почтамта оставляетъ безъ разсмотрѣнія.

„Вѣстникъ Теософіи" за 1909, 1910, 1911, 1912 и 1913 года имѣются для продажи въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ. **Цѣна** съ пересылкой по **7** рублей за каждый годъ.



СОДЕРЖАНІЕ

январьской книжки „Вѣстника Теософіи“.

SOMMAIRE DU № DE JANVIER:



Гимнъ.

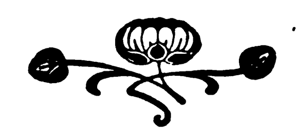
Я—чистый Лотосъ, возникшій на полѣ
Солнца,
Я—дыханіе Ра...
(Изъ „*Книги Мертвыхъ*").

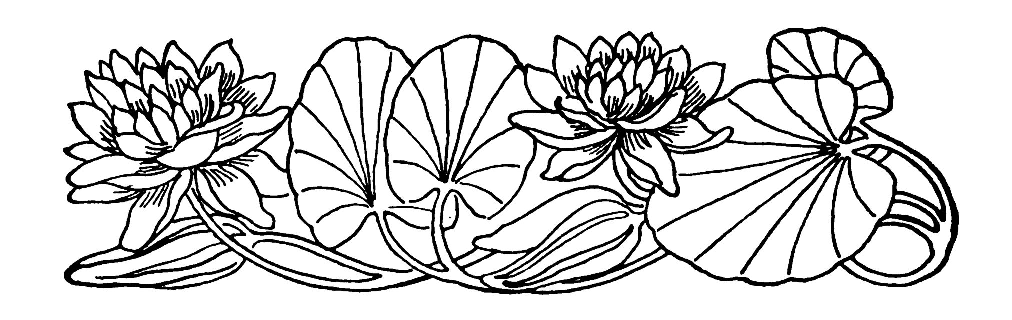
Я—Лотоса цвѣтъ непорочный, возникшій на пажити Солнца,
Слеза златоокаго бога, дыханіе Ра, міродержца;
Я—Слово премудраго Тота, владыки священныхъ реченій,
Дитя многоскорбной Изиды, сокровище тайнъ семизвѣздныхъ.

Я—Лотоса цвѣтъ бѣлоросный, на солнечномъ полѣ рожденный,
Мой корень гнѣздится во прахѣ, но къ небу подъемлю я чашу,
А тамъ, въ лепестковомъ чертогѣ, на золотѣ зарнаго сердца
„Пресвѣтлый" покоится тайно, призывнаго дня ожидая.

Я—Лотоса цвѣтъ златосердый—купель посвященнаго духа,
Я—отблескъ Вечерняго Свѣта на водахъ всеміpнаго моря,
Я—капля божественной крови, излитая въ таинствѣ Жертвы,
Я—міра воскресшаго свѣточъ—возставшій изъ гроба Озирисъ.

Анна Веселовская.





На сторожевомъ посту.

На полѣ Дхармы,
На святомъ полѣ Куру...
(*Бх.-Гита, пѣснь I*).

Ровно семь лѣтъ тому назадъ, 7 января 1908 г., вышелъ первый № „Вѣстника Теософіи“. Онъ вышелъ въ бѣлой обложкѣ, съ символами Тао и священнаго треугольника огня, переплетеннаго съ земнымъ треугольникомъ воды, духа и души, и съ иллюстраціей къ извѣстнымъ словамъ пророка Исайи[1]: „И малое дитя ихъ поведетъ“.

Журналъ возникъ въ отвѣтъ на религіозные запросы духа нашего времени. Въ передовой статьѣ (Отъ Редакціи) современныя духовныя исканія сравниваются съ процессомъ образованія кристалла изъ раствора. Идеи, созрѣвшія въ общественномъ сознаніи, являются идеальными линіями этого строющагося кристалла, а для того, чтобы онъ вышелъ изъ раствора чистымъ и прозрачнымъ, необходима *чистота настроенія*, строгая провѣрка общественной совѣсти, выдѣленіе всѣхъ темныхъ, нечистыхъ наслоеній изъ общественнаго творчества. Мы несомнѣнно переходимъ на высшую ступень міровой жизни: недаромъ сорваны всѣ покровы и былыя иллюзіи сгораютъ въ огнѣ тяжелыхъ и въ то же время глубоко значительныхъ переживаній, недаромъ мы проходимъ черезъ столько потрясеній, недаромъ раскрываются всѣ умы и сердца для новыхъ идей и вдохновеній. Но какое же міросозерцаніе будетъ способно выразить эту высшую ступень сознанія? Только такое міросозерцаніе, которое

---

[1]) Гл. XI.

приведетъ всѣ сложные запросы человѣческой жизни къ единству и дастъ силу строить земную жизнь на основахъ братства, любви и взаимопомощи. Подобное міросозерцаніе дается Теософіей.

Теософія существовала во всѣ времена. Въ древней Индіи она называлась Брама Видія, у грековъ и первыхъ христіанъ она носила названіе Гнозиса, у современныхъ духовныхъ писателей мы ее встрѣчаемъ подъ именемъ Богомудрія. Она есть ничто иное, какъ религіозно-научный синтезъ, объединяющій всѣ области знанія въ единую Мудрость [1]).

Къ чему же приводитъ этотъ синтезъ и въ чемъ его значеніе?

Въ области религіи Теософія доказываетъ происхожденіе всѣхъ міровыхъ религій изъ единаго божественнаго Источника и тѣмъ самымъ устанавливается братство всего человѣчества.

Въ области науки Теософія перебрасываетъ мостъ изъ міра земного въ міры потусторонніе, расширяя поле научныхъ изслѣдованій и наблюденій.

Въ области человѣческой психологіи Теософія, давая новые методы, указываетъ на новыя состоянія сознанія и на возможность расширенія внутренняго опыта, которое приводитъ къ реальному Богопознанію. Человѣкъ можетъ проникнуть въ глубины своей собственной безсмертной сути, познать себя, какъ духъ, и черезъ самопознаніе прійти къ познанію Бога.

Въ области искусства Теософія исцѣляетъ отъ исключительнаго культа формъ и стремится за всѣми смѣняющимися формами внѣшней красоты привести къ красотѣ вѣчной. Этимъ стремленіемъ Теософія подготовляетъ настоящую эпоху возрожденія.

Въ области соціальной Теософія учитъ необходимости строить новую жизнь на основахъ братства и нравственной отвѣтственности каждаго за всѣхъ и всѣхъ за каждаго. Самыя совершенныя общественныя формы не принесутъ человѣчеству счастья, если каждый человѣкъ не будетъ осуществлять въ самомъ себѣ идеалъ, къ которому онъ стремится. Идеальный строй можетъ образоваться и держаться только идеальными гражданами, т. е. людьми, которые будутъ непрерывно работать надъ

---

[1]) *Прим. Ред.*: для болѣе подробнаго изученія вопроса отсылаемъ читателя къ брошюрамъ: „Что такое Теософія“, Alba, „Основныя положенія Теософіи Ледбитера, „Задачи Теософіи, Alba.



собою, чтобы расти въ силѣ, любви и мудрости, людьми, для которыхъ задачи *духовной культуры* будутъ стоять на первомъ планѣ. Это будутъ люди новаго сознанія и потому они станутъ воистину и строителями новой жизни.

Изъ этого краткаго очерка ясно, что Теософія поднимаетъ во всѣхъ сферахъ человѣческой мысли и творчества знамя активнаго идеализма: она не только не уводитъ человѣка отъ жизни, но она *служитъ* жизни, углубляетъ ее, даетъ отвѣты на самыя сложныя проблемы и учитъ человѣка, совершенствуясь, строить міръ по новымъ, болѣе совершеннымъ линіямъ [1]).

Всѣ эти мысли были высказаны семь лѣтъ тому назадъ, при самомъ возникновеніи журнала и съ тѣхъ поръ платформа его не измѣнилась: „Вѣстникъ" священно хранитъ до сего дня завѣты Теософіи. Хранитъ онъ и ея методы, среди которыхъ большое значеніе имѣетъ раскрытіе положительныхъ сторонъ каждаго явленія вмѣсто обычной критики его отрицательныхъ сторонъ; отсюда широкая терпимость и отсутствіе обычной полемики. Съ перваго номера журнала было отмѣчено, что В. Т. „будетъ относиться съ полной терпимостью ко всѣмъ оттѣнкамъ мнѣній и будетъ привѣтствовать всѣ родственныя духовныя теченія".

Вѣстникъ охотно отмѣчаетъ всякое цѣнное явленіе, привѣтствуя красоту, гдѣ бы она не появлялась. Въ тѣхъ-же случаяхъ, когда Вѣстникъ встрѣчается съ явленіями отрицательнаго свойства, съ недобросовѣстными нападеніями и съ предвзятой критикой, онъ отвѣчаетъ только, если затронуты основные вопросы и отвѣчаетъ только по существу. Обыкновенно онъ ограничивается тѣмъ, что даетъ статью на затронутую тему, освѣщающую вопросъ всесторонне. Такъ, когда въ прессѣ появились обвиненія Теософіи въ безбожіи, были даны очерки А. Безантъ „О мистицизмѣ и догматизмѣ"; когда явилось обвиненіе въ нетерпимости, былъ данъ Президентскій Адресъ; когда началось обвиненіе въ антихристіанствѣ и отрицаніи обрядовъ, была дана статья А. Безантъ „О таинствахъ"; когда была брошена инсинуація соціальнаго характера, была дана статья А. Безантъ: „Революція или самоотреченіе"? Попутно въ отдѣлѣ „Вопросы и отвѣты" былъ данъ цѣлый рядъ послѣдовательныхъ разъясненій на затронутые критикой вопросы. Такъ бо-

[1]) Въ „Письмѣ друга читателя", этого № рисуются основныя черты этого строительства грядущаго. Прим. Ред.



рется органъ теософическаго движенія съ направленными на него нападеніями.

Программа журнала обнимаетъ нѣсколько отдѣловъ, въ своей совокупности освѣщающихъ три основныя задачи теософическаго движенія:

1. Братство:

2. Сравнительное изученіе религій, философіи и литературы всего міра;

3. Изученіе психическихъ силъ, скрытыхъ въ природѣ и въ человѣкѣ.

Насколько серьезно эти вопросы представлены въ журналѣ, видно изъ того, сколько цѣнныхъ статей по каждому изъ отдѣловъ дается ежегодно.

Такъ, напримѣръ, въ Отдѣлѣ сравнительнаго изученія религій мы имѣемъ за семь лѣтъ нѣсколько крупныхъ вещей:

1. Великіе Посвященные, Э. Шюре.
2. Бхагавадъ-Гита.
3. Гермесъ Трисмегистъ, Менара.
4. Іога Патанджали.
5. Веданта-Сара.
6. Нѣсколько Упанишадъ и Ведическихъ гимновъ.
7. Апокрифическое Евангеліе Петра.
8. Братство религій, А. Безантъ.
9. Комментаріи къ Бхагавадъ Гитѣ, А. Безантъ (еще не кончено).
10. Орфическіе гимны (продолжаются).

Кромѣ того, около 15 отдѣльныхъ очерковъ, къ которымъ нужно прибавить нѣсколько оригинальныхъ статей (напр. О Пиѳагорейцахъ, о древнихъ мистеріяхъ, очеркъ Буддизма и др.). Не надо также забывать, что въ каждой книжкѣ „Вѣстника" даются изреченія изъ Св. Писаній или изъ писаній извѣстныхъ мудрецовъ.

По Отдѣлу Доктрины трудно перечислить всѣ напечатанныя статьи. Назовемъ лишь крупныя сочиненія:

1. Древняя Мудрость, А. Безантъ.
2. Основныя ученія Теософіи, Т. Паскаля.
3. Смерть и за гробомъ, А. Безантъ.
4. Во имя Его, С. Джинараджадаса.
5. Строеніе Космоса, А. Безантъ.
6. Семь началъ человѣка, Д. Странденъ.
7. Тайная Доктрина, Е. Блаватской (продолжается).

Изъ этого Отдѣла можно выдѣлить нѣсколько статей, спеціально касающихся вопросовъ этики и братства:

1. Братство, Т. Паскаль.
2. Основы нравственности, А. Безантъ.
3. Ученіе сердца, А. Безантъ.
4. Путь совершенствованія человѣка, А. Безантъ.
5. Законы высшей жизни, А. Безантъ.
6. О служеніи, Е. Тимофеевской.

Въ Отдѣлѣ Оккультизма мы имѣемъ:

1. Невидимый міръ, Ч. Ледбитера.
2. Ясновидѣніе, Ч. Ледбитера.
3. Какъ познать сверхчувственные міры, д-ра Р. Штейнера.
4. Опасности оккультизма, Гартмана.
5. Сверхфизическія изслѣдованія, А. Безантъ.

Въ другихъ Отдѣлахъ по философіи, наукѣ и искусству были даны, кромѣ мелкихъ статей, слѣдующія работы:

1. Новая Психологія и Теософія, А. Безантъ.
2. Четвертое измѣреніе, П. Успенскаго.
3. Звукъ-созидатель, Э. Дайна.
4. Эфиръ пространства, А. Безантъ.
5. О трупоѣденіи, Ѳ. Потѣхина.

Въ Отдѣлѣ искусства надо выдѣлить:

1. Письма о музыкѣ, А. Унковской и ея „Метода Цвѣтъ—Звукъ—Число".
2. Жизнь и церковное искусство, Е. Кузьмина.
3. Пути сновидѣній, М. Станюковичъ.
4. Письма изъ Лондона о крестьянскомъ трудѣ, Даны.

Изъ педагогическихъ статей были помѣщены:

1. Воспитаніе ребенка, д-ра Р. Штейнера.
2. Задачи воспитанія, Alba.
3. Гармоническое развитіе ребенка, Alba.
4. Рядъ докладовъ, прочитанныхъ на Всероссійскомъ Съѣздѣ Женскаго Образованія.

Въ Отдѣлѣ „Духовныя Исканія" сотрудники Вѣстника стремились разобрать то или иное явленіе въ свѣтѣ Теософіи, а также освѣтить родственныя духовныя теченія.

Подъ рубрикой: „Письма къ читателямъ" мы имѣемъ стройный рядъ очерковъ, освѣщающихъ проблемы жизни теософическимъ міропониманіемъ.

Въ Художественномъ Отдѣлѣ было трудно подобрать подходящій матеріалъ, такъ какъ „Вѣстникъ" всегда искалъ вещи

не только художественныя и глубокія, но и безусловно чистыя по настроенію. Тѣмъ не менѣе удалось дать:

1. Исторію года, М. Колинсъ.
2. Психологическіе разсказы, Майкель Вуда.
3. Гитанджали, Рабиндранатъ Тагора.

И много отдѣльныхъ разсказовъ, легендъ и стихотвореній.

Изъ біографій, отдѣльные очерки были посвящены:

1. Дж. Бруно (два).
2. А. Безантъ (характеристика Д. Арундель).
3. Памяти Т. Паскаля.
4. Памяти кн. Дондуковой-Корсаковой.
5. „ „ А. И. Чупрову.
6. „ „ П. Ф. Лесгафта (два).
7. А. П. Философовой (3, изъ которыхъ одна біографія составила цѣлую книгу: Памяти Анны Павловны Философовой. Е. Писаревой).

Отдѣлъ Библіографическій постепенно расширяется.

Отдѣлъ „Вопросы и отвѣты“ даетъ сжатыя поясненія по поводу различныхъ отдѣловъ теософическихъ ученій.

Отдѣлъ хроники обозрѣваетъ событія текущей жизни, интересныя явленія въ литературѣ и теософическое движеніе у насъ и за границей.

Въ текущемъ году „Вѣстникъ“ дастъ рядъ передовыхъ статей подъ заглавіемъ: „На сторожевомъ посту“; онѣ имѣютъ цѣлью освѣщать важнѣйшія событія дня въ свѣтѣ Теософіи.

Желая сдѣлать нашъ журналъ доступнымъ для болѣе широкаго круга читателей, мы рѣшили значительно расширить его художественно-литературный отдѣлъ и, въ отвѣтъ на растущій интересъ къ явленіямъ расширеннаго сознанія ввести новый отдѣлъ, который будетъ заключать въ себѣ статьи и разсказы по оккультизму и по вопросамъ потусторонней эволюціи человѣка.

Съ самаго своего возникновенія „Вѣстникъ Теософіи“ совершенно отказался отъ платныхъ объявленій, не желая вносить вибраціи утилитарнаго характера въ страницы журнала и этого воззрѣнія мы придерживаемся и до сихъ поръ. Какъ бы не были трудны иногда матеріальныя обстоятельства, Редакція „Вѣстника“ всегда держалась того убѣжденія, что нельзя поднимать бѣлое знамя Теософіи и руководствоваться соображеніями земного свойства. Мы твердо вѣримъ, что русское общество со временемъ оцѣнитъ безкорыстную работу, создавшую „Вѣстникъ“, и журналъ получитъ широкое распространеніе. Пока же

мы счастливы и тѣмъ, что начавъ безъ всякихъ денежныхъ средствъ столь отвѣтственное дѣло, намъ удалось благодаря совершенно безкорыстному труду всѣхъ сотрудниковъ создать достаточный кругъ постоянныхъ читателей.

Журналъ возникъ въ отвѣтъ на запросы жизни. Никогда эти запросы не говорили такимъ властнымъ языкомъ какъ теперь, когда на далекихъ поляхъ Курукшетры наши воины сражаются за болѣе благородную культуру будущаго, за братство человѣчества и за миръ всего міра. И въ то время, какъ они тамъ сражаются, жертвуя своей молодой жизнью, мы, прозрѣвающіе при свѣтѣ Теософіи въ свѣтлое будущее, должны бодро стоять на иномъ полѣ Куру, на полѣ нашей собственной Дхармы, и всѣми силами своего существа охранять священное пламя Духа, того маяка, который свѣтитъ тѣмъ ярче и сильнѣе, чѣмъ бушующія кругомъ волны тревожнѣе и мрачнѣе. Огонь этотъ зажженъ отъ Солнца Теософіи. Онъ горитъ во всѣхъ истинныхъ русскихъ сердцахъ и озаряетъ собою всѣ свѣтлыя духовныя исканія. Да будетъ же онъ горѣть яркимъ пламенемъ всегда на Руси, не только чтобы вывести насъ изъ скорбной дѣйствительности къ свѣтлому будущему, но и для того, чтобы мы были достойными той великой миссіи, которая въ міровой драмѣ предначертана намъ. Да будетъ „Вѣстникъ Теософіи" достойнымъ носителемъ этой задачи и да поможетъ онъ русскому народу понять и исполнить ее!

А. Каменская.

Отъ Редакціи.

Мы обращаемся къ подписчикамъ и постояннымъ читателямъ Вѣстника Теософіи и очень просимъ ихъ отвѣтить на предлагаемые вопросы, подписываясь подписчикомъ или постояннымъ читателемъ.

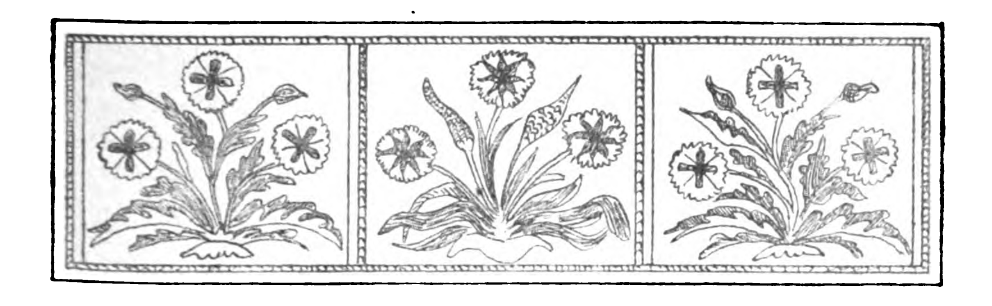
АНКЕТА.

1. Удовлетворяетъ ли васъ „Вѣстникъ Теософіи"?
2. Какіе отдѣлы васъ удовлетворяютъ и какіе не удовлетворяютъ?
3. Какія по вашему мнѣнію желательны были бы улучшенія?
4. Какъ вы понимаете задачи Вѣстника Теософіи?









Братство.

Откроемъ-ли радушныя объятья
Для страждущихъ, для меньшей
братьи всей?
Хоть вспомнимъ-ли, что это слово—
братья
Всѣхъ словъ земныхъ дороже и святѣй?

Хомяковъ.

Братство въ наше время многими еще считается утопіей. Развѣ возможно, чтобы всѣ люди жили какъ братья между собой? Говорится и повторяется на всѣ лады, что это невозможно, что это все пустыя мечтанія. И сейчасъ, когда народы возстали другъ на друга и проливается кровь человѣческая, развѣ можно говорить о братствѣ, развѣ не дѣлятся сейчасъ всѣ люди на враговъ и друзей?

А между тѣмъ теперь быть можетъ сильнѣе, чѣмъ когда-либо встаетъ передъ человѣкомъ его долгъ по отношенію къ ближнему, теперь-то и приходится ему яснѣе, чѣмъ когда-либо поставить себѣ вопросъ: „Вижу-ли я брата и во врагѣ? Готовъ-ли я, борясь съ нимъ и отстаивая все то, за что я борюсь, сознавать въ то-же время, что и врагъ этотъ—мой братъ, мой ближній, что по отношенію къ этому врагу у меня есть такой-же долгъ, какъ по отношенію ко всякому человѣку, съ которымъ сталкиваетъ меня жизнь?"

И когда мы читаемъ о звѣрствахъ, которыя чинятся надъ мирными жителями, ранеными и плѣнными, возмущаемся и него-

дуемъ,—развѣ мы тѣмъ самымъ не становимся лицомъ къ лицу съ вопросомъ о братствѣ, и не рѣшаемъ-ли его въ положительномъ смыслѣ?

Если ко врагу мы должны относиться по-человѣчески, должны уважать его, охранять, когда онъ въ нашихъ рукахъ,—развѣ это не значитъ, что мы видимъ въ немъ прежде всего брата, а потомъ уже начинаемъ вспоминать о всякихъ различіяхъ національности, вѣры, культуры?

Да, въ это грозное время, изъ-за мрачныхъ тучъ котораго виднѣются проблески грядущаго свѣтлаго будущаго, развѣ не рисуется намъ прежде всего это будущее, какъ миръ, единеніе, сліяніе всѣхъ въ одномъ чувствѣ покоя и довѣрія другъ къ другу?

Мы всѣ братья, всѣ безъ исключенія члены одной громадной семьи человѣчества,—и этого мы не должны забывать никогда. И боремся мы теперь съ тѣми, кто забылъ этотъ законъ любви къ ближнему, кто не хочетъ видѣть или не видитъ въ человѣкѣ своего брата.

Человѣку развитому, достигшему самосознанія, поднявшемуся до этого плана надъ другими существами, которыя еще не достигли его, свойственна жалость къ слабѣйшимъ, къ младшимъ. Тѣмъ-то и отличается человѣкъ отъ другихъ существъ, что онъ достигъ сознанія и пониманія того мѣста, которое онъ занимаетъ въ мірѣ и въ эволюціи этого міра. Животное еще не видитъ, почему оно должно щадить болѣе слабаго, бережно охранять его, дать ему возможность идти по пути своего развитія; оно не сознаетъ единства творенія;—человѣкъ можетъ и долженъ его видѣть. Онъ видитъ, какой длинный путь ему пришлось пройти, чтобы достигнуть той точки, на которой онъ стоитъ сейчасъ, и въ тоже время видитъ онъ и тотъ путь, который еще лежитъ передъ нимъ. Онъ видитъ, какъ постепенно движутся по этому пути, повинуясь неизмѣнному закону эволюціи, всѣ существа въ мірѣ, какъ постепенно поднимаются они выше и выше, и обнимаетъ человѣкъ своимъ сознаніемъ всю міровую эволюцію и научается видѣть во всѣхъ существахъ только стадіи единаго творенія Бога.

Когда человѣкъ пойметъ это, проникнется этимъ, онъ неминуемо сольется со всѣмъ твореніемъ, почувствуетъ, что онъ только малѣйшая частица этой единой міровой жизни, что всякая другая частица имѣетъ тѣ же права на жизнь, движется тѣми же міровыми законами, идетъ по одному съ нимъ пути.

Если хоть на мгновеніе блеснетъ въ умѣ человѣка это сознаніе, если оно проникнетъ въ душу его, онъ уже не можетъ не видѣть въ другомъ существѣ равноправное себѣ существо, въ которомъ заключена та-же искра Божія, которая вспыхнетъ со временемъ тѣмъ-же яркимъ пламенемъ, при свѣтѣ котораго онъ увидалъ свое мѣсто среди безконечнаго ряда существъ. А если всякое существо дойдетъ туда, гдѣ онъ стоитъ сейчасъ, какъ-бы долго ни пришлось ему идти,—значитъ оно станетъ ему подобнымъ, имѣетъ право на то же уваженіе, какого онъ требуетъ къ себѣ.

И снова при свѣтѣ того-же пламени явятся передъ нимъ уже не существа и люди, отличные отъ него, на которыхъ онъ можетъ смотрѣть свысока, презирая ихъ именно за то, чѣмъ они отличаются отъ него, а увидитъ онъ въ нихъ только существъ и людей, идущихъ за нимъ, болѣе слабыхъ, младшихъ, которымъ онъ долженъ указывать дорогу, какъ ему указываютъ ее люди и существа, идущіе впереди него, поднявшіеся выше его.

И все твореніе, вся міровая семья существъ представится тогда человѣку въ видѣ младшихъ и старшихъ братьевъ, связанныхъ узами кровнаго родства. Всѣ—братья, всѣ—близкіе. Человѣкъ созналъ это,—и вся жизнь его окрасилась этимъ сознаніемъ, всталъ передъ нимъ во всей полнотѣ его долгъ передъ этими младшими и старшими братьями.

Младшіе еще не доросли до этого пониманія,—ничего, и они поймутъ это, когда будетъ нужно, и станутъ на его мѣсто, когда онъ будетъ уже далеко впереди.

Младшіе борятся между собою, оспаривая мѣсто другъ у друга, считаютъ себя отдѣльными центрами, которымъ другіе центры должны покоряться, какъ болѣе сильнымъ, уважать ихъ превосходство надъ собою. Старшіе видятъ въ этомъ дѣтскую ошибку, дѣтскую точку зрѣнія. Дѣтскій ростъ еще такъ малъ, и горизонтъ на этой высотѣ еще такъ узокъ! Старшій поднялся выше и окинулъ взглядомъ болѣе широкій горизонтъ—вотъ и все. Отъ этого не уменьшится его симпатія, его жалость къ этимъ „маленькимъ“, которые не видятъ ничего дальше себя и трогательно смѣшно считаютъ этотъ узенькій горизонтъ свой цѣлымъ міромъ. И ему захочется только, чтобы они скорѣй поняли все то, что онъ понимаетъ, увидѣли бы все, что онъ можетъ окинуть взглядомъ со своей высоты, и что въ свою очередь такъ мало и ничтожно въ сравненіи съ тѣмъ, что ему суждено еще понять и увидѣть...

Тѣ, которые считаютъ братство утопіей, обыкновенно въ защиту своего взгляда приводятъ еще и тотъ доводъ, что люди не могутъ быть равны. „А если нѣтъ равенства между ними,— не можетъ быть и братства", —говорятъ они, смѣшивая въ одно эти два понятія.

Въ этомъ необходимо хорошенько разобраться, чтобы еще крѣпче утвердиться въ понятіи о братствѣ, какъ о чемъ-то достижимомъ и не только возможномъ, но и необходимомъ для правильнаго и осмысленнаго отношенія къ жизни.

Люди не равны, какъ не равны и всѣ существа въ мірѣ. Равенства не можетъ быть тамъ, гдѣ все находится на разныхъ ступеняхъ развитія, гдѣ всѣ стоятъ на разныхъ точкахъ одного безконечнаго пути къ совершенству. Одинъ еще мало развитъ, другой развитъ нѣсколько больше, третій далеко опередилъ ихъ обоихъ и давно прошелъ уже всѣ этапы ихъ существованій.

Гдѣ-же тутъ равенство? Его дѣйствительно нѣтъ, и быть не можетъ. Мы всѣ равны только въ томъ, что всѣ безъ исключенія подлежимъ единому, неизмѣнному закону любви, который ведетъ насъ къ безконечному совершенству. Вотъ единственно въ чемъ заключается равенство людей, то, что роднитъ человѣка со всѣми существами въ мірѣ, со всѣми безчисленными спутниками его безконечнаго пути вверхъ.

И при видѣ этого неравенства существъ еще яснѣе сознаетъ человѣкъ, что какъ въ его семьѣ есть только младшіе и старшіе, такъ и во всемъ мірѣ передъ нимъ только младшіе и старшіе члены единой, міровой семьи. И чѣмъ сильнѣе чувствуетъ человѣкъ, что онъ долженъ оберегать, охранять, развивать младшихъ членовъ своей семьи, и всячески способствовать ихъ росту, тѣмъ сильнѣе будетъ онъ испытывать и свое чувство отвѣтственности передъ младшими членами безчисленной міровой семьи.

И не останется тогда мѣста въ душѣ человѣка чувству презрѣнія къ стоящимъ позади, чувству зависти къ тѣмъ, кто впереди. Всѣ пройдутъ или прошли уже нашъ путь. Будемъ же покойно и бодро идти дальше, протягивая руку всѣмъ, кто идетъ вмѣстѣ съ нами, на какой бы низкой ступени развитія онъ ни стоялъ.

И если мы дадимъ возможность другому существу легче пройти хоть нѣсколько шаговъ по этой дорогѣ, заставимъ его подвинуться нѣсколько, — мы этимъ самымъ двинемъ впередъ и себя и, въ лицѣ его, и все человѣчество. Въ этомъ со-

знаніи наша награда и весь смыслъ нашего земного существованія.

Если хоть въ одномъ существѣ мы не видимъ брата, мы этимъ самымъ выдѣляемъ себя изъ всего ряда существъ, вносимъ раздѣльность, дробленіе въ единое, уклоняемся сами отъ пути единой нераздѣльной жизни и эволюціи. Мы задерживаемъ и всю эту эволюцію, отходя хоть немного въ сторону отъ начертаннаго пути, и вносимъ диссонансъ въ общую гармонію міра.

Только одно чувство братства, единенія, сліянія со всѣми, даетъ намъ возможность не нарушать этой міровой гармоніи, способствовать ей всѣмъ, что въ нашихъ силахъ, тѣхъ силахъ, которыя даны намъ въ удѣлъ въ нашемъ земномъ существованіи.

Но и сознавшій все это человѣкъ не сразу становится совершеннымъ, какъ бы ни проникся онъ этимъ закономъ единства всего сущаго. Много разъ будетъ онъ отступать отъ пути, нарушать это братство, грѣшить противъ своего ближняго. Но пусть только человѣкъ сознаетъ этотъ грѣхъ свой всякій разъ, когда онъ будетъ отдѣлять себя отъ другихъ, поступать не такъ, какъ долженъ поступать братъ со своими братьями.

Важно, чтобы понималъ человѣкъ, какова его отвѣтственность передъ всѣмъ человѣчествомъ, и какъ всякое, самое ничтожное на взглядъ, отступленіе отъ закона любви задерживаетъ его эволюцію, а тѣмъ самымъ и эволюцію всего міра.

Если мы поймемъ это и безустанно будемъ напоминать объ этомъ и себѣ и всѣмъ людямъ и словами, и поступками своими, тогда братство перестанетъ казаться утопіей; оно превратится въ живое слово и осуществится въ мірѣ, поднявъ человѣка на ту высоту, на которой онъ можетъ и долженъ стоять, чтобы имѣть право поистинѣ называться *человѣкомъ*.

С. Татаринова.



Вѣра есть слухъ души.

Изреченіе Климента Александрійскаго.





Комментаріи къ Бхагавадъ-Гитѣ.

Методы Іоги.

Bhakti.

III.

Мы разсматривали въ прошлой бесѣдѣ природу Іоги, а также средства для достиженія ея. Какъ достигнуть іоги? Изучая ея суть, мы убѣдились, что суть эта состоитъ въ осуществленіи единства. Истинный Іогъ стоитъ на незыблемой скалѣ и изъ сознанія единства исходятъ всѣ его дѣйствія.

А такъ какъ этотъ устойчивый центръ, это равновѣсіе достигается съ величайшимъ трудомъ, не удивительно, что первою мыслью Арджуны было сознаніе великой трудности такого равновѣсія. Ему казалось невозможнымъ оставаться спокойнымъ среди вихря жизни и отсюда его вопросъ, который задается повидимому всѣми ищущими; и каждый изъ нихъ испытываетъ одно и тоже горькое чувство, что именно передъ нимъ становится эта трудность, что только *его* путь такъ тяжелъ, что онъ тяжелѣе всѣхъ другихъ путей. „Для этой Іоги, которая по твоимъ словамъ достигается душевнымъ равновѣсіемъ, о Мадхусудана, я не вижу прочнаго основанія въ виду тревожности ума; ибо умъ воистину безпокоенъ, о Кришна; онъ бурный, упорный и трудно сдерживаемый. Мнѣ думается, его такъ же трудно обуздать, какъ трудно сдержать вѣтеръ". (VI, 33, 34). Отвѣтъ слѣдуетъ немедленно: „Безъ сомнѣнія, о мощно-вооруженный, умъ безпокоенъ и его трудно обуздать; но его можно покорить *посто-*

яннымъ упражненіемъ и *безстрастіемъ*. Іога трудно достигается, думается Мнѣ, человѣкомъ, который не овладѣлъ своимъ „я"; но кто покорился Высшему „Я", тотъ безъ труда достигаетъ ее вѣрно направленной энергіей" (II, 35, 36). Это постоянно повторяемый отвѣтъ Учителя Іоги на постоянно повторяющіяся сомнѣнія ученика. Каждый изъ насъ знаетъ, до чего трудно подчинить умъ, какъ трудно его сдержать; чѣмъ больше мы стараемся обуздать его, тѣмъ болѣе неудержимымъ кажется онъ въ своихъ вѣчныхъ перемѣнахъ; и все же Господь Іоги объявляетъ, что возможно достигнуть внутренняго равновѣсія и Онъ даетъ два указанія: *постоянное упражненіе* и *безстрастіе*. Вы помните, что онъ даетъ такой совѣтъ: „Сколько бы разъ тревожный и непостоянный умъ не разсѣивался, обуздывай его каждый разъ и подчиняй его своему я" (VI, 26). Въ этомъ и состоитъ постоянное упражненіе и безъ этого невозможно равновѣсіе; и это естественно, ибо въ теченіе многихъ тысячелѣтій умъ привыкъ разбѣгаться по всѣмъ направленіямъ. И эта безпокойная дѣятельность ума будетъ служить признакомъ его развитія до тѣхъ поръ, пока онъ не поднимется на высшую ступень. На низшихъ ступеняхъ эволюціи, умъ остается равнодушнымъ и дремлющимъ внутри человѣка, пока его не пробудитъ то или другое сильное физическое желаніе; и только позднѣе, вмѣстѣ съ прогрессомъ человѣка, умъ становится тревожнымъ и дѣятельнымъ. На высшей ступени является новая задача—привести всю эту тревожную дѣятельность къ спокойствію, къ равновѣсію, что достигается только постояннымъ упражненіемъ, великимъ терпѣніемъ и неутомимой настойчивостью.

Пусть стремящійся къ Іогѣ подражаетъ великому терпѣнію, которое составляетъ свойство ученаго на западѣ; пусть онъ подражаетъ той несравненной настойчивости, съ которой ученый цѣлыми годами производитъ одинъ и тотъ же опытъ, пока не разсѣятся всѣ его сомнѣнія и результатъ не выяснится для него вполнѣ. Совершенно такое же терпѣніе требуется отъ Іога, потому что Іога—такая же наука и подчиняется такимъ же законамъ. Но именно потому, что она подчиняется законамъ, она вполнѣ надежна. А такъ какъ законъ въ данномъ случаѣ состоитъ въ томъ, что постоянное упражненіе создаетъ привычку, а привычка строитъ характеръ, то можно быть вполнѣ увѣреннымъ, что послѣдствіемъ постоянныхъ усилій будетъ спокойный и уравновѣшенный характеръ. Что касается средствъ для достиженія этой цѣли, то они для каждаго

человѣка не одинаковы; и поэтому Шри-Кришна говоритъ о различныхъ методахъ, хотя онъ и не раздѣляетъ ихъ опредѣленно и быстро переходитъ отъ одного метода къ другому. Въ одномъ стихѣ говорится объ одномъ методѣ, въ слѣдующемъ— о другомъ, и требуется очень внимательное изученіе, чтобы каждый изъ нихъ поставить на свое собственное мѣсто. Три главныя средства или пути къ Іогѣ, опредѣлены такъ: *„Іога Отреченія“*—отреченія отъ желанія: „Уравновѣшенный Іогой отреченія, ты самъ придешь ко Мнѣ“ (IX, 28).

Іога Распознаванія приводитъ къ единству посредствомъ знанія: „Этимъ я дарую Іогу Распознаванія, посредствомъ которой они достигаютъ Меня“ (X, 10). Затѣмъ *Іога жертвы*, которая приводитъ къ единенію посредствомъ дѣйствія: „Единеніе Іогой черезъ дѣйствіе“ (III, 3).

Это — тѣ три пути, которые, какъ мы увидимъ ниже, въ совершенствѣ приспособлены къ своимъ особымъ цѣлямъ; когда же цѣль достигнута, шедшій по одному изъ нихъ убѣждается, что онъ овладѣлъ всѣми тремя путями, и что по какому бы онъ ни пошелъ, онъ достигнетъ той же самой цѣли. Только дѣти, какъ сказано по отношенію путей Санкхіа и Іога, только „дѣти,—а не мудрецы, говорятъ о Санкхіи и о Іогѣ какъ о чемъ-то разномъ; тотъ, кто постояненъ хотя бы въ одномъ изъ нихъ, достигаетъ плодовъ обѣихъ“ (V, 4).

Мудрый признаетъ всѣ три пути за одинъ, хотя они называются различно по причинѣ, которую мы сейчасъ увидимъ. Начнемъ съ того, что представимъ себѣ кругъ эволюціи изъ нисходящей и восходящей дуги, изъ *Pravritti Marga* и *Nivritti Marga*, *Путь Выступленія* и *Путь Возврата*. Е. П. Б. придавала большое значеніе этому „спусканію Духа въ матерію“ и послѣдующему ея восхожденію. По обоимъ этимъ путямъ неизбѣжно проходитъ вся человѣческая эволюція; каждое человѣческое существо подвигается по одному изъ этихъ путей и о нихъ сказалъ Шри Кришна: „Свѣтъ и Мракъ — таковы два вѣчныхъ пути міра; по одному идетъ тотъ, кто не возвращается, по другому тотъ, кто возвращается вновь“ (VIII, 26).

Это не буквально относится къ путямъ Выступленія и Возврата, такъ какъ человѣкъ можетъ быть на Пути Возврата въ теченіе многихъ воплощеній, прежде чѣмъ онъ вступитъ на послѣднюю ступень, о которой говоритъ Шри Кришна, и уже не вернется болѣе назадъ; но идя по этому пути, онъ болѣе не удаляется, а возвращается домой, хотя бы домъ этотъ находился

еще далеко впереди. На пути Выступленія человѣкъ рождается снова и снова, толкаемый къ рожденію желаніемъ; онъ рождается въ условіяхъ, подходящихъ для удовлетворенія его желанія, и каждое новое рожденіе куетъ новыя звенья въ удлинняющейся цѣпи, которая связываетъ его.

На Пути Возврата человѣкъ рождается для того, чтобы заплатить долги, совершенные въ прошломъ, и каждое рожденіе уничтожаетъ нѣсколько звеньевъ въ укорачивающейся цѣпи, которая связываетъ его.

На Пути Выступленія — сознаніе во власти матеріи, оно стремится захватить какъ можно больше матеріи и удерживаетъ ее для своей пользы. Но по мѣрѣ того, какъ сознаніе начинаетъ все яснѣе распознавать окружающую среду, оно становится все разборчивѣе, все разумнѣе дѣлаетъ свой подборъ; путемъ опыта въ области матеріи оно дифференцируетъ свои собственныя способности и функціи этихъ послѣднихъ спеціализируются все болѣе и болѣе. Функціи эти строятъ постепенно органы для болѣе полнаго выраженія пріобрѣтенныхъ способностей. Путемъ упражненія этихъ органовъ, функціи становятся все отчетливѣе, туманное дѣлается опредѣленнымъ, массивное—обостреннымъ; неопредѣленное „ощущеніе" внѣшняго міра на первыхъ ступеняхъ эволюціи становится позднѣе зрѣніемъ, слухомъ, осязаніемъ, вкусомъ и обоняніемъ; ощущенія даютъ матеріалы для познаванія и сознаніе развивается. Все это необходимо, чтобы обезпечить сознанію господство надъ матеріей и ради этого человѣкъ идетъ по пути Выступленія. Подъ конецъ насыщеніе замѣняетъ чувство голода и медленно, возвращаясь отъ времени до времени на покинутый Путь Выступленія, сознаніе начинаетъ поворачивать внутрь, и уменьшающійся интересъ къ „не-я" позволяетъ выростать увеличивающемуся интересу къ своему я.

Человѣкъ вступаетъ окончательно на Путь Возврата и всѣ поученія Гиты обращены къ сознанію, уже вступившему на этотъ Путь. Они не только безполезны, но даже вредны для того, кто все еще на Пути Выступленія.

Обѣ половины полнаго круга эволюціи даютъ намъ первое раздѣленіе человѣчества на два большіе класса, на тѣхъ, которые выступаютъ и на тѣхъ, которые возвращаются; на тѣхъ, которые дифференцируются и на тѣхъ, которые объединяются. Первый классъ заключаетъ въ себѣ огромное большинство; второй, на нашей ступени эволюціи, заключаетъ въ себѣ лишь немногихъ.

На томъ и другомъ пути, спускающемся и поднимающемся, можно отмѣтить три подраздѣленія, которыя различаются по основному темпераменту людей. Подъ „темпераментомъ“ я подразумѣваю преобладаніе среди множества разновидностей одного изъ трехъ аспектовъ сознанія, которому соотвѣтствуетъ одно изъ трехъ свойствъ матеріи, одна изъ трехъ гунъ. Аспекты сознанія называются *Jnânam*, *Kriyâ* и *Ichchhâ*, гуны—*Satva*, *Rajas* и *Tamas*, т.-е. Мудрость, Дѣятельность и Воля, Ритмъ, Движеніе и Инерція

Это распредѣленіе переноситъ насъ снова въ область тройственности, которымъ отличается наша вселенная. Мы уже знаемъ, что троичность Логоса отражается въ человѣческомъ сознаніи—*Jivâtmâ* и въ матеріи—*upadhi* [1]).

Если, вмѣсто изученія сознанія, мы начнемъ изучать проводники, мы увидимъ ту же троичность и убѣдимся, что она соотвѣтствуетъ тремъ гунамъ Матеріи (*Prakriti*): ритму (*Satva*), Энергіи (*Rajas*) и Инерціи (*Tamos*).

Всюду мы видимъ ту же троичность; и если одно изъ трехъ свойствъ преобладаетъ, остальныя два тоже присутствуютъ, только они временно скрыты, подавленныя первенствующимъ свойствомъ. Нѣтъ ни единаго атома Матеріи, въ которомъ не заключались бы одинаково всѣ три гуны, нераздѣльныя и нераздѣлимыя. И только когда возникаютъ соединенія, молекулы, ткани, органы и тѣла,—благодаря взаимнымъ соотношеніямъ атомовъ или молекулъ, одно свойство можетъ выдѣлиться какъ преобладающее, и тогда такое соединеніе называется по преобладающей гунѣ или *сатвическимъ*, или *раджазическимъ*, или *тамазическимъ*. Но не нужно забывать, что всѣ три гуны всегда на лицо, и если одна изъ нихъ рѣзко выявилась, обѣ остальныхъ могутъ быть вызваны къ жизни соотвѣтствующими стимулами. Но при этомъ никогда не слѣдуетъ терять изъ виду единство, не слѣдуетъ впадать въ заблужденіе благодаря троичности гунъ. Какъ только мы вступаемъ въ область множественности, мы не

[1])

Б △ В Проявленіе Логоса.

Воля

Мудрость △ Дѣятельность — Отраженіе въ человѣческомъ сознаніи.

Энергія Ритмъ

Rajas ▽ Satva — Отраженіе въ матеріи.

Инерція
Tamas

найдемъ ни единой вещи абсолютно чистой; все перемѣшано между собой, всюду частичное проявленіе и отсюда—многообразіе всего проявленнаго. Возьмемъ для выясненія моей мысли аналогію съ магнитомъ. Мы знаемъ, что магнитъ имѣетъ положительный и отрицательный полюсы и что въ центральной части магнитъ проявляетъ очень мало магнетизма, въ этой своей части онъ почти не притягиваетъ и не отталкиваетъ. Значитъ ли это, что весь положительный магнетизмъ находится на одномъ концѣ магнита, а весь отрицательный на другомъ, и въ серединѣ нѣтъ ни того, ни другого? Совсѣмъ нѣтъ. Но въ серединѣ положительный и отрицательный токи по существующей гипотезѣ взаимно уничтожаютъ другъ друга, тогда какъ на концахъ токи проходятъ безъ противодѣйствія. Отсюда представленіе, что положительное электричество вытекаетъ изъ положительнаго полюса, а отрицательное изъ отрицательнаго, тогда какъ на самомъ дѣлѣ токъ тотъ же самый, циркулирующій все время вокругъ молекулъ; такимъ образомъ появляется разнообразіе, которое мы принимаемъ за раздѣленность, но которое на самомъ дѣлѣ не есть раздѣленность, а только временное явленіе, производимое направленіемъ токовъ. Подобнымъ же образомъ и три аспекта сознанія всегда на лицо въ каждомъ индивидуумѣ, причемъ одинъ или другой аспектъ преобладаетъ, какъ уже упомянуто выше.

На Пути Выступленія всѣ три аспекта сознанія находятся въ періодѣ сильнаго роста или скорѣе раскрытія; всѣ они на лицо, но они еще не раскрылись, еще не проявились вполнѣ. Эта частица Единаго Я, *Jvâtmâ*, обладаетъ всѣми возможностями божественности, но онѣ завернуты внутрь, какъ въ сѣмени завернуты всѣ возможности того дерева, которое выростаетъ изъ него.

И мы знаемъ, до чего прекрасны эти аналогіи въ природѣ, и какъ многому могутъ онѣ научить насъ; если мы возьмемъ сѣмя и осторожно разрѣжемъ его, мы увидимъ, что внутри его завернуты три части растенія—корень, который растетъ внизъ, стволъ, который растетъ вверхъ, и листья, которые распространяются во всѣ стороны; все растеніе въ миніатюрѣ передъ нами, изумительный микрокосмъ будущаго макрокосма—дерева. И такъ во всѣхъ остальныхъ случаяхъ зачаточнаго роста; этотъ способъ природы заворачивать внутрь то, что должно быть развернуто въ теченіе эволюціи, повторяется снова и снова въ физическомъ отраженіи того Сѣмени Жизни, которое исходитъ отъ самого Логоса.

Такимъ образомъ, мы имѣемъ въ каждой *Jivâtmâ*, вступаю-



щей на Путь Выступленія, всѣ три функціи или аспекта сознанія, и всѣ три должны быть приведены къ дѣятельному проявленію. Ради этого и существуетъ физическій міръ. Онъ существуетъ только для того, чтобы *Jivâtmâ* могла развернуться внутри его, и каждая подробность міровой жизни предначертана съ величайшей заботой и совершенной Мудростью для того, чтобы божественныя силы *Jivâtmâ* могли быть извлечены изъ ихъ зачаточнаго состоянія и проявлены во всемъ ихъ величіи, какъ результатъ работы вселенной.

Мы видимъ, что міръ переполненъ предметами, и это для того, чтобы предметы, привлекая и отталкивая другъ друга, своими столкновеніями и раздѣленіями совершали эволюцію формы и вызывали раскрытіе jivâtmi'ческихъ силъ. Каждый объектъ, въ свою очередь, является стимуломъ для эволюціи другихъ объектовъ, и самъ онъ получаетъ стимулы отъ другихъ, ради раскрытія Единаго Я во всемъ. Камни и деревья, животныя и люди, девы и асуры, всѣ они дѣйствуютъ другъ на друга, совершается постоянное взаимодѣйствіе, постоянныя взаимныя передѣлки и вліянія одного на другое и отъ этого зависитъ успѣхъ эволюціи.

Для того, чтобы разбудить тотъ аспектъ сознанія, который носитъ названіе Ichchhâ, міръ переполненъ предметами, какъ привлекательными, такъ и отталкивающими. Подательница предметовъ желанія, *Shri Lakshmi*, супруга Вишну, великая представительница *Prakriti* (Матеріи), въ рукахъ которой находится сокровищница всѣхъ предметовъ, которые возбуждаютъ, укрѣпляютъ и развиваютъ *этотъ* аспектъ сознанія. Не слѣдуетъ забывать, что *Lakshmi*—супруга Вишну, а желаніе слуга Мудрости.

Воля (*Ichchhâ*) должна быть вызвана воздѣйствіемъ на нее со всѣхъ сторонъ желанныхъ предметовъ, чтобы отправляясь въ погоню за ними, она могла стать сильной, и ея могучая энергія могла быть пробуждена внутри сознанія. Но точно также аспектъ *Jnânam* долженъ быть вызванъ къ жизнедѣятельности ненасытной жаждой желанія, неутомимымъ стремленіемъ къ привлекательнымъ предметамъ. И на всѣхъ раннихъ ступеняхъ эволюціи, Знаніе (*Jnânam*) является не господиномъ надъ желаніемъ, а слугой его; это не есть *Jnânam* въ его высшемъ смыслѣ, это—его низшее проявленіе.

А затѣмъ долженъ быть пробужденъ и аспектъ *Kriyâ*, дѣятельность, способность дѣйствовать на внѣшній міръ.

Ichchhâ (Воля) есть то измѣненіе внутри сознанія, которое

увлекаетъ человѣка къ предметамъ желанія; *Jnânam* (знаніе) есть то, что отражаетъ внутри сознанія предметы, наполняющіе міръ; а *Kriyâ* (дѣятельность) есть то, что выступаетъ, чтобы овладѣть, схватить, удержать; и всѣ три аспекта необходимы для того чтобы сознаніе проявилось вполнѣ.

Кромѣ того, каждый изъ трехъ обладаетъ въ свою очередь двумя аспектами — низшимъ и высшимъ, принадлежащимъ къ Пути Выступленія и къ Пути Возврата. Въ своей основѣ каждый изъ трехъ аспектовъ остается тѣмъ-же, но проявленія каждаго мѣняются сообразно направленію Пути.

И мы сейчасъ увидимъ, что перемѣна происходитъ въ низшемъ, тогда, когда оно разовьется въ размѣрѣ *всей* своей силы; тогда оно превращается въ высшее, измѣняя лишь свое направленіе и устремляя всѣ собранныя до этихъ поръ силы на движеніе къ Высочайшему. Такъ, въ *Devi Bhâgavata*, Дурга преобразуется каждый разъ, когда она мѣняетъ свое направленіе: отворачиваясь отъ Своего Господа, Она—*Prakriti* (Матерія); поворачиваясь къ Нему, Она становится единой съ Нимъ, Она—*Mahâdeva*.

Остановимся на минуту на Пути Выступленія. Здѣсь желаніе есть добро. Безъ желанія нѣтъ прогресса; безъ желанія—летаргія [1]). Интересно отмѣтить, что *Iehchhâ* (Воля) имѣетъ своимъ соотвѣтствіемъ въ мірѣ матеріи тамасъ, инертное свойство матеріи. Гуны, подобно сознанію, имѣютъ свои высшіе и низшіе аспекты; низшій тамасъ есть неподвижность, высшій есть міръ, устойчивость, равновѣсіе. Инерція Матеріи соотвѣтствуетъ абсолютному покою, Миру Высочайшаго. Существуетъ высшій и низшій полюсъ матеріи. Въ высшемъ — совершенная устойчивость, въ низшемъ—неподвижная инерція. На Пути Выступленія эта инерція должна быть преодолѣна, и она пересиливается тѣмъ, что въ сознаніи возбуждается тяга къ желательнымъ предметамъ и отвращеніе отъ нежелательныхъ; пробуждается *желаніе* и оно преодолѣваетъ лѣнь, страстное стремленіе побѣждаетъ препятствіе, поставленное передъ нимъ инерціей матеріи. И не слѣдуетъ слишкомъ рано отказываться отъ этого низшаго аспекта желанія. Ибо, если отказъ послѣдуетъ преждевременно, остановится эволюція сознанія, тамасъ возьметъ верхъ и на мѣсто дѣятельности водворится летаргія.

Человѣкъ міра сего, мірской человѣкъ въ полномъ смыслѣ

[1]) Сота.



этого слова, долженъ быть полонъ желаній. Также и съ другими аспектами сознанія. На низшей ступени *Jnânam*, что означаетъ Мудрость, принимаетъ форму *Vijnânam*, распознавательной способности, которая раздѣляетъ и раздробляетъ. Знаніе обособленнаго должно предшествовать знанію Единаго, и пока способность распознаванія не отразитъ въ сознаніи множественности, до тѣхъ поръ нѣтъ надежды, что сознаніе проникнетъ въ природу множественности и черезъ множественность придетъ къ Единству. Чѣмъ совершеннѣе будетъ этотъ аспектъ сознанія различать, отдѣлять и классифицировать, тѣмъ полнѣе онъ начнетъ понимать. И это мы видимъ въ наукѣ, которая является выраженіемъ низшаго аспекта Мудрости (*jnanâm*), ея низшаго полюса; наука выражаетъ прежде всего идею различія, затѣмъ идею классификаціи, которая есть первая ступень къ объединенію. Пока вы не узнаете различія, вы не узнаете единства.

Единство не производитъ впечатлѣнія на сознаніе, пока различіе не научитъ распознавать его. Пока вы окружены неподвижнымъ воздухомъ, вы не сознаете его; и только когда начинается движеніе вѣтра, вы узнаете, что окружены со всѣхъ сторонъ атмосферой. Одинъ цвѣтъ совсѣмъ не былъ бы цвѣтомъ, ибо вы не видѣли бы ничего иного, и идея цвѣта не могла бы возникнуть. Только когда возникаютъ его различія, начинаетъ развиваться и чувство цвѣта. Чувство счастья не могло бы возникнуть, если бы не было другого его аспекта, страданія, ибо только путемъ перехода отъ наслажденія къ страданію, отъ радости къ печали возникаетъ знаніе того и другого, а затѣмъ и возможность подняться надъ обоими. Вотъ почему этотъ низшій полюсъ jnânam долженъ быть выработанъ на Пути Выступленія, и чѣмъ совершеннѣе будетъ его развитіе, тѣмъ болѣе будетъ готово сознаніе къ великой перемѣнѣ направленія, которая послѣдуетъ затѣмъ.

Третій аспектъ сознанія, *Kriyâ*, дѣятельность, долженъ быть также выработанъ; подталкиваемый со всѣхъ сторонъ, придающій желанію тревожный характеръ, дѣлающій умъ безпокойнымъ, а тѣло—подвижнымъ, онъ бросается во всѣ стороны въ постоянной тревогѣ и постоянномъ волненіи. И вся эта суета, все напряженіе и озабоченность, означаютъ ростъ сознанія. Настанетъ время когда и онъ придетъ въ порядокъ; это будетъ тогда, когда наберется достаточно матерьяла; пока же не накопится энергія, нечего заботиться о ея контролѣ, такъ какъ и контролировать то нечего. Чѣмъ энергичнѣе проявленіе

аспектовъ и свойствъ у человѣка, тѣмъ болѣе онъ подаетъ надежды.

Вопросъ этотъ ставится обыкновенно совершенно иначе, и мы скоро подойдемъ къ иной его постановкѣ. А пока я утверждаю, что наиболѣе обѣщаетъ въ будущемъ не умѣренный человѣкъ, а какъ разъ тотъ человѣкъ, который заряженъ всевозможными желаніями, стремительно подхватывающими его и несущими впередъ; человѣкъ съ умомъ активнымъ, быстрымъ и безпокойнымъ, изслѣдующимъ, наблюдающимъ, раздробляющимъ, дѣлающимъ индукціи и дедукціи; человѣкъ, тѣло котораго такъ полно дѣятельности, что если ему нужно двигаться, онъ бѣжитъ, а не идетъ,—такой человѣкъ обѣщаетъ многое въ будущемъ.

Я не говорю, что такой человѣкъ привлекателенъ для тѣхъ, кто видитъ лишь внѣшнюю сторону; но въ немъ заключены возможности, въ немъ нѣчто раскрывается, есть матерьялъ, надъ которымъ можно работать. Если вы хотите строить домъ, вамъ прежде всего нужны кирпичи; и хотя повозки съ кирпичами и некрасивы, и непривлекательны, онѣ необходимы для работы архитектора, для созданія изъ кирпичей прекраснаго зданія.

Человѣкъ, способный безпрестанно засыпать, не годится для напряженнаго труда, который требуется на высшихъ ступеняхъ.

Повѣрьте мнѣ, Господь не вызвалъ бы къ жизни всей этой тревожной суеты, если бы она не была важнѣйшимъ путемъ къ цѣли, ибо Любовь и Мудрость управляютъ Вселенной. И именно изъ людей, шедшихъ съ особой энергіей по Пути Выступленія, выходятъ піонеры Пути Возврата, *они* первые поворачиваютъ домой.

То, что полезно на Пути Выступленія, присваиванье, удержаніе за собой, энергичный захватъ, все это необходимо для раскрытія сознанія, для развитія организма, для настроенія проводниковъ, которые необходимы для будущихъ задачъ *Jivâtma*.

Если даже взять самое непріятное явленіе современной цивилизаціи, человѣка, который накапливалъ милліоны за милліонами путемъ обиранія безчисленнаго количества людей, все же нужно признать, что человѣкъ этотъ развилъ силу воли, что онъ достигъ сосредоточенія мысли, что онъ пріучилъ себя къ дѣятельности, не знающей устали, не боящейся никакого труда. И хотя задача такого человѣка была несомнѣнно недостойная, но преслѣдуя ее, онъ развилъ въ себѣ качества, которыя сдѣла-





кутъ изъ него въ тотъ день, когда онъ замѣнитъ свою недостойную задачу благородной цѣлью,—сдѣлаютъ изъ него могучую силу для блага міра.

А теперь посмотримъ, какъ происходитъ эта замѣна. Мы видимъ, что Шри-Кришна говоритъ о людяхъ, которые, поклоняясь, ищутъ награды. Такимъ поклоненіемъ вносится новая наклонность въ человѣческую душу; и хотя нельзя ставить высоко поклоненіе, которое совершается ради награды, но людей слѣдуетъ брать такими, каковы они на самомъ дѣлѣ, а не какими мы воображаемъ ихъ. Три дважды-рожденныя касты, которыя упоминаются такъ часто, символизируютъ опредѣленную сторону человѣческой природы. На той ступени, которую мы разсматриваемъ, представители всѣхъ трехъ кастъ руководимы желаніемъ, желанія-же ихъ опредѣляются тѣмъ аспектомъ сознанія, которое преобладаетъ въ каждой изъ нихъ. Въ кастѣ Ваишіа, въ которой господствуетъ воля (*Iehchha*), дѣятельность вызывается дхармой накопленія предметовъ желанія; въ кастѣ Кшатріевъ, у которыхъ преобладаетъ *Kriyâ* (дѣятельность), стимуломъ является дхарма великолѣпія, господства, власти; у Брамановъ, отличительной чертой которыхъ служитъ *Jnânam*, (Мудрость), стимуломъ является желаніе неба (*Svarga*), его радостей.

Въ каждой изъ трехъ дѣятельность мотивируется желаніемъ. Въ Бхагавадъ-Гитѣ сказано: „Ихъ души полны желанія, высшая цѣль ихъ— рай, воплощеніе есть для нихъ плодъ дѣяній, и они предписываютъ многія различныя церемоніи для достиженія радостей и власти“ (II, 43). Это тѣ церемоніи, которыя происходятъ подъ вліяніемъ желанія достигнуть господства, власти и наслажденій, что ведетъ къ рожденію въ кастѣ Кшатріевъ, гдѣ выгода и наслажденія законны, гдѣ они идутъ объ руку съ исполненіемъ долга. О Браманахъ говорится: „Знающіе пути Веды, пьющіе Сома, очищенные отъ грѣха, поклоняющіеся Мнѣ жертвою, просящіе у меня пути къ небесамъ; по достиженіи святой обители Владыки Свѣтозарныхъ, они вкушаютъ на небѣ отъ Ихъ божественныхъ пировъ“ (IX, 20).

Также и о ярко выраженномъ Ваишіа, желающемъ успѣвать въ дѣйствіи; о немъ сказано: „Тѣ, которые жаждутъ успѣха въ земныхъ дѣлахъ, поклоняются Свѣтозарнымъ; ибо въ короткомъ промежуткѣ человѣческаго міра успѣхъ рождается отъ дѣятельности“ (IV, 12).

Посмотрите, какъ уже въ самой разницѣ поклоненія скры-

вается начало перемѣны. Мотивомъ является желаніе, желаніе личныхъ радостей; но тамъ, гдѣ мотивы подчиняются аспекту разума (*Jnânam*), тамъ объектъ желанія поднимается въ болѣе отдаленную отъ земного міра, болѣе утонченную сферу, къ божественнымъ пирамъ, къ радостямъ Свѣтозарныхъ. Требуются жертвы, желаніе физическихъ объектовъ должно быть обуздано, они должны быть пожертвованы для того, чтобы болѣе тонкія радости могли стать на ихъ мѣсто.

Для достиженія господства и власти, Кшатрія долженъ приносить жертвы и выполнять обряды; этимъ на него налагается извѣстная узда, которая воспитываетъ его, заставляя проявлять нѣкоторую долю самоотреченія въ то время, какъ онъ пользуется властью и господствомъ; и это длится до тѣхъ поръ, пока онъ не насытится ими вполнѣ. Точно также и Ваишія долженъ пожертвовать частью отъ своихъ богатствъ для того, чтобы дѣятельность была успѣшна; и его научаютъ приносить жертвы Дэвамъ, чтобы такимъ образомъ самая жажда успѣха могла служить тонкимъ средствомъ для удаленія отъ него самого желанія, которое является стимуломъ для его дѣятельности. Какъ мудро все это! Не видно поспѣшности, всему дается достаточно времени. Дается всѣмъ желаніямъ расти и расцвѣтать для того, чтобы человѣкъ становился сильнымъ; и тѣ же желанія начинаютъ ограничиваться и обуздываться путемъ жертвоприношеній и религіозныхъ обрядовъ. И все же допускается ихъ устремленіе къ намѣченной цѣли; все же сохраняется ихъ собственный стимулъ: но то—радости неба вмѣсто радостей земли, болѣе широкое господство вмѣсто мелкой власти, большія богатства вмѣсто ничтожныхъ накопленій. Внѣшніе предметы сохраняются какъ стимулы до тѣхъ поръ, пока люди въ нихъ нуждаются; вкусъ къ обладанію ими продолжаетъ поощряться, и въ то же время вкусъ этотъ понемногу ограничивается и приводится подъ контроль путемъ жертвоприношеній. И такъ какъ все это повторяется изъ жизни въ жизнь, „я" человѣка начинаетъ испытывать утомленіе, и тогда все начинаетъ казаться ему преходящимъ, безцвѣтнымъ, пустымъ; возникаютъ тяжелыя разочарованія, возникаетъ печаль, возникаютъ обманутыя ожиданія. Человѣкъ, стремившійся къ власти, получаетъ ее, но находитъ ее тягостной; человѣкъ, жаждавшій знанія, добивается его и въ то же время чувствуетъ свое сердце опустошеннымъ и отчаивающимся; человѣкъ, работавшій для достиженія великаго успѣха, пріобрѣтаетъ его и находитъ, что успѣхъ

этотъ преобразился для него въ тюрьму. Такъ, постепенно раскрываясь изнутри, *Jîvatmâ* постигаетъ, что всѣхъ этихъ предметовъ недостаточно для удовлетворенія его; онъ вкушаетъ до тѣхъ поръ, пока самый вкусъ не опротивитъ ему; онъ наслаждается, пока не пресытится наслажденіемъ; онъ изучаетъ, пока бремя знанія не утомитъ его. Высшее „я" устаетъ отъ безконечно повторяющихся испытаній: человѣкъ подходитъ къ поворотной точкѣ и здѣсь изъ утомленія выростаетъ безстрастіе; это не настоящая *Vairâgya*, которая есть плодъ знанія, но переходящая Vairagya, плодъ пресыщенія, и въ этотъ моментъ, при сліяніи двухъ путей, Пути Выступленія и Пути Возврата, этой поворотной точки долгаго странствія, утомленіе одолѣваетъ странницу-душу, и во время этого утомленія въ сознаніи происходитъ тонкое измѣненіе, и отъ исканій низшаго полюса оно медленно поворачиваетъ и начинаетъ подниматься къ высшему полюсу. „Отъ предметовъ чувствъ, но не отъ вкуса къ нимъ освобождается тотъ, кто не даетъ имъ питанія; но и вкусъ къ нимъ исчезаетъ у того, кто узрѣлъ Брахмана" (II, 59). И тогда всѣ три аспекта сознанія мѣняютъ свои объекты: *Ichchhâ*, Воля или желаніе, низшій полюсъ котораго есть *Kâma* (страсть), становится желаніемъ Высшаго, стремленіемъ къ Богу, и тогда выявляется высшій полюсъ желанія, *Bhakti* (благоговѣйная любовь). *Vijnânam*, низшій полюсъ второго аспекта сознанія, отъ котораго исходитъ раздѣленность всѣхъ внѣшнихъ объектовъ, становится *Jnânam*, Мудростью, познающей Единое. Третій аспектъ сознанія *Kriyâ* (дѣятельность), вмѣсто того, чтобы проявлять свою энергію въ погонѣ за объектами, какъ это было на низшемъ полюсѣ, проявляется на высшемъ—какъ *Yajna*, жертва.

Такимъ образомъ, на Пути Возврата всѣ три аспекта измѣнили свои имена, но не свойства, и мы имѣемъ на этомъ новомъ пути *Bhakti*, *Jnânam* и *Yajna* (Любовь, Мудрость и Жертва),—эти высшія проявленія, высшіе полюсы трехъ аспектовъ сознанія. Къ этой ступени сознанія относятся слова Шри Кришны: „Нѣкоторые созерцаютъ единое „я" въ своемъ „я", соединяясь съ нимъ посредствомъ медитаціи", т. е. путемъ *bhakti*; „другіе—посредствомъ Санкхія Іоги", т. е. путемъ *jnânam*; „а иные посредствомъ Карма-Іоги", т. е. путемъ *yajna* (XIII, 24). На *этой* ступени наступило время осуществлять іогу.

Тѣмъ не менѣе, на Пути Возврата мы все еще различаемъ троичность въ единомъ пути; и въ соотвѣтствіи съ преобладаніемъ одного изъ темпераментовъ будетъ и избранный путь, и

для каждаго изъ трехъ путей будетъ своя соотвѣтствующая юга. Для аспекта *Jehchha* (Воля) — Іога *Самоотреченія*, для *Jnânam*—Іога *Распознаванія*; но теперь способность различать относится уже не къ различнымъ объектамъ, а къ реальному и нереальному, къ преходящему и вѣчному; а для третьяго аспекта, *Kriyâ*, мы имѣемъ *Іогу Жертвы*, когда каждое дѣйствіе совершается какъ жертва, когда связывающее свойство дѣятельности исчезаетъ, какъ мы это видѣли въ предыдущей главѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).



Хорошо оставлять потомству хорошихъ дѣтей; эта истина касается нашихъ тѣлесныхъ дѣтей, но слова суть потомство нашей души, поэтому мы называемъ отцами тѣхъ, которые насъ обучили духовно. Мудрость есть нѣчто доброе и общественное, поэтому Соломонъ говоритъ, что посѣянное слово скрыто въ душѣ ученика, подобно тому какъ сѣмена сокрыты въ землѣ. Мудрое слово есть духовный посѣвъ... ибо душа въ соединеніи съ душою и духъ въ соединеніи съ духомъ при посѣвѣ слова, заставятъ расти и произрастать то, что посѣяно... И хотя знаніе принадлежитъ не всѣмъ (нельзя посадить осла за лиру), все же писанное сочиненіе существуетъ для большинства.

Изреч. Климента Александрійскаго.



Идиллія Бѣлаго Лотоса.

Мабель Коллинзъ.

ВВЕДЕНІЕ.

Предлагаемая нашимъ читателямъ въ русскомъ переводѣ *Идиллія Бѣлаго Лотоса* написана исключительнымъ способомъ. Ея видимый авторъ, Мабель Коллинзъ, записывала содержаніе этой книги такъ же, какъ и „Свѣтъ на Пути“, по внушенію ея истиннаго автора, въ состояніи, которое еще ожидаетъ своего научнаго опредѣленія и ближе всего подходитъ къ трансу.

Книга эта передаетъ переживанія молодого жреца въ древнемъ Египтѣ, и въ ней много символическаго, прикрывающаго болѣе глубокій смыслъ. Ученый индусъ Субба Рао даетъ въ одной изъ своихъ статей [1]) ключъ къ символизму „Идилліи Бѣлаго Лотоса“, который мы и постараемся передать вкратцѣ въ этомъ введеніи.

Интересная книга, привлекшая къ себѣ большое вниманіе,— пишетъ Субба Рао,—поучительна во многихъ отношеніяхъ. Она описываетъ вполнѣ вѣрно египетское жречество періода упадка, когда первоначальная чистота религіи выродилась въ тантрическую [2]) систему, оскверненную черной магіей, которою жрецы пользовались съ корыстными цѣлями. По всей вѣроятности это

---

[1]) „A Collection of Esoteric Writings of T. Subba Row“, published by Tookaram Tatya, pp. 240—252.

[2]) Имѣющая въ основѣ дѣйствіе магіи.



истинная исторія. Сенса изображаетъ собой послѣдняго великаго іерофанта Египта. Подобно тому, какъ дерево оставляетъ сѣмя, изъ котораго возникаетъ новое дерево, хотя бы само оно и погибло, такъ и каждая великая религія оставляетъ, повидимому, суть своей жизни и энергіи въ одномъ или въ нѣсколькихъ адептахъ, назначеніе которыхъ—сохранить ея мудрость и возродить ее на высшей ступени въ будущемъ, когда условія новаго цикла эволюціи будутъ способствовать тому. Великая древняя религія Египта должна возродиться на этой планетѣ въ высшей и болѣе благородной формѣ, когда придетъ благопріятное время, и нѣтъ ничего неразумнаго въ предположеніи, что Сенса, достигшій въ настоящее время ступени очень высокаго Адепта, ожидаетъ пришествія этого времени. Но, кромѣ этихъ соображеній, „Идиллія Бѣлаго Лотоса“ заключаетъ въ себѣ благородный урокъ, въ смыслъ котораго стоитъ углубиться. Она передаетъ аллегорически испытанія и преодолѣнія ученика, вступающаго на оккультный путь. Чтобы помочь читателю приподнять покровъ аллегоріи, я предлагаю слѣдующія объясненія дѣйствующихъ лицъ и событій, которыя встрѣчаются въ разбираемой книгѣ:

1. *Сенса*, герой исторіи, долженъ изображать человѣческую душу, центральное *я* или *эго* воплощеннаго существованія.

2. *Сэбуа*, садовникъ, являетъ собой интуицію. „Они не могутъ сдѣлать изъ меня призракъ“,—объявляетъ Сэбуа; и говоря такъ, этотъ безыскусственный, честный поселянинъ раскрываетъ свое тайное значеніе.

3. *Агмадъ*, *Камэнъ-Бака* и девять другихъ первосвященниковъ храма, всѣ преданные слуги мрачной богини, передъ которой они преклоняются, изображаютъ собой слѣдующія сущности: Агмадъ—*желаніе*; Камэнъ—*ненависть*; первый жрецъ — *алчность*; второй — *невѣжество*; третій — *надменность*; четвертый—*ревность*; пятый, шестой, седьмой, восьмой и девятый—*пять чувствъ и ихъ наслажденія*.

4. Женскіе характеры, появляющіеся въ книгѣ, слѣдующіе
1) Мрачная и таинственная богиня, обоготворяемая жрецами
2) Дѣвочка, которая играетъ съ Сенса.
3) Взрослая дѣвушка, встрѣченная имъ въ городѣ.
4) Владычица Бѣлаго Лотоса.

Нужно прежде всего отмѣтить, что 2-е и 3-е лицо одно и то же; это слѣдуетъ изъ собственныхъ словъ Сенса, который говоритъ, что глядя въ нѣжные глаза встрѣченной имъ въ городѣ женщины, онъ видѣлъ въ нихъ знакомое...

Владычица Бѣлаго Лотоса означаетъ *Vidya*, *Знаніе*, *Мудрость*. Она изображаетъ собой свѣтъ Логоса, который и есть Мудрость, и она же источникъ человѣческаго сознанія.

Молодая дѣвушка означаетъ человѣческій умъ, и она-то и приводитъ Сенса постепенно къ мрачной богинѣ, обоготворяемой упомянутыми одиннадцатью жрецами.

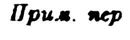
Сама мрачная богиня есть *Avidya*, *Невѣдѣніе*, *иллюзія*, *ведущая къ разъединенію*. Это—темная сторона человѣческой природы, получающая жизнь и энергію отъ страстей и желаній человѣческой души. Лучъ жизни и свѣта, изошедшій отъ Логоса и получившій въ теченіе процесса эволюціи свою опредѣленную индивидуальность, можетъ въ концѣ концовъ преобразиться въ такую мрачную Кали, если свѣтъ Логоса будетъ окончательно погашенъ дурной Кармой [1]) человѣка, если голосъ интуиціи (совѣсти, прим. пер.) оставляется безъ вниманія и если человѣкъ живетъ только для того, чтобы удовлетворять свои страсти и желанія.

Если разсматривать Сенса какъ человѣческое существо, мы имѣемъ душу, прошедшую черезъ много воплощеній, въ теченіи которыхъ она уже овладѣла до извѣстной степени духовнымъ развитіемъ. Родившись снова съ сильно развитыми духовными силами, Сенса готовится вступить на Путь Ученичества въ очень молодые годы. Прежде всего, водворившись въ физическомъ тѣлѣ, онъ отдается на попеченіе пяти Чувствъ и шести Эмоцій, которыя перечислены выше и которыя имѣютъ свое мѣстопребываніе въ его тѣлѣ. Вначалѣ человѣческая душа ставится подъ руководство своей собственной интуиціи, безъискусственнаго и честнаго садовника храма, къ которому Первосвященники не чувствуютъ ни уваженія, ни симпатіи; пока душа еще не потеряла своей чистоты, ей дается прозрѣніе въ духовный міръ, она видитъ Владычицу Бѣлаго Лотоса.

Но жрецы рѣшаютъ разлучить молодого Сенса и его интуицію и поэтому удаляютъ его отъ садовника и вводятъ въ помѣщеніе своей мрачной богини, богини человѣческихъ страстей. Но при первомъ взглядѣ на богиню, человѣческой душой овладѣваетъ отвращеніе. Переходъ отъ духовнаго плана къ плану физическому былъ слишкомъ рѣзокъ. Первая попытка жрецовъ не удалась, и они начали измышлять новый планъ дѣйствія.

---

[1]) Накопленіе дѣятельностей человѣка на всѣхъ планахъ бытія: физическомъ, эмоціональномъ и умственномъ.


Прим. пер



Къ этой эпохѣ жизни Сенса относится появленіе духа подъ видомъ храмового послушника, пытавшагося извлечь его изъ физическаго тѣла. Но Сенса еще не обладалъ свойствами, которыя дѣлаютъ такое выхожденіе изъ тѣла безопаснымъ, и потому его Ангелъ-Хранитель защитилъ его отъ грозившей опасности.

По мѣрѣ того, какъ умственная жизнь мальчика развивалась, онъ отходилъ все далѣе отъ чистаго Свѣта Логоса. Внушенія интуиціи начинаютъ перемѣшиваться съ другими состояніями сознанія, которыя появляются, какъ результатъ ощущеній и воспріятія внѣшнихъ явленій. Когда Сенса разлучаютъ съ садовникомъ, послѣдній тайкомъ посылаетъ ему цвѣты Лотоса черезъ одного изъ послушниковъ храма.

Умственная дѣятельность вызывается впервые ощущеніями; затѣмъ появляются эмоціи. Раскрывающійся молодой умъ удачно представленъ въ видѣ маленькой дѣвочки, играющей съ Сенса. За пробужденіемъ ума всегда слѣдуютъ радости эмоціональной природы, а отъ нихъ—прямой путь къ пожирающимъ страстямъ человѣческой души. Сенса уже спускается съ духовнаго плана, когда онъ перестаетъ видѣть цвѣтокъ Лотоса и его свѣтлую Владычицу [1]) и начинаетъ забавляться выходками шаловливой дѣвочки.

„Ты долженъ жить среди вскормленныхъ землею цвѣтовъ“,—говоритъ ему маленькая дѣвочка, и этими словами раскрываетъ перемѣну, происшедшую въ немъ. Вначалѣ вниманіе Сенса привлекала одна лишь красота природы, но съ пробужденіемъ ума его начинаетъ тянуть къ мрачной богинѣ храмового святилища. Когда его душа поддается вліянію богини, жрецы начинаютъ пользоваться силами этой души для своихъ собственныхъ цѣлей. Богиня требуетъ двѣнадцать жрецовъ, включая Сенса, для служенія въ своемъ храмѣ. Пока всѣ пять чувствъ и шесть эмоцій, перечисленныхъ выше, не сплочены въ одно цѣлое, оно не можетъ утвердить свое господство окончательно. Они поддерживаютъ и усиливаютъ другъ друга, что подтверждается опытомъ каждаго человѣка; въ одиночку они не имѣютъ силы, но соединившись вмѣстѣ, они въ состояніи овладѣть душой и держать ее въ рабствѣ.

---

[1]) Аллегорическое значеніе бассейна съ лотосами въ саду относится къ тому центру въ человѣческомъ мозгу, который въ мистическихъ книгахъ Индіи носитъ названіе „водоемъ Лотоса“, а также лотоса о тысячи лепестковъ. Этотъ центръ начинаетъ оживать и развертывать свои лепестки по мѣрѣ развитія духовности, шестого принципа человѣка, Buddhi, по оккультной терминологіи индусовъ. *Прим. пер.*



Паденіе Сенса совершается; Сэбуа и Владычица Бѣлаго Лотоса предостерегаютъ его. „Ты пришелъ сюда работать",—говоритъ ему Сэбуа,—„ты долженъ былъ помогать мнѣ; но теперь все измѣнилось. Ты хочешь играть, а не работать и я долженъ обращаться съ тобой какъ съ маленькимъ принцомъ. Дитя! Неужели они уже испортили тебя?"

Слѣдуетъ прибавить, что когда Сенса былъ въ послѣдній разъ въ саду, его привели не къ бассейну Лотоса, а къ другому, который получалъ отъ него свои воды. Вслѣдствіе перемѣны, совершившейся въ немъ, Сенса уже не въ состояніи видѣть свѣтъ Логоса какъ прежде, непосредственнымъ воспріятіемъ, свѣтъ этотъ преломляется для него въ астральной сферѣ. И все же Владычица Бѣлаго Лотоса является ему и задаетъ слѣдующій патетическій вопросъ: „Вскорѣ ты покинешь меня; какъ же смогу я помочь тебѣ, если ты забудешь меня совсѣмъ?"

Послѣ этого событія Сенса отдается окончательно радостямъ физической жизни. Его развившійся умъ [1]) овладѣваетъ его вниманіемъ и жрецы храма пользуются этой перемѣной. Наступаетъ критическій моментъ въ исторіи Сенса, когда самое существованіе его сливается съ мрачной богиней человѣческихъ страстей въ день рѣчного празднества.

Такое поглощеніе является первымъ шагомъ къ окончательному погашенію индивидуальности. Его ожидаетъ или спасеніе, или погибель. Владычица Бѣлаго Лотоса, его ангелъ хранитель, дѣлаетъ послѣднее усиліе, чтобы спасти его, и это усиліе удается.

Въ святая святыхъ храма оно разоблачаетъ мрачную богиню и Сенса, понявъ свое безуміе, молитъ освободить его изъ подъ ига ненавистныхъ жрецовъ. Его молитва услышана и въ упованіи на помощь свѣтлой Владычицы, онъ возмущается противъ авторитета жрецовъ и направляетъ вниманіе народа на беззаконія начальствующихъ въ храмѣ.

Вторая часть книги описываетъ послѣднюю борьбу души съ своими прирожденными врагами, ея посвященіе и окончательное освобожденіе изъ подъ власти Матеріи.

Когда Сенса овладѣваетъ силою духовнаго воспріятія и начинаетъ примѣнять его сознательно, онъ уже не нуждается въ вспышкахъ интуиціи. „Ты долженъ теперь стоять одинъ" говоритъ ему садовникъ и отдаетъ въ его владѣніе Бѣлый Лотосъ

[1]) Взрослая женщина, встрѣченная въ городѣ.



значеніе котораго теперь раскрылось для Сенса. Овладѣвъ духовнымъ ясновидѣніемъ, Сенса увидѣлъ іерофантовъ, которые предшествовали ему и нынѣ составляютъ единое Братство, къ которому съ этихъ поръ принадлежитъ и онъ. Посвященіе, предшествующее послѣдней борьбѣ за свободу отъ цѣпей матеріи, описано съ достаточной ясностью. Высочайшій изъ Адептовъ [1]) открываетъ передъ нимъ тайны оккультнаго знанія, а другой Адептъ Братства указываетъ ему на истинную природу его личности. Его непосредственный предшественникъ въ духовной іерархіи разоблачаетъ мистерію его собственнаго Логоса; „покрывало Изиды“ сброшено и онъ видитъ свою спасительницу, Владычицу Бѣлаго Лотоса. Свѣтъ Логоса проникаетъ въ его душу и настаетъ верховный часъ, когда онъ долженъ пройти черезъ „Крещеніе Божественнымъ Огнемъ“. Онъ слышитъ послѣднія указанія своей Владычицы и они выясняютъ ему его миссію въ мірѣ.

Укрѣпленный и просвѣтленный, Сенса готовится къ послѣдней битвѣ. Онъ обращается какъ проповѣдникъ и духовный наставникъ къ народу; но враги его все еще живы и онъ не можетъ выполнить свою миссію, пока окончательно не побѣдитъ ихъ. Моментъ послѣдняго Посвященія приближается. О характерѣ этого верховнаго посвященія въ Жизнь Духа существуетъ самое смутное представленіе. Его изображаютъ въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ какъ страшное испытаніе, черезъ которое посвящаемый долженъ пройти прежде, чѣмъ будетъ признанъ истиннымъ Адептомъ, иногда его называютъ „крещеньемъ кровью“.

Чтобы возможно было хотя самое легкое указаніе на тайну этого посвященія, необходимо предварительное пониманіе сложнаго человѣческаго состава. Веданта признаетъ четыре состоянія: сознанія *объективное*, *ясновидящее*, *экстатическое* и *духовное* [2]). Проводниками этихъ состояній сознанія являются физическое тѣло, астральное тѣло, Монада [3]) и Логосъ. Душа и есть „Монада“, она представляетъ какъ бы нейтральную точку сознанія и, отдѣленная отъ остальныхъ началъ человѣка, она перестаетъ сознавать; ея психическое состояніе сравнивается индусами съ „глубокимъ сномъ безъ сновидѣній“ (*Sushupti*). Но она находится

[1]) Chohan.

[2]) *Viswa, Tyjaha, Pragna, Tureeya.*

[3]) Иля *Karana Sarira.*

подъ вліяніемъ физическаго и астральнаго тѣла съ одной стороны, и подъ вліяніемъ шестого и седьмого начала (Buddhi Atma) съ другой [1]). Когда первое вліяніе преобладаетъ, душа подчиняется всѣмъ страстямъ воплощеннаго существованія. Когда усиливается второе вліяніе, страсти начинаютъ ослабѣвать, но пока нейтральная точка не перейдена, власть ихъ все еще сохраняется. Когда же это совершится, душа подпадаетъ подъ вліяніе противуположнаго полюса, Логоса, и тогда она освобождается отъ власти матеріи. Человѣкъ становится Адептомъ.

Борьба за господство между этими двумя силами протяженія происходитъ на этой нейтральной грани; но во время самой битвы, человѣкъ, въ интересахъ котораго она происходитъ, находится въ безсознательномъ состояніи, хотя отъ исхода борьбы зависитъ смерть или жизнь для него. Въ такомъ состояніи Сенса и находится, когда переживаетъ свое послѣднее испытаніе. Не трудно понять, что результатъ борьбы зависитъ главнымъ образомъ отъ *скрытой* энергіи души, отъ ея прежнихъ усилій и отъ ея предшествующей Кармы. Герой исторіи проходитъ побѣдоносно черезъ верховное испытаніе, враги его побѣждены. Но Сенса, какъ личность, умираетъ.

Это—послѣдняя жертва, которую онъ приноситъ ради высшаго достиженія, и его мать (*Prakriti*)—мать его личности — оплакиваетъ его потерю, но радуется воскресенію его души. Воскресеніе совершается: его душа какъ бы возносится изъ могилы подъ оживотворяющимъ вліяніемъ духовнаго прозрѣнія, изливая свой свѣтъ на человѣчество и дѣйствуя на духовное развитіе своихъ земныхъ братьевъ. На этомъ заканчивается трагедія души. Дальнѣйшее прибавлено, чтобы придать разсказу внѣшнюю законченность.

[1]) [illegible] человѣка см. книгу Брамана Чаттерджи „Сокро[illegible] Индіи“, глава I. 4-ое изд. 1914 г.



ПРОЛОГЪ.

Посвящается истинному автору, вдохновителю этой книги.

Я стоялъ одинъ, единственный между многими, одинокая душа среди сплоченной толпы. И я былъ одинъ, ибо среди всѣхъ моихъ братьевъ, которые знали, я былъ одинъ, который одновременно зналъ и училъ.

Я училъ вѣрующихъ въ преддверіи храма и былъ понуждаемъ къ тому силою, которая пребывала въ святилищѣ. Я долженъ былъ дѣлать это, ибо въ глубокой тьмѣ святѣйшаго изъ святилищъ я видѣлъ Свѣтъ внутренней жизни и я былъ побуждаемъ открыть его міру, и онъ поддерживалъ меня и дѣлалъ сильнымъ. Ибо воистину, хотя я и умеръ, но, чтобы добиться моей смерти, десять жрецовъ изъ храма должны были соединить свои усилія и даже тогда считали они себя могущественными только по невѣдѣнью.

КНИГА I.

Глава I.

Я еще не успѣлъ выйти изъ отроческаго возраста, когда впервые переступилъ порогъ Храма, чтобы начать мое ученичество въ орденѣ жрецовъ.

Мои родители вели пастушескую жизнь за предѣлами города. Только однажды пришлось мнѣ быть въ стѣнахъ города до того дня, когда моя мать привела меня къ вратамъ храма. Былъ праздничный день и моя мать, трудолюбивая и воздержанная, достигала этимъ путешествіемъ двухъ цѣлей. Она проводила меня и въ тоже время пользовалась праздничнымъ отдыхомъ среди уличной толпы и городскихъ развлеченій.

Я былъ потрясенъ толпой и шумомъ городскихъ улицъ. Я думаю, что моя природа принадлежала къ числу тѣхъ, которыя стремяться отдать себя великому Цѣлому, малою частью котораго онѣ чувствуютъ себя—и отдаваясь ему, сосредоточиваютъ всю силу жизни внутри себя.



Но вскорѣ мы покинули шумную толпу и повернули въ предмѣстье города. Мы вступили на широкую зеленую поляну, которая съ противоположной стороны прилегала къ нашей возлюбленной священной рѣкѣ.

Какъ я ясно вижу и сейчасъ эту картину! На берегу рѣки возвышались рѣзныя крыши и сверкали золотыя украшенія храма, а окружающія его строенія выдѣлялись такъ ясно и отчетливо въ прозрачномъ утреннемъ воздухѣ. Я не испытывалъ страха вѣроятно потому, что у меня не было опредѣленныхъ ожиданій. Но мнѣ очень хотѣлось знать, была ли жизнь за этими вратами такъ прекрасна, какъ она казалась.

У воротъ стоялъ послушникъ въ черной одеждѣ; онъ разговаривалъ съ женщиной, пришедшей изъ города съ сосудами, наполненными водой и убѣдительно просившей, чтобы одинъ изъ жрецовъ освятилъ эту воду.

Это дало бы ей много денегъ, ибо такая вода раскупается за дорогую цѣну суевѣрной толпой. Я глядѣлъ черезъ рѣшетку воротъ, пока мы стояли, ожидая своей очереди, и то, что я увидѣлъ, поразило меня страхомъ. Этотъ страхъ продолжался долгое время даже и послѣ того, какъ мое знакомство съ человѣкомъ, такъ поразившимъ меня, превратились въ ежедневныя близкія отношенія.

Это былъ одинъ изъ жрецовъ храма. Онъ былъ въ бѣлой одеждѣ и медленно приближался по широкой аллеѣ къ рѣшеткѣ, у которой я стоялъ. Я никогда не видалъ такихъ жрецовъ, кромѣ одного случая, когда меня впервые привели въ городъ. Тогда я видѣлъ нѣсколько жрецовъ, они плыли въ священной баркѣ посреди рѣки, во время религіозной процессіи.

Но теперь жрецъ былъ совсѣмъ близко отъ меня, онъ приближался ко мнѣ—и я затаилъ дыханіе.

Правда, что въ воздухѣ была полная тишина, но эти величественныя бѣлыя одежды, ниспадавшія до земли, которыя облекали жреца, тихо подвигавшагося въ тѣни аллеи, имѣли такой видъ, словно никакое земное дуновеніе не могло поколебать ихъ. И поступь его имѣла такой же характеръ. Онъ подвигался, но казалось что движеніе его совсѣмъ не похоже на движенія обыкновенныхъ смертныхъ. Его глаза были опущены внизъ и я не могъ видѣть ихъ; помню, что мной овладѣлъ страхъ, какъ бы эти опущенныя вѣки не поднялись и открывшійся взоръ не устремился на меня. Его лицо было очень бѣлое, а волосы тусклаго золотого оттѣнка. Борода его была густая и длинная, но мнѣ

она казалась до странности неподвижной, словно изваянной, также какъ и вся его фигура. Я не могъ себѣ представить, чтобы эта борода могла пошевелиться. Она казалась мнѣ вырѣзанной изъ золота и сдѣланной разъ навсегда. И весь этотъ человѣкъ производилъ на меня такое впечатлѣніе, какъ будто бы онъ совсѣмъ не принадлежалъ къ обыкновенной человѣческой жизни.

Послушникъ обернулся, вѣроятно, — привлеченный моимъ пристальнымъ взглядомъ, ибо отъ шаговъ приближавшагося жреца не доносилось ни единаго звука.

„А!—сказалъ онъ,—вотъ идетъ святой жрецъ Агмадъ, я спрошу его".

Закрывъ за собой рѣшетку, онъ отступилъ внутрь и мы увидѣли, что онъ заговорилъ съ жрецомъ, который слегка наклонилъ голову. Привратникъ вернулся и, взявъ у женщины сосуды съ водой, понесъ ихъ къ жрецу, который слегка прикоснулся рукой къ каждому изъ сосудовъ.

Женщина приняла ихъ, изливаясь въ потокахъ благодарности, и тогда послушникъ обратился къ намъ.

Скоро я остался съ нимъ одинъ. Я не былъ огорченъ, хотя испытывалъ нѣкоторый страхъ. Мнѣ никогда не казалось привлекательнымъ стеречь овецъ моего отца и я уже давно былъ захваченъ мыслью, что меня ожидаетъ особенная судьба, отличная отъ большинства людей. Эта мысль помогла мнѣ пройти черезъ испытанія гораздо болѣе трудныя, чѣмъ даже разлука съ роднымъ домомъ, или вступленіе на совершенно новый, неизвѣданный путь жизни.

Рѣшетка захлопнулась за мной и человѣкъ въ черномъ заперъ ее большимъ ключемъ, который висѣлъ на его поясѣ. Но этотъ звукъ замкнувшейся двери не вызвалъ во мнѣ мысли о заключеніи—только сознаніе отдѣленности отъ другихъ. И въ самомъ дѣлѣ, кто могъ бы соединить мысль о тюрьмѣ съ той картиной, которая раскрылась передо мной?

Напротивъ рѣшетки, по ту сторону прекрасной широкой аллеи, виднѣлись двери храма. Но это не была естественная аллея изъ деревьевъ, растущихъ на волѣ и свободно раскидывающихъ свою зеленую сѣнь. Она состояла изъ низкихъ каменныхъ колоннъ, пустыхъ внутри, въ которыхъ росли кусты огромныхъ размѣровъ, несомнѣнно, подстриженные и направленные самымъ тщательнымъ образомъ такъ, чтобы придать имъ тѣ особыя странныя очертанія, которыми каждый кустъ отличался отъ другого.



Въ промежуткахъ между кустами стояли квадратныя каменныя плиты, на которыхъ возвышались каменныя изваянія. Ближайшія отъ рѣшетки были сфинксы и большія животныя съ человѣческими головами; но далѣе я уже не поспѣлъ разслѣдывать, ибо я снова увидалъ идущаго по направленію къ намъ золотобородаго жреца Агмада.

Подвигаясь рядомъ съ моимъ проводникомъ, я не поднималъ глазъ. Когда онъ остановился, остановился и я, и тогда мой взоръ приковался къ нижнему краю бѣлоснѣжнаго одѣянія жреца.

Этотъ край былъ тонко вышитъ золотыми знаками: они поглотили все мое вниманіе и наполнили меня тихимъ изумленіемъ.

„Новый послушникъ?"—услыхалъ я спокойный и нѣжный голосъ.—„Хорошо, отведи его въ школу, онъ еще слишкомъ молодъ. Посмотри на меня, мальчикъ, не бойся".

Ободренный, я поднялъ глаза и встрѣтился съ взоромъ жреца. Несмотря на мое смущеніе, я тогда же замѣтилъ, что глаза его мѣняли цвѣтъ,—они были то голубые, то сѣрые. И хотя цвѣтъ этотъ былъ очень мягкій, глаза его не ободряли такъ, какъ его голосъ: они были очень спокойны, очень мудры, но они заставили меня дрожать.

Онъ отпустилъ насъ легкимъ движеніемъ руки и продолжалъ свою равномѣрную прогулку по аллеѣ; я же, исполненный страха, послѣдовалъ молча за моимъ молчаливымъ проводникомъ. Мы вступили въ большую центральную дверь храма, боковыя крылья котораго состояли изъ огромныхъ плитъ неотесаннаго камня. Я думаю, что все мое существо было подъ вліяніемъ страха отъ пронизывающаго взгляда свѣтлыхъ глазъ величественнаго жреца, ибо даже эти огромные камни внушали мнѣ неопредѣленное чувство ужаса.

Внутри храма я увидѣлъ широкій проходъ, идущій въ одномъ направленіи съ аллеей отъ центральной двери черезъ все зданіе. Но мы пошли инымъ путемъ: мы повернули въ сторону и вступили въ лабиринтъ болѣе узкихъ корридоровъ, проходя отъ времени до времени черезъ небольшія, совершенно пустыя кельи.

Подъ конецъ мы вошли въ большою прекрасную комнату. Я говорю „прекрасную", хотя она была совершенно пуста и лишена мебели, исключая стола, поставленнаго въ одномъ изъ ея угловъ. Но ея размѣры были такъ величественны и архи-

тектурныя линіи такъ изящны и красивы, что даже мои глаза, не привыкшіе различать красоту зодчества, были пріятно поражены и я испыталъ странное чувство удовлетворенія.

У единственнаго стола сидѣли двое. Это были юноши, рисовавшіе или списовавшіе что-то, чего я не могъ различить. Во всякомъ случаѣ, они были очень заняты и меня удивило, что они едва подняли голову, когда мы вошли. Но подвигаясь впередъ, я замѣтилъ, что за однимъ изъ большихъ выступовъ стѣны сидѣлъ пожилой жрецъ въ бѣломъ одѣяніи; глаза его были опущены на книгу, которая лежала на его колѣняхъ.

Онъ не обращалъ на насъ никакого вниманія, пока мой проводникъ не остановился передъ нимъ съ глубокимъ поклономъ.

„Новый ученикъ?"—спросилъ онъ, и посмотрѣлъ на меня пристально своими мутными глазами.—„Что онъ знаетъ"?

„Думаю, что немного" — отвѣтилъ мой проводникъ, говоря обо мнѣ въ слегка презрительномъ тонѣ.—„Онъ былъ пастухомъ".

„Пастухомъ"—повторилъ старый жрецъ.—„Онъ будетъ здѣсь безполезенъ. Лучше дать ему работу въ саду. Умѣешь ты дѣлать копіи съ написаннаго?"—спросилъ онъ, обращаясь ко мнѣ.

Меня учили писать, но совершенное умѣнье было въ то время рѣдкостью, исключеніе составляли жреческія школы.

Старый жрецъ посмотрѣлъ на мои руки и снова опустилъ глаза на свою книгу.

„Его нужно современемъ поучить,—сказалъ онъ,—но теперь у меня слишкомъ много дѣла, чтобы заниматься съ нимъ. Мнѣ нужны помощники; но прежде необходимо кончить съ этими священными письменами и сейчасъ я не могу терять время съ несвѣдующими. Отведи его въ садъ на первое время; позднѣе я посмотрю, что съ нимъ дѣлать".

Мой спутникъ повернулся и вышелъ изъ комнаты. Взглянувъ еще разъ на прекрасныя стѣны и потолки, я послѣдовалъ за нимъ.

Мы долго шли по длинному проходу, прохладному и освѣжающему въ своей полутьмѣ. Въ концѣ его была рѣшетка, замѣнявшая дверь, и здѣсь мой путеводитель позвонилъ въ громкій колоколъ.

Мы ожидали въ молчаніи. Никто не приходилъ и послушникъ снова позвонилъ въ колоколъ. Я не испытывалъ никакого нетерпѣнія. Прижавъ лицо къ прутьямъ рѣшетки, я жадно смотрѣлъ на растилавшійся передо мною міръ, исполненный такой

чудной магіи, что я думалъ про себя: „Недурно будетъ, если этотъ жрецъ съ мутными глазами еще долго не почувствуетъ нужды во мнѣ и оставитъ меня въ саду“.

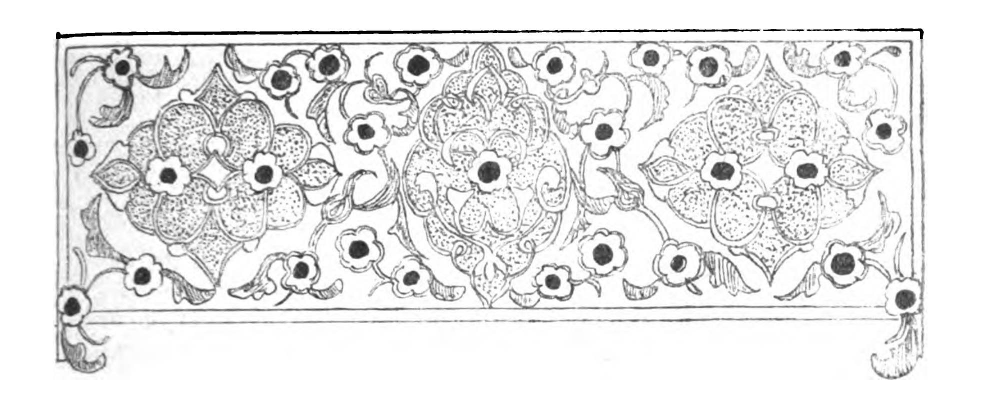
Выйдя изъ родного дома, я шелъ въ городъ по пыльной, солнцемъ сожженной дорогѣ, а мощенныя камнемъ улицы казались мнѣ, привыкшему къ зелени луговъ, необычайно тягостными. Переступивъ черезъ входныя врата храма, я шелъ по широкой аллеѣ съ чувствомъ такого глубокаго страха, что не осмѣливался глядѣть по сторонамъ. Здѣсь же передо мной раскрывался міръ такой очаровательной свѣжести и тонкой красоты, какого я до сихъ поръ никогда не видалъ, даже во снѣ. Это былъ садъ, полный свѣжей зелени, темнѣющихъ сводовъ, глубокихъ тѣней; и слышно было журчаніе воды, легкое и нѣжное, освѣжающее среди палящаго зноя; вѣроятно эта журчащая вода и вызвала къ жизни все развернувшееся передо мной великолѣпіе красокъ и всю роскошь зелени въ этомъ чудномъ саду.

Въ третій разъ зазвонилъ колоколъ и вслѣдъ за тѣмъ я увидѣлъ выдвинувшуюся изъ зеленой чащи фигуру въ черномъ одѣяніи. Какъ странно и неумѣстно было здѣсь это черное пятно! И я подумалъ съ смущеніемъ, что меня одѣнутъ въ такое же черное одѣяніе и я буду ходить между сверкающей красотой этого заколдованнаго сада, подобно черной тѣни изъ области мрака.

Человѣкъ въ черномъ подвигался къ намъ, задѣвая своей грубой одеждой нѣжную листву. Я началъ всматриваться съ внезапно пробудившимся интересомъ въ лицо подвигавшагося человѣка, въ вѣдѣніи котораго я долженъ былъ состоять; и мой интересъ былъ совершенно понятенъ, потому что это было лицо, мимо котораго никто не могъ бы пройти, оставаясь равнодушнымъ.

Перев. Е. П.





Мои встрѣчи съ неграми[1]).

Въ 1895 г., на Выставкѣ Хлопчато-Бумажныхъ Штатовъ, мнѣ довелось встрѣтить замѣчательнаго негра. Это было какъ разъ на открытіи выставки. Послѣ торжественныхъ рѣчей Президента и многихъ другихъ сѣверныхъ гостей, на эстрадѣ появился Букеръ Вашингтонъ какъ представитель американскихъ негровъ. Его рѣчь произвела на меня неизгладимое впечатлѣніе, которое и теперь, послѣ 19 лѣтъ, будитъ горячій отзывъ въ моей душѣ.

Вотъ эта рѣчь съ нѣсколькими пропусками: „Г. Президентъ, Директоры, Граждане! Одна треть населенія Юга — негры. Никакое предпріятіе въ матеріальномъ, гражданскомъ или нравственномъ мірѣ не можетъ игнорировать этотъ элементъ, если оно стремится достигнуть успѣха въ этомъ краѣ. Я выражаю отношеніе *всей* массы моего народа, когда говорю, что устроители этой чудной выставки не могли лучше и великодушнѣе признать цѣнность и достоинство американскаго негра. Эта оцѣнка послужитъ къ дружескому объединенію обѣихъ расъ болѣе, чѣмъ какое бы то ни было событіе со дня нашего освобожденія. Здѣсь даны возможности, которыя пробудятъ новую эру индустріальнаго прогресса среди насъ. Неудивительно, что по невѣжественности и неопытности, въ первое время нашей свободной жизни, мы начали сверху, а не съ корня, неудивительно, что мы погнались за мѣстами въ Сенатѣ или въ законодательномъ собраніи, оставляя безъ вниманія землевладѣніе и ремесла;

[1]) См. Вѣстн. Теософіи № 7—8.

что рѣчи въ политическихъ собраніяхъ привлекали насъ гораздо больше, чѣмъ веденіе молочныхъ фермъ или культура огородовъ.

Нѣкогда погибающій корабль, замѣтивъ невдалекѣ дружественное судно, подалъ съ своей мачты сигналъ: „воды! воды! мы умираемъ отъ жажды". Съ дружественнаго судна немедленно послѣдовалъ отвѣтъ: „спустите ведра тамъ, гдѣ вы плывете". Но судно послало новый сигналъ: „воды! воды! пошлите намъ воды!". И снова появился тотъ же отвѣтъ: „спустите ведра тамъ, гдѣ плывете". И такъ до четырехъ разъ.

Наконецъ, капитанъ несчастнаго судна послушался, велѣлъ спустить ведра и ихъ вытащили съ свѣжей, прѣсной водой устья Амазонской рѣки. Тѣмъ изъ моихъ соплеменниковъ, которые стремятся улучшить свое положеніе въ чужихъ земляхъ, или не сознаютъ необходимости развивать дружескія сношенія съ своими сосѣдями Южными бѣлыми,—я скажу: „спустите ведра тамъ, гдѣ вы плывете"—спустите ихъ тамъ, гдѣ возможно пріобрѣсти друзей среди окружающихъ насъ представителей различныхъ національностей.

Спустите ихъ въ земледѣліе, механику, торговлю, домашнія услуги и въ ремесла. Наша величайшая опасность въ томъ, что въ переходное время изъ рабства къ свободѣ мы можемъ легко забыть, что большинство изъ насъ должно питаться отъ труда рукъ своихъ, забыть, что всѣ наши успѣхи зависятъ отъ того, насколько мы научимся цѣнить и возносить ежедневный трудъ, вкладывая мысль и искусство въ самыя будничныя занятія. Мы успѣемъ какъ разъ въ той мѣрѣ, въ какой научимся проводить черту между внѣшнимъ и существеннымъ, между мишурой жизни и полезными ея элементами. Никакая раса не можетъ процвѣтать, пока она не узнаетъ, что обработка поля можетъ быть такъ же полна достоинства, какъ и созданіе поэмы. Мы должны начинать у корня жизни, а не на ея вершинѣ.

Тѣмъ изъ бѣлой расы, которые ждутъ для успѣха Юга пришельцевъ изъ иностранныхъ государствъ, гдѣ царятъ чуждая рѣчь и обычаи, я бы сказалъ—если мнѣ будетъ позволено то же, что говорю людямъ своей расы: „Спустите ведра тамъ, гдѣ вы плывете". Спустите ихъ среди восьми милліоновъ негровъ, обычаи которыхъ вы знаете, преданность и любовь которыхъ вы испытали въ тѣ дни, когда наша измѣна означала бы гибель для нашихъ очаговъ. Спустите ведра среди этихъ людей, которые безъ стачекъ обрабатывали ваши поля, рубили ваши строили

ваши желѣзныя дороги и города, выносили сокровища изъ нѣдръ земли и помогали вамъ осуществить весь великолѣпный прогрессъ американскаго Юга. Спустивъ ведра среди моего народа, помогая и поощряя его, какъ вы это дѣлаете на данной выставкѣ и воспитывая его голову; руки и сердце—вы увидите, какъ онъ будетъ полезенъ для васъ: какъ онъ скупитъ ваши излишнія земли, какъ будетъ работать на вашихъ фабрикахъ и какъ зацвѣтутъ ваши пустопорожнія земли, обработанныя имъ. Дѣлая такъ, вы можете быть увѣрены, что въ будущемъ, вы и ваши семьи будете окружены самымъ терпѣливымъ, преданнымъ, послушнымъ законамъ страны и самымъ незлобивымъ народомъ въ мірѣ. Какъ мы доказали нашу лойяльность въ прошломъ, выняньчивая вашихъ дѣтей, ухаживая за вашими больными отцами и матерями и провожая ихъ со слезами до могилы, такъ и въ будущемъ мы будемъ служить вамъ такъ преданно, какъ не сможетъ служить никакой иностранецъ; мы будемъ готовы положить за васъ жизнь, если понадобится, и вплетемъ нашу индустріальную, торговую, гражданскую и религіозную жизнь въ вашу жизнь такъ, что обѣ онѣ станутъ едины. Во всѣхъ чисто общественныхъ дѣлахъ мы можемъ быть раздѣлены такъ же, какъ пальцы на рукѣ, но во всемъ, что существенно для обоюднаго прогресса, мы будемъ соединены въ одно, какъ эта рука, сказалъ онъ, энергично поднявъ свою руку. „Безопасность обѣихъ сторонъ", продолжалъ онъ, „заключается въ высшемъ сознаніи и въ развитіи *всѣхъ*. Если гдѣ-либо существуютъ усилія въ пользу негра, пусть эти усилія обратятся на укрѣпленіе, поощреніе и развитіе въ немъ всѣхъ свойствъ полезнаго и умнаго гражданина. Такія усилія и такія потраченныя средства дадутъ тысячу процентовъ прибыли. Эти усилія будутъ дважды благословенны: „благословенны тѣ, что даютъ и тѣ, что получаютъ".

Около 16.000.000 рукъ помогутъ вамъ вкатить возъ кверху, или же онѣ будутъ тянуть его книзу, противъ васъ. Мы или составимъ одну треть невѣжества и преступленія Юга или одну треть его развитія и прогресса; мы или доставимъ вамъ одну треть торговли и индустріальнаго процвѣтанія Юга, или же сдѣлаемся настоящимъ бременемъ для васъ, задерживающимъ всѣ усилія подвинуть прогрессъ края.

Мудрѣйшіе изъ моей расы понимаютъ, что добиваться привиллегій нужно упорнымъ и непрестаннымъ трудомъ, ибо ни одна человѣческая раса, которая дѣлаетъ свой вкладъ въ міровой ...къ, не остается долго въ загонѣ. Важно жить подъ защи-

той закона, но еще гораздо важнѣе подготовить себя для того чтобы достойно пользоваться этой привиллегіей. Возможность заработать долларъ на фабрикѣ въ настоящее время для насъ безконечно важнѣе, чѣмъ возможность истратить его въ оперѣ.

Въ заключеніе позвольте мнѣ повторить, что за эти 30 лѣтъ нашей свободы, ничто ни дало намъ больше надежды и поощренія, ничто не сблизило насъ больше съ вами, бѣлыми, какъ возможность участвовать на вашей выставкѣ.

И здѣсь надъ этимъ алтаремъ, на которомъ сложены результаты работы вашей и моей расы, я даю обѣтъ, что въ вашихъ усиліяхъ выработать великую и сложную задачу, которую Богъ возложилъ на американскій Югъ, у васъ всегда будетъ терпѣливая дружественная помощь моего народа. Будемъ, однако, помнить что, хотя выставка эта сыграетъ благую роль въ сферѣ полей, лѣсовъ, руды, фабрикъ, литературы и искусствъ—гораздо выше этихъ матеріальныхъ благъ будетъ то высшее благо, которое произойдетъ отъ забвенія расовыхъ различій, отъ прекращенія озлобленности и подозрѣній, отъ твердой увѣренности, что всѣ одинаково пользуются покровительствомъ законовъ страны Это сознаніе вмѣстѣ съ нашимъ матеріальнымъ расцвѣтомъ принесетъ въ нашъ милый Югъ новое небо и новую землю".

Вы можете себѣ представить какъ поразила меня эта рѣчь, лившаяся съ эстрады какъ свѣжая вода на меня, усталую до послѣдней степени отъ спѣшнаго устройства моего русскаго отдѣла!.. Я почувствовала подъ этой черной кожей великаго человѣка. И съ тѣхъ поръ я постоянно слѣдила за его работой. Сегодня мнѣ хочется познакомить васъ съ жизнью этого человѣка. Мнѣ думается, что намъ, русскимъ, такъ много придающихъ значенія «средѣ», «окружающимъ обстоятельствамъ», «безденежью» и т. д. полезно столкнуться съ такой творческой жизнью [1]).

Букеръ Вашингтонъ родился рабомъ на одной изъ южныхъ плантацій; онъ не зналъ своего отца, не зналъ въ своемъ дѣтствѣ ни кровати, ни стула, не зналъ даже дадутъ ли ему поѣсть или нѣтъ... Жилище его матери, двухъ братьевъ и сестры, состояло изъ хижины безъ оконъ, съ дверью, которая безпомощно висѣла на одной петлѣ и не затворялась ни зимой,

---

[1]) Всѣ послѣдующія свѣдѣнія я черпаю изъ его автобіографіи.



ни лѣтомъ. Вмѣсто печи былъ очагъ и дымъ отъ него шелъ въ дыру, сдѣланную для этого въ крышѣ. Пола не было. Дѣти спали всѣ четверо на грудѣ тряпья, на землѣ. Мать была стряпухой въ плантаціи, но дѣтей кормили большею частью случайно, какъ домашнихъ животныхъ. Попалъ кусокъ—хорошо, а нѣтъ—то приходилось терпѣть.

Иногда изъ подвала доставали для рабочихъ негровъ картофель и тогда Букеру удавалось получить пару картофелинъ, которыя онъ пекъ въ домѣ и наслаждался ими. Иногда ночью мать доставала откуда-то курицу, потрошила, варила ее и будила дѣтей для роскошнаго угощенія. Б. Вашингтонъ не понималъ тогда, что курица была украдена, но онъ и теперь думаетъ, что мать его не была воровкой, она была лишь жертвой работы.

Впослѣдствіи когда онъ сталъ общественнымъ дѣятелемъ, его часто просили разсказать въ какія игры игралъ онъ въ дѣтствѣ. Оказывается, что онъ никогда не зналъ игръ, съ самаго нѣжнаго дѣтскаго возраста ему приходилось всегда работать, то подметать дворъ, то носить воду неграмъ въ поля, или же возить на мельницу кукурузу для размола. Этой работы онъ всегда боялся. Кукуруза насыпалась въ одинъ мѣшокъ, который клали на спину лошади такъ, что кукуруза находилась въ обоихъ концахъ мѣшка, а его сажали верхомъ на лошадь. Но всегда случалось такъ, что кукурузный мѣшокъ терялъ равновѣсіе и падалъ съ лошади. Такъ какъ мальчикъ былъ не въ состояніи снова нагрузить его, онъ долженъ былъ сидѣть и ждать иногда долгіе часы, пока кто-нибудь не появится на дорогѣ и не поможетъ его бѣдѣ. Эти часы онъ проводилъ въ горькихъ слезахъ. Онъ боялся опоздать на мельницу и въ особенности боялся возвращаться домой ночью, по пустынной лѣсной дорогѣ.

Говорили, что лѣса полны солдатами-дезертирами, а онъ вѣрилъ, что первое, что они сдѣлаютъ, поймавъ негритянскаго мальчика, это отрѣжутъ ему уши. Кромѣ того, онъ зналъ уже по опыту, что за позднее возвращеніе его ожидали дома жестокое сѣченіе и брань.

Ученья маленькій рабъ тоже не зналъ, хотя нѣсколько разъ носилъ книги маленькой барышни, когда сопровождалъ ее въ школу. Видъ нѣсколькихъ десятковъ мальчиковъ, сидящихъ въ школѣ, производилъ на него огромное впечатлѣніе и школа казалась ему раемъ.

Первый разъ ясное сознаніе своего рабства появилось у него въ ту ночь, когда онъ услыхалъ какъ мать его встала на мо-



литву и со слезами на глазахъ просила Бога, чтобы Линкольнъ и его войска одержали побѣду, и чтобы она и ея дѣти сдѣлались свободными. За все время войны, а также подготовки къ ней негры какимъ-то непонятнымъ образомъ—при ихъ полномъ безграмотствѣ—были вполнѣ освѣдомлены о ходѣ событій. По ночамъ негры сходились часто и совѣщались шопотомъ. Иногда они знали о результатахъ какого-нибудь сраженія раньше бѣлыхъ Это называлось „виноградной почтой“.

Позднѣе, во время войны, даже рабовладѣльцы часто бывали безъ припасовъ. Пили жареную кукурузу вмѣсто кофе и темной патокой замѣняли сахаръ.

Во время войны царствовало неизбѣжное горькое чувство между рабами и владѣльцами. Бѣлые почти всѣ ушли воевать съ сѣверянами—освободителями. Тѣмъ не менѣе, когда былъ убитъ сынъ владѣльца,—вся плантація горевала и горевала искренно. Когда двое молодыхъ владѣльцевъ были привезены ранеными, любовь негровъ выразилась тѣмъ, что они нѣжно ухаживали за ними, сидѣли надъ ними цѣлыми ночами, а для защиты оставшихся женщинъ и дѣтей готовы были отдать свою жизнь.

Рабъ, котораго выбирали караулить ночью въ „большомъ домѣ“, считалъ свое назначеніе за большую честь и всякому покусителю на безопасность молодой или старой госпожи пришлось бы переступить черезъ его трупъ.

И послѣ войны, когда бывшіе рабовладѣльцы обнищали, преданность ихъ прежнихъ рабовъ не прекращалась. Въ литературѣ занесено много случаевъ, когда негры содержали личнымъ трудомъ своихъ прежнихъ безпомощныхъ владѣльцевъ.

Дурное вліяніе рабства не ограничивалось рабами, но отзывалось и на владѣльцахъ. Вся система была такъ построена, что на человѣческомъ трудѣ лежала печать униженія. Поэтому обѣ стороны старались избѣгать труда. Вашингтонъ приводитъ примѣры такого отношенія изъ жизни на его родной плантаціи. У владѣльца было много сыновей и дочерей, но ни одинъ изъ нихъ не занимался рѣшительно ничѣмъ. Все веденіе хозяйства было возложено на рабовъ. Рабы же, не имѣя личнаго интереса и никакого разумнаго руководства, дѣлали работу плохо. Заборы оставались въ неисправности, ворота висѣли на одной петлѣ, штукатурка обваливалась, а дворъ заросъ сорной травой. Припасовъ было достаточно до войны, но въ самомъ домѣ и въ кухнѣ не было ни утонченности ни порядка, которые могутъ сдѣлать „домъ“ самымъ привлекательнымъ мѣстомъ въ мірѣ. Когда сво-

бода пришла, какъ рабы такъ и владѣльцы были одинаково неготовы къ новой жизни.

Вотъ какъ разсказываетъ Б. Вашингтонъ о днѣ освобожденія: „Наконецъ война кончилась и насталъ великій день освобожденія. На нашей плантаціи его давно ждали. Свобода висѣла въ воздухѣ уже нѣсколько мѣсяцевъ. Солдаты-дезертиры возвращались по домамъ. Другіе проходили мимо насъ. „Виноградный телеграфъ“ [1]) работалъ день и ночь. Съ одной плантаціи на другую переносился шопотъ о великихъ надвигающихся событіяхъ. Боясь нашествія „Янки“, серебро и драгоцѣнности изъ „большого дома“, закопали въ землю преданные рабы. Не поздоровилось бы тому, кто посмѣлъ бы коснуться этихъ сокровищъ. Рабы давали сѣвернымъ солдатамъ пищу и одежду, но то, что имъ было довѣрено на храненіе, они не отдали бы ни за что на свѣтѣ. На плантаціи пѣли больше чѣмъ обыкновенно, и пѣніе это было смѣлѣе, звонче, и раздавалось позднѣе по вечерамъ. Большинство пѣсенъ говорило о свободѣ. Сперва рабы объясняли, что это слово обозначаетъ жизнь въ будущемъ мірѣ и не касается земной жизни. Теперь же они сбросили маску и не скрывали значенія слова „свобода“.

Наканунѣ великаго дня рабамъ было дано знать, что нѣчто необычное произойдетъ въ „большомъ домѣ“ на слѣдующее утро. Все было взволновано тревожнымъ ожиданіемъ. Рано утромъ собрали всѣхъ рабовъ и старыхъ, и молодыхъ, и дѣтей. И я, съ матерью, братомъ и сестрой пошелъ къ дому.

Вся семья нашихъ господъ сидѣла или стояла на балконѣ. На ихъ лицахъ было глубокое вниманіе и грусть, но не горечь. Когда я теперь думаю объ этомъ, мнѣ кажется, что они не столько жалѣли о потерѣ собственности, сколько не хотѣли разставаться съ тѣми, кого они выростили и съ которыми были во многихъ отношеніяхъ очень близки.

Всего яснѣе помню я чужого человѣка (по всей вѣроятности, чиновника Соед. Штатовъ), который сказалъ маленькую рѣчь и потомъ прочелъ длинную бумагу. Послѣ этого намъ сказали, что мы всѣ свободны и можемъ идти куда угодно. Мать наклонилась къ намъ, поцѣловала насъ и со слезами сказала, что сбывается то, о чемъ она давно молилась, но не надѣялась дожить до этого часа.

Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ было великое ликованіе и

---

[1]) Такъ называли негры передачу извѣстій между собою.



благодарность, и шумная радость. Но горечи не было. Между рабами была жалость къ господамъ. Восторженная радость царствовала между ними, но я замѣтилъ, что по мѣрѣ возвращенія въ хижины, въ настроеніи появилась перемѣна. Великая отвѣтственность свободной жизни, необходимость думать о себѣ и строить жизнь для себя и дѣтей, захватила ихъ врасплохъ. Было похоже на состояніе мальчика 10—12 лѣтъ, котораго бы внезапно выпустили въ самостоятельную жизнь. Въ немногіе часы великій вопросъ, съ которымъ Англо-Саксонская раса боролась столѣтія, былъ внезапно поставленъ передъ этими людьми, и они должны были разрѣшить его. Вопросъ о домѣ, заработкѣ, о ращеніи и воспитаніи дѣтей, о гражданствѣ и утвержденіи религіозныхъ запросовъ. Мудрено ли, что черезъ нѣсколько же часовъ шумную радость замѣнило тяжелое раздумье. Многимъ показалось, что свобода гораздо тяжелѣе, чѣмъ они думали до сихъ поръ. Многіе рабы были 70-ти и 80-лѣтніе старики. Ихъ лучшее время прошло и для нихъ задача казалась непомѣрно трудной. Кромѣ того, глубоко въ сердцѣ вкоренилась у нихъ привязанность къ старому господину и старой госпожѣ и къ ихъ дѣтямъ, которую они не могли превозмочь. Мало-по-малу старики стали возвращаться къ „большому дому".

Вотъ какъ началась жизнь моего героя Б. Вашингтона. Я не буду разсказывать всей его жизни, но вкратцѣ передамъ ея главныя черты до начала великаго дѣла его жизни — *воспитанія негровъ*.

Послѣ полученія свободы, его мать отправилась съ дѣтьми къ своему мужу, который работалъ на соляныхъ варницахъ въ Западной Виргиніи. Это было длинное и чрезвычайно трудное путешествіе, длившееся нѣсколько недѣль. Вещи везла лошадь, мать и дѣти шли пѣшкомъ. Ночевали подъ открытымъ небомъ, у костра варили пищу. По пріѣздѣ на мѣсто, отчимъ отдалъ Букера на варницы и мальчику приходилось работать съ 4-хъ часовъ утра. Онъ началъ учиться по цифрамъ на бочкахъ съ солью, а затѣмъ мать купила ему азбуку. Помощи не было. Негры были всѣ безграмотны, а къ бѣлымъ онъ боялся подойти. Затѣмъ появился и учитель, который жилъ поденно по очереди въ каждомъ семействѣ и училъ.

Вотъ что говоритъ Вашингтонъ объ этомъ: „Это необыкновенное переживаніе,—что цѣлая раса захотѣла ходить въ школу въ первый разъ въ жизни—представляетъ интереснѣйшую черту въ развитіи моей національности. Люди, которые не были среди

этого движенія, не въ состояніи понять всю интенсивность желанія, которое мои соплеменники выказали къ ученію. Всѣ хотѣли учиться и дѣти, и старики, и вскорѣ стали открываться и дневные и вечерніе классы. Все стремленіе старыхъ было направлено на то, чтобы научиться читать Библію прежде, чѣмъ умереть. Съ этой цѣлью 75-лѣтніе старики и старухи ходили въ вечерніе классы. Дневныя, вечернія и воскресныя школы, всѣ были переполнены".

Вашингтону, однако, ученье давалось нелегко, такъ какъ его работа приносила деньги отчиму, а школа была въ нѣсколькихъ верстахъ отъ варницъ.

Послѣ соляныхъ варницъ ему пришлось работать въ угольныхъ копяхъ.

Въ копяхъ онъ разъ услышалъ во время отдыха разговоръ двухъ негровъ-углекоповъ о большой школѣ въ Виргиніи, устроенной для негровъ, въ которой мальчики могли не только учиться, но и зарабатывать свое содержаніе и научиться ремеслу. Съ этого дня поступленіе въ эту школу сдѣлалось для него путеводной звѣздой. Онъ думалъ о ней денно и нощно.

Проработавъ еще нѣсколько мѣсяцевъ въ копяхъ, онъ услышалъ, что жена владѣльца копей нуждается въ услугахъ мальчика. Она слыла чрезвычайно жестокой, и прислуга, которую она нанимала, уходила отъ нея очень скоро. Букеръ рѣшился поступить въ ея домъ и былъ нанятъ за 5 долл. въ мѣсяцъ. Много испытаній перенесъ онъ съ первой же минуты, когда, дрожащій и смущенный, онъ всталъ передъ грозной госпожей. Но въ теченіе первыхъ же недѣль онъ понялъ, что она желала, чтобы все вокругъ нея было безукоризненно чисто, чтобы всѣ приказанія ея исполнялись быстро и систематично, и что во всемъ она требовала настоящей честности и искренности. Она не допускала неряшества: каждая дверь, каждый заборъ должны были содержаться въ порядкѣ. Для Букера эти ея уроки и требованія послужили воспитаніемъ, онъ пробылъ у нея полтора года и сталъ смотрѣть на строгую госпожу, какъ на своего лучшаго друга. Она позволяла ему уходить въ вечернюю школу на одинъ часъ, но главное ученье происходило ночью.

Несмотря на эту удачу мысль объ институтѣ въ Гамптонѣ не покидала его и въ 1872 году онъ рѣшилъ попытаться попасть туда. Мать смотрѣла на его намѣреніе какъ на несбыточную затѣю и неохотно дала ему свое позволеніе. За исключеніемъ нѣсколькихъ долларовъ, весь его заработокъ былъ истраченъ



отчимомъ и семьей, и приходилось отправиться въ путешествіе съ самыми скудными средствами.

Самое трогательное было въ томъ отношеніи, которое старые негры проявили къ его отправкѣ. Свои лучшіе дни жизни они провели въ рабствѣ и не смѣли мечтать о томъ, чтобы кто-либо изъ ихъ расы могъ отправиться въ институтъ. Они приносили ему мелкія деньги и подарки на дорогу.

Въ то время не было еще желѣзно-дорожныхъ поѣздовъ въ этой мѣстности, а большую часть пути, около 500 миль, приходилось совершать въ омнибусѣ. Но на это у Букера не хватило средствъ.

Одинъ случай этого пути остался у него въ памяти на всю жизнь. Въ первую же ночь омнибусъ остановился у гостинницы. Всѣ пассажиры, кромѣ Букера, были бѣлые. Въ своемъ невѣдѣніи онъ думалъ, что гостинница существуетъ для всѣхъ пассажировъ омнибуса. Погода была зимняя и онъ вошелъ съ другими въ гостинницу, надѣясь переночевать въ теплѣ, но ему не позволили остаться тамъ и ему пришлось всю ночь проходить по улицѣ, чтобы не закоченѣть отъ холода.

На слѣдующій день онъ отправился въ дорогу пѣшкомъ; иногда его подвозили на какомъ нибудь возу и черезъ много дней онъ добрался до г. Ричмонда, въ 85 миляхъ отъ Гамптона. Онъ пришелъ туда ночью, голодный и холодный, усталый и грязный. Никогда не видавъ большого города и не имѣя ни цента, онъ перенесъ много горя въ Ричмондѣ. Никуда его не пускали. Онъ ходилъ какъ потерянный по улицамъ до полуночи, пока въ одномъ мѣстѣ не замѣтилъ, что тротуаръ былъ приподнятъ надъ землей; онъ заползъ подъ него и, положивъ сумку подъ голову, заснулъ какъ убитый.

Утромъ, когда солнце взошло, онъ увидалъ, что находится у набережной, и замѣтилъ большой корабль, съ котораго разгружали желѣзо. Онъ сейчасъ же пошелъ на корабль и попросилъ капитана позволить ему заработать себѣ завтракъ. Капитанъ оказался добрымъ человѣкомъ, далъ ему работу и въ этотъ день Букеръ съѣлъ самый вкусный завтракъ всей своей жизни.

Капитану такъ понравилась старательность мальчика, что онъ предложилъ ему работать поденно. Чтобы беречь деньги для дальнѣйшаго путешествія, Букеръ тратилъ заработокъ только на ѣду и продолжалъ спать подъ тротуаромъ. Много лѣтъ спустя, негры Ричмонда чествовали его какъ оратора въ

этомъ самомъ городѣ, какъ разъ вблизи отъ того мѣста, гдѣ онъ мальчикомъ спалъ подъ тротуаромъ.

Наконецъ, простясь съ капитаномъ и получивъ свой заработокъ, онъ отправился въ Гамптонъ и добрался до него съ 50 центамъ въ карманѣ. Это было длинное, многотрудное путешествіе, но видъ трехэтажнаго кирпичнаго зданія института наградилъ его за всѣ тяжелыя переживанія. Ему показалось, что это — самое великолѣпное зданіе въ мірѣ и онъ тогда же рѣшилъ не пропускать ни одного случая, чтобы творить добро въ мірѣ.

Оборванный грязный мальчикъ не произвелъ благопріятнаго впечатлѣнія на главную учительницу школы и онъ долго стоялъ въ пріемной, пока она принимала другихъ вступавшихъ учениковъ.

Черезъ нѣсколько часовъ учительница сказала ему: „Надо вымести классъ рядомъ. Возьми щетку и убери его".

Никогда приказаніе не казалось ему столь восхитительнымъ. Онъ зналъ, что умѣетъ убрать комнату хорошо, благодаря наставленіямъ своей грозной госпожи. Онъ вымелъ комнату три раза; досталъ тряпку и вытеръ четыре раза пыль со всѣхъ столовъ, скамей, съ деревянной обшивки, со стѣнъ и съ мѣста учителя. Кончивъ свою работу, онъ пошелъ къ учительницѣ. Она была сѣверянка; осмотрѣвъ все тщательно, она взяла носовой платокъ, потерла имъ лавку, столъ и стѣны, и когда нигдѣ не нашла ни одной пылинки, сказала спокойно: „я приму тебя въ институтъ".

Такъ начиналась его школьная жизнь. Ему предложили быть одновременно ученикомъ и сторожемъ. Работа была тяжелая и брала много времени. Онъ вставалъ въ 4 ч. утра, зажигалъ камины, убиралъ классы и готовилъ уроки. Главная учительница сдѣлалась со временемъ его самымъ вѣрнымъ и полезнымъ другомъ.

Но въ школѣ было еще одно лицо, которое дало Букеру вдохновеніе на всю его послѣдующую жизнь. Это былъ генералъ Армстронгъ, рѣдкій и благороднѣйшій человѣкъ, который завѣдывалъ въ то время институтомъ.

Букеру онъ казался сверхчеловѣкомъ. „Если бы уничтожить самую школу и мастерскія, классы и библіотеки, — говоритъ Букеръ, и оставить только одно вліяніе генерала Армстронга, и того было бы достаточно".

Дальше въ своей жизни онъ все болѣе приходилъ къ тому



убѣжденію, что никакія книги и дорогія пособія въ школахъ не даютъ такого воспитанія, какъ встрѣчи съ великими людьми.

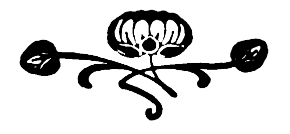
Генералъ Армстронгъ провелъ послѣдніе годы своей жизни въ домѣ Б. Вашингтонъ. Разбитый параличемъ, не покидая кресла, онъ все же продолжалъ усердно работать въ пользу воспитанія негровъ. Въ Гамптонѣ всѣ студенты его обожали и его вліяніе было всемогуще.

Жизнь въ Гамптонѣ казалось мальчику непрерывнымъ чудомъ. Правильные часы обѣда, столы, накрытые скатертями, салфетка у каждаго, ванна, зубная щетка, спанье на простыняхъ, все это было для него новостью.

Содержаніе въ институтѣ стоило 10 долларовъ въ мѣсяцъ, а ученье — семьдесятъ дол. въ годъ. 10 дол. онъ зарабатывалъ самъ, плата за ученіе покрывалась стипендіей богача Моргана.

Дана.

(Продолженіе слѣдуетъ).



Каждая душа нуждается въ своей собственной пищѣ; нѣкоторые растутъ черезъ знаніе и науку, другіе выростаютъ на философіи, которая какъ и орѣхи не бываетъ съѣдобна цѣликомъ.

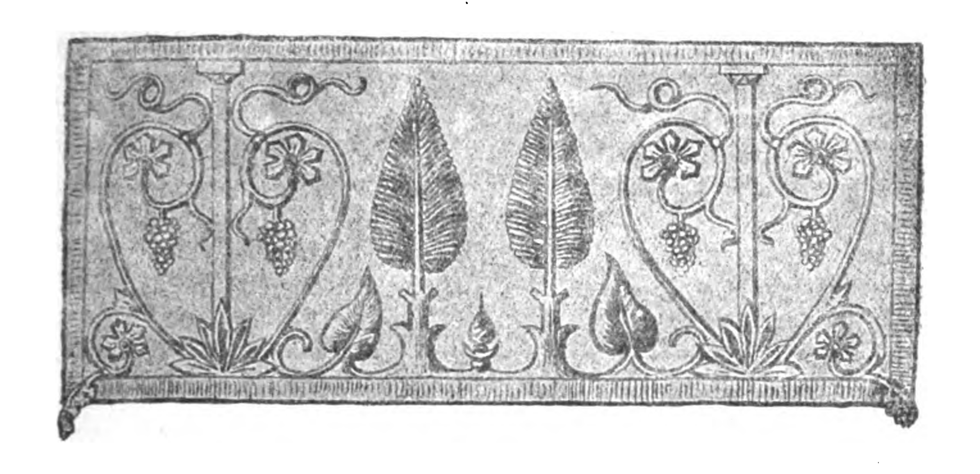
Садовникъ долженъ быть очень искуснымъ, чтобы бережно высвободить розу, растущую среди терній и ремесленнику трудно найти жемчугъ, зарытый въ тканяхъ устрицы.

Кто дѣйствительно хочетъ дойти до истины, тотъ будетъ добиваться ее, не взирая ни на какіе труды.

Пути мудрости, ведущіе къ единому пути, истинно различны.. Вѣра есть путь.

Изреч. Климента Александрійскаго.





Воспоминанія.

Въ своемъ стремленіи къ самопознанію человѣкъ невольно возвращается путемъ воспоминаній къ своему прошлому, стараясь увидѣть и услышать въ немъ настоящіе цвѣтъ и звукъ основной ноты своего бытія. Отыскивая эту ноту путемъ возврата къ главнымъ событіямъ своей жизни, или *къ гармоническимъ тонамъ натуральной гаммы своего бытія*, онъ совершаетъ работу мысленнаго проникновенія въ глубь своего существованія и, бросая взоръ на путь уже имъ пройденный, старается узнать свои задачи и найти свой путь въ будущемъ. Если у него еще нѣтъ безпрерывной памяти прошлаго, которой уже обладаютъ нѣкоторые утончившіеся люди, человѣкъ не можетъ помнить событій своихъ прежнихъ воплощеній и, послѣ воспоминаній первыхъ проблесковъ сознанія въ дѣтствѣ своего настоящаго воплощенія, онъ теряется въ темнотѣ забвенія; но, пытаясь отыскать себя, онъ вспоминаетъ разсказы людей, окружавшихъ его въ дѣтствѣ и изъ этихъ разсказовъ, въ связи съ первыми проблесками памяти, создаются первыя главы повѣсти жизни человѣка постолько же цѣнной въ исторіи жизни всего человѣчества, посколько цѣненъ очень маленькій цвѣтной камешекъ въ очень большой мозаиковой картинѣ.

Въ чудесной мозаикѣ жизни, созидаемой Великими Учителями человѣчества, по начертанію ея Творца и, въ которой центральной фигурой является Носительница Свѣта Истины—Святая Софія Премудрость Божья—Тео-Софія, каждая душа, искренно стремящаяся къ Истинѣ и къ Свѣту, является ея частицей. Души, переплавленныя огнями страданій и радостей въ горнилѣ Вели-

каго Алхимика-Жизнеподателя, уже готовыя и ставшія гибкими въ Его рукѣ и въ рукахъ мудрыхъ Соработниковъ Его, участвуютъ въ этой мозаикѣ раньше тѣхъ, которыя, еще негибкія и несогласныя по цвѣту и по формѣ, должны быть вновь переплавляемы въ горнилѣ жизни, ибо Великій Алхимикъ не выбрасываетъ изъ жизни ни единой еще несовершенной ея части, но вновь и вновь переплавляя, перешлифовывая и перекрашивая ихъ, согласно плану своему, съ терпѣніемъ и любовью готовить ихъ, для предстоящей радости служенія Его идеѣ, для будущаго счастья участія въ Его работѣ.

Внимательно перечитывая повѣсть своей жизни по книгѣ прошлаго, человѣкъ познаетъ, что онъ одно изъ дѣйствующихъ лицъ этой повѣсти, и *онъ*—ея читатель, различны по своему существу, такъ какъ *онъ*—читатель будучи мудръ и справедливъ по сравненію съ этимъ дѣйствующимъ лицомъ, видитъ въ несчастьяхъ и въ счастьѣ этого страдающаго и радующагося, падающаго и поднимающагося неразумнаго я, залогъ его роста на пути совершенствованія, на которомъ *онъ*, болѣе мудрый *я*, является его проводникомъ, судьею и ходатаемъ передъ лицомъ Истины. И этотъ большій и болѣе мудрый *я* сопровождавшій въ прошломъ своего меньшаго и менѣе разумнаго я, читая исторію его дѣяній на планѣ его жизни, обсуждаетъ ихъ на болѣе высокомъ планѣ оцѣнки этой жизни и зоветъ его работать вмѣстѣ на еще болѣе высокихъ планахъ все болѣе и болѣе совершенныхъ дѣлъ, чтобы достигнуть совершенства, и на его вершинѣ слиться съ Свѣтомъ Истины . . . Простирая руки къ небу, Святая Софія Премудрость Божья—Тео-Софія, Носительница Свѣта Истины, призывая къ Нему съ этой вершины труждающееся и обремененное человѣчество, указываетъ людямъ путь къ совершенному покою и къ совершенной свободѣ совершенной внутренней гармоніи . . . И слыша этотъ призывъ, чуткія души, руководя своими малыми и неразумными я, поднимаются по узкой и тернистой тропѣ испытаній, самопознанія и самосовершенствованія, какъ рыцари и трубадуры со своими арфами на своихъ коняхъ, поощряя и укрощая ихъ и спѣшиваясь на мѣстахъ опасныхъ, чтобы лучше разсмотрѣть дорогу. Девизъ, пароль и лозунгъ ихъ: *распознаваніе, безстрастіе, праведное поведеніе и любовь* . . . .

. . . .

Стремленіе человѣческой души къ Свѣту, въ дѣтскомъ возрастѣ, на планѣ земной жизни, выражается необыкновенной



любовью къ солнцу и къ огнямъ, къ цвѣтамъ и звукамъ природы, къ чистымъ и мягкимъ краскамъ и къ нѣжной, ритмичной музыкѣ, а также боязнью грозы и грома и ночной темноты, когда въ ней ничего не видно и не слышно и потому такъ скучно и страшно.

Исканіе человѣческою душою Истины въ ребенкѣ, на этомъ же земномъ планѣ, проявляется большой наблюдательностью и яркой фантазіей, одухотворяющей всѣ вещи отыскиваніемъ въ нихъ *настоящаго*. А безкорыстная любовь дѣтей къ царствамъ природы, къ животнымъ и къ людямъ и стремленіе ихъ къ братскому общенію со всѣми существами, есть отраженіе потребности и стремленія человѣческой души къ совершенной любви и справедливости, къ совершенному пониманію и единенію, желаніе ея быть частицей единаго стада Единаго Пастыря, жажда вездѣ искать со всѣми. Его, чтобы всегда быть съ Нимъ и вмѣстѣ съ Нимъ—

Частичное осуществленіе этихъ идеаловъ души ребенка, наиболѣе ярко отражающей въ началѣ каждаго воплощенія человѣка идеалы его высшаго мудраго *я*, всегда приноситъ дѣтямъ радость, а нарушеніе ихъ является причиной ихъ огорченій; но и счастье и горе ребенка, озаряя дѣтское сердце, какъ солнце и омрачая его какъ налетѣвшая гроза и набѣжавшія темныя тучи, проливающія холодный дождь, содѣйствуютъ произростанію въ душѣ человѣка качествъ, посѣянныхъ въ ней имъ самимъ и людьми окружавшими его въ его прошлыхъ воплощеніяхъ и дѣтскія радости и ихъ слезы, знаменуя начало новой внутренней работы человѣка въ новыхъ условіяхъ жизни его новаго воплощенія, являются и продолженіемъ процесса переплавленія его души въ горнилѣ Великаго Алхимика жизни, для выявленія ея настоящаго цвѣта и тембра и свойствъ необходимыхъ ей, для участія въ созиданіи гармоній и красоты Его Великой мозаики.

. . . .

Самыя первыя воспоминанія моего маленькаго я связаны съ бѣлымъ, синимъ и голубымъ цвѣтомъ и съ блескомъ золота . . . Вижу себя въ первый разъ крошечныхъ существомъ, ползающимъ на четверенькахъ на большомъ бѣломъ полѣ, окруженномъ темными пропастями; надъ ними въ полутьмѣ виденъ красноватый огонь, а бѣлое поле съ одной стороны ограждено стѣнкой, а съ другой—стѣною и въ этомъ мѣстѣ ярко блеститъ что-то золотое съ двумя блюдечками. Маленькое существо, воображающее себя собачкой и думая, что на эти блюдечки нальютъ



молока, прыгаетъ отъ радости; но, почему-то на блюдечки молока не наливаютъ и какія-то два большія, бѣлыя и, ласковыя существа, загораживая темныя пропасти отъ маленькаго, успокаиваютъ и укладываютъ его на бѣлое поле, покрывая его чѣмъ-то бѣлымъ; огонь меркнетъ, гаснетъ и больше ничего не видно... Позднѣе я поняла, что бѣлое поле—большая бабушкина дубовая кровать, покрытая чистыми простынями, на которую вечеромъ бабушка въ своемъ бѣломъ пенюарѣ и нянюшка Наталія Васильевна въ бѣломъ фартукѣ, прежде чѣмъ перенести меня въ мою кроватку, укладывали меня спать: а блестящій предметъ съ двумя блюдечками—рукоятка старинной шпаги „за храбрость" покойнаго дѣдушки, сверкавшая при огнѣ восковой свѣчи; эта шпага всегда стояла у изголовья бабушкиной кровати, потому что мы жили въ деревнѣ и бабушка очень боялась разбойниковъ.

Воспоминаніе о синемъ и голубомъ цвѣтѣ связано съ моими одеждами, такъ какъ другихъ цвѣтовъ, кромѣ синяго, голубого и бѣлаго, до шестнадцати лѣтъ я не носила и это нѣсколько таинственное обстоятельство было связано съ тѣмъ, что я росла не у своихъ родителей, а у тетушки моей матери, ея воспитательницы, которую называла бабушкой съ тѣхъ поръ, какъ себя помню; и это случилось потому, что всѣ дѣти моихъ родителей до меня умирали и такъ какъ родители мои и бабушка хотѣли меня сохранить, можно думать, что они поступили, какъ иногда поступаютъ крестьяне въ деревнѣ: когда ягнята, телята, или жеребята одного хозяина приходятся ему „не ко двору" и умираютъ, онъ фиктивно продаетъ, или даритъ новый приплодъ хозяину другого двора и это средство иногда помогаетъ, маленькія животныя остаются живы и хорошо растутъ. Изъ бабушкиныхъ разсказовъ, я узнала, что когда 1-го Сентября 1857-го года я родилась у нея въ деревнѣ въ „розовой комнатѣ", моя мать, только что передъ этимъ потерявшая свою маленькую дочь, отдала меня бабушкѣ, сказавъ: «Дарю ее Вамъ, можетъ быть у Васъ она будетъ жива». И бабушка съ радостью приняла этотъ подарокъ, такъ, какъ тоже была въ горѣ, потерявъ мужа и единственную свою обожаемую дочку, четырехлѣтнюю Душеньку. Я осталась у бабушки, вмѣсто Душеньки, а мать моя уѣхала къ моему отцу, который былъ морякомъ и служилъ въ Петербургѣ и, послѣ этого не только я осталась жива и хорошо росла въ деревнѣ, но были живы и двѣ мои младшія сестры, родившіяся въ Петербургѣ черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ меня.

Одѣвала меня бабушка только въ синее, въ голубое и бѣлое

говоря, что она не хочетъ пріучить меня любить наряды, но въ сущности она это дѣлала потому, что эти цвѣта были цвѣта Божьей Матери и она надѣялась, что они будутъ охранять меня и принесутъ мнѣ счастье. Эту тайну открыла мнѣ уже позднѣе одна изъ моихъ тетушекъ, добавивъ: „Tu as été vouée aux couleurs de la Sainte Vierge“... [1]).

Бабушка и тетушки почти всегда говорили со мной по французски, по обычаю того времени, и это былъ первый языкъ, который я выучила и на которомъ въ дѣтствѣ каждое утро и каждый вечеръ молилась Богу въ спальнѣ передъ большимъ желтымъ комодомъ, покрытомъ чистымъ бѣлымъ полотенцемъ и на которомъ стояли образа. Въ комодѣ лежало чистое и душистое бѣлье, отъ котораго пахло свѣжестью рѣки и розами, такъ какъ бѣлье полоскали въ рѣчкѣ и въ него клали лепестки розъ.

Передъ образами вечеромъ горѣла лампада и ее заслоняла бѣлая алебастровая пластинка въ бронзовой рамкѣ и въ ней просвѣчивала чудесная картинка: „бѣгство въ Египетъ“; отъ этой картинки вѣяло чувствомъ безопасности и благополучія, съ которымъ бывало пріятно засыпать. Когда я становилась на колѣни передъ комодомъ, чтобы молиться Богу, мнѣ были снизу видны двѣ большія иконы въ золотыхъ окладахъ и въ широкихъ золоченыхъ рамахъ, „Спасъ Нерукотворный“ и „Донская Божья Матерь“, а также образъ бѣлокурой мадонны съ кудрявымъ маленькимъ Христомъ на рукахъ и въ голубой рамѣ съ золотомъ; передъ иконами стояло небольшое бронзовое распятіе на пьедесталѣ, и распятіе и мадонна были подарены бабушкѣ ея родственницей—католичкой. Мадонна была одѣта въ голубое платье съ синимъ покрываломъ, а маленькій Христосъ былъ въ бѣломъ; сложивъ ручки, онъ смотрѣлъ въ небо и былъ такъ хорошъ, что Его Мать, опустивъ глаза и улыбаясь, любовалась на Него и у Нея и у Него надъ головой горѣли по три желтенькихъ огонька трехугольной формы и лица ихъ были такъ нѣжны, что хотѣлось все время смотрѣть на нихъ, сложивъ руки какъ маленькій Христосъ. Долго глядя на Него, я разъ увидѣла, что Онъ очень похожъ на маленькую нашу дворовую дѣвочку Дашку, бѣгавшую босикомъ около людской избы и это очень удивило меня. Лицо „Спаса Нерукотворнаго“, обрамленное золотомъ и окруженное золотымъ сіяніемъ, было строго, но прекрасно и по Его глазамъ всегда можно было узнать хорошо или дурно

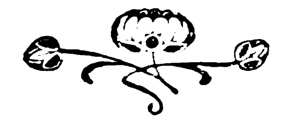
[1]) Ты была посвящена цвѣтамъ Святой Дѣвы.

ведешь себя; а темный ликъ „Донской Божьей Матери" такъ таинственно смотрѣлъ изъ золотого оклада, изъ годъ золотого вѣнчика, что, глядя на него, я начинала креститься и, вспоминая что надо молиться Богу, говорила по-французски: „Mon Dieu! Sauvez papa et maman et бабушка et faites que je sois sage!"...

Однажды вечеромъ, тщетно стараясь во время молитвы увидѣть Бога, я спросила бабушку, гдѣ Онъ?.. Лицо ея стало серьезно и она отвѣтила: „Богъ всегда и вездѣ во всемъ и, хотя Его не видно, но Онъ все видитъ, все слышитъ, и все знаетъ"... „Значитъ Онъ и про меня все знаетъ", подумала я; „И если Онъ вездѣ,—я стою къ Нему и лицомъ и спиной, а бабушка говоритъ, что это очень невѣжливо, *c'est impoli"*... Эти мысли такъ смутили меня, что я не шевелилась и мнѣ казалось, что всѣ вещи въ комнатѣ измѣняются и все видно по-новому, и вмѣстѣ съ усиліемъ понять свое новое положеніе въ этомъ *новомъ*, мелькнуло сознаніе, что для Бога важно не положеніе, а расположеніе духа и поведеніе... Не потому ли бабушка такъ часто повторяетъ: *„Tu dois tâcher d'être toujours de bonne humeur et sage"* [1]).

А. Унковская.

(Продолженіе слѣдуетъ).



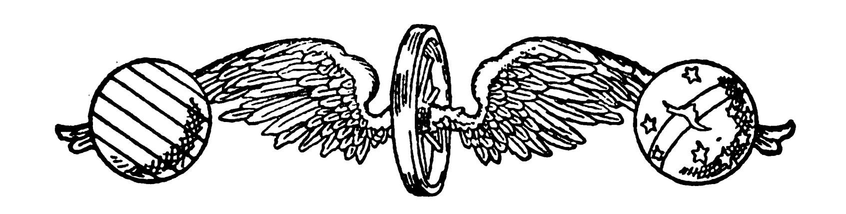
Страсти являются отпечатками на нашей нѣжной и податливой душѣ; какъ бы печатью духовныхъ силъ, съ которыми мы должны бороться, ибо миръ и свобода завоевываются только безпрерывной и суровой борьбой съ нашими похотями.

Величайшій даръ Бога есть способность владѣть собою.

Изреч. Климента Александрійскаго.

[1]) Ты должна стараться всегда быть въ хорошемъ настроеніи и быть умной.





Орфическіе гимны.

Съ прошлаго года мы начали печатаніе „Орфическихъ гимновъ“ въ переводѣ съ греческаго.

При изученіи религій привлекаютъ таинственные памятники Греціи. Въ каждой расѣ существуютъ мистеріи и посвященія. Но въ Греціи эта ступень жизни покрыта единственной красотою. Орфей въ зеленомъ ореслѣ, съ своей четырехструнной лирой, облекъ вѣчные символы въ земные, роскошные покровы. Онъ вѣчную гармонію включалъ въ земные ритмы, звуки, слова и образы. Божественную мудрость онъ открывалъ въ красочныхъ, звучныхъ гимнахъ. Непостижимое *единство міра* онъ прославлялъ, уча о его силахъ, въ иллюзорномъ очарованіи намъ кажущихся отдѣльными и противуположными.

За 1914 г. напечатано 27 гимновъ:

Гекатѣ.	Природѣ.	Зевсу Молніеносцу.
Привратницѣ.	Пану.	Зевсу Громовержцу.
Ночи.	Гераклу.	Облакамъ.
Урану.	Кроносу.	Ѳетидѣ.
Эѳиру.	Реѣ.	Нерею.
Протогону.	Зевсу.	Нереидамъ.
Планетамъ.	Герѣ.	Протею.
Геліосу.	Посейдону.	Геѣ.
Селенѣ.	Плутону.	Матери Боговъ.

XXVIII. **Гермесу** (возжиганія ладана).

Слушай моленье мое, Гермесъ, ангелъ Зевса, сынъ Майи,
Сердце всевластно твое, мудрецъ, предводитель, царь смертн ы
Вѣстникъ, гонецъ, пестроумный, о, крылоногій посланникъ,

Логоса смертнымъ пророкъ, ты любишь людей, упражненья,
Любишь обманъ, змѣеносецъ; все объяснить ты умѣешь,
Прибыль приносишь купцамъ, ты можешь заботы развѣять;
Держишь въ рукахъ ты своихъ орудіе чудное мира;
Корикіотскій, блаженный, благостный, пестрорѣчивый,
Ты помогаешь въ дѣлахъ, ты другъ въ неизбѣжности смертнымъ;
Рѣчью силенъ какъ орудьемъ, благословенье ты людямъ;
Слушай моленье мое, конецъ благородный дай жизни,
Милость дѣламъ и словамъ пошли ты и воспоминаньямъ.

XXIX. **Гимнъ Персефонѣ.**

Шествуй, блаженная, Зевса великаго дочь, Персефона,
Единородная дочь, наши жертвы прими благосклонно;
Жизнь ты даешь, ты вѣрна, многочестна, супруга Плутона;
Ты обладаешь вратами Аида подъ тайной земною,
Дивнокудрявая ты Праксидика, святой цвѣтъ Деметры,
Ты Эвменидъ породила, подземнаго міра царица.
Ты, что была рождена ложемъ Зевса таинственнымъ, дѣва.
Мать многоформнаго и громоноснаго ты Эвбулея,
Блестящеформная и свѣтоносная, Горъ ты подруга,
Всѣмъ ты владѣешь, святая, плодами покрытая дѣва,
Вся ты сіяешь, двурогая, смертнымъ одна ты владыка,
Дѣва весенняя, ты дуновенія поля лелѣешь,
Тѣло священное ты проявляешь средь почекъ зеленыхъ,
Вновь похищаема позднею осенью къ брачному ложу;
Жизнь—также смерть—ты единая многострадающимъ смертнымъ,
Ферсефонея [1]) ты вѣчно приносишь и все убиваешь.
Слушай, богиня святая, плодовъ ниспошли ты на землю,
Дай, чтобъ, цвѣтущая — въ мирѣ ты насъ въ мягкодланномъ здоровьѣ
Въ жизни счастливой, въ богатой ты старости насъ проводила
Къ смертнымъ владѣньямъ своимъ, къ границамъ владыки Плутона.

XXX. **Діонису** (возжиганія смолъ).

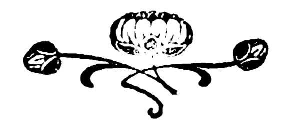
Я призываю тебя, Діонисъ, громовой, благозвѣздный,
Перворожденный, владыка, Бакхей, двуприродный, двурогій,

---

[1]) *Ферсефонея*: фер...—приношу, фон...—убиваю.

Триждырожденный, двуформный, мужской, луговой, тайноскрытный [1]),
О, волоокій, покрытый плющемъ, трехгодичный, священный,
Плотскія жертвы тебѣ мы несемъ, эвоэ восклицаемъ,
Пейлосъ твой въ почкахъ зеленыхъ, вкушаешь ты спѣлыя
гроздья.
О, Эвбулей многомудрый, дитя Персефоны и Зевса;
Тайнымъ ты ложемъ рожденный, безсмертный, могучій ты демонъ;
Голосъ услыши, блаженный, сойди къ намъ въ дыханіи сладкомъ,
Добрый, съ тобою кормилицы всѣ въ поясахъ благолѣпныхъ.

Перев. Н. П.



Я понимаю святость какъ совершенную чистоту души, поступковъ, мыслей, словъ, и наконецъ, безгрѣшность въ снахъ.

Преподаваніе мудрости гармонизируетъ человѣка и гармонизируя его, дѣлаютъ эти свойства для него естественными.

Гностикъ не уходитъ отъ жизни — этого ему не разрѣшается, но его душа отходитъ отъ страсти и это ему дается.

Гностикъ не желаетъ ничего, что отсутствуетъ, т. к. онъ всегда доволенъ тѣмъ, что ему посылается.

Гностикъ всегда кротокъ и терпѣливъ, доступенъ, привѣтливъ, благодаренъ; совѣсть его чиста.

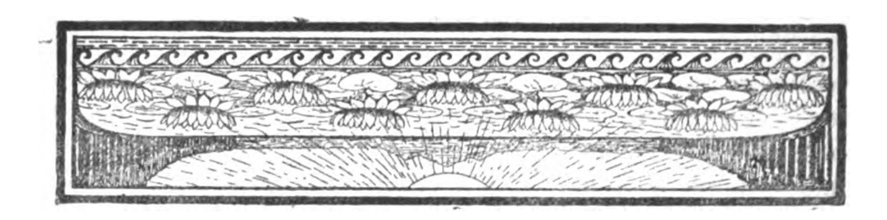
Вся его жизнь представляетъ собою святой праздникъ.

Изреч. Климента Александрійскаго.

---

[1]) Е. П. Блаватская цитируетъ по-гречески эти строки въ Тайной Доктринѣ („Эволюція символизма", рус. переводъ и II т., стр. 40 франц. изд.) въ главѣ „Первичная субстанція и божественная мысль". Блаватская вообще часто ссылается на „Орфическіе гимны". Это дѣлаетъ знакомство съ ними необходимымъ и особенно интереснымъ.





„Нарождающійся мѣсяцъ".

(The Crescent Moon).

Рабиндранатъ Тагоръ.

(Переводъ съ англійскаго С. В. Татариновой).

ДОМА.

Я шелъ одинъ по дорогѣ черезъ поле, когда закатъ, подобно бѣдняку, пряталъ свое послѣднее золото.

Дневной свѣтъ все глубже и глубже погружался во мракъ, и въ безмолвіи покоилась осиротѣвшая земля, отдавшая жатву свою.

Вдругъ звонкій голосъ мальчика пронесся ввысь. Онъ пронизалъ непроглядный мракъ, оставивъ въ умолкнувшемъ вечерѣ слѣдъ своей пѣсни.

Его деревня тамъ, далеко, въ концѣ широкой долины, за полемъ сахарнаго тростника; она прячется подъ тѣнью банановъ и тонкихъ пальмъ кокоса и арека, въ темной зелени хлѣбнаго дерева.

Я остановился на мгновеніе въ одинокомъ пути моемъ при свѣтѣ звѣздъ и увидалъ раскинувшуюся передо мной темную землю, заключившую въ объятіяхъ своихъ безчисленные дома, гдѣ есть колыбели и постели, материнскія сердца и вечернія лампады, и молодыя жизни, радующіяся той радостью, что не знаетъ себѣ цѣны въ этомъ мірѣ.

НА МОРСКОМЪ БЕРЕГУ.

На морскомъ берегу безграничныхъ міровъ собираются дѣти. Безконечное небо недвижно вверху, и шумятъ безпокой-

ныя воды. На морскомъ берегу безграничныхъ міровъ собираются дѣти съ радостными кликами и плесками.

Они строятъ дома изъ песку и играютъ пустыми раковинами. Изъ сухихъ листьевъ дѣлаютъ они себѣ лодочки и смѣло пускаютъ ихъ на глубокій просторъ. Дѣти играютъ на морскомъ берегу міровъ.

Они не умѣютъ плавать, они не знаютъ, какъ закидывать сѣти. Искатели жемчуга ныряютъ за жемчужинами, купцы плывутъ на своихъ судахъ, а дѣти все собираютъ камешки и снова раскидываютъ ихъ. Они не ищутъ спрятанныхъ сокровищъ они не знаютъ, какъ закидывать сѣти.

Море вздымается отъ смѣха, и блѣдная улыбка озаряетъ берегъ морской. Волны, несущія смерть, поютъ дѣтямъ баллады, непонятныя имъ, какъ мать, качая колыбель поетъ своему ребенку. Море играетъ съ дѣтьми, и блѣдная улыбка озаряетъ берегъ морской.

На морскомъ берегу безграничныхъ міровъ собираются дѣти. Буря несется по небу, не разбирая пути, корабли безслѣдно тонутъ въ волнахъ, смерть витаетъ кругомъ, а дѣти играютъ На морскомъ берегу безграничныхъ міровъ великое сборище дѣтей.

ИСТОЧНИКЪ.

Тотъ сонъ, что пробѣгаетъ по глазкамъ ребенка, кто знаетъ, откуда приходитъ онъ? Да, носятся слухи, что онъ обитаетъ тамъ, въ заколдованномъ селеніи, въ глуши тѣнистыхъ лѣсовъ, освѣщаемыхъ блѣднымъ мерцаніемъ свѣтляковъ. Тамъ скрываются два боязливые ростка чарованія. Оттуда приходитъ онъ цѣловать глазки ребенка.

Тотъ смѣхъ, что играетъ на устахъ соннаго ребенка, кто знаетъ, гдѣ родился онъ? Да, носятся слухи, что блѣдный лучъ молодого мѣсяца коснулся края тающаго осенняго облачка, и тамъ впервые зародилась улыбка въ грезѣ утра, омытаго росой,—тотъ смѣхъ, что играетъ на устахъ соннаго ребенка.

Та сладкая, нѣжная свѣжесть, которой дышатъ всѣ члены ребенка,—развѣ кто знаетъ, гдѣ пряталась она такъ долго? Да, когда мать была еще юной дѣвушкой, она залегла въ сердцѣ ея молчаливой тайной любви,—та сладкая, нѣжная свѣжесть, которой дышатъ всѣ члены ребенка.

КАКЪ ПОСТУПАЕТЪ РЕБЕНОКЪ.

Если-бы ребенокъ захотѣлъ, онъ могъ бы сейчасъ улетѣть на небо.

Недаромъ онъ не покидаетъ насъ.

Ему пріятно прильнуть къ груди матери, и онъ боится потерять ее изъ виду.

Ребенокъ знаетъ много умныхъ словъ, но не много людей на землѣ понимаютъ, что они значатъ.

Недаромъ онъ не хочетъ заговорить.

Одного желаетъ онъ, —это заучивать материнскія слова, произнесенныя устами матери. Вотъ почему онъ и кажется такимъ невиннымъ.

У ребенка есть груды золота и жемчуга, а онъ нищимъ является на эту землю.

Недаромъ приходитъ онъ въ этомъ видѣ.

Этотъ голенькій нищій малютка жалаетъ представиться безпомощнымъ, чтобы выпросить себѣ сокровища материнской любви.

Ребенокъ былъ такъ свободенъ отъ всякихъ узъ въ странѣ тонкаго луннаго серпа.

Недаромъ отказался онъ отъ своей свободы.

Онъ знаетъ, что въ маленькомъ уголкѣ материнскаго сердца довольно мѣста для радости безъ конца, и слаще всякой свободы объятія ея милыхъ рукъ.

Ребенокъ не зналъ, что значитъ плакать. Онъ жилъ въ странѣ полнаго блаженства.

Недаромъ пожелалъ онъ проливать слезы.

Но улыбка его милаго личика привлекаетъ къ нему страстное сердце матери въ то время, какъ его слабые крики при всѣхъ его маленькихъ горестяхъ сплетаютъ двойную цѣпь жалости и любви.

НЕПРИЗНАННЫЙ ЯЗЫЧНИКЪ.

Ахъ, кто окрасилъ это платьице, дитя мое, и покрылъ нѣжные члены твои этимъ краснымъ плащомъ?

Ты вышелъ поутру поиграть на дворѣ, шатаясь и спотыкаясь на ходу.

Но кто-же окрасилъ это платьице, дитя мое?



Что смѣшитъ тебя, моя маленькая, еще не распустившаяся жизнь?

Мать улыбается тебѣ, стоя на порогѣ. Она бьетъ въ ладоши, и запястья ея бренчатъ, а ты пляшешь съ бамбуковымъ посохомъ въ рукахъ, какъ маленькій нѣжный пастушокъ.

Но что же смѣшитъ тебя, моя маленькая, еще не распустившаяся жизнь?

О, попрошайка, что ты выпрашиваешь себѣ, обвивая обѣими ручонками шею матери?

О, жадное сердечко, развѣ сорвать мнѣ весь міръ, какъ плодъ съ неба и положить его на маленькую розовую ладонь твою?

О, попрошайка, что ты выпрашиваешь себѣ?

Вѣтеръ радостно уноситъ вдаль бряцанье бубенчиковъ на твоихъ запястьяхъ.

Солнце улыбаясь слѣдитъ за тѣмъ, какъ ты одѣваешься. Небо сторожитъ тебя сверху, когда ты спишь на рукахъ у матери, а утро на цыпочкахъ подкрадывается къ твоей кроваткѣ и цѣлуетъ глазки твои.

Вѣтеръ радостно уноситъ вдоль бряцаніе бубенчиковъ на твоихъ запястьяхъ.

Быстро летя по небу спускается къ тебѣ въ сумеркахъ фея сновидѣній.

Мать-земля сидитъ подлѣ тебя въ сердцѣ твоей матери.

Тотъ, кто услаждаетъ звѣзды своей музыкой, стоитъ съ флейтой у окна твоего.

А фея сновидѣній, быстро летя по небу, спускается къ тебѣ въ сумеркахъ.

ПОХИТИТЕЛЬНИЦА СНОВЪ.

Кто похитилъ сонъ изъ глазъ ребенка?—я долженъ знать это.

Прижимая кувшинъ свой къ груди, мать идетъ изъ ближней деревни за водой.

Полдень. Дѣтскія игры кончились; утки молчатъ на пруду

Мальчикъ пастухъ спитъ подъ тѣнью баньяноваго дерева.

Важный журавль недвижимо стоитъ въ болотѣ близъ манговой рощи.

А въ это время является похитительница сновъ и, схвативъ сонъ изъ глазъ ребенка, улетаетъ прочь.

Когда мать возвращается назадъ, она находитъ ребенка на полу; онъ ползетъ черезъ комнату на четвереренькахъ.

Кто похитилъ сонъ изъ глазъ ребенка?—Я долженъ знать это. Я долженъ найти ее и заковать ее въ цѣпи.

Я долженъ заглянуть въ темную пещеру, гдѣ черезъ обломки скалъ и хмурые камни струится тоненькій ручеекъ.

Я долженъ искать въ дремотной тѣни бакуловыхъ деревъ, гдѣ голуби воркуютъ въ укромномъ уголкѣ, и запястья фей брящаютъ въ тишинѣ звѣздныхъ ночей.

Вечеромъ я загляну въ шепчущую тишину бамбуковой рощи, гдѣ мерцаютъ огоньки свѣтящихся мухъ и буду спрашивать всякаго встрѣчнаго: „Кто можетъ мнѣ сказать, гдѣ живетъ похитительница сновъ?"

Кто похитилъ сонъ изъ глазъ ребенка? Я долженъ знать это.

Развѣ не долженъ я хорошенько проучить ее, если только поймаю ее.

Я сдѣлаю набѣгъ на ея гнѣздо, и посмотрю, куда она прячетъ всѣ унесенные сны.

Я ограблю ее и все унесу домой.

Я крѣпко свяжу ей крылья, пущу ее на берегъ рѣки и оставлю ее забавляться съ удочкой и удить рыбокъ среди камышей и лилій.

Когда кончентъ торговый день, и вечеромъ деревенскія дѣти сидятъ на колѣняхъ у матерей, тогда ночныя птицы будутъ насмѣшливо напѣвать ей въ уши: „Чей-то сонъ похитишь ты теперь?".

НАЧАЛО.

— Откуда пришелъ я? Гдѣ ты подобрала меня?—спрашивалъ ребенокъ у матери.

Смѣясь и плача въ то-же время она отвѣчала, прижимая ребенка къ груди своей:

— Ты таился въ сердцѣ моемъ, какъ сокровенное желаніе его, сокровище мое.

Ты прятался въ куклахъ моихъ дѣтскихъ игръ; и когда по утрамъ я лѣпила божковъ изъ глины, я творила и разрушала тебя.

Ты былъ на алтарѣ Божества нашего домашняго очага, и, поклоняясь ему, я поклонялась тебѣ.

Ты жилъ во всѣхъ надеждахъ моихъ и въ любви моей, въ жизни моей и въ жизни матери моей.

На колѣняхъ безсмертнаго Духа, главѣ нашего дома, нянчили тебя уже издавна.

Когда дѣвственное сердце мое раскрывало свои лепестки, ты ароматомъ носился надъ нимъ.

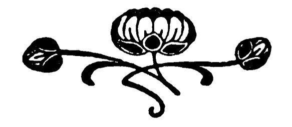
Твоя нѣжная гибкость расцвѣтала въ молодыхъ членахъ моихъ, подобно лучу зари на предразсвѣтномъ небѣ.

Любимый первенецъ неба, близнецъ утренняго разсвѣта, тебя несъ потокъ міровой жизни, и, наконецъ, ты присталъ къ сердцу моему.

Когда я гляжу въ лицо твое, тайна окружаетъ меня; ты, который принадлежалъ всѣмъ, ты сталъ моей собственностью.

Боясь потерять тебя, я крѣпко прижимаю тебя къ груди своей.

Какимъ волшебствомъ заманили къ себѣ эти слабыя руки мои сокровище міра?



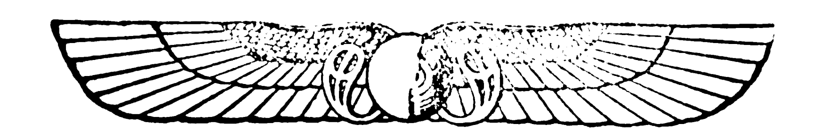
Подобно тому какъ ремесленникъ понимаетъ, что искусство открывается ему посредствомъ ученія и воинъ сознаетъ, что военныя упражненія дѣлаютъ его способнымъ къ ратному дѣлу, точно также и ученикъ понимаетъ, что недостаточно желать стать добрымъ и совершеннымъ, но что этому нужно учиться, упражняясь въ послушаніи.

Когда играютъ въ мячъ, то недостаточно искусно бросать его, но нужно, чтобы были игроки, которые бы умѣли ловко его подхватывать, иначе игра бы не могла продолжаться согласно установленнымъ правиламъ: точно также успѣваетъ въ ученье тотъ, кто приступаетъ къ нему съ вѣрою, составляющей своего рода естественное искусство. И самое высокое преподаваніе безполезно, если ученикъ не обладаетъ способностью воспріятія.

Волить—это есть актъ души, но совершать дѣйствіе нельзя безъ тѣла.

Изреч. Климента Александрійскаго.



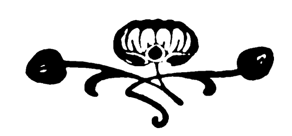


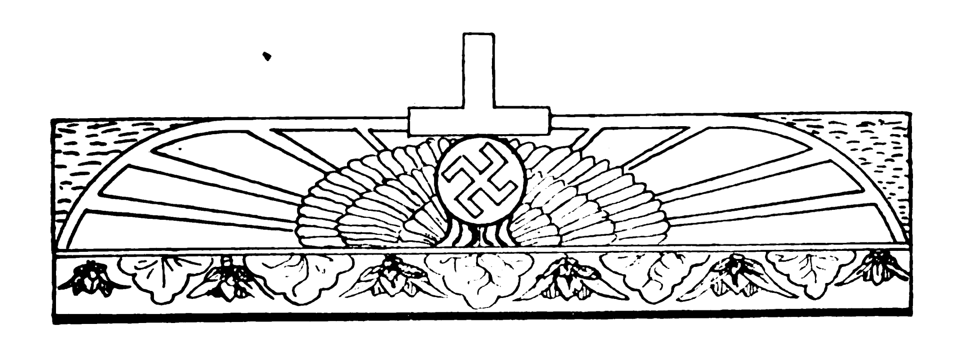
Изъ Рабиндраната Тагора.

Кто любитъ здѣсь меня, въ земной моей дорогѣ,
Заботой ихъ любви я вся окружена.
Мудрѣй Твоя любовь—въ страданьяхъ и тревогѣ
Идти я послана одна.
Кто любитъ здѣсь меня, тоской любви томимый,
Онъ хочетъ быть со мной, онъ тѣсно льнетъ ко мнѣ.
Мудрѣй Твоя любовь—безмолвный и незримый,
Ты ждешь меня въ надзвѣздной вышинѣ.

* * *

Много желаній во мнѣ и мольбы мои полны рыданья.
Ты же суровымъ отказомъ всегда отвѣчаешь мольбѣ.
Строгій въ отцовской любви, каменистымъ путемъ воздержанья
Выше и выше зовешь подыматься къ Тебѣ.
Много отбросило сердце въ дорогѣ безплодныхъ томленій
Съ каждымъ ея поворотомъ все больше достойно оно
Солнца, простора и жизни—всего, что безъ слезъ и моленій
Съ царственной щедростью людямъ Тобою дано.

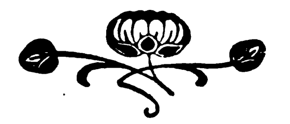




Сестрамъ.

Охраняйте ночами неслышной заботой постели,
На которыхъ страданье забыто въ лелѣющемъ снѣ.
Подходите къ страданью, какъ къ нѣкой священной купели
Въ одѣяній своихъ бѣлизнѣ,
Какъ лампаду любовью зажженное сердце несите,
Чтобъ оно озаряло мученія скорбные дни.
Какъ угодниковъ Божьихъ страдальцевъ просите,
Чтобъ приняли ваше служенье они.

Вѣра Рудичъ.



Законъ благой учитъ насъ остерегаться всѣхъ дурныхъ вещей: невѣжества, злобы, душевной болѣзни, смерти, но не той смерти, что отдѣляетъ душу отъ тѣла, а той, что отдѣляетъ душу отъ истины.

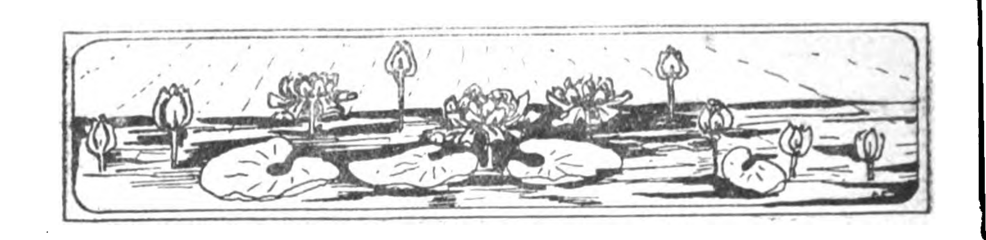
Истинный аскетъ есть тотъ, кто на великой аренѣ легкомысленнаго міра получаетъ вѣнецъ истинной побѣды надъ всѣми страстями.

Молитва есть въ сущности бесѣда съ Богомъ.

Молитва можетъ быть сказана безъ голоса, путемъ сосредоточенія всей духовной природы на выраженіи мыслей, глубоко устремленныхъ къ Богу.

Изреч. Климента Александрійскаго.





Письма къ читателямъ.

> **Продолженіе прежней культуры невозможно, нить обрывается, образуется проломъ и необходимъ с к а ч о к ъ на другой берегъ, гдѣ зачинается новая, духовная культура.**
>
> *Изъ лекціи д-ра Штейнера.*

Міръ, въ которомъ мы живемъ, безконечно сложнѣе, чѣмъ мы думали до сихъ поръ. Заслуга оккультистовъ въ томъ, что они это знаютъ и своимъ знаніемъ расширяютъ и наше сознаніе.

„Все преходящее есть только символъ". Эти таинственныя слова были сказаны уже болѣе ста лѣтъ назадъ [1]) оккультистомъ Гёте, а между тѣмъ, они еще такъ недавно были совершенно непонятны для огромнаго большинства европейцевъ, которые были такъ захвачены этими символами, такъ влюблены въ нихъ, что не хотѣли ни знать, ни принимать въ расчетъ ничего иного.

И только теперь, когда страстное увлеченье, „преходящими символами" приходитъ къ концу, глаза людей понемногу раскрываются и они начинаютъ догадываться, что за физическими явленіями таится иное, сложное, пока еще таинственное н ѣ ч т о, участвующее въ построеніи ихъ бытія. Объ этомъ „нѣчто" и говорилъ Гете; онъ зналъ, что въ физической культурѣ проявляется только одна сторона нашей дѣятельности; остальныя грани нашей сложной природы, нашего сложнаго сознанія, воли, сердца, духа, все это живетъ и дѣйствуетъ на другихъ планахъ бытія, гдѣ создаются идеи, гдѣ возникаютъ настроенія, творятся

---

[1]) **1-ая часть Фауста вышла въ 1808 г.**

вѣчныя цѣнности. Тамъ и происходитъ накопленіе той энергіи, которая исходитъ изъ нашихъ мыслей, стремленій и эмоцій, возникающихъ въ невидимой лабораторіи человѣческой души. Ничто изъ нихъ не пропадаетъ: каждый безкорыстный порывъ, каждая мысль любви, каждое стремленіе къ добру, весь энтузіазмъ мучениковъ за свѣтлыя идеи, всѣ молитвы праведниковъ, всѣ слезы и стоны страдающаго человѣчества скопляются въ могучую силу, которая продолжаетъ жить и дѣйствовать на невидимыхъ планахъ бытія. Но точно также продолжаетъ жить и энергія злыхъ мыслей, стремленій и эмоцій. Когда же въ земной эволюціи наступаютъ кризисы, когда все цѣнное изъ господствовавшей культуры исчерпано до конца и для человѣчества наступаетъ внутренняя необходимость подняться на высшую ступень сознанія,—тогда возникаетъ невидимая борьба между свѣтлыми силами и темными. И тѣ и другія исходятъ отъ самого человѣка, первыя—результатъ его высшей природы, которая черпаетъ свои силы изъ Божественной Жизни, вторыя идутъ изъ его низшей природы, энергія которой поддерживается эгоистическими страстями. Когда между ними возникаетъ борьба, первыя влекутъ людей къ свѣту, свободѣ и единенію, вторыя—къ темнотѣ, рабству и распаду. Эта невидимая битва уже совершилась, свѣтлыя силы побѣдили, а та борьба, которая ведется въ настоящее время между европейскими народами, есть лишь ея видимое отраженіе.

Задача земной жизни и состоитъ въ томъ, чтобы отразить вѣчное въ преходящихъ явленіяхъ, чтобы провести всю сложную эволюцію человѣческаго сознанія черезъ матеріальные символы, чтобы творить эти символы все совершеннѣе, переводить ихъ изъ первобытнаго и простого въ сложное и разнообразное до тѣхъ поръ, пока накопленіе опыта на данной ступени эволюціи не завершится и не потребуется объединеніе всего разнообразія земного творчества въ одно прекрасное, достойное своего вѣчнаго смысла цѣлое.

Переходъ одной ступени сознанія на другую, когда зарождаются новыя идеи, новыя начала и новыя настроенія, называется въ оккультизмѣ „вихремъ бытія“. Мы присутствуемъ при такомъ „вихрѣ бытія“, скрытый смыслъ котораго въ томъ, что отжившая культура разлагается и на ея развалинахъ возникаетъ новая, болѣе совершенная культура; смыслъ этотъ иллюстрируется на нашихъ глазахъ грандіозной эпопеей кровавой борьбы между европейскими народами. Одна сторона борющихся на этомъ ве-



личайшемъ изъ всѣхъ Курукшетръ [1]) являетъ собою яркое выраженіе той, доведенной до своего апогея ступени европейскаго сознанія, которое закрывалось отъ всего духовнаго, сдѣлало матеріальное благо единой цѣлью всѣхъ своихъ чаяній и въ земномъ своемъ творчествѣ выразилось въ милитаризмѣ и капиталистическомъ рабствѣ.

Другая сторона борющихся служитъ новому духу жизни, освобождаетъ міръ изъ тѣхъ самыхъ цѣпей, которыя такъ дружно выковывались всѣмъ европейскимъ Западомъ.

Истиннымъ побѣдителемъ въ этой борьбѣ будетъ тотъ народъ, который раньше всѣхъ сдѣлаетъ „скачокъ на другой берегъ", гдѣ—пока еще въ неясныхъ очертаніяхъ, по линіямъ еще не вполнѣ выявившагося для нашего з е м н а г о сознанія идеала, построится наше свѣтлое будущее.

Побѣжденнымъ же будетъ тотъ народъ, въ которомъ наиболѣе ярко и цѣльно выразилось влеченіе къ тому, что уже отслужило свою службу, что тормозитъ дальнѣйшую эволюцію человѣка, что служитъ его низшей природѣ, а не высшимъ его возможностямъ.

Если бы люди понимали благой смыслъ совершающейся борьбы, какъ невозможна стала бы ненависть къ побѣжденному! Онъ несетъ на себѣ всю тяжесть кармы отживающаго грѣшнаго міра, потому что онъ болѣе всѣхъ другихъ народовъ заковалъ себя въ цѣпи рабскаго служенія низшимъ инстинктамъ нашей природы, и для него н у ж н ѣ е чѣмъ для другихъ урокъ великаго страданія. Въ данномъ случаѣ урокъ получится отъ сознанія, что онъ служилъ недостойному кумиру, разсыпающемуся на его глазахъ въ пыль и прахъ.

Пусть борящіеся не сознаютъ всего значенія своей борьбы, это не измѣнитъ результатовъ. Разложеніе того, что препятствуетъ живому творчеству духа, несомнѣнно совершится; это рѣшено въ Книгѣ Судебъ самой природой человѣка, не той ея стороной, которая имѣетъ дѣло съ куплей и продажей, съ накопленіемъ и эгоизмомъ, а тѣмъ сверхличнымъ влеченіемъ къ свободному, вѣчному и прекрасному, которое такъ ясно проявилось въ наши дни историческаго суда надъ душой народовъ.

Это влеченіе не умирало никогда; оно только отступило на задній планъ, подавленное матерьяльной культурой, имѣвшей

---

[1]) Въ Бхагавадъ-Гитѣ на полѣ Курукшетрѣ сходятся двѣ рати, потомки Куру, борящіеся за правое дѣло, и потомки Панду, отстаивающіе неправду.



свою особую эволюціонную задачу. Задача эта — развитіе до совершенства *манаса*, малаго разума, дѣйствующаго черезъ мозгъ. Развитіе это закончилось и дало великолѣпные плоды: позитивную науку и удивительную технику.

По самому свойству своему малый разумъ можетъ познавать только *форму;* жизнь, одушевляющая форму, познается не имъ, и потому въ сферѣ отношенія человѣка къ человѣку, въ области нравственныхъ проблемъ, гдѣ дѣло идетъ уже не о формѣ, а о самомъ духѣ жизни, онъ *безсиленъ.* Сила его въ анализѣ, въ расчлененіи, въ обслуживаніи матерьяльныхъ потребностей; не удивительно поэтому, что торжество „манаса", царившаго безраздѣльно въ европейской жизни 19-го вѣка, привело къ разъединенію, къ оправданію личнаго, классоваго и народнаго эгоизма, къ торжеству насилія, а затѣмъ и къ угашенію духа въ пользу исключительнаго развитія формы.

Что въ концѣ концовъ заслонило собой всѣ остальные интересы людей? Колоссальное накопленіе машиннаго производства и жадное исканіе все новыхъ рынковъ. О справедливомъ *распредѣленіи* никто не думалъ. Вся европейская жизнь превратилась въ одно сплошное фабричное производство и бѣдная человѣческая Психея, оглушенная его грубыми шумами, была доведена до полнаго отчаянья. „Такъ жить нельзя!" стонала она и ея стоны дошли до неба, и небо послало намъ яркія знаменья.

И мы сразу узнали, всѣ, отъ мала до велика *отчего* нельзя такъ жить, поняли, что завѣтъ любви человѣка къ человѣку, который Христосъ далъ намъ двѣ тысячи лѣтъ назадъ,—не отвлеченная мораль, которую можно и не выполнять, а непреложный законъ человѣческой жизни, нарушая который мы ведемъ ее къ огрубѣнію и вырожденію, лишаемъ ее высшаго смысла и превращаемъ изъ человѣческой въ звѣриную.

Это знаніе - не вѣра и не мечта,—а подлинное внутреннее знаніе, и есть *переходъ сознанія на высшую ступень,* о которомъ говоритъ наука Духа. Ступень эта отличается отъ предыдущей тѣмъ, что ея знаніе рождается изъ любви, спаяно съ нею въ одно цѣлое и, благодаря этому, отличается совершенно иными признаками, чѣмъ знаніе малаго разума. Оно не разъединяетъ людей, а объединяетъ ихъ, заставляетъ жить не для одного себя, а для всѣхъ, способно не только брать, но и давать, понимать не только видимости, но и *суть* жизни.

Насъ поднялъ на высшую ступень порывъ любви къ родинѣ и негодованіе при видѣ насилія сильнаго надъ слабымъ. Но,

чтобы удержаться на этой ступени, нужно ясно сознать, *чего* она потребуетъ отъ насъ, нужно порывъ превратить въ новое міропониманіе.

Это—задача строителей жизни, которые въ силахъ взять на свой отвѣтъ руководительство судьбою народа. Задачей же *для всѣхъ* является необходимость довести начатое до конца, не бояться трудностей, помнить, что великіе результаты достигаются только великими усиліями, что новая жизнь потребуетъ отъ насъ напряженія *всѣхъ* нашихъ силъ...

„Кто хочетъ душу свою сберечь, тотъ потеряетъ ее; а кто потеряетъ душу свою ради Меня, тотъ обрѣтетъ ее въ жизнь вѣчную", сказалъ Учитель жизни.

Какимъ яркимъ свѣточемъ загораются эти слова, если ихъ примѣнить къ нашимъ днямъ! Великая эпоха духовнаго Возрожденія, въ преддверіе которой мы уже вступили, требуетъ прежде всего *жертвы*.

Еслибы мы, начиная борьбу съ врагомъ, не пожертвовали своими личными интересами и партійными антипатіями, мы были бы безсильны.

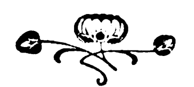
Чѣмъ больше жертва, тѣмъ болѣе она приноситъ силъ. И это относится не только къ войнѣ, но и къ мирному строительству жизни. Нельзя строить на томъ же мѣстѣ новый домъ, не пожертвовавъ старымъ; нельзя отрезвить цѣлый народъ, не пожертвовавъ интересами винодѣловъ; нельзя „перековать мечи на орала", не пожертвовавъ выгодами Крупповъ; нельзя осуществить братство, не пожертвовавъ своими привиллегіями и т. д.

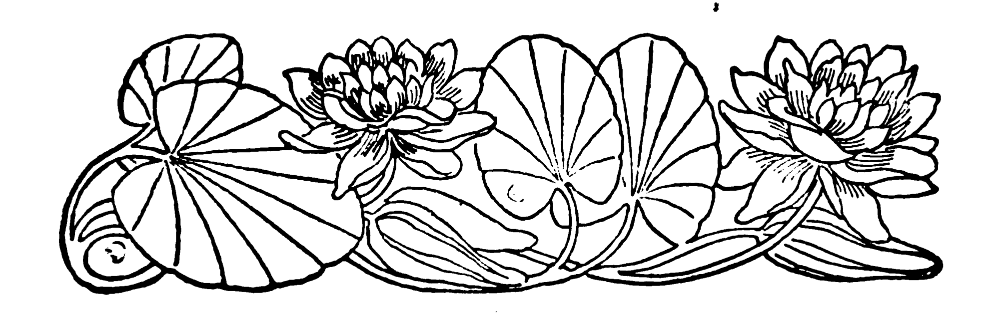
„Необходимъ скачокъ на другой берегъ", говоритъ оккультистъ. Что это значитъ?

Это значитъ, что нужна рѣшимость пожертвовать привычнымъ, насиженнымъ, для многихъ наиболѣе любимымъ и смѣло броситься впередъ въ неизвѣданное, чтобы вмѣсто знакомаго выпаханнаго поля поднимать еще нетронутую свѣжую цѣлину.

Для этого требуется радостное напряженіе всѣхъ нашихъ силъ, требуется *энтузіазмъ*, который всегда и во всѣ вѣка зажигался въ сердцахъ людей передъ великими міровыми задачами.

Другъ читателя.





Обозрѣніе теософической литературы.

Органъ англійской секціи Теософическаго о-ва „The Váhan“ содержитъ въ настоящее время, помимо статей отвлеченнаго содержанія, и разностороннія свѣдѣнія о дѣятельности общества, въ связи съ войной. Интересно, между прочимъ, описаніе работы отдѣла общества въ Харрогетѣ по пріему и устройству бельгійскихъ бѣглецовъ. Надо сказать, что почти всѣ англійскіе города основали комитеты для оказанія помощи бельгійскимъ бѣженцамъ; комитеты эти объединяютъ вокругъ себя всѣ слои общества. Подобный комитетъ сформированъ и въ Харрогетѣ. Мѣстные теософы примкнули къ работѣ комитета и не мало трудятся надъ устройствомъ участи тѣхъ трехсотъ бельгійцевъ, которыхъ карма забросила въ ихъ маленькій городокъ.

Работа по оказанію помощи распредѣлена между церквями. Каждому приходу вмѣняется въ обязанность меблировать и обставить пустой домъ, отданный въ безвозмездное пользованіе его владѣльцемъ, и передать его въ распоряженіе комитета. Прихожане данной церкви берутъ на себя заботу о жителяхъ этого дома и имѣютъ своего представителя въ центральномъ комитетѣ.

Обыкновенно въ каждомъ домѣ живутъ по два семейства, родственныхъ или дружественныхъ между собой [1]). Суммы, необходимыя на содержаніе бѣженцевъ, собираются очень легко, путемъ ознакомленія публики черезъ мѣстную прессу съ при-

[1]) Въ Англіи, въ особенности въ провинціальныхъ городахъ почти нѣтъ большихъ домовъ въ нѣсколько этажей. Англичане любятъ чувствовать себя хозяевами у себя и живутъ въ маленькихъ двухъ или трехъ-этажныхъ особнякахъ.



нятыми мѣропріятіями разсылки печатныхъ воззваній болѣе богатымъ гражданамъ. Собранныя и обѣщанныя суммы обезпечиваютъ содержаніе бельгійцевъ въ теченіе года.

На каждаго взрослаго комитетъ выдаетъ по 4 р., а на каждаго не взрослаго по 2 р. 50 к. въ недѣлю; кромѣ того выдается извѣстная сумма денегъ на топливо. Городъ сложилъ съ означенныхъ домовъ всѣ налоги. Харрогетское медицинское о-во и зубные врачи пользуютъ бельгійцевъ даромъ; аптеки отпускаютъ имъ лекарства по заготовочной цѣнѣ; одинъ кинематографъ предоставляетъ имъ 250 безплатныхъ мѣстъ, а прихожане снабжаютъ ихъ одеждой и бѣльемъ и наперерывъ другъ передъ другомъ заботятся о физическомъ и нравственномъ благосостояніи своихъ гостей.

„Бельгійское Депо", гдѣ помѣщаются центральный комитетъ и его развѣтвленія: комитеты, завѣдующіе финансами, жилищемъ, одеждой прінсканіемъ занятій,—представляетъ изъ себя ежедневно настоящій улей; здѣсь сходятся также и сами бельгійцы, помогая по мѣрѣ возможности общему дѣлу.

„Во всей этой работѣ,—говоритъ авторъ статьи,—выявилась та прекрасная черта, что люди, до той поры жившіе замкнутой жизнью, вращавшейся исключительно вокругъ личныхъ интересовъ, вышли изъ своей скорлупы и отдаютъ безъ оглядки время, средства и силы на служеніе другимъ. И между ними и опекаемыми ими бѣглецами установилась такая связь, которая надолго переживетъ всѣ ужасы настоящей войны".

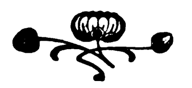
Вообще вопросъ о служеніи сталъ ребромъ передъ человѣчествомъ въ нынѣшнее время. Эта задача, остро и опредѣленно поставленная передъ нимъ, какъ говоритъ г. Алланъ на столбцахъ *Theosophy in Scotland* въ статьѣ: „Мистицизмъ и современный кризисъ". Весь мистицизмъ суммируется въ словахъ Іисуса: „Люби Господа Бога Твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ—и всею душою твоей" и „Люби ближняго твоего какъ самого себя", т. е. онъ включаетъ отношенія наши къ Богу и къ нашимъ ближнимъ. Отношеніе къ ближнему, выражающееся въ служеніи ему, является существенной частью мистицизма и въ настоящую минуту потребность въ служеніи велика на всѣхъ планахъ. Служеніе на физическомъ планѣ во всѣхъ его разновидностяхъ цѣнное само по себѣ пріобрѣтаетъ удесятеренную силу, если мы пріобщаемъ къ нему и силу Духа Божія.

О служеніи на внутреннихъ планахъ, гдѣ духъ непосредственно соприкасается съ духомъ и слуга Божій становится

проводникомъ духовной силы для другихъ дѣтей Всевышняго, можетъ быть, и нѣтъ надобности говорить тѣмъ, чей духъ еще не созналъ реальности такого служенія и безполезно о немъ говорить тѣмъ, кто уже пробудился къ этому сознанію. Скажу лишь, что такое пробужденіе приходитъ всегда черезъ *внѣшнее* служеніе. Полагая свои силы на служеніе окружающимъ, мы вдругъ сознаемъ, что внѣшняя сторона составляетъ наименьшую часть нашего служенія, и что божественная жизнь изливается черезъ насъ благословеніемъ на тѣхъ, кому мы служимъ. Съ той минуты, какъ мы сознали этотъ фактъ, намъ слѣдуетъ стремиться всегда пребывать въ святомъ Мѣстѣ, у Источника Духа.

Такое духовное общеніе влечетъ за собой спокойствіе и уравновѣшенность низшихъ проводниковъ. Это не значитъ, что они должны быть пассивны; — такое состояніе ведетъ лишь къ медіумизму и одержимости. Умъ, спокойный и сосредоточенный, долженъ быть вмѣстѣ съ тѣмъ и настороженнымъ. Если мы при такомъ состояніи чувствуемъ наше единство съ Великой Космической Любовью, мы, несомнѣнно, не только становимся болѣе способными къ служенію на физическомъ планѣ, но и на внутреннихъ планахъ мы пріобрѣтаемъ возможность направлять нашей возрожденной волей потокъ любви и жизни, нисходящія черезъ насъ, на людей, нуждающихся въ нихъ. Это и составляетъ нашу цѣль, тайну нашего служенія и великое наше преимущество".

В. Пушкина.



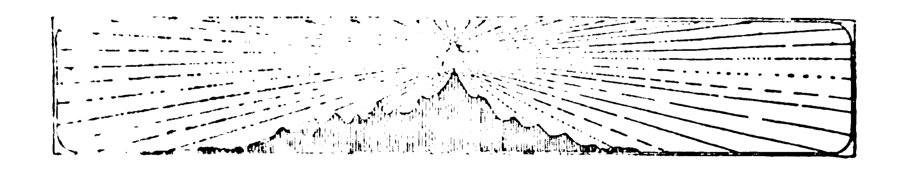
Естественно, что тотъ, кто подходитъ къ познанію, долженъ въ своемъ стремленіи къ истинѣ пройти черезъ опасности, страхи, тревоги и скорбь.

Есть времена, когда молчаніе лучше рѣчи, ибо молчаніе имѣетъ вѣрную награду свою.

Намъ необходимы слѣдующія добродѣтели: мужество, умѣренность, мудрость, справедливость, сила претерпѣвать и терпѣніе, самообузданіе собранность, и въ дополненіе ко всему—набожность. Набожность есть поведеніе угодное Богу и согласное съ Его Волей.

Климентъ Александрійскій.





Побѣда Истины приходитъ незамѣтно.

Утомленные блестящимъ разбушевавшимся океаномъ жизни мы отдыхаемъ на прекрасномъ островѣ поэзіи.

Мы отдаемся радости—благоговѣйно смиренную чашу вниманія и симпатіи подставить подъ этотъ золотой вихрь, проносящійся въ душахъ и отраженный въ магическихъ строкахъ. Знакомая мелодія въ этой *Индусской пѣснѣ:*

Я забыть эту пѣсню никакъ не могу.
А слыхалъ я ее на морскомъ берегу
Подъ наивные всплески волны;
И тоскующій голосъ меня перенесъ
Далеко-далеко отъ родной стороны...
Не меня ль эта пѣсня звала?
Я такъ долго блуждалъ среди змѣй и ліанъ,
Кровью я истекалъ отъ уколовъ и ранъ...
Пой мнѣ пѣсню индусскую, пой,
Какъ слѣпой, мое сердце идетъ на нее... [1])

Отъ уколовъ и ранъ заблужденій — насъ довѣріе и смиреніе выводитъ на путь вѣчныхъ, величайшихъ открытій. Поэтъ съ достоинствомъ почти забытымъ намъ объясняетъ:

Смерть не страшна, -Великій Кормчій міра
Всѣ корабли ведетъ къ Своей Странѣ [2]).

Или:

Когда меня ты грозно гонишь
Отъ здѣшней милой жизни прочь
И душу трепетную клонишь

[1]) А. Ѳедоровъ. (Вѣстникъ Европы. Декабрь 1914).
[2]) Г. Вяткинъ. (Вѣстникъ Европы. Ноябрь 1914).

Въ твою таинственную ночь,—
Покоренъ я. Мои свѣтила
По предначертаннымъ путямъ
Текутъ,—и будетъ все какъ было,
И здѣсь, жестокая, и тамъ... [1])

Какъ древни эти настроенія, какъ вѣчны эти воспоминанія смутныхъ знаній! Но нынѣ такъ властно зазвучали эти романтическія струны. Будто Орфей увѣренно вновь поднялъ лиру и ликующе зацарило просвѣтленіе. Изъ грустнаго раба иллюзій, поэтъ сталъ вновь царственнымъ толкователемъ вселенной:

Все тріедино во вселенной
Какъ тріединъ ея Господь...
За чудомъ каждаго явленья
Тройное скрыто единство—
Его предвѣчное рожденье.
Его распятье, погребенье
И воскресенья торжество [2]).

Гдѣ тотъ застѣнчивый, туманный стихъ, которымъ робкіе мистики еще недавно прикрывали свои космическія откровенія? Здѣсь видно почти посвященіе, звучитъ увѣренное знаніе. Она пишетъ:

Какъ вожделѣнна страна познанія,
Какъ многозвѣздно она свѣтла,
Ея сокровищамъ нѣтъ названія,
Ея обителямъ нѣтъ числа.
Какъ безпощадна страна познанія,
Ея пути—огонь и кровь,
Ея законъ—самосжиганіе
И дышитъ смертью въ ней любовь.
И какъ чудотворна страна познанія—
Въ ней прахъ и пепелъ встаетъ живымъ,
И улетаетъ, какъ вѣтра дыханіе
Что звали мы жизнью и сердцемъ своимъ.

Не только въ стихахъ дышитъ эта новая жизнь, вѣютъ эти цвѣтущіе сады безсмертныхъ знаній, и въ прозѣ:

---

[1]) Ѳедоръ Сологубъ. (Русская Мысль, ноябрь 1914).
[2]) В. Молахіева-Мировичъ (Русская Мысль, ноябрь 1914).

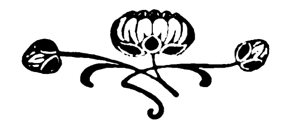


Душа постепенно выпрямляется, свѣтлѣетъ, и вдругъ словно лучъ солнца пронзаетъ и обжигаетъ ее до послѣднихъ глубинъ: ничто не страшно, ибо не страшна самая смерть, ибо *жизнь не исчерпывается видимымъ міромъ...* Сократъ умеръ?.. Но вѣдь онъ живъ. И Платонъ живъ. Какъ ясно чувствуется... вся его несказанная красота, его духовная близость... Никогда не можетъ умереть воистину живое [1]).

Вотъ мысли о смерти въ годъ, посвященный смерти.

Страданіе открыло мудрость интуиціи, очистило для воспріятія простой, но трудной истины о вѣчной жизни, подняло насъ до пониманія Бога. Много жестокихъ и блаженныхъ истинъ намъ открылось подъ жгучими бичами Шивы. За страшной маской виденъ его нѣжный ликъ съ таинственной улыбкой. Онъ ободряетъ насъ, когда мы совлекаемъ наши любимые, но ветхіе хитоны и обѣщаетъ свѣжія, блестящія одежды.

Таосъ.



Вѣра опредѣлялась какъ признаніе чего-нибудь невидимаго... Если въ данномъ случаѣ есть элементъ желанія, то это желаніе интеллектуальнаго характера, и такъ какъ выборъ есть начало дѣйствія, то вѣра, будучи основой раціональнаго выбора, является началомъ дѣйствія...

Первый принципъ пониманія заключается въ томъ, чтобы добровольно идти за тѣмъ, что полезно. Дѣйствіе вѣры становится такимъ образомъ знаніемъ, основаннымъ на прочномъ фундаментѣ. И такъ вѣру нельзя доказать разсужденіями.

Ученики, которые говорятъ, слышатъ и дѣйствуютъ духовно, воспринимаютъ вѣрою посредствомъ новаго зрѣнія, новаго слуха и новаго сердца.

Климентъ Александрійскій.

[1]) Любовь Гуревичъ (Рус. Мысль. Нояб. 1914).





L'Evoluisme, par les docteurs A. Auvard et M. Slhultz. Paris 1914, prix 7 francs, 374 pages.

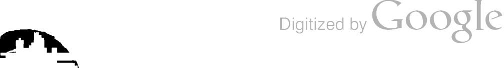
Эволюизмъ, трудъ г-дъ Оварда и Шульца, заслуживаетъ быть прочитаннымъ со вниманіемъ; особенно можно рекомендовать это сочиненіе тѣмъ, кто, интересуясь развитіемъ человѣческой души, не чувствуетъ склонности къ отвлеченному философскому мышленію. Здѣсь необыкновенно просто и ясно изложены всѣ самые трудные вопросы о развитіи духовныхъ и психическихъ свойствъ человѣка и указаны пути къ очищенію, во имя достиженія верховной цѣли эволюціи—единенія съ Богомъ. Человѣкъ, мечтающій стать хозяиномъ своей внѣшней и внутренней жизни, найдетъ въ этой книгѣ цѣнныя для себя указанія.

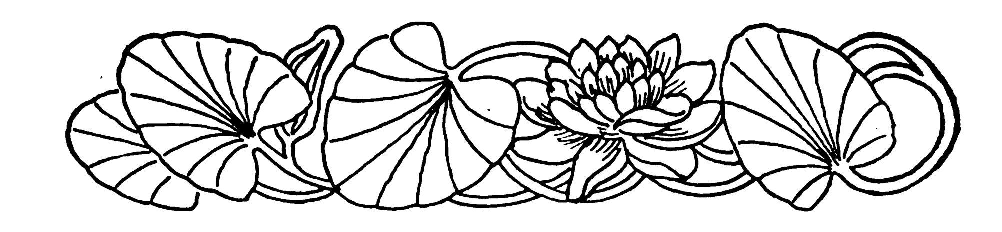
Въ основѣ всего сочиненія лежатъ руководящія теософическія идеи о божественности человѣка, о законѣ Кармы, Перевоплощенія и возвращенія духа къ своему Первоисточнику. Опираясь на ученіе Теософіи и соглашаясь съ нимъ во всемъ, авторы этой своеобразной и умной книги проникнуты свѣтлымъ желаніемъ помочь людямъ понять себя и вѣрно освѣтить всѣ сложныя проблемы жизни. Лозунгомъ этой работы могутъ служить ея заключительныя слова: «идти впередъ самому и помогать подвигаться своему ближнему».

Въ характерѣ изложенія книги замѣчается нѣкоторая сухость, вслѣдствіе чего высокія духовныя истины, исполненныя величія и красоты, обрисованы блѣдно и хотя и обогащаютъ умъ, но не захватываютъ сердца. Вторая слабая сторона—это незнаніе Россіи.

Но несмотря на замѣченные недостатки книга эта интересна для насъ какъ попытка представителей науки подойти къ вѣчнымъ истинамъ Теософіи съ своими методами мышленія и работы. Это своеобразное знаменіе времени.

Л. Т.



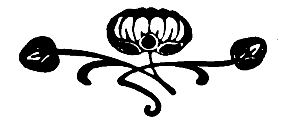


Къ друзьямъ просвѣщенія.[1]

Въ Сочи къ Новому Году широко откроются съ безплатнымъ входомъ двери Народной библіотеки. Мысль о ея созданіи—инициатива небольшой группы лицъ. Уже имѣется разрѣшеніе отъ губернатора на открытіе, собраны книги, нѣтъ лишь средствъ на устройство шкафовъ, на наемъ библіотекаря и открытіе кабинета для чтенія. Посылая эти строки хочется вѣрить, что они найдутъ откликъ и посильную помощь въ идущихъ впередъ со свѣточемъ любвикълюдямъ-братьямъ. Народъ теменъ, одинокъ и тоскуетъ по духовной пищѣ. Поможемъ ему чѣмъ и какъ можемъ.

Пожертвованія книгами, шкафами, газетами или деньгами адресовать:

Сочи, Черном. губ. отвѣтственной библіотекаршѣ Е. Н. Бонкеръ



[1]) *Прим. ред.*: Помѣщаемъ по просьбѣ завѣдующей народной библіотекой въ Сочи нижеслѣдукщее обращеніе.

Редакторъ **Ц. Л. Гельмбольдтъ.** Издательница **А. А. Каменская.**



Алфавитный указатель статей,

помѣщенныхъ въ „Вѣстникѣ Теософіи“ съ 1908 по 1914 годы.

За 1908 годъ.

За 1909 годъ.

*

За 1910 годъ.

За 1911 годъ.

За 1912 годъ.

За 1913 годъ.

За 1914 годъ.


Digitized by Google


Digitized by Google

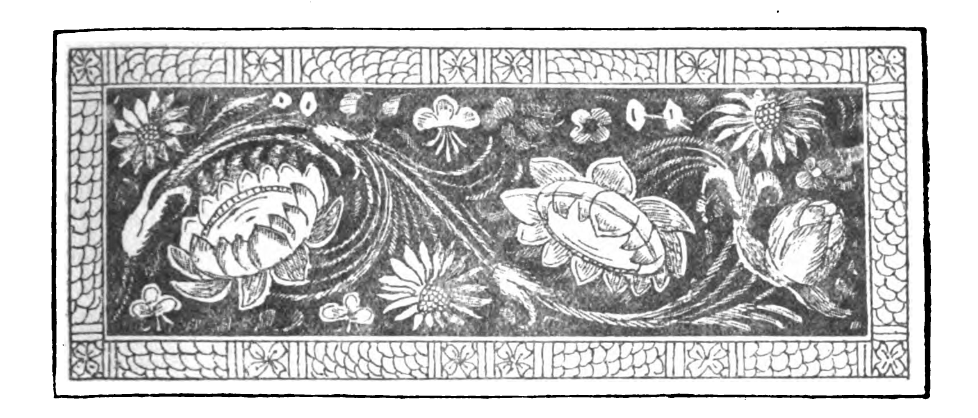

Digitized by Google



Digitized by Google

Печат. разрѣш. 10 декабря 1914 г. За Петрогр. Градонач. Помощн. Градонач. Камергеръ *Лысогорскій*

Тип. В. Вольфа, Петроградъ, В. О., Вольфовскій...



Объ оккультной и современной наукѣ.

(Аддендя).

Е. Блаватской.

Знаніе этого нижняго свѣта
Скажи, другъ, что оно ложно или истинно?
Ложно то, что смертный стремится знать.
Истинно то, что смертный когда-либо-зналъ.

ОТДѢЛЪ I.

Причины дополненій.

Многіе изъ доктринъ, содержащихся въ предыдущихъ семи стансахъ и комментаріяхъ, изучались и критически изслѣдовались западными теософами, при этомъ было найдено, что нѣкоторыя изъ оккультныхъ ученій недостаточно обоснованы съ обыкновенной точки зрѣнія современнаго научнаго знанія. Повидимому, были встрѣчены непреодолимыя препятствія для принятія этихъ ученій и возникла потребность въ пересмотрѣ ихъ въ цѣляхъ научнаго критицизма Въ виду этого у многихъ нашихъ друзей уже начало возникать сожалѣніе о необходимости такъ часто ссылаться на утвержденіе современной науки. Имъ казалось—я повторяю здѣсь только ихъ аргументы—что идти противъ ученій видныхъ представителей современной науки—значило бы заранѣе себя обрекать на полную неудачу въ глазахъ западнаго міра, значитъ создавать для нихъ преждевременное пораженіе въ глазахъ западнаго міра.

Поэтому, желательно разъ навсегда опредѣлить позицію, которую намѣренъ сохранять авторъ, въ этомъ отношеніи не



согласный со своими друзьями. Пока наука остается тѣмъ, что она есть, по словамъ проф. Геккеля, т. е. „организованнымъ здравымъ смысломъ", до тѣхъ поръ пока ея заключенія выводятся изъ правильныхъ посылокъ, и ея обобщенія основываются на чисто индуктивномъ базисѣ, всякій оккультистъ и всякій теософъ почтительно и съ должнымъ вниманіемъ встрѣчаютъ приношенія науки въ области космологическаго закона. Нѣтъ никакой возможности конфликта между ученіями оккультной и, такъ называемой, точной науки, пока заключенія послѣдней основаны на фундаментѣ неоспоримыхъ фактовъ. Только тогда, когда ея наиболѣе горячіе сторонники, перешагнувъ границы наблюдавшихся явленій, съ цѣлью проникнуть въ тайны существа, пытаются оторвать образованіе Космоса и его *живыхъ* силъ у Духа и приписать все слѣпой Матеріи, только тогда оккультисты заявляютъ свое право возражать и приводить въ доказательство свои теоріи. Наука не можетъ въ силу самой природы вещей раскрыть тайну вселенной, окружающей насъ. Наука, правда, можетъ собирать, классифицировать и обобщать явленія, но оккультистъ, основываясь на принятыхъ метафизическихъ данныхъ, заявляетъ, что смѣлый изслѣдователь, который хочетъ проникнуть въ самыя скрытыя тайны природы, долженъ перейти узкія границы чувства и перенести свое сознаніе въ область Нуменовъ и въ сферу Первоначальныхъ Причинъ. Чтобы исполнить это, онъ долженъ развить способности, которыя, кромѣ немногихъ рѣдкихъ и исключительныхъ случаевъ, находятся въ абсолютно спящемъ состояніи въ организмѣ отпрысковъ нашей настоящей пятой коренной расы, въ Европѣ и въ Америкѣ. Никакимъ другимъ мыслимымъ способомъ онъ не можетъ собрать факты, на которыхъ можно было бы обосновать его разсужденія. Развѣ это не очевидно въ принципахъ одинаково индуктивной логики и метафизики.

Съ другой стороны, что бы не дѣлалъ авторъ, онъ никогда не будетъ въ состояніи удовлетворить одновременно Истину и Науку. Дать читателю систематическій и непрерывный переводъ архаическихъ стансъ невозможно. Пропускъ въ 43 стихѣ или толкъ долженъ быть оставленъ между 7-мъ уже даннымъ и 51-мъ, который составляетъ предметъ книги II-й, хотя послѣдній и считается начиная съ 1-го для болѣе удобнаго чтенія и ссылокъ. Уже одно появленіе человѣка на землѣ занимаетъ равное число стансъ, въ которыхъ подробно описывается первоначальная эволюція изъ человѣческихъ Дхіанъ Чохановъ,

состоянiе земного шара въ это время и пр. и пр. Затѣмъ занимаетъ значительное мѣсто большое количество именъ, относящихся къ химическимъ веществамъ и другимъ сложнымъ соединенiямъ, которыя теперь перестали комбинироваться вмѣстѣ, и поэтому неизвѣстны позднѣйшимъ отпрыскамъ пятой расы. Такъ какъ эти имена просто непереводимы и, во всякомъ случаѣ, остались бы необъяснимыми, они просто выпущены вмѣстѣ съ тѣмъ, что не можетъ быть опубликовано. Тѣмъ не менѣе даже то немногое, что дается, будетъ раздражать всякаго послѣдователя и защитника догматической и матерiалистической науки, которому случится прочитать это.

Поэтому, въ виду возможности критики, прежде чѣмъ перейти къ остающимся стансамъ, предположено защитить тѣ, которыя уже даны. Что онѣ не находятся въ полномъ согласiи или гармонiи съ современной наукой, мы всѣ знаемъ, но если бы даже онѣ были настолько согласованы со взглядами современнаго знанiя, какъ лекцiя сэра Вильяма Томсона, онѣ были бы тѣмъ не менѣе отклонены. Потому что онѣ учатъ вѣрѣ въ сознательныя силы и Духовныя Сущности; въ земныя полуразумныя и высоко разумныя Силы на другихъ планахъ [1]) и въ Существа, которыя живутъ кругомъ насъ въ невидимыхъ сферахъ, но неразличимы ни въ телескопъ, ни въ микроскопъ. Отсюда вытекаетъ необходимость изслѣдованiя вѣрованiй матерiалистической науки и сравненiя ея взглядовъ на „Элементы" съ мнѣнiями древнихъ, а также анализа физическихъ Силъ, какъ онѣ существуютъ въ современныхъ понятiяхъ—прежде чѣмъ оккультисты допустятъ, что они неправы. Мы коснемся состава Солнца и планетъ и оккультныхъ характеристикъ (явленiй), называемыхъ Девами и Генiями, которыя современной наукой опредѣляются, какъ Силы или „виды движенiя", и посмотримъ, можно ли защищать эзотерическое вѣрованiе или нѣтъ. Несмотря на усилiя, которыя дѣлаются въ противоположномъ направленiи, умъ, не предрѣшающiй заранѣе своего рѣшенiя откроетъ, что „матерiальный или нематерiальный агентъ" [2]) Ньютона, агентъ, являющiйся причиною тяготѣнiя, и его личный *дѣйствующiй* Богъ такъ уже близки къ метафизическимъ Девамъ и Генiямъ, какъ Кеплера, Angelus Rector, веду-

---

[1]) **Ихъ разумность, конечно, совсѣмъ другой природы, чѣмъ какая-либо, какую мы можемъ представить себѣ на землѣ.**

[2]) **См. его третье письмо къ Бентлею.**

щій каждую планету, и какъ тѣ Species ammateriata, которые согласно мнѣнію этого астронома несутъ небесныя тѣла по ихъ путямъ.

Во II томѣ намъ придется открыто подойти къ опаснымъ темамъ. Мы должны смѣло взглянуть въ лицо наукѣ и прямо въ глаза матеріалистической учености со всѣмъ ея матеріальнымъ идеализмомъ, позитивизмомъ, и все-отрицающей современной психологіей, заявить, что истинный *оккультистъ вѣритъ въ „Господъ Свѣта"*, что онъ вѣритъ въ Солнце, которое далеко отъ того, чтобы быть просто „дневной лампой", двигающейся согласно физическимъ законамъ и далеко отъ того, чтобы быть просто однимъ изъ тѣхъ Солнцъ, которыя согласно Рихтеру, суть только „подсолнечники высшаго порядка"—есть, какъ милліарды другихъ Солнцъ, обитель или колесница Бога, и легіона Боговъ.

Въ этомъ спорѣ, конечно, на оккультистовъ будутъ нападать. Ихъ сочтутъ уже по самой постановкѣ вопроса за невѣждъ, приложатъ къ нимъ многіе обычные эпитеты, которыми поверхностно судящая публика, сама невѣжественная относительно великихъ скрытыхъ истинъ природы, награждаетъ лицъ, обвиняемыхъ въ пристрастіи къ средневѣковымъ суевѣріямъ. Пускай это будетъ такъ. Соглашаясь заранѣе на всякую критику, съ цѣлью двинуть свою задачу, оккультисты требуютъ только права показать, что физики въ своихъ разсужденіяхъ приходятъ къ такимъ же абсурдамъ, какимъ абсурдомъ имъ кажутся разсужденія оккультистовъ.

Солнце есть Матерія, и Солнце есть Духъ. Наши предки „Язычники" подобно ихъ современнымъ преемникамъ. Парсы были и есть достаточно мудры для своего поколѣнія, чтобы видѣть въ солнцѣ символъ Божества, и въ то же время чувствовать въ немъ, скрытаго физическимъ символомъ, свѣтлаго Бога Духовнаго и Земного Свѣта. Такое вѣрованіе можетъ быть разсматриваемо, какъ суевѣріе только грубымъ матеріализмомъ, который отрицаетъ Божество, Духъ, Душу и не допускаетъ сознанія внѣ человѣческаго ума. Но, если слишкомъ большое количество суевѣрій, созданныхъ „Верховностью", какъ называетъ это Лоренсъ Олифантъ, „дѣлаетъ человѣка дуракомъ", то излишнее количество скептицизма дѣлаетъ его сумасшедшимъ. Мы предпочитаемъ, чтобы насъ обвиняли въ безуміи за то, что мы вѣримъ слишкомъ много, чѣмъ, чтобы насъ обвиняли въ сумасшествіи, которое отрицаетъ все, какъ дѣлаютъ это

матеріализмъ и матеріалистическій идеализмъ. Изъ этого вытекаетъ, что оккультисты вполнѣ готовы принять должное имъ отъ матеріализма и встрѣтить враждебную критику, которая польется на автора этой книги, не за то, что онъ написалъ ее, а за то, что онъ вѣритъ въ ея содержаніе.

Поэтому открытія, гипотезы и неизбѣжныя возраженія, которыя будутъ приведены научными критиками, должны ожидаться заранѣе и заранѣе имъ должно быть найдено мѣсто. Точно также дожно быть показано, какъ далеко Оккультное Ученіе отходитъ отъ современной науки и какія, древнія или современныя теоріи болѣе правильны логически и философски. Единство и взаимныя отношенія частей Космоса были извѣстны древнимъ, раньше чѣмъ они стали очевидны для современныхъ астрономовъ и философовъ. И когда даже внѣшнія и видимыя части Вселенной и ихъ взаимныя отношенія не могутъ быть объяснены Физической Наукой въ какихъ-нибудь другихъ терминахъ, кромѣ тѣхъ, которые употребляются сторонниками механической теоріи Вселенной, изъ этого не слѣдуетъ, что матеріалистъ, отрицающій существованіе Души Космоса (что принадлежитъ къ области Метафизической Философіи) имѣетъ право заходить въ эту метафизическую область. Что физическая наука старается захватить эту область и дѣйствительно захватываетъ ее, есть только одно лишнее доказательство того, что „сила есть право“; но это не оправдываетъ такого вторженія.

Другой серьезный поводъ для этихъ дополненій заключается въ слѣдующемъ. Въ настоящее время можетъ быть дана только нѣкоторая часть Тайныхъ Ученій и поэтому эти доктрины никогда не были бы поняты даже теософами, если бы онѣ были опубликованы безъ всякихъ объясненій или комментаріевъ. Поэтому теософическія доктрины необходимо должны отличаться отъ спекуляцій современной науки. Архаическія аксіомы должны быть помѣщены рядомъ съ современными гипотезами и сравненіе ихъ цѣнности должно быть предоставлено проницательному читателю.

Что касается вопроса о „Семи Правителяхъ“, — какъ Гермесъ называетъ „Семь Строителей“, Духовъ, управляющихъ дѣйствіями природы, одушевленные атомы которыхъ въ ихъ собственномъ мірѣ являются тѣнями своихъ Первообразовъ въ астральномъ царствѣ, — то, конечно, эта работа будетъ имѣть противъ себя всѣхъ матеріалистовъ, всѣхъ людей науки. Но это противодѣйствіе можетъ быть только временнымъ. Люди смѣя-

лись надъ всѣмъ необычнымъ, насмѣхались въ началѣ надъ всякой идеей, еще не ставшей популярной и кончали тѣмъ, что ее принимали. Матеріализмъ и скептицизмъ суть два зла, которыя должны оставаться въ мірѣ, пока человѣкъ не покинетъ своей настоящей грубой формы и не облечется въ ту форму, которую имѣлъ во время первой и второй расы этого круга. Если скептицизмъ и наше настоящее природное невѣжество не уравновѣшиваются интуиціей и природной духовностью, то человѣкъ подъ вліяніемъ этихъ чувствъ не будетъ видѣть въ себѣ ничего кромѣ связки мяса, костей и мускуловъ съ пустымъ чердакомъ внутри, складомъ ощущеній и чувствъ. Сэръ Хемфри Дэйви былъ великимъ ученымъ, такъ же глубоко свѣдущимъ въ физикѣ, какъ современные теоретики, и однако онъ ненавидитъ матеріализмъ. Онъ говоритъ:

> Я слышалъ съ отвращеніемъ въ анатомическомъ театрѣ планъ физіолога о постепенномъ выдѣленіи вещества, въ которомъ является раздражаемость; эта раздражаемость развивается въ чувствительность и своими собственными врожденными силами пріобрѣтаетъ необходимые органы и, наконецъ, поднимается до сознательнаго существованія.

Тѣмъ не менѣе не физіологамъ слѣдуетъ бросить упрекъ въ томъ, что они говорятъ только о томъ, что могутъ видѣть и дѣлаютъ заключенія на основаніи свидѣтельства своихъ физическихъ чувствъ. Астрономы и физики по нашему мнѣнію еще болѣе нелогичны въ своихъ матеріалистическихъ взглядахъ и это должно быть доказано.

> . . . . Свѣтъ.
> Эфирный, первый изъ вещей, чистая эссенція, о которомъ говоритъ Мильтонъ, превратился у матеріалистовъ только въ . . . . первый, веселый, свѣтъ изъ всего существующаго матеріальнаго, первый и лучшій.

Для оккультистовъ это вмѣстѣ Духъ и Матерія. За модусомъ движенія, разсматриваемымъ нынѣ, какъ свойство матеріи и ничего болѣе, они видятъ лучезарный Нуменъ, это и есть „Духъ Свѣта", перво-рожденный отъ Вѣчнаго чистаго элемента, энергія котораго или эманація сосредоточена въ солнцѣ, великомъ Жизне-Дателѣ физическаго міра, подобно тому какъ скрытое Духовное Солнце есть Свѣто и Жизнедатель въ Духовномъ и Психическомъ Царствѣ. Бэконъ былъ однимъ изъ первыхъ,

ударившихъ основную ноту матеріализма, не только своимъ индуктивнымъ методомъ, — возобновленнымъ изъ плохо перевареннаго Аристотеля — но также общимъ смысломъ своихъ писаній. Онъ извращаетъ порядокъ духовной эволюціи, говоря:

> Первымъ созиданіемъ Бога былъ свѣтъ чувства; послѣднимъ свѣтъ разсудка; и его субботняя работа съ тѣхъ поръ есть просвѣтленіе Духа.

Это какъ разъ обратно. Свѣтъ Духа есть вѣчная Суббота мистика или оккультиста и онъ обращаетъ мало вниманія на свѣтъ простого чувства. Если эзотерически объяснить аллегорическую фразу „Fiat Lux“, то получится: Да будутъ „Сыны Свѣта“ или „Нумены всѣхъ Феноменовъ“.

Такимъ образомъ римскіе католики правильно переводятъ эту фразу, какъ относящуюся къ Ангеламъ, но неправильно понимаютъ ее какъ подразумѣвающія силы, созданныя антропоморфическимъ Богомъ, котораго они олицетворяютъ въ грозномъ и карающемъ Іеговѣ.

Эти существа суть „Сыны Свѣта“, потому что они исходятъ и самозарождаются въ томъ безконечномъ Океанѣ Свѣта, одинъ полюсъ котораго есть чистый Духъ — погруженный въ абсолютности Не-Бытія, и другой полюсъ котораго — Матерія, въ ней онъ сгущается, кристаллизуясь въ болѣе и болѣе грубый типъ, по мѣрѣ его нисхожденія въ проявленіе. Поэтому, матерія, хотя она есть только иллюзорные отбросы Свѣта, лучи котораго суть Творческія Силы — тѣмъ не менѣе имѣетъ въ себѣ полное присутствіе Души того начала, котораго никто даже „Сыны Свѣта“, исшедшіе изъ Абсолютной Тьмы, никогда не познаютъ. Эта идея прекрасно и вѣрно выражена Мильтономъ въ привѣтѣ святому свѣту:

> Перворожденный отпрыскъ Неба
> Лучъ вѣчности совѣчной,
> Богъ есть Свѣтъ.

> И Изліянье свѣтлое несотворенной сущности лучистой
> Въ тебѣ равно-сущему въ Вѣчности, неприступному Свѣту.

ОТДѢЛЪ II.

Современные физики играютъ въ жмурки.

И теперь оккультизмъ ставитъ наукѣ вопросъ: есть-ли свѣтъ тѣло, или нѣтъ? Каковъ бы ни былъ отвѣтъ науки, оккультизмъ готовъ показать, что даже наиболѣе выдающіеся ученые физики не имѣютъ реальныхъ знаній по этому предмету. Для того, чтобы знать, что такое свѣтъ, и знать есть ли онъ дѣйствительное вещество или простое волнообразное движеніе „эфирнаго медіума", наука должна прежде узнать, что такое въ дѣйствительности матерія, атомъ, эфиръ, сила.

Наука ничего не знаетъ ни объ одномъ изъ нихъ и признаетъ свое невѣжество. Люди науки даже не могутъ согласиться между собой относительно того, во что имъ вѣрить, такъ какъ дюжины гипотезъ, исходящихъ отъ различныхъ и очень выдающихся ученыхъ, враждебны одна другой и часто взаимно противорѣчатъ. Такимъ образомъ ихъ ученыя соображенія могутъ при большой натяжкѣ быть приняты, какъ „рабочія гипотезы" второстепеннаго значенія, по выраженію Сталло. Но будучи радикально несовмѣстимы одна съ другой, онѣ должны въ заключеніе взаимно уничтожать другъ друга. Какъ заявилъ авторъ „Началъ Современной Физики".

> Не слѣдуетъ забывать, что различные отдѣлы науки, суть просто произвольныя раздѣленія науки, взятой въ цѣломъ. Въ этихъ различныхъ отдѣлахъ одинъ и тотъ же физическій объектъ можетъ быть разсматриваемъ въ различныхъ видахъ. Физикъ можетъ изучать его молекулярныя отношенія, а химикъ опредѣлитъ его атомный составъ. Но въ то время какъ они оба имѣютъ дѣло съ однимъ и тѣмъ же элементомъ или агентомъ, этотъ объектъ не можетъ имѣть одинъ комплектъ качествъ въ сферѣ физики и другой комплектъ противоположныхъ качествъ въ химіи. Если физикъ и химикъ одинаково допускаютъ существованіе конечныхъ атомовъ абсолютно неизмѣнныхъ въ массѣ и въ вѣсѣ, то атомъ не можетъ быть кубомъ или сплющеннымъ сфероидомъ для физическихъ цѣлей и сферой для химическихъ. Группа постоянныхъ атомовъ не можетъ быть въ тиглѣ или ретортѣ аггрегатомъ массъ, имѣющихъ протяженіе и абсолютно инертныхъ и непроницаемыхъ и въ тоже время быть лишь системой простыхъ центровъ силы, какъ часть магнита или





ВѢСТНИКЪ ТЕОСОФІИ

РЕЛИГІОЗНО-ФИЛОСОФСКО-
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Satyât Nâsti Paro Dharmah

(Нѣтъ религіи выше истины).

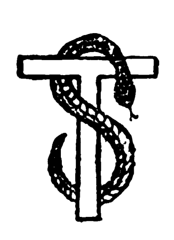
---

7 февраля.

ПЕТРОГРАДЪ.

1915.

№ 2.



Типографія Б. М. Вольфа, Петроградъ, В. О., Волховской, 4.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1915 ГОДЪ

на религіозно-философско-научный журналъ

„ВѢСТНИКЪ ТЕОСОФІИ“

ВОСЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

1) статьи какъ оригинальныя, такъ и переводныя по теософіи, по сравнительному изученію религій, оккультизму, изслѣдованію психическихъ силъ, скрытыхъ въ природѣ и въ человѣкѣ, по психологіи и др. отраслямъ знанія;

2) свѣдѣнія о теософическомъ движеніи въ Россіи и за границей и о другихъ родственныхъ духовныхъ и общественныхъ движеніяхъ;

3) біографіи выдающихся представителей теософическаго міросозерцанія и общественныхъ дѣятелей;

4) художественно-литературный отдѣлъ, какъ отраженіе въ искусствѣ теософическаго міросозерцанія;

5) отзывы о книгахъ, поступающихъ въ Редакцію журнала, по вопросамъ теософіи, психологіи и др.

6) справочный отдѣлъ, вопросы и отвѣты на вопросы подписчиковъ.

Журналъ выходитъ 7-го числа каждаго мѣсяца, книжками въ форматѣ в 8⁰, не менѣе пяти печатныхъ листовъ каждая, подъ редакціей А. А. Каменской и Ц. Л. Гельмбольдтъ, при участіи г-жи **А. Безантъ**, *Alba, П. Н. Батюшкова, А. Ф. Вельцъ, А. А. Весселовской, М. Ф. Гардениной, А. В. Гардеръ, Н. К. Гернетъ, С. В. Герье*, д-ра *В. В. Гинце, Даны, А. А. Каменской, А. В. Корольковой, Е. М. Кузьмина, В. М. Лалетина, К. К. Латынина, Н. П. Лихачевой, Е. Лубны-Герцыкъ, Ю. Ф. Львовой, И. В. Манціарли, А. Г. Молокина, В. А. Молокиной, В. А. Меркурьевой, Н. Н. Павлиновой, Е. Ф. Писаревой (Е. П.), В. Н. Пушкиной, В. И. Рудичъ, М. М. Самохвалова, М. К. Станюковичъ, Д. В. Страндена, С. В. Татариновой, П. И. Тимофеевскаго, Л. М. Тицъ, Н. А. Трофименко (Дмитріевой), А. В. Унковской, П. Д. Успенскаго, О. М. Фаминцыной, М. А. Федоровой, Н. И. Эрасси, Эссель* и др.

Въ теченіе года предполагается помѣстить нижеслѣдующія статьи: Извлеченіе изъ *Тайной Доктрины*, **Е. П. Блаватской**; нѣсколько „*Упанишадъ*“, „Обрѣтеніе міра“, „Эволюція жизни и формы“, **А. Безантъ**; „Изъ оккультнаго міра“, **Ч. Ледбитера**; „Цвѣты и сады“, **С. Джинараджадаза**; „Наука эмоцій“, **Бхагаванъ-Даса**; „Аполлоній Тіанскій“, **Дж. Мида**; „Методы концентраціи“, **Е. Вуда**; „Святилища Востока“ (извлеченія) **Э. Шюре**; „Письма о музыкѣ“, **А. Унковской**; „Письма къ читателю“, Друга читателя. Кромѣ того пойдетъ рядъ оригинальныхъ статей сотрудниковъ Редакціи по вопросамъ сравнительнаго изученія религій, педагогики, философіи, исскуства и др. отдѣламъ. Въ зависимости отъ притока текущаго матеріала будетъ дана „Махабхарата“ (великая война) въ изложеніи **А. Безантъ**.

Въ теченіе двухъ лѣтнихъ мѣсяцевъ (іюнь и іюль) журналъ не выходитъ.

Цѣна **6** руб. въ годъ съ доставкой и пересылкой въ предѣлахъ Россійской Имперіи, за 6 мѣсяцевъ — **3** руб. **50** коп., за 3 мѣсяца — **2** руб. **20** коп. Отдѣльный № **75** коп. За перемѣну адреса городского на городской—**20** коп., городского на иногородній и обратно иногородняго на городской—**50** коп.

Подписка за границу принимается только годовая; цѣна **10** руб.

Подписка для иногороднихъ **только черезъ Контору Редакціи.**

Городская подписка принимается въ Конторѣ Редакціи (Петроградъ, Ивановская, 22, кв. 24) ежедневно, кромѣ субботъ и праздничныхъ дней, отъ 2—4 час. дня, а также во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ. Годовая подписка въ разсрочку безъ повышенія цѣны допускается только **до 1 января 1915 года.**

По дѣламъ редакціи издательница принимаетъ лично по **средамъ** отъ 4—5 час. дня.



Отъ Редакціи журнала „Вѣстникъ Теософіи".

Въ виду недостатка краткихъ популярныхъ руководствъ по основнымъ вопросамъ Теософіи, намѣченъ къ изданію рядъ брошюръ, излагающихъ въ сжатой, общедоступной формѣ основныя положенія Теософіи. Въ настоящее время вышли изъ печати шесть первыхъ брошюръ: № 1. „Человѣкъ и его видимый и невидимый составъ" № 2. „Законъ причинъ и послѣдствій" (Карма). № 3. Перевоплощеніе. № 4. Сила мысли. № 5. Законы высшей жизни. № 6. Жизнь послѣ смерти. Что такое Теософія?

Статьи, присылаемыя для напечатанія въ „Вѣстникѣ Теософіи", подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и исправленіямъ. Рукописи должны быть написаны четко и на одной сторонѣ листа. Рукописи, не востребованныя въ теченіе трехмѣсячнаго срока, уничтожаются.

Во избѣжаніе недоразумѣній съ доставкою журнала Редакція проситъ гг. подписчиковъ заблаговременно **сообщать ей о перемѣнѣ ихъ адресовъ, не позже перваго числа каждаго мѣсяца.**

Заявленія о неполученіи очереднаго № должны быть дѣлаемы не позже полученія слѣдующей книжки журнала, такъ какъ жалобы, заявляемыя по истеченіи этого срока, экспедиція городского почтамта оставляетъ безъ разсмотрѣнія.

„Вѣстникъ Теософіи" за 1909, 1910, 1911, 1912, 1913 и 1914 года имѣются для продажи въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ. **Цѣна** съ пересылкой по **7** рублей за каждый годъ.

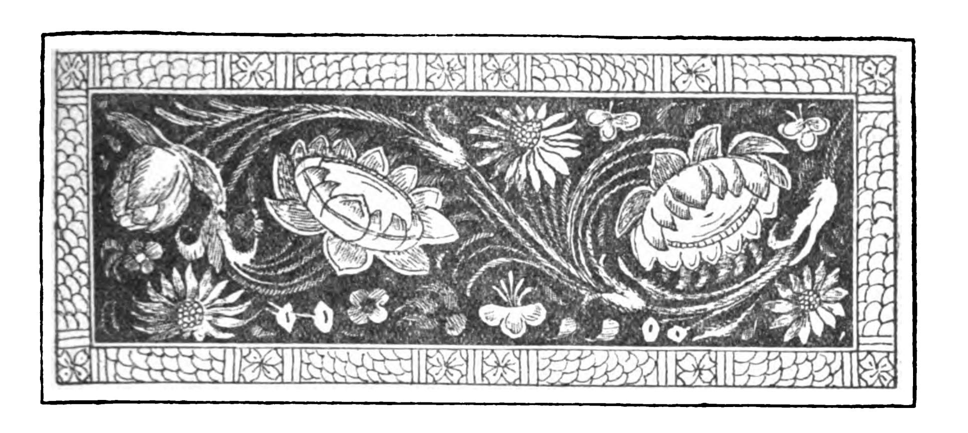


СОДЕРЖАНІЕ

февральской книжки „Вѣстника Теософіи“.

SOMMAIRE DU № DE FEVRIER:

Pages.



Вѣнцы сіянные.

(Славословія древнія).

РАДОСТЬ.

Любо душѣ обновленной блуждать по духовному лугу [1]),
Словъ многозвучныхъ цвѣтенье на пѣсенной нивѣ сбирая;

Вязью-молитвой, вѣнками узорочья звуковъ совьются.
Лику Звѣзды Предразсвѣтной—вѣнковъ и хвалы приношенья.

I.

СЛОВО СВЯТОЕ.

Даръ непорочнаго сердца, хваленій молебную жертву,
Нынѣ прими, Сарасвати [2]), безсмертныхъ краса и отрада.

---

[1]) Во времена незапамятныя, въ Саптасиндху, странѣ Семи Рѣкъ, въ долинѣ Инда, раскрылись цвѣты луга духовнаго—царства Ригъ-Веды. Это старшая изъ четырехъ сестеръ, (Ригъ, Сама, Яджуръ и Атхарва—Веды); время ея рожденія въ точности еще не разгадано наукой. Древнѣйшій памятникъ арійскаго духовнаго творчества одарилъ меня неисчерпаемымъ богатствомъ образовъ-цвѣтовъ; я сплетала ихъ вольно, не стремясь къ дословному переводу, но всегда связуя ихъ нитью мистической основы какого-либо изъ гимновъ.

[2]) Сарасвати—Богиня Мудрости и гармоніи Слова—имѣетъ много аспектовъ (Вакъ, Лакшми, Дурга и пр.). По указанію Тайной Доктрины мистически соотвѣтствуетъ Софіи Премудрости Божіей.



Солнце словесныхъ созвѣздій, сіяньемъ твоимъ озари насъ,
Воинство словъ окрыле́нныхъ пошли намъ, благая, на помощь!

Трепетно внемлемъ призыву къ волнѣ возліяній священныхъ,
Взвѣяло знамя богини—на знамени блещутъ молитвы.

II.

БОГЪ ЕДИНЫЙ.

Духъ божественный, владыка странъ всемірныхъ,
Чтится мудрыми подъ множествомъ названій:

Это—Индра, онъ же—Агни, онъ—и Йама,
Онъ—и Митра, и Варуна, и Савитри [1]);

Онъ изъ вышняго чертога взоромъ свѣтитъ
Въ часъ, какъ сумерки кропятъ росою землю,—

То вожатый ясноликій въ колесницѣ,
Запряженной темно-крылыми конями.

Духъ божественный—единый вседержитель,
Но подъ многими названьями прославленъ.

III.

ЖЕРТВА ДОРАЗСВѢТНАЯ.

Два міра—день черный, день бѣлый—проходятъ чредой перемѣнной.
Блеснулъ остропламенный Агни—и зыблется Сумракъ пугливо...

Но въ тающей тьмѣ не увижу пока ни основы, ни ткани,
Что ткать собрались до разсвѣта вершители утренней жертвы.

---

[1]) Индра—владыка неба; Агни—Огонь Духовный и—видимый; Йама—Богъ Смерти, царь подземной области; Митра и Савитри—солнечные боги, съ ихъ мистическимъ значеніемъ искупителей и животворцевъ духа. Варуна соотвѣтствуетъ греч. Урану, это—Пространство, отецъ Неба и Земли.



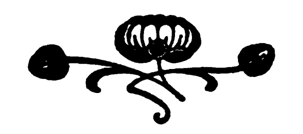
О, гдѣ златорукій, стоокій сынъ Агни, на небѣ рожденный?
Онъ могъ бы намъ вымолвить тайну о строѣ небесномъ и дольнемъ:
Ее отъ отца онъ увѣдалъ, премудраго вѣщаго Агни—
Хранитель безсмертія знаетъ земныя и горнія тайны;

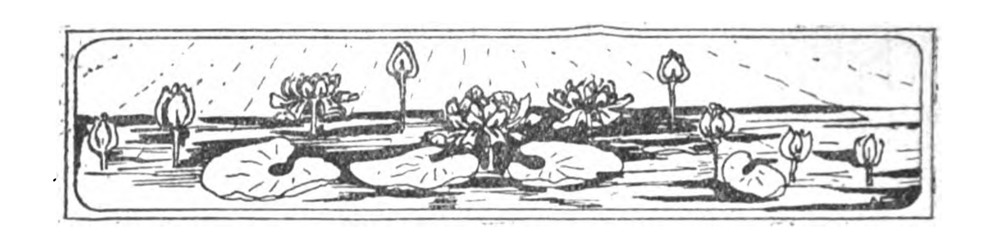
Онъ—богъ златоокій на небѣ—и богъ, на землѣ, златокудрый,
Сверкаетъ онъ знаменемъ жертвы—немеркнущій свѣточъ почтите!
Его животворное пламя во всѣхъ обитаетъ созданьяхъ,
Подвластны могучему Агни и Дэвовъ несмѣтные сонмы.

Лишь вспомню, что онъ, лучезарный, таится и въ трепетномъ сердцѣ—
Мой слухъ наполняется звономъ, и взоръ въ обомлѣніи меркнетъ...

О Агни, когда ты таишься—во练ракѣ всѣ боги трепещутъ.
Да явится свѣтомъ вѣнчанный и милость окажетъ молящимъ!

Анна Веселовская.





Ближайшія задачи Теософическаго Общества.

Всемірное Теософическое Общество было основано въ 1875 г. Еленой Петровной Блаватской и Генри Олькоттомъ. При своемъ основаніи оно слѣдующимъ образомъ формулировало три свои главныя цѣли: 1) Основать ядро международнаго *братства* безъ различія расы, пола, касты.—2) Поощрять сравнительное изученіе религій, философій и наукъ.—3) Изслѣдовать необъясненные законы природы и скрытыя силы человѣка.

Эти три основныя задачи, которыя поставило передъ собою всемірное Теософическое Общество, представляютъ собою *духовный путь познанія.*

Да это Путь, обнимающій собою *внутреннюю* Суть всѣхъ религій, философій и наукъ, давая намъ ключъ, посредствомъ котораго вся работа человѣческаго сознанія приводится къ единству:—къ Единству всемірному, вселенскому, космическому и—даже—къ сверхъ-космическому, потому что, если признать, что цѣль человѣческаго существованія на землѣ есть совершенствованіе, движеніе впередъ, развитіе въ человѣкѣ тѣхъ внутреннихъ духовныхъ силъ и свойствъ, которыя должны привести его къ совершенству Его Первоисточника („Будьте совершенны, какъ совершененъ Отецъ вашъ Небесный"), и если признать, что развитіе это происходитъ путемъ опыта, то можно представить себѣ весь міръ, какъ *великую школу*, въ которой все учитъ и всѣ учатся, въ безчисленныхъ классахъ и подраздѣленіяхъ которой происходитъ непрерывное взаимное обученіе, и гдѣ учителя и ученики стоятъ на самыхъ разнообразныхъ ступеняхъ развитія.



И на какой бы ступени развитія ни стоялъ человѣкъ, въ немъ заложено глубокое мистическое начало. Онъ ищетъ свое причастіе съ Божествомъ; ибо онъ ищетъ свое внутреннее духовное „Я", которое суть отблескъ и часть Божества, дыханіе Духа, искра Пламени, Сынъ въ Отцѣ.

И вотъ, наиближайшая задача всемірнаго Теософическаго Общества хранить этотъ священный огонь человѣческаго Духа и сознанія вселенскаго братства.

Далѣе,—наисокровеннѣйшей цѣлью Теософическаго Общества является, въ связи съ этимъ, указаніе на внутреннюю сущность всѣхъ вещей, потому-что Теософія всегда и вездѣ утверждаетъ *первенство внутренняго надъ внѣшнимъ*, требуя отъ человѣка полной искренности въ процессѣ работы свободнаго духа.

Не внѣшняя организація должна являться руководствомъ теософическаго движенія, ибо всякая внѣшняя форма есть лишь оболочка духа (и, если духъ покинетъ ее, то останется лишь мертвый покровъ), но такимъ руководствомъ должна быть заповѣдь: *„негрѣшенія духа"*. И соблюдая эту заповѣдь, огненными буквами начертанную въ сердцѣ каждаго истиннаго теософа, всемірное Теософическое Общество можетъ надѣяться стать истиннымъ носителемъ идеаловъ любви и терпимости.

Изученіе оккультныхъ наукъ какъ оно ни являлось бы интереснымъ и заманчивымъ, не должно занимать первенствующаго мѣста въ Теософическомъ Обществѣ; ибо оккультизмъ безъ этики и безъ идеала духовной любви, братства и терпимости, можетъ стать очень опаснымъ и гибельнымъ для духовной жизни общества.—Припоминаются здѣсь слова одного восточнаго теософа К. Х. („Theos. Review", August 1903): „Пусть лучше погибнетъ Теософическое Общество, чѣмъ сдѣлается какой-то академіей магіи и заломъ для оккультизма".—Никакое признаніе эзотерической философіи, никакая погоня за знаніями недостаточна, чтобы сдѣлать человѣка теософомъ. Тотъ, кто не готовъ раздѣлить свой послѣдній кусочекъ съ болѣе слабыми и бѣдными, кто не помогаетъ своему ближнему въ его страданіи—все равно къ какой-бы расѣ, націи, вѣрѣ ни принадлежалъ этотъ ближній,—тотъ не теософъ.

Проповѣдь братства, какъ главнаго принципа теософіи, основана на томъ, что всѣ люди имѣютъ единую духовную природу и стремятся къ единой духовной цѣли. Воззваніе теософіи къ людямъ различныхъ вѣрованій для соединенія ихъ въ одномъ полѣ

вѣротерпимости, происходитъ изъ того, что всѣ религіи міра вытекаютъ изъ единаго Божественнаго Источника.

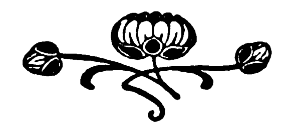
Итакъ, главнѣйшими и ближайшими задачами Теософическаго Общества должны быть: глубокое сознаніе первенства внутренняго (духовнаго) надъ внѣшнимъ; стремленіе къ духовному единенію членовъ Общества на почвѣ братства, любви и терпимости.

Теософическое Общество должно больше всего опасаться сдѣлаться рабомъ формы и обособленія,—этихъ страшныхъ драконовъ свободы человѣческаго духа. И если всемірное Теософическое Общество дѣйствительно явится во всѣхъ своихъ проявленіяхъ носителемъ этихъ высокихъ идеаловъ, то оно можетъ тогда стать великой міровой силой.

И на самомъ дѣлѣ, проникаясь духомъ Теософическаго ученія, человѣкъ неминуемо преображается, ибо, для истиннаго теософа, невозможно, зная, что сами мы творимъ свою судьбу (карму), продолжать роптать и завидовать. Нельзя, зная, что въ нашей власти построить свое тѣло (физическое и душевное), продолжать вести порочную жизнь; становится немыслимымъ, сознавъ, что мы всѣ происходимъ изъ единаго божественнаго Источника и всѣ вернемся къ нему, продолжать обособляться и ненавидѣть.

Эгоизмъ, обособленность и всѣ тѣ гибельные пороки, съ которыми безсильно борется наша современная педагогія, подорвутся этикой теософическаго ученія и мы можемъ обрѣсти новые пріемы и средства подготовить иное поколѣніе болѣе совершенное, болѣе духовное, способное выработать иныя данныя въ сферѣ личной, семейной и общественной для грядущей цивилизаціи, знаменемъ которой будетъ: „единеніе и братская любовь".

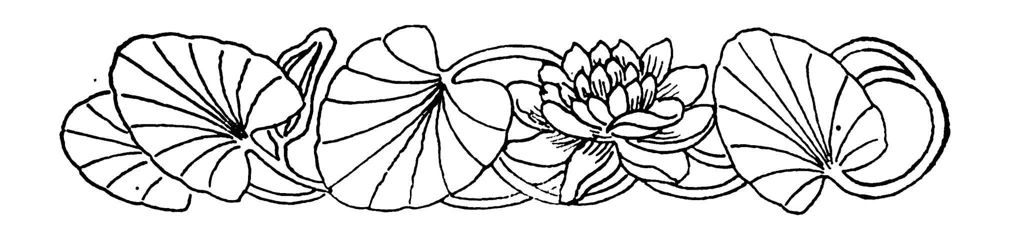
П. Батюшковъ.



Цѣлью и задачей природы является служеніе духу, Божественному Я.

Изреч. изъ Іоги Патанджали.





Ритмъ въ космосѣ и эволюція жизни.

I.

Что такое ритмъ?

Ритмъ означаетъ размѣръ. Все что живетъ—вибрируетъ, ибо жизнь какъ всякое явленіе, имѣетъ двѣ стороны: сознаніе и покровы его. Эти покровы состоятъ изъ болѣе плотной и тонкой матеріи, а матерія приходитъ въ движеніе, т. е. вибрируетъ, какъ только ея коснется волна жизни. Чѣмъ интенсивнѣе жизнь, тѣмъ быстрѣе и выше строй сопровождающихъ ее вибрацій, тѣмъ богаче ихъ ладъ. Это и составляетъ ритмъ, т. е. размѣръ проявленія жизни въ ширину и глубину. Все, что живетъ и дышетъ, вся природа и всѣ царства ея, имѣетъ свой особый, имъ присущій ритмъ. Это дало поводъ кн. Волконскому сказать, что „Жизнь есть Божественный ритмъ“, и этотъ „Ритмъ, говоритъ онъ, существуетъ, бьется и стучитъ во всей окружающей насъ вселенной. И капля дождя, и стукъ дятла, и мерцающая звѣзда, и кукованіе кукушки, и приливъ волны на морскомъ берегу, все это удары всемірнаго сердцебіенія, которое осуществляется въ человѣкѣ“.

Дѣйствительно, Вселенная полна всевозможныхъ ритмовъ, подчиняющихся одному, величайшему изъ всѣхъ ритмовъ—ритму всего мірозданія. Есть космическій ритмъ природы въ покоѣ и иной ритмъ космическій, когда въ ней разыгрываются стихіи. Морской прибой, шелестъ листьевъ, ураганъ и буря, все несетъ съ собою свой особый спокойный и медленный или напряженный и порывистый строй вибрацій, которыя мы воспринимаемъ то какъ движеніе, то какъ свѣтъ и звукъ. При вдумчивомъ вниманіи мы легко замѣтимъ полный параллелизмъ этихъ явленій. Цвѣтъ-звукъ и число составляютъ ту троичную физическо-ма-

тематическую основу каждаго явленія въ природѣ, которая видимо или скрыто сопровождаетъ всѣ формы жизни. Есть общеизвѣстные опыты въ физикѣ и астро-физикѣ, которые въ сущности давно установили этотъ фактъ.

Вспомнимъ, напримѣръ, хотя бы такъ называемыя Хладніевы фигуры. Смычкомъ скрипки проводятъ по краю натянутой поверхности барабана, усыпанной ликоподіумомъ или тонкимъ пескомъ. Смотря по размѣру размаха смычка и по высотѣ звука, пыль на кожѣ складывается въ тѣ или иныя законченныя геометрическія фигуры, чѣмъ ясно выражается родство звука и очертаній (формъ).

Другой еще болѣе интересный опытъ, это изслѣдованіе г-жи М. Хюгенсъ при помощи ею изобрѣтеннаго эйдофона. На маленькомъ полѣ натянутой кожи или на экранѣ звуки, пропѣтые въ трубку, обращенную къ этому полю, вызываютъ рядъ сложныхъ вибрацій, которыя складываютъ пыль въ тотъ или иной окончательный рисунокъ. Фотографируя экранъ съ этими рисунками, г-жѣ Хюгенсъ удалось получить чрезвычайно интересныя картины: деревья, раковины и даже цѣлые ландшафты. Чѣмъ сложнѣе пропѣтая въ трубку мелодія, тѣмъ сложнѣе и интереснѣе получаемая на экранѣ картина. Музыка творческой силой звуковъ созидаетъ цѣлые маленькіе міры. И все это складывается въ точныя, кристально-чистыя математическія формы. «Господь геометризируетъ", сказалъ Платонъ. „Непрерывно звучитъ гармонія сферъ", сказалъ другой посвященный, Пиѳагоръ. „Восходя и закатываясь, солнце звучитъ" („Die Sonne tönt"), сказалъ Гете.

„Вся жизнь міра, говоритъ наша талантливая соотечественница, скрипачка А. В. Унковская, связана объединяющей цѣпью явленій, которую можно назвать аналогіей; въ ней слышенъ вѣчный звукъ; виденъ вѣчный свѣтъ, чувствуется совершенная форма и осязается ритмъ, вѣчнымъ движеніемъ соединяясь съ понятіемъ о числѣ. Чѣмъ тоньше развитъ нашъ слухъ, чѣмъ свѣтлѣе очи наши, чѣмъ чище мысль наша, тѣмъ яснѣе сознаемъ аналогію явленій жизни, этихъ безконечно повторяющихся отзвуковъ основной ноты мірозданья. Чутко прислушиваясь, всматриваясь и вдумываясь въ жизнь, мы можемъ услышать звуки природы, чувствуя красками, краски воспринимать звуками и такимъ путемъ создавать художественныя и музыкальныя произведенія.—Постоянное общеніе съ природой, наблюденіе надъ ея жизнью подъ солнцемъ раскрываетъ глубины

нашего разума, пробуждаетъ наше внутреннее зрѣніе, развиваетъ въ насъ чуткость".

Интересно, что тѣ же мысли, интуитивно высказанныя А. В. Унковской, изложены въ Тайной Доктринѣ Е. П. Блаватской, гдѣ синтезъ проведенъ съ геніальной послѣдовательностью.

Въ природѣ нѣтъ ничего мертваго, все живетъ, и потому все обладаетъ своимъ ритмомъ, начиная медленнымъ (столь медленнымъ, что мы его не замѣчаемъ) ритмомъ камня, медленнымъ ритмомъ дерева и цвѣтка и кончая быстрымъ и напряженнымъ ритмомъ животнаго и человѣка. Каждому царству присущъ свой особый ритмъ и этотъ особый ритмъ имѣетъ еще безконечное число оттѣнковъ. Такъ отъ массивной каменной глыбы какой-нибудь горной породы до кристалла и алмаза есть цѣлая гамма болѣе и менѣе медленныхъ и сложныхъ вибрацій. Если изъ минеральнаго царства подняться въ растительное, то нетрудно увидѣть разницу между ритмомъ дерева и ритмомъ скромнаго цвѣтка полей и ритмомъ роскошной чайной розы. Тоже и въ зоологическомъ мірѣ: ритмъ улитки, лягушки и серны составляютъ какъ бы три совершенно различныя ноты въ міровомъ оркестрѣ. Еще сложнѣе и тоньше различіе ритмовъ въ царствѣ человѣка, гдѣ мы видимъ огромную лѣстницу состояній сознанія, начиная отъ первобытнаго низкаго и односложнаго ритма дикаря и кончая богатымъ и высокимъ ритмомъ тонко развитого и духовного человѣка, стоящаго на порогѣ сверхчеловѣчества. Отъ дикаря до генія и святого можетъ быть большая пропасть, чѣмъ отъ животнаго до дикаря. Кромѣ того мы имѣемъ различіе темперамента, пола, характера, расы, который также имѣетъ каждый свой особый ритмъ вибрацій.

Вспомнимъ, что и въ высшихъ царствахъ природы есть явленія, процессы которыхъ никто никогда не могъ наблюдать Напримѣръ: явленіе роста. Кто видѣлъ, какъ растетъ трава. Совершенно аналогиченъ ростъ горныхъ породъ, но ритмъ ихъ безконечно болѣе медленъ, онъ растягивается на цѣлые вѣка.

Въ Индусской философіи есть ученіе, бросающее огромный свѣтъ на явленіе ритма; это ученіе о трехъ силахъ природы, такъ называемыхъ «гунахъ» (gunas). Въ природѣ и въ человѣкѣ, во всей проявленной вселенной непрерывно дѣйствуютъ три эти энергіи: т а м а с ъ (инерція, темнота, лѣнь), р а д ж а с ъ (страсть, раздражительность, неустойчивость), и с а т т в а (равновѣсіе, свѣтъ, гармонія). Когда преобладаетъ первая (тамасъ), то мы наблю-

даемъ явленіе окаменѣлости, неподвижности. Если преобладаетъ второе свойство (раджасъ), то мы имѣемъ на лицо неустойчивость и страстную, некоординированную дѣятельность; если преобладаетъ третья (саттва), то мы видимъ гармонію и чувствуемъ въ связи съ нею спокойствіе и свѣтъ. Типичнымъ представителемъ тамаса является минеральное царство; противуположнымъ полюсомъ его, раджасомъ, характеризуется царство животное. Гармонія (саттва) царитъ въ растительномъ царствѣ, гдѣ жизнь уже проснулась къ радости бытія, но гдѣ она еще не знаетъ страсти. Такъ въ камнѣ проявляется съ могучей силой тамасъ; въ конѣ ярко сказывается раджасъ. Въ дубѣ, раскинувшемъ величаво свой шатеръ надъ лужайкой, и въ мягкой травѣ этой лужайки со всѣми своими лютиками, колокольчиками и одуванчиками царитъ саттва и въ этомъ фактѣ тайна того дивнаго покоя, который мы испытываемъ на лонѣ природы.

Если мы только умѣемъ слушать природу и любить ее, то мы испытываемъ среди нея всю полноту жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ какую-то невинность и чистоту, омывающую насъ отъ грѣха и возраждающую. Въ природѣ нѣтъ двойственности, все устремлено къ солнцу, и проникнуто имъ, отъ самой ничтожной былинки и до могучаго кедра Ливанскаго, и до звѣздъ небесныхъ. Въ ней, чистой и прекрасной, пульсируетъ тотъ высокій, торжественно тихій и радостный ритмъ, который на Востокѣ былъ названъ «танцемъ боговъ» и по отраженію „непрестанно текущимъ ритмическимъ танцемъ міозданья“.

Есть область духовнаго творчества, которая вся живетъ усиліемъ передать въ краскахъ, звукахъ и движеніяхъ прекрасный ритмъ мірозданія: это искусство. Употребляю это слово не въ ограниченномъ смыслѣ опредѣленной профессіи, а въ широкомъ смыслѣ истиннаго творчества. Въ народѣ много безсознательныхъ художниковъ. Ткачиха, импровизирующая пѣсню подъ ритмъ стягивающихъ нитей и вкладывающая свое настроеніе въ традиціонные символическіе узоры; гончаръ, увлеченный работой и силящійся передать глинѣ стройныя линіи цвѣтка; гусляръ, прислушивающійся къ шелесту листьевъ и сочиняющій свою былину; — все это настоящіе художники, умѣющіе слышать и видѣть больше, чѣмъ обыкновенные люди, и съ любовью намъ передающіе живыя сказки, среди которыхъ они живутъ. Эти художники близки къ природѣ и въ ихъ произведеніяхъ мы слышимъ чистый ритмъ космоса, всегда приносящій какую-то чудную свѣжесть и обновленіе.

Этотъ гармоничный ритмъ видоизмѣняется сообразно съ характеромъ расы и народа; онъ звучитъ и въ пейзажѣ.

Индусскіе художники такъ чутко прислушиваются къ космическому ритму, танцу мірозданія, что они подмѣтили рядъ тонкихъ измѣненій въ ритмѣ каждаго дня. Для нихъ каждый часъ имѣетъ свой особый ладъ, рагу, и въ созвучіи съ этой рагой должна быть пропѣта и сыграна пѣсня. Поэтому вечеромъ нужна иная музыка, чѣмъ утромъ; въ полдень—иная, чѣмъ въ сумерки или на зарѣ. Всѣми ладами, рагами, вѣдаетъ богиня, царица Рагиня-Тора, которую изображаютъ въ видѣ небесной пастушки въ горахъ, играющей на флейтѣ и окруженной сернами. Въ голубой мантіи и съ кроткой улыбкой она напоминаетъ Мадонну.

Интересно, что мысли индуссовъ подтверждаются наблюденіями надъ птицами, которыя понижаютъ и повышаютъ свои голоса съ восходомъ и закатомъ солнца. Птицы чувствуютъ рагу и соблюдаютъ ее.

Какъ далеко ушло наше бурное, яркое искусство отъ нѣжныхъ переживаній въ горахъ Индіи, въ общеніи съ царицей ладовъ, прекрасной Рагиней-Торой.

Почему искусство ушло отъ нея? Почему намъ приходится переживать такъ много мутнаго и скорбнаго въ связи съ этимъ удаленіемъ?

Искусство, какъ и все въ жизни, гдѣ царитъ планъ Логоса, идетъ къ дивному синтезу и этотъ процессъ осуществляется черезъ преодолѣніе двойственности, т. е. тамаса и раджаса. Первобытная чистота должна была естественно утеряться въ этомъ эволюціонномъ процессѣ, ведя насъ къ гармоніи сознательной и потому устойчивой. Точно также какъ невинная чистота ребенка должна черезъ трудъ и опытъ вернуться вновь человѣку, какъ чистота знанія и любви, т. е. мудрости, точно также и чистая гармонія, звучавшая на зарѣ арійской цивилизаціи, какъ отзвукъ боговъ и посвященія мудрыхъ, должна вернуться къ намъ и обновить наше искусство небесной росой духовнаго возрожденія. Но это будетъ тогда, когда художники почувствуютъ божественность своей миссіи и интуитивно раскроютъ свои сердца на встрѣчу тому Свѣту, въ лучахъ котораго рождаются всѣ высшія интуиціи. Какъ горный потокъ своими чистыми водами несетъ жизнь и обновленіе долинѣ, такъ и духъ въ соприкосновеніи съ Вѣчнымъ изливаетъ воды благодати на души, жаждущія и алчущія. Такимъ горнымъ потокомъ должно быть Искусство для человѣчества, и такимъ оно всегда было и будетъ

тамъ, гдѣ художникъ не утериваетъ своей связи съ Небомъ, гдѣ онъ умѣетъ слушать его голосъ черезъ музыку цвѣтовъ и ручьевъ, и гдѣ онъ силится жизнь свою сдѣлать столь же прекрасной, сколько и пѣсню свою... Въ душѣ такого художника забьется ритмъ саттвы и онъ передастъ его въ своихъ твореніяхъ.

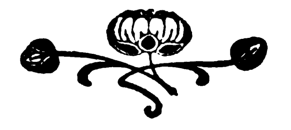
Но когда люди отдалились отъ природы и сосредоточились въ пыльныхъ и шумныхъ городахъ, имъ стало труднѣе улавливать тихій голосъ, говорившій такъ властно въ природѣ. Еще труднѣе стало его слышать въ современной жизни среди грома оружія, партійныхъ распрей, растущаго эгоизма и проповѣди самости во всѣхъ ея формахъ. Человѣкъ пересталъ слышать голосъ Духа и за это онъ жестоко поплатился. Онъ сталъ поклоняться себѣ, своимъ похотямъ и страстямъ, обожествляя всѣ свои желанія и не замѣчая, что въ этомъ опьяненіи онъ не только не шелъ впередъ, но постепенно падалъ до и ниже уровня звѣря. Таковъ законъ: мы должны или идти впередъ или падать: стоять на мѣстѣ нельзя. И тамъ, гдѣ падаетъ человѣкъ, тамъ падаетъ и искусство; гдѣ поднимается человѣкъ, тамъ одухотворяется искусство. Паденіе нравовъ нашихъ дней ярко подчеркиваетъ современное искусство. Во всѣхъ сферахъ духовнаго творчества мы видимъ это паденіе: и въ беллетристикѣ, гдѣ царятъ Арцыбашевы, и въ живописи, соприкасающейся съ порнографіей, и въ музыкѣ, гдѣ воцарилась оперетка кафе-шантановъ, и въ области танцевъ, гдѣ беззастѣнчиво укрѣпилось позорное увлеченіе танго. Въ дикихъ племенахъ вырождающихся народовъ Лемуріи насъ не поражаютъ такія стихійныя сближенія съ мрачными безднами разнузданнаго животнаго, которому свойствененъ дикій звѣриный ритмъ. Но когда мы встрѣчаемъ его въ такъ называемомъ культурномъ обществѣ, то становится жутко. И встаетъ невольно вопросъ: дѣйствительно-ли было культурой то, что мы этимъ именемъ до сихъ поръ называли, или это была красиво размалеванная улыбающаяся маска, за которой пряталась человѣкоподобная обезьяна. Можетъ-ли истинная культура строить свое зданіе на личномъ эгоизмѣ, на красивомъ философствованіи, на земныхъ разсчетахъ и страстяхъ. Грозно передъ нами развертывается картина переживаемой современной міровой драмы, властно намъ говоритъ: Нѣтъ, нельзя. Такая матеріально интеллектуальная культура, поддерживая въ человѣкѣ звѣриный ритмъ, ежеминутно грозитъ превратить его въ настоящаго звѣря. Истинная культура, создающая настоящаго чело-

вѣка, съ сознаніемъ своего божественнаго призванія и потому своей отвѣтственности передъ міромъ, такая культура можетъ созидаться только на религіозномъ сознаніи, и на вытекающемъ изъ него нравственномъ отношеніи къ жизни. Тамъ, гдѣ нѣтъ этого религіознаго сознанія, т. е. признанія высшаго начала въ мірѣ, и въ насъ самихъ, тамъ могутъ быть богатыя царства, и красивыя формы, и высокія слова, но тамъ нѣтъ самого духа жизни и потому нѣтъ нравственныхъ основъ. Прочная мораль не можетъ опираться ни на утилитаризмъ, ни на схоластику; она можетъ опираться только на религію.

Что такое грѣхъ? Это—сдѣлать хуже, когда мы уже знаемъ лучшее. Иными словами: съ высшей ступени сойти на низшую, высшій ритмъ замѣнить низшимъ, изъ царства человѣческаго спуститься въ царство животнаго.

Животное, отдаваясь порыву страсти, не грѣшитъ. И дикарь во власти раджаса не грѣшитъ, пока онъ не подозрѣваетъ, что есть эволюція. Но человѣкъ, знающій что есть лучшая жизнь и спускающійся до уровня дикаря, грѣшитъ потому, что идетъ противъ эволюціи. Это и есть тотъ грѣхъ противъ Св. Духа, о которомъ говорится въ Евангеліи. Человѣкъ, не желающій идти противъ эволюціи, долженъ всечасно работать надъ собою, подниматься со ступени на ступень, преображать свой ритмъ и, подражая богамъ, творить новую жизнь. Преодолѣвъ темную лѣнь тамаса и безудержную страстность раджаса, онъ долженъ сознательно и свободно вступить въ чистое царство Саттвы, чтобы тамъ расцвѣсть, какъ расцвѣтаетъ цвѣтокъ на тихихъ лагунахъ, послѣ грозы. Этотъ цвѣтокъ, священный лотосъ, есть раскрытіе Духа.

Alba.



Большинство людей имѣютъ неустойчивую и легкомысленную природу, подобную природѣ грозъ.

Изреч. Климента Александрійскаго.





Идиллія Бѣлаго Лотоса[1]).

Мабель Коллинзъ.

Глава II.

— Это что такое?—ворчаливо спросилъ человѣкъ въ черномъ, глядя на насъ черезъ рѣшетку.—Я послалъ утромъ много плодовъ въ вашу кухню и сегодня не дамъ вамъ больше ничего. И цвѣтовъ не дамъ; все, что я нарвалъ, понадобится для завтрашней процессіи.

— Я не нуждаюсь въ вашихъ плодахъ и цвѣтахъ,—сказалъ мой проводникъ, который временами былъ не прочь поговорить свысока.—Я привелъ вамъ новаго ученика.

Онъ отперъ ключемъ рѣшетку, сдѣлалъ знакъ, чтобы я вошелъ и, заперевъ ее, не говоря ни слова, пошелъ за мной назадъ по длинному корридору, который—если смотрѣть изъ сада—казался совсѣмъ темнымъ.

— Новый ученикъ для меня! Чѣму же я буду учить тебя, маленькая деревенщина!

Я смотрѣлъ на страннаго человѣка въ молчаніи. Какъ могъ я сказать, чему онъ долженъ учить меня?

— Чему же? Тайнамъ ли произрастанія растеній? Или же тайнамъ разрастанія грѣха и обмановъ? Нѣтъ, дитя, не смотри на меня такъ, но подумай о моихъ словахъ, и со временемъ ты поймешь ихъ. А теперь, иди со мной и не бойся.

Онъ взялъ меня за руку и повелъ подъ густолиственные

[1]) См. „В. Т." № 1, 1915 г.

своды, направляясь къ журчащей водѣ. Какъ очаровательно звучалъ въ моихъ ушахъ этотъ свѣтлый, музыкальный ритмъ!

— Здѣсь живетъ Владычица Бѣлаго Лотоса,—сказалъ человѣкъ въ черномъ. — Посиди здѣсь и посмотри на ея красоту, пока я буду работать; у меня много дѣла, въ которомъ ты не можешь помочь мнѣ.

Едва слушая его, я опустился на зеленую траву и сталъ глядѣть; я смотрѣлъ съ удивленіемъ, затаивъ дыханіе, испытывая чувство, близкое къ страху!

Эта нѣжно-шепчущая вода жила только для того, чтобы питать царицу цвѣтовъ. И я сказалъ въ душѣ своей: „Воистину, ты Царица всѣхъ возможныхъ цвѣтовъ, ты—
Бѣлый Лотосъ".

И по мѣрѣ того, какъ я смотрѣлъ, полный юнаго энтузіазма, на чудный бѣлый цвѣтокъ, казавшійся мнѣ съ своимъ нѣжнымъ, покрытымъ золотой пылью сердцемъ настоящей эмблемой чистой романической любви—мнѣ стало чудиться, что цвѣтокъ мѣняетъ свои очертанія, что онъ растетъ, вытягивается, поднимается по направленію ко мнѣ. И вдругъ я увидѣлъ, что это не цвѣтокъ, а—женщина съ нѣжнымъ лицомъ и волосами, подобными золотой пыли; она склонялась къ водоему, освѣжая его прозрачной влагой свои уста. Потрясенный, я смотрѣлъ на нее и даже сдѣлалъ усиліе, чтобы подвинуться къ ней, но вслѣдъ за тѣмъ сознаніе покинуло меня и я, вѣроятно, упалъ въ обморокъ. Я это думаю потому, что когда я опомнился, тѣло мое лежало на травѣ и я ощущалъ свѣжесть прохладной воды на лицѣ; когда же я открылъ глаза, я увидѣлъ странное лицо садовника, наклонившееся надо мной.

— Развѣ тебѣ было такъ жарко?—спросилъ онъ, выражая всѣмъ своимъ лицомъ удивленіе. — Такой сильный мальчикъ съ виду и теряетъ сознаніе отъ жары, да еще въ такомъ то прохладномъ мѣстѣ!

— Гдѣ она?—спросилъ я вмѣсто отвѣта, пытаясь подняться и пристально глядя на водоемъ.

— Какъ!—воскликнулъ садовникъ и все его лицо внезапно измѣнилось; оно освѣтилось выраженіемъ такой нѣжности, какой я никакъ не ожидалъ на его некрасивомъ лицѣ.

— Развѣ ты видѣлъ ее? Но нѣтъ! я дѣлаю слишкомъ поспѣшный выводъ! *Что* видѣлъ ты, мальчикъ? Скажи мнѣ скорѣй безъ утайки!

Нѣжность, съ которой онъ это говорилъ, помогла мнѣ со-



браться съ силами. Я разсказалъ ему, что я видѣлъ и, разсказывая, все время смотрѣлъ на лилію, надѣясь, что вновь появится прекрасная женщина и опять наклонится къ водѣ, чтобы утолить свою жажду.

Вся наружность моего страннаго учителя измѣнялась по мѣрѣ того, какъ я говорилъ. Когда я кончилъ описаніе прекрасной женщины съ энтузіазмомъ мальчика, видѣвшаго до тѣхъ поръ только одно земное несовершенство, онъ упалъ на колѣни рядомъ со мной.

— Ты видѣлъ ее!—произнесъ онъ съ глубокимъ волненіемъ.—Привѣтствую тебя! Ибо ты назначенъ быть великимъ учителемъ среди насъ, благодѣтелемъ народа, ты—ясновидѣцъ!

Пораженный его словами, я молча смотрѣлъ на него. Въ слѣдующую минуту я началъ испытывать ужасъ, думая, что онъ сошелъ съ ума. Я осматривался кругомъ, соображая, какъ бы мнѣ поскорѣй вернуться въ храмъ и ускользнуть отъ него. Но въ то самое время, когда внутри меня наростала рѣшимость убѣжать, онъ поднялся на ноги и обратился ко мнѣ съ своей совершенно особенной кроткой улыбкой, которая, казалось, покрывала собой всю некрасивость его рѣзко-очерченнаго лица.

— Пойдемъ со мной,—сказалъ онъ ласково,—и я всталъ и послѣдовалъ за нимъ. Мы пошли черезъ садъ, который былъ такъ полонъ очарованія для моихъ восхищенныхъ взоровъ, что я безпрестанно останавливался. Какъ прекрасны были цвѣты! Какимъ пурпуромъ и золотомъ горѣли они! Трудно было не останавливаться на каждомъ шагу и не вдыхать ихъ сладостное благоуханіе, хотя они все же казались мнѣ лишь слабымъ отраженіемъ той чудной красоты, которая лилась изъ цвѣтка бѣлаго лотоса.

Мы шли по направленію къ рѣшеткѣ, отдѣлявшей садъ отъ храма, но не къ той, черезъ которую я вошелъ въ садъ. Когда мы подходили къ ней, въ ея дверь вошли два жреца, одѣтые въ такія же бѣлыя льняныя одежды, какія я видѣлъ на золото-бородомъ жрецѣ Агмадѣ. Эти жрецы были смуглые и черноволосые, и хотя они подвигались такой же уравновѣшенной и величественной походкой, но мнѣ казалось, что имъ чего-то не хватаетъ, что меня особенно поразило въ жрецѣ Агмадѣ,—я думаю совершенства, спокойствія и увѣренности. Они были моложе его; это я увидѣлъ сразу; по всей вѣроятности въ этомъ и была разница. Мой темно-ликій учитель отвелъ ихъ въ сторону, оставивъ меня въ тѣни сводчатаго про-

хода. Онъ заговорилъ съ ними взволнованно и въ то же время съ глубокимъ почтеніемъ; они же, слушая его съ видимымъ интересомъ, посматривали на меня.

Послѣ этого они направились ко мнѣ, а человѣкъ въ черномъ повернулъ назадъ по той дорогѣ, по которой мы съ нимъ пришли. Бѣлые жрецы подвигались ко мнѣ, разговаривая шопотомъ. Подойдя совсѣмъ близко, они сдѣлали знакъ, чтобы я слѣдовалъ за ними. Вступивъ въ прохладный, съ высокими сводами корридоръ, и глядя кругомъ на все встрѣчающееся, я подвигался за ними; они же продолжали шептаться между собой, бросая на меня отъ времени до времени взгляды, значенія которыхъ я не могъ понять.

Выйдя изъ корридора, мы вступили въ большую комнату, сходную съ той, въ которой я видѣлъ стараго жреца и молодыхъ переписчиковъ. Эта комната была раздѣлена богато-вышитой занавѣсью, которая падала съ высокаго потолка величественными складками до самаго пола. Я всегда любилъ красивыя вещи и тутъ же замѣтилъ какъ неподвижно ложились эти складки, прикасаясь къ полу съ той твердой упругостью, которая придается ткани богатой золотой вышивкой.

Одинъ изъ жрецовъ выступилъ впередъ и, отодвигая въ сторону занавѣсъ, спросилъ:

— Владыка, могу я войти?

Я опять началъ дрожать. Они не имѣли враждебнаго вида но кто знаетъ, какое испытаніе ожидало меня? Я смотрѣлъ съ испугомъ на прекрасную занавѣсъ и со страхомъ думалъ о томъ, кто находится за ней.

Но мнѣ недолго пришлось дрожать передъ неизвѣстностью. Ибо вскорѣ скрывшійся за занавѣсью жрецъ возвратился и вмѣстѣ съ нимъ появился золотобородый жрецъ Агмадъ.

Онъ не заговорилъ со мной, но обратился къ двумъ жрецамъ съ словами:

— Ждите съ нимъ здѣсь, пока я пойду къ моему брату Камэнъ Бака.—И сказавъ это, онъ оставилъ насъ однихъ въ большой комнатѣ.

Мой страхъ удесятерился. Если бы величественный жрецъ бросилъ на меня хоть одинъ добрый взглядъ, я бы не боялся такъ сильно. Теперь же меня пронизывалъ непреодолимый ужасъ передъ тѣмъ, что ожидаетъ меня; кромѣ того, я продолжалъ чувствовать слабость послѣ недавняго обморока. Не переставая дрожать, я опустился на каменную скамью, которая обѣгала во-



кругъ всей стѣны; оба черноволосые жреца продолжали говорить между собой.

Я снова начиналъ терять сознаніе, когда внезапное появленіе Агмада въ сопровожденіи другого, столь же величаваго жреца, пробудило меня. Этотъ жрецъ имѣлъ такое же бѣлое лицо и свѣтлые волосы, хотя не столь свѣтлые, какъ у Агмада; онъ отличался такой же величавой неподвижностью, которая заставляла меня такъ бояться Агмада, но въ его темныхъ глазахъ свѣтилось доброжелательство, котораго я не видѣлъ у другихъ жрецовъ. Поэтому страхъ мой убавился, когда я взглянулъ на него.

— Вотъ онъ,—сказалъ Агмадъ своимъ музыкальнымъ голосомъ.

„Неужели это они говорятъ обо мнѣ?—удивлялся я.—Что я такое, чтобы интересовать ихъ“.

— Братья,—воскликнулъ Камэнъ Бака,—не слѣдуетъ ли намъ одѣть его въ бѣлыя одежды ясновидца? Отведите его въ купальню. Выкупайте его и пусть онъ будетъ помазанъ драгоцѣннымъ елеемъ и тогда мы съ моимъ братомъ Агмадомъ надѣнемъ на него бѣлое облаченіе. Послѣ этого пусть онъ отдохнетъ, мы же отдадимъ отчетъ собранію первосвященниковъ. Приведите его сюда, когда онъ выкупается.

Два младшихъ жреца повели меня изъ комнаты. Я началъ соображать, что они принадлежатъ къ низшей кастѣ и, посмотрѣвъ на ихъ бѣлыя одежды, я замѣтилъ, что на нихъ не было прекраснаго золотого шитья; вмѣсто золота, край былъ вышитъ черными короткими линіями.

Какой восхитительной показалась мнѣ послѣ всей перенесенной усталости освѣжающая ванна, въ которую они погрузили меня! Она облегчила меня и успокоила все мое существо. Когда я вышелъ изъ воды, они натерли меня нѣжнымъ и душистымъ масломъ, надѣли на меня льняную рубашку и принесли мнѣ поѣсть—фруктовъ, пирожковъ и какое-то душистое питье, которое одновременно подкрѣпило и возбудило меня. Послѣ этого меня снова повели въ ту комнату, гдѣ ожидали оба жреца.

Они были тамъ и съ ними другой жрецъ низшаго сана, который держалъ тонкое льняное облаченіе бѣло-снѣжнаго цвѣта. Два старшихъ жреца взяли изъ его рукъ облаченіе и когда другіе жрецы сняли съ меня рубашку, они вдвоемъ надѣли его на меня. Послѣ этого оба соединили свои руки на моей головѣ; въ это же время три другіе жреца опустились на колѣни тамъ, гдѣ стояли.

Я не понималъ, что все это значитъ, но купанье и пища настолько освѣжили меня, что когда меня безъ дальнѣйшихъ разговоровъ снова отослали съ двумя младшими жрецами, съ которыми я уже немного познакомился, мой духъ воспрянулъ и я пошелъ совсѣмъ увѣренной и легкой походкой.

Они повели меня въ маленькую комнату, въ которой стоялъ низкій длинный диванъ, покрытый льняной простыней. Больше въ комнатѣ не было ничего и я почувствовалъ, какъ хорошо для моихъ глазъ и для моего сознанія остаться на время безъ новыхъ впечатлѣній; ибо чего я не наглядѣлся съ той минуты, какъ переступилъ въ это утро черезъ порогъ храма! Какъ много времени, казалось мнѣ, прошло съ тѣхъ поръ, какъ я выпустилъ руку моей матери у рѣшетки храма!

— Отдыхай съ миромъ,—сказалъ одинъ изъ жрецовъ.— Высыпайся хорошенько, ибо мы разбудимъ тебя при наступленіи ночи!

Послѣ этого они оставили меня одного.

Глава III.

Я лежалъ на своей постели, которая была достаточно мягка, чтобы дать полный отдыхъ моимъ усталымъ членамъ; не прошло нѣсколькихъ минутъ, какъ я уже погрузился въ глубокій сонъ, несмотря на всю тревожную необычайность моихъ впечатлѣній. Молодое здоровье и юношеская вѣра заставили меня забыть ихъ въ временномъ блаженствѣ полнаго отдыха.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого знаменательнаго дня, когда я вошелъ въ эту самую келью и смотрѣлъ на эту самую постель, я дивился—куда исчезъ тотъ внутренній міръ, который еще такъ недавно озарялъ мое дѣтское невѣдѣнье.

Когда я проснулся, было совсѣмъ темно; меня словно что-то толкнуло, и я сѣлъ на постели, живо сознавая чье-то невидимое присутствіе въ комнатѣ. Внезапное пробужденіе нарушило послѣдовательность моихъ впечатлѣній. Я вообразилъ, что нахожусь дома, что моя мать стоитъ около меня въ молчаніи.

— Мама!—закричалъ я,—что случилось? Почему ты здѣсь? Ты больна? Можетъ овцы разбрелись?

Въ теченіе минуты не было никакого отвѣта; мое сердце начало быстро стучать, когда я вдругъ вспомнилъ, что я не дома, что я въ новомъ мѣстѣ, что я не знаю, кто притаился

въ этой страшной тишинѣ. Въ первый разъ я почувствовалъ страстное стремленіе къ своей маленькой родной горенкѣ, гдѣ раздавался голосъ моей матери. И хотя я считался смѣлымъ мальчикомъ, совсѣмъ несклоннымъ къ женской слабости, я бросился на постель и началъ громко рыдать.

— Внесите огни,—сказалъ спокойный голосъ,—онъ проснулся.

Я услыхалъ шорохъ и въ тоже время почувствовалъ сильное благоуханіе. Вслѣдъ затѣмъ два молодые послушника вошли въ комнату, неся въ рукахъ серебряныя лампы, которыя внезапно освѣтили яркимъ свѣтомъ всю комнату. И тогда я увидѣлъ—и видъ этотъ такъ поразилъ меня, что я пересталъ плакать и позабылъ тоску по родномъ домѣ—я увидѣлъ, что моя комната переполнена жрецами въ бѣлыхъ одѣяніяхъ, стоявшими неподвижно. Неудивительно, что я былъ съ такой силой охваченъ ощущеніемъ человѣческаго присутствія въ моей комнатѣ. Я былъ окруженъ толпой жрецовъ; они стояли какъ изваянія, глаза ихъ были опущены, руки—скрещены на груди.

Я снова бросился на свою постель и закрылъ лицо руками; внезапный свѣтъ и всѣ эти лица потрясли меня и, когда первыя минуты удивленія прошли, я снова почувствовалъ желаніе заплакать. Благоуханіе становилось все сильнѣе и сильнѣе, вся комната наполнилась имъ. А когда я открылъ глаза, я увидалъ, что два молодыхъ жреца, по обѣ стороны моего изголовья держатъ сосуды, изъ которыхъ поднимаются клубы зажженнаго ѳиміама. Комната, какъ я уже сказалъ, была полна жрецами; но совсѣмъ близко отъ моей постели, образовался какъ бы внутренній кругъ изъ нѣсколькихъ, повидимому, самыхъ главныхъ жрецовъ. Я смотрѣлъ на лица этихъ ближайшихъ жрецовъ со страхомъ. Между ними были Агмадъ и Камэнъ и еще нѣсколько другихъ, и всѣ они отличались той-же странной неподвижностью, которая такъ глубоко поразила меня. Я смотрѣлъ то на одно, то на другое лицо и кончилось тѣмъ, что я опять закрылъ глаза и началъ дрожать. Я почувствовалъ себя, словно внутри непереходимаго барьера; я былъ въ плѣну, окруженъ кольцомъ этихъ людей и кольцо это было болѣе непроницаемо, чѣмъ самыя прочныя стѣны. Подъ конецъ молчаніе нарушилось.

Заговорилъ Агмадъ.

— Встань, дитя,—сказалъ онъ,—и иди съ нами.

Я послушно всталъ, хотя я предпочелъ бы остаться въ полномъ одиночествѣ въ этой темной комнатѣ, только бы не

идти съ этой страшной молчаливой толпой. Но у меня не было выбора: я *долженъ* былъ безпрекословно повиноваться, встрѣчаясь съ холодными непроницаемыми глазами Агмада, которые были устремлены на меня.

Когда я всталъ, я замѣтилъ, что меня продолжаетъ окружать тотъ же внутренній кругъ. Впереди и позади меня и по обѣимъ сторонамъ шли они, а остальные жрецы подвигались за нами. Мы прошли по длинному корридору, въ концѣ котораго была входная дверь въ храмъ. Дверь, ведущая въ садъ, была открыта и я сразу почувствовалъ себя ободреннымъ, выглянувъ на мгновеніе въ свѣжую тишину ночи; словно лицо стараго друга посмотрѣло на меня съ усѣяннаго звѣздами неба. Но это было только короткое мгновеніе. Мы остановились у самыхъ дверей и одинъ изъ жрецовъ заперъ ихъ крѣпкимъ засовомъ; затѣмъ мы повернули въ широкій центральный корридоръ, который я уже видѣлъ въ первый день моего вступленія въ храмъ. Теперь я замѣтилъ, что несмотря на его размѣры и высоту, въ немъ не было никакихъ дверей, исключая одной, которая виднѣлась въ глубинѣ большой арки, на самомъ концѣ корридора, какъ разъ напротивъ главной аллеи храма. Я дивился, думая, куда бы могла вести эта одинокая дверь.

Они принесли низенькое сидѣнье и поставили его внутри корридора. Приказали мнѣ сѣсть на него напротивъ двери, виднѣвшейся въ концѣ корридора. Я сѣлъ безъ возраженія, хотя почувствовалъ сильную тревогу: что означали эти странныя приготовленія? Зачѣмъ я долженъ былъ сидѣть со всѣми этими жрецами вокругъ меня? Какое испытаніе ожидало меня? Но я рѣшилъ быть храбрымъ и прогнать всякій страхъ. Развѣ я уже не былъ облаченъ въ бѣлыя льняныя одежды? Правда, они не были еще вышиты золотомъ, но на нихъ не было видно и черныхъ полосокъ, какъ у молодыхъ жрецовъ. Они были чистаго бѣлаго цвѣта и я гордился этимъ, думая, что бѣлизна эта отличаетъ меня отъ другихъ и этой мыслью я старался поддерживать покидавшее меня мужество.

Отъ клубовъ фиміама исходило такое сильное благоуханіе, что голова моя начинала кружиться. Я совсѣмъ не привыкъ къ такимъ ароматамъ, а жрецы употребляли ихъ съ большой расточительностью.

Внезапно—безъ малѣйшаго предупрежденія—всѣ огни были погашены и я очутился снова въ темнотѣ, окруженный странной и молчаливой толпой.



Я сдѣлалъ усиліе, чтобы собраться съ духомъ и понять, гдѣ я нахожусь. Я помнилъ, что вся толпа была позади меня, что стоявшіе впереди жрецы раздвинулись такъ, что хотя ихъ кругъ продолжалъ отдѣлять меня отъ остальныхъ жрецовъ, я могъ видѣть ту единственную дверь подъ глубокой аркой, которая находилась въ концѣ корридора.

Я былъ очень напуганъ и очень несчастливъ. Я весь съежился на своей низенькой скамейкѣ, рѣшивъ быть храбрымъ, но сохранять безмолвіе и какъ можно меньше проявлять себя. Больше всего я боялся неподвижныхъ лицъ тѣхъ старшихъ жрецовъ, которые невидимо стояли вокругъ меня. Абсолютное молчаніе толпы позади меня наполнило мое сердце ужасомъ и тревогой. Мгновеніями эта тревога усиливалась до такой степени, что я раздумывалъ—не смогу ли я, вставъ и двигаясь потихоньку по корридору, спастись отъ этихъ жрецовъ, незамѣченный ими. Но у меня не хватило смѣлости на такую попытку; въ тоже время дѣйствіе ѳиміама, тишины, можетъ быть, и выпитаго напитка начало вызывать во мнѣ какую-то странную сонливость.

Глаза мои уже закрывались и я, по всей вѣроятности, начиналъ уже засыпать, когда мое любопытство было внезапно разбужено появленіемъ полосы свѣта посреди той двери, которая находилась въ концѣ корридора. Я широко раскрылъ глаза, чтобы разсмотрѣть получше, и вскорѣ убѣдился, что створки двери начинаютъ чрезвычайно медленно открываться. Подъ конецъ они открылись наполовину и какой-то странный неясный свѣтъ началъ свѣтить оттуда. Но на нашемъ концѣ корридора темнота оставалась такая-же непроглядная, и вокругъ меня не было никакого признака жизни, кромѣ тихаго задержаннаго дыханія людей, окружавшихъ меня.

Я закрылъ глаза, ибо глядя съ такимъ напряженіемъ въ темноту, я сильно утомилъ ихъ. Когда-же я снова взглянулъ, я увидѣлъ передъ самой дверью человѣческую фигуру. Очертанія ея были совершенно ясны, но самыя формы и лицо были почти невидимы, благодаря свѣту, падавшему сзади; непонятно почему, но меня внезапно охватилъ такой ужасъ, что я долженъ былъ напрягать всѣ усилія, чтобы не разразиться громкими криками. Это нестерпимое чувство страха продолжало расти; ибо фигура приближалась ко мнѣ медленно, какими-то скользящими движеніями, какихъ я никогда не видалъ на землѣ. По мѣрѣ того какъ она приближалась, я замѣтилъ, что она была окутана въ темныя одежды, которыя прикрывали всю ее вмѣстѣ съ лицомъ. Но я

не могъ видѣть ясно, ибо свѣтъ изъ пріотворенной двери давалъ лишь слабый отблескъ. Мой страхъ достигъ настоящей агоніи, когда я замѣтилъ, что скользящая фигура, бывшая теперь очень близко отъ меня, зажгла что-то, что она держала въ рукѣ, и этимъ свѣтомъ освѣтились ея тусклыя одежды. Но кромѣ складокъ одежды не было видно ничего.

Страшнымъ усиліемъ воли я оторвалъ свой зачарованный взоръ отъ таинственной фигуры и повернулъ голову, надѣясь увидѣть жрецовъ, стоявшихъ около меня. Но я не увидалъ ничего—вокругъ меня была черная тьма. Это новое впечатлѣніе освободило меня изъ-подъ чаръ сковавшаго меня страха и я закричалъ крикомъ безумнаго ужаса—и крѣпко закрылъ лицо руками.

Тогда раздался голосъ Агмада.

— Не бойся, мое дитя,—сказалъ онъ своимъ мелодическимъ и безстрастнымъ голосомъ.

Я сдѣлалъ отчаянное усиліе, чтобы овладѣть собой; меня поддержалъ звукъ его голоса, онъ отзывался все-же чѣмъ-то менѣе ужасающимъ и чуднымъ, чѣмъ страшная закутанная фигура, стоявшая передо мной. Она была тутъ—не слишкомъ близко, но достаточно близко для того, чтобы держать мою душу въ своей власти.

— Говори, дитя,—снова раздался голосъ Агмада,—и разскажи намъ, что такъ сильно пугаетъ тебя.

Я не посмѣлъ ослушаться, хотя языкъ мой буквально прилипалъ къ гортани; я думаю, что глубокое изумленіе, которое вызвали во мнѣ его слова, помогло мнѣ заговорить легче, чѣмъ можно было ожидать при такихъ условіяхъ.

— Какъ!—воскликнулъ я,—развѣ вы не видите свѣтъ изъ дверей и закутанную фигуру? О, отошлите ее назадъ! Она такъ пугаетъ меня!

Сдержанный шопотъ раздался среди толпы. Ясно было, что мои слова взволновали всѣхъ. Затѣмъ раздался спокойный голосъ Агмада.

— Привѣтствуемъ нашу царицу и приносимъ ей все наше благоговѣніе.

Закутанная фигура склонила голову и подвинулась еще ближе. Послѣ минуты глубокаго молчанія Агмадъ заговорилъ снова.

— Не можетъ ли наша Владычица раскрыть глаза своимъ вѣрнымъ слугамъ и отдавать имъ свои приказанія, какъ это было въ прежнія времена?

Фигура наклонилась и начала чертить что-то на полу. Я

посмотрѣлъ и увидѣлъ слѣдующія слова, начертанныя огненными буквами, которыя исчезали немедленно послѣ своего появленія:

„Да. Но дитя должно войти вмѣстѣ со мной въ мое святилище безъ васъ".

Я видѣлъ слова и все мое существо затрепетало отъ ужаса. Невыразимый страхъ, исходившій на меня отъ этой закутанной фигуры, былъ такъ непреодолимъ, что мнѣ было легче умереть чѣмъ выполнить такое приказаніе. Жрецы сохраняли молчаніе и я догадывался, что и сама фигура и огненныя буквы оставались для нихъ невидимы. Я сейчасъ же сообразилъ, что какъ это ни было странно и невѣроятно, но разъ это такъ, они не узнаютъ ея приказанія. Развѣ могъ я, съ такимъ ужасомъ на сердцѣ, заставить себя произнести слова, которыя угрожали мнѣ такимъ непосильнымъ испытаніемъ?

Я продолжалъ молчать. Фигура внезапно пошевелилась и, казалось, смотрѣла на меня. А затѣмъ она снова начертила быстро-исчезающими огненными буквами: „Передай мое распоряженіе".

Но я не могъ. Охватившій меня страхъ дѣлалъ это физически невозможнымъ. Мнѣ казалось, что языкъ мой распухъ и не можетъ пошевелиться во рту. Закутанная женщина обратилась ко мнѣ съ жестомъ страшнаго гнѣва. Быстрымъ скользящимъ движеніемъ она ринулась ко мнѣ и сдернула покрывало съ своего лица.

Мнѣ казалось, что глаза мои выскочатъ изъ орбитъ, когда ея лицо приблизилось къ моему. Оно не было безобразно. Хотя глаза были полны ледяного гнѣва - такого гнѣва, который не жегъ, а замораживалъ. Оно не было безобразно, но оно наполняло меня непередаваемымъ словами отвращеніемъ и страхомъ, и весь ужасъ этого лица заключался въ чудовищной неестественности всего его выраженія. Оно казалось составленнымъ изъ элементовъ тѣла и крови и въ то же время производило впечатлѣніе какой-то искусственной маски человѣчества—страшной тѣлесной нереальности—чего-то сдѣланнаго изъ плоти и крови безъ жизни, присущей плоти и крови. Въ одной секундѣ времени скопились для меня всѣ эти ужасы. Я больше не выдержалъ и съ пронзительнымъ крикомъ потерялъ сознаніе во второй разъ въ этотъ день—мой первый день въ храмѣ.

Пер. Е. П.

(Продолженіе слѣдуетъ).





Стихотвореніе.

НА ГРАНИ.

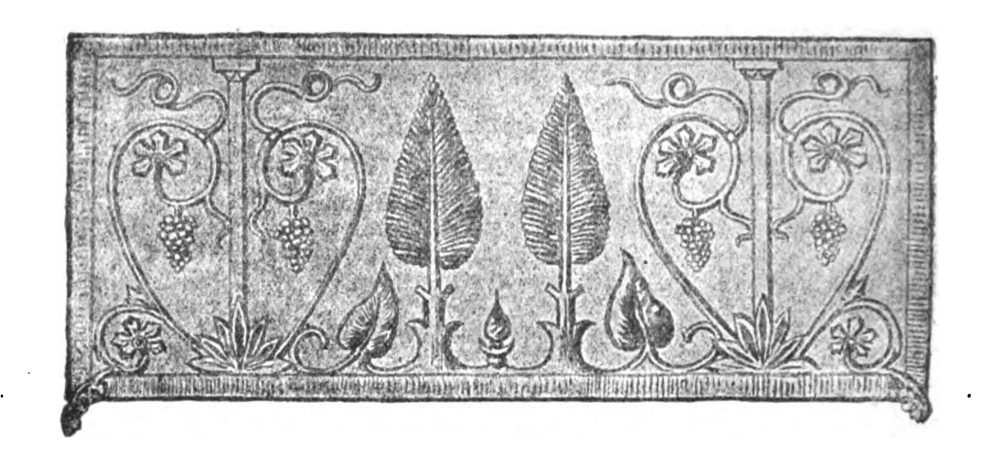
Въ сонъ золотой погружается лѣто,
Сладостный, мертвый покой—
Дымкой лучи затянулися свѣта,
Пламенемъ падаетъ лиственный рой.
Скоро зима, тишина снѣговая,
Вѣтра надгробнаго вой,
И уже снова, въ нѣдрахъ сверкая,
Тлѣется сѣмя рожденья весной.

Н. Гернетъ.



Люди не знаютъ божественности любви, ибо любовь не есть желаніе со стороны любящаго, но это есть сердечное отношеніе, возвращающее гностика къ единству вѣры, независимо отъ времени и пространства.

Изреч. Климента Александрійскаго.



Воспоминанія [1]).

(Продолженіе).

Глава II.

Хорошее и дурное настроеніе человѣка, какъ часто говаривали мнѣ въ дѣтствѣ, напоминаетъ хорошую и дурную погоду; но если вліяніе хорошаго настроенія можно сравнить съ вліяніемъ солнечнаго дня, дурное настроеніе нельзя сравнивать съ дождливымъ днемъ, потому что въ дождливомъ днѣ есть красота и польза, а въ дурномъ настроеніи нѣтъ никакой красоты и оно сушитъ сердце человѣка, какъ „сухая мгла", отъ которой вянутъ цвѣты и свертываются листья.

„Красота дождливой погоды подобна красотѣ скорби, ибо скорбь содѣйствуетъ росту человѣческой души".

Таковы были мысли, руководившія бабушкой, когда она говорила, что кончина ея маленькой дочки Душеньки, послѣ которой она сначала впала въ черную меланхолію, а потомъ долго скорбѣла, помогла ей укрѣпиться въ покорности и выковать свой твердый характеръ, то есть умѣнье во всемъ покоряться Волѣ Божьей и все переносить съ терпѣніемъ, чему, по ея мнѣнію, должны были учиться нетолько взрослые люди, но и дѣти, для того, чтобы идти по хорошей дорогѣ „la bonne route". Но, чтобы идти по этому пути, говорила она мнѣ, дѣти должны быть послушными, прилежчыми и правдивыми, такъ какъ непо-

[1]) См. „В. Т". № 1, 1915 г.

слушаніе, лѣнь и ложь ведутъ къ дурному пути, на которомъ встрѣчаются всѣ пороки.

Вѣроятно, благодаря этимъ стариннымъ правиламъ воспитанія, мнѣ не приходилось видѣть, чтобы кто-нибудь бывалъ въ дурномъ настроеніи въ Красномъ у бабушки, или въ Ивановскомъ у моей Grand-maman, ея сестры, къ которой мы часто ѣздили и подолго гостили въ большомъ домѣ съ колоннами и двухсвѣтной залой и гдѣ, окруженная солнцемъ, музыкой и любовью, я бывала такъ счастлива.

Вспоминая Grand-maman, строгую, но всегда радушную старушку, вижу ее окруженную почтительными и веселыми дядюшками моими и мечтательными моими тетушками, сердечныя печали которыхъ такъ поэтично воспѣвались ими въ грустныхъ романсахъ, наполняя старинный домъ и садъ Ивановскаго настроеніемъ романтизма.

Такъ какъ воспитательницей ихъ была также бабушка, въ основѣ ихъ жизни лежали тѣ-же качества, съ которыхъ начиналась „la bonne route“ и по которой бабушкѣ хотѣлось вести и меня. Эти качества должны были помогать человѣку нетолько быть хорошимъ, но и „любезнымъ“, что, по мнѣнію бабушки, было необходимо для каждаго воспитаннаго человѣка „pour chaque personne bien élevée“, и, если къ тому же онъ былъ добръ, „L'Ange Gardien“, Ангелъ Хранитель всегда сопровождалъ его, отворачиваясь и закрывая лицо свое только тогда, когда человѣкъ сбивался съ хорошаго пути.

Ангеловъ я видѣла въ дѣтствѣ въ Ивановской церкви. Они были большого роста съ золотыми крыльями и носили длинныя золотыя платья, но мой Ангелъ Хранитель былъ въ бѣломъ и, хотя я не видѣла его, но знала это навѣрное.

Въ Ивановской церкви четыре золотыхъ ангела съ копьями въ рукахъ окружали алтарь, поддерживая надъ нимъ золотой балдахинъ, а два другихъ ангела стояли у распятія надъ иконостасомъ, гдѣ вокругъ иконъ было видно много херувимовъ съ золотыми крылышками и пухленькими щечками.

Церковь въ Ивановскомъ была каменная, старая, вѣроятно конца семнадцатаго вѣка и такъ какъ она стояла очень близко отъ дома, за самой оградой сада, мы часто посѣщали ее по воскресеньямъ и праздникамъ, когда гостили въ Ивановскомъ.

Когда бабушка выучила меня молиться по-русски, она велѣла мнѣ передъ тѣмъ, какъ читать „Богородицу“, поминать нетолько „papa“, „maman“ и ее, но и „Grand-maman“ и также всѣхъ род-

ныхъ моихъ и „всѣхъ православныхъ христіанъ“, а потомъ помолиться и за себя.

Сначала я очень стѣснялась молиться по-русски и говорить Богу „ты“, а не „Вы“, какъ по-французски, но потомъ, почувствовавъ, что это меня не удаляетъ отъ Бога, а приближаетъ къ Нему, я перестала стѣсняться и, стоя на колѣняхъ передъ образами, выучилась увѣренно и быстро говорить вслухъ однимъ духомъ:

„Господи помилуй papa, maman, бабушку, „Grand-maman“, дѣдушекъ, дядюшекъ, тетушекъ, братьевъ, сестеръ и всѣхъ православныхъ христіанъ“.

Потомъ я переводила духъ и немного медленнѣе говорила: „И меня младенца Александру“, стараясь понять значеніе слова „младенца“.

Узнавъ отъ бабушки, что на свѣтѣ есть еще и другіе люди, не православные и не христіане, и внутренно спросивъ себя можно ли за нихъ молиться, я рѣшила, что можно и добавляла, но уже про себя:

„Господи помилуй и всѣхъ людей“.

Но тогда возникалъ новый вопросъ: можно ли молиться и за животныхъ, напримѣръ, за лошадей, кошекъ, собакъ и птицъ и этотъ вопросъ особенно сталъ тревожить меня, когда я полюбила дворную собаку „Негро“.

Почему-то не рѣшаясь спросить объ этомъ бабушку, мнѣ случайно пришлось узнать отъ кого-то изъ прислугъ, что „только голуби живутъ въ царствѣ небесномъ, потому, что они „Духъ Святой“, а другихъ животныхъ, кромѣ кошекъ, даже въ церковь не пускаютъ“. И я не смѣла молиться за Негро, а только съ любовью вспоминала его во время молитвы.

„Читая „Богородицу“, со словами: «Благодатная Марія“ и „Яко Спаса родила еси душъ нашихъ“, по созвучію ихъ съ именами нашего лакея Марея и садовника Якова, я вспоминала ихъ и молилась за нихъ и также за Душеньку, бабушкину дочку, послѣ смерти которой она впала въ „черную меланхолію“ и смутныя мысли о смерти приходили въ голову.

Хорошо понимая, что замѣняю бабушкѣ Душеньку, ея „черная меланхолія“ была вещь совершенно мнѣ непонятная, заставлявшая меня внимательно разсматривать бабушку и видѣть, что у нея умное и серьезное лицо, сѣрые спокойные глаза, часто обращенные къ небу, и на щекѣ и около носа двѣ премилыя бородавочки, особенно нравившіяся мнѣ.

Лицо ея было обрамлено черными, гладко причесанными

волосами и на ушахъ у нея были двѣ косы, свернутыя кругами и надъ ними черный тюлевый чепецъ съ лентами. Вечеромъ косы снимались и, съ воткнутыми въ нихъ желѣзными шпильками, лежали на туалетѣ около зеркала, а черный чепецъ замѣнялся бѣлымъ ночнымъ чепчикомъ.

Днемъ бабушка носила платья съ множествомъ оборокъ и широкими рукавами; изъ-подъ нихъ выглядывали бѣлыя рукавчики, въ формѣ пузырей, стянутыхъ у кистей рукъ, а лифа ея у ворота были обшиты бѣлыми батистовыми воротничками и спереди кончались остріемъ, которое называлось „шнипсомъ“. Отъ груди къ таліи бабушка была все тоньше и тоньше, а отъ таліи къ полу все шире и шире и напоминала бронзовый колокольчикъ, стоявшій у нея на письменномъ столѣ.

Она была очень хороша въ своихъ платьяхъ, но была еще лучше вечеромъ, вся въ бѣломъ, когда было слышно, какъ ея крестики и образки на шеѣ звенятъ на золотой цѣпочкѣ. Этими образками, привезенными ей изъ разныхъ святыхъ мѣстъ ея богомольными родственницами, она благословляла меня каждый вечеръ и я цѣловала ихъ, а потомъ цѣловала ея мягкую и теплую, перекрестившую меня руку.

Обычай носить на шеѣ „на крестѣ“ образки изъ Іерусалима, Кіева, Воронежа, Сарова и разныхъ монастырей и святыхъ мѣстъ и благословлять ими дѣтей бабушка переняла отъ своей матери, моей прабабушки, про которую говорили, что она каждый вечеръ обходила всѣ комнаты въ домѣ и крестила всѣхъ своихъ спящихъ, даже уже взрослыхъ и пожилыхъ дѣтей, и про нее разсказывали, что однажды, по разсѣянности, забывъ, что въ комнатѣ ея сына, вмѣсто него спитъ землемѣръ, она вошла къ нему ночью и долго надъ нимъ шептала молитвы и благословляла его. Когда, въ смущеніи, землемѣръ, наконецъ, рѣшился сказать: „Авдотья Васильевна, это я-съ“, она сначала изумилась, а потомъ, замѣтивъ свою ошибку, разсмѣялась и, еще разъ перекрестивъ его, сказала: „Ну, ничего, батюшка, да благословитъ тебя Господь, спи себѣ съ миромъ“.

Портретъ этой прабабушки висѣлъ у насъ въ спальнѣ и про нее всѣ говорили, что она была ангелъ, но только мнѣ было странно, что ангелы носили такія высокія прически, и казалось, что на ангела гораздо больше похожа моя бабушка вечеромъ безъ прически.

Вечеромъ она была больше моя, чѣмъ днемъ, потому что днемъ она занималась мной и хозяйствомъ, а когда кончался

день, отдавъ послѣднія распоряженія, она занималась только мной и тогда можно было ею вполнѣ спокойно наслаждаться, все ей разсказывать и, лежа въ кроваткѣ, про все спрашивать ее и на все получать отвѣты, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда вопросы бывали ужъ очень странны, тогда она говорила или: „Ne dis pas de bêtises, ma chère“, или же: „dors, ma chère“. Послѣ этого надо было молчать; но, прежде чѣмъ заснуть, можно было на нее смотрѣть и видѣть, какъ бабушка сидитъ на диванѣ за столомъ и раскладываетъ пасіансъ и какъ двѣ свѣчи въ бронзовыхъ подсвѣчникахъ, обтекая бѣлыми восковыми каплями, освѣщаютъ ея милое лицо и другія интересныя вещи на столѣ: чугунный прессъ-папье въ формѣ женской руки съ кольцомъ на пальцѣ и браслеткой и другой прессъ-папье, сѣрый мраморный, съ каменными ягодами, а рядомъ съ нимъ блестящій колокольчикъ, стальную линейку и нѣсколько гусиныхъ перьевъ, которыми иногда вмѣсто пасіанса бабушка по вечерамъ писала письма.

Какъ бывало хорошо подъ звуки шелковистаго скрипѣнья этихъ перьевъ или подъ мягкое щелканье бабушкиныхъ картъ закрывать глаза и переходить въ міръ сновидѣній.

Чѣмъ чаще и внимательнѣе смотрѣла я по вечерамъ на бабушку, тѣмъ больше къ ней привязывалась, чувствуя, что она для меня *все*, самый главный человѣкъ на свѣтѣ и что безъ нея невозможно быть.

„Что случится со мной, если бабушка вдругъ куда-нибудь пропадетъ?“—подумала я разъ, глядя на нее передъ тѣмъ, какъ заснуть и ужаснулась...

— Qu'as-tu, ma chère, что съ тобой?—спросила она, почувствовавъ мою тревогу.

— Бабуленька, — слезливымъ голосомъ заговорила я, — ты никуда не можешь пропасть?..

— Что ты говоришь, мой другъ, зачѣмъ я пропаду?.. Человѣкъ не можетъ пропасть, даже если умретъ.

— А что значитъ „умретъ“?

— „Умретъ“ — значитъ, тѣло человѣка перестанетъ жить, а душа его пойдетъ къ Богу.

— А что она тамъ будетъ дѣлать?

— Что будетъ дѣлать?—Если человѣкъ былъ добрый, она сдѣлается ангеломъ и будетъ служить Богу.

— Бабуля! А когда ты умрешь, ты будешь ангеломъ?

— Не знаю, другъ мой, надѣюсь.

— А я?

— И ты, если будешь добрая и умная.

— Бабуля! Я хочу съ тобо-о-ой!

— Хорошо, хорошо, спи другъ мой, dors ma chère...

Замѣтивъ, что бабушка избѣгаетъ разговоровъ о смерти, я замолчала, но продолжала на нее смотрѣть и думать:

„А вдругъ бабушка умретъ прежде меня и безъ меня уйдетъ къ Богу, что я тогда буду дѣлать?.. Положимъ, у меня про запасъ въ Петербургѣ есть „papa et maman“, но это все не то и все-таки безъ бабушки никакъ нельзя“.

И долго тревожныя мысли и разныя комбинаціи смѣнялись въ головѣ и, когда онѣ наконецъ утомили меня, я стала развлекаться окружающими меня предметами: бѣлымъ кисейнымъ пологомъ надъ моей кроваткой, въ складкахъ которой кое-гдѣ притаились мухи, и странными узорами мягкаго шерстяного одѣяльца цвѣта „Chiné“, которое связала мнѣ „tante Sophie“; оно все было пропитано запахомъ свѣжаго сѣна, которымъ былъ набитъ мой тюфячекъ и благоухало; а въ изголовьи у меня былъ образъ и я знала, что когда я родилась, меня, по семейному обычаю, смѣрили тесемочкой и, сложивъ ее пополамъ, въ эту величину заказали образъ моей святой. Она была царица и ее звали также, какъ и меня, но только не Шурочкой, а Александрой, какъ бабушку...

Успокоившись и устроившись какъ можно удобнѣе въ своей кроваткѣ подъ одѣяломъ, для чего надо было подтянуть колѣнки подъ самый подбородокъ, я взглянула на бабушку... И опять мысли о смерти и объ ангелахъ замелькали въ головѣ, но онѣ стали смѣшиваться съ мыслями о свѣчахъ и картахъ и бабушка стала расплываться въ туманѣ моей дремоты и, отдѣляясь отъ стола, начала подниматься все выше и выше... потомъ въ комнатѣ все перемѣшалось и исчезло...

Глава III.

Утро. Глаза съ трудомъ раскрываются навстрѣчу яркому солнечному свѣту; за окномъ слышны голоса птицъ; чириканье воробьевъ, воркованье голубей и смѣшные голоса галокъ, будто разговаривающихъ между собой на чердакѣ о чемъ-то очень забавномъ... Изъ лѣса доносятся крики иволги и красивый голосокъ горленки. Ему хорошо можно подражать, если прово-



дить пальцемъ по зубьямъ черепаховой гребенки, которой мнѣ причесывають волосы.

Вспоминая объ этой интересной игрѣ, дѣлаю усиліе, чтобы совсѣмъ проснуться и открыть глаза и вижу, что бабушка уже причесана и, пригладивъ щеточкой свои блестящіе, точно лакомъ покрытые черные волосы, надѣваетъ коричневое клѣтчатое платье.

„Lève toi, ma chère“,—привѣтливо говоритъ она, увидѣвъ, что я проснулась и открываетъ окно... Широкая струя свѣжаго воздуха, вмѣстѣ съ благоуханіемъ лѣса и радостью солнечнаго, лѣтняго дня, врывается въ „итальянское“ окно нашей спальни и въ первую минуту ошеломляетъ, а потомъ призываетъ скорѣе встать и бѣжать въ садъ. А въ это время, смѣняя вышедшую изъ комнаты бабушку, входитъ нянюшка Наталія Васильевна, неся бѣлую деревянную табуретку съ бѣлымъ фарфоровымъ тазомъ, мыльницей и кувшиномъ, покрытымъ чистымъ полотенцемъ.

Процессъ умыванья особенно пріятенъ, потому что имѣешь дѣло съ нѣжнымъ и душистымъ мыломъ, называемымъ „savon de tridace“. Когда кончается одинъ кусокъ, приносятъ новый; очень весело развертывать его зеленую бумажку съ изображеннымъ на ней ульемъ и роемъ пчелъ, летающимъ вокругъ него. И тоже бываетъ весело, намыливая этимъ мыломъ руки, дѣлать себѣ изъ его пѣны бѣлыя перчатки до самыхъ локтей и видѣть, какъ отъ нихъ отдѣляются радужные мыльные пузырики и летаютъ, а потомъ лопаются.

„Не шалите, барышня“,—говоритъ Наталія Васильевна. „Пора вамъ идти внизъ молоко кушать, бабушка васъ дожидаются“.

Думая о вкусномъ молокѣ съ чернымъ хлѣбомъ, спѣшишь умыться, одѣться и причесаться, чтобы, помолившись Богу, спуститься по наружной винтовой лѣстницѣ съ верхняго балкона на нижній. Внизъ можно сойти и по внутренней витой лѣстницѣ, съ которой можно даже съѣхать, если бокомъ сѣсть на ея гладкія перила; это очень весело, но опасно и потому запрещено. По наружной лѣстницѣ также приказано спускаться осторожно и не бѣжать по ней, потому что она очень стара. Ея ступени обвиваются вокругъ стараго, толстаго деревяннаго столба, кончающагося кверху остріемъ и на это остріе надѣтъ большой деревянный шаръ. Мнѣ представляется, что этотъ столбъ зубъ великана и, что на него надѣтъ шаръ, чтобы онъ не кусался.

Крѣпко держась за перила и осторожно спускаясь по этой лѣстницѣ, въ хорошую погоду точно погружаешься въ море солнечнаго свѣта, тепла и благоуханія цвѣтовъ, поднимающагося изъ цвѣтника, окружающаго нашъ старый, одноэтажный деревянный домъ съ мезониномъ.

Этотъ домъ былъ невеликъ и стоялъ на горѣ въ лѣсу и его балконы выходили въ садъ, со стороны рѣки; а на другой сторонѣ дома было два крыльца: „лакейское" и „дѣвичье", соединенныя терассой, обвитой дикимъ виноградомъ. Передъ ней былъ очень большой дворъ съ березовой рощей посрединѣ, называемой „кругомъ" и кругъ былъ обсаженъ цвѣтами и кустами жасмина и шиповника; его огибала дорога и, раздѣляясь у конюшни, она уходила кверху черезъ ворота въ поле, а книзу, къ рѣкѣ на мостъ и оттуда опять поднималась въ гору на деревню.

Около дома, въ лѣсу, „на глазахъ у бабушки", были постройки: кухня, людская изба, конюшня, каретный сарай и погребъ; а противъ балкона былъ большой „партеръ" съ клумбами и дорожками, кончавшійся липовой аллеей, спускающейся на лугъ къ рѣкѣ. За рѣкой, на той сторонѣ также разстилался лугъ, окруженный лѣсомъ и на горѣ, но уже „за глазами у бабушки" были хозяйственныя постройки: скотный и конный дворы, амбары, или, какъ называли ихъ „магазины" и контора, въ которой жилъ бабушкинъ бурмистръ, Матвѣй Герасимовичъ, управлявшій ея имѣніемъ.

Трудно сказать, происходитъ ли слово „бурмистръ" отъ „бургомистра" или же отъ слова „Bauermeister"—„хозяинъ крестьянъ", но послѣднее въ данномъ случаѣ, пожалуй, вѣрнѣе, потому что Матвѣй Герасимовичъ строго держалъ въ рукахъ красновскихъ мужиковъ, расправляясь съ ними по своему въ конторѣ, гдѣ онъ жилъ. За этой конторой, у него „подъ рукой" была рига, гдѣ молотили хлѣбъ, а немного дальше въ осиновой рощицѣ, гумно, куда мужики съ поля возили хлѣбъ и складывали его въ красивые, высокіе скирды и тогда гумно, напоминая деревню съ высокими избами и узкими улицами было очень красиво. Недалеко отъ гумна была большая и глубокая круглая яма таинственнаго происхожденія, не то старый прудъ, изъ котораго ушла вода, не то какой-то провалъ, напоминающій огромную могилу; эту яму почему-то боялись, поговаривая, что она осталась отъ временъ чумы и старались засыпать ее старой соломой, но никакъ завалить ее не могли и она даже какъ будто все углублялась.



Если взглянуть на нашу усадьбу съ высоты „Мещеринской горы“, она казалась густымъ лѣсомъ, стоящемъ на пригоркѣ, среди овраговъ и раздѣленномъ живописной узенькой рѣчкой; по ту сторону рѣки, рядомъ съ усадьбой была наша деревня Красное, „Тиличеевка—тожъ“; вдали виднѣлась другая деревня „Лопатинка, съ церковью и дальше село „Черкасское“, а за нимъ голубые холмы, синія дали и лѣса по дорогѣ къ нашему уѣздному городу „Черни“.

„Эта сторона“ и „та сторона“ нашей усадьбы составляли два царства. На „этой сторонѣ“ было царство бабушки и въ немъ, кромѣ насъ, жили „наши люди“: нянюшка, горничныя, лакеи, старый и молодой, кучеръ, поваръ, черная кухарка, она же прачка, садовникъ и водовозъ, онъ же и ночной сторожъ. Всѣ они, каждый по своей спеціальности, поддерживали порядокъ въ домѣ и въ саду и вѣдали породистыми курами, которыхъ бабушка очень любила, четверней сѣрыхъ, ея любимыхъ выѣздныхъ лошадей и моими любимцами, старой водовозной лошадью „Николаичемъ“ и черной собакой „Негро“.

На „той сторонѣ“, въ царствѣ Матвѣя Герасимовича, съ табуномъ рабочихъ лошадей, стадомъ коровъ и овецъ и цѣпными собаками жили работники, конюха, скотники и двѣ черныя кухарки, вѣдавшія телятами и домашней птицей.

Несмотря на то, что на „этой сторонѣ“ среди нашихъ людей были родственники Матвѣя Герасимовича, все же между „этой барской стороной“ и „той рабочей стороной“, существовалъ антагонизмъ, выражавшійся нѣсколько высокомѣрнымъ отношеніемъ „людей“ къ „мужикамъ“, потому что „люди“ уже были не мужики и считали себя болѣе „деликатными“ въ обращеніи съ господами и одѣты они были больше „подъ моду“; работали они каждый свою отдѣльную барскую работу, тогда какъ мужики работали всѣ вмѣстѣ міромъ въ полѣ, или на барщинѣ и одѣвались всѣ одинаково въ рубахи и кафтаны, а бабы въ синія паневы, расшитыя яркими лентами и блестками, тогда какъ модны были блѣдные цвѣта, которые носили господа.

Когда въ большіе праздники мужики и бабы изъ деревни толпой приходили къ намъ въ усадьбу съ пѣснями и водили у насъ на дворѣ хороводы, ихъ у насъ поили виномъ въ „кругу“ и помню, какъ бывало кучеръ Ѳеодоръ, по приказанію бабушки наливалъ изъ боченка водку въ стаканчикъ и подносилъ его „народу“, сначала мужикамъ, а потомъ бабамъ; мужики набожно крестились передъ стаканчикомъ и выпивали его залпомъ,

а бабы сначала „манежились“ передъ Θеодоромъ и, отворачиваясь отъ него, закрывали ротъ платочкомъ, свернутымъ въ комокъ, изображая на лицѣ отвращеніе къ вину, потомъ, перекрестившись, отхлебывали глоточекъ изъ стаканчика, не забывая дать хлебнуть „винца“ и своимъ дѣтямъ.

Въ эти дни антагонизмъ „той“ и „этой“ стороны сглаживался и „люди“, не стѣсняясь своей деревенской родни, покровительственно бесѣдовали съ мужиками, а горничныя, снисходительно улыбаясь, водили хороводы съ бабами.

Съ народомъ мы встрѣчались еще и въ тѣ дни, когда, послѣ долгой засухи, мужики собирались всѣмъ міромъ молиться Богу о дождѣ. Оповѣстивъ насъ объ этомъ съ утра, они у насъ брали столъ, чистую скатерть и суповую миску, для святой воды и уносили ихъ въ поле на „Мещеринскую гору“, а кто-нибудь изъ нашихъ людей караулилъ подъ горой „крестный ходъ“.

Завидя издали хоругви, этотъ человѣкъ бѣжалъ домой и съ волненіемъ, шопотомъ говорилъ нашему старшему лакею: „Крестный ходъ идетъ“, и лакей шелъ къ бабушкѣ и спокойно докладывалъ ей: „Сударыня, крестный ходъ идетъ-съ“. Тогда бабушка приказывала подать себѣ шелковую мантилью и зонтикъ, а мнѣ соломенную шляпу и, сказавъ мнѣ: „allons, ma chère“, брала меня за руку и мы отправлялись пѣшкомъ къ нижней дорогѣ. За нами въ отдаленіи шли люди и, высунувъ языкъ, догоняя насъ бѣжалъ Негро, тоже желавшій насъ сопровождать; но его такъ строго и настойчиво прогоняли, что, сдѣлавъ нѣсколько напрасныхъ попытокъ прилечь къ землѣ, чтобы стать невидимымъ, онъ, наконецъ, поджималъ хвостъ и, огорченный обидными словами: „пошелъ вонъ, пошелъ вонъ“! поворачивалъ назадъ и уныло возвращался домой. А мы, перейдя оврагъ, поднимались на гору, гдѣ насъ ждали крестьяне съ иконами и батюшка, пріѣхавшій съ причтомъ на телѣгѣ. Благословивъ насъ и сказавъ бабушкѣ нѣсколько пріятныхъ словъ, отецъ Алексѣй облачался въ старенькую ризу и начиналъ служить молебенъ съ водосвятіемъ.

Кадильный дымъ разстилался по полю, а дьячки,—одинъ старенькій съ сѣдой косичкой, а другой молодой, кудрявый,—пѣли „Богъ Господь явися намъ“ и „Спаси Господи люди Твоя“ и всѣ усердно молились, крестились и клали земные поклоны, касаясь лбомъ пыльной, потрескавшейся отъ засухи земли.

Часто бывало, что въ это время на небѣ собирались тучки

и, когда священникъ съ молитвой окуналъ старинный серебряный крестъ въ миску съ водой, вокругъ которой горѣли четыре тоненькія восковыя свѣчки, съ неба брызгалъ дождикъ, укрѣпляя въ сердцахъ молящихся вѣру въ силу молитвы.

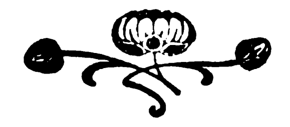
По окончаніи молебна мы съ бабушкой входили въ кругъ крестьянъ, стоявшихъ съ хоругвями и образами кругомъ стола, и прикладывались къ кресту, который держалъ батюшка; онъ кропилъ насъ святой водой, обмакивая березовую вѣточку въ миску и мы шли прикладываться къ образамъ.

Какъ сейчасъ вижу задумчивые темные лики Богоматери и святыхъ на иконахъ, вынесенныхъ народомъ изъ таинственнаго полумрака церкви, въ поле на просторъ и рядомъ съ ними вижу серьезныя лица мужиковъ и бабъ и ихъ грубыя, но чистыя, закорузлыя отъ работы руки, держащія на грубыхъ, но чистыхъ холстахъ большіе и тяжелые образа въ старинныхъ, сверкающихъ на солнцѣ серебряныхъ и золотыхъ окладахъ. И помню, какъ чувство уваженія къ Святынѣ и благоговѣнія передъ Невидимымъ, но Вездѣсущимъ и Всемогущимъ охватывало душу...

Не тогда ли пробудилось къ жизни въ дѣтскомъ сердцѣ моемъ зерно любви и уваженія къ народу и чувство умиленія передъ его вѣрой, въ которой была и его сила.

А. Унковская.

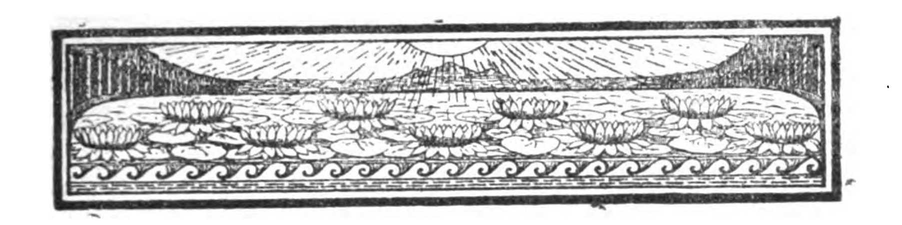
(Продолженіе слѣдуетъ).



Аристотель говоритъ, что сужденія, которыя слѣдуютъ за знаніемъ, являютъ собою настоящую вѣру, слѣдовательно, вѣра выше знанія и служитъ его критеріумомъ.

Изреч. Климента Александрійскаго.





„Нарождающійся мѣсяцъ“ [1]).

(The Crescent Moon).

Рабиндранатъ Тагоръ.

ДѢТСКІЙ МІРЪ.

Я желалъ бы занять покойный уголокъ въ сердцѣ собственнаго міра моего ребенка.

Я знаю, что у него есть звѣзды, съ которыми онъ бесѣдуетъ, и что небо спускается къ нему и забавляетъ его своими незатѣйливыми облаками и радугой.

Тѣ, что хотятъ заставить насъ повѣрить, будто они нѣмы и прикидываются, будто они никогда не сходятъ съ мѣста, прокрадываются къ его окошечку, чтобы разсказывать ему сказки и приносятъ подносы, уставленные блестящими игрушками.

Я желалъ бы странствовать по той дорогѣ, что пролегаетъ черезъ умъ ребенка и теряется въ безграничной дали, гдѣ послы несутъ невѣдомыя вѣсти изъ царства въ царство невѣдомыхъ царей.

Гдѣ разсудокъ дѣлаетъ бумажныхъ змѣевъ изъ законовъ своихъ и пускаетъ ихъ по вѣтру, а истина освобождаетъ факты изъ оковъ.

КОГДА И ПОЧЕМУ.

Когда я приношу тебѣ раскрашенныя игрушки, дитя мое, я понимаю, почему такая игра красокъ въ облакахъ, на водѣ, и почему цвѣты расписаны разноцвѣтными красками,—когда я приношу тебѣ раскрашенныя игрушки, дитя мое.

Когда я пою, чтобы заставить тебя плясать, я хорошо знаю,

---

1) См. „В. Т.“ № 1, 1915 г.

почему есть музыка въ шелестѣ листьевъ, и почему волны шлютъ цѣлый хоръ голосовъ сердцу внимающей земли,—когда я пою, чтобъ заставить тебя плясать.

Когда я приношу сладости жаднымъ рученкамъ твоимъ, я знаю, почему есть медъ въ чашечкахъ цвѣтовъ, и почему плоды тайно наливаются сладкимъ сокомъ,—когда я приношу сладости жаднымъ рученкамъ твоимъ.

Когда я цѣлую личико твое, чтобы заставить тебя улыбнуться, крошка моя, я хорошо понимаю, какая радость струится съ неба въ утреннемъ свѣтѣ, и что за наслажденіе приноситъ тѣлу моему лѣтній вѣтерокъ,—когда я цѣлую тебя, чтобъ заставить тебя улыбнуться.

КЛЕВЕТА.

— Отчего эти слезы на глазахъ твоихъ, дитя мое?

Какъ это ужасно, что они вѣчно бранятъ тебя изъ-за пустяковъ!

Ты запачкалъ пальчики свои и лицо чернилами, когда писалъ, оттого и называютъ они тебя грязнымъ?

Какой стыдъ! Развѣ они осмѣлились-бы назвать грязной луну, когда въ полнолуніе у нея лицо въ пятнахъ?

Изъ за малѣйшаго пустяка они бранятъ тебя, дитя мое. Они готовы изъ-за ничего обвинить тебя.

Ты разорвалъ свое платье во время игры, и потому-то они и называютъ тебя неряхой?

Какой стыдъ! Какимъ-же именемъ назовутъ они осеннее утро, когда оно улыбается изъ-за своихъ разорванныхъ облаковъ?

Не обращай вниманія на то, что они говорятъ тебѣ, дитя мое.

Они составляютъ длинный списокъ твоихъ преступленій.

Всякій знаетъ, какъ ты любишь сладости. Оттого-то они и называютъ тебя жаднымъ?

Какой стыдъ! Какъ же назовутъ они тогда насъ, которые любимъ тебя?

СУДЬЯ.

Говорите про него, что хотите, а я знаю недостатки моего ребенка.

Я не потому люблю его, что онъ хорошъ, а потому, что это маленькое дитя мое.

Какъ можете вы знать, насколько онъ можетъ быть милъ, когда вы пытаетесь взвѣсить его достоинства и ошибки?

Когда я вынуждена наказывать его, онъ еще больше становится частью меня самой.

Когда я вызываю изъ глазъ его слезы, сердце мое плачетъ вмѣстѣ съ нимъ.

Одна я имѣю право осуждать его и наказывать,—только тотъ можетъ карать, кто любитъ.

ИГРУШКИ.

Дитя, какъ ты счастливъ, когда сидя на землѣ, все утро играешь сломанной вѣткой.

Я улыбаюсь твоей игрѣ съ этимъ маленькимъ прутикомъ.

Я занятъ своими отчетами, цѣлые часы складываю я ряды цифръ.

А ты, быть можетъ, глядишь на меня и думаешь: „Что за глупая игра портитъ такъ себѣ цѣлое утро!"

Дитя, я утратилъ способность умѣть погружаться съ головой въ палочки и пирожки изъ грязи.

Я ищу дорогихъ игрушекъ, собираю кучи золота и серебра.

Что-бы ты ни нашелъ, ты изо всего создаешь себѣ веселую игру, а я расходую и время и силу свою на то, чего никогда не могу достичь.

Въ утлой ладьѣ моей я пытаюсь переплыть море желаній и забываю, что и я забавляюсь игрой.

АСТРОНОМЪ.

Я только сказалъ: „Когда вечеромъ полная, круглая луна застрянетъ среди вѣтвей кадамоваго дерева, развѣ никто не можетъ схватить ее?

Но Дада [1]) смѣялся надо мной и говорилъ: „Крошка, ты самый глупый ребенокъ изъ всѣхъ, кого я знаю. Луна всегда такъ далеко отъ насъ, какъ-же можно ее схватить?

[1]) Дада—старшій братъ.



А я говорилъ: „Дада, какой ты глупый. Когда мама смотритъ изъ окна и улыбается намъ, а мы играемъ, развѣ ты говоришь, что она далеко?“.

А Дада все повторялъ: „Ты глупый ребенокъ! Гдѣ-же, крошка, найдешь ты такую большую сѣть, чтобы можно было поймать въ нее луну?“ А я говорилъ: „Ты навѣрное можешь взять ее руками“.

Но Дада смѣялся и повторялъ: „Ты самый глупый ребенокъ изъ всѣхъ, кого я знаю! Если бы она подошла поближе, ты увидалъ-бы, какая она большая“.

А я говорилъ: „Дада! какимъ глупостямъ тебя учатъ въ школѣ! Когда мама наклоняется и цѣлуетъ насъ, развѣ лицо ея такое ужъ большое?“.

А Дада все повторялъ: „Ты совсѣмъ, совсѣмъ глупый!“.

ОБЛАКА И ВОЛНЫ.

— Мама! тѣ, что живутъ тамъ, на облакахъ зовутъ меня.

„Мы играемъ съ утра до вечера.

„Мы играемъ съ золотымъ разсвѣтомъ, мы играемъ съ серебряной луной“.

Я спрашиваю: „А какъ-же мнѣ дойти до васъ?“.

Они отвѣчаютъ: „Приди на край свѣта, подними руки къ небу, и тебя возьмутъ на облака“.

— Мама ждетъ меня дома, говорю я. Какъ-же я могу оставить ее и уйти?

Тогда они улыбаются и пролетаютъ мимо.

Но я знаю игру получше этой, мама.

Я буду облачкомъ, а ты—луной. Я буду закрывать тебя обѣими руками, а наша крыша будетъ голубымъ небомъ.

Тѣ, что живутъ на волнахъ, зовутъ меня.

„Мы поемъ съ утра до ночи; все дальше и дальше уходимъ мы, и не знаемъ, гдѣ мы идемъ“.

Я спрашиваю: „А какъ-же мнѣ дойти до васъ?“.

Они говорятъ мнѣ: „Приходи на самый берегъ, стой съ закрытыми глазами и тебя унесутъ на волнахъ“.

Я говорю: „Мамѣ нужно, чтобы я всегда былъ дома по вечерамъ. Какъ-же я могу оставить ее и уйти?

Тогда они улыбаются, пляшутъ и уходятъ.

Но я знаю игру получше этой.

Я буду волнами, а ты—чужимъ берегомъ.

Я буду катиться все дальше и дальше и со смѣхомъ разбиваться о твои колѣни.

И никто въ мірѣ не узнаетъ, гдѣ мы съ тобой.

ЦВѢТОКЪ ЧАМПА.

— Представь себѣ, что я превратился въ цвѣтокъ Чампа, такъ нарочно, и выросъ на высокой вѣткѣ этого дерева, и со смѣхомъ колыхаюсь на вѣтру и пляшу на молодыхъ распустившихся листочкахъ. Ты бы узнала меня, мама?

Ты бы позвала меня: „Дѣтка, гдѣ ты?

А я смѣялся-бы про себя и сидѣлъ притаившись.

Я тихо открылъ бы свои лепестки и смотрѣлъ, какъ ты работаешь.

Когда, распустивъ по плечамъ мокрые волосы послѣ купанья, ты проходишь въ тѣни дерева Чампа и идешь на маленькій дворикъ читать свои молитвы, ты будешь вдыхать ароматъ цвѣтка, и не будешь знать, что это я.

Когда въ полдень послѣ обѣда ты сядешь къ окну читать Рамаяну и тѣнь отъ дерева будетъ падать на твои волосы и колѣни, я тоже отброшу свою крошечную тѣнь на страницу твоей книги, на самое то мѣсто, гдѣ ты читаешь.

Отгадаешь-ли ты, что это крошечная тѣнь твоего ребенка?

Когда вечеромъ ты пойдешь въ стойло подъ навѣсъ съ зажженной лампой въ рукѣ, я вдругъ упаду на землю и опять стану твоимъ ребенкомъ и попрошу тебя разсказать мнѣ сказку.

— Гдѣ ты былъ, гадкій ребенокъ?

Я не скажу тебѣ, мама. Вотъ что мы будемъ тогда говорить съ тобой.

ВОЛШЕБНАЯ СТРАНА.

Если люди узнаютъ, гдѣ дворецъ моего царя, онъ исчезнетъ въ воздухѣ.

Стѣны его изъ бѣлаго серебра, а крыша изъ яркаго золота.

Царевна живетъ во дворцѣ съ семью дворами, на ней надѣтъ уборъ изъ драгоцѣнныхъ камней, который стоитъ дороже, чѣмъ всѣ сокровища семи царствъ.

Но дай, я шепну тебѣ, мама, гдѣ дворецъ моего царя.

Это уголокъ нашей террасы, гдѣ стоитъ горшокъ съ растеніемъ тульси.

Царевна спитъ на далекомъ берегу за семью непроходимыми морями.

Никто на свѣтѣ, кромѣ меня, не можетъ найти ее.

На рукахъ у нея запястья, а въ ушахъ—жемчужины; волосы ея падаютъ до полу.

Она проснется, когда я трону ее волшебной палочкой, и драгоцѣнные камни будутъ падать изъ устъ ея, когда она улыбнется.

Но дай, я шепну на ушко тебѣ, мама; она здѣсь, въ уголку нашей террасы, гдѣ стоитъ горшокъ съ растеніемъ тульси.

Когда тебѣ время идти на рѣку купаться, поднимись на эту террасу, на крышу.

Я сижу въ уголкѣ, гдѣ сходятся тѣни, падающія отъ стѣнъ.

Только одной кошечкѣ позволено приходить ко мнѣ,—она одна знаетъ, гдѣ въ сказкѣ живетъ Брадобрѣй.

Но дай мнѣ шепнуть на ушко тебѣ, мама, гдѣ въ сказкѣ живетъ Брадобрѣй.

Это тамъ въ углу террасы, гдѣ стоитъ горшокъ съ растеніемъ тульси.

СТРАНА ИЗГНАНІЯ.

— Мама, посмотри, свѣтъ померкъ на небѣ, и я не знаю, который теперь часъ.

Мнѣ скучно играть, и я пришелъ къ тебѣ.

Сегодня Суббота, нашъ праздникъ.

Оставь работу, мама! Сядь здѣсь у окна и разскажи мнѣ, гдѣ лежитъ пустыня Тепантара изъ волшебной сказки?

Тѣни дождевыхъ облаковъ закрыли небо отъ края до края.

Жестокія молніи царапаютъ небо своими когтями.

Когда слышны раскаты въ облакахъ, и громъ гремитъ, я люблю со страхомъ въ сердцѣ прижаться къ тебѣ.

Когда тяжелыя капли дождя шумятъ цѣлые часы по листьямъ бамбука, и наши окна дребезжатъ и трясутся отъ порывовъ вѣтра,—я люблю сидѣть вдвоемъ съ тобой въ комнатѣ, мама, и слушать, какъ ты разсказываешь сказку про пустыню Тепантара.

Гдѣ она, мама? на берегу какого моря? У подножія какихъ горъ, въ царствѣ какого царя? Тамъ поля не огорожены заборами, тамъ нѣтъ тропинокъ, по которымъ поселяне идутъ вечеромъ къ себѣ въ деревню, и женщина, собравъ сухія вѣтви въ лѣсу, несетъ свою ношу на рынокъ. Тамъ лишь клочки желтой травы на пескѣ, и одно единственное дерево, гдѣ свила себѣ гнѣздо пара старыхъ умныхъ птицъ,—тамъ лежитъ пустыня Тепантара.

Смотри, мама, уже темно, а день еще не кончился, и нѣтъ прохожихъ тамъ на дорогѣ въ деревню.

Мальчикъ пастухъ рано вернулся домой съ пастбища, и люди рано пришли изъ полей и сидятъ на цыновкахъ подъ навѣсомъ хижинъ своихъ, слѣдя за хмурыми облаками.

Мама, я поставилъ всѣ книги свои на полку, не заставляй меня сейчасъ приниматься за уроки.

Когда я выросту и стану большой, какъ отецъ, я выучу все, что только нужно знать.

Но только сегодня, мама, разскажи мнѣ, гдѣ лежитъ пустыня Тепантара изъ волшебной сказки?

ДОЖДЛИВЫЙ ДЕНЬ.

Угрюмыя облака быстро собираются надъ опушкой лѣса.

О дитя! не выходи изъ дому.

Пальмы, что стоятъ рядомъ на берегу озера, ударяются верхушками своими въ пасмурное небо; вороны съ намокшими крыльями молча сидятъ на вѣтвяхъ тамаринда, и густая мгла окутала съ востока весь берегъ рѣки.

Наша корова громко мычитъ, привязанная къ плетню.

Дитя! подожди здѣсь, пока я загоню ее въ стойло.

Люди собрались толпой на затопленный лугъ ловить рыбу, которая уплыла изъ разлившихся прудовъ. Ручейки дождевой воды текутъ по узкимъ канавкамъ и смѣются, точно мальчикъ, который убѣгаетъ отъ матери, чтобы подразнить ее.

Слушай! Кто-то кличетъ лодочника на переправѣ.

О дитя! Дневной свѣтъ тускнѣетъ, и запертъ паромъ на перевозѣ.

Небо словно несется на бѣшенныхъ потокахъ дождя. Вода въ рѣкѣ шумитъ нетерпѣливо; женщины съ Ганга рано поспѣшили уйти домой, наполнивъ свои кувшины.

Вечернія лампы должны быть наготовѣ.

О дитя! не выходи изъ дому.

Дорога на рынокъ опустѣла, скользко идти по откосу рѣки. Вѣтеръ реветъ и бьется среди вѣтвей бамбука подобно бѣшеному звѣрю, запутавшемуся въ тенета.

Перев. С. **Татариновой.**



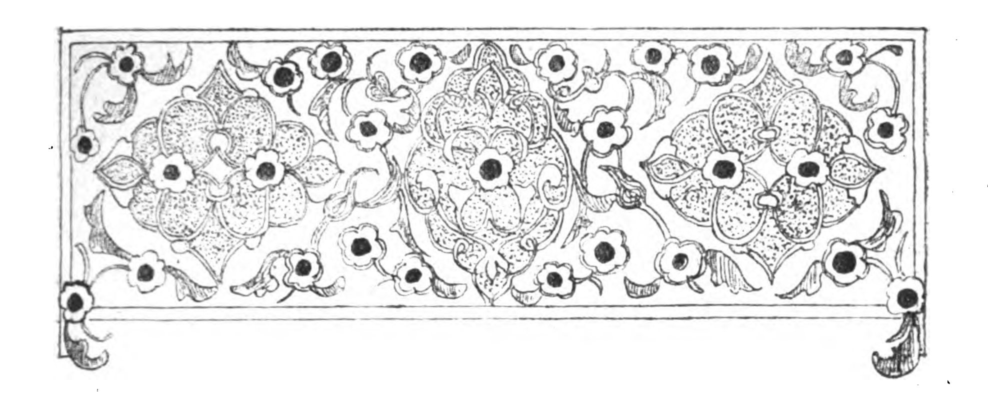
Гностикъ никогда не будетъ смотрѣть на жизнь, какъ на свою главную цѣль, но видитъ ее въ томъ, чтобы быть всегда счастливымъ, благословеннымъ и царственнымъ другомъ Бога. Какія бы испытанія его ни посѣтили—изгнаніе, позоръ, потеря всего имущества и даже смерть—онъ никогда не утеряетъ своей свободы и царственной печати своей любви къ Богу.

Итакъ гностикъ есть человѣкъ пониманія и проникновенія; онъ не стремится отказаться отъ зла и не дѣлаетъ добра изъ страха, а также не можетъ совершать его въ надеждѣ обѣщанной награды; онъ творитъ добро только изъ любви къ добру и къ цѣнности этого добра—таковъ образъ дѣйствій гностика. Если же, совершая добро, онъ встрѣтитъ нѣчто скорбное и награда минуетъ его, онъ приметъ это какъ нѣчто благое и будучи справедливымъ и добрымъ, будетъ такимъ же и по отношенію и къ справедливому и къ несправедливому; такой человѣкъ не находится болѣе во власти страсти, но достигаетъ ступени безстрастія

Гностикъ не можетъ также страстно желать соединенія съ тѣмъ, что прекрасно, т. к. черезъ посредство любви онъ уже обладаетъ прекраснымъ. Зачѣмъ ему желать и стремиться, когда онъ достигъ тождества съ покоемъ Бога, рождающемся въ любви и черезъ любовь вступилъ въ ряды друзей Бога.

Итакъ гностикъ и совершенный человѣкъ освобождаются отъ всякой страсти душевной; освобожденіе отъ желаній несетъ за собою жатву безстрастія.

Изреч. Климента Александрійскаго.



Мои встрѣчи съ неграми.

(Окончаніе).

Послѣ блестящаго окончанія школьнаго курса, Букеръ Вашингтонъ вернулся на родину и былъ назначенъ учителемъ въ мѣстной школѣ. Онъ считалъ себя счастливѣйшимъ человѣкомъ на землѣ. Онъ не только училъ своихъ школьниковъ грамотѣ но и давалъ имъ настоящее воспитаніе. Вскорѣ наплывъ въ его школу заставилъ его открыть и вечернюю школу и къ нему начали ходить и старые, и малые. Затѣмъ онъ устроилъ читальню и общество дебатовъ. Самъ онъ былъ талантливымъ ораторомъ и получилъ хорошую подготовку въ Гамптонѣ. Онъ училъ еще въ двухъ воскресныхъ школахъ и готовилъ нѣсколькихъ молодыхъ негровъ, въ числѣ которыхъ былъ и его собственный братъ,—въ институтъ.

Около этого времени на югѣ поднялось реакціонное движеніе съ цѣлью помѣшать неграмъ участвовать въ политической жизни страны. Названіе этого общества было „*Ku Klux Klan*". Члены этого общества походили на „патрольщиковъ" во дни рабства. Тѣ взяли на себя обязанность контролировать поведеніе негровъ по ночамъ, мѣшать имъ ходить изъ одной плантаціи въ другую и собираться безъ особаго разрѣшенія и въ отсутствіи бѣлыхъ.

Члены „Ку Клюксъ Клана" дѣйствовали также ночью. Они не ограничивались контролемъ надъ собраніями негровъ и много негритянскихъ школъ и церквей было сожжено ими, многихъ заставляли они страдать и даже платиться жизнью. Б. Вашинг-

4*

тонъ и тутъ дѣйствовалъ энергично и съ самопожертвованіемъ защищалъ негровъ.

Въ эти знаменательные годы, съ 1867 до 1878 г., двѣ идеи владѣли умами негровъ. Одной изъ нихъ было страстное стремленіе изучать классическіе языки, а другой—сдѣлаться чиновниками.

За эти годы всѣ школы на югѣ были переполнены. Учились даже старики 60 и 70 лѣтъ. Они воображали, что ученье освободитъ ихъ отъ жестокихъ трудностей жизни и во всякомъ случаѣ дастъ возможность жить безъ физическаго труда. Знаніе, хотя бы самое ничтожное, греческаго и латинскаго языковъ дѣлало человѣка въ ихъ глазахъ чѣмъ-то чрезвычайно высокимъ.

Большое число негровъ того времени, получивъ обученіе, становилось или учителями, или священниками. Между ними были хорошіе люди, какъ мужчины, такъ и женщины, но большинство выбирало эту дѣятельность, какъ самый легкій изъ всѣхъ заработковъ. Каждый негръ, едва начинавшій учить азбуку, уже чувствовалъ въ себѣ „призваніе". Въ Западной Виргиніи это „призваніе" являлось обыкновенно въ церкви: во время богослуженія какой-нибудь негръ вдругъ падалъ, какъ подстрѣленный и лежалъ цѣлыми часами безъ словъ и безъ движенія. Тогда въ округѣ становилось извѣстнымъ, что такой-то получилъ „призваніе". Если бы онъ воспротивился въ первый разъ, то же самое повторилось бы снова, но обыкновенно негръ принималъ сразу такое „призваніе".

Количество подобныхъ безграмотныхъ священниковъ и проповѣдниковъ было въ первое время очень велико. Въ первые годы свободы, негры ожидали всего отъ федеративнаго правительства, совершенно какъ ребенокъ ждетъ всего отъ матери.

„Я чувствовалъ,—говоритъ Б. Вашингтонъ,—что политика реформаторовъ по отношенію къ моему народу была ложная и искусственная; мнѣ иногда казалось, что невѣжество негровъ было выгодно для бѣлыхъ и что среди сѣверянъ былъ и такой элементъ, который хотѣлъ наказать южанъ, ставя надъ ними въ администрацію негра. Кромѣ того, общее политическое возбужденіе отвлекало вниманіе негровъ отъ наиболѣе существенныхъ задачъ жизни въ области ремеслъ, промышленности и земледѣлія. Я видѣлъ негровъ, занимавшихъ мѣста въ законодательныхъ собраніяхъ штатовъ, которые не умѣли ни читать, ни писать и нравственность которыхъ была чрезвычайно слаба. Но между неграми были и сильные, честные и полезные люди.

Таковы были, напримѣръ, сенаторъ Брюсъ, губернаторъ Пинчдакъ и многіе другіе".

Въ 1878 году, проучивъ два года въ своей школѣ и подготовивъ нѣсколько молодыхъ учениковъ и учениць къ поступленію въ институть, Б. Вашингтонъ отправился въ г. Вашингтонъ, чтобы учиться дальше. Въ Вашингтонскомъ институтѣ не было ремесленнаго обученія, ученики были богаче и блестящѣе чѣмъ въ Гамптонѣ. Въ Гамптонѣ было обычаемъ, чтобы каждый ученикъ частью деньгами, а частью личнымъ заработкомъ оплачивалъ свое содержаніе и этотъ обычай помогалъ образованію характера. Въ Вашингтонѣ студенты знали лучше мертвые языки, но зато они не знали жизни. По окончанію курса они рѣдко возвращались домой на югъ, гдѣ не было никакого комфорта, а становились оффиціантами въ отеляхъ или служили въ Пульманскихъ спальныхъ вагонахъ.

Въ то время Вашингтонъ былъ наполненъ неграми; и школы были тамъ лучше и жизнь была легче. Многіе негры занимали мѣста въ администраціи, а другіе жили въ ожиданіи мѣста въ федеративномъ правительствѣ. Между ними были достойные и полезные граждане, но наряду съ ними много такихъ, которые относились къ жизни крайне легкомысленно. Я знавалъ молодыхъ негровъ, зарабатывавшихъ не больше 4 долларовъ въ недѣлю, и тратившихъ по два доллара на наемъ лошади и бэгги, чтобы прокататься въ воскресенье по Пенсильванской улицѣ съ наивной мечтой убѣдить публику, что они располагають тысячами. Знавалъ и такихъ, которые служили чиновниками и получали 75—100 дол. въ мѣсяцъ и все же были постоянно въ долгу. Знавалъ я и такихъ, которые были членами конгресса, а потомъ кончали въ бѣдности и даже нищетѣ. Большинство состояло въ полной зависимости отъ правительства и отъ него одного ожидало всѣхъ благъ земныхъ. Я зналъ дѣвушекъ, матери которыхъ зарабатывали свое пропитанье стиркой бѣлья. Эти дѣвицы поступали въ школу, и проучившись тамъ отъ 6 до 8 лѣтъ, требовали отъ матерей дорогихъ платьевъ, модныхъ шляпъ и ботинокъ. Однимъ словомъ, потребности ихъ увеличивались, а умѣнье удовлетворять ихъ не прибавилось. Результаты такого положенія часто были очень плачевные.

Начало своей ораторской славы Б. Вашингтонъ положилъ тѣмъ, что принялъ порученіе убѣдить Западную Виргинію (его родину) перенести главный городъ штата изъ Вилинга въ Чарльстоунъ. Чарльстоунъ, благодаря его талантливымъ рѣчамъ, по-

лучилъ главенство и оратора старались втянуть въ политику, но въ немъ жила жажда другой, болѣе полезной дѣятельности. Тогда всѣ молодые негры мечтали о томъ, чтобы быть адвокатами и засѣдать въ конгрессѣ, а ихъ женщины стремились быть учительницами музыки. Ему хотѣлось спасти ихъ отъ ложнаго пути.

Вскорѣ послѣ этого перваго выступленія на трибунѣ, Б. Вашингтонъ получилъ приглашеніе сказать рѣчь на актѣ въ институтѣ Гамптона и затѣмъ ему было предложено тамъ же мѣсто воспитателя. Генералъ Армстронгъ хотѣлъ сдѣлать опытъ воспитанія краснокожихъ индѣйцевъ. Съ этой цѣлью онъ обратился къ своему бывшему ученику Вашингтону и, получивъ его согласіе, поселилъ его въ отдѣльномъ зданіи съ 75-ю молодыми безграмотными индѣйцами. Это была очень трудная задача. Индѣйцы считаютъ себя какъ расу выше бѣлыхъ, а негры въ ихъ мнѣніи стояли конечно еще ниже, потому что допустили сдѣлать себя рабами. Во времена рабства индѣйцы также владѣли рабами--неграми. Самое непріятное для нихъ было запрещеніе носить вмѣсто всякой одежды одѣяла и куришь; но никакой американецъ не считаетъ кого бы то ни было цивилизованнымъ, если онъ не носитъ его одежды, не ѣстъ его пищи и не говоритъ на его языкѣ.

Но къ тому времени, какъ первыя затрудненія съ англійскимъ языкомъ миновали Вашингтонъ уже пользовался уваженіемъ и любовью индѣйцевъ, и между ними и студентами неграми возникли самыя дружескія отношенія.

Затѣмъ генералъ Армстронгъ поручилъ ему открыие и завѣдываніе вечерними классами. Въ нихъ поступило 12 юношей и дѣвушекъ, которые были такъ бѣдны, что не имѣли возможности ни оплачивать свое содержаніе, ни подготовиться къ институту. Имъ было предложено работать ежедневно 10 часовъ, а вечеромъ учиться. Молодые люди работали на лѣсопилкѣ института, а дѣвушки въ прачешной. Изъ части ихъ заработка составился фондъ, а черезъ 2 года они могли съ помощью этихъ сбереженій поступить въ институтъ. Б. Вашингтонъ выполнилъ и эту задачу блистательно. Въ настоящее время въ этой школѣ учится 300—400 человѣкъ и она сдѣлалась важной составной частью института. Все это время Б. Вашингтонъ не переставалъ учиться и самъ.

1881 годъ былъ знаменательнымъ въ его жизни; передъ нимъ открылась дорога, которая и привела его къ главному

дѣлу его жизни. Однажды въ часовнѣ, послѣ богослуженія, генералъ Армстронгъ сообщилъ ему о письмѣ изъ штата Алабамы, въ которомъ его просятъ рекомендовать директора семинаріи для негровъ въ городѣ Тöскеги. Эти господа считали, что на такое мѣсто не найти подходящаго негра и думали, что генералъ Армстронгъ порекомендуетъ имъ бѣлаго. Генералъ спросилъ Вашингтона, не желаетъ ли онъ взяться за это дѣло, получилъ его согласіе и написалъ отвѣтъ. Черезъ нѣсколько дней назначеніе состоялось по телеграфу.

Тöскеги былъ маленькій городокъ съ двумя тысячами жителей, половина котораго были негры; онъ находился въ такъ называемомъ Черномъ поясѣ юга, населенномъ по преимуществу неграми. Вашингтонъ ожидалъ найти зданіе и учебныя пособія для семинаріи, но не нашелъ ничего подобнаго. Однако онъ не упалъ духомъ, такъ какъ взамѣнъ всего этого его ждали сотни жаждущихъ знанія людей.

Первый свой мѣсяцъ въ Тöскеги Вашингтонъ употребилъ на пріисканіе дома, а главное, на ознакомленіе съ семьями негровъ, живущими въ графствѣ. Онъ видѣлъ ихъ фермы, ихъ школы и церкви, пилъ и ѣлъ съ ними, и такъ какъ онъ никого не предупреждалъ о своихъ посѣщеніяхъ, то онъ видѣлъ жизнь, какъ она есть.

Обыкновенно вся семья помѣщалась въ одной комнатѣ, а иногда въ ней жили еще и посторонніе. Пищей служили повсюду свиное сало и кукурузный хлѣбъ. Иногда былъ только хлѣбъ и горохъ, сваренный въ водѣ. И сало и кукурузная мука покупались по дорогой цѣнѣ въ ближайшей лавкѣ, не смотря на то, что черноземная почва, окружавшая дома, могла бы производить какія угодно овощи. Но негры растили только одну хлопчатую бумагу, которая росла вплоть до самыхъ дверей ихъ жилья.

Въ такихъ хижинахъ Вашингтонъ часто видѣлъ швейныя машины, за которыя было заплачено въ разсрочку по 60 долл. (120 р.) и нарядные столовые часы, стоющіе 12—15 долл. Однажды, когда онъ сѣлъ обѣдать въ такой семьѣ, на пять человѣкъ была подана только одна вилка, а между тѣмъ, въ углу стояла фисъ-гармонія, за которую семья выплачивала 60 долларовъ.

Въ большинствѣ случаевъ швейныя машины не употреблялись, часы показывали время неправильно, а еслибъ они и были вѣрны, никто изъ семьи не могъ разобрать, что они показывали, а на фисъ-гармоникѣ никто не умѣлъ играть.



Во время обѣда или завтрака никто не садился за столъ. Отецъ бралъ хлѣбъ и сало и ѣлъ его по дорогѣ на работу, а дѣти, бѣгая во дворѣ. И какъ только они съѣдали свою порцію, ихъ немедленно заставляли работать на хлопчато-бумажномъ полѣ. Грудныхъ дѣтей клали въ концѣ борозды, чтобы матери могли видѣть ихъ каждый разъ, когда онѣ проходили съ мотыкой свою полосу.

Такъ протекали всѣ дни, кромѣ субботы и воскресенья. Въ субботу вся семья проводила большую часть дня въ городѣ, расхаживая по улицамъ. По воскресеньямъ ходили на большія религіозныя собранія. За малыми исключеніями будущіе урожаи были заложены и фермеры были всѣ въ долгу. Штаты не находили возможнымъ построить школьныя зданія и дѣтей учили или въ церквахъ, или въ бревенчатыхъ домахъ, въ которыхъ не было печей и гдѣ приходилось зимой устраивать костры, у которыхъ грѣлись и учитель, и ученики. Никакихъ учебныхъ пособій, кромѣ черной доски, не было. До пяти учениковъ читали по одной и той же книгѣ.

4 іюля 1881 г. онъ открылъ свою школу въ полуразрушенномъ домѣ около негритянской церкви. И церковь и домъ были въ такомъ запущеніи, что во время дождя одинъ изъ учениковъ долженъ былъ держать зонтикъ надъ головой учителя.

Немало было бѣлыхъ въ округѣ, которые относились съ недовѣріемъ и сомнѣніемъ къ пользѣ школы для негровъ. Но эти люди не могли себѣ представить образованнаго негра иначе, какъ въ видѣ молодца въ цилиндрѣ, съ pince-nez на носу, съ тросточкой и въ лакированныхъ сапогахъ. Имъ казалось, что для негровъ образованіе могло имѣть только *такіе* результаты.

Но съ помощью двухъ друзей Б. Вашингтонъ твердо сталъ къ кормилу и повелъ свой корабль впередъ. Одинъ изъ этихъ друзей былъ бѣлый, бывшій рабовладѣлецъ Джорджъ Кэмпбель, а другой—негръ, бывшій рабъ, Лыкисъ Адамсъ. Первый былъ купецъ и банкиръ безъ малѣйшаго опыта въ дѣлѣ воспитанія, а второй—ремесленникъ, который во времена своего рабства изучилъ цѣлыхъ три ремесла. Но оба поняли планъ Вашингтона и содѣйствовали ему во всемъ. Сразу явилось очень много желающихъ учиться, но принято было лишь 30 юношей и дѣвушекъ, которые уже имѣли подготовку. Нѣкоторые изъ нихъ изучали латинскій языкъ, другіе—греческій.

Фантазій у этой молодежи было много, но, тѣмъ не ме-

нѣе, они всѣ отнеслись самымъ серьезнымъ образомъ къ ученію. Число учениковъ быстро возрастало, а черезъ 6 недѣль послѣ открытія школы, Б. Вашингтонъ получилъ прекрасную помощницу, г-жу Давидсонъ, которая впослѣдствіи сдѣлалась его женой. Вдвоемъ они настоящимъ образомъ воспитывали молодежь, пріучили ихъ мыться, чистить зубы, купаться, содержать платье въ порядкѣ, убирать свою комнату, правильно ѣсть; кромѣ того, они стремились научить ихъ и сельскому хозяйству и ремесламъ, и такъ подготовить ихъ волю, чтобы они по выходѣ изъ школы могли быть самостоятельными людьми.

Черезъ три мѣсяца послѣ открытія школы поступила въ продажу плантація въ милѣ разстоянія отъ Тöскеги. Это мѣсто казалось Б. Вашингтону очень подходящимъ и цѣна его была дешевая, всего 500 долл. Но гдѣ было взять ихъ? Вашингтонъ просилъ владѣльца разсрочить уплату на 2 года и написалъ о своихъ планахъ казначею института въ Гамптонѣ. Въ отвѣтъ онъ получилъ 250 долл., которые ему помогли и въ тоже время, какъ первый долгъ, очень тревожили его.

Но работа на плантаціи началась съ большой энергіей. Домъ владѣльца уже не существовалъ, но зато кухня и столовая, конюшня и курятникъ были передѣланы и обращены въ школьныя помѣщенія. И вся эта работа была сдѣлана учащимися во время внѣшкольныхъ часовъ.

Кромѣ того, Вашингтонъ принялся за расчистку земли. Это сначала не понравилось студентамъ. Они не видѣли въ этомъ связи съ обученіемъ. Но Вашингтонъ послѣ занятій бралъ топоръ на плечо и приглашалъ учениковъ съ собой. Скоро всѣ стали работать съ увлеченіемъ и, въ концѣ концовъ, расчистили и засѣяли 20 акровъ земли.

Съ первыхъ дней школы, Вашингтонъ стремился къ тому, чтобы она была живою частью своей общины и чтобы жители Тöскеги принимали участіе въ ея жизни и нуждахъ. Такъ онъ устраивалъ праздники и концерты въ пользу школы, и въ концѣ перваго же года всѣ 500 долл. были уплочены.

Ремесла и сельское хозяйство, какъ часть школьныхъ занятій, возникли совершенно естественно. Сперва начали съ полеводства, такъ какъ прежде всего нужна была пища. А такъ какъ большинство студентовъ не имѣло достаточно средствъ, чтобы платить за свое содержаніе и обученіе, возникли сами собой и доходныя ремесла. Число студентовъ росло быстро и Б. Вашингтонъ началъ серьезно думать о большомъ зданіи.

Начертили планъ, сдѣлали смѣту. Оказалось, что онъ будетъ стоить около 6 тыс. долл.

Около этого времени, сосѣдъ, владѣлецъ лѣсопилки, предложилъ Б. В. доставить весь лѣсной матеріалъ въ кредитъ. И съ этой минуты закипѣла работа. Всѣ негры вокругъ Тёскеги относились съ величайшимъ интересомъ къ постройкѣ. Привозили все, что имѣли, или помогали въ работѣ. Г-жа Давидсонъ отправилась на сѣверъ, ходила по знакомымъ, говорила о нуждахъ школы въ церквахъ и воскресныхъ школахъ. Ей давали довольно много, но, тѣмъ не менѣе, расходы были такъ велики и неотложны, что Вашингтонъ часто терялъ надежду привести дѣло къ концу.

Онъ не спалъ по ночамъ, думая тревожныя думы. Онъ зналъ, что если эта попытка негровъ создать самостоятельную высшую школу не удастся, неудача отразится на всей его расѣ. Ему казалось, что „тысяча фунтовъ давятъ на каждый дюймъ его тѣла“. Но помощь все же приходила, и почти всегда въ самую нужную минуту и въ нужномъ размѣрѣ.

Въ теченіи 18-лѣтняго существованія школы возникло постепенно сорокъ большихъ и малыхъ зданій, сгруппированныхъ на купленномъ участкѣ, и изъ этихъ зданій 36 были построены самими учащимися. Благодаря этому, сотни молодыхъ негровъ научились строительному искусству и весьма основательно, такъ какъ начиная съ разсчета, составленія смѣты, черченія плановъ, и кончая электрическими проводниками и другими подробностями современнаго жилого комфорта, студенты справлялись со всѣми задачами сами.

Труднѣе всего оказалось для школы искусство дѣлать хорошіе кирпичи. Они были необходимы для постройки и нигдѣ въ округѣ ихъ не было. Только благодаря энергіи и личному участію Вашингтона, это дѣло уладилось и въ настоящее время школа снабжаетъ кирпичомъ всю мѣстность.

Такъ же возникло производство экипажей и телѣгъ, и все это, вмѣстѣ взятое, упрочило репутацію образованнаго негра, какъ полезнаго и знающаго члена общины.

Нелегко давалось Б. В. введеніе трудового принципа. И студенты, и ихъ родители думали, что имъ нужна наука, а не труды, но Вашингтонъ настаивалъ на своемъ твердо и словомъ и дѣломъ, и въ его школѣ установилось правило, что каково бы ни было финансовое положеніе ученика, онъ былъ обязанъ учиться тому или другому ремеслу. Вліяніе Б. В. не ограничи-

валось школой; онъ посѣщалъ семьи учениковъ и убѣждалъ ихъ родителей и добился того, что уже на второй годъ существованія школы, въ ней было 150 учениковъ и ученицъ, со всѣхъ концовъ штата Алабама и даже изъ сосѣднихъ штатовъ.

Ко времени окончанія первой постройки, число учащихся еще увеличилось, и Б. В., для углубленія своего вліянія, рѣшилъ устроить интернантъ. Съ этой цѣлью одну часть зданія примѣнили для жилья. Б. В. совмѣстно съ молодежью выкулъ часть земли и получилось подвальное полу-свѣтлое помѣщеніе. Въ настоящее время никто бы не повѣрилъ, что этотъ подвалъ могъ служить первой столовой студентовъ. Стряпали элементарнымъ образомъ на кострѣ. Еще труднѣе было ввести порядокъ. Никому въ голову не приходило, что ѣда должна производиться въ опредѣленные часы. Посуды было мало, мебели никакой. Но съ терпѣніемъ и трудомъ хаосъ превратился постепенно въ порядокъ. И Б. В. радуется въ своей біографіи, что такой опытъ былъ у него; онъ увѣренъ, что если бы они начали съ готоваго, комфортабельно снабженнаго зданія, они не достигли бы блестящихъ успѣховъ.

И старые ученики, когда они пріѣзжаютъ въ Тускеги теперь и видятъ прекрасно освѣщенныя залы, вкусную ѣду изъ овощей, выращенныхъ учениками, видятъ красиво сервированные столы съ бѣлыми скатертями, салфетками и цвѣтами, и царящій полный порядокъ,—убѣждаются, что ничего этого не могло бы быть, еслибъ они не достигали всего собственнымъ трудомъ.

Когда генералъ Армстронгъ и главная учительница Гамптонскаго института пріѣхали осмотрѣть школу, они были встрѣчены не только учениками, но и всей округой съ радостнымъ привѣтомъ. „Изъ его отношенія и къ неграмъ, и къ бѣлымъ— пишетъ Б. В.,—я убѣдился, что великіе люди умѣютъ только любить, ненависть же свойственна лишь мелкимъ душамъ. Я узналъ, что помощь, даваемая слабому, дѣлаетъ сильнымъ дающаго, а угнетеніе дѣлаетъ угнетателя слабымъ. Этотъ урокъ я уже давно получилъ отъ генерала А., а теперь я рѣшилъ, что не позволю никому съузить и унизить мою душу, внушая мнѣ ненависть. Съ Божьей помощью, я поборолъ всякое дурное чувство къ бѣлымъ южанамъ за все то зло, которое они нанесли моему народу. И теперь я также счастливъ, когда удается оказать услугу бѣлому южанину, какъ и при участіи къ негру. Я сожалѣю отъ всего сердца кого бы то ни было, кто настолько несчастливъ, чтобы питать расовую ненависть.

„Чѣмъ больше я думаю объ этомъ, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что тѣ пріемы, къ которымъ югъ прибѣгалъ для обезпеченія за собой голосовъ негровъ, вредили не столько неграмъ, сколько самимъ бѣлымъ. Вредъ для негровъ былъ временный, но вліяніе на нравственность бѣлыхъ было несравненно серьезнѣе. Бѣлый начиналъ съ обмана негра, а кончалъ тѣмъ, что обманывалъ и своихъ же бѣлыхъ; онъ начиналъ съ линчеванія негра, а затѣмъ продѣлывалъ тоже и съ бѣлымъ. Все это указываетъ на необходимость поднять уровень воспитанія всего юга".

Внутренняя жизнь школы шла очень успѣшно. Вашингтонъ старался внушить ученикамъ, что школа принадлежитъ не ему и не ея патронамъ, а имъ самимъ; и что онъ служитъ имъ не въ качествѣ начальника, а старшаго друга и совѣтника. Три-четыре раза въ годъ онъ просилъ учениковъ писать ему письма, въ которыхъ они имѣли право жаловаться на замѣченныя несовершенства, или предлагать новыя улучшенія. Иногда эти письма замѣнялись личными сердечными бесѣдами въ часовнѣ и Б. В. говоритъ, что это были самыя пріятныя и полезныя для школы бесѣды, помогавшія ему усовершенствовать веденіе школы.

Мебель работалась самими учениками. Въ началѣ рѣдкіе изъ мальчиковъ умѣли справляться съ столярными инструментами и первыя кровати были очень плохи. Иногда по утрамъ, когда Б. В. посѣщалъ спальни, нѣкоторыя кровати лежали разломанныя на полу. Также плохи были и матрасы. Но теперь всѣ эти вещи въ школѣ ничѣмъ не хуже того, что продается въ магазинахъ.

Черезъ нѣкоторое время число учениковъ и ученицъ потребовало увеличеннаго помѣщенія и была сдѣлана смѣта на второе большое зданіе. На него потребовалось уже 20.000 долл. и г-жа Давидсонъ снова отправилась собирать деньги.

На этотъ разъ генералъ Армстронгъ отозвался очень оригинально: онъ пригласилъ Вашингтона поѣхать съ нимъ по сѣвернымъ городамъ съ тѣмъ, чтобы совмѣстно читать лекціи, сопровождаемыя музыкой и хоровымъ пѣніемъ; все это было задумано для полученія средствъ на новую постройку въ Тёскеги. Ихъ лекціи и концерты собирали большія толпы въ громадныхъ сѣверныхъ городахъ, и Б. В. по этому поводу вспоминаетъ единственный совѣтъ, который давалъ ему генералъ Армстронгъ:

„Давайте имъ идею въ каждомъ вашемъ словѣ".

Послѣ успѣшнаго турнэ вмѣстѣ съ генераломъ Армстронгомъ

Б. В. началъ уже самостоятельно ѣздить на сѣверъ за деньгами. Видя его успѣхъ, многіе спрашивали у него совѣта, какъ успѣшно собирать пожертвованія? На это онъ отвѣчалъ, что люди, достаточно живые для того, чтобы нажить деньги, знаютъ какъ ихъ расходовать и для нихъ достаточно было узнать о работѣ, которая происходитъ въ Тускеги.

Ходить изъ дома въ домъ, изъ конторы въ контору, не весело и утомительно, но это даетъ превосходный шансъ изучать человѣческую природу.

Въ Бостонѣ онъ рѣдко получалъ денежные вклады, не получивъ при этомъ благодарности за то, что онъ даетъ людямъ возможность участвовать въ добромъ дѣлѣ.

За время этихъ сборовъ бывали замѣчательные случаи: такъ, одинъ изъ тѣхъ, къ которымъ Б. В. обращался за помощью, не далъ ничего, а черезъ двѣ недѣли прислалъ 10,000, а другой богачъ далъ 2 долл., а впослѣдствіи прислалъ 50,000 долл.

Правила, которыя Б. В. выработалъ при этихъ сборахъ, состояли, во-первыхъ, въ томъ, чтобы сдѣлать какъ можно болѣе извѣстной цѣль, къ которой онъ стремился, и, во-вторыхъ, чтобы совсѣмъ не безпокоиться о результатахъ. Чтобы быть успѣшнымъ, ему казалось всего важнѣе дойти до той точки, когда совершенно забываешь о себѣ, какъ бы теряешь себя въ великой цѣли.

Хотя много сотенъ тысячъ долларовъ прошло черезъ руки Вашингтона, но эта удача была не результатомъ выпрашиванья, а результатомъ неустаннаго труда. Ничто цѣнное не могло бы создаться, если бы не было серьезнаго труда.

Мнѣ хотѣлось бы привести здѣсь нѣсколько строкъ о томъ, какъ работалъ Б. В.

„Чтобы быть въ постоянномъ соприкосновеніи съ жизнью института, у меня устроена такая система отчетности, которая даетъ мнѣ непрерывно всѣ свѣдѣнія, гдѣ бы я не находился. Изъ нихъ я вижу, какой ученикъ не былъ на лекціяхъ и почему; знаю, какой былъ денежный приходъ этого дня; сколько галлоновъ молока и сколько фунтовъ масла получилось съ школьной фермы; что было изготовлено къ обѣду учениковъ и учителей, какое мясо сварено или зажарено и были ли поданы въ этотъ день овощи съ своего огорода или купленыя.

Съ утра я обдумываю работу каждаго дня. Я взялъ себѣ за правило убирать каждый вечеръ, когда кончаю работу, всѣ



бумаги, письма и замѣтки на мѣсто такъ, чтобы утромъ начинать безъ помѣхи работу новаго дня. Другое мое правило: не позволять работѣ гнать меня, а такъ владѣть ею и держать ее въ такомъ порядкѣ, чтобы быть всегда ея хозяиномъ, а не рабомъ. Въ сознаніи полнаго господства надъ своей трудоспособностью, есть громадное удовлетвореніе, физическое, умственное и духовное, и это удовлетвореніе вдохновляетъ. Мой опытъ учитъ меня, что, слѣдуя по этому плану, человѣкъ сохраняетъ свѣжесть и силу тѣла и духа. Я вѣрю, что любовь къ труду даетъ необыкновенно цѣнную силу.

Утромъ передъ началомъ работы, я исполняюсь надеждой, что мой день будетъ успѣшный и пріятный, но въ тоже время я готовлюсь и къ неожиданнымъ непріятностямъ. Возможно, что я услышу о пожарѣ въ какомъ-либо изъ школьныхъ зданій, или о какомъ-нибудь непріятномъ случаѣ въ самой школѣ, или о статьѣ, порицающей что-нибудь, сдѣланное или сказанное мною, чего я можетъ быть никогда не дѣлалъ и не говорилъ.

За 19 лѣтъ завѣдыванія школой въ Тöскеги, я имѣлъ каникулы лишь одинъ разъ. И это было тогда, когда нѣсколько друзей дали мнѣ и моей женѣ круговой билетъ для путешествія по Европѣ.

Мой садъ, когда я бываю дома, есть для меня источникъ отдыха и радости. Когда я могу оставить дѣла минутъ на 30—40, и въ это время копать землю, сѣять, или пересаживать растенія,— я чувствую, что прикасаюсь къ чему-то, что даетъ мнѣ силу для выполненія моихъ разнообразныхъ обязанностей и для перенесенія тѣхъ трудныхъ минутъ, которыя ждутъ меня въ мірѣ.

Игръ я никакихъ не знаю и не люблю. Можетъ быть это было бы иначе, еслибы я съ дѣтства узналъ ихъ. Но тогда это было невозможно".

Черезъ 15 лѣтъ работы въ институтѣ Тöскеги, Вашингтону былъ данъ дипломъ Гарвардскаго Университета, что для него было величайшимъ сюрпризомъ. Онъ былъ приглашенъ въ американскій Кэмбриджъ на торжественное чествованіе, которое было устроено по поводу перваго ученаго диплома, котораго удостоился негръ, и конечно это событіе заполнило прессу тѣхъ дней.

20 лѣтъ прошло съ того дня, какъ Вашингтонъ началъ учить негровъ въ Тöскеги въ развалившемся сараѣ и старомъ курятникѣ. Въ настоящую минуту институтъ владѣетъ 2300 акрами земли, изъ которыхъ 1000 акровъ ежегодно обрабатывается самими студентами. Въ паркѣ 66 зданій и за исключеніемъ четы-

рехъ—всѣ возведены и оборудованы самими учащимися. Въ этихъ работахъ студентами руководятъ опытные спеціалисты, владѣющіе самыми совершенными методами работы.

На ряду съ академическимъ обученіемъ и развитіемъ религіознаго сознанія, институтъ Б. В. обладаетъ тридцатью ремесленными и земледѣльческими отдѣлами. Всѣ они даютъ такую подготовку, что окончившіе ученики и ученицы не только немедленно находятъ себѣ мѣсто, но спросъ на прошедшихъ курсъ въ Тöскеги, по крайней мѣрѣ, вдвое больше выпуска. Съ другой стороны, не хватаетъ ни мѣста, ни средствъ, чтобы помѣстить всѣхъ, желающихъ учиться въ школѣ Б. В.

При обученіи ремесламъ и земледѣлію обращено вниманіе на три главныя цѣли: 1) чтобы сдѣлать учащихся способными работать въ условіяхъ, существующихъ *нынѣ* на югѣ Америки, иными словами пріучить къ такому труду, который наиболѣе *нуженъ*; 2) чтобы ученики вступали въ жизнь съ ясно выраженнымъ нравственнымъ сознаніемъ и 3) чтобы ученики были проникнуты сознаніемъ достоинства и красоты труда и чтобы они любили трудъ, а не избѣгали его.

Въ сельско-хозяйственномъ отдѣлѣ дѣвушки учатся садоводству, плодоводству, молочному хозяйству, пчеловодству и птицеводству.

Хотя институтъ не держится одного какого-либо вѣроисповѣданія, въ немъ есть, такъ называемый, Библейскій отдѣлъ, въ которомъ молодые люди готовятся къ священству и къ другимъ формамъ религіозной дѣятельности.

Особенно важно имъ, мнѣ кажется, то, что каждый учащійся занятъ половину дня ручнымъ трудомъ, что вырабатываетъ въ немъ ловкость и привычку къ работѣ, и способность со временемъ служить вдохновляющимъ примѣромъ для окружающихъ.

Цѣнность земли и построекъ въ настоящее время опредѣлена въ 1.400.000 рублей. Фондъ основного капитала равняется 2 милл. рублей. Ежегодный текущій расходъ—около 300.000 р. Все имущество свободно отъ долговъ и ввѣрено комитету опекуновъ.

Число студентовъ возросло съ 30 человѣкъ до 1400; они стекаются изъ всѣхъ Штатовъ, пріѣзжаютъ изъ Африки, Кубы, Порто Рико, Ямайки и изъ другихъ иностранныхъ государствъ. Число учителей равняется 110 челов. Около 6000 молодыхъ людей и дѣвушекъ прошло уже эту школу и они работаютъ теперь въ различныхъ мѣстностяхъ на югѣ. Всюду, гдѣ они по-

являются, вскорѣ начинаетъ измѣняться къ лучшему и сама жизнь, улучшаются дома, расширяется площадь обрабатываемой земли, деньги уже не растрачиваются неблагоразумно и нравственность поднимается.

Ежегодно въ Тöскеги устраивается Общее Собраніе, на которое съѣзжается 800—900 негровъ. Каждый годъ бываютъ также и съѣзды учителей. Въ 1900 г. Б. Вашингтонъ устроилъ національный съѣздъ негровъ, участвующихъ въ какомъ-нибудь практическомъ дѣлѣ, и первое собраніе было въ Бостонѣ; на этомъ съѣздѣ явились представители изъ 30 штатовъ.

Въ этой поразительно простой, но въ высшей степени полезной жизни, многому можно научиться.

Но главный центръ, изъ котораго шелъ весь успѣхъ Б. Вашингтона, лежитъ, какъ мнѣ кажется, въ самой основѣ его школы, это: 1) привитіе любви и уваженія къ труду; 2) умѣніе объединить школу съ обществомъ, которому она должна служить и 3) неуклонное введеніе физическаго труда въ жизнь обучаемыхъ не только какъ предмета обученія, но и какъ обязательнаго заработка.

Эти принципы вполнѣ отсутствуютъ у насъ въ Россіи и я поставила бы при обсужденіи этого вопроса первымъ тезисомъ: возможно ли проведеніе его въ Россіи и если возможно, то какъ это устроить?

Дана.



Та часть Іоги, которая именуется Яма (Yama), состоитъ въ воздержаніи отъ убійства, обмана, воровства, отъ плотскихъ желаній и отъ желанія брать.

Воздержаніе въ вышеназванныхъ направленіяхъ именуется «великимъ обѣтомъ» лишь въ случаѣ ихъ міровового значенія, т. е. когда оно не ограничивается даннымъ какимъ-нибудь мѣстомъ, предметомъ или обстоятельствами.

Часть Іоги, именуемая Ніамай, состоитъ во внѣшнемъ и внутреннемъ очищеніи, въ способности быть довольнымъ, въ отреченіи, изученіи Св. Писаній и поклоненіи Богу или полномъ смиреніи.

Тотъ, кто пришелъ къ рѣшимости отказаться отъ всякаго насилія, перестаетъ внушать кому бы ни было антипатію.

Изреч. изъ Іоги Патанджали.





Комментаріи къ Бхагавадъ-Гитѣ [1]).

Методы іоги.

Bhakti.

III.

(Продолженіе).

Посмотримъ же, какъ проявляются на пути Возврата всѣ три аспекта сознанія съ соотвѣтствующей для каждаго изъ нихъ іогой.

Возьмемъ прежде всего путь *Iehchhâ* (Воли), и посмотримъ какъ человѣкъ соотвѣтствующаго темперамента долженъ проявлять себя, если онъ желаетъ итти по пути Возврата. Здѣсь мы встрѣчаемся съ іогой отреченія. Когда Арджуна, обращаясь къ своему Учителю, спросилъ: „Но что толкаетъ человѣка противъ воли къ грѣху, о Варшнея? Воистину, его толкаетъ къ нему какъ бы невѣдомая сила" (III, 36), отвѣтъ былъ слѣдующій: „Это—желаніе, это гнѣвъ, рожденные отъ энергіи движенія [2]); познай въ немъ вашего все-оскверняющаго, все-пожирающаго врага на землѣ" (III, 37). Вотъ почему онъ говоритъ своему ученику: „Убей, о мощно-вооруженный, врага въ образѣ трудно преодолимаго желанія" (III, 43).

На этомъ пути Отреченія низшій аспектъ Воли, желаніе становится великимъ врагомъ человѣка. И вновь говоритъ Господь въ Своей Мудрости: „Влеченіе и отвращеніе къ чувственнымъ предметамъ коренятся въ чувствахъ; не поддавайся ни тому, ни другому: воистину они препятствія на пути" (III, 34). Но что же дѣлать человѣку? Онъ развивалъ въ себѣ все время

---

[1]) См. „В. Т." № 11, 12, 1914 г. № 1, 1915 г.

[2]) *Rajas.*

и влеченіе и отвращеніе; то и другое было мотивомъ его дѣйствій; какъ же можетъ онъ смотрѣть на нихъ какъ на своихъ враговъ, которыхъ нужно убить? Они были его товарищами во время юности и какъ пуста покажется жизнь, когда они будутъ убиты; на Курукшетрѣ души они—его враги, нападающіе на него. Какъ ему сражаться?

Первымъ шагомъ будетъ рѣшеніе воздерживаться отъ удовлетворенія желанія. „Когда подобно черепахѣ, втягивающей въ себя всѣ свои члены, онъ отрываетъ свои чувства отъ предметовъ чувствъ"... (II, 58).

Человѣкъ, понявшій тщету радостей, сопровождаемыхъ страданіемъ; понявшій, что всѣ рожденныя отъ внѣшняго соприкосновенія радости „воистину—лоно страданія" (X, 22); понявшій, что наслажденія, кажущіяся вначалѣ подобными нектару, становятся ядомъ" (XVIII, 38); что долженъ онъ дѣлать, понявъ все это? Прежде всего, умомъ удерживаться отъ объектовъ желанія, что онъ можетъ сдѣлать, ибо „умъ—сильнѣе чувствъ" (III, 42). Сказано, что отъ воздержаннаго человѣка объекты чувствъ постепенно удаляются прочь" (II, 59). И это- по простой причинѣ. Ибо въ каждомъ объектѣ желанія скрыта частица Единаго я, которая притягиваетъ другую частицу, пробуждая въ ней желаніе соединиться съ ней; но когда эти частицы Единаго Я начинаютъ жаждать соединенія съ самимъ Я, а не съ внѣшней шелухой, и сознательно отвергаютъ шелуху, тогда пребывавшее внутри объекта Единое Я удаляетъ этотъ объектъ и погашаетъ его привлекательную силу. Такимъ образомъ, отказъ человѣка отъ объекта желанія находитъ себѣ отвѣтъ въ удаленіи привлекательнаго объекта Господомъ, живущимъ во всѣхъ объектахъ чувствъ. Слѣдовательно, объекты, отъ которыхъ воля человѣка отказывается, буквально „отвращаются отъ воздержаннаго обитателя тѣла".

Тогда дѣлается второй шагъ. Человѣкъ удерживаетъ себя силою. Его желанія стремятся погрузить его снова въ наслажденія чувствъ, ибо „вкусъ" къ нимъ сохраняется, но онъ удерживаетъ ихъ желѣзной рукой; и тогда желаніе превращается въ волю и вмѣсто того, чтобы привлекаться извнѣ, оно подчиняется руководству изнутри. И тогда, изъ этого насильственнаго воздержанія, изъ этого отворачиванія отъ объекта желанія, передъ „воздержаннымъ обитателемъ" тѣла, среди всей тщетной жажды его чувствъ, появляется видѣніе Брахмана, „верховной радости за предѣлами чувствъ" (VI, 21). И когда видѣніе Высочайшаго

занимается передъ „воздержаннымъ обитателемъ тѣла", тогда и вкусъ къ объектамъ „исчезаетъ у того, кто узрѣлъ Брахмана. Желаніе умираетъ, побѣжденное болѣе могучимъ стремленіемъ; съ видѣніемъ Высочайшаго, который дѣлается единственнымъ объектомъ желанія, всѣ низшіе объекты теряютъ свою привлекательную силу; сохраняется только влеченіе къ раскрывшемуся Единому, тогда какъ прежде Единый скрывался подъ множественностью желанныхъ объектовъ. Это всепоглащающее желаніе отнимаетъ всякій вкусъ къ преходящимъ предметомъ и тогда возникаетъ настоящая Іога Отреченія: „Знай, о Пандава, то, что именуется отреченіемъ, и есть іога; не можетъ стать Іогомъ тотъ, кто не отказался отъ образующей воли [1])... Достигшимъ единенія именуется тотъ, кто отрѣшившись отъ образующей воли, не привязанъ ни къ чувственнымъ предметамъ, ни къ дѣятельности" (VI, 2, 4).

„Уравновѣшанный Іогой Отреченія", говоритъ Господь, ты самъ придешь ко Мнѣ"... (IX, 28). И далѣе, „Отреченіе отъ дѣятельности, порожденной желаніями, мудрецы называютъ отреченіемъ" (XVIII, 2). Отреченіе отъ желаній и есть Іога Отреченія, Путь Любви (*Bhakti Marga*), и этотъ путь дѣлается легкимъ, разъ человѣкъ узрѣлъ Единаго.

Іога Отреченія имѣетъ много общаго съ іогой жертвы и нерѣдко смѣшивается съ нею; и дѣйствительно, обѣ такъ часто сливаются въ ученіи о Іогѣ, что легче разсматривать ихъ вмѣстѣ, чѣмъ порознь.

А между тѣмъ, есть разница, которая отличаетъ одинъ путь отъ другого. Ибо на первомъ, на пути Отреченія, мотивомъ служитъ любовь къ Богу, отдача себя Ему, желаніе, устремленное на Него одного; все остальное теряетъ свою силу, какъ бы исчезаетъ изъ фокуса вниманія, становится смутно видимымъ. Онъ „отказался отъ всѣхъ вожделѣній сердца, о Партха, и углубившись въ себя, нашелъ удовлетвореніе въ Божественномъ Я"... (II, 55). Счастье найдено въ единомъ объектѣ, и прозрѣніе въ Его природу даетъ жизни ея привлекательность. И тогда онъ „обрѣтаетъ Миръ" (II, 64).

Съ другой стороны, на пути *Karma Marga*, въ Іогѣ Жертвы, мѣняется мотивъ дѣйствія; перемѣна происходитъ не въ направленіи желанія, но въ томъ духѣ, въ какомъ совершается дѣйствіе. Это — жертва, дѣйствіе, совершенное какъ жертва, что и служитъ характерной чертой *Karma Marga*.

[1]) Руководимый воображеніемъ, а не познаніемъ Воли Единаго.

Для того, чтобы вступить на путь любви (Bhakti), человѣкъ долженъ совсѣмъ отказаться отъ удовлетворенія желаній, которыя возникаютъ въ его сердцѣ; лучшимъ путемъ для этого служатъ постоянныя, ежедневныя усилія стать равнодушнымъ къ радостямъ и страданіямъ.

Но этого нельзя достигнуть сразу; нужно, когда радость приходитъ, не допускать, чтобы эта радость поглощала васъ; ибо вы не стремитесь развивать въ себѣ силу желанія, силу влеченія къ объектамъ, но хотите повернуть ваше желаніе къ Богу. Точно также, когда приходитъ страданіе, не позволяйте ему поглощать васъ и вспоминайте, что страданіе—также лишь преходящее явленіе. Сохраняйте воспоминаніе о страданіи посреди радости, а воспоминаніе о радости среди страданія. И тогда станетъ возможнымъ „признать равными радость и скорбь, достиженіе и неудачу" (II, 38). Сливайте ихъ въ своемъ сознаніи. Вспоминайте, что то и другое—лишь двѣ стороны одного и того же аспекта Единаго я, аспекта Воли (*Ichchha*); и ни то, ни другое не можетъ быть постоянно, оба преходящи и они слѣдуютъ одно за другимъ какъ день за ночью, появляясь и исчезая постоянно. „Соприкосновенія съ матеріей, о сынъ Кунти, бросаютъ въ холодъ и жаръ, доставляютъ наслажденіе и страданіе; эти ощущенія преходящи, они налетаютъ и исчезаютъ; выноси ихъ мужественно, о Бхарата" (II, 14).

Научитесь соединять то и другое въ мысляхъ и въ жизни, стремитесь распознавать элементы страданія въ радости и элементы радости въ страданіи и дѣлайте это до тѣхъ поръ, пока внутри васъ не установится равновѣсіе и вы не перестанете отвращаться отъ того, что приноситъ боль и стремиться къ тому, что преходяще. Когда же придетъ радость, примите ее, и когда придетъ скорбь, примите и ее; а когда радость и скорбь отсутствуютъ, не стремитесь къ нимъ (XIV, 22). Вы должны научиться равновѣсію и должны оставаться покойными какъ въ натискѣ радости, такъ и въ натискѣ скорби. „Познающій Предвѣчнаго... не радуется, получая пріятное и не скорбитъ, получая непріятное" (V 20).

Затѣмъ мы должны помнить, что на этомъ пути любви, существуютъ двѣ главныя опасности, которыя подстерегаютъ человѣка послѣ того, какъ ему удалось побѣдить или, вѣрнѣе, преобразить свои желанія. Опасности эти состоятъ въ порывахъ одушевленія, въ поднятіяхъ къ небесамъ и въ послѣдующихъ паденіяхъ въ бездну тоски и отчаянія; человѣкъ то чрезмѣрно

радуется свѣтлому, то чрезмѣрно скорбить при видѣ тяжелаго. Необходимо найти среднюю точку и удержаться на ней. Необходимо ослабить чрезвычайный восторгъ, и это ослабленіе умѣритъ и чрезвычайную скорбь. Нужно предоставить вздымающимся волнамъ радости и скорби разбиваться вокругъ, а самому твердо стоять на непоколебимой скалѣ любви къ Богу; и тогда ни волнамъ радости, ни волнамъ страданія не удастся опрокинуть его, онъ твердо устоитъ на скалѣ; и хотя онъ не перестанетъ чувствовать ихъ, ибо чувство необходимо для дальнѣйшей эволюціи, но онъ уже не поддастся имъ и не потеряетъ равновѣсія. Это—одинъ урокъ, необходимый на Пути Отреченія [1]).

Другая опасность, грозящая на этомъ пути, какъ объ этомъ говоритъ исторія всѣхъ великихъ подвижниковъ, состоитъ въ томъ, что возможны по временамъ приступы слабости и утомленія, когда увѣренный въ побѣдѣ надъ своими низшими желаніями снова подпадаетъ подъ ихъ власть, когда въ кажущемся стремленіи къ Высшему раскрывается стремленіе къ личному удовлетворенію, когда является потребность радостей даже и на Пути Отреченія. „Какъ мало такихъ“, сказалъ одинъ изъ великихъ христіанскихъ подвижниковъ, „которые готовы служить Богу даромъ“.

Вотъ откуда идетъ изреченіе, которое можно найти во многихъ религіозныхъ книгахъ, что человѣкъ долженъ быть „нагъ“ для того, чтобы вступить на этотъ Путь; „нагимъ слѣдуетъ слѣдовать за нагимъ Іисусомъ Христомъ“, какъ говорится въ „Подражаніи Христу“. Онъ не долженъ ожидать ничего.

Та же идея появляется и въ исторіи Шри Кришны, въ эпизодѣ съ лишенными одеждъ Гопіями и въ *Кальки Аватара*, гдѣ онъ долженъ сражаться безъ оружія, голыми руками. Это—предостереженіе въ формѣ аллегоріи подвижнику, чтобы онъ не вступалъ на этотъ путь высочайшихъ эмоцій, пока ткань низшихъ эмоцій все еще одѣваетъ его. Онъ долженъ быть настороже, строго и бдительно слѣдить, чтобы его тѣло оставалось въ полномъ подчиненіи у него, иначе онъ можетъ одержать неожиданную побѣду и свергнуть его временно съ Пути. Чтобы избѣжать этой опасности и написано: „Погрузившій свою мысль въ Меня, пусть стремится онъ ко Мнѣ“ (VI, 14); „пребывая мыслью въ Единомъ, да изгонитъ онъ мысль о другомъ“ (VI, 25). И какъ часто снова и снова повторяется: „Кто постоянно ду-

---

[1]) *Bhakti Marga*.





маетъ обо Мнѣ, не мысля ни о чемъ другомъ" (VIII, 14); „Мыслью устремленный ко Мнѣ" (VII, 1); „На Меня устремляй свой умъ; будь преданъ Мнѣ, жертвуй Мнѣ; поклоняйся Мнѣ" (IX, 34); „Погрузи свой умъ въ Меня, будь преданъ Мнѣ, жертвуй мнѣ" (XVIII, 65). И только тѣмъ, „которые поклоняются Мнѣ одному, не думая о другомъ, которые всегда уравновѣшаны, тѣмъ я дарую полную безопасность" (IX, 22). „Онъ, Высочайшій Духъ, о Партха, достигается непоколебимой преданностью Ему Одному" (VIII, 22).

Таковъ Путь Любви къ Богу (*Bhakti Marga*) и соотвѣтствующей іогой на этомъ Пути является Іога Отреченія. Это—безкорыстная и совершенная преданность Богу, какъ единому средоточію Любви и служенія, съ единымъ мотивомъ дѣятельности—надеждой соединиться съ Господомъ. Въ сердцѣ такого человѣка неизбѣжно зарождается Мудрость. „Этимъ всегда уравновѣшаннымъ и любовно поклоняющимся Я дарую іогу распознаванія, посредствомъ которой они достигаютъ Меня" (X, 10). И въ IV бесѣдѣ ст. 39: „Исполненный вѣры обрѣтаетъ Мудрость".

Вполнѣ естественно, что Мудрость является тамъ, гдѣ есть совершенная преданность, ибо что служитъ къ затемнѣнію Мудрости? Это—желаніе: человѣкъ не видитъ ясно, онъ смущенъ, благодаря тому, что окружающее то привлекаетъ, то отталкиваетъ его. Его мысли окрашены желаніемъ; онъ на все смотритъ черезъ атмосферу, которой желаніе окружило его. Онъ воображаетъ, что это—хорошо, потому что онъ желаетъ именно этого, и воображаетъ, что то — дурно, потому что оно отталкиваетъ его. И только тогда, когда все это окрашиваніе, производимое желаніемъ, уничтожено, тогда только бѣлый свѣтъ Мудрости загорается въ сознаніи человѣка, чистый и неискаженный.

Къ тому, кто преданъ въ совершенствѣ и до конца, Мудрость не замедлитъ явиться, а также и праведная дѣятельность; ибо не можетъ у него быть иной воли, кромѣ воли Господа, котораго онъ любитъ. Онъ соединяетъ себя съ Объектомъ своей любви; все, что онъ дѣлаетъ, дѣлается не имъ самимъ, а Господомъ черезъ него, и онъ становится проводникомъ, черезъ который сила Господа изливается на міръ дѣятельности; сердце его полно имъ однимъ и черезъ это сердце, всегда открытое передъ Господомъ, изливаются потоки благословенія на міръ человѣческій.

Для такого подвижника все остальное становится безразличнымъ; ему уже не приходится думать о томъ, что люди назы-

ваютъ обязанностями. „Оставивъ всѣ обязанности, ищи лишь у Меня убѣжища; не скорби, я освобожу тебя отъ всѣхъ прегрѣшеній“ (XVIII, 66). „Тотъ, чей разумъ не привязанъ ни къ чему, чье „я“ покорено, и умерло для желаній, тотъ идетъ путемъ отреченія къ высшему совершенству свободы отъ всякаго обязательства“ (XVIII, 49).

Вотъ что обѣщается истинно преданному. Онъ „оставляетъ всѣ обязанности“, ибо черезъ его сердце, очищенное отъ всякаго желанія, Господь совершаетъ всѣ дѣйствія и ему нечего заботиться о совершеніи долга. Таковъ человѣкъ, въ которомъ загорѣлась истинная преданность. „Тотъ, отъ кого міръ не отвращается, и кто не отвращается отъ міра... кто чистъ, знающъ, безстрастенъ, свободенъ отъ тревоги... одинаково встрѣчающій похвалы и упреки, молчаливый, вполнѣ довольный всѣмъ, что случается“... (XII, 15, 16, 19). О человѣкѣ, который неизмѣненъ въ радости и скорби, который не имѣетъ желанія и отвращенія, который смотритъ на все измѣнчивое, самъ оставаясь неизмѣннымъ, о такомъ человѣкѣ написано: „Онъ наиболѣе совершенный въ іогѣ“ (XII, 2). „Онъ, преданный ученикъ Мой, дорогъ Мнѣ“ (XII, 14).

Пер. Е. П.

(Продолженіе слѣдуетъ).



Чистота приводитъ въ гармонію Гуны, рождаетъ равновѣсіе, душевное удовлетвореніе, способность легко сосредоточивать свое вниманіе, власть надъ чувствами и способность постигать свое Божественное Я, т. е. общаться съ духомъ своимъ.

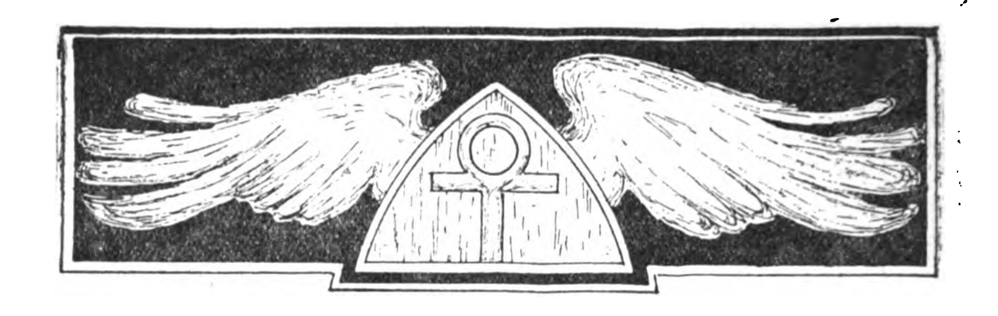
Кто жертвуетъ всѣмъ и Ишварѣ [1]), тотъ обрѣтаетъ способностью небеснаго созерцанія (Samadhi).

Великая чистота, именуемая Пратибха (Pratibha) открываетъ всѣ познанія.

Изреч. изъ Іоги Патанджали.

[1]) Богъ, Логосъ.





«Пути и праведности уставъ».

Книга Лао-Тзе.

Вступленіе.

Жизнь великихъ Учителей человѣчества, создателей религій, всегда окружена мистической дымкой. Не потому ли это происходитъ, что самыя прекрасныя и вѣчныя слова растутъ медленно въ глубинахъ человѣческихъ, что мысль этихъ тихихъ словъ не принадлежитъ только данному народу, но всему человѣчеству и вѣчности, и что—произнесенныя,—они долетаютъ до ушей лишь немногихъ; а когда они воспринимаются уже большинствомъ, то произнесшихъ эти слова уже нѣтъ... Тогда вспоминаютъ о нихъ, собираютъ всѣ свѣдѣнія, касающіяся ихъ жизни и, такимъ образомъ, создаютъ легенды.

„О, какъ медленны слова, произносимыя съ вѣсомъ и со смысломъ",—говоритъ Лао-Тзе.

. . . .

Свѣдѣній о жизни Лао-Тзе осталось очень мало. Единственный историческій документъ о немъ мы находимъ у китайскаго историка Tze-ma-chien'a, (85 г. до Р. Х.). Этотъ документъ прежде всего передаетъ намъ краткій и характерный разговоръ Лао-Тзе съ Конфуціемъ, пріѣхавшимъ къ нему, чтобы узнать „о правилахъ совершеннаго поведенія" и восхвалявшимъ древнихъ мудрецовъ. Лао-Тзе сказалъ, что „отъ тѣхъ, которыхъ онъ восхваляетъ, остались лишь слова, но, конечно, если доблестный человѣкъ сумѣетъ воспользоваться, то можетъ подняться высоко, а если нѣтъ, то онъ будетъ походить на цвѣ-

токъ, сорванный вѣтромъ и несущійся по волѣ его". „Однако,— добавилъ при этомъ Лао-Тзе,—мудрый купецъ прячетъ свои сокровища такъ хорошо, что кажется даже неимѣющимъ ихъ,— человѣкъ совершенной праведности поступаетъ также: онъ старается имѣть обыденный видъ"... „Оставьте ваши гордыя рѣчи, ваши многообразныя желанія, ваши возвышенные и грандіозные планы—они не ведутъ къ истинной цѣли", такъ закончилъ Лао-Тзе. Конфуцію была чужда основная идея Лао-Тзе, онъ былъ человѣкомъ съ совсѣмъ другимъ отношеніемъ къ міру, а отношеніе къ міру и создаетъ міровоззрѣніе. Онъ послѣ этого разговора, какъ передаетъ намъ историкъ, три дня молчалъ, а потомъ обратился къ своимъ ученикамъ съ такими словами: „птицы высоко летаютъ, звѣри быстро бѣгаютъ, а рыбы глубоко плаваютъ—однако для нихъ существуютъ стрѣлы, западни и сѣти... что же касается дракона, который подымается выше вѣтра и облаковъ, къ самимъ небесамъ, то ужъ я не знаю— можетъ ли онъ быть пойманъ? Я видѣлъ Лао-Тзе,—воскликнулъ Конфуцій,—онъ подобенъ дракону".

Затѣмъ Tze-ma-chien, кратко упомянувъ объ ученіи Лао-Тзе, которое касается тайниковъ человѣческаго „Я", того, что почти непередаваемо обыкновенною рѣчью, даетъ нѣсколько біографическихъ данныхъ, изъ которыхъ видно, что большую часть своей жизни Лао-Тзе провелъ въ Као, какъ хранитель архива (при императорѣ изъ династіи Tcheou, въ VI стол. до Р. Х., т. е., значитъ, во время Будды), и что, когда онъ захотѣлъ удалиться совсѣмъ изъ міра, то на границѣ государства онъ былъ остановленъ однимъ таможеннымъ чиновникомъ Zin-Hi, который упросилъ его изложить свое ученіе. Лао-Тзе внялъ его просьбѣ, и написалъ книгу въ 2-хъ частяхъ (содержащую всего около 6 тысячъ словъ) Tao-Teh-King, т. е. „Пути и Праведности Уставъ", а затѣмъ ушелъ, „и никто не знаетъ, какъ онъ умеръ", такъ заканчивается біографія Лао-Тзе. Въ преданіяхъ и легендахъ, собранныхъ Ko-Hong'омъ въ его книгѣ „Миѳологическія исторіи боговъ и людей" (35 г. нашей эры) упоминается о Лао-Тзе то какъ о высшемъ духовномъ существѣ, жившемъ еще до созданія неба и земли; и тамъ же упоминается о томъ, что мать его почувствовала зародившуюся въ ней новую жизнь, испытавъ особенное волненіе при взглядѣ на одну блестящую звѣзду и что онъ родился уже съ сѣдой головой (по китайски „Лао-Тзе", значитъ ребенокъ-мудрецъ или философъ). Время его жизни намѣчалось такъ различно, что

можно было предполагать, или что онъ жилъ чрезвычайно долго, или являлся много разъ на землю, отказываясь отъ своего небеснаго покоя. У Ko-Hong'a есть сказаніе о томъ, что Лао-Тзе уходилъ на горы Куенъ Лунь; это даетъ нѣкоторымъ предполагать *возможность* посѣщенія имъ Индіи и объяснять такимъ образомъ большое сходство его ученія съ принципами Веданты и Дхамапады.

Но... „мы видимъ, что исторія повторяетъ себя, и что во всѣхъ странахъ и черезъ всѣ религіи проходитъ тотъ же самый корень идеи о Всепроникающемъ Великомъ Божественномъ Духѣ, который изливаетъ на насъ вѣкъ за вѣкомъ Свое благословляющее вліяніе, уча насъ, что черезъ всю жизнь проходитъ одинъ законъ—законъ самопожертвованія, освѣщенный свѣтомъ Божественной вдохновенной любви"...

Сущность ученія Лао-Тзе была впослѣдствіи возобновлена въ ученіи Платона и въ ученіи „Святого изъ Назарета"—на это указываетъ въ своемъ сочиненіи о Лао-Тзе англійскій писатель Walter Gorn Old.

Съ древне-греческими философами Лао-Тзе роднятъ идеи объ Единомъ, противостоящемъ множеству (этому училъ Парменидъ), о сліяніи противоположностей (Гераклитъ) и идея отождествленія Познанія съ Праведностью, т. е. сближенія этической и разумной сторонъ человѣка (Платонъ).

Но, хотя ученіе Лао-Тзе и было оффиціально признано при императорѣ Ching-Ti (150 л. до Р. Х.), когда ортодоксальной религіей было Конфуціанство, но оно не могло войти въ обыденную жизнь народа вслѣдствіе своей мистической глубины, а также и по причинѣ внѣшней разбросанности и, главнымъ образомъ, парадоксальности изреченій, которыя при этомъ еще шли вразрѣзъ конфуціанству. Теперь Таоизмъ, это чистое, глубокомистическое ученіе выродилось въ Китаѣ въ секту, полную суевѣрій и предразсудковъ, такъ что, дѣйствительно, Лао-Тзе можно сравнить съ „Сократомъ, не нашедшимъ своего Платона", какъ выражается одинъ изъ современныхъ переводчиковъ и коментаторовъ его.

Въ предисловіи къ „Избраннымъ изреченіямъ Лао-Тзе", Левъ Толстой, на котораго философія китайскаго мудреца имѣла большое вліяніе, говоритъ: ...„для того, чтобы жизнь человѣка была не горемъ, а благомъ, человѣку нужно научиться жить не для тѣла, а для духа. Этому-то и учитъ Лао-Тзе. Онъ учитъ тому, какъ переходить отъ жизни тѣла къ жизни духа. Ученіе

свое онъ называетъ Путемъ, потому что все ученіе указываетъ путь къ этому переходу. Путь этотъ, по ученію Лао-Тзе, состоитъ въ томъ, чтобы не дѣлать ничего, или хоть какъ можно меньше дѣлать то, чего хочетъ тѣло, съ тѣмъ, чтобы не заглушать того, чего хочетъ душа, такъ, чтобы не препятствовать дѣланіемъ тѣлесныхъ дѣлъ возможности проявленія въ душѣ человѣка той силы Неба (какъ называетъ Бога Лао-Тзе), которая живетъ во всемъ... Мысль эта не только похожа, но совершенно та же, которая выражена въ I-мъ посланіи Іоанна и лежитъ въ основѣ христіанскаго ученія"...

Книга Лао-Тзе состоитъ изъ ряда изреченій, афоризмовъ, часто звучащихъ парадоксально, а такъ какъ при томъ, они кажутся несвязанными другъ съ другомъ, то и являются непонятными и странными для человѣка, привыкшаго къ понятіямъ обыкновенной рѣчи и къ систематическому мышленію. Каждую короткую сентенцію Лао-Тзе можно углубить, расширить и очень много можно по поводу ея сказать; кратко же выраженныя онѣ являются парадоксами. Но что такое парадоксъ? Когда во внутреннихъ глубинахъ нашего сознанія рождается мысль, которая представляетъ изъ себя нѣчто большее, чѣмъ то, что можно выразить въ логически связанныхъ словахъ, тогда рождаются парадоксы. Парадоксы—это (по выраженію мистика-философа Серена Киркегора)—„атомы вѣчности". Это мысли, которыя не вытекаютъ изъ логическихъ построеній нашего трехмѣрнаго разума, а являются какъ проблески сверхъ-сознанія. Будучи обрывками дѣйствительной истины, онѣ часто ломаютъ привычныя представленія и противорѣчатъ внѣшней логикѣ, стараясь совмѣстить вещи, казавшіяся до сихъ поръ несовмѣстимыми.

У Вильяма Джемса есть подобная же мысль: онъ говоритъ, что, „разсматриваемая за предѣлами логическихъ категорій дѣйствительность представляетъ собою своеобразный эндосмосъ или сліяніе тождественнаго съ различнымъ; эти *противоположныя* стороны дѣйствительности проникаютъ другъ друга и вдвигаются другъ въ друга какъ части подзорной трубы и съ этой точки зрѣнія наша жизнь представляетъ собой сплошное отрицаніе нашихъ логическихъ аксіомъ", такъ говоритъ Джемсъ.

Совершенная мысль, т. е. до конца доведенная, можетъ быть сравнима съ кругомъ, конечная точка котораго соприкасается съ противоположной начальной точкой. Путь, ведущій къ сліянію противоположностей, это и есть настоящій путь къ Истинѣ, къ Единенію.

По несовершенству нашего интеллекта дѣйствительная истина схватывается человѣкомъ лишь въ минуты озаренія его свѣтомъ интуиціи, въ минуты особаго нашего подъема, и схватывается большей частію отрывочно; къ осознанію ея существуетъ лишь путь внутренняго мистическаго самоуглубленія, во время котораго человѣкъ, его сознаніе, какъ бы входитъ въ самое бытіе вещи. Она схватывается геніальными людьми въ минуты ихъ творчества, когда всѣ вещи міра являются для нихъ символами, и святыми—въ минуты религіознаго экстаза. Лао-Тзе, этотъ „ребенокъ-мудрецъ", юродивый среди благоразумныхъ и одинокій, какъ всѣ великіе люди, именно въ силу своей способности къ истинному общенію и единенію, принадлежалъ очевидно къ тѣмъ людямъ, которыхъ не можетъ удовлетворить работа надъ внѣшними формами жизни, которымъ чуждо стремленіе къ власти и почестямъ, и которымъ втискивать себя въ какія-либо условныя формы было трудно и казалось безцѣльнымъ.

„Ночная пѣснь" Ницше (изъ поэмы „Такъ говорилъ Заратустра") наиболѣе ярко изъ всей міровой литературы выражаетъ одиночество великой души. Въ ней говорится такъ: „О, зачѣмъ я не ночь. Въ томъ мое одиночество, что я опоясанъ свѣтомъ... Мнѣ незнакомо счастье берущаго. Много солнцъ вращается въ пустомъ пространствѣ и всему, что темно, говорятъ они своимъ свѣтомъ, для меня только они нѣмы". У Лао-Тзе есть подобное же горькое признаніе своего одиночества, сознаніе себя чуждымъ людямъ міра, глупцомъ, т. е. лишеннымъ тѣхъ знаній и стремленій, которыми наполнены они, и какимъ-то юродивымъ, бездомнымъ чудакомъ между ними, и именно потому, что онъ „грезитъ только о Тао—матери все-питающей"

Книга Лао-Тзе заключаетъ въ себѣ 81 главу; каждая глава состоитъ изъ 10—40 строчекъ краткихъ изреченій. Для примѣра приведу первую и послѣднюю главу его книги:

Глава I.

Тао, разъ оно опредѣлено—уже не вѣчное Тао; имя, произнесенное—уже не вѣчное Имя.

Безыменное есть начало неба и земли; имѣющее имя—мать всѣхъ вещей.

Только свободный отъ страстей можетъ видѣть все величіе Тао, несвободный же—лишь Его проявленіе.

И то, и другое принадлежитъ одному началу, но называется по-разному; они равно непостижимы.

Вдвойнѣ непостижимое—ключъ ко всѣмъ духовнымъ вещамъ.

Послѣдняя (81-ая) глава.

Искреннія слова не отличаются изысканностью, изысканныя—не искренни.

Человѣкъ праведный не любитъ говорить, тотъ, кто любитъ говорить—не праведенъ.

Постигаетъ Тао не ученый человѣкъ, знающій много Его не постигаетъ.

Праведный не сохраняетъ, такъ какъ чѣмъ больше онъ расходуетъ, тѣмъ болѣе у него получается: чѣмъ больше онъ даетъ, тѣмъ болѣе богатѣетъ.

Кто слѣдуетъ Пути Неба, тѣмъ пользуются всѣ, но все же не истощаютъ его.

Путь праведнаго таковъ, что онъ, совершая дѣйствія, ничему не противится.

* * *

Первая часть книги Лао-Тзе носитъ названіе „Тао", т. е. Путь. У послѣдователей Лао-Тзе это слово получило смыслъ Абсолюта и Первопричины. Оно соотвѣтствуетъ санскритскому понятію „Bodh", т. е. мудрость, просвѣщеніе, и совмѣщаетъ въ себѣ понятія и Высшаго Разума (Logos), Начала и Конца всѣхъ вещей, и природу. Какъ символъ, обозначающій собственно состояніе Наивысшаго Существа, оно ближе всего подходитъ къ индусскому понятію „Sat", т. е. бытіе, реальность. Лао-Тзе не говоритъ о самомъ Божествѣ отдѣльно отъ Тао: Божество можно познавать только черезъ Тао. Внутреннимъ мистическимъ путемъ мы можемъ достигать божественнаго состоянія, но само Божество это—вѣчно удаляющееся отъ человѣка пламя, свѣтомъ котораго онъ пользуется. Когда Моисей воззвалъ къ Господу: „о, Господи, гдѣ я найду Тебя?", то Господь сказалъ: „Когда ты ищешь Меня, ты уже нашелъ Меня".

Тао-Путь это—мать вселенной, такъ какъ всѣ рождаются черезъ посредство Тао, „но имя ея мнѣ неизвѣстно, говоритъ Лао-Тзе... и я называю ее Тао... онъ дверь, черезъ которую всѣ входятъ въ жизнь". Между прочимъ, Христосъ называлъ Себя путемъ и дверью; и Кришна въ „Бхагавадъ-Гитѣ" тоже.

Чтобы найти этотъ Путь, надо отъ многаго отречься, съ



многимъ распрощаться, надо—какъ въ Евангельской притчѣ о драгоцѣнной жемчужинѣ—стать готовымъ отдать все. Только тогда человѣкъ получаетъ способность жить согласно „ритму Тао“, который, по словамъ Лао Тзе, „не ведя къ борьбѣ—побѣждаетъ, безъ рѣчи добивается отвѣта, безъ зова привлекаетъ къ себѣ всѣ вещи и, хотя дѣйствуетъ медленно, но совершененъ въ своемъ планѣ“.

Кто имѣетъ мало, т. е. кого желанія и стремленія сводятся не къ обладанію вещами этого міра („нищій духомъ“, по слову Христа) только тотъ можетъ познать этотъ Путь Неба, и, познавъ Его, онъ всегда будетъ имѣть избытокъ для отдачи его другимъ... Чѣмъ меньше въ человѣкѣ стремленій къ „славѣ человѣческой“, чѣмъ меньше личныхъ желаній и влеченій и чѣмъ больше человѣкъ бездѣятеленъ въ этомъ смыслѣ, тѣмъ скорѣе онъ можетъ услышать „ритмъ Тао“ и тѣмъ легче ему слѣдовать этому ритму: и Лао-Тзе проповѣдуетъ непротивленіе и недѣланіе. Но это не означаетъ вообще бездѣйствіе, но только то, что принципомъ дѣятельности человѣка должно быть непротивленіе. Человѣкъ долженъ быть настойчивъ въ проведеніи этого принципа, такъ какъ тогда все, что нужно, будетъ исполнено и „ничего не останется, что нужно бы еще исполнить“.

Въ Бхагавадъ-Гитѣ мы читаемъ: „Міръ скованъ всѣми дѣйствіями, кромѣ совершенныхъ ради жертвы; ради жертвы свободно и ты выполняй свои дѣйствія“. (Гл. III,9).

Послѣдовательное проведеніе принципа непротивленія научаетъ человѣка „пользоваться вещами согласно ихъ природѣ, слѣдуя ихъ направленію, не насилуя и не измѣняя ихъ искусственно“ и позволяетъ ему перестать заниматься очень многимъ и многимъ, исключая того, чѣмъ ему нужно было бы заняться прежде всего. Предавшись Тао и достигая непротивленія человѣкъ можетъ сдѣлаться „властителемъ“; тотъ-же, „кто любитъ дѣйствовать не способенъ стать имъ“, говоритъ Лао-Тзе. Ни книги, ни правила, ничто внѣшнее не можетъ дать намъ знаніе Тао; это знаніе можно получить только тогда, когда вся энергія души человѣческой устремится къ этому познанію, когда человѣкъ будетъ „грезить о Тао“.

Чтобы Богъ поселился въ насъ, надо освободить ему мѣсто въ нашемъ сердцѣ... только тамъ, гдѣ ничего ужъ не остается своего, привлекается дѣйствованіе Бога“ („Письма о духовной жизни“ Епископа Феофана), т. е. сдѣлаться орудіемъ Высшаго воздѣйствія можетъ только тотъ, кто отречется отъ дѣйствій во

имя свое, кто себя „опустошитъ", какъ говоритъ Лао-Тзе; но, хотя Тао кажется пустотой; если пытаться его опустошать, то оно оказывается неистощимымъ". Бхагавадъ-Гита говоритъ такъ: „Кто можетъ бездѣйствіе узрѣть въ дѣйствіи и дѣйствіе узрѣть въ бездѣйствіи, тотъ мудрый среди людей... всегда довольный, не ища ни въ комъ опоры, даже совершая дѣйствія, онъ все же бездѣйствуетъ" (гл. IV, 18, 20). Осознавъ въ себѣ внутреннюю жизнь, человѣкъ мудрый познаетъ, говоритъ Лао-Тзе, что существующія для его физическаго зрѣнія „цвѣта притупляютъ его истинное зрѣніе, звуки внѣшняго міра—его слухъ, ощущенія міра—его вкусъ, а напряженный бѣгъ и погоня за благами міра уклоняютъ сердце его отъ правильной дороги; и, познавъ это, онъ научается „ходить не оставляя слѣдовъ; говорить—не совершая ошибокъ; считать, не прибѣгая къ счету; запирать безъ замка такъ, что нельзя открыть; связывать безъ веревокъ такъ, что нельзя развязать"...

Тао - это сокровище праведнаго и опора для дурного человѣка; знать Тао—значитъ знать все, не знать Его—значитъ не знать Истинной и Единственной Реальности и считать за таковую иллюзію міра. Оно—эта Истинная Реальность и Сокровище—является въ міръ „незначительнымъ какъ щепка", но все же міръ не можетъ подчинить Его себѣ и не можетъ подчинить именно вслѣдствіе Его незначительности, мягкости, слабости и неопредѣленности съ точки зрѣнія людей.

„Между всѣми вещами міра нѣтъ вещи болѣе нѣжной и болѣе слабой, чѣмъ вода, и однако, чтобы сломать жесткое и крѣпкое нѣтъ ничего, чтобы превосходило ее", говоритъ Лао-Тзе. Святой или мудрый, подражая Тао, долженъ походить на воду: долженъ умѣть проникать въ самое плотное, принимать какую угодно форму, не измѣняя своей сущности, находить естественный путь къ своей цѣли, размягчать твердое, разбивать крѣпкое"... Все это человѣкъ можетъ дѣлать, если онъ „покорствуетъ" Тао.—Какъ солнце свѣтитъ, птица поетъ, океанъ шумитъ—такъ самобытно-искрененъ долженъ и можетъ быть человѣкъ въ своей дѣятельности и творчествѣ. Преграды и поводъ къ борьбѣ являются только именно въ силу „противленія" человѣка естественному для него теченію вещей, въ силу несвободнаго слѣдованія своему Я и какого-нибудь искусственнаго строительства или невѣдѣнія, а иногда и сознательнаго закрыванія глазъ на истинную сущность вещей.

„Чтобы достичь вѣчной жизни, надо перестать жить для

себя... Небо и земля потому долговѣчны, что не живутъ для себя“—говоритъ Лао-Тзе, и дальше: „истина только въ томъ, чтобы покорствовать Тао и проникаться Его праведностью“.

Это покорствованіе и проникновеніе Тао должно исходить изъ свободнаго устремленія души, должно быть (какъ и жизнь для Христа)—„милостью“, а не „жертвой“.

„Тотъ, кто умираетъ, не погибая,—будетъ наслаждаться дѣйствительною долговѣчностью“, говоритъ Лао-Тзе. То-есть: кто умираетъ для строительства земного града, начиная заниматься строительствомъ Высшаго, тотъ касается Вѣчной Жизни. Это строительство въ силу необходимой для него „переоцѣнки всѣхъ цѣнностей требуетъ отъ индивидуума громадной нравственной силы, чистоты и безкорыстности (въ смыслѣ метафизически-философскомъ). И дѣло совсѣмъ не въ томъ, чтобы уйти отъ людей, не въ томъ, чтобы отказаться отъ денегъ, дѣлъ, общенія, но въ томъ, чтобы все это отодвинуть на послѣднее мѣсто, въ томъ, чтобы внутренно стать свободнымъ отъ всего этого. Тогда только человѣкъ познаетъ наивысшую добродѣтель, т. е. праведность, которая, какъ говоритъ Лао-Тзе, заключается въ производствѣ—безъ стремленія обладать, въ дѣятельности безъ утвержденія своего личнаго я“. Тао—это сила, которая создаетъ насъ и дѣйствуетъ черезъ наше Высшее Я; и, если мы слѣдуемъ ей, не противясь, то достигаемъ праведности, которая насъ „питаетъ“, какъ говоритъ Лао-Тзе.

Что же такое Праведность?

По ученію Лао-Тзе, она не есть сумма добродѣтельныхъ качествъ, а заключается лишь въ „подражаніи Тао“, (въ этомъ смыслѣ она приближается къ индусскому понятію „Дхарма“—законъ); праведность это форма проявленія Тао: мудрость, духовность, отдача себя Вѣчному и Реальному, внутренній отказъ отъ всѣхъ преходящихъ и нереальныхъ вещей сего міра. Для праведнаго нѣтъ добродѣтельнаго или недобродѣтельнаго, дурного и хорошаго, красиваго и безобразнаго, священнаго и грѣховнаго, глупаго и умнаго... Все это вещи относительныя, дѣйствительны лишь одна при другой, двѣ грани одного и того же, начальная и конечная точка круга, являющіяся для неправеднаго противоположностями, но сливающіяся, когда кругъ эволюціи человѣка завершается. Бхагавадъ-Гита говоритъ: „тотъ, кто дѣйствуетъ, возложивъ всѣ дѣянія на Предвѣчнаго, отрѣшившись отъ привязанности, тому грѣхъ не вредитъ, какъ не вредитъ вода листамъ лотоса“ (V,10).

Для человѣка, достигшаго праведности, осознанія своего Высшаго Я, перестаютъ существовать и добродѣтели и грѣхъ, потому что онъ уже ничего не дѣлаетъ во имя свое, отъ своего низшаго „я": „праведность состоитъ въ потерѣ своего я", но вмѣстѣ съ тѣмъ и „въ вѣрности самому себѣ". Святой или мудрый, т. е. тотъ, кто достигъ такой праведности,—болѣе чѣмъ совершененъ и кажется поэтому несовершеннымъ; онъ переполненъ и кажется опустошеннымъ; онъ обладаетъ высшею справедливостью и кажется, что ему ея недостаетъ; онъ сверхъ геніаленъ—и кажется неразумнымъ; онъ болѣе чѣмъ краснорѣчивъ—и кажется косноязычнымъ",—такъ говоритъ Лао-Тзе.

Почему же это такъ?

Потому что праведному нечего бояться за свои добродѣтели и онъ не боится ихъ даже потерять,—вѣдь праведность—это корень всѣхъ его переживаній и дѣйствій, то, изъ чего можно созидать... Ну, а „тому, кто можетъ созидать, нечего бояться терять"... Этотъ корень часто для толпы скрытъ, и когда срубаютъ вѣтки дерева они думаютъ, что дерево погибаетъ, а между тѣмъ корень дѣлается отъ этого только еще сильнѣе... Въ праведности заложены всѣ силы, всѣ возможности, а потому праведный переполненъ";—будучи же переполненнымъ онъ отказывается отъ многаго, за что хватается большинство, а поэтому и кажется „опустошеннымъ" въ глазахъ міра. Несправедливымъ онъ можетъ казаться потому, что онъ руководится лишь высшею справедливостью, судитъ по сущности, а не по видимымъ даннымъ. Обладая „сверхгеніальностью", онъ кажется часто неразумнымъ, если ему приходится вращаться въ будничныхъ интересахъ людей міра сего. Въ присутствіи праведнаго совершается то, о чемъ онъ „молчитъ", значитъ власть его безгранична... но если то, о чемъ онъ молчитъ, должно быть высказано, то часто не хватаетъ словъ и праведный кажется поэтому „косноязычнымъ".

„Мудрый познаетъ вселенную, говоритъ Лао-Тзе, не выходя изъ дома; не открывая окна, онъ видитъ Пути Неба"... Онъ достигаетъ всего, никуда не двигаясь, познаетъ вещи, не видя ихъ, и совершаетъ великія дѣла бездѣйствія, потому что вѣдь только познаніе Тао даетъ намъ истинное познаніе міра и людей, а оно—внутри насъ. Мудрый, познавшій Тао, достигаетъ способности отличать реальное отъ нереальнаго, дѣйствительное отъ преходящаго и видѣть за формою сущность, а поэтому онъ одинаково относится какъ къ добродѣтельному, такъ и къ недобродѣтельному, одинаково искрененъ съ искреннимъ и съ не-

искреннимъ: его сердце равно принадлежитъ всѣмъ. Кромѣ того, праведность одаряетъ человѣка „воздержаніемъ, которое позволяетъ ему входить въ большіе расходы“ и „смиреніемъ, въ силу котораго у него отсутствуетъ стремленіе быть первымъ въ государствѣ, что и позволяетъ ему стать руководителемъ всѣхъ людей; такъ говоритъ Лао-Тзе. „Мудрецъ не стремится выражать себя—и проявляетъ (свою сущность), не пытается утверждать себя—и отдѣляется отъ другихъ, не высказываетъ себя—и вызываетъ почтеніе, не возноситъ себя надъ другими—и выше другихъ“... Онъ господствуетъ надъ своими эмоціями: духовностью проникнуты всѣ его душевныя переживанія, а не личными чувствами... Онъ живетъ и дѣйствуетъ такъ, что передъ нимъ всегда стоитъ что-то высшее, а потому онъ и не можетъ быть удовлетворенъ никакою дѣятельностью, никакимъ конкретнымъ воплощеніемъ идеала... и вотъ, именно въ силу этого ему можно „довѣрить все“, говоритъ Лао-Тзе, даже „правленіе вселенной, т. к. онъ будетъ ею править съ горечью“; неудовлетворенный самъ, онъ и другихъ будетъ отрывать отъ внѣшнихъ дѣлъ и „человѣческаго, слишкомъ человѣческаго“, все двигаясь къ Вѣчному Идеалу, все „грезя о Тао“...

А только тотъ и увеличиваетъ благо міра, кто самъ идетъ все впередъ и впередъ, вступивъ на истинный путь жизни. Отвлекшись совершенно отъ себя, равнодушный къ плодамъ своей дѣятельности, онъ всегда пребываетъ въ вѣрности своему Высшему Я...

Н. Дмитріевой.



Человѣкъ, осуществившій въ себѣ полную правдивость, который не можетъ больше сказать что-либо, что его совѣсть не считала бы правдой, тотъ обрѣтаетъ способность безъ усилій осуществлять для себя и для другихъ плоды дѣятельности.

Рѣшимость отреченія отъ всякаго захвата привлекаетъ къ Іогу всѣ блага, даже земныя.

Постоянство въ воздержаніи отъ плотскихъ желаній безпредѣльно увеличиваетъ энергію во всѣхъ областяхъ.

Изреч. изъ Іоги Патанджали.





Орфическіе гимны.

Куретамъ.

XXXI.

Танецъ военный танцуете вы—Танцоры Куреты,
Горніе, звѣздные, кружитесь въ ромбѣ, гремятъ ваши ноги,
Легкими всходятъ стопами ритмичныя, звучныя лиры,
Вооруженные, яркіе, міростроители, стражи,
Матери въ горахъ бредущей соратники, оргіофанты.
О благосклонные, къ благоглагольнымъ молитвамъ сойдите,
Къ пастырю вѣчно вы радостнымъ сердцемъ своимъ благослонны.

Аѳинѣ.

XXXII.

Единородная дочь великаго Зевса—Паллада,
Дива, святая, богиня, войнъ возбудитель жестокій,
(Тайная, съ рѣчью благой, великая, въ гротѣ живешь ты,
Ты, что бросаешься внизъ съ горныхъ вершинъ высочайшихъ,
Чтобы въ долинахъ, отъ горъ—тѣнистыхъ, душей насладиться).
Любишь оружіе ты, влечешь души смертныхъ къ безумью;
Ты упражнялась, о дѣва,—страшное сердце имѣя.
Ложа бѣжишь, мать наукъ благая, Горгоноубійца.
Ты возбуждаешь худыхъ—къ страстямъ, а хорошихъ—къ познанью.
Женскій твой родъ и мужской, ты мудрая, войны рождаешь.
Формоизмѣнная ты, змѣя, вдохновенная, въ славѣ,
Освобождаешь отъ зла, Флегрейскихъ гигантовъ убійца,







Всадница, *Тритогенея* [1]), демонъ ты побѣдоносецъ,
Изобрѣтатель наукъ, съ глазами совы, о царица
Многомолимая вѣчно—ночью и днемъ на высокихъ
Горахъ,—услышь ты молитву: *миръ дай намъ многосчастливый*,
Благосчастливые годы дай, урожай и здоровье.

Побѣдѣ.

(Возжиганія манны).

XXXIII.

Благосильную я призываю Побѣду, желанную смертнымъ,
На паденіе смертныхъ воинственныхъ ты лишь одна прекращаешь,
Ты одна лишь разсудишь во вражескихъ битвахъ страданія брани,
Ты стремительно сладкую славу несешь за дѣла при трофеяхъ.
Надо всѣми царишь ты; повсюду, гдѣ слава блестящая боя
По желанью Побѣды покоится—все тамъ покрыто пирами.
Но, блаженная, къ намъ снизойди ты, съ желаннымъ, сіяющимъ
взоромъ,
За дѣла знаменитыя, дай благородную, вѣчную славу.

Пер. съ греч. Н. Павлиновой.



[1]) *Тритогенея*—значило у Пиѳагорейцевъ—*треугольникъ*, или вообще—число три. Непосвященные этого слова не понимали и объясняли его экзотерически: рожденная моремъ, тритономъ, у озера Тритонисъ въ Египтѣ и т. д.





Сферы

Ч. Ледбитеръ.

Въ каждой діаграммѣ, которая должна изображать различные міровые планы, мы чертимъ ихъ одинъ надъ другимъ подобно полкамъ книжнаго шкафа. Но когда мы начинаемъ объяснять эту діаграмму, мы всегда прибавляемъ, что ее не нужно принимать буквально, такъ какъ всѣ планы взаимно проникаютъ другъ друга и всѣ находятся вокругъ насъ вездѣ и во всякое время.

Это объясненіе вполнѣ правильно, но въ извѣстномъ смыслѣ правильно также и представленіе о находящихся одна надъ другою полкахъ. Чтобы понять это, можно взять аналогію тѣхъ условій, которыя встрѣчаются на поверхности физической земли. Мы можемъ принять плотную матерію, какъ существующую только подъ нашими ногами, какъ самую низшую ступень физической матеріи, хотя вѣрно и то, что безчисленные милліоны частицъ плотной матеріи плаваютъ въ воздухѣ *надъ* нашими головами.

Мы можемъ также сказать, говоря вообще, что жидкая матерія земли (преимущественно вода) находится на поверхности плотной матеріи, хотя опять-таки вѣрно и то, что большое количество воды проникаетъ толщу земли и что милліоны тоннъ воды поднимаются надъ поверхностью земли въ видѣ облаковъ. И все же, главное количество жидкой матеріи земли находится на ея поверхности въ видѣ океановъ, морей, рѣкъ и озеръ.

Точно также и газообразная матерія нашей земли (преимущественно атмосфера) находится на поверхности воды и твердой

почвы, распространяясь гораздо дальше въ пространствѣ, чѣмъ жидкая и плотная матерія.

Всѣ три состоянія матеріи существуютъ здѣсь, на поверхности земли, гдѣ мы живемъ, но вода въ формѣ облаковъ поднимается отъ поверхности гораздо далѣе, чѣмъ обыкновенная пыль; точно также и воздухъ, проникающій собой оба другіе элемента, распространяется еще далѣе въ міровое пространство. Это—очень недурная аналогія для объясненія, какъ располагается матерія на высшихъ планахъ.

То, что мы называемъ „астральнымъ планомъ", можно точно также разсматривать, какъ астральное тѣло земли. Астральная сфера существуетъ, несомнѣнно, вокругъ насъ, она проникаетъ твердую почву подъ нашими ногами, но она же распространяется очень далеко надъ нашими головами, такъ что мы можемъ представлять ее какъ огромный шаръ астральной матеріи съ физической землей въ центрѣ его; въ родѣ того, какъ физическое тѣло человѣка окружено его астральнымъ тѣломъ, съ той только разницей, что пропорціональный размѣръ астральнаго тѣла земли безконечно больше, чѣмъ въ случаѣ съ человѣкомъ. Но совершенно также, какъ у человѣка наиболѣе плотные аггрегаты астральной матеріи находятся по близости отъ периферіи физическаго тѣла, точно также и въ случаѣ съ землей скопленіе наиболѣе плотной астральной матеріи собирается въ предѣлахъ физической сферы.

Весь же размѣръ астральной сферы такъ великъ, что въ среднемъ онъ достигаетъ до лунной орбиты, такъ что астральные планы обоихъ міровъ соприкасаются во время полнолунія и снова расходятся когда мѣсяцъ въ ущербѣ. Изъ этого слѣдуетъ, что въ опредѣленное время каждаго мѣсяца возможно астральное сношеніе съ луной, тогда какъ въ другое время, оно невозможно.

Размѣръ ментальнаго плана нашей земли по отношенію къ астральному приблизительно таковъ же, какъ размѣръ астральнаго по отношенію къ физическому плану. Это—такой-же огромный шаръ, концентрическій по отношенію къ остальнымъ двумъ, проникающій и астральный и физическій, но распространяющійся несравненно далѣе отъ центра, чѣмъ астральный шаръ. Изъ этого видно, что хотя матерія всѣхъ плановъ существуетъ вокругъ насъ во взаимномъ соединеніи, есть также нѣкоторая доля правды и въ сравненіи съ полками, ибо далеко за предѣлами физической атмосферы существуетъ значительный слой, который со-

стоитъ только изъ астральной и ментальной матеріи, а за предѣлами этого слоя находится новый, состоящій исключительно изъ одной ментальной матеріи.

Когда же мы достигаемъ буддхическаго плана, распространеніе его до того велико, что то, что можно было бы назвать буддхическими тѣлами различныхъ плановъ нашей цѣпи, встрѣчается другъ съ другомъ и такимъ путемъ образуется одно буддхическое тѣло для всей цѣпи; а это, въ свою очередь, приводитъ къ тому факту, что въ буддхическомъ тѣлѣ возможно переходить съ одной планеты на другую. Можно предположить, что когда подобное же изслѣдованіе будетъ примѣнено и къ нирваническому плану, матерія этого плана окажется распространенной на такое необъятное пространство, которое заключитъ въ себѣ и другія планетныя цѣпи—возможно, что и всю солнечную систему во всемъ ея объемѣ.

Все это вѣрно, и все же это не даетъ точной идеи объ истинномъ положеніи вещей, и это благодаря тому обстоятельству, что нашъ умъ можетъ схватывать только *три* измѣренія, тогда какъ въ дѣйствительности ихъ гораздо больше. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что, по мѣрѣ того, какъ наше сознаніе поднимается съ плана на планъ, каждый новый шагъ открываетъ передъ нами возможность схватить одно изъ этихъ измѣреній.

Благодаря нашему трехмѣрному сознанію такъ затруднительно точное описаніе состоянія тѣхъ, которые перешли изъ физической жизни на другіе планы. Нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ склонность носиться вокругъ своихъ земныхъ домовъ, чтобы сохранить соприкосновеніе съ друзьями своей физической жизни и съ мѣстами, которыя имъ хорошо извѣстны; но есть и такіе, которые имѣютъ наклонность уноситься въ даль, и находить—какъ бы по специфическому удѣльному вѣсу—такой уровень, который отстоитъ очень далеко отъ поверхности земли.

Люди средняго развитія, переходящіе въ потусторонній міръ, склонны витать на значительномъ разстояніи отъ поверхности земли, хотя есть и такіе, которые притягиваются къ нашему уровню. И все же, беря вопросъ въ самыхъ широкихъ линіяхъ, совершенно правильно представлять обитателей невидимаго міра живущими въ сферѣ или кольцѣ или зонѣ, которая окружаетъ нашу землю. То, что спириты называютъ „страной вѣчнаго лѣта“ простирается на много миль надъ нашей головой и, такъ какъ люди той же расы и той же религіи имѣютъ склонность оставаться вмѣстѣ и послѣ смерти, то получается нѣчто въ родѣ цѣлой

ткани различныхъ „странъ вѣчнаго лѣта", надъ мѣстностями, къ которымъ принадлежали люди, создавшіе ихъ.

Когда человѣкъ находитъ свой собственный уровень на астральномъ планѣ, происходитъ нѣчто схожее съ тѣмъ, что бываетъ съ предметами, носящимися по океану. Это вовсе не значитъ, что человѣкъ на астральномъ планѣ могъ бы подниматься и падать по своей волѣ; это значитъ, что при отсутствіи опредѣленнаго усилія, онъ неизбѣжно очутится на *своемъ* уровнѣ и останется тамъ. Астральная матерія тяготѣетъ къ центру земли также, какъ и физическая матерія; та и другая повинуются однимъ и тѣмъ же общимъ законамъ.

Разсматривая подробнѣе астральный планъ, можно принять, что его шестой субпланъ отчасти совпадаетъ съ поверхностью земли, тогда какъ самый низшій или седьмой проникаетъ на нѣкоторое разстояніе въ средину земли.

Объ условіяхъ внутренности нашей земли не легко дать понятіе.

Обширныя пустоты существуютъ въ ней, и въ этихъ пустотахъ обитаютъ цѣлыя расы, но онѣ не принадлежатъ къ нашей эволюціи. Одна изъ такихъ эволюцій, находящаяся на гораздо болѣе низкомъ уровнѣ, чѣмъ любая изъ существующихъ на земной поверхности расъ, упоминалась въ одной изъ нашихъ статей въ журналѣ „The Theosophist"; другая стоитъ ближе къ нашему собственному уровню, хотя все же рѣзко отличается отъ всего, извѣстнаго намъ.

По мѣрѣ приближенія къ центру земли, матерія является въ такомъ состояніи, которое очень трудно понять, разъ человѣкъ самъ не видѣлъ ее; состояніе это можно опредѣлить, какъ несравненно болѣе плотное, чѣмъ самый плотный изъ извѣстныхъ намъ металловъ и одновременно такое же текучее, какъ наша вода. Но и этого мало. Такая матерія слишкомъ плотна для какой-либо формы жизни, извѣстной намъ и, тѣмъ не менѣе, она служитъ для своей особой, чуждой намъ эволюціи.

Ужасающее давленіе, которое существуетъ здѣсь, использовано Третьимъ Логосомъ для составленія новыхъ элементовъ; нужно прибавить, что центральныя части земли могутъ быть съ полнымъ правомъ разсматриваемы, какъ Его лабораторія, ибо тамъ получаются температуры и давленія, о какихъ здѣсь, на поверхности земли, мы не имѣемъ никакого представленія. Именно тамъ, подъ воздѣйствіемъ высшей силы девы и духи природы особаго типа соединяютъ и разъединяютъ, составляютъ

и перемѣщаютъ первичные физическіе атомы, работая по линіямъ изумительной двойной спирали, которая получила свой символъ въ „лемнискатахъ“ сэра Вильяма Крукса. Изъ этой же центральной точки земли, какъ это не кажется невѣроятно для насъ, исходитъ прямая связь съ сердцемъ солнца; и это настолько, что элементы, возникающіе въ солнцѣ, появляются въ центрѣ земли, не проходя черезъ то, что мы называемъ ея поверхностью. Но объ этомъ безполезно говорить, пока не станутъ болѣе понятными высшія измѣренія пространства.

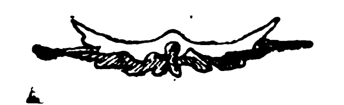
Въ параллель съ упомянутымъ выше физическимъ явленіемъ, наиболѣе плотная астральная матерія слишкомъ плотна для обыкновенныхъ формъ астральной жизни; но и она складывается въ такія необычайныя формы, которыя остаются совершенно неизвѣстными для изучающихъ поверхность астральнаго плана.

Изслѣдуя внутренность земли, мы не нашли въ ней центральной шахты, идущей отъ полюса до полюса, какъ это было описано нѣкоторыми медіумами; точно также мы не нашли концентрическихъ сферъ, покоющихся на пластахъ изъ пара. Въ то же самое время, тамъ существуютъ извѣстныя силы, дѣйствующія черезъ концентрическіе слои, и нетрудно уловить какого рода естественныя явленія могли ввести въ заблужденіе медіумовъ, сдѣлавшихъ это заявленіе.

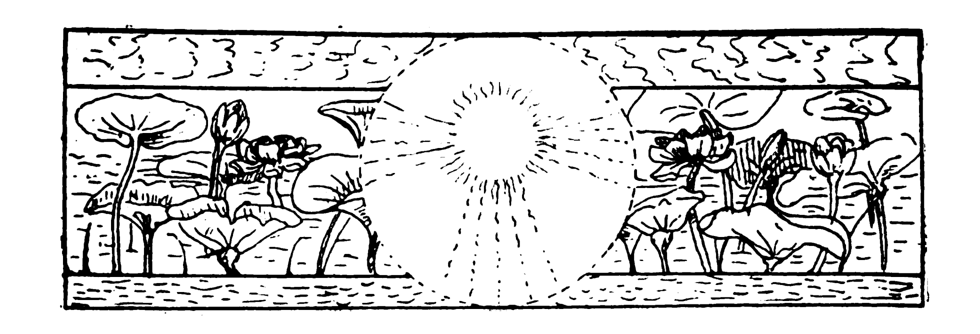
Нѣтъ сомнѣнія, что существуетъ сила эфирнаго давленія, точно также, какъ есть сила атмосфернаго давленія и она можетъ быть использована людьми, разъ они откроютъ какое-либо вещество, непроницаемое для эфира. Такое же давленіе существуетъ въ астральномъ мірѣ. Какъ самый обыкновенный примѣръ такого давленія можно привести то, что происходитъ съ человѣкомъ, когда онъ покидаетъ свое физическое тѣло во снѣ или въ моментъ смерти.

Пер. съ англійскаго В. Лалетинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).







Письма живого усопшаго.

Записаны Эльвой Баркеръ.

ВВЕДЕНІЕ.

Къ книгѣ, появившейся въ текущемъ году подъ этимъ заглавіемъ въ Англіи и принадлежащей перу довольно извѣстной на западѣ писательницы, приложено предисловіе, въ которомъ разсказаны всѣ обстоятельства, вызвавшія обнародованіе этихъ писемъ. Авторъ книги сообщаетъ прежде всего, что ни она, ни диктовавшій эти письма „X“ никогда не принадлежали къ спиритамъ, сама Э. Баркеръ съ спиритической литературой была совсѣмъ не знакома и къ вопросу о потустороннихъ переживаніяхъ относилась съ полнымъ равнодушіемъ, никогда въ мысляхъ не останавливаясь на нихъ. Во время своего дѣтства она участвовала нѣсколько разъ въ механическомъ писаніи помощью планшетки, причемъ получались такія банальности, которыя не вызвали въ ней никакого интереса. Позднѣе, въ присутствіи одной медіумичной личности, она пробовала нѣсколько разъ автоматическое письмо, но не заинтересовалась имъ и не придала этимъ записямъ никакого значенія. Была много лѣтъ тому назадъ по настоянію друзей на спиритическихъ сеансахъ, но осталась совершенно равнодушной къ этой области психическихъ изслѣдованій. За нѣсколько мѣсяцевъ до появленія посмертныхъ писемъ X., ее попросили участвовать въ механическомъ письмѣ съ помощью планшетки. Содержаніемъ письма было предсказаніе пожара въ домѣ, гдѣ она жила, которое съ точностью и исполнилось. Въ этихъ мимолетныхъ впечатлѣніяхъ—

если не считать ряда видѣній пророческаго характера, которыя авторъ называетъ „hypnagogie visions“—какія бывали навѣрно у большинства образованныхъ людей нашего времени, заключался весь спиритуалистическій опытъ автора книги. Это обстоятельство придаетъ ей особое значеніе и интересъ.

Въ первый разъ повелительное побужденіе взять карандашъ и писать появилось у г-жи Баркеръ за годъ до изданія этой книги, въ Парижѣ. Повинуясь импульсу, она начала писать механически и получилось извѣстіе совершенно личнаго характера, очень интересное для нея, подписанное буквой „X“. Показавъ на другой день интересное сообщеніе своей пріятельницѣ, она была очень удивлена, узнавъ отъ нея, что такъ называли друзья г-на **, котораго г-жа Баркеръ знала хорошо. Но г-нъ ** былъ въ это время въ Америкѣ, въ числѣ живыхъ, а сообщеніе шло изъ потусторонняго міра. Вскорѣ затѣмъ пришло извѣстіе, что г-нъ ** умеръ въ одномъ изъ западныхъ Штатовъ С. Америки, за нѣсколько дней до появленія сообщенія, подписаннаго „X“. Далѣе я буду продолжать подлинными словами г-жи Э. Баркеръ.

„Вскорѣ послѣ полученія извѣстія изъ Америки о смерти г-на **, я сидѣла вечеромъ съ тѣмъ другомъ, которая сообщила мнѣ, кого при жизни называли условнымъ знакомъ „X“; она стала просить меня попробовать—не придетъ ли новое сообщеніе отъ него, и я согласилась больше для того, чтобы сдѣлать ей удовольствіе, чѣмъ изъ личнаго интереса. Тогда-то явилось первое сообщеніе, начинающееся словами: „я здѣсь, не бойтесь ошибки“... Оно писалось съ паузами и промежутками между отдѣльными фразами, большими и неправильными буквами, но совершенно автоматически, какъ и въ первый разъ. Писала я съ такимъ напряженіемъ, что моя правая рука была почти парализована на другой день.

Нѣсколько писемъ съ подписью „X“ были мной автоматически записаны втеченіе слѣдующихъ недѣль; но, вмѣсто того, чтобы увлечься этими сообщеніями, я почувствовала скорѣе предубѣжденіе противъ такого занятія и только настоянія моего друга, которая видѣла въ нихъ желаніе „X“ вступить въ сношеніе съ земнымъ міромъ, заставило меня преодолѣть себя.

„X“ не былъ обыкновеннымъ человѣкомъ. Онъ былъ очень извѣстнымъ юристомъ, глубоко изучавшимъ философію, авторомъ многихъ книгъ, человѣкомъ, высокіе идеалы и чистый энтузіазмъ котораго являлись вдохновеніемъ для всѣхъ, знавшихъ

его. Ему было 70 лѣтъ. Жилъ онъ очень далеко отъ меня и я видѣлась съ нимъ лишь черезъ долгіе промежутки. Насколько я вспоминаю, мы съ нимъ никогда не говорили о посмертномъ сознаніи.

„Постепенно, по мѣрѣ того какъ преодолѣвалось мое предубѣжденіе противъ автоматическаго писанія, я начала чувствовать интересъ къ тому, что „X“ сообщалъ относительно потусторонней жизни. Я ничего не читала по этому поводу, не читала даже и всѣмъ извѣстныя „Письма Джуліи“ и поэтому у меня не было предвзятыхъ идей.

„Съ теченіемъ времени болѣзненное ощущеніе въ рукѣ прекратилось и самый почеркъ улучшился, хотя очень яснымъ онъ не былъ никогда.

„Въ первое время письма писались въ присутствіи моего друга; но позднѣе „X“ появлялся только, когда я была одна. Это было то въ Парижѣ, то въ Лондонѣ, такъ какъ я постоянно переѣзжала изъ одного города въ другой. Иногда онъ появлялся нѣсколько разъ въ недѣлю; иногда же проходилъ цѣлый мѣсяцъ и я не чувствовала его присутствія. Я никогда не звала его, и очень мало думала о немъ въ промежуткахъ между его появленіями; такъ какъ и мое время, и мысли, и перо, были заняты совсѣмъ другими задачами.

„Записывая эти сообщенія, я была по большей части въ полубезсознательномъ состояніи, такъ что передъ прочтеніемъ написаннаго у меня было лишь смутное представленіе о его содержаніи. А нѣсколько разъ я была такъ близка къ полной потери сознанія, что кладя карандашъ, я не имѣла ни малѣйшаго представленія о томъ, что я писала.

„Когда рѣчь зашла впервые объ изданіи этихъ писемъ, мысль эта была для меня непріятна. Написавъ нѣсколько книгъ, болѣе или менѣе извѣстныхъ, я не была чужда нѣкотораго тщеславія въ смыслѣ литературной репутаціи и мнѣ вовсе не хотѣлось прослыть за фантазерку. По настоянію моего друга я согласилась написать предисловіе къ книгѣ, въ которомъ было бы утвержденіе, что письма были написаны въ моемъ присутствіи. Это обѣщаніе удовлетворило моего друга, но не меня.

„Внутри меня шла такая работа. Если я издамъ эти книги, думала я, совсѣмъ безъ предисловія, они будутъ приняты за фикцію и все важное, заключающееся въ нихъ, потеряетъ всю свою цѣнность въ смыслѣ указанія на посмертное состояніе человѣка! Если же я напишу, что они сообщались посредствомъ

автоматическаго письма въ моемъ присутствіи, непремѣнно возникаетъ вопросъ, чьей же рукой дѣлались эти сообщенія, и я буду принуждена уклоняться отъ правды. Если же я откровенно признаюсь, что сообщенія записывались моей рукой и сообщу факты, какъ они происходили, тогда возможны будутъ только двѣ гипотезы: или, что письма эти—подлиныя сообщенія развоплощеннаго человѣка; или же что они измышленія моего собственнаго подсознанія. Но послѣдняя гипотеза не объясняетъ перваго письма „X“, появившагося раньше, чѣмъ я узнала о его смерти, если только не допустить, что подсознанію каждаго человѣка *извѣстно все*. Но въ такомъ случаѣ, почему мое подсознаніе выбрало этотъ путь длительной мистификаціи моего бодрствующаго сознанія и притомъ безъ всякаго предварительнаго *внушенія* съ моей или съ чьей бы то ни было стороны? Вѣдь ни я и никто изъ окружающихъ меня не знали о смерти „X“.

„Чтобы кто-нибудь могъ обвинить меня въ преднамѣренномъ обманѣ и сочинительствѣ въ такомъ серьезномъ дѣлѣ, этого я не допускала и теперь считаю невѣроятнымъ въ виду полной возможности для меня имѣть иной, законный исходъ для моего воображенія въ произведеніяхъ поэзіи и романа.

„Около трехъ четвертей всѣхъ писемъ было уже написано, когда я окончательно рѣшила этотъ вопросъ. Я рѣшила или совсѣмъ не издавать ихъ, или же обнародовать съ предисловіемъ, въ которомъ будутъ откровенно изложены всѣ обстоятельства возникновенія этихъ писемъ.

„Когда же изданіе было рѣшено, возникъ вопросъ: печатать ли ихъ цѣликомъ, или дѣлать сокращенія? Я рѣшила не выпускать ничего, кромѣ указаній на личныя дѣла самого „X“, на мои и моихъ друзей. Я ничего не прибавляла и только изрѣдка, когда построеніе фразы было слишкомъ неудачно или попадались повторенія, я позволяла себѣ внѣшнюю поправку.

„Среди утвержденій, косающихся будущей жизни, встрѣчаются такія, которыя составляютъ совершенную противуположность моимъ собственнымъ представленіямъ о томъ же вопросѣ. Я ихъ сохранила, какъ они были написаны. Нѣкоторыя изъ его философскихъ положеній были совершенно новы для меня; иногда я улавливала всю ихъ глубину только послѣ прошествія нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

„Если у кого-нибудь возникнетъ вопросъ, *что* думаю я сама объ этихъ письмахъ, считаю ли я ихъ подлинными сообщеніями изъ невидимаго міра, я отвѣчу утвердительно. Въ выпущенныхъ



мѣстахъ, касающихся моей личной жизни, было много намековъ и указаній на обстоятельства, которыя мнѣ лично были неизвѣстны, и всѣ, которыя мнѣ удалось провѣрить, оказались безошибочны. Если предположить излюбленную телепатическую теорію современныхъ психологовъ, то *чья же* телепатія проявилась въ этихъ письмахъ? Другъ, о которой я упоминала, не могла этого сдѣлать, такъ какъ содержаніе писемъ было и для нея такой же неожиданностью, какъ и для меня.

„Но я все же считаю необходимымъ упомянуть, что не имѣю никакихъ претензій на научное значеніе этой книги, такъ какъ для этого требовались бы научно-обставленныя доказательства. Исключая перваго письма, подписаннаго „X“ и сообщеннаго мнѣ прежде, чѣмъ я узнала, что г-нъ ** умеръ, всѣ остальныя были написаны внѣ „научно-испытательныхъ“ условій, какъ ихъ понимаетъ ученый психологъ нашего времени. Какъ доказательство существованія души послѣ тѣлесной смерти, содержаніе этихъ писемъ должно быть или принято, или отвергнуто каждымъ, сообразно его личнымъ особенностямъ, внутреннему опыту и собственной интуиціи.

„Должна прибавить, что еслибъ не мое полное довѣріе къ источнику этихъ писемъ и не такое же довѣріе моихъ друзей ко мнѣ, книга эта совсѣмъ не могла бы возникнуть. Ибо сомнѣніе въ невидимомъ авторѣ или въ видимомъ посредникѣ парализовали бы обоихъ въ такой мѣрѣ, что ихъ работа не могла бы осуществиться.

„Что касается лично меня, то эти письма содѣйствовали окончательному уничтоженію во мнѣ всякаго страха смерти, они укрѣпили мою вѣру въ безсмертіе и они же превратили для моего сознанія потустороннее существованіе въ такое же жизненное и реальное, какъ и наша жизнь на землѣ. Если они дадутъ хотя бы одному читателю такое же радостное чувство безсмертія, какое они дали мнѣ, то я буду вполнѣ вознаграждена за свой трудъ.

„Тѣмъ же, которые склонны порицать меня за обнародованіе этой книги, я могу сказать только одно: я всегда стремилась отдать міру все, самое лучшее во мнѣ, а эти письма—думается мнѣ—можетъ быть самое лучшее изъ всего, что я могу отдать“.

Прим. Ред. Мы помѣщаемъ эти интересныя сообщенія, какъ наблюденія, подтверждающія теософическія положенія о загробной жизни, хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ и расходимся съ толкованіями автора.



Письмо I.

Возвращеніе.

Я здѣсь! Не бойтесь ошибки!

Это я говорилъ съ вами и теперь говорю снова я.

У меня были удивительныя переживанія. Многое изъ забытаго я начинаю вспоминать. Все случившееся вело къ благу оно было неизбѣжно.

Я уже могу различать васъ, хотя не очень ясно.

Я не видѣлъ здѣсь тьмы. Здѣшній свѣтъ удивительный, гораздо удивительнѣе, чѣмъ солнечный свѣтъ юга.

Нѣтъ, я еще не очень ясно разбираю дорогу въ окрестностяхъ Парижа; все мнѣ кажется инымъ. И если я вижу васъ, то это, по всей вѣроятности, благодаря вашей собственной жизненной силѣ.

Письмо II.

Не говорите никому.

Я нахожусь какъ разъ противъ васъ въ пространствѣ; т. е. я прямо передъ вами, опираясь на что-то, вѣроятно кушетку или диванъ.

Мнѣ легче приходить къ вамъ послѣ сумерекъ.

Уходя отсюда, я подумалъ, что возможно будетъ говорить съ людьми съ помощью вашей руки.

Я чувствую себя уже сильнѣе. Бояться нечего—это только перемѣна состоянія.

Я не могу еще сказать вамъ, какъ долго я былъ въ безмолвіи. Кажется не очень долго.

Это я подписалъ „X". Учитель помогъ мнѣ завязать связь.

Лучше до времени не говорите никому, исключая—,что я приходилъ, такъ какъ я не желалъ бы помѣхи для моихъ появленій во всякое время, когда и куда захочу.

Дайте мнѣ отъ времени до времени пользоваться вашей рукой; я не злоупотреблю ей.

Я хочу остаться здѣсь, пока не буду въ состояніи вернуться болѣе сильнымъ. Ждите меня, но не теперь.

Все дѣлается для меня теперь легче, чѣмъ въ первое время.

Мой вѣсъ уменьшился. Я могъ бы еще остаться въ тѣлѣ, но не стоило дѣлать усилій.

Я видѣлъ Учителя. Онъ близко. Его отношеніе ко мнѣ приноситъ много утѣшенія.

Но теперь мнѣ лучше уйти. Доброй ночи!

Письмо III.

Берегите дверь.

Вы должны принять нѣкоторыя предосторожности, чтобы оградить себя отъ тѣхъ, что тѣснятся вокругъ меня.

Вы должны ограждать себя днемъ и ночью зарокомъ. Ничто не можетъ проникнуть черезъ эту стѣну—ничто, что вы запретите своей душѣ принимать къ себѣ.

Не позволяйте этимъ ларвамъ астральнаго міра высасывать изъ себя силы. Нѣтъ, меня они не безпокоятъ, ибо я уже привыкъ къ мысли о нихъ. Вамъ совершенно не слѣдуетъ бояться, если вы защитите себя.

Письмо IV.

Облако на зеркалѣ.

(*Послѣ того, какъ фраза была наполовину написана, писаніе внезапно прервалось и возобновилось только черезъ нѣкоторое время*).

Когда вы отвѣчаете на мой призывъ, вытрите дочиста вашъ умъ, какъ вытираетъ ребенокъ свою аспидную доску, готовясь записать новую задачу учителя. Малѣйшая ваша личная мысль или фантазія будетъ какъ бы облакомъ на зеркалѣ, затуманивающимъ отраженіе.

Вы можете получать такимъ путемъ письма, если вашъ умъ не будетъ при этомъ работать независимо, не будетъ ставить вопросовъ во время писанія.

На этотъ разъ я былъ прерванъ не собравшимися вокругъ существами, но вашимъ собственнымъ любопытствомъ — какъ кончится начатая фраза. Вы стали внезапно активной, вмѣсто того, чтобы оставаться пассивной, въ родѣ того, какъ еслибы воспринимающій телеграфный аппаратъ началъ посылать свое собственное сообщеніе.

Я узналъ здѣсь причину многихъ психическихъ явленій,

которыя прежде поражали меня, и я намѣреваюсь защитить васъ насколько возможно отъ перекрещивающихся токовъ, вредныхъ для нашей работы.

Одинъ разъ вечеромъ, когда я явился къ вамъ, вы не впустили меня. Хорошо ли это было?

Но я не упрекаю васъ. Я буду приходить снова и снова, пока мое дѣло не будетъ сдѣлано.

Вскорѣ я приду къ вамъ во снѣ, и покажу вамъ много интереснаго.

Письмо V.

Обѣщаніе невысказанныхъ вещей.

Черезъ нѣкоторое время я передамъ вамъ знаніе, которое пріобрѣлъ съ тѣхъ поръ, какъ я здѣсь. Я вижу теперь прошлое какъ бы черезъ открытое окно. Я вижу дорогу, по которой я пришелъ, и могу начертить дорогу, по которой намѣреваюсь идти въ будущемъ.

Все кажется мнѣ теперь легкимъ. Я могъ бы дѣлать вдвое больше, чѣмъ дѣлаю—до того сильнымъ чувствую я себя.

До сихъ поръ я еще не основался нигдѣ, я передвигаюсь съ мѣста на мѣсто, куда меня влечетъ; я мечталъ объ этомъ всегда, когда былъ въ тѣлѣ, но никогда не могъ осуществить этой мечты.

Не бойтесь смерти; но живите на землѣ какъ можно дольше. Несмотря на все, что я здѣсь пріобрѣлъ, я жалѣю иногда, что кончилось мое причастіе къ міру. Но сожалѣнія теряютъ свой вѣсъ въ потустороннемъ мірѣ, также какъ и тѣла наши.

И я разскажу вамъ о вещахъ, которыя не были еще высказаны никогда.

Письмо VI.

Магія воли.

Вы еще не вполнѣ схватили тайну *воли*. Она можетъ сдѣлать изъ васъ все, что вы захотите, въ предѣлахъ вашего размѣра энергіи; ибо въ той единицѣ силы, которая называется человѣкомъ, все находится или въ состояніи активномъ, или въ состояніи потенціальномъ.

Различіе между живописцемъ и музыкантомъ, или между-

поэтомъ и романистомъ не есть различіе качественное; ибо каждый человѣкъ заключаетъ въ себѣ все, *исключая количество*, и такимъ образомъ каждый имѣетъ возможность развивать себя по любой линіи, избранной его волей. Выборъ могъ совершиться очень давно. Нужно много времени, часто много жизней, чтобы достигнуть опредѣленнаго искусства или способности къ особому роду творчества, преобладающей надъ всѣми другими способностями. Сосредоточенье есть ключъ къ силѣ, здѣсь, какъ и вездѣ.

Что касается силы воли въ вашихъ повседневныхъ задачахъ, то есть два пути для проявленія воли. Можно сосредоточиться на опредѣленномъ планѣ и привести его къ исполненію или не привести, въ зависимости отъ запаса той силы, которой вы располагаете. Или же можно направить волю на то, чтобы самый лучшій, самый высокій и самый мудрый изъ всѣхъ возможныхъ плановъ былъ выявленъ подсознательными силами въ васъ самихъ и въ другихъ я. Послѣдній путь ведетъ къ господству надъ всей окружающей средой, вмѣсто господства или попытки къ господству надъ одной ея частицей.

* * *

Въ этомъ общеніи между видимымъ и внутреннимъ міромъ, вы, принадлежащіе къ первому, склонны думать, что мы можемъ знать *все*. Вы требуете, чтобы мы играли роль предсказателей будущаго или сообщали вамъ, что происходитъ на противоположной сторонѣ земного шара. Иногда это возможно; но по большей части—невозможно для насъ.

Со временемъ я буду въ состояніи проникнуть въ ваше сознаніе, какъ это дѣлаетъ Учитель, и буду знать всѣ мысли и планы, которые возникаютъ и возникали въ немъ; но теперь мнѣ это невсегда удается.

Напримѣръ, однажды я всюду искалъ *** и не могъ найти его. Возможно, что вы должны очень сильно думать о насъ для того, чтобы облегчить нашъ путь къ вамъ.

Я все время учусь. Учитель дѣятельно помогаетъ мнѣ. Когда я вполнѣ овладѣю вашей рукой, тогда я разскажу вамъ о жизни, которую ведутъ здѣсь.

Письмо VII.

Свѣтъ позади покрывала.

Дѣлайте для меня по временамъ отверстіе въ томъ покровѣ изъ плотной матеріи, который закрываетъ васъ отъ моего взора. Я вижу васъ часто яркимъ свѣтовымъ пятномъ, и это бываетъ вѣроятно тогда, когда ваша душа сильно чувствуетъ или когда вашъ умъ полонъ сильными мыслями.

Я могу читать ваши мысли иногда, но не всегда. Иногда я хочу приблизиться къ вамъ и не могу васъ найти. Вѣроятно и вы не всегда могли бы найти меня, если бы вы были здѣсь.

Иногда я совсѣмъ одинъ; иногда я окруженъ другими.

Странно, но сейчасъ мнѣ кажется, что мое тѣло вполнѣ вещественно, а въ началѣ мнѣ казалось, что мои руки и ноги вытягивались по всѣмъ направленіямъ.

Обыкновенно я не хожу какъ прежде, но и не летаю въ точномъ смыслѣ этого слова, такъ какъ у меня никогда не было крыльевъ; и все же проношусь въ пространствѣ съ невѣроятной быстротой. Но иногда все же хожу.

А теперь я обращаюсь къ вамъ съ просьбой. Вы знаете, какъ мнѣ иногда трудно давалась рѣшимость войти съ вами въ сношеніе, но я продолжалъ добиваться. И вы не унывайте и дѣйствуйте такъ, какъ если бы всѣ средства общенія были у васъ въ рукахъ. Не допускайте сомнѣній, ибо когда вы сомнѣваетесь, вы притягиваете меня къ землѣ, вызывая во мнѣ желаніе помочь вамъ. А это также нехорошо, какъ горевать объ умершихъ.

Письмо VIII.

Желѣзные тиски матеріи.

У человѣка, перешедшаго въ „невидимый“ міръ, появляется внезапное воспоминаніе о землѣ

„О, говоритъ онъ, міръ продолжаетъ идти безъ меня! Чего мнѣ не хватаетъ?“

Ему кажется почти дерзостью со стороны міра, что онъ продолжаетъ существовать безъ него. Онъ начинаетъ волноваться. Онъ увѣренъ, что выкинутъ изъ круга временъ, что онъ забытъ, выброшенъ вонъ.

Онъ осматривается кругомъ и не видитъ ничего, кромѣ

спокойныхъ пространствъ четвертаго измѣренія. О, что бы онъ далъ, чтобы снова почувствовать желѣзные тиски матеріи! Подержать что-нибудь существенное въ плотной рукѣ!

Современемъ настроеніе это проходитъ, но настаетъ день, когда оно возвращается съ удвоенной силой. Онъ долженъ выйти изъ этой тонкой, разрѣженной среды въ энергично сопротивляющуюся среду плотной матеріи. Но какъ это сдѣлать?

А, онъ вспомнилъ? Всякое дѣйствіе исходитъ изъ памяти. Было бы безразсудно дѣлать этотъ опытъ, если бы онъ уже не продѣлалъ его.

Онъ закрываетъ глаза и ввергаетъ себя въ невидимое. И онъ привлекается къ человѣческой жизни, къ человѣческимъ существамъ, въ напряженныя вибраціи, соединявшія его съ ними. Здѣсь онъ испытываетъ сочувствіе можетъ быть сочувствіе прежнихъ переживаній съ душами, съ которыми онъ снова вступаетъ въ соприкосновеніе, но возможно, что это—лишь сочувствіе настроенія или воображенія. Какъ бы то ни было, онъ выпускаетъ изъ рукъ свое право на свободу и торжествуя теряется въ жизни человѣческихъ существъ.

Черезъ нѣкоторое время онъ пробуждается и съ удивленіемъ смотритъ на твердую почву и круглыя прочныя лица людей. Иногда онъ плачетъ и стремится назадъ. Если у него отбилась охота, онъ можетъ вернуться—чаще всего, чтобы снова начать утомительную погоню за тѣми же тисками матеріи.

Если же онъ упрямъ и съ сильной волей, онъ можетъ остаться и вырости въ человѣка. Онъ даже можетъ увѣрить себя, что его прежняя жизнь въ тонкой субстанціи была лишь сномъ—и дѣйствительно во снѣ онъ возвращается къ ней—и этотъ сонъ преслѣдуетъ его и портитъ его пребываніе въ матеріи.

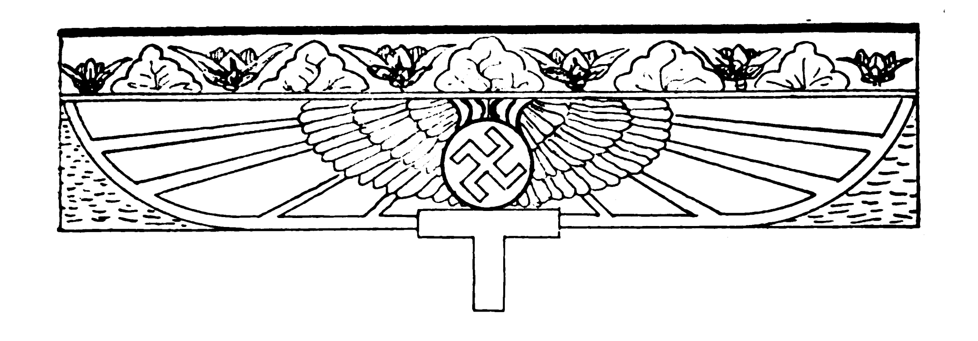
Но проходятъ года и его начинаетъ утомлять матерьяльная борьба: его энергія исчерпана. Онъ возвращается въ область невидимаго и люди снова заявляютъ, что онъ умеръ.

Но онъ не умеръ. Онъ только возвратился туда, откуда пришелъ.

Пер. съ англ. Е. П.

Для просвѣтленнаго прекращается чередованіе и превращенія гунъ, ибо цѣль ихъ достигнута. *Изреч. изъ Іоги Патанджали.*

Прим. Ред. Это мнѣніе мы считаемъ ошибочнымъ. Какъ бы велика не была воля человѣка, онъ не можетъ нарушить законовъ эволюціи.



Обозрѣніе теософической литературы.

Въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ, за неимѣніемъ новыхъ иностранныхъ журналовъ, попытаемся дать общую характеристику теософическихъ журналовъ, издаваемыхъ въ разныхъ странахъ соотвѣтственными секціями Теософическаго О-ва и отдѣльными его членами.

Первенствующее мѣсто среди нихъ занимаетъ органъ главной квартиры Международнаго Теософическаго Общества, *The Theosophist*, издающійся въ Адіарѣ Президентомъ О-ва. Каждый номеръ журнала содержитъ приблизительно 10 листовъ печатнаго матеріала и содержаніе его опредѣляется по тремъ отдѣламъ, озаглавленнымъ: „Братство", „Сравнительное изученіе религій, философіи и науки" и „Оккультизмъ". Эти отдѣлы отвѣчаютъ тремъ основнымъ цѣлямъ Теософическаго Общества и служатъ къ всестороннему освѣщенію ихъ. *The Theosophist* является несомнѣнно самымъ серьезнымъ органомъ, содержащимъ цѣнныя и глубокія статьи по всѣмъ основнымъ вопросамъ духа и онъ еще въ теченіе многихъ десятилѣтій будетъ служить источникомъ знанія для людей, ищущихъ разрѣшенія религіозно философскихъ и научныхъ вопросовъ. Этотъ журналъ пріобрѣтетъ для потомства большую цѣнность еще тѣмъ, что онъ стоитъ на рубежѣ одного изъ самыхъ значительныхъ переломовъ въ міровой исторіи—на поворотѣ отъ матеріализма къ духовности, отъ обособленности къ единенію.

Theosophist (и его предшественникъ, *Lucifer*) отразилъ въ себѣ этотъ кризисъ и, какъ то символизируетъ изображеніе на

его обложкѣ, онъ поднимаетъ высоко надъ міромъ факелъ новой праведной и мудрой жизни.

Большой интересъ журналу придаютъ замѣтки издателя, талантливо и сжато написанныя и отзывающіяся на текущія событія, а обширный библіографическій отдѣлъ держитъ читателя въ курсѣ новинокъ религіозной, философской, научной и художественной литературы.

Другой журналъ, издающійся въ Адіарѣ подъ заглавіемъ „Adyar Bulletin" обслуживаетъ, главнымъ образомъ, теософическіе центры въ разныхъ странахъ, не сформировавшіеся еще въ отдѣлы, но служитъ звеномъ между ними и главной квартирой. Это небольшой журнальчикъ, отражающій мѣстную теософическую жизнь и содержащій статьи и лекціи лидеровъ движенія. Въ немъ есть и художественный отдѣлъ. За послѣднее время онъ заключалъ разсказы многихъ теософовъ, въ большинствѣ случаевъ видныхъ дѣятелей о томъ, какъ и почему они вступили въ Теософическое О-во.

Третье повременное изданіе, выходящее подъ руководствомъ А. Безантъ, *The Young Citizen* (Молодой Гражданинъ), предназначенъ для юношества. Цѣль его—зажечь въ молодежи любовь къ идеалу, стремленіе къ чистой, прекрасной жизни, посвященной безкорыстному служенію родинѣ и міру. Въ виду этого, журналъ содержитъ жизнеописанія великихъ существъ, осѣнявшихъ міръ благостью своего присутствія, великихъ идеалистовъ, не пожалѣвшихъ себя ради идеи, людей своимъ нравственнымъ и физическимъ мученичествомъ утвердившихъ и обезпечившихъ прогрессъ и счастье міра.

Отмѣтимъ мимоходомъ двѣ большія политическія газеты: „*The Commonweal*" (Общее благо) и „*New India*" (Новая Индія), издаваемыя А. Безантъ, но не будемъ останавливаться на нихъ, въ виду того, что онѣ не являются спеціально теософическими органами.

Индія богата еще двумя теософическими изданіями: органомъ индуской секціи: *Theosophy in India*, издаваемымъ въ Бенаресѣ, и органомъ Теософическаго О-ва въ Бирмѣ, имѣющаго свою главную квартиру въ Рангунѣ, озаглавленнымъ *The Message of Theosophy*, (Ученіе Теософіи).

Theosophy in India—небольшой журналъ по объему, но онъ цѣненъ для людей, занимающихся сравнительнымъ изученіемъ религіи, такъ какъ содержитъ цѣлый рядъ статей по восточнымъ религіямъ, написанныхъ, очевидно, людьми, принадлежа-

щими къ даннымъ религіямъ и основательно ихъ изучившими. Помимо статей по общимъ вопросамъ мы находимъ въ журналѣ и отраженіе мѣстной теософической жизни.

The Message of Theosophy. Въ тоненькихъ, голубенькихъ книжкахъ этого журнала обращаетъ на себя вниманіе одна черта, выражаемая непереводимымъ въ точномъ его смыслѣ словомъ *devotion*—благоговѣйной преданностью, сказали бы мы—благоговѣніемъ передъ всѣмъ чистымъ, высокимъ, самоотверженнымъ, умѣньемъ преклониться передъ величіемъ, что съ такимъ трудомъ дается намъ, молодымъ европейцамъ, захлебнувшимся въ своихъ иллюзорныхъ знаніяхъ и въ своихъ иллюзорныхъ умствованіяхъ. Но народы, умудренные многовѣковымъ духовнымъ опытомъ, возвращаются къ дѣтской чистотѣ вопріятій и знаютъ, что познать Бога въ себѣ можно лишь поклонившись Ему въ другихъ. Въ этомъ журналѣ такъ и сквозитъ эта мудрая, дѣтская душа народа, такъ хорошо описанная Фильдингомъ въ его книгѣ [1]).

Перейдемъ теперь къ европейскимъ секціямъ и посмотримъ, какими органами печати онѣ обслуживаются.

По многочисленности первое мѣсто среди нихъ занимаетъ англійская секція, имѣющая свой спеціальный органъ, именуемый *Vahan*'омъ (Проводникъ). Журналъ этотъ имѣетъ, главнымъ образомъ, освѣдомительный характеръ и отражаетъ всю жизнь Теософическаго О-ва въ Англіи. Въ немъ помѣщается за мѣсяцъ впередъ списокъ всѣхъ собраній въ отдѣлахъ и публичныхъ лекцій. Подсчитавъ ихъ въ первомъ номерѣ, который попался намъ подъ руку, мы получили цифру 190 и это въ военное время, когда дѣятельность нѣсколько сократилась, за отсутствіемъ нѣкоторыхъ работниковъ. Страницы *Vahan'a* являются также ареной принципіальныхъ обсужденій методовъ работы и разныхъ вопросовъ, назрѣвающихъ въ движеніи. Есть и статьи по философскимъ и инымъ вопросамъ, но не длинныя. Въ общемъ, журналъ носитъ характеръ дѣловитаго органа съ отпечаткомъ той точности, сосредоточенной силы и отчетливости, которыя составляютъ отличительную черту теософической работы въ Англіи.

На другомъ полюсѣ теософической жизни, стоитъ журналъ *The Path* (Путь), издаваемый въ Лондонѣ членомъ Теософическаго О-ва, г. Денлопомъ. Онъ является выразителемъ чисто-

---

[1]) „Душа одного народа"—Фильдингъ.



философской, отвлеченной мысли, отгородившейся отъ всякой организаціи, группировки на физическомъ планѣ. Онъ проповѣдуетъ братство во всей его широтѣ, стремясь вмѣстѣ съ тѣмъ и къ равенству, въ смыслѣ уравненія цѣнностей, т. е. приниженія до нѣкоторой степени высшихъ цѣнностей и нѣсколько искусственнаго поднятія до нихъ низшихъ. Журналъ этотъ читается съ величайшимъ интересомъ, такъ какъ онъ содержитъ всегда смѣлыя, оригинальныя мысли, опережающія шаблонъ и, хотя со многими изъ нихъ и не соглашаешься, онѣ всегда даютъ матеріалъ для серьезнаго размышленія. Мы, пожалуй, не ошибемся, если назовемъ *The Path* выразителемъ новаго *типа* мышленія, стремящагося соединить науку съ метафизикой и объяснить одну другой. Это новое мышленіе безстрашно, горделиво, иногда парадоксально, блестяще и цѣнно какъ новый плугъ, по-новому вспахивающій старое поле. *The Path* также является въ своемъ родѣ верстовымъ столбомъ на распутіи двухъ эпохъ, указывающимъ на новую, можетъ быть и окольную и ухабистую дорогу, но необходимую въ общей экономіи эволюціи человѣческаго духа.

В. Пушкина.

Начало упражненія въ сосредоточенности называется Крія - Іога и состоитъ въ отреченіи, углубленіи и отдачи Единому всѣхъ плодовъ дѣятельности.

Препятствіями и причинами страданія являются пять: невѣдѣніе, самость, желаніе и привязанность къ вещамъ, отвращеніе отъ жизни или привязанность къ ней.

Невѣдѣніе есть источникъ разсѣянности, которая является или въ состояніи скрытомъ, или въ вполнѣ раскрытомъ своемъ видѣ, легкой или огромной преградой.

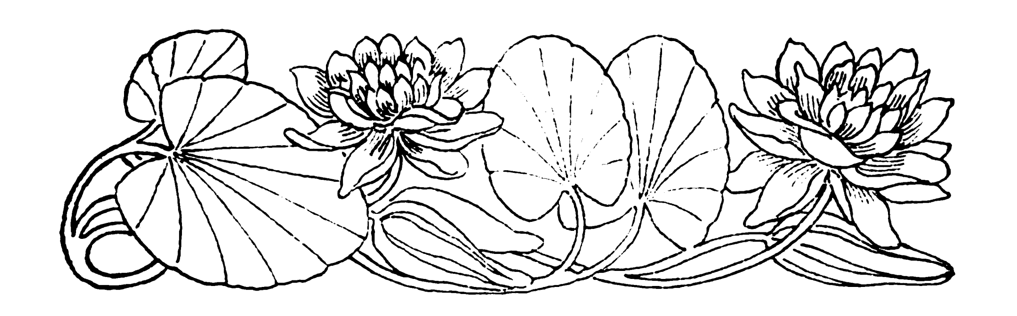
Невѣдѣніе состоитъ въ томъ, что мы принимаемъ временное, нечистое, дурное и ничего общаго не имѣющее съ «Божественнымъ Я» за вѣчное, чистое, благое и за самую суть духа.

Ощущеніе бытія состоитъ въ смѣшеніи или отождествленіи силы познающей съ орудіемъ познанія.

Сильное желаніе жить, постоянно себя само питающее и являющееся у всѣхъ, даже у самыхъ просвѣщенныхъ, есть привязанность.

Непремѣннымъ слѣдствіемъ добродѣтельнаго поступка является счастье; слѣдствіемъ порока—страданіе.

Изреч. изъ Іоги Патанджали.



Хроника Теософическаго движенія.

———

═══ Въ Англіи образовался большой женскій Отрядъ волонтерокъ отъ 18—40 лѣтъ, которыя поставили себѣ цѣлью приносить посильную помощь на полѣ сраженія и дома всѣмъ нуждающимся. Вступающія въ него изучаютъ уходъ за больными, первую помощь раненымъ, кулинарное искусство, шитье, всѣ хозяйственныя работы и системы различныхъ сигнализацій. Лѣтомъ этотъ отрядъ будетъ устраивать лагери въ полѣ и въ лѣсу, чтобы дать возможность отдыха усталымъ воинамъ и работникамъ. Женщины всѣхъ классовъ и профессій вступаютъ въ эти полки и каждый городъ Англіи стремится со временемъ къ нему примкнуть, такъ что образуется огромный самостоятельный женскій союзъ на помощь всей странѣ. Многіе члены Т. О-ва въ Англіи уже къ нему примкнули.

Интересно, что въ настоящее время серьезно занялись въ Англіи изученіемъ вегетаріанскаго дѣла, такъ какъ мясо сильно вздорожало, а овощи, плоды и молочные продукты общедоступны. Въ Англіи открываются народныя вегетаріанскія столовыя, которыя вѣроятно сыграютъ большую роль въ скоромъ будущемъ,

═══ Орденъ Служенія при Т. О-вѣ въ Англіи взялъ на себя снабженіе книгами и журналами больницы и лазареты. За послѣднія недѣли уже выдано и разослано больше 50.000 книгъ.

Нѣкоторые члены взяли на себя безплатную раздачу книгъ всѣмъ желающимъ и ежедневно публикуютъ въ газетахъ объявленіе объ этомъ, такъ какъ въ настоящее время особенно сильно сказываются исканія духовныя.

═══ Въ Харрогетѣ, одномъ изъ старѣйшихъ и важнѣйшихъ ан-

глійскихъ центровъ, Т. О-во взяло на себя попеченіе о бѣглецахъ бельгійцахъ.

Составился организаціонный Комитетъ, приготовили квартиры, организовали обѣды, раздачу одежды и устроили Бюро труда, которое пріискиваетъ нуждающимся работу. Кромѣ того, устроенъ для нихъ Клубъ, который выписываетъ бельгійскіе книги и журналы, имѣетъ читальню, залу съ роялемъ и столовую. Для дѣтей устраиваются игры и развлеченія. Всѣ услуги бельгійцамъ оказываются безплатно, включая сюда и помощь врачебная и лекарства, а театры открыли 250 безплатныхъ мѣстъ. Крестьяне и рабочіе участвуютъ въ общемъ дѣлѣ, взявъ на себя безплатно чистку квартиръ и всевозможныя услуги. Всѣмъ завѣдуетъ Комитетъ, составленный членами Т. О-ва, которые отдаютъ все свое время и силы дѣлу братской помощи. Кромѣ матеріальныхъ заботъ, они взяли также на себя и помощь знаніями. Устраиваются безплатные классы и курсы языковъ и музыки, концерты, чтенія и бесѣды. Секретарь Комитета, Г. Поуэль, призываетъ членовъ другихъ городовъ образовывать такія-же братскія организаціи на помощь всѣмъ изгнанникамъ.

═══ При Т. О-вѣ въ Лондонѣ образовался новый Кружокъ, назвавшій себя Теософическимъ Форумомъ. Цѣль его—открыть широкое поле для всесторонняго обсужденія вопросовъ, выдвигаемыхъ жизнью. Онъ будетъ собираться дважды въ мѣсяцъ. Предсѣдателемъ его избранъ г. Дэнлопъ.

═══ При Т. О-вѣ въ Лондонѣ леди Э. Льютенсъ образовала Комитетъ помощи Индусскимъ войскамъ. Собираютъ деньги, подарки и въ особенности теплую одежду.

═══ Въ Америкѣ образовался Союзъ теософическихъ центровъ области Великихъ Озеръ. Недавно былъ первый съѣздъ Союза, на который пріѣхало нѣсколько сотъ членовъ со всѣхъ концовъ Америки. Съѣздъ длился 3 дня.

═══ Г. Роджеръ и г. Куперъ читаютъ рядъ публичныхъ лекцій въ Америкѣ, причемъ каждый изъ нихъ объѣзжаетъ часть старыхъ центровъ и подготовляетъ открытіе новыхъ. Передъ пріѣздомъ лектора членъ Т. О-ва, г. Гамптомъ, является въ новый городъ, нанимаетъ залъ, разсылаетъ объявленія, входитъ въ сношеніе съ журналистами, помѣщаетъ рядъ замѣтокъ о предстоящей лекціи, и такъ подготовляетъ ниву для лектора въ каждомъ городѣ. Если лекція прошла удачно, то немедленно устраиваются курсы по Теософіи для желающихъ. Если оказывается группа серьезно заинтересованныхъ слушателей, желаю-

щихъ примкнуть къ Т. О-у, естественно рождается теософическій кружокъ. Г. Роджеръ говоритъ, что въ среднемъ записывается около 70 человѣкъ на такіе курсы. (Въ Цинцинати записалось 111 человѣкъ). Такимъ образомъ, во многихъ городахъ образуются новые теософическіе центры.

═══ Члены Теософическаго Общества во Франціи, Бельгіи и Англіи работаютъ совмѣстно въ госпиталяхъ и полевыхъ лазаретахъ, устроенныхъ докторомъ г. Гаденъ-Гест'омъ, представителемъ Т. О-ва въ Англіи. Среди нихъ работаютъ извѣстные дѣятели г. и г-жа Вайтъ, организовавшіе орденъ Круглаго Стола въ Англіи, представитель той же организаціи во Франціи и Испаніи, г. ванъ-Марлэ, наша соотечественница, И. В. Манціарли, предсѣдательница кружка Е. П. Блаватской въ Парижѣ, и обѣ г-жи Блекъ (Е. и З. Блекъ), сестры представителя Т. О-ва во Франціи, Ш Блек'а, нынѣ сражающагося въ рядахъ французской арміи.

═══ Рабочій сезонъ 1914 г. закончился въ Петроградѣ, 19 декабря, общимъ собраніемъ, на которомъ былъ прочитанъ докладъ А. Каменской: „О благомъ Законѣ“.

═══ 22 декабря, А. Каменская, предсѣдательница Р. Т. О-ва, повторила этотъ докладъ въ собраніи Калужскаго Отдѣла.

═══ 27 декабря, А. Пагосская устроила въ Калугѣ выставку кустарныхъ издѣлій и сдѣлала сообщеніе „О значеніи и исторіи кустарнаго дѣла въ Россіи“.

═══ 2 января 1915 г., состоялось первое сего года общее собраніе членовъ Калужскаго Отдѣла Р. Т. О-ва. А. Каменская сдѣлала докладъ объ Индіи и о духовномъ обликѣ Индусскаго народа. Помѣщеніе Отдѣла было убрано Индусскими тканями и вышивками. Вторая часть вечера была посвящена концерту устроенному А. Унковской.

═══ 4 января с. г., состоялось общее собраніе Московскаго Отдѣла Р. Т. О-а въ помѣщеніи Отдѣла (Б. Успенскій пер., д. № 8). Предсѣдательницей Р. Т. О-а А. Каменской, былъ прочитанъ докладъ: „О благомъ Законѣ“. За докладомъ послѣдовали оживленныя пренія.

═══ 7 января состоялось первое общее собраніе с. г. Р. Т. О-а въ Петроградѣ. Предсѣдательница А. Каменская сдѣлала очеркъ издательской дѣятельности за минувшее семилѣтіе. Ц. Л. Гельмбольдтъ сдѣлала съ своей стороны дополнительный докладъ, указавъ на значеніе „Вѣстника Теософіи“.

Вечеръ закончился концертомъ. Alba.



Волны вѣчности въ русской художественной литературѣ. Изданіе Кіевскаго религіозно-философскаго Общества. Кіевъ. 1914 г. 520 стр., ц. 2 р. 25 к.

Сборникъ стихотвореній и небольшихъ прозаическихъ отрывковъ русскихъ писателей отъ Ломоносова до современныхъ авторовъ. Онъ подраздѣляется на нѣсколько отдѣловъ: Невыразимое. Вѣчность... Взыскующіе града. Богъ... Молитва... Вѣчная женственность. Природа.. Христосъ. Божья Матерь... Жизнь. Смерть... Послѣднія времена. Вѣчная жизнь.

Въ предисловіи говорится, что эту книгу «слѣдовало бы назвать книгой о Богѣ». Но она отличается отъ другихъ книгъ на ту же тему тѣмъ, что въ собранномъ здѣсь матеріалѣ меньше мѣста отводится работѣ интеллекта, «предметопониманію», а больше интуиціи, «предметоощущенію», такъ какъ въ минуты творческаго подъема душа автора соприкасается «съ міромъ вѣчнаго бытія», особенно въ поэзіи.

Когда читаешь эту книгу, спокойно и радостно становится на душѣ. Можно согласиться или возражать противъ группировки отдѣловъ или выбора авторовъ и ихъ произведеній; но все это будетъ субъективно. Каждая душа найдетъ въ ней тѣ ноты, на которыя отвѣтитъ всѣмъ своимъ сердцемъ. Одни найдутъ одно, другіе—другое.

И странно и радостно видѣть на однѣхъ и тѣхъ же страницахъ отрывки изъ св. Димитрія Ростовскаго и Щедрина; Ломоносова, Державина, Хомякова и Бальтрушайтиса, Ал. Блока, Вяч. Иванова. Вопль души въ поискахъ вѣчной Правды звучалъ всегда и вездѣ и будетъ еще долго звучать. И хорошо тѣмъ, которые ищутъ Ее, время отъ времени думать о тѣхъ, кто уже шелъ этой дорогой. Читая ихъ произведенія, невольно за внѣшней оболочкой—словами соприкасаешься съ душою автора въ моменты ея благоговѣйнаго подъема къ Предвѣчному, и безсознательно участвуешь въ вѣчной великой мистеріи Духа.

Голосъ Бога звучитъ надъ міромъ, не переставая, и счастливы тѣ, кто ловитъ искры Его въ минуты творческаго вдохновенія и дѣлится ими съ нами. Наше дѣло углубленно и радостно принять даръ ихъ и смиренно въ глубинѣ сердца понять истинную цѣнность ихъ. И зачерпнувъ изъ этого источника, легче продолжать дальше дѣло служенія міру—устремленіе къ Вѣчному Немеркнувшему Свѣту.

Д. Марковъ. **Искусство острова Пасхи**, съ 22 иллюстраціями. Спб. Изданіе О-ва художниковъ «Союзъ Молодежи». 44 стр., ц. 50 к.

Коротенькое описаніе О-ва Пасхи и его населенія, а также появленіе здѣсь европейцевъ и исторія ихъ отношеній съ туземцами. Большую часть книги занимаетъ разсматриваніе памятниковъ искусства, идущаго изъ доисторическихъ временъ и принадлежавшаго, видимо, иной цивилизаціи. Гигантскія статуи, достигавшія коллосальныхъ размѣровъ (шапка одной имѣетъ въ обхватѣ 6,5 метровъ и 3,3 метра высоты), всѣхъ видовъ, сохранившіяся, полуразрушенныя и разрушенныя; подземныя мастерскія съ начатыми фигурами; изображенія боговъ, людей и животныхъ; остатки живописи; остатки подземныхъ храмовъ и жилищъ, и наконецъ многочисленные остатки своеобразной письменности—все это еще ждетъ своихъ изслѣдователей.

Е. П. Блаватская упоминаетъ объ этомъ островѣ въ «Тайной Доктринѣ», цитируя одного автора (стр. 26 русск. изд. «Эволюція Символизма»): «Острова Пасхи среди Тихаго Океана являются, повидимому, послѣдними остатками горныхъ вершинъ, принадлежавшихъ погрузившемуся въ волны материку, т. к. эти вершины покрыты циклопическими статуями, памятниками цивилизаціи многочисленнаго и просвѣщеннаго народа, очевидно занимавшаго очень большое пространство. На обратной сторонѣ этихъ статуй мы находимъ «Grux ansata» и видоизмѣненіе того же креста, являющаго контуры человѣческой формы».

А въ книжечкѣ Маркова авторъ цитируетъ статью проф. Л. Бреннера, напечатанную въ «Вокругъ Свѣта» отъ 8 дек. 1913 г. «Вѣроятно островъ есть только остатокъ большого материка, нѣкогда потонувшаго въ океанѣ, подобно Атлантидѣ... Сооруженіямъ, воздвигнутымъ въ Тіагуанако, можно дать добрыхъ 6.000—10.000 лѣтъ и памятники на островѣ Рапа-Нуи, по всей вѣроятности, такого же возраста. И Атлантида, можетъ быть, потонула въ то же самое время».

Къ книжечкѣ приложенъ небольшой библіографическій указатель вопроса.

С. Дурылинъ. Церковь невидимаго града. Сказаніе о Китежѣ. М. 1914. Кн-во «Путь». 67 стр., ц. 50 к.

Авторъ пытается изложить сущность православія — религіознаго сознанія массы простого народа. Оно для него слагается изъ ученія,



вѣрнѣе, почитанія св. Софіи, Христа, Богоматери и Церкви. «Ученіе о Св. Софіи является подлинной душой православія, какъ Христосъ—его разумомъ, а Матерь Божія—сердцемъ. Попутно онъ касается взглядовъ славянофиловъ, Вл. Соловьева, Достоевскаго, съ одной стороны, Мережковскаго, Розанова, какъ представителей современной интеллигенціи, съ другой и, наконецъ, взглядовъ раскольниковъ и сектантовъ, главнымъ образомъ, на церковь. Всѣ они отмѣчали несовершенство современныхъ церковныхъ формъ и недостаточную высоту жизни представителей церкви. Тоска по идеальной церкви вылилась въ трогательныя сказанія о невидимомъ градѣ Китежѣ и о церкви въ далекомъ Бѣловодьѣ, въ Опоньскомъ государствѣ. Суть этихъ сказаній въ тяготѣніи души къ высшему и въ сознаніи непрерывнаго общенія земной и небесной церкви. Это выразилось въ многовѣковомъ ежегодномъ паломничествѣ къ берегамъ озера Свѣтлояра и постоянныхъ путешествіяхъ въ глубины Азіи за поисками свѣтлаго Бѣловодья нашихъ раскольниковъ. Одно изъ такихъ путешествій относится къ 1898 г., когда казаки-раскольники дошли до рѣки Камбоджа (Индокитай).

Раскольники и сектанты ушли отъ видимой церкви, ищутъ; но безъ формы и они жить не могутъ и пытаются нѣчто создать, отесываютъ камни, но рискуютъ, что камни «окажутся непригодными для постройки храма и отвергнетъ ихъ Архитекторъ. Пропадутъ даромъ труды, и вмѣсто храма будетъ куча отесанныхъ камней».

Но «народная душа жаждала и жаждетъ бытія въ Церкви и мыслитъ свое бытіе какъ пребываніе въ церкви видимой и непрестанное общеніе съ Церковью Невидимой — въ молитвѣ и вѣрѣ». И для него видимая церковь существуетъ, несмотря ни на что. Она вытекаетъ изъ обѣтованія Христа и изъ опыта первыхъ лѣтъ Церкви Его, когда къ дѣлу новаго строительства были привлечены люди простые, со многими несовершенствами и грѣхами, а праведные фарисеи были отвергнуты. И залогомъ жизненности видимой церкви являются такія лица, какъ св. Серафимъ Саровскій. Пока возможно подобное явленіе плюсъ безыскусственная вѣра простого мужика—есть уже «двое или трое, собранные во имя Мое». «Современная Церковь земная, какъ Возлюбленная Христа, какъ чистая Его Невѣста и есть «душа неизглаголаннаго дѣвства», св. Софія, «неимуща скверны или порока или нѣчто отъ таковыхъ», «Міровая душа и душа всего человѣчества... «Народный плачъ о Церкви утѣшитъ лишь Женихъ—Христосъ: Онъ исцѣлитъ Невѣсту свою, какъ отроковицу Іаира.

Несмотря на нѣкоторую нетерпимость и исключительность книга читается съ большимъ интересомъ. Она проникнута серьезнымъ и глубокимъ исканіемъ Правды, стремленіемъ оторваться отъ принятыхъ

современнымъ сознаніемъ формъ мышленія и слиться съ цѣльно-живущею душою народа и его міропониманіемъ. Но, критикуя критиковъ Церкви, авторъ самъ идетъ по ихъ же пути и въ пріемахъ и въ выводахъ. Ученіе о «Міровой Душѣ» существуетъ давно, но не пользуется распространеніемъ и господствомъ.

Къ книгѣ приложенъ списокъ книгъ и статей, касающихся сказаній о градѣ Китежѣ.

М. Гарденина.

Свящ. Павелъ Флоренскій. Столпъ и утвержденіе Истины. Опытъ православной Ѳеодицеи въ 12 письмахъ. Москва. К-во «Путь». 1914. Ц. 3 р. 50 к.

«Медъ густой и пахучій», молвилъ В. В. Розановъ, привѣтствуя появленіе книги о. П. Флоренскаго.—Воистину медъ сладостный, собранный на благоуханныхъ цвѣтахъ православія. Сладостный, но невластный насытить алчущую душу; ибо это трудъ, исполненный недомолвокъ; сіяющій нѣжнымъ лиризмомъ, но во многихъ вопросахъ освѣщенный односторонне; чрезвычайно богатый матеріалами, но приводимая имъ библіографія зачастую весьма неполна и взята безъ разбора.

Одна изъ лучшихъ—статья «О Дружбѣ», мистическомъ бракѣ душъ, въ основѣ коего—Sacramentum Caritatis (слова бл. Августина); «Дружба—созерцаніе Себя черезъ Друга въ Богѣ»; упраздненный нынѣ Церковью древній чинъ братотворенія (обрядъ побратимства искони былъ и понынѣ сохранился почти у всѣхъ племенъ и народовъ, дикихъ и цивилизованныхъ) утверждался на ея непреложной святынѣ.—Разборъ 4-хъ греч. глаголовъ, 4-хъ оттѣнковъ любви въ Св. Писаніи, принадлежитъ къ лучшимъ страницамъ книги (стр. 396—412).

Въ статьѣ о Троичности и Тріединствѣ авторъ обнаруживаетъ, къ сожалѣнію, слишкомъ одностороннее знакомство съ этой идеей въ ея проявленіи внѣ христіанства (въ др. Египтѣ, въ Индіи), слишкомъ поспѣшно повторяя мнѣнія de la Grasserie («у Брамы-Вишну-Шивы тройственность только внѣшняя») и А. Введенскаго, голословныя и вызванныя религіозной нетерпимостью и фанатизмомъ.

Въ письмахъ объ «Утѣшителѣ» и о «Софіи» авторъ оговаривается: вопросъ о Духѣ Св. скудно выраженъ въ патристической литературѣ («Духъ Св.—сокрытая Тайна», «вещь несказанная»—по словамъ Семеона Нов. Богосл.). Неразграниченность идей Духа Св. и Софіи Прем. Б.—отчасти же и ихъ обоихъ отъ Логоса—явленіе, бросающееся въ глаза. Мистики позднѣйшихъ временъ... смѣшивали Духа съ Софіей[1]). У Гри-

---

[1]) Что отразилось и въ церковномъ искусствѣ. Сл. Н. Покровскій, Евангеліе въ памятникахъ иконографіи, СПб., 1892, стр. XXXV—VI. *А. В.*



горія Нисскаго Духъ Св.—Царство Божіе; по его свидѣтельству Молитва Господня (въ Древн. XI, 2) имѣла разночтеніе: «да пріидетъ (вм. царствіе Твое) Св. Духъ Твой на насъ и да очиститъ насъ».

Въ отдѣлѣ «Разъясненіе и доказательство» отмѣтимъ статьи: «Сердце и его значеніе въ духовной жизни человѣка по ученію Слова Божія», «Икона Благовѣщенія съ космическою символикою»; Бирюзовое окруженіе Софіи и символика голубого и синяго цвѣта»; «Гомотипія въ устройствѣ человѣческаго тѣла» и пр.—Въ дополненіе къ переименованнымъ статьямъ, совѣтуемъ теософамъ со вниманіемъ перечитать въ Тайной Доктринѣ (указываю по франц. изд.) т. II. стр. 297 слѣд., т. VI, стр. 136—91, 204—18, 241—2, 282—7, 295.

Книга о. П. Флоренскаго не вмѣстима въ тѣсные предѣлы обычной рецензіи; поневолѣ ограничиваемся сказаннымъ для примѣра.

W.



Редакторъ **Ц. Л. Гельмбольдтъ**. Издательница **А. А. Каменская**.


Digitized by Google




Digitized by Google

Печат. разрѣш. 10 декабря 1914 г. За Петрогр. Градонач. Помощн. Градонач. Камергеръ *Лысогорскій.*

баттареи Клэмонда. Универсальный эфиръ не можетъ быть мягкимъ и подвижнымъ для удовольствія химика и твердо-эластичнымъ для удовлетворенія физика; эфиръ не можетъ быть непрерывнымъ по командѣ сэра Вильяма Томсона и прерывающимся по предложенію Коши или Френеля.

Можно также привести слова извѣстнаго физика Гирна, говорящаго то же самое въ 43 томѣ *Мемуаровъ Королевской Бельгійской Академіи.*

(Мы переводимъ съ французскаго): Когда знакомишься съ увѣренностью, съ какой въ настоящее время устанавливаются доктрины, приписывающія всю коллективную универсальность феноменовъ однимъ движеніямъ атома, имѣешь право ожидать подобное же единодушіе по отношенію къ качествамъ, предписываемымъ единому существу, основѣ всего, что существуетъ. Между тѣмъ уже при первомъ изслѣдованіи данныхъ предложенныхъ системъ, приходишь къ странному разочарованію. Оказывается, что атомъ химика, атомъ физика, атомъ метафизика и атомъ математика не имѣютъ между собой ничего общаго, кромѣ названія. Неизбѣжнымъ результатомъ является существующее подраздѣленіе нашихъ наукъ и каждая въ своемъ собственномъ маленькомъ скворешникѣ строитъ атомъ, удовлетворяющій требованія тѣхъ феноменовъ, которые эта наука изучаетъ, нисколько не заботясь о требованіяхъ, предъявляемыхъ къ атому въ сосѣднемъ скворешникѣ. Метафизикъ изгоняетъ принципы притяженія и отталкиванія, какъ фантазію, математикъ, который анализируетъ законы эластичности и законы распространенія свѣта, принимаетъ ихъ какъ нѣчто, не требующее доказательствъ. Химикъ не можетъ объяснить группировку атомовъ въ его, часто сложныхъ молекулахъ, не приписывая своимъ атомамъ специфическихъ отличительныхъ свойствъ; для физика и метафизика, которые являются сторонниками современныхъ доктринъ, атомъ напротивъ того всегда и вездѣ остается тѣмъ же. Что я говорю? Нѣтъ согласія даже въ одной и той же наукѣ относительно свойствъ атома. Каждый строитъ атомъ соотвѣтственно своей фантазіи, съ цѣлью объяснить специальные феномены, которыми онъ особенно заинтересованъ [1]).

---

[1]) Concept. of Modern Physics, стр XI, XII, введ. ко 2 стр.

[1]) **Экспериментальныя изслѣдованія объ отношеніяхъ, существующихъ между сопротивленіемъ воздуха и его температурой, стр. 68 пер. изъ цитаты Сталло.**



Все вышеизложенное есть фотографически правильное изображеніе современной науки и физики. Преднамѣренность этой непрерывной игры „научнаго воображенія", которое такъ часто встрѣчается въ краснорѣчивыхъ разсужденіяхъ профессора Тиндалля, очень ясно видна, какъ это показываетъ Сталло, и по своей противорѣчивости и разнообразію научная игра далеко оставляетъ за собой „фантазіи" оккультизма. Но какъ бы это ни было, если физическія теоріи безспорно „только простыя формальныя, объяснительныя, дидактическія системы" и если, пользуясь словами одного критика Сталло „атомизмъ есть только символическая графическая система [1]), тогда нѣтъ никакихъ основаній думать, что оккультистъ беретъ на себя слишкомъ много, когда онъ ставитъ рядомъ съ предположеніями и символическими системами современной науки символы и предположенія архаическихъ ученій.

An lumen sit corpus, nec non?

Нѣтъ, свѣтъ не есть тѣло, говорятъ намъ совершенно опредѣленно. Физическія науки говорятъ, что свѣтъ есть сила, вибрація, волнообразное колебаніе эфира. Это свойство или качество матеріи, или даже ея влеченіе (affection), но ни въ какомъ случаѣ не тѣло.

Совершенно вѣрно. Этимъ открытіемъ, знаніемъ, какая бы ни была его цѣнность, что свѣтъ или тепло не есть движеніе матеріальныхъ частицъ, наука, главнымъ образомъ, если не единственно, обязана сэру Вильяму Грову. Онъ въ лекціи, прочитанной въ Лондонскомъ институтѣ въ 1842 году первый показалъ, что тепло, свѣтъ могутъ быть разсматриваемы, какъ влеченіе (affection) самой матеріи, а не отличнаго отъ нея эфирнаго, невѣсомаго флюида (теперешняго состоянія матеріи), проникающаго ее [2]).

[1]) Изъ критики „Началъ современной физики въ природѣ". См. работу Сталло, XVI стр. введенія.

[2]) Робертъ Уордъ, обсуждая вопросы о теплотѣ и свѣтѣ въ ноябрской книгѣ Journal of Science за 1881 годъ, показываетъ крайнее невѣжество науки относительно одного изъ самыхъ обыкновенныхъ фактовъ природы—теплоты солнца. Онъ говоритъ: „вопросъ о температурѣ солнца былъ предметомъ изслѣдованія многихъ ученыхъ. Ньютонъ, одинъ изъ первыхъ изслѣдователей этой проблемы, старался опредѣлить температуру солнца и послѣ него всѣ ученые, занимавшіеся калориметріей, слѣдовали его примѣру. Всѣ полагали, что достигли удачнаго результата и съ увѣренностью формулировали свои выводы. Дальше въ хронологическомъ порядкѣ ихъ опубликованія помѣщены температуры (по 100° термометру), найденныя каждымъ изъ нихъ.



Однако, возможно, что для нѣкоторыхъ физиковъ- какъ, напримѣръ, для Эрстеда, очень выдающагося ученаго — сила и силы есть въ сущности „Духъ (или Духи) Природы“. Какъ утверждали нѣкоторые довольно мистически настроенные ученые свѣтъ, тепло, магнетизмъ, электричество, тяжесть и пр. не суть конечныя причины видимыхъ феноменовъ, включая планетное движенiе, но сами суть второстепенныя послѣдствiя другихъ причинъ, о которыхъ наука въ наши дни думаетъ очень мало, но въ которыя вѣритъ оккультизмъ; оккультисты выставляли доказательства силы своихъ требованiй во всѣ вѣка. И развѣ былъ вѣкъ, въ которомъ не было бы Оккультистовъ или Адептовъ?

Сэръ Исаакъ Ньютонъ придерживался Пиѳагорейской атомистической теорiи и былъ также склоненъ допускать ея послѣдствiя, что заставляло графа де-Мэстра надѣяться одно время, что Ньютонъ въ концѣ концовъ приведетъ науку опять къ признанiю того факта, что Силы и Небесныя Тѣла приводятся въ движенiе сознанiями. Но де-Мэстръ не учелъ всего. Глубочайшiя мысли и идея Ньютона были извращены и отъ его огромнаго математическаго знанiя была принята во вниманiе только одна физическая шелуха.

Согласно одному атеистическому идеалисту, д-ру Льюинсу:

> Когда сэръ Исаакъ въ 1687 году... показалъ дѣйствiе на массу и атомъ... вложенной въ нихъ активности... онъ, дѣйствительно, покончилъ съ Духомъ, съ Душой и съ Божествомъ, какъ съ излишними и ненужными придатками.

Если бы бѣдный сэръ Исаакъ предвидѣлъ для какой цѣли его преемники и послѣдователи воспользуются его „притяженiемъ“, этотъ набожный и религiозный человѣкъ безъ сомнѣнiя покойно съѣлъ бы свое яблоко и никогда не заикнулся бы ни о какихъ механическихъ идеяхъ, связанныхъ съ его паденiемъ.

Большое презрѣнiе выказывается учеными метафизикамъ

Ньютонъ 1,699,300°, Пулье—1,461°, Тольнеръ—102,200°, Секки—5,344,840°, Эриксонъ—2,726,700°, Физо—7,500°, Уотерстонъ—9,000,000°, Шперенъ—27,000°, Девилль—9,500°, Соре 5,801,846°, Викэръ—1,500°, Розетти—20,000°. Т. е. найденная температура колеблется между 1,400 и 9,000,000, или говоря иначе на 8,998,600°. Въ наукѣ, вѣроятно, не существуетъ болѣе изумительнаго противорѣчiя, чѣмъ то, которое открывается въ этихъ цифрахъ“. И тѣмъ не менѣе, если бы оккультистъ предложилъ свою цифру, всѣ эти господа немедленно запротестовали бы во имя „точной“ науки, и требовали бы, чтобы его вычисленiе было отвергнуто.



вообще и онтологическимъ метафизикамъ особенно. Но какъ только оккультисты дѣлаются достаточно смѣлыми, чтобы поднять головы, имъ удается показать, что матеріалистическая, физическая наука широко пользуется метафизикой *), что ея самыя основныя начала, неразрывно связанныя съ трансцендентализмомъ, тѣмъ не менѣе искажаются и часто игнорируются среди тумана противорѣчивыхъ теорій и гипотезъ, съ цѣлью показать, что наука не имѣетъ ничего общаго съ такими „грезами“.

*) Вышеупомянутая работа Сталло —«Понятія Современной Физики», книга, вызвавшая живѣйшіе протесты и критику, рекомендуется каждому склонному сомнѣваться въ этомъ утвержденіи. «Высказанный анатагонизмъ науки къ метафизической спекуляціи, пишетъ авторъ, привелъ большинство научныхъ спеціалистовъ къ утвержденію того, что методы и результаты эмпирическаго изслѣдованія совершенно независимы отъ контроля законовъ мышленія. Они или молчаливо игнорируютъ или открыто отклоняютъ простѣйшія положенія логики, вымогая законы общей послѣдовательности и... отклоняютъ съ крайней яростью всякое примѣненіе правила совмѣстности къ ихъ гипотезамъ и теоріямъ... и они разсматриваютъ изслѣдованіе ихъ... въ свѣтѣ этихъ законовъ какъ дерзкое вторженіе апріорныхъ принциповъ и методовъ въ область эмпирической науки. Лица такого склада ума не находятъ труднымъ признавать того, что атомы абсолютно инертны и въ то же время совершенно эластичны; или утверждать, что физическая вселенная въ своемъ послѣднемъ анализѣ распадается на «мертвую» матерію и движеніе, и въ то же время отрицать, что вся физическая энергія въ дѣйствительности кинетична, или заявлять, что всѣ феноменальныя различія въ объективномъ мірѣ обязаны своимъ происхожденіемъ различнымъ видамъ движенія абсолютно простыхъ матеріальныхъ единицъ и тѣмъ не менѣе отклонять предположеніе, что эти единицы равны (стр. XIX). Слѣпота наиболѣе выдающихся физиковъ по отношенію къ самымъ очевиднымъ выводамъ изъ ихъ теорій совершенно чудесна. Когда проф. Тэтъ вмѣстѣ съ проф. Стюартомъ заявляетъ, что «матерія просто пассивна». (Невидимая Вселенная, от. 104), и затѣмъ вмѣстѣ съ сэромъ Вильямомъ Томсономъ заявляетъ, что матерія имѣетъ вложенную въ нее силу сопротивленія внѣшнимъ вліяніямъ (Treat. on Nat. Phil. vol I. sec. 216).

Едва ли будетъ послѣ этого дерзкимъ спросить, какимъ образомъ можно примирить эти утвержденія. И когда проф. Дю-Буа Раймондъ... настаиваетъ на необходимости сведенія всѣхъ естествен-

ныхъ процессовъ къ движенію вещественныхъ индифферентныхъ субстратовъ, вполнѣ лишенныхъ качествъ, (Ueber die Grenzen des Naturerkennens, p. 5), заявивъ незадолго передъ тѣмъ въ той же самой лекціи, что сведеніе всѣхъ измѣненій въ матеріальномъ мірѣ къ движенію атомовъ, причиняемому постоянными центральными силами, было бы завершеніемъ естественной науки», тогда мы приходимъ въ затрудненіе, изъ котораго имѣемъ право быть выведенными (пред. xiiii).

Это подтверждается тѣмъ фактомъ, что наука оказывается абсолютно вынужденной принять „гипотетическій" эфиръ и попробовать объяснить его на матеріалистической почвѣ атомомеханическихъ законовъ. Эта попытка повела къ самымъ фатальнымъ противорѣчіямъ и кореннымъ несовмѣстимостямъ между предположенной природой эфира и его физическими свойствами. Второе доказательство можно найти во многочисленныхъ противорѣчивыхъ утвержденіяхъ по поводу атома—представляющаго собой самый метафизическій объектъ въ твореніи.

Но что же собственно современная физическая наука знаетъ объ эфирѣ, первое понятіе о которомъ безспорно принадлежитъ древнимъ философамъ, такъ какъ греки заимствовали его у Арійцевъ: происходя отъ Акаши, эфиръ представляетъ собою его искаженную форму. Это искаженіе считается видоизмѣненіемъ и утонченіемъ идеи Лукреція. Разсмотримъ теперь современныя воззрѣнія на эфиръ, заключающіяся въ нѣсколькихъ научныхъ книгахъ, содержащихъ то, что допускаютъ современные физики.

Какъ указываетъ Сталло существованіе эфира принимается въ физической астрономіи, въ обыкновенной физикѣ и въ химіи.

Астрономы первоначально разсматривали этотъ эфиръ, какъ жидкость необыкновенной тонкости и подвижности, не представляющую никакого ощутимаго сопротивленія движеніямъ небесныхъ тѣлъ и вопросъ о его непрерывности или прерываемости даже и не разбирался. Его главное назначеніе въ современной астрономіи было служить основаніемъ для гидродинамическихъ теорій тяготѣнія. Въ физикѣ эта жидкость являлась въ теченіе нѣкотораго времени въ различныхъ роляхъ въ соединеніе съ невѣсомыми (съ которыми такъ жестоко покончилъ сэръ Вильямъ Гровъ), при чемъ нѣкоторые физики шли даже такъ далеко, что отождествляли и эфиръ съ нѣкоторыми изъ невѣсомыхъ [1]).

---

[1]) Stallo, loc. cit. p. X.



Затѣмъ Сталло указываетъ перемѣну, произведенную кинетическими теоріями, именно, что со времени появленія динамической теоріи тепла эфиръ былъ избранъ въ оптикѣ, какъ среда для свѣтовыхъ колебаній. Затѣмъ съ цѣлью объясненія разсѣянія и поляризаціи свѣта, физики принуждены были прибѣгнуть еще разъ къ своему „научному воображенію“ и вмѣстѣ съ тѣмъ надарить эфиръ (а) атомнымъ или молекулярнымъ строеніемъ и (б) огромной эластичностью, „такъ что его сопротивленіе измѣненію формы значительно превосходило сопротивленіе самыхъ твердыхъ эластическихъ тѣлъ“. Изъ этого вытекала необходимость теоріи, что матерія въ самой своей сути прерываема, что объясняетъ существованіе эфира. Послѣ того какъ была принята эта прерывчатость съ цѣлью объяснить разсѣяніе и поляризацію, была открыта теоретическая невозможность такого разсѣянія. Коши со своимъ „научнымъ воображеніемъ“ видѣлъ въ атомахъ матеріальныя точки безъ протяженія и онъ предлагалъ, съ цѣлью отвратить наиболѣе страшныя препятствія для волнообразной теоріи (именно нѣсколько хорошо извѣстныхъ механическихъ теоремъ, которыя стояли на пути) принять, что эфирная среда распространенія, вмѣсто того, чтобы быть сплошной, состоитъ изъ частицъ, раздѣленныхъ значительнымъ разстояніемъ. Френэль оказываетъ ту же самую услугу явленіямъ поляризаціи. Э. Б. Хентъ опровергаетъ обѣ теоріи [1]). Въ настоящее время есть ученые, которые объявляютъ, что эти теоріи „матеріально обманчивыя“, тогда какъ другіе атомомеханики держатся за нихъ съ отчаяннымъ упорствомъ. Предположеніе объ атомномъ или молекулярномъ составѣ эфира опровергается термодинамикой, такъ какъ Клеркъ Максуэллъ указалъ, что такая среда была бы просто газомъ [2]). Такимъ образомъ гипотеза „опредѣленныхъ интерваловъ“ оказалась безполезной въ качествѣ дополненія къ теоріи волнообразныхъ колебаній. Кромѣ того, затмѣнія не показали такихъ измѣненій цвѣта, какія предполагались Коши, на основаніи предпосылки, что хроматическіе лучи распространяются съ различными скоростями. Астрономія указываетъ и на другія явленія, разбивающія это ученіе.

Такимъ образомъ, когда въ одномъ отдѣлѣ физики атомо-молекулярный составъ эфира принимается для объясненія одного

---

[1]) Silliman's Journal, vol VIII pp. 364 et sq.

[2]) См. Клерка Максуэлля „Трактатъ объ электричествѣ“, сравн. съ очеркомъ „о разсѣяніи свѣта“ Коши.



спеціальнаго ряда явленій, въ другомъ отдѣлѣ такой составъ эфира оказывается противорѣчащимъ цѣлому ряду хорошо установленныхъ фактовъ. И это вполнѣ оправдываетъ то, что сказалъ Гирнъ.

> Химія считала невозможнымъ допустить огромную эластичность эфира, не лишая его тѣхъ качествъ, отъ которыхъ главнымъ образомъ зависитъ его пригодность для построенія химическихъ теорій.

Это кончилось окончательнымъ преображеніемъ эфира.

> Требованія атомо-механической теоріи привели выдающихся математиковъ и физиковъ къ попыткѣ замѣнить традиціонные матеріальные атомы особыми формами вихревыхъ движеній въ универсальной однородной, несжимаемой и сплошной матеріальной средѣ. (Эфиръ) [1]).

Авторъ этой книги, не претендуя на большое научное образованіе и будучи лучше знакомъ съ оккультными знаніями, чѣмъ съ современными теоріями, избираетъ оружіе противъ лицъ, поносящихъ эзотерическое ученіе, въ самомъ арсеналѣ современной науки. Очевидныя противорѣчія, уничтожающія одна другую гипотезы ученыхъ съ міровой извѣстностью, ихъ споры, ихъ взаимныя обвиненія и уличенія ясно показываютъ, что принятыя или нѣтъ оккультныя теоріи имѣютъ такое же право быть выслушанными, какъ всѣ такъ называемыя научныя или академическія гипотезы. Такимъ образомъ, мало значенія имѣетъ, какъ послѣдователи Королевскаго Общества рѣшать принимать эфиръ, какъ сплошной или какъ несплошной флюидъ,— и это совершенно безразлично для нашихъ цѣлей. Это просто показываетъ на одинъ фактъ. Оффиціальная наука до сего дня ничего не знаетъ о составѣ эфира. Пускай наука называетъ его матеріей, если это ей нравится, но ни Акаша, ни священный эфиръ грековъ не будетъ найденъ ни въ одномъ изъ состояній матеріи извѣстныхъ современнымъ физикамъ. Это матерія совсѣмъ на другой плоскости воспріятія и существованія, и она не можетъ быть ни анализирована научными аппаратами, ни оцѣнена или даже понята „научнымъ воображеніемъ", если обладатели этого научнаго воображенія не начнутъ изучать оккультныя науки. Послѣдующее докажетъ это положеніе.

Сталло ясно показалъ положеніе противорѣчивыхъ про-

---

1) Stallo, loc. cit. p. X.



блемъ современной физики, то же самое сдѣлали де-Катрфажъ и нѣкоторые другіе по отношенію къ проблемамъ антропологіи, біологіи и пр., именно они выяснили, что въ своихъ усиліяхъ поддержать индивидуальныя гипотезы и системы большинство выдающихся и ученыхъ матеріалистовъ часто впадаютъ въ величайшія нелѣпости. Возьмемъ слѣдующій случай. Большинство матеріалистовъ отрицаютъ actio in distans (дѣйствіе на разстояніи)—одинъ изъ основныхъ принциповъ по вопросу объ эфирѣ или акашѣ въ оккультизмѣ—тогда какъ, по справедливому замѣчанію Сталло, нѣтъ ни одного физическаго дѣйствія", которое при близкомъ разсмотрѣніи не превратилось бы въ дѣйствіе на разстояніи". И онъ доказываетъ это.

Затѣмъ метафизическіе аргументы согласно проф. Лоджу [1]) „суть безсознательныя обращенія къ опыту". И онъ прибавляетъ, что если такой опытъ непостижимъ, то онъ не существуетъ и, говоря его собственными словами:

> Если высоко развитой умъ или рядъ умовъ находитъ какую-нибудь доктрину относительно какого-нибудь сравнительно простого и основного явленія абсолютно немыслимой, то это свидѣтельство, что такое невозможное для мышленія состояніе вещей не существуетъ.

И затѣмъ въ концѣ своей лекціи профессоръ указываетъ, что объясненія сцѣпленія такъ же какъ тяготѣнія „нужно искать въ теоріи вихревыхъ атомовъ сэра Вильяма Томсона".

Безполезно останавливаться и спрашивать этой ли теоріи вихревыхъ атомовъ мы обязаны тѣмъ, что на землю упалъ первый зародышъ жизни, брошенный проходившей кометой или метеоромъ—тоже гипотеза сэра Вильяма Томсона. Но проф. Лоджу можно напомнить дѣльную критику его лекціи въ „Понятіяхъ Современной Физики Сталло". Отмѣтивъ это заявленіе профессора, авторъ спрашиваетъ:

Есть ли элементы теоріи вихревыхъ атомовъ близкіе или даже возможные факты опыта? Потому что, если они не таковы, то ясно, что эта теорія подлежитъ той же самой критикѣ, которая уничтожаетъ предположеніе о дѣйствіи на разстояніи [2]).

Затѣмъ этотъ талантливый критикъ ясно показываетъ, что не есть эфиръ, и чѣмъ онъ никогда не можетъ быть, несмотря на всѣ научныя заявленія о противоположномъ. Такимъ обра.

---

1) Nature, vol XXVII, стр. 304.

2) Op. cit, p. XXIV.





8-й годъ изданія.

ВѢСТНИКЪ ТЕОСОФІИ

РЕЛИГІОЗНО-ФИЛОСОФСКО-
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Satyât Nâsti Paro Dharmah

(Нѣтъ религіи выше истины).

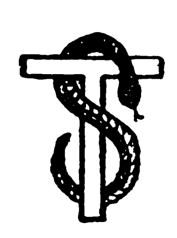
---

7 марта.

ПЕТРОГРАДЪ.

№ 3.

1915.



Типографія Б. М. Вольфа, Петроградъ, Вас. Остр., Волховской пер., 4.


Digitized by Google

Отъ Комитета ВЫСОЧАЙШЕ разрѣшенной благотворительной лотереи 1914 г.

Комитетъ ВЫСОЧАЙШЕ разрѣшенной благотворительной лотереи открылъ 18 минувшаго Декабря продажу билетовъ. Вырученныя суммы предназначены на помощь раненымъ и больнымъ воинамъ, семьямъ лицъ, призванныхъ на войну, и лицамъ, пострадавшимъ отъ военныхъ бѣдствій. Потребности эти—безпредѣльны. Помощь необходима безотлагательная и непрестанная; а для этого нужны средства. Между тѣмъ казна обременена огромными расходами на войну и на выдачу пайка семьямъ запасныхъ; приношенія же жертвователей обильны, но далеко недостаточны. Лотерея задумана для того, чтобы облегчить самую острую нужду. Тѣ 20.000.000 р., на которые выпущены билеты, а за вычетомъ 3.000.000 р., уже отчисленныхъ на выдачу выигрышей, только 17.000.000 р. пойдутъ для этой цѣли. Это поняли многіе русскіе люди: широкою рѣкою на всемъ огромномъ пространствѣ Россіи устремились они въ учрежденія, гдѣ продаются билеты. Розыгрышъ лотереи будетъ произведенъ въ Петроградѣ публично въ концѣ Марта этого года, а потому времени осталось немного и надо спѣшить пріобрѣтать билеты и вносить лепту на святое дѣло помощи пострадавшимъ героямъ войны и ихъ семьямъ.

ВЫСОЧАЙШЕ разрѣшенная БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ ЛОТЕРЕЯ 1914 г.

Доходъ отъ сей лотереи поступаетъ **въ пользу раненыхъ и больныхъ воиновъ, семей лицъ, призванныхъ на войну, и лицъ, пострадавшихъ отъ военныхъ бѣдствій.**

Лотерейные билеты выпущены двумя выпусками по 10.000.000 р., всего на 20.000.000 р. Каждый выпускъ состоитъ изъ 2.000.000 билетовъ, раздѣленныхъ на 20.000 серій, по 100 билетовъ въ каждой серіи. Билетъ содержитъ пять отдѣльныхъ частей. Продажа совершается какъ цѣлыми билетами, такъ и отдѣльными частями. Билеты 1-го выпуска—свѣтло-зеленаго цвѣта, а 2-го—розоваго. Цѣна билета—5 р., а каждой части—1 р. Владѣлецъ билета, на который палъ выигрышъ, получаетъ всю сумму выигрыша, владѣлецъ же каждой отдѣльной части билета, на который палъ выигрышъ,—одну пятую часть его.

Число выигрышей въ 1-мъ выпускѣ—**4334 на 1.500.000 р.** (бил. свѣтло-зеленаго цвѣта).

1	выигр. въ	100.000 р.
1	„ „	50.000 „
2	„ „	25.000 „
10	„ „	10.000 „
20	„ „	5.000 „
100	„ „	1.000 „
200	„ „	500 „
1.000	„ „	300 „
3.000	„ „	200 „

Число выигрышей во 2-мъ выпускѣ—**4334 на 1.500.000 р.** (билеты розоваго цвѣта).

1	выигр. въ	100.000 р.
1	„ „	50.000 „
2	„ „	25.000 „
10	„ „	10.000 „
20	„ „	5.000 „
100	„ „	1.000 „
200	„ „	500 „
1.000	„ „	300 „
3.000	„ „	200 „

Всего въ обоихъ выпускахъ **8.668** выигрышей на общую сумму **3.000.000** рублей.

Розыгрышъ лотереи состоится во второй половинѣ **Марта мѣсяца 1915 года** въ Петроградѣ публично, въ Совѣтѣ Государственнаго Банка, въ присутствіи одного изъ членовъ Комитета и депутатовъ отъ Петроградскихъ: дворянства, губернскаго земскаго собранія и городского общественнаго управленія.

Выдача выигрышей будетъ производиться въ Петроградской Конторѣ Государственнаго Банка предъявителямъ билетовъ или частей ихъ, по опубликованіи таблицы выигрышей въ „Правительственномъ Вѣстникѣ", не позднѣе 14 дней со дня предъявленія билета или отдѣльной части того билета, на который палъ выигрышъ.

Выигрыши не подлежатъ никакимъ налогамъ.

Продажа билетовъ производится:

а) въ **Государственномъ Банкѣ**, его конторахъ и отдѣленіяхъ;

б) въ **казначействахъ**;

в) въ **Государственныхъ Сберегательныхъ Кассахъ въ Петроградѣ и Москвѣ и при желѣзнодорожныхъ станціяхъ**;

г) въ **учрежденіяхъ Почтово-Телеграфнаго вѣдомства, а также въ наиболѣе крупныхъ частныхъ кредитныхъ учрежденіяхъ**;

д) Кромѣ того, жители сельскихъ мѣстностей могутъ заказывать билеты у земскихъ начальниковъ, въ волостныхъ правленіяхъ, въ учрежденіяхъ мелкаго кредита и у податныхъ инспекторовъ. Билеты и части билетовъ по такимъ заказамъ будутъ немедленно доставлены.

СОДЕРЖАНІЕ

мартовской книжки „Вѣстника Теософіи".

SOMMAIRE DU № DE MARS:



Вѣнцы сіянные.

(Славословія древнія).

IV.

ВЛАДЫКѢ ДЫХАНІЙ.

Духа посланецъ безсмертный, примчись легковѣющій Вайу,
Неба дыханье святое, слети къ приносителю жертвы!

Звонному зову моленій, о Вайу, внемли благосклонно,
Мчися пчелой звонкокрылой къ дарамъ пробужденнаго утра.

Вотъ возліяніе Сомы [1])
Нынѣ тебѣ предлагаемъ,

Радуйся жертвѣ блаженной
Сладко пьянящаго меда!

Щедрый хозяинъ поутру къ молитвѣ друзей созываетъ,
Жертва готовится спѣшно, и вотъ, привлеченные жертвой,

Трепетно рдяные кони взовьются вокругъ приношенья:
Бога примчавшіе чуютъ жреца многощедрую руку.

---

[1]) Сома, священный напитокъ, соотвѣтствуетъ нектару Олимпійскихъ боговъ. Экзотерически Сома—растеніе, но онъ же въ индусскомъ Пантеонѣ—Сома—Царь. Мистически вкушеніе Сомы соотвѣтствуетъ евхаристіи христіанъ (см. Isis dévoilée, I, p. 60—61).



Темныя очи ночныя
Сомкнуты чарами свѣта,

Зорь златоалыя крылья
Обняли заревомъ небо.

Нѣжныя Зори для Вайу блестящіе стелютъ покровы,
Иль расплетаютъ и чешутъ свои свѣтоструйныя кудри,—

Да, расплетаютъ поспѣшно волну нарожденнаго свѣта..
Кликомъ ликующимъ Вайу возстаніе Зорь оглашаетъ.

V.

ЗАРЯ.

Встала Царица Сіяній, нѣжнѣе любви и отрады,
Въ сердцѣ своемъ затаила зерно лучезарнаго Солнца;

Встала въ вѣнцѣ огнезрачномъ и нашей мольбѣ улыбнулась,
Лаской окрасила землю, развѣяла темную дрему.

Ей уступаетъ владѣнье вѣнчанная звѣздной красою—
Ночь и Заря, чередуясь, проходятъ путемъ безконечнымъ,

Сестры по мысли родныя, по цвѣту одежды различны,
Радостно плача росою, одной одержимы заботой:

Семь лепестковъ Пламецвѣта на выси раскроются вскорѣ,
Лебедя летъ золотого съ восхода на западъ помчится.

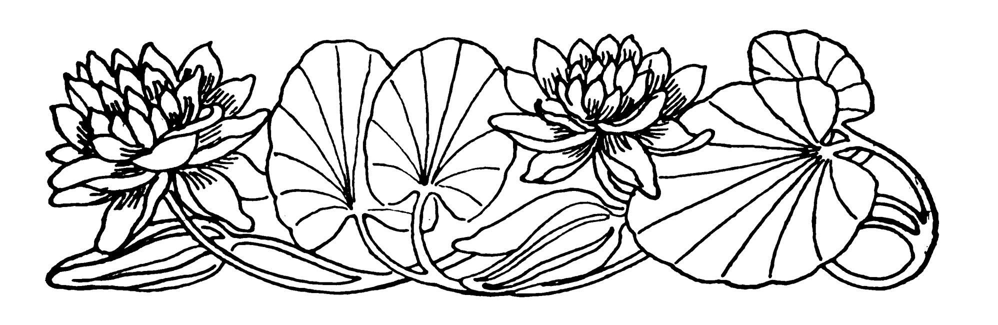
Матерь Боговъ, украшаясь, готовитъ себѣ ожерелье—
Нижетъ жемчужныя зори на темныя нити ночныя.

Прежнія Зори, какъ нынѣ, вставали, сіяли и меркли,
Умерли тѣ, кто ихъ видѣлъ, и мы вѣдь раздѣлимъ ихъ участь...

Ясныя Зори хоть меркнутъ, но прежней красою зажгутся,—
Къ жизни и свѣту воспрянемъ изъ царства угрюмаго Йамы.

Анна Веселовская.





На сторожевомъ посту.

„Мы молодой весны гонцы,
Она насъ выслала впередъ"...

Въ общественной жизни происходитъ много значительнаго и новаго, что является провозвѣстникомъ грядущихъ перемѣнъ, но за громомъ пушекъ и стономъ стихіи мы не слышимъ тихій голосъ этихъ свѣтлыхъ вѣстниковъ.

О чемъ же говорятъ „гонцы весны?"

Они говорятъ намъ объ укрѣпляющемся чувствѣ единства среди классовъ и народовъ, о сближеніи Востока и Запада, о новомъ отношеніи человѣка къ міру животныхъ. Всѣ эти явленія—признаки духовнаго раскрытія, происходящаго въ нѣдрахъ человѣчества, раскрытіе, предвѣщающее намъ строительство новой жизни на болѣе высокихъ и глубокихъ началахъ.

* * *

Удивительно, какъ самыя разнообразныя общественныя и духовныя движенія провозглашаютъ въ настоящее время братство безъ различія національности и вѣроисповѣданія, отказываясь исключать изъ этого братства кого бы то ни было.

Недавно въ Лондонѣ былъ всеміpный конгрессъ Арміи Спасенія, собравшій нѣсколько сотъ тысячъ членовъ со всѣхъ частей свѣта. На одномъ собраніи члены приняли единогласно слѣдующій торжественный обѣтъ:

„Мы вѣримъ, что нашъ долгъ заботиться о бѣдныхъ и скорбящихъ, посѣщать заключенныхъ, питать голодныхъ, одѣвать нагихъ, любить, не внушающихъ любви и быть друзьями тѣхъ,

кто лишенъ друзей, къ какой бы національности онъ не принадлежалъ. Мы даемъ торжественный обѣтъ во имя Бога и Его силою, подъ знаменемъ Арміи Спасенія, дѣлать все возможное и терпѣть все, чтобы не пришлось терпѣть, чтобы осуществить эти святыя задачи, и это не только въ нашей собственной странѣ, но и во всемъ мірѣ".

Какъ бы мы не относились къ внѣшнимъ методамъ работы и пропаганды „Арміи Спасенія", мы не можемъ не отдать дани глубокаго уваженія ея преданности дѣлу активной любви и ея готовности къ полному самоотреченію.

* * *

Интересно слѣдить за иностранной прессой въ ея отзывахъ о Россіи, среди которыхъ попадаются все чаще и чаще сочувствующія статьи, указывающія на новое пониманіе Россіи, и на новое проникновеніе западныхъ народовъ въ ея душу и идеалы.

Въ словахъ молодого французскаго писателя, A. Bourges, звучитъ горячее поклоненіе: „Левъ Толстой долженъ естественно затмить Ницше. Славянская душа должна выявить Западу всю свою оригинальную красоту и оплодотворить ею строительство будущаго".

Необыкновенно глубоко проникаетъ въ психологію русской души авторъ статьи: „Русскіе", появившейся недавно въ Индусской газетѣ „Commonwealth", издаваемой А. Безантъ.

Эта статья даетъ краткій историческій и этнографическій обзоръ Россіи, вспоминаетъ особенности ея внутренней, соціальной жизни, и затѣмъ даетъ тонкую характеристику русскаго народа, исканій его крестьянства и его интеллигенціи. Эта характеристика свидѣтельствуетъ о глубокомъ пониманіи лучшихъ сторонъ славянской души и о вѣрѣ въ особую миссію и назначеніе славянъ.

Привожу нѣсколько выдержекъ изъ нея:

„Мировая сила Россіи встаетъ властно среди далекой зари, чуть замѣтно занимающейся на міровомъ горизонтѣ, и по великолѣпію ея предразсвѣтнаго неба мы можемъ предвидѣть сіяніе ея полдня.

Россія еще молода, хаотична и выражена стройно лишь въ нѣкоторыхъ своихъ наиболѣе одаренныхъ дѣтяхъ, въ голосахъ которыхъ мы слышимъ ноты новой литературы, новаго искусства, гигантскихъ, чудесныхъ, почти непостижимыхъ для ушей, привыкшихъ улавливать вибраціи болѣе слабыя, болѣе жидкаго тона.

Исторія эволюціи Россіи происходитъ въ наше время... Русскіе—идеалисты; для нихъ мысль реальнѣе дѣйствій; идеалы сильнѣе законовъ. Они кротко фаталистичны и принимаютъ легко испытанія. Но ихъ быстро захватываютъ великія идеи, легко загораются въ нихъ самоотреченіе и преданность. Героизмъ живетъ въ каждой фибрѣ ихъ натуры, но героизмъ, какъ нѣчто самое обыкновенное, а не какъ усиліе и анормальность...

... Россія, которая живетъ больше въ идеяхъ, чѣмъ въ событіяхъ, видитъ всѣ вещи идеально и въ ихъ настоящей цѣнности. Не одинъ Русскій не могъ бы видѣть въ договорѣ, выражающемъ обѣтъ націи, только „клочекъ бумаги". Для него честь реальнѣе золота, и вѣра болѣе связываетъ, чѣмъ законная безопасность.

Пруссія болѣе всего отличилась жадностью и матеріализмомъ, и потому мы нуждаемся въ этой войнѣ, начатой во имя Правды и Чести, дружбой Націи, преобладающія черты которой составляютъ идеализмъ и самоотреченіе. Въ отвѣтъ на высокомѣріе Пруссіи къ Россіи мы приносимъ свое уваженіе, въ замѣну ея грубой аггресивности мы предлагаемъ нашу искреннюю и почтительную дружбу. Русско-Японская война подарила Россію ея самой; Европейская война дала ее всему міру".

* * *

Въ нынѣшнемъ году минуло двадцатилѣтіе „Вѣстнику Воспитанія", основаннаго Е. А. Покровскимъ и издаваемымъ нынѣ Н. Ф. Михайловымъ. „В. В." серьезно трудился всѣ эти годы, освѣщая насущные вопросы текущей педагогіи и держа всегда высоко знамя идеализма. Неудивительно, что въ день его юбилея редакція получила сердечные и воодушевленные привѣты отъ своихъ многочисленныхъ читателей и почитателей.

* * *

Не такъ давно еще о животныхъ говорили, какъ о неодушевленныхъ предметахъ. Если ихъ жалѣли и о нихъ заботились, то это было субъективное отношеніе отдѣльныхъ личностей. Въ общемъ ихъ разсматривали какъ выгодный предметъ эксплуатаціи, какъ орудіе труда и живую, безсловесную машину.

Настоящая война, пробудившая неожиданно такъ много прекрасныхъ порывовъ человѣческаго сердца, открыла также и новую эру отношеній къ животнымъ.

Впервые открылся Красный Крестъ [1]) животныхъ, явились

[1]) Въ Англіи онъ называется: „The purple Cross".



лазареты для лошадей и фельдшерскіе перевязочные пункты на полѣ сраженія, предназначенные спеціально для безсловесной твари.

Въ одной корреспонденціи съ передовыхъ позицій журналистъ интересно описываетъ такой лазаретъ:

„Я провелъ цѣлый день въ лазаретѣ не совсѣмъ обычнаго типа.

Въ нѣмомъ лазаретѣ, гдѣ свидѣтели и участники войны хранятъ глубокое молчаніе о томъ, что они видѣли. И лишь тихо ржутъ, когда изъ сочащейся гдѣ-нибудь подъ гривой раны у нихъ извлекаютъ при перевязкѣ аршинный тампонъ.

Такихъ лазаретовъ у насъ очень немного. Расположены они недалеко отъ границъ, въ тылу нашихъ армій, и предназначены для больныхъ и раненыхъ лошадей.

Лазаретъ, который я видѣлъ,—одинъ изъ наиболѣе крупныхъ.

Подъ лазаретъ отведены бывшія артиллерійскія казармы, обнесенныя со стороны города каменной оградой; а съ другой—выходящія въ поле.

Кругомъ ни души.

И лишь въ оградѣ, передъ зданіемъ управленія, пыхтятъ два автомобиля съ задремавшими въ нихъ солдатами, шофферами.

Дворъ чисто и гладко выметенъ. Нѣтъ ни клочка навоза. И по внѣшнему виду выстроившихся полукругомъ каменныхъ зданій никакъ не догадаешься, что здѣсь содержатся лошади.

Мнѣ любезно даютъ объясненія начальникъ лазарета полковникъ И. и два ветеринарныхъ врача:

— Требованія антисептики обязательны и для насъ. Передъ вами не конюшня, а больницы.

Значеніе этого предупрежденія открылось для меня, лишь когда я переступилъ порогъ зданія.

Это не была конюшня. Въ ней стояли не лошади.

Исхудавшія до костей съ глубоко провалившимися надглазными ямами, обмотанныя бѣлыми повязками, это были тихія, человѣчески-грустныя фигуры, сохранившія только внѣшнее очертаніе лошади.

Эта ли потрясающая худоба лошадей, или несвойственныя какъ-то имъ больничныя повязки создавали это впечатлѣніе, но только здѣсь рѣшительно и навсегда разрушалась грань между человѣкомъ и лошадью.

И съ этого момента я понялъ и сохраню эту потрясающую сознаніе истину на всю жизнь, — что это былъ не верховой и вьючный скотъ, а наивныя безпомощныя, какъ больныя дѣти, существа, которыя заглянули на военномъ полѣ смерти въ лицо и запомнили это навсегда.

Это была не конюшня.

Вмѣсто обычнаго запаха конюшни, здѣсь царилъ дурманящій запахъ аптечныхъ медикаментовъ. Не слышно было ни хрустѣнья овса на зубахъ, ни дѣловитаго пофыркиванія и стука копытъ.

Взадъ и впередъ бѣгали фельдшера и санитары въ бѣлыхъ халатахъ. Носили какія-то стеклянныя банки и фарфоровыя миски, гдѣ въ жидкости лежали пинцеты, ножи, щипцы и куски марли.

Въ первомъ станкѣ—высокая гнѣдая лошадь, почти наполовину въ бѣлыхъ повязкахъ.

Повязка на головѣ лошади трогательно-комична. Напоминаетъ чепчикъ, изъ котораго торчитъ одно лошадиное ухо. При нашемъ приближеніи ухо поворачивается на нашу сторону.

Это—артиллеристъ Воронъ.

Воронъ очень слабъ. Онъ, собственно, не стоитъ въ станкѣ, а подвѣшенъ на широкихъ мягкихъ подпругахъ, прикрѣпленныхъ къ потолку.

Воронъ хочетъ повернуть къ намъ свою тонкую, исхудавшую морду, но не можетъ. Ему запрещено шевелить шеей, чтобы не сползли повязки. Его голова вплотную притянута къ жолобу.

Воронъ такъ сильно ослабѣлъ лишь послѣ операціи. Пришелъ онъ въ лазаретъ на своихъ ногахъ, сдѣлавъ свыше 200 верстъ съ того мѣста, гдѣ неожиданно оказавшійся въ какомъ-нибудь перелѣскѣ непріятельскій пулеметъ всадилъ ему въ шею и въ грудь 6 пуль, а седьмою пробилъ почти у самаго основанія правое ухо.

Его исторія проста. Она не можетъ быть внѣ рамокъ установленныхъ правилъ. И поэтому о ней легко догадаться.

Сраженный градомъ пуль, Воронъ упалъ. Но изъ-за гибели Ворона нельзя было терять орудія, которое продолжали везти подъ пулями товарищи Ворона.

Вѣстовой обрѣзалъ постромки. Орудіе умчалось, а Воронъ остался на мѣстѣ. Но остался не одинъ. Вокругъ него, несомнѣнно, лежали люди. Иначе не пришли бы на это мѣсто санитары, пѣсенка Ворона была бы спѣта.

Но санитары пришли и стали подбирать вокругъ Ворона людей, раненыхъ и такихъ же безпомощныхъ, какъ и онъ.

Увидя спасителей, Воронъ тихо заржалъ.

Это была большая неосторожность съ его стороны. Она могла стоить ему жизни. Жалость людей къ раненымъ лошадямъ на полѣ брани, это—мѣткая пуля, прекращающая излишнія страданія.

Не оказалось-ли подъ руками револьвера у пришедшихъ людей, или просто недосугъ былъ, за переноской раненыхъ, но пуля состраданія не прекратила мученій Ворона, и онъ нашелъ въ себѣ достаточно силы, чтобы подняться на ноги и пойти за санитарами слѣдомъ какъ собачонка.

На перевязочномъ пунктѣ Ворона мелькомъ осмотрѣли и ошибочно заключили, что у него лишь поверхностныя царапины.

Ошибка спасла жизнь Ворону. Его направили въ слабосильную команду, съ которой онъ и прибылъ въ лазаретъ.

Здѣсь ошибка выяснилась. Въ тѣлѣ Ворона было 6 пуль.

Врачи имѣли законное право „не возиться" съ Ворономъ.

Но онъ такъ довѣрчиво смотрѣлъ имъ въ глаза, такъ трогательно лизалъ руки, что, какъ сообщилъ полковникъ, „сердце не поворачивалось" пристрѣлить его.

Ворону сдѣлали нѣсколько операцій, и извлекли всѣ шесть пуль.

Теперь Воронъ тихонько ржетъ, когда врачъ гладитъ его по мордѣ. А когда рука врача касается губъ, онъ высовываетъ языкъ и лижетъ руку, какъ собака. Можетъ быть, это уже сдѣлалось привычкой Ворона.

Воронъ—самый тяжелый больной изъ всѣхъ. У остальныхъ въ большинствѣ легкія пораненія или болѣзни.

Но, вѣроятно, не меньше, чѣмъ Воронъ, видѣла на полѣ битвы небольшая темногнѣдая казачья лошадка, которую почему-то называютъ „Марѳутка", хотя это конь.

Марѳутка только слегка, посѣчена саблей. У нея нѣсколько рубленыхъ ранъ на шеѣ. Всѣ онѣ уже почти зажили. Но Марѳутка не вернется въ бой.

— Въ ея поведеніи замѣтны нѣкоторыя странности,— объяснялъ старшій врачъ.

Марѳутка ѣстъ газетную бумагу, мыло, свѣчи и совершенно нечувствительна къ боли. Недавно она чуть не отгрызла себѣ переднюю ногу выше колѣна.

Чтобы Марѳутка себя не изуродовала ни зубами, ни ко-

пытомъ, она вся опутана ремнями, а морда ея—въ кожаномъ чехлѣ.

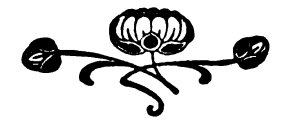
Когда мы входимъ къ ней въ станокъ, Мареутка поворачиваетъ къ намъ голову и смотритъ на насъ тусклыми, словно посѣрѣвшими глазами.

— Она безумная,—тихо говоритъ врачъ.

* * *

И безсловесныя твари, и человѣкъ, ждутъ своего освобожденія, ждутъ того свѣтлаго часа, когда могучій духъ, сорвавъ свои оковы, вознесется торжествующе надъ землей и вся природа въ отвѣтномъ ликованіи пропоетъ ему: „Христосъ Воскресе!"

Alba.



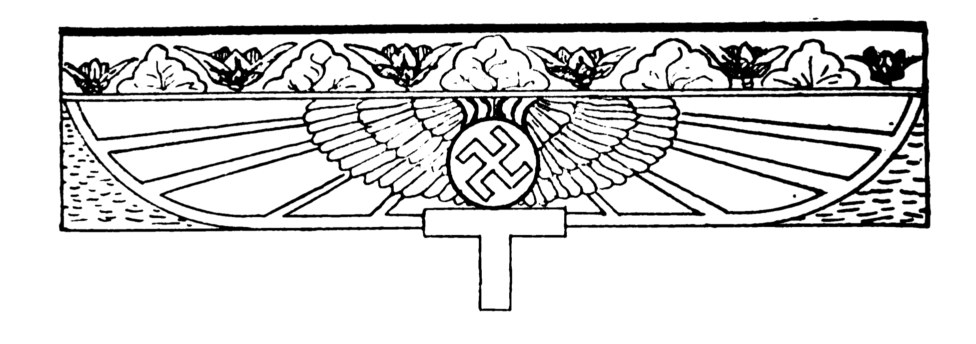
Я есмь пастырь добрый и знаю Моихъ и Мои знаютъ Меня; какъ Отецъ знаетъ Меня, такъ и Я знаю Отца и жизнь Мою полагаю за овецъ. (Іоаннъ X—14, 15).

Есть у Меня и другія овцы, которыя не сего двора и тѣхъ надлежитъ Мнѣ привесть: и онѣ услышатъ голосъ Мой и будетъ одно стадо и одинъ Пастырь. (Іоаннъ X—16).

Потому любитъ Меня Отецъ, что Я отдаю жизнь Мою, чтобы опять принять ее; никто не отнимаетъ ее отъ Меня, но Я самъ отдаю ее: (Іоаннъ X—17, 18).

Овцы Мои слушаются голоса Моего и Я знаю ихъ и онѣ идутъ за Мною и Я даю имъ жизнь вѣчную и не погибнутъ во вѣкъ и никто не похититъ ихъ изъ руки Моей. (Іоаннъ X—27, 28).





Загадки жизни и какъ теософія отвѣчаетъ на нихъ.

А. Безантъ.

Глава I.

Значеніе Теософіи.

Слово „Теософія“ въ настоящее время на устахъ у многихъ, и немало людей считаютъ себя теософами, которые даже ясно не сознаютъ, что такое Теософія. Ибо это—Божественная Мудрость, а она есть тотъ Свѣтъ, который свѣтитъ каждому человѣку, появляющемуся въ міръ. Свѣтъ не принадлежитъ никому исключительно; онъ принадлежитъ каждому и всѣмъ, и только способность воспринимать его даетъ право владѣть имъ; фактъ же владѣнія налагаетъ долгъ дѣлиться этимъ Свѣтомъ съ другими.

Каждая религія, каждая философія, каждая наука и каждая дѣятельность извлекаетъ все, что въ нихъ есть истиннаго и прекраснаго изъ Божественной Мудрости, но ни одна изъ нихъ не можетъ претендовать на исключительное владѣніе этой мудростью. Теософія не есть принадлежность Теософическаго Общества. Теософическое Общество принадлежитъ Теософіи.

Что составляетъ самую суть Теософіи? То, что человѣкъ, будучи божественнаго происхожденія, можетъ познать Бога, жизнь котораго заключена и въ немъ. Какъ неизбѣжное дополненіе къ этой высшей истинѣ является фактъ *Человѣческаго*

Братства. Божественная жизнь и есть тотъ духъ, который проникаетъ все существующее отъ мельчайшаго атома до Архангела; самая пыль подъ нашими ногами не могла бы существовать безъ Божественной Жизни; высочайшій Серафимъ—только искра отъ того вѣчнаго Огня, который есть Богъ. Всѣ участники въ единой Жизни образуютъ единое Братство. ***Имманентность Бога*** и ***единство человѣчества*** — таковы основныя истины Теософіи.

Второстепенныя ученія Теософіи—тѣ же самыя, которыя встрѣчаются во всѣхъ религіяхъ, живыхъ или мертвыхъ: Единство Бога и троичность Его природы; схожденіе Духа въ матерію и отсюда — іерархія разумныхъ существъ, къ числу которыхъ принадлежитъ и человѣчество; постепенный ростъ человѣчества путемъ раскрытія сознанія и эволюція человѣческихъ тѣлъ путемъ перевоплощенія; осуществленіе этого роста подъ дѣйствіемъ нерушимаго закона причинности, т. е. кармы; наличность среды, въ которой происходитъ этотъ ростъ, состоящій изъ трехъ міровъ: физическаго, астральнаго и ментальнаго, или земли, посредствующаго міра и небесъ; существованіе Божественныхъ Учителей, Сверхчеловѣковъ.

Всѣ религіи учатъ или учили этому, хотя бы отъ времени до времени, то или другое изъ этихъ ученій и отодвигалось по временамъ на задній планъ; но проходило время и оно снова появлялось, какъ это случилось съ ученіемъ о перевоплощеніи, исчезнувшимъ изъ церковнаго Христіанства, и нынѣ снова возникающимъ, какъ бы потонувшимъ и снова всплывающимъ на поверхность.

Распространять эти истины во всѣхъ частяхъ міра является прямой задачей Теософическаго Общества. Хотя для каждаго отдѣльнаго члена совсѣмъ не обязательно принимать всѣ эти истины. Каждому члену предоставляется полная свобода изучать, принимать или отвергать ихъ по своему усмотрѣнію; если бы все Общество, какъ совокупная единица, перестало принимать и распространять ихъ, оно тѣмъ самымъ прекратило бы свое существованіе.

Это единство ученій въ міровыхъ религіяхъ, зависитъ отъ того факта, что всѣ религіи основаны членами единаго Братства Великихъ Учителей, хранителей Божественной Мудрости или Теософіи.

Изъ этого Братства появляются отъ времени до времени Основатели новыхъ религій, приносящіе міру снова и снова тѣ

же ученія, лишь передаваемыя въ иной формѣ, соотвѣтствующей условіямъ времени, т. е. ступени развитія народа, которому дается новая религія, типу этого народа, его потребностямъ и его способностямъ.

Все существенное сохраняется; только несущественное подлежитъ перемѣнѣ.

Эта тождественность всѣхъ религій доказывается символами, которые повторяются въ каждой изъ нихъ, ибо символы составляютъ общій языкъ религіи. Кругъ, треугольникъ, крестъ, око, солнце, звѣзда и многіе другіе — несутъ на себѣ нѣмую печать основного единства всѣхъ міровыхъ религій. Зная это, Теософическое Общество служитъ каждой религіи въ ея собственной области и соединяетъ ихъ всѣ въ единое Братство.

Въ области морали, Теософія строитъ свои ученія на Единствѣ и видитъ въ каждой формѣ выраженіе единой общей Жизни, изъ чего слѣдуетъ, что все, что вредитъ одному, вредитъ и всѣмъ. Дѣлать зло — все равно, что вносить ядъ въ организмъ человѣчества, и это есть преступленіе противъ Единства. Теософія не обладаетъ готовымъ кодексомъ морали, ибо всѣ ея положенія выражаютъ высочайшую нравственность; собирая воедино самые благоухающіе цвѣты изъ всѣхъ религіозныхъ системъ міра, она даетъ своимъ послѣдователямъ наиболѣе высокія нравственныя ученія. Теософическое общество не имѣетъ готоваго кодекса морали еще и потому, что каждый кодексъ неминуемо спускается до средняго уровня современности, тогда какъ Теософическое Общество стремится поднять своихъ членовъ выше существующаго уровня, ставя передъ ними высочайшіе идеалы и вдохновляя ихъ наиболѣе благородными стремленіями. Оно учитъ жить въ духѣ великихъ Учителей человѣчества, оно стремится раскрыть внутренній законъ, а не навязывать внѣшній. Отношеніе Общества къ его наименѣе развитымъ членамъ выражается не въ изгнаніи ихъ, а въ стремленіи поднять и преобразить ихъ.

Воплощеніе Божественной Мудрости въ опредѣленную организацію образуетъ то ядро, изъ котораго ея жизненныя силы могутъ распространяться по всѣмъ направленіямъ. Такимъ образомъ создается новая сильная связь между духовнымъ міромъ и міромъ матеріальнымъ; создается „внѣшній и видимый знакъ внутренней и духовной благодати“, свидѣтельство Божественной Жизни въ человѣкѣ.

Глава II.

Солнечная система.

Солнечная система являетъ собою группу міровъ, вращающихся вокругъ центральнаго солнца, изъ котораго они извлекаютъ свѣтъ, жизнь и энергію. Въ этомъ вопросѣ всѣ—и теософы и не-теософы—думаютъ согласно. Но теософъ видитъ въ солнечной системѣ гораздо болѣе того. Для него это—обширное поле эволюціи, во главѣ которой находится Господь, который создалъ для нея матерію изъ эфира Пространства, насытилъ эту матерію своею Жизнью, организовалъ ее въ Свое Тѣло и изъ Своего Сердца, Солнца, излилъ энергію, которая обѣгаетъ по всей системѣ подобно потокамъ крови, возвращающейся къ Сердцу, когда ея питательныя свойства истощатся, чтобы вновь зарядиться для новой работы.

Поэтому, для Теософа солнечная система является не только превосходнымъ механизмомъ изъ физической матеріи, но и выраженіемъ Жизни и питомникомъ безчисленныхъ жизней, происходящихъ отъ послѣдней и проникнутыхъ въ каждой своей частицѣ скрытымъ или активнымъ разумомъ, желаніемъ и дѣятельностью.

Солнечная система „существуетъ ради единаго Я", чтобы зародыши Божественности, всѣ зачаточные „Я", происходящіе отъ верховнаго Я, могли бы раскрыться въ подобіе Бога-Отца, природу котораго они раздѣляютъ, будучи воистину „участниками Божественной Природы".

Отдѣльные міры солнечной системы производятъ человѣчество и рядомъ съ нимъ даютъ жизнь и существамъ низшаго разряда. Въ мірахъ болѣе утонченныхъ, чѣмъ физическій міръ пребываютъ существа болѣе развитыя, чѣмъ люди, но также и менѣе развитыя, чѣмъ они; существа, облеченныя въ тѣла изъ болѣе тонкой матеріи, чѣмъ физическая и поэтому невидимыя для физическихъ глазъ, несмотря на то, что они не менѣе дѣятельны и разумны; существа, среди которыхъ находятся сонмы людей, которые на время лишились своей тѣлесной оболочки и тѣмъ не менѣе продолжаютъ быть мыслящими, любящими и дѣятельными существами. И даже во время жизни на нашей физической землѣ, когда люди заключены въ тѣлесный покровъ, они продолжаютъ оставаться въ соприкосновеніи съ этими дру-

гими мірами и съ обитающими ихъ существами; они могутъ быть въ сознательномъ сношеніи съ ними, какъ о томъ свидѣтельствуютъ пророки, мистики, ясновидцы и основатели религіи.

Господь проявляетъ Себя въ Своей Системѣ въ трехъ аспектахъ или „Лицахъ", какъ Создатель, Охранитель и Возродитель; иными словами—Отецъ, Сынъ и Святой Духъ христіанъ; Брама, Вишну и Шива индусовъ; Кетеръ, Чокмахъ и Бинахъ еврейскихъ каббалистовъ; Первый, Второй и Третій Логосъ теософовъ, пользующихся древнимъ греческимъ терминомъ „Слово" для проявленнаго Бога.

Матерія солнечной системы строится Третьимъ Логосомъ, который образуетъ семь типовъ первичныхъ атомовъ; аггрегаты, составленные изъ нихъ, представляютъ собою семь основныхъ видовъ матеріи, входящей въ составъ нашей солнечной системы, при чемъ каждый изъ этихъ видовъ становится все плотнѣе, каждому соотвѣтствуетъ опредѣленная ступень Сознанія. Мы называемъ матерію, состоящую изъ опредѣленнаго типа атомовъ, *планомъ* или *міромъ*, и отсюда различаемъ семь такихъ плановъ нашей Солнечной Системы: два высшихъ являются Божественными или сверхдуховными планами, планами Логосовъ; низшій изъ этихъ двухъ плановъ есть мѣсто рожденія человѣческаго Я, Монады, Бога въ человѣкѣ; два слѣдующіе, третій и четвертый—духовные планы, достигая которыхъ человѣкъ познаетъ свое божественное происхожденіе; пятый планъ, продолжающій уплотняться, есть планъ интеллекта; шестой, соотвѣтствующій эмоціямъ и страстямъ, мѣсто дѣйствія ощущеній и желаній, носитъ обыкновенно названіе астральнаго плана; и наконецъ, седьмой—физическій планъ. Матерія духовныхъ плановъ соотвѣтствуетъ духовной ступени Сознанія, и она до того тонка и пластична, что подается на каждый импульсъ Духа, и тамъ чувство раздѣльности теряется въ ощущеніи единства.

Матерія интеллектуальнаго плана соотвѣтствуетъ интеллектуальной ступени Сознанія, Мысли, Познаванію, и каждое измѣненіе въ мысли сопровождается соотвѣтствующей вибраціей въ матеріи этого плана. Покойный В. Клиффордъ призналъ, повидимому, „вещество мысли" составной частью космоса, ибо какъ каждая сила требуетъ своего проводника, такъ и мысль, разсматриваемая какъ сила, нуждается въ особомъ видѣ матеріи для своего проявленія.

Матерія астральнаго плана соотвѣтствуетъ страстному на-

чалу сознанія (ступень желанія), и каждое измѣненіе въ эмоціяхъ, страстяхъ, желаніяхъ и ощущеніяхъ, сопровождается вибраціей въ астральной матеріи.

Матерія физическаго плана--наиболѣе грубая или плотная—организуется для *активнаго* выраженія человѣческаго сознанія.

Эти семь видовъ матеріи взаимно проникающихъ другъ друга—какъ физическія твердыя, жидкія, газообразныя и эфирныя частицы взаимно проникаютъ другъ друга въ окружающихъ насъ предметахъ — распространены не всѣ одинаковымъ образомъ по всему полю, занимаемому солнечной системой, но частью соединены въ планеты, міры или глобусы; три наиболѣе тонкіе вида матеріи распространены по всему пространству, они, слѣдовательно, принадлежатъ *всей* системѣ, тогда какъ четыре болѣе плотные вида составляютъ ядро планеты и окружающую ее сферу; такимъ образомъ пространства, занимаемыя отдѣльными планетами, не стоятъ во взаимномъ соприкосновеніи.

Мы читаемъ въ св. Писаніяхъ „о Семи Духахъ“: христіане и магометане имѣютъ семь Архангеловъ; послѣдователи Зороастра—семь Амшаспендовъ; евреи—семь Сефиротовъ; Теософія называетъ ихъ семью планетарными Логосами, и они являются Правителями планетъ: Вулкана, Венеры, Земли, Юпитера, Сатурна, Урана и Нептуна.

Каждая изъ этихъ семи планетъ является срединной поворотной точкой въ цѣлой цѣпи взаимно зависимыхъ міровъ, управляемыхъ планетарнымъ Логосомъ, и каждая такая цѣпь является отдѣльнымъ Полемъ Эволюціи, начинаясь съ зачаточной жизни и кончаясь появленіемъ человѣка. Такимъ образомъ, въ одной солнечной системѣ имѣются семь такихъ взаимно связанныхъ и постепенно развивающихся Полей Эволюціи и естественно, что они находятся на различныхъ ступеняхъ развитія. Каждая цѣпь состоитъ изъ семи глобусовъ, изъ которыхъ одинъ состоитъ обыкновенно изъ физической матеріи, а шесть остальныхъ изъ болѣе тонкаго состава; но въ нашей собственной цѣпи, Земля имѣетъ два видимыхъ для физическаго глаза родственныхъ глобуса — Марса и Меркурія и четыре невидимыхъ. Волна развивающейся жизни, несущая въ себѣ эволюціонирующихъ существъ, занимаетъ одновременно одно звено или одинъ шаръ изъ всей цѣпи—за нѣсколькими особыми исключеніями, о которыхъ не мѣсто говорить здѣсь—и она переходитъ на слѣдующій шаръ только тогда, когда всѣ уроки на предыдущей ступени развитія, на предыдущемъ шарѣ, пройдены до конца.

Такимъ образомъ, наше человѣчество переходило съ шара перваго на ментальномъ планѣ на шаръ второй на планѣ астральномъ; съ этого послѣдняго на шаръ третій, Марсъ, и затѣмъ уже на шаръ четвертый—нашу землю; оно перейдетъ на шаръ пятый, Меркурій, а затѣмъ на шаръ шестой, снова на астральный планъ, и оттуда на шаръ седьмой, на ментальный планъ.

Планы:
1 7 Менталь-ный
2 6 Астраль-ный
Марсъ 3 4 5 Физическій
Земля Меркурій

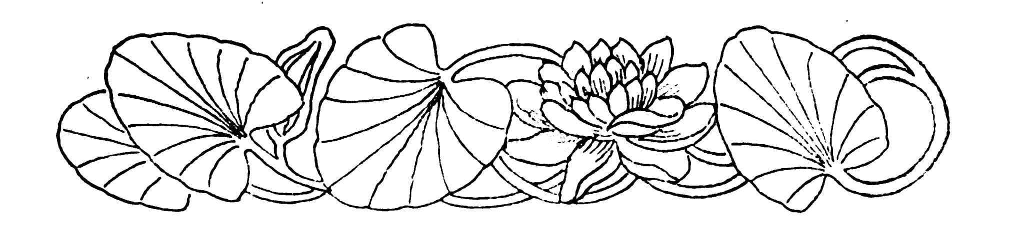
Всѣ эти переходы завершаютъ собой великій *эволюціонный Кругъ*, какъ удачно названъ весь процессъ Жизни.

Эта великая схема эволюціи не можетъ быть усвоена сразу человѣкомъ не знающимъ; точно такъ же какъ и соотвѣтствующая астрономическая схема, хотя послѣдняя имѣетъ дѣло лишь съ физическимъ планомъ. Притомъ же, пониманіе ее вовсе не необходимо для человѣка, трудно схватывающаго, такъ какъ оно не имѣетъ *непосредственнаго* значенія для жизни. Оно имѣетъ значеніе только для человѣка, желающаго проникнуть въ болѣе глубокія проблемы природы и не боящагося сильнаго умственнаго напряженія.

Перев. съ англійскаго Е. П.

(Продолженіе слѣдуетъ).





Ритмъ въ человѣкѣ и эволюція характера.

II.

Жизнь есть божественный ритмъ и этотъ ритмъ вибрируетъ во всей природѣ, восходя отъ царства минерала, гдѣ медленное біеніе его растягивается на цѣлые вѣка и эоны, отъ чистаго царства растеній и зачаточно-разсудочнаго страстнаго царства животнаго до сложнаго и богатаго царства человѣка, въ которомъ такъ ярко сказываются обѣ бездны притяженія вверхъ и внизъ, ибо ступени восходятъ еще выше. Онѣ поднимаютъ насъ отъ сознанія дикаря до стадіи высоко-культурнаго человѣка и дальше, до сознанія генія и святого, т. е. той ступени, гдѣ начинается новая ступень, царства сверхчеловѣчества. Вершина лѣстницы теряется въ облакахъ и мы можемъ только предчувствовать ихъ сіяющій свѣтъ и неизреченную славу.

Намъ еще недоступны детали эволюціоннаго плана, мы не можемъ осознать въ полнотѣ конечныя цѣли міросозданія, но намъ доступна общая схема, мы ясно уже видимъ, что отъ земли къ небу протянута исполинская лѣстница жизни съ безчисленными ступенями сознанія и по этой лѣстницѣ восходятъ миріады существъ всѣхъ царствъ и возрастовъ, все болѣе расширяя свое сознаніе, все болѣе развиваясь и совершенствуясь. Лѣстница начинается во прахѣ земли, на уровнѣ элементальныхъ силъ природы, среди камней и металловъ и восходитъ до божественныхъ вершинъ сознанія тѣхъ, что уже болѣе, чѣмъ люди.

Въ этомъ восхожденіи мы можемъ участвовать сознательно, но большинство изъ насъ идетъ сихійно и потому такъ долго задерживается на каждой ступени. Отъ насъ зависитъ скорѣе подниматься и осуществлять высшій, предначертанный намъ

типъ. Но для этого намъ нужно ясно понять все значеніе духовной культуры и тѣ измѣненія въ душевномъ ритмѣ, которыя сопровождаютъ процессъ совершенствованія или что то же: эволюціонный.

Въ предыдущей лекціи я уже упоминала объ индусскомъ ученіи о силахъ природы, „гунахъ“. И въ природѣ, и въ человѣкѣ непрерывно дѣйствуютъ эти три энергіи: тамасъ (инерція, темнота, лѣнь), раджасъ (страсть, раздражительность, неустойчивость) и саттва (свѣтъ, равновѣсіе, гармонія). Смотря по тому, какая изъ этихъ силъ природы преобладаетъ въ космосѣ и въ человѣкѣ, мы имѣемъ на лицо окаменѣлость, бурную стихійность или спокойную устойчивость. Недаромъ человѣкъ издавна именуется „микрокосмомъ“, маленькой вселенной. Въ немъ точно также, какъ и въ великой вселенной, „макрокосмѣ“, дѣйствуютъ тѣ же извѣчныя силы природы и тѣ же нерушимые законы духа. Согласно этимъ законамъ каждое восхожденіе человѣка на новую степень сознанія сопровождается преображеніемъ его вибрацій въ болѣе высокій и свѣтлый ритмъ. Слѣдовательно, мы должны усвоить ступень, на которой мы стоимъ и особенности слѣдующей ступени. Мы должны, по выраженію древне-индусскому, *понять свою дхарму*. Кромѣ того, мы должны изучить себя, чтобы ясно увидѣть, какая изъ силъ природы имѣетъ наибольшую власть надъ нами, чтобы уравновѣсить ея силу противуположной гуной. Наконецъ, намъ необходимо углубиться въ методы истинной культуры, чтобы не тратить энергію понапрасну, а также для того, чтобы наиболѣе совершенны и прочны были достигаемые результаты.

Три ритма природы (замедленный, страстный—нескоординированный и гармоничный) сказываются въ индивидуальныхъ проявленіяхъ темперамента и характера каждаго человѣка, а также и въ коллективномъ характерѣ той или иной національной и расовой группы.

Въ психологіи есть древнее раздѣленіе людей на 4 темперамента (вѣрнѣе было бы 3) и, хотя въ дѣйствительности чрезвычайно рѣдко эти типы являются въ чистомъ видѣ, тѣмъ не менѣе они собою довольно вѣрно представляютъ разновидности человѣческихъ основныхъ тенденцій.

Флегматикъ, въ которомъ всѣ впечатлѣнія отпечатываются медленно и стираются легко (вялая раздражительность и вялая реакція, слѣды слабые) наиболѣе ярко выражаетъ свойство тамаса.

Его противуположность, сангвиникъ, быстро воспринимаетъ и также быстро забываетъ впечатлѣнія (быстрая раздражительность, быстрая реакція, но слѣды тоже слабые). Онъ хорошо собою выражаетъ гуну раджасъ.

Меланхоликъ есть разновидность обоихъ.

Холерикъ же является представителемъ устойчивости впечатлѣній и потому почвой для сильнаго характера. Это типъ по преимуществу волевой. Онъ выражаетъ собой важный элементъ саттвы: равновѣсіе, и потому онъ можетъ дать со временемъ гармонію, но это только въ томъ случаѣ, если воля человѣка направлена не на эгоистическія цѣли, а на сверхличныя; если сердце его работаетъ такъ же сильно, какъ и сознаніе и желанія его.

Мы рождаемся съ тѣмъ или инымъ строемъ вибрацій, смотря по своему индивидуальному развитію въ прошломъ и по своимъ особенностямъ физическимъ и психическимъ въ настоящемъ. Большей частью мы являемъ смѣшанный типъ, обладая свойствомъ болѣе, чѣмъ одного темперамента, что ясно указываетъ на возможность развитія его въ ту или иную сторону. И дѣйствительно мы можемъ измѣнить себя и свой темпераментъ. Работая надъ своимъ характеромъ, мы тѣмъ самымъ измѣняемъ и свой темпераментъ; мы преображаемъ весь свой ритмъ и такимъ образомъ, мы создаемъ новую разновидность типа; этотъ типъ облагораживается и улучшается по мѣрѣ того, какъ мы приближаемся все болѣе къ тому идеально-совершенному типу, въ которомъ все пришло въ равновѣсіе и все гармонично.

Каждый изъ насъ можетъ сознательно строить новый біологическій типъ, если онъ серьезно займется задачами самовоспитанія. Но въ чемъ будетъ заключаться этотъ высшій типъ? Почему надо стремиться къ нему? Какія цѣли преслѣдуетъ природа такъ явно и опредѣленно ведущая насъ къ преображенію нашего ритма и тѣмъ самымъ къ преображенію всей нашей жизни?

„Въ мірѣ есть божественный планъ и этотъ планъ—эволюція", говоритъ восточный мудрецъ. По этому плану всѣ энергіи природы должны дойти до максимума своего напряженія въ пластичной природѣ человѣка, но проведенныя черезъ горнило духовнаго опыта, онѣ должны пріити въ равновѣсіе и претвориться въ мудрую силу добра и свѣта. Для этого человѣкъ долженъ овладѣть ими, онъ долженъ стать „господиномъ стихій". Это станетъ возможнымъ только тогда, когда онъ направитъ

свое вниманіе на гармонію (саттву) и когда онъ сознательно начнетъ работать для достиженія ея, дисциплинируя всѣ свои проявленія, трудясь неустанно надъ своимъ очищеніемъ и просвѣтленіемъ. Постепенно тамасъ и раджасъ, которые стихійно поочередно владѣютъ душою человѣка, прійдутъ въ равновѣсіе и начнутъ все чаще и чаще подчиняться синтезирующей и регулирующей ихъ силѣ саттвы, гармоніи.

Въ саттвѣ есть цѣнный аспектъ тамаса—его устойчивость, но это качество не мѣшаетъ свободному проявленію жизни.

Въ саттвѣ есть также цѣнный аспектъ раджаса—его активность, но эта активность лишена элемента самости и эмоціональности и потому не нарушаетъ равновѣсія.

Такимъ образомъ въ саттвѣ мы наблюдаемъ обѣ гуны, поляризованныя третьей силой и пришедшія въ полное равновѣсіе.—Эта третья, саттва, претворила въ себя то цѣнное, что есть въ каждой изъ нихъ и использовала ихъ вполнѣ для цѣли эволюціи. Медленный ритмъ тамаса и страстный ритмъ раджаса, сливаясь подъ вліяніемъ работы духа въ новую силу жизни, образуютъ совмѣстно и новый ритмъ безконечно болѣе богатый и сложный, чѣмъ предыдущіе, свѣтлый и свободный ритмъ саттвы (гармоніи).

Какое значеніе имѣетъ такое преображеніе? Съ одной стороны, это означаетъ экономію силъ, съ другой—болѣе интенсивное и стройное ихъ примѣненіе. Сила, не потраченная даромъ и мудро направленная, вся идетъ на развитіе цѣлесообразной и разумной дѣятельности, а такая дѣятельность, въ свою очередь развивая творческія силы, ведетъ за собой расширеніе нашего опыта, обогащаетъ нашу индивидуальность и ускоряетъ нашъ духовный ростъ.

Но зачѣмъ спѣшить. Нужна ли такая трата энергіи на цѣли самосовершенствованія?

Мы утеряли сознаніе своего единства со всѣмъ сущимъ, но мы должны понять, что весь міръ со всѣми его царствами есть одно съ нами и потому, работая надъ собой, мы работаемъ для всѣхъ. Всякое улучшеніе себя ведетъ къ преображенію нашего ритма, а измѣненіе ритма ведетъ за собою глубокія измѣненія во всей жизни вселенной. Сознательно участвуя въ эволюціи и ускоряя ее для себя, мы тѣмъ самымъ помогаемъ и всѣмъ остальнымъ быстрѣе подниматься.

Поднимаясь на высшую ступень сознанія, мы приходимъ къ болѣе глубокому пониманію нашего единства и изъ этого

сознанія выливается праведная дѣятельность, т. е. сверхличная работа. Эта сторона должна быть ясна всѣмъ. Не можетъ человѣкъ, вдумчиво работающій надъ собою, подниматься и не рости въ сочувствіи и любви ко всему живому и въ желаніи творить новую жизнь на землѣ, болѣе свѣтлую и достойную.

Но есть и другая сторона такого подъема, которая часто забывается или просто игнорируется, а между тѣмъ она не менѣе реальна, чѣмъ первая, и является могущественной силой помощи для насъ. Это именно ритмъ, свидѣтельствующій о размѣрѣ явленій и дѣйствующій на насъ помимо нашихъ разсужденій и нашего пониманія. Мы можемъ ничего не знать о внутренней работѣ человѣка и не подозрѣвать, что онъ излучаетъ какую то особую свѣтлую силу, но мы будемъ чувствовать себя иначе въ его присутствіи, чѣмъ въ присутствіи человѣка ничтожнаго и эгоистичнаго, живущаго лишь стихійными порывами и мелкими интересами. Почему?

Потому что сознательная работа дѣлаетъ всю нашу жизнь болѣе интенсивной, а напряженіе жизни сопровождается особымъ высокимъ и богатымъ ритмомъ, который, соприкасаясь съ нашимъ, успокаиваетъ, укрѣпляетъ и гармонизируетъ его. Это сказывается въ насъ чувствомъ легкости, покоя и иногда охватывающимъ насъ чувствомъ радости. Тогда мы говоримъ, что „хорошо побыть молча около такого-то человѣка, на душѣ становится легко и свѣтло". Случается и такъ, что войдетъ въ комнату другой человѣкъ и не произнесетъ ни одного слова, не сдѣлаетъ ни одного движенія, а между тѣмъ уже вся атмосфера омрачилась и мы стали раздражительны и тревожны.

Это насъ не должно удивлять: вибрируя на тотъ или иной ладъ, мы излучаемъ всечасно соотвѣтствующія вибраціи и вносимъ такимъ образомъ въ общую атмосферу силы добрыя или злыя, силы свѣта или мрака. Однимъ своимъ присутствіемъ среди людей человѣкъ становится источникомъ ихъ радости или страданія. Отъ насъ зависитъ озарять или омрачать жизнь, усиливать свѣтъ и бодрость нашихъ братьевъ, или бремя ихъ скорби и печали. Отъ того какъ мы внутренно живемъ зависитъ красота или уродливость нашихъ проявленій; излученія, соотвѣтствующія высотѣ и силѣ нашихъ переживаній, окружаютъ насъ настоящей атмосферой, такъ называемой аурой, темной или свѣтлой, которую видятъ ясновидящіе. Такую ауру имѣетъ все живое, и камень и растеніе, и животное, но въ особенности ярко очертаніе ауры у человѣка.

Недавно были сдѣланы фотографическіе опыты въ этой сферѣ и удалось получить снимки, отчетливо передающіе очертанія ауры растеній, людей и даже неодушевленныхъ предметовъ, бывшихъ въ атмосферѣ человѣка и какъ бы имъ намагниченные.

Въ нашей аурѣ витаютъ тѣ мыслеобразы, которые мы особенно часто порождаемъ, и ясновидящіе даютъ имъ интересныя описанія. Такъ вспышка гнѣва наблюдается, какъ маленькая молнія съ острой, огненной стрѣлой; зависть и жадность порождаютъ формы наподобіе крючка грязно коричневаго цвѣта; печаль вноситъ въ ауру тяжелыя сѣро-свинцовыя тучи. Наоборотъ, свѣтлыя эмоціи порождаютъ красивыя и свѣтлыя формы. Любовь рождаетъ свѣтлыя облачка нѣжно-розоваго цвѣта; преданность и благоговѣніе даютъ красивые цвѣты съ голубыми и фіолетовыми лепестками; напряженная мысль родитъ золотые завитки надъ головой и синія облака, иногда въ видѣ золотыхъ звѣздъ на синемъ небѣ и т. д.

Подробныя описанія человѣческой ауры и мыслеобразовъ съ рисунками можно найти въ книгахъ А. Безантъ и Ч. Ледбитера: „Видимый и невидимый человѣкъ“ и „Мыслеобразы“. Нѣкоторыя указанія можно также найти въ книжечкѣ Е. П. „Сила мысли“ (изд. Лотосъ).

Но помимо мыслеобразовъ, которые видятъ ясновидящіе, есть извѣстный строй вибрацій, который непосредственно передается другимъ людямъ и существамъ, и этотъ ритмъ мы всѣ можемъ уловить, при нѣкоторомъ вниманіи, и можемъ опредѣлить его стройность и высоту по его вліянію на наше настроеніе и самочувствіе.

Въ чемъ тайна внутренняго преображенія человѣка?

Эта тайна заключается въ томъ, что внутренній міръ человѣка приходитъ въ порядокъ, изъ хаоса превратился въ стройный космосъ. Культивируя и обостряя свое вниманіе и развивая въ себѣ волю къ добру, человѣкъ очищаетъ свои эмоціи, облагораживаетъ свои помыслы и устремляетъ всѣ свои желанія на цѣли сверхличныя.

Но какъ совершается этотъ процессъ очищенія и просвѣтлѣнія? Какъ человѣку достигнуть полной власти надъ собой?

Это достигается только неустаннымъ трудомъ и цѣпью непрерывныхъ усилій. — Человѣкъ долженъ постоянно упражняться во вниманіи, чтобы стать собраннымъ; онъ долженъ упражняться въ любви, чтобы стать добрымъ; онъ долженъ упражняться въ контролѣ эмоцій и поступковъ, чтобы стать силь-

нымъ. Школой является его ежедневная жизнь. Только черезъ такую постоянную и напряженную работу созидается характеръ и рождается новый біологическій типъ. Только такимъ путемъ человѣкъ побѣждаетъ стихію и сознательно участвуетъ въ процессѣ міровой эволюціи. И съ этого момента онъ перестаетъ быть стихійнымъ человѣкомъ, онъ идетъ сознательнымъ и потому ускореннымъ путемъ.

Здѣсь ему несказанную помощь даетъ пониманіе закона. Постигнувъ, что вся Жизнь есть Божественный ритмъ, онъ начинаетъ вносить этотъ ритмъ и въ свои обыденныя занятія и привычки, такъ чтобы все было продуманно, все по плану, ко времени и къ мѣсту, все въ гармоніи съ законами природы и потому разумно. Онъ будетъ вдумчиво начинать свой день, настраивая себя съ утра на высокій ладъ и чертить его планъ такъ, чтобы затѣмъ весь трудовой день его былъ бы окрашенъ тѣмъ высокимъ стремленіемъ, съ которымъ онъ былъ начатъ, и чтобы встрѣчныя впечатлѣнія, заботы и испытанія не вывели его изъ равновѣсія. И ложась спать и мысленно пробѣгая свой день, онъ отмѣтитъ, что было въ немъ правильнаго и что было неудачнаго, что слѣдуетъ ему впредь избѣгать и что особенно помогало. Этотъ постоянный контроль будетъ помогать ему въ собранности, безъ которой немыслима никакая дисциплина и онъ незамѣтно для себя будетъ рости въ силѣ и мудрости [1]).

Вмѣстѣ съ этимъ внутреннимъ ростомъ будетъ развиваться и его чуткость ко всему высокому и прекрасному. Онъ будетъ чувствовать болѣе глубоко, будетъ различать болѣе нѣжные звуки и болѣе тонкіе цвѣта. Онъ станетъ отзываться на болѣе высокій ритмъ во всемъ и будетъ искать всякаго случая приблизиться и пріобщиться къ нему. Сперва его будетъ толкать въ этомъ направленіи инстинктъ или интуиція, которая есть инстинктъ высшій, инстинктъ нашего духа; позже опытъ ему покажетъ какъ вѣрно его вела интуиція. И тогда онъ уже сознательно будетъ искать общества людей высшаго типа и впечатлѣній высшаго порядка. — Онъ пойметъ все значеніе для насъ идеала, преображающаго нашъ ритмъ однимъ устремленіемъ на него, и будетъ сознательно носить его въ своей душѣ. Онъ станетъ поклонникомъ всего, что велико и прекрасно, и будетъ радостно привѣтствовать красоту, гдѣ бы онъ ее не встрѣтилъ.

---

[1]) Въ этомъ отношеніи теософическая литература даетъ богатыя указанія.



Этотъ культъ красоты будетъ развивать все болѣе его чуткость и раскрывать всѣ его внутреннія силы.

Почему? Потому что высшій ритмъ, если мы къ нему чутко прислушиваемся, т. е. стараемся вибрировать ему созвучно, а всякое проникновенное вниманіе есть уже созвучіе, насъ на время преображаетъ, поднимая до себя. И такія минуты не проходятъ даромъ: если даже часъ подъема прошелъ, то усилилась наша способность вибрировать на болѣе высокій ладъ, и эта способность растетъ съ каждымъ прикосновеніемъ нашимъ къ Великому. Вотъ почему для насъ имѣютъ такое значеніе духовное наслѣдіе великихъ людей: ихъ писанія, ихъ картины, пѣсни и мысли проникнуты тѣмъ высокимъ ритмомъ, которымъ они создавались и наше проникновенное вниманіе къ плоду ихъ творчества заставляетъ преображаться нашъ собственный ритмъ, раскрывая въ насъ самихъ невѣдомыя глубины. Такъ называемые великіе Посвященные—это люди, овладѣвшіе высшимъ ритмомъ жизни и ставшіе больше, чѣмъ люди. Этотъ высшій ритмъ могущественно звучитъ въ ихъ безсмертныхъ твореніяхъ и зоветъ насъ къ вершинамъ духа.

Вникая въ глубокую реальность этихъ явленій, мы поймемъ, что идеалъ святости необходимъ для прогресса человѣчества и что религіозное сознаніе зиждется не на схоластикѣ, а на живомъ, мистическомъ опытѣ.

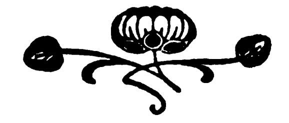
Въ книгѣ Джемса „О прагматизмѣ", которую Н. С. Котляревскій опредѣлилъ, какъ „исключительную въ смыслѣ общественно-воспитательномъ", есть особенно цѣнная страница, посвященная значенію святыхъ.

„Святые, говоритъ онъ, отдѣльныя, сверкающія на солнцѣ брызги великаго потока. Міръ не съ ними, а потому среди его суетныхъ дѣлъ жизнь святыхъ кажется лишенной смысла. А между тѣмъ призваніе ихъ жизни—оплодотворить міръ, оживить тѣ сѣмена добра, которыя бы безъ нихъ не дали бы всхода. Послѣ того, какъ святой пройдетъ среди насъ, мы не можемъ болѣе оставаться такими, какими были раньше. Пламя порождаетъ пламя. И безъ того чрезмѣрнаго довѣрія, какое высказываютъ святые къ достоинству человѣка, мы погрузились бы въ состояніе духовнаго застоя".

Въ вдохновенномъ стихотвореніи Минскаго: „На вершинѣ", поэтъ рисуетъ святого, посвященнаго въ мистеріи духа, который съ вершины протягиваетъ къ намъ руки и зоветъ насъ на подвигъ:

Я зову въ тишинѣ:
Вы, съ далекихъ путей,
Приходите ко мнѣ.
Если духъ вашъ въ довольствѣ коснѣлъ,
Безнадежностью васъ уязвлю.
Если духъ вашъ въ страданьяхъ болѣлъ,
Безпечальностью васъ исцѣлю.
На судьбу научу васъ глядѣть,
Какъ на дальній узоръ.
Разорву его сѣть,
Чтобъ проникъ въ нее взоръ.
Освящу безъ поста и веригъ,
Въ храмъ введу васъ на край пустоты,
Тотъ умретъ, кто достигъ высоты,
Тотъ воскресъ, кто вершины достигъ.

Alba.



Какъ возлюбилъ Меня Отецъ и Я возлюбилъ васъ; пребудьте въ любви Моей; если заповѣди Мои соблюдете, пребудете въ любви Моей. какъ и Я соблюлъ заповѣди Отца Моего и пребываю въ Его любви; (Іоаннъ XV—9, 10).

Сіе сказалъ Я вамъ, да радость Моя въ васъ пребудетъ и радость ваша будетъ совершенна. (Іоаннъ XV--11.

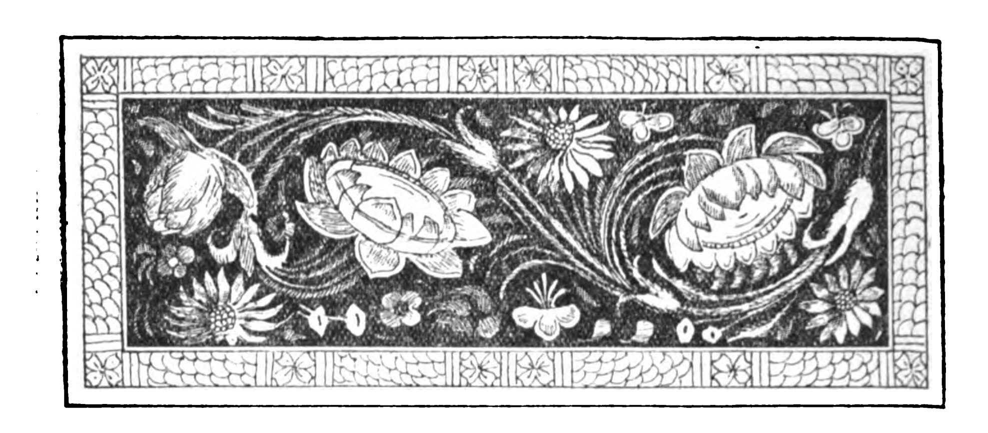
Сія есть заповѣдь Моя, да любите другъ друга, какъ Я возлюбилъ васъ; нѣтъ больше той любви, какъ если кто положитъ душу свою за друзей своихъ. (Іоаннъ XV—12, 13).

Сіе заповѣдую вамъ, да любите другъ друга. (Іоаннъ XV—17.

Истинно, истинно говорю вамъ: вы восплачете и возрыдаете, а міръ возрадуется; вы печальны будете, но печаль ваша въ радость будетъ. (Іоаннъ XVI—20).

До нынѣ вы ничего не просили во имя Мое; просите и получите, чтобы радость ваша была совершенна. (Іоаннъ XVI—24).

...и не говорю вамъ, что Я буду просить Отца о васъ: ибо самъ Отецъ любитъ васъ, потому что вы возлюбили Меня и увѣровали, что Я исшелъ отъ Бога. (Іоаннъ XVI—26, 27).



Идиллія Бѣлаго Лотоса [1]).

Мабель Коллинзъ.

Глава IV.

Когда я проснулся, я почувствовалъ, что тѣло мое покрыто холоднымъ потомъ и вся жизнь словно ушла изъ него. Я лежалъ безпомощный, недоумѣвая—гдѣ я?

Было тихо и темно, и въ первыя минуты чувство уединенія и покоя было чрезвычайно пріятно для меня. Но вскорѣ моя мысль возстановила всѣ событія истиннаго дня, которыя сдѣлали его полнѣе и значительнѣе, чѣмъ всѣ предыдущіе годы моей жизни. Видѣніе цвѣтка бѣлаго лотоса возникло снова передо мной, но оно немедленно поблекло, когда въ моей испуганной душѣ пронеслось воспоминаніе о томъ позднѣйшемъ страшномъ видѣніи, которое было послѣднимъ потрясающимъ переживаніемъ передъ тѣмъ, какъ я проснулся въ темнотѣ.

Я снова увидалъ ее; снова въ моемъ воображеніи забѣлѣло ея наклоненное ко мнѣ лицо—ужасающая не-реальность этого лица, ледяная угроза въ этихъ жестокихъ глазахъ. Я былъ обезсиленъ и истощенъ, и снова—хотя видѣніе появилось теперь въ моемъ собственномъ воображеніи — громкій крикъ ужаса вырвался изъ моей груди.

Немедленно послѣ того я увидалъ свѣтъ, приближающійся къ двери моей комнаты; дверь открылась и въ нее вошелъ жрецъ съ зажженной серебряной лампой въ рукѣ.

---

1) См. „В. Т.“ № 1 и 2, 1915 г.

Ея свѣтъ освѣтилъ комнату и я убѣдился, что до этого я не входилъ въ нее. Она казалась очень красивой и полной удобства. Я замѣтилъ, что ниспадавшіе мягкіе занавѣсы дѣлали ее очень уютной и вскорѣ почувствовалъ, что воздухъ въ ней былъ наполненъ пріятнымъ благоуханіемъ.

Жрецъ приблизился и когда онъ совсѣмъ подошелъ ко мнѣ, онъ склонилъ свою голову.

— Въ чемъ нуждается, мой господинъ? — спросилъ онъ. — Не принести ли мнѣ воды, если ты чувствуешь жажду?

— Я не хочу пить,—отвѣтилъ я.—Я боюсь, боюсь этого ужаса, который я видѣлъ.

—Успокойся,—сказалъ онъ.—Это юность заставляетъ тебя бояться. Взглядъ нашей всемогущей владычицы такъ могучъ, что онъ можетъ лишать сознанія даже взрослаго человѣка. Не бойся, ибо среди насъ ты заслужилъ почетъ, благодаря тому, что глаза твои видятъ. Что могу я сдѣлать для тебя?

— Скажи, теперь ночь?—спросилъ я, безпокойно поворачиваясь на своемъ мягкомъ ложѣ.

— Близится утро,—отвѣтилъ жрецъ.

— О, я хочу, чтобы поскорѣй пришелъ день,—воскликнулъ я,—чтобы благословенное солнце изгладило изъ моей памяти это ужасное видѣніе, которое заставляетъ меня содрагаться! Я боюсь темноты,—въ темнотѣ опять появляется это злобное лицо.

— Я останусь около твоей постели,—сказалъ спокойно жрецъ. Онъ поставилъ серебряную лампу на поставецъ и сѣлъ около меня. Его лицо было совсѣмъ каменное и не прошло нѣсколькихъ минутъ, какъ мнѣ стало казаться, что около меня мертвое изваяніе. Въ его глазахъ былъ холодъ, въ его рѣчи, хотя полной добрыхъ словъ, не было ни искры тепла. Мнѣ хотѣлось быть подальше отъ него. Когда я взглядывалъ на него, видѣніе корридора вставало между мной и имъ. Нѣкоторое время я выдерживалъ это ощущеніе, старался даже найти успокоеніе въ его присутствіи; но подъ конецъ я не выдержалъ и, забывая свое рѣшеніе молчать передъ нимъ, я вылилъ свое волненіе въ потокѣ страстныхъ словъ.

— О, я не могу, я не могу выносить этого! — закричалъ я. — Пустите меня! отпустите меня въ садъ, или въ другое мѣсто! Вся комната наполнена тѣмъ же страшнымъ видѣніемъ! Я вижу ее всюду! Я не могу закрыть отъ нея глазъ! О, пустите же меня, выпустите меня отсюда!

— Не возмущайся противъ видѣнія,—отвѣтилъ жрецъ.—Оно

пришло къ тебѣ изъ святилища, изъ самаго святого мѣста храма. Она отмѣтила тебя изъ всѣхъ остальныхъ и ты будешь почитаемъ среди насъ. Но ты долженъ покорить мятежъ въ своемъ сердцѣ.

Я замолчалъ. Его слова падали подобно ледянымъ глыбамъ на мою душу. Я не схватилъ значенія его словъ — это было совсѣмъ невозможно для меня; но я болѣзненно чувствовалъ холодъ его рѣчей. Послѣ долгаго молчанія, во время котораго я боролся, чтобы изгнать преслѣдовавшую меня мысль и чтобы отдѣлаться отъ своихъ страховъ,—внезапное воспоминаніе нахлынуло на меня и словно обвѣяло мое сердце пріятнымъ чувствомъ облегченія.

— Гдѣ, — спросилъ я, — тотъ черный человѣкъ, котораго я увидѣлъ въ саду?

— Кто? Садовникъ Сэбоа? Онъ, вѣроятно, спитъ въ своей комнатѣ. Но когда взойдетъ заря, онъ встанетъ и пойдетъ въ садъ.

— Могу я пойти съ нимъ?—спросилъ я съ лихорадочной тревогой, складывая руки какъ на молитвѣ, такъ великъ былъ мой страхъ услыхать отказъ.

— Въ садъ? Разъ ты такъ волнуешься, прогулка утромъ по росѣ, среди свѣжихъ цвѣтовъ, можетъ утолить твою лихорадку. Я позову Сэбоа, чтобы онъ взялъ тебя, когда взойдетъ заря.

Я вздохнулъ глубокимъ вздохомъ облегченія, когда услыхалъ этотъ отвѣтъ на свою мольбу; и отвернувшись отъ жреца, я лежалъ тихо, съ закрытыми глазами, стараясь побороть всѣ страшныя видѣнія радостной мыслью о томъ блаженствѣ, которое ожидало меня, когда я покину эту завѣшаную и искусственно надушенную комнату для нѣжной свѣжести и свободнаго простора освѣщеннаго солнцемъ сада.

Я не говорилъ ни слова, ожидая съ терпѣніемъ, и жрецъ сидѣлъ неподвижно около меня. Подъ конецъ, послѣ долгаго молчанія, которое показалось мнѣ многими часами, онъ всталъ и погасилъ серебряную лампу. Я увидалъ, что неясный утренній свѣтъ уже проникъ въ комнату и слабо освѣщалъ всѣ окружавшие меня предметы.

— Я позову Сэбоа,—сказалъ онъ,—и пошлю его къ тебѣ. Помни, что это твоя комната, и отнынѣ она въ твоемъ распоряженіи. Вернись сюда, прежде чѣмъ начнутся утреннія церемоніи; здѣсь тебя будутъ ждать послушники для твоего омовенія и помазанія.

— Какъ же я узнаю,—воскликнулъ я, страшно перепуганный мыслью, что благодаря какой-то странной судьбѣ я сталъ такой важной особой, — какъ же узнаю я, когда мнѣ нужно возвратиться сюда?

— Ты можешь не приходить до утренней трапезы. О ней возвѣщаетъ звонъ колокола, и кромѣ того, Сэбоа скажетъ тебѣ.— Съ этими словами онъ удалился.

Я былъ полонъ радости при мысли о свѣжемъ воздухѣ, въ которомъ будетъ купаться мое неестественно утомленное тѣло; и я стремился увидѣть Сэбоа и ту нѣжную улыбку, которая отъ времени до времени освѣщала его некрасивое лицо. Мнѣ казалось, что его лицо—единственное человѣческое лицо, которое я видѣлъ съ тѣхъ поръ, какъ разстался съ матерью.

Я посмотрѣлъ—на мнѣ ли моя бѣлая льняная одежда, чтобы я могъ сразу пойти въ садъ. Да, она была на мнѣ, чистая и бѣлая. Я посмотрѣлъ на нее съ чувствомъ гордости, ибо никогда не носилъ я ничего похожаго на эту тонкую ткань. Я настолько успокоился при мысли о Сэбоа, что лежалъ праздно, разсматривая свою одежду и думая, чтобы сказала моя мать, увидавъ меня одѣтымъ въ такую тонкую дорогую ткань.

Не прошло много времени, какъ я услыхалъ шаги, пробудившіе меня отъ моихъ мечтаній. Въ двери показалось странное лицо Сэбоа; одѣтый какъ всегда въ черное, Сэбоа приближался ко мнѣ. Онъ былъ некрасивъ—это правда; онъ былъ странно неуклюжъ—это вѣрно; весь въ черномъ и безъ всякой видимой красоты. Но когда онъ вошелъ и посмотрѣлъ на меня, улыбка, такъ хорошо запомнившаяся мнѣ, освѣтила все его лицо. Оно было человѣчное, оно было любящее.

Поднявшись съ своей постели, я протянулъ обѣ руки къ нему.

— О, Сэбоа!—воскликнулъ я, и слезы выступили на моихъ глазахъ, когда я увидалъ выраженіе нѣжности на его лицѣ.— Скажи мнѣ, зачѣмъ я здѣсь? Что заставляетъ ихъ думать, что я что-то особое, не похожее на другихъ? Сэбоа, скажи мнѣ, неужели я опять увижу ту страшную форму?

Сэбоа приблизился и сталъ около меня на колѣни. Для этого человѣка въ черномъ, казалось, совершенно естественнымъ преклонять колѣна каждый разъ, когда чувство страха одолѣвало его.

— Сынъ мой,—сказалъ онъ,—тебя небо одарило раскрытыми очами. Оставайся чистымъ, владѣя этимъ даромъ и ты за-

сіяешь подобно яркому свѣту въ темнотѣ, которая спустилась надъ нашей несчастной страной.

— Я вовсе не хочу сіять,—сказалъ я съ раздраженіемъ. Его я не боялся, и мое возмущеніе получило исходъ.—Я не хочу дѣлать ничего, разъ это ведетъ къ такимъ ужаснымъ вещамъ! Зачѣмъ я видѣлъ это страшное лицо? Оно и сейчасъ проносится передъ моими глазами и застилаетъ денной свѣтъ!

— Пойдемъ со мной,—сказалъ Сэбоа, вмѣсто отвѣта вставая и протягивая мнѣ свою руку.—Пойдемъ въ садъ и будемъ говорить среди цвѣтовъ на чистомъ воздухѣ, который освѣжитъ твою голову.

Я всталъ и рука въ руку мы пошли черезъ корридоры къ двери, которая вела въ садъ.

Какъ описать то чувство восторга, съ которымъ я впивалъ въ себя свѣжій утренній воздухъ? Это было мое блаженство, какимъ меня до этихъ поръ еще никогда не встрѣчала мать—природа. Не только переходъ изъ замкнутой и неестественно душистой атмосферы, которая была для меня такъ чужда, въ свѣжесть зеленаго, обрызганнаго росой сада,—меня восхищало и успокаивало и сознаніе, что несмотря на весь пережитый ужасъ и напряженія, міръ остается такимъ же прекраснымъ и естественнымъ внѣ дверей храма.

Сэбоа посматривалъ на меня и какой-то тонкой симпатіей угадывая мои смутныя мысли,. старался разъяснить ихъ для меня.

— Солнце встаетъ во всемъ своемъ великолѣпіи попрежнему—сказалъ онъ—цвѣты попрежнему раскрываютъ свои сердца навстрѣчу его лучамъ, раскрой и ты свое сердце и будь доволенъ.

Я ничего не отвѣтилъ ему. Я былъ молодъ и ничего не зналъ. Я не могъ отвѣчать ему словами, но когда мы шли по саду, я смотрѣлъ въ его лицо, я думаю, что мои глаза говорили за меня.

— Сынъ мой,—сказалъ онъ,—что ты сегодня ночью былъ въ темнотѣ, это вовсе не причина сомнѣваться, что свѣтъ продолжаетъ сіять за темнотой. Вѣдь ты не боишься, ложась вечеромъ спать, что утромъ не увидишь яркаго солнца? Ты былъ во тьмѣ, болѣе темной, чѣмъ ночь, и ты увидишь солнце болѣе яркое, чѣмъ это солнце.

Я не понялъ его, хотя слова его заинтересовали меня. Я не хотѣлъ говорить, нѣжный воздухъ и чувство человѣческой

симпатіи слишкомъ захватили меня. Слова потеряли свое значеніе и мнѣ не хотѣлось думать надъ своими переживаніями теперь, когда я былъ на свѣжемъ воздухѣ. Я былъ еще въ дѣтскомъ возрастѣ и радостное чувство возвращающихся силъ, заставило меня забыть все остальное.

Это было естественно; а все естественное казалось мнѣ проникнутымъ особымъ очарованіемъ. Но не успѣлъ я войти въ это настроеніе буйной радости, какъ внезапно и совершенно неожиданно для себя я былъ выхваченъ изъ него.

Куда? Увы, какъ могъ я знать это! Въ земномъ мірѣ нѣтъ подходящихъ словъ для описанія тѣхъ реальныхъ вещей, которыя находятся внѣ круга, называемаго естественнымъ.

Несомнѣнно, что я стоялъ на собственныхъ ногахъ на зеленой травѣ—несомнѣнно, что я не удалялся съ этого мѣста? И развѣ Сэбоа не стоялъ около меня? Я сжалъ его руку. Да, онъ былъ здѣсь. И тѣмъ не менѣе, я ощущалъ ясно, что „естественное" снова отошло отъ меня, что я опять въ томъ мірѣ чувствъ, видѣній и звуковъ, которыхъ я такъ смертельно боялся.

Я не видѣлъ ничего—я не слышалъ ничего—и все же я былъ прикованъ къ мѣсту ужасомъ и дрожалъ, какъ дрожатъ листья передъ бурей. Что появится сейчасъ передо мной? Что находится здѣсь, около меня? Откуда это облако, пронесшееся передъ моими глазами?

Я закрылъ глаза. Я не смѣлъ глядѣть. Я не рѣшался взглянуть въ лицо реальностямъ, окружающимъ меня.

— Открой глаза, сынъ мой,—раздался голосъ Сэбоа,—и скажи мнѣ: видишь ли ты нашу Владычицу?

Я открылъ глаза, боясь снова увидѣть то ужасающее лицо, склоняющееся къ моему съ выраженіемъ страшнаго гнѣва. Но нѣтъ,—въ это мгновеніе я не видѣлъ ничего и я вздохнулъ съ облегченіемъ. Но не прошло и секунды, какъ я весь затрепеталъ отъ восторга. Сэбоа подвелъ меня къ самому водоему Лотоса; а я снова увидѣлъ, какъ и въ тотъ разъ, наклонившуюся къ прозрачной водѣ прекрасную женщину съ длинными волосами, которые наполовину закрывали ея лицо отъ меня.

— Говори съ ней!—воскликнулъ Сэбоа,—я вижу по твоему лицу, что она передъ тобой. О, говори съ ней! Цѣлое поколѣніе прошло съ тѣхъ поръ, какъ она говорила съ жрецами, говори съ ней, ибо поистинѣ мы нуждаемся въ помощи!

Сэбоа упалъ на колѣни рядомъ со мной, какъ онъ это сдѣлалъ и вчера. Его лицо было очень серьезно и въ то же время

горѣло напряженіемъ, а глаза его были полны мольбой. Взглянувъ въ эти глаза, я почувствовалъ, что какая-то сила одолѣваетъ меня—я не могъ бы сказать, *какая*, но мнѣ казалось, что женщина съ золотыми волосами зоветъ меня къ себѣ и что Сэбоа толкаетъ меня къ ней, а между тѣмъ, тѣло мое оставалось неподвижно на томъ же мѣстѣ. Но въ сознаніи своемъ я подвигался къ водоему и двигался до тѣхъ поръ, пока не склонился у края его и не прикоснулся къ складкамъ ея одежды, которыя сливались съ поверхностью воды. Я поднялъ глаза, чтобы посмотрѣть въ ея лицо, но я не могъ видѣть его. Исходившій изъ него свѣтъ слѣпилъ меня и я не могъ смотрѣть на него, какъ не могъ смотрѣть на яркое солнце. И все же я почувствовалъ прикосновеніе ея руки на моей головѣ и слова, исходившія отъ нея, начали проникать въ мое сознаніе, хотя едва ли я понималъ, что слышу ихъ.

— Дитя съ раскрытыми глазами,—сказала она,—твоя душа чиста и на нея возложена трудная задача. Но не переставай держаться около меня, исполненной свѣта, и я укажу, куда ты долженъ направить стопы свои!

— Свѣтлая мать,—сказалъ я,—что же означаетъ тьма?

Я не рѣшался поставить вопросъ свой яснѣе; мнѣ казалось, что если я заговорю о томъ ужасномъ, искаженномъ гнѣвомъ лицѣ, оно появится передо мной. Я чувствовалъ, какъ по мнѣ пронесся трепетъ отъ ея руки, когда я произносилъ эти слова. Я вообразилъ, что гнѣвъ обрушится на меня, но голосъ ея продолжалъ проникать въ мое сознаніе такъ же тихо и нѣжно, какъ капли лѣтняго дождя, и онъ оживлялъ меня такъ же, какъ жаждующаго въ безводной пустынѣ журчаніе свѣжей струи.

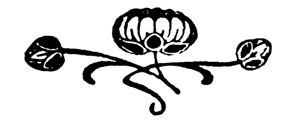
— Темноты не нужно бояться; она должна быть побѣждена и отброшена, когда душа выростетъ сильной и свѣтлой. Сынъ мой, темнота существуетъ во внутреннемъ святилищѣ храма потому, что его служители не могутъ выносить свѣта. Свѣтъ земного міра исключенъ изъ него, дабы святилище освѣщалось свѣтомъ Духа, но слѣпые жрецы, заключенные въ своемъ собственномъ самообманѣ, услаждаютъ себя порожденіемъ темноты. Они позорятъ мое имя, употребляя его; скажи имъ, мой сынъ, что ихъ королева не можетъ править въ царствѣ мрака. У нихъ нѣтъ владычества! у нихъ нѣтъ другого руководителя, кромѣ слѣпыхъ желаній. Это—тебѣ мое первое порученіе для нихъ—вѣдь они просили тебя?

Въ эту минуту меня словно отбросило отъ нея. Я прильнулъ къ ея одеждѣ, но мои руки были безсильны; когда я пересталъ держаться за нее, мнѣ показалось, что я теряю и ощущеніе ея присутствія. Я признавалъ только одно нестерпимое физическое безсиліе. Мои глаза безпомощно закрылись, когда я оторвался отъ нея; я открылъ ихъ съ большимъ усиліемъ. Я увидалъ передъ собой одинъ водоемъ, наполненный цвѣтами королевы цвѣтовъ, которые въ царственномъ великолѣпіи плавали на поверхности воды. Солнечный цвѣтъ отражался въ ихъ золотыхъ сердцевинахъ и я видѣлъ въ нихъ цвѣтъ золотыхъ волосъ. Я смотрѣлъ на нихъ, пока голосъ, полный гнѣва, хотя говорившій медленно и съ обдуманными удареніями, не пробудилъ меня на порогѣ моей мечты.

Я повернулъ голову и увидѣлъ къ своему удивленію Сэбоа, стоящаго между двумя послушниками. Голова его низко склонилась, руки скрестились на груди. Около него стояли главные жрецы Агмадъ и Камэнъ; Агмадъ говорилъ съ Сэбоа. Я вскорѣ сообразилъ, что онъ былъ въ немилости и что немилость эту навлекъ на него я. Но я не могъ понять, что сдѣлалъ онъ дурного.

Агмадъ и Камэнъ стали справа и слѣва отъ меня и приказали мнѣ идти съ ними. Такъ подвигались мы въ молчаніи къ храму, и я снова переступилъ черезъ порогъ его мрачной двери.

(Продолженіе слѣдуетъ).



Учитель, какая наибольшая заповѣдь въ законѣ?

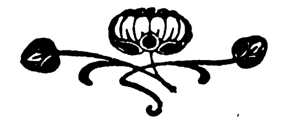
Іисусъ сказалъ ему: „возлюби Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ и всей душою твоею и всѣмъ разумѣніемъ твоимъ;» сія есть первая и наибольшая заповѣдь; вторая же подобная ей: «возлюби ближняго твоего, какъ самого себя». (Матѳ. XXII. 36—39).



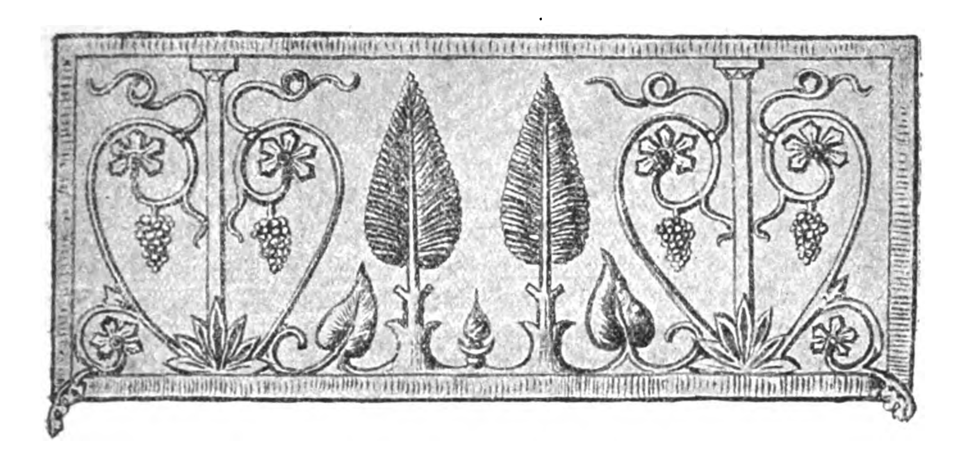
Стихотвореніе.

Страданіе за всѣхъ—широко и свѣтло.
Какъ мощная волна въ безбрежьѣ океана
Оно бы душу скорбную несло
Въ просторъ и ширь отъ мглы прибрежнаго тумана.
Когда жъ твоя душа болитъ за одного—
То пытка страшная въ тюрьмѣ, въ застѣнкѣ тѣсномъ.
О какъ тебѣ молиться за него,
За одного него передъ Царемъ Небеснымъ!

Вѣра Рудичъ.



Пріидите ко Мнѣ, всѣ труждающіеся и обремененные и Я успокою васъ; возьмите иго Мое на себя и научитесь отъ Меня, ибо Я кротокъ и смиренъ сердцемъ и найдете покой душамъ вашимъ; Ибо иго Мое благо и бремя Мое легко. (Матѳ. гл. XI—28, 29, 30).



Воспоминанія [1]).

(Продолженіе).

Глава IV.

Наше общеніе съ деревенскимъ народомъ не всегда было связано съ праздниками, или съ богомольемъ, но, вспоминая дѣтство, припоминаю, что крестьяне собирались у насъ на дворѣ и весной, чтобы привѣтствовать насъ съ пріѣздомъ и въ Троицынъ день, чтобы потомъ идти на нашъ лугъ „завивать вѣнки". Бабы тогда приносили намъ яицъ, куръ и расшитыя полотенца, и ихъ отдаривали деньгами и поили виномъ.

Смутно помню крестьянскія сходки довольно безпокойнаго характера во время выкупа и раздѣла земли, послѣ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

Бабушка разсказывала, что наши мужики въ это время очень волновались, потому что хотѣли получить лучшую землю, прилегавшую къ деревнѣ, на что бабушка не могла согласиться, такъ какъ ей оставалась одна плохая земля.

Долго судили и рядили съ помощью мирового посредника, нѣкоторыхъ моихъ дядюшекъ и бабушкинаго духовника, отца Алексѣя, но къ соглашенію придти никакъ не удавалось, благодаря необыкновенному упорству мужиковъ.

Бабушкѣ пришлось „поступить по закону": воспользовавшись правомъ помѣщиковъ, въ случаѣ полнаго несогласія кре-

---

[1]) См. „В. Т." № 1, 2, 1915 г.

стьянъ, раздѣлить землю по своему усмотрѣнію; но, желая быть мудрой и справедливой, какъ царь Соломонъ, умомъ котораго бабушка всегда восхищалась, она взяла планъ и раздѣлила землю пополамъ, но не поперекъ, а вдоль; и ей и мужикамъ досталось по узкой, длинной полосѣ земли одинаковаго качества, растянутой на пять верстъ по обѣ стороны рѣки.

Этотъ раздѣлъ на многіе и многіе года осложнилъ жизнь красновскихъ крестьянъ и помѣщиковъ, но онъ же явился поводомъ нашего сближенія съ крестьянами, когда я выросла и вышла замужъ, такъ какъ намъ приходилось ѣздить въ поле и возить нашъ хлѣбъ черезъ деревню и поневолѣ знакомиться съ бытомъ и характеромъ мужиковъ; а мужики во время полевыхъ работъ и возки своего хлѣба черезъ нашу усадьбу постоянно заходили къ намъ совѣтоваться о своихъ дѣлахъ и ближе узнавали насъ.

Во время раздѣла, мужики, недовольные бабушкинымъ раздѣломъ подавали на нее жалобы, но безуспѣшно, и наконецъ рѣшили подать на нее прошеніе самому Государю, для чего послали выборныхъ ждать его проѣзда въ Тулѣ.

„Что такое?—строго, но милостиво спросилъ Государь, когда они бросились ему въ ноги и, узнавъ, что дѣло касается земли, онъ сказалъ:

„Разсмотрѣть“.

Дѣло разсмотрѣли, но, такъ какъ все было по закону, ничего не измѣнилось.

Но мужики не повѣрили, чтобы Государь могъ не уважить ихъ просьбы и заподозрили „господъ“ въ обманѣ; съ тѣхъ поръ у нихъ появилась упорная мысль, что помѣщики владѣютъ землею незаконно и, что когда-нибудь земля будетъ мужицкая и достанется имъ даромъ.

Съ годами эта мысль укрѣплялась въ тайное убѣжденіе, которое лѣтъ двадцать пять спустя, когда уже послѣ бабушкиной кончины мы съ мужемъ хозяйничали въ Красномъ, намъ, по дружбѣ повѣдалъ одинъ изъ почтеннѣйшихъ нашихъ деревенскихъ „стариковъ“ Иванъ Ивановичъ Толкунокъ, довѣрявшій намъ „за нашу простоту“.

Иванъ Ивановичъ, отецъ и дѣдъ многочисленнаго семейства дѣльныхъ и работящихъ крестьянъ, былъ мужикъ честный, богобоязненный и трезвый, напивавшійся „ради обычая“ только въ самые большіе праздники и въ „престолъ Ивана Крестителя“, у своей родни въ сосѣднемъ селѣ Лопатинкѣ.

Будучи уже взрослой и однажды подъ вечеръ, возвращаясь въ этотъ день пѣшкомъ изъ Лопатинки, отъ моей знакомой помѣщицы, мнѣ вдругъ послышалось, что дорога поетъ; остановившись въ изумленіи, я стала прислушиваться.

„Господи, Господи!“ пѣла дорога басомъ.

„Какъ Ты хорошъ! Благодарю Тебя Господи! Все-то у Тебя хорошо, и небо, и земля, и все“...

Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ по направленію голоса, я увидѣла въ глубокой колеѣ пьянаго Ивана Ивановича, славящаго Бога.

„Иванъ Ивановичъ, что съ тобой?—съ удивленіемъ спросила я.

„Ничего, матушка, ничего... Лежу въ пыли земной и прославляю Господа на небесахъ; а ты иди съ Богомъ своей дорогой“... и, обративъ свое лицо къ небу, Иванъ Ивановичъ продолжалъ пѣть:

„Господи, какъ Ты хорошъ, все-то, все-то у Тебя хорошо!..

Мужъ мой очень уважалъ Ивана Ивановича и любилъ поговорить съ нимъ о хозяйствѣ, когда онъ приходилъ къ намъ потолковать о своихъ „дѣлишкахъ“ и какъ-то разъ онъ пожаловался ему, что я не умѣю хозяйничать.

„Ты не обижай ее, Миколай Владиміровичъ“,—строго отвѣтилъ Толкунокъ.

„Вѣдь она наша, мы въ обиду ее не дадимъ, помню ее еще совсѣмъ махонькой дѣвочкой,—показалъ онъ рукой на аршинъ отъ земли,—когда она своей дѣтской ручкой судьбу мою рѣшила“.

И онъ разсказалъ намъ случай, о которомъ я часто слышала въ дѣтствѣ, но сама рѣшительно ничего не помню, хотя и принимала въ немъ участіе.

„Провинился я какъ-то передъ барыней своей Александрой Павловной и бурмистромъ Матвѣемъ Герасимовичемъ“, началъ Иванъ Ивановичъ.

„Вотъ значитъ и велѣла меня барыня отдать въ солдаты, потому время тогда еще крѣпостное было и во всемъ воля господская была“...

„Собрали, значитъ весь народъ на дворѣ, у самаго этого круга, гдѣ мы теперь стоимъ, только березки-то тогда пониже ростомъ были. И собрали народъ-то, чтобы приговоръ мнѣ при всемъ мірѣ объявить“...

„Стою я тутъ, ни живъ, ни мертвъ, а барыня на креслѣ

посреди двора сидитъ и подлѣ нея бурмистръ Матвѣй Герасимовичъ стоитъ; а кругомъ мужики, бабы и ребятишки, и жена моя тутъ тоже съ дѣтьми,—заливается-то, заливается она слезами—плачетъ, значитъ".

„И то сказать, легко ли?—Солдатчина-то тогда двадцать пять лѣтъ была"...

„Вотъ, значитъ, барыню-то, видать по ея лицу сумленіе-то и беретъ: видитъ она, молъ, дѣти, значитъ, остаются... да и внучка то ея, такая же махонькая дѣвочка, тутъ тоже возлѣ нея стоитъ и лопочетъ:"

„Бабушка, бабушка!"

„И задумалась барыня"...

„Ну, говоритъ, Иванъ,—хорошо".

„Пусть это невинное дитя судьбу твою рѣшаетъ".

„И приказала барыня подать себѣ бумаги листъ и двѣ записочки тутъ же и написала: одну, значитъ—„простить", а другую—„осудить".

„И повела она внучку свою за ручку въ хоромы—„пусть она тамъ", говоритъ, „записочку изъ кивота, какую нужно вынетъ"; (записочки-то барыня, значитъ въ кивотъ съ образами положить вздумала—пускай, молъ, Богъ рѣшаетъ это дѣло)".

„Вотъ тутъ-то, жена твоя, Миколай Владиміровичъ, своей махонькой ручкой тогда и потянула записочку, на которой написано было „простить"...

Иванъ Ивановичъ умолкъ и мы не стали разспрашивать его, за что именно хотѣли отдать его въ солдаты, такъ какъ узнали въ его разсказѣ ту самую исторію, которую я слышала отъ бабушки, не подозрѣвая, что героемъ ея былъ именно этотъ самый почтенный старикъ Иванъ Ивановичъ Толкунокъ.

Мнѣ было радостно думать, что онъ тогда былъ спасенъ при моей безсознательной помощи и я вспомнила, какъ объ этомъ случаѣ разсказывала бабушка:

„Былъ у насъ въ Красномъ одинъ мужикъ, которому не нравилась власть Матвѣя Герасимовича; желая отъ него избавиться и избавить отъ него весь народъ, мужикъ этотъ пошелъ за совѣтомъ къ колдуну Кудину, жившему у насъ въ Красномъ и колдунъ далъ ему „наговорные порошки", чтобы какъ-нибудь дать ихъ выпить барынѣ, послѣ чего, сказалъ колдунъ, она перестанетъ вѣрить бурмистру и его прогонитъ.

Порошки-то мужикъ отъ колдуна добылъ, а всыпать ихъ бабушкѣ въ супъ, или въ чай было не такъ легко.

Тутъ оказалось, что нашъ лакей Илья приходится сродни этому мужику и онъ позвалъ Илью къ себѣ и порошки ему передалъ, объяснивъ ему ихъ магическое дѣйствіе.

Но Илья, будучи очень преданъ бабушкѣ, обо всемъ этомъ ей доложилъ и порошки ей передалъ въ руки.

Бабушка ужаснулась, предполагая, что ее хотѣли отравить и, восхитившись благородствомъ Ильи, приказала ему вмѣстѣ съ Матвѣемъ Герасимовичемъ это дѣло разобрать, а порошки послать въ Тулу, въ аптеку, для изслѣдованія.

Мужика судили домашнимъ судомъ и за покушеніе на барыню, рѣшено было отдать его въ солдаты, а для поучительности, произнести ему приговоръ въ усадьбѣ при всемъ народѣ.

Собрали мужиковъ и бабъ, пришла и жена его съ дѣтьми и, плача упала бабушкѣ въ ноги...

Такъ, какъ въ дѣтствѣ я всюду бѣгала за бабушкой, какъ маленькая собачка, я была съ нею и все это видѣла и, незнаю почему, такъ какъ ничего этого не помню, сказала ей:

„Бабушка! Pardonne le pauvre paysan“ [1]).

Бабушка очень удивилась моимъ словамъ, потому что мнѣ тогда было не больше трехъ лѣтъ и она была этимъ такъ растрогана, что мужика, ради меня простила. О записочкахъ же, якобы положенныхъ ею въ кіотъ съ образами, она ничего не разсказывала, а только говорила, что наговорные порошки, по изслѣдованію аптеки, оказались простой повареной солью.

Казалось бы страннымъ, что одного мужика судили, а Кудина, такого же крѣпостного, оставили въ покоѣ.

Но въ томъ-то и дѣло, что онъ былъ колдунъ и всѣ его боялись, а на деревнѣ онъ имѣлъ больше значенія, чѣмъ самъ бурмистръ Матвѣй Герасимовичъ, который надо думать, посовѣтовалъ бабушкѣ Кудина лучше ужъ не трогать.

Глава 5-ая.

Колдуна Кудина мнѣ приходилось рѣдко видѣть, потому что у насъ избѣгали имѣть съ нимъ дѣло, но отлично помню его высокую фигуру и сѣдую голову съ мохнатой бородой и бровями, нависшими надъ маленькими острыми глазами.

Когда у насъ говорили о немъ, невольно переводили раз-

[1]) Бабушка, прости бѣднаго мужика.



говоръ на другихъ колдуновъ и вѣдьмъ и разсказывали о порчѣ, о кликушествѣ и о томъ, какъ бѣсноватыя бабы кричатъ звѣриными голосами въ церкви, во время Херувимской и какъ ихъ корчитъ, когда надо прикладываться къ кресту.

Разсказывали и о томъ, что колдуны превращаютъ людей въ животныхъ и „завязываютъ куклы въ полѣ“, чтобы навлечь несчастье на его хозяина, а что вѣдьмы „вынимаютъ спорынью“ изо ржи, чтобы изъ нея приготовлять наговорное зелье и также разсказывали, какъ онѣ, простоволосыя, въ однѣхъ сорочкахъ, стуча въ косы и сковороды, съ заклинаніями „опахиваютъ чуму“, обходя ночью деревни и поля.

Не дай Богъ тогда попасться имъ навстрѣчу—забьютъ до смерти прохожаго, принявъ его за „чуму“.

Мнѣ пришлось позднѣе убѣдиться, что эти разсказы не были лишены нѣкотораго основанія: кликушъ я сама слышала въ церкви и также помню, какъ однажды скотникъ нашъ зачѣмъ-то отправившійся подъ вечеръ въ поле, тамъ увидѣлъ вѣдьму и вернувшись съ блѣднымъ, измѣнившимся лицомъ, тутъ же слегъ.

Три дня онъ ничего не ѣлъ и молчалъ, а на четвертый потребовалъ священника.

Батюшка, которому сказали, что скотникъ нашъ умираетъ, тотчасъ же къ нему пріѣхалъ и отъ него узналъ тайну, которую сообщилъ намъ за чаемъ: вѣдьма въ полѣ передъ скотникомъ на четвереренькахъ переползла дорогу и скрылась во ржи...

Этого страшнаго зрѣлища онъ вынести не могъ, чуть не умеръ и долго потомъ „хворалъ животомъ“, считаясь испорченнымъ.

Картину „Опахиваніе чумы“ художника Мясоѣдова мнѣ пришлось видѣть на выставкѣ и она вполнѣ вѣрно передавала подробности страшныхъ разсказовъ, слышанныхъ мною въ дѣтствѣ; а „куколъ“,—пучекъ ржаныхъ колосьевъ на корню хитро переплетенныхъ и связанныхъ между собой замысловатымъ узломъ, я видѣла въ полѣ.

Развязывать этотъ узелъ считалось смертельно опаснымъ и, увидя такую „куклу“ на своей дѣлянкѣ, мужикъ приходилъ въ ужасъ.

Подозрѣвая злой умыселъ какого-нибудь своего недоброжелательнаго сосѣда, онъ шелъ къ колдуну просить его завязать этому сосѣду въ полѣ такую же куклу, а потомъ ѣхалъ къ „батюшкѣ“ съ просьбой развязать куклу на своемъ полѣ,

потому что только батюшка съ молитвой могъ это сдѣлать вполнѣ безопасно для себя.

Эти куклы дѣйствительно производили непріятное впечатлѣніе, какъ бы предвѣщая бѣду своей таинственной неподвижностью среди колышащейся ржи.

Много, много вреда, по мнѣнію народа, могли сдѣлать колдуны, являясь къ кому-нибудь въ гости, или на свадьбу, если ихъ тамъ недовольно хорошо принимали и угощали.

Они могли не только кого угодно испортить, но и обратить во что угодно, напримѣръ, мужика въ волка, или въ собаку, а бабу въ овцу, или свинью.

Мудрено ли, что бурмистръ Матвѣй Герасимовичъ боялся Кудина?—Какая же ему, въ самомъ дѣлѣ, была охота сдѣлаться волкомъ, или бѣгать и лаять собакой, лишаясь почетнаго званія бабушкина министра.

Она такъ и называла его „министромъ“ и онъ своей статностью, своимъ обхожденіемъ и величавымъ спокойствіемъ пожалуй и заслуживалъ это названіе.

Помню, какъ онъ являлся вечеромъ съ докладомъ къ своей барынѣ, и приходилъ „съ той стороны“ съ желѣзной палочкой, въ длинномъ суконномъ кафтанѣ и ждалъ на дворѣ.

Въ это время намъ подавали самоваръ и бабушка говорила: „Позвать Матвѣя“.

Онъ входилъ въ комнату и почтительно становился у двери, а бабушка, наливъ себѣ чаю въ золоченую чашечку, а мнѣ молока въ кружку, и сказавъ „ну Матвѣй, подойди сюда“, наливала и ему чаю въ огромную, высокую чашку съ цвѣтами, называемую „la tasse de Матвѣй Герасимовичъ“.

Этихъ чашекъ онъ выпивалъ, три, или четыре, смотря по продолжительности своего доклада и пилъ чай стоя, въ прикуску, наливая его на блюдечко, которое держалъ на „пятернѣ“ лѣвой руки; правой же рукой онъ двумя пальцами бралъ кусочекъ сахара, оставляя остальные пальцы свободными, для поясненія жестами нѣкоторыхъ подробностей своего доклада.

Такъ какъ въ это время все вниманіе бабушки было обращено на Матвѣя Герасимовича, а не на меня, я потихоньку вставала изъ-за стола и, уйдя въ уголъ комнаты, садилась на полъ и что-нибудь тамъ вырѣзывала ножницами изъ бумаги, наблюдая бабушку и Матвѣя Герасимовича.

Бабушкино лицо бывало серьезно и выражало готовность твердо принять и вынести всѣ удары судьбы, посылаемые ей въ



Красновскомъ хозяйствѣ; а по лицу Матвѣя Герасимовича было видно, что, если онъ захочетъ, онъ можетъ бабушку спасти и всѣ эти удары предотвратить, поэтому онъ сначала сообщалъ ей непріятности и бабушкино лицо омрачалось; тогда, хитро улыбаясь, онъ разсказывалъ какъ все умно и ловко устроилъ.

„А-а!"—говорила бабушка и выраженіе ея лица мѣнялось, невольно отражая хитрую улыбку Матвѣя Герасимовича.

Долго тянулся докладъ, сначала объ урожаѣ, потомъ о продажѣ хлѣба, при чемъ съ почтеніемъ упоминалось имя богатаго купца Головина; затѣмъ говорилось объ обработкѣ земли и о мужикахъ и оказывалось, что всѣ они плохіе людишки, одинъ хуже другого, кромѣ нѣкоторыхъ мужиковъ изъ родни Матвѣя Герасимовича. Подъ конецъ рѣшалась участь лошадей, коровъ и людей, судьба которыхъ была связана съ судьбою Краснаго.

Когда мнѣ надоѣдало слушать всѣ эти разговоры я потихоньку вставала и бѣгала по комнатѣ на ципочкахъ позади Матвѣя Герасимовича, продолжая наблюдать.

Допивъ свой чай, онъ опрокидывалъ чашку на блюдце и, почтительно поставивъ ее на край стола, клалъ на ея донышко обгрызокъ сахара, что было верхомъ утонченныхъ манеръ; потомъ онъ закладывалъ обѣ руки за спину ладонями вверхъ и ждалъ когда бабушка скажетъ: „Ну, ступай, Матвѣй".

А я тихонечко подходила къ нему сзади и совала ему въ руку кусочекъ бумажки, дѣлая это не потому, чтобы онъ мнѣ нравился, а потому, что мнѣ не нравился его тонъ и какое-то болѣзненное чувство заставляло меня шалить, и съ нимъ заигрывать.

Снисходительно обернувшись и щурясь, Матвѣй Герасимовичъ принужденно улыбался мнѣ, а бабушка строго говорила:

„Ne fais pas de bêtises, ma chére" [1]).

И тогда у меня въ головѣ зарождался планъ въ другой разъ мелко нарѣзать бумажекъ и непремѣнно всыпать ихъ Матвѣю Герасимовичу въ чашку.

Докладъ кончался записью приходовъ и расходовъ по „биркамъ", — длиннымъ осиновымъ палочкамъ, на которыхъ Матвѣй Герасимовичъ ножичкомъ вырѣзалъ символическіе знаки, такъ какъ былъ безграмотенъ и конторскихъ книгъ не велъ, замѣняя ихъ необыкновенной памятью и бабушка, съ его

[1]) „Не дѣлай глупостей, моя милая".



словъ, дѣлала записи въ маленькія книжечки, которыхъ у нея набиралось множество.

Выучившись читать, я однажды съ удивленіемъ прочла въ одной изъ этихъ книжекъ, сохранившейся еще отъ крѣпостного права, что такому-то проданъ вороной жеребецъ за сто рублей и вдова за пятьдесятъ...

Матвѣй Герасимовичъ такъ долго служилъ бабушкѣ и во время крѣпостного права и послѣ, что она рѣшила его наградить при своей жизни и однажды за чаемъ сказала ему:

„Ну, Матвѣй, за твою вѣрную службу, дарю тебѣ двѣнадцать десятинъ земли, выбери ихъ въ полѣ, гдѣ хочешь“.

Каково-же было ея удивленіе, когда онъ выбралъ, хорошо бы еще лучшую землю, но землю съ лугомъ, примыкавшемъ къ рѣкѣ и составлявшемъ часть сада...

Но вѣрная своему барскому слову и, несмотря на то, что „Матвѣй сѣлъ ей на голову“, бабушка „изъ деликатности“ ничего не сказала ему и, скрѣпя сердце, подписала дарственную.

Тогда Матвѣй Герасимовичъ, придя вечеромъ къ чаю и отказавшись отъ него, заложилъ руки за спину и тѣмъ же спокойнымъ голосомъ, какимъ обыкновенно дѣлалъ доклады, заявилъ:

„Ну-съ, сударыня, теперь ужъ я не намѣренъ на прежнихъ условіяхъ у васъ служить, какія будутъ-съ наши новыя условія-съ?“.

„Ахъ ты неблагодарный!“—воскликнула бабушка.—„Уйди отъ меня прочь и чтобы нога твоя здѣсь больше не была!“

И Матвѣй Герасимовичъ, спокойно повернувъ бабушкѣ спину, вышелъ изъ комнаты, а на другой день поѣхалъ въ Тулу окончательно закрѣплять за собой свою новую землю.

Вмѣсто него тотчасъ же былъ назначенъ Илья, спасшій бабушку отъ наговорной соли.

Илья былъ грамотенъ и съ увлеченіемъ читалъ библію, что указывало на вѣроятность его честности, но, на всякій случай къ нему былъ приставленъ, якобы въ помощь, въ сущности же для контроля, молодой мужикъ изъ работниковъ—Петръ.

Съ тѣхъ поръ къ вечернему докладу, вмѣсто одного Матвѣя Герасимовича, являлись двое—маленькій и некрасивый Илья, ставшій, въ глазахъ людей, Ильей Дмитріевичемъ и высокій, красивый Петръ, сдѣлавшійся Петромъ Павловичемъ. Но они

приходили уже послѣ чая и, стоя у самой двери, докладывали барынѣ сначала самое пріятное, желая заслужить ея расположеніе и оставляли непріятности подъ самый конецъ, стараясь сообщить ихъ какъ-нибудь вскользь.

„Все у насъ слава Богу-съ благополучно-съ“, повторяли Илья и Петръ во время доклада и, перебивая другъ друга, давали свѣдѣнія, по которымъ, въ сущности, трудно было рѣшить, все-ли на самомъ дѣлѣ въ хозяйствѣ благополучно, такъ что выраженіе лица бабушки, не знавшей, надо-ли ей радоваться, или безпокоиться, бывало выжидательное и неопредѣленное.

„А вчерась гнѣдой у насъ заболѣлъ чемеромъ“, точно что-то радостное сообщалъ ей подъ конецъ Петръ, улыбаясь и оскаливая бѣлые зубы.

„И еще два теленочка-съ на зеленяхъ обкушались и ихъ очинно раздуло-съ“, добавлялъ съ готовностью Илья.

„Ну и что же?“ строго спрашивала бабушка.

„По милости Божьей-съ, околѣли-съ“, почтительно объявлялъ Илья, выражая жалость на лицѣ и вздыхая.

„Всѣ!?“

„Всѣ-съ“, отвѣчали два голоса — теноръ и высокій баритонъ.

Петръ Павловъ, оставаясь жить на „той сторонѣ“, сдѣлался старостой, а Илья, считаясь приказчикомъ, продолжалъ служить „на этой сторонѣ“ въ домѣ.

„Сударыня!“ таинственно сказалъ онъ, подавая супъ нѣсколько времени спустя послѣ ухода Матвѣя Герасимовича:

„А вѣдь Матвѣя Герасимовича-то лошади очинно сильно разбили-съ, какъ они изъ Тулы домой ѣхали-съ, такъ что они даже при смерти-съ“.

„Что ты говоришь?!“—воскликнула бабушка и глубоко задумалась.

Думала-ли она о томъ, что Матвѣя Герасимовича Богъ наказалъ, жалѣла-ли она его, но больше она о немъ ни слова не спросила.

Прошло нѣсколько дней и Матвѣй Герасимовичъ прислалъ сказать, что онъ умираетъ и слезно проситъ ее простить его.

Бабушка рѣшила сама тотчасъ отправиться къ нему и велѣла ему объ этомъ сообщить.

Хотя деревня наша была отъ насъ близехонько, за рѣкой на горѣ, но она приказала заложить коляску и сказала мнѣ, что возьметъ меня съ собой.

Помню какъ мы подъѣхали къ крытой желѣзомъ новой избѣ Матвѣя Герасимовича и какъ народъ толпился возлѣ нея, ожидая насъ.

Когда мы вошли въ свѣтлую горницу, вся семья была въ сборѣ. Матвѣй Герасимовичъ лежалъ на лавкѣ подъ образами и не могъ встать, когда бабушка подошла къ нему.

Она протянула ему руку и онъ, поцѣловавъ ее, заплакалъ, а говорить уже не могъ и только стоналъ.

„Ну Богъ тебя проститъ, Матвѣй, а я на тебя не гнѣваюсь", ласково сказала бабушка и, прослезившись, приложила платокъ къ глазамъ...

На другой день Матвѣй Герасимовичъ умеръ и, когда его понесли хоронить, мы съ бабушкой и со всѣми людьми спустились съ горы, чтобы его встрѣтить у нижнихъ воротъ.

Мужики, несшіе досчатый гробъ, остановились противъ насъ и Матвѣй Герасимовичъ, покрытый съ головой бѣлымъ холстомъ, постоявъ нѣсколько минутъ возлѣ той самой дороги, по которой столько лѣтъ подрядъ ходилъ къ бабушкѣ съ докладомъ, двинулся въ путь на мещеринскую гору, по дорогѣ къ кладбищу.

Усердно крестясь, мы провожали его глазами, пока онъ не скрылся изъ виду.

„Царство ему небесное",—сказала бабушка глубоко вздохнувъ.

„Царство небесное, вѣчный покой"—повторили за ней люди, вздыхая. . . . .

. . . .

Двѣнадцать десятинъ земли съ лугомъ, на берегу рѣки достались Василію, сыну Матвѣя Герасимовича, трезвому и смирному мужику; но вдругъ онъ запилъ.

Какъ-то разъ въ праздникъ, когда Василій былъ очень пьянъ, къ нему въ домъ вошелъ Кудинъ.

„Что тебѣ здѣсь нужно, колдунъ негодный?"—сердито крикнулъ на него Василій и въ эту же минуту страшно закричалъ спавшій въ люлькѣ его маленькій сынъ.

„А-а-а! Ребенка испортилъ!" въ изступленіи кинулся на колдуна Василій и давай его бить и топтать ногами.

Кудинъ черезъ день умеръ, а Василія судили и посадили въ острогъ...

Несчастная земля опять осталась безъ хозяина и долго пустовала, заростая деревьями.

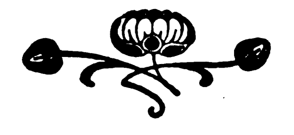
На берегу рѣки изъ кольевъ поднялись высокія ракиты, а на лугу самосѣвомъ выросли березки и, когда Василій отбылъ наказаніе и вернулся, онъ тамъ устроилъ пчельникъ.

Тихому и трезвому Василію, ставшему черезъ нѣсколько лѣтъ Василіемъ Матвѣевичемъ на деревнѣ завидовали и онъ жилъ особнякомъ, большею частью на своей пасѣкѣ по сосѣдству съ нами.

Считая его очень пріятнымъ сосѣдомъ, мы съ мужемъ любили бесѣдовать съ нимъ о пчелахъ и Василій часто приходилъ къ намъ чай пить, но уже не стоя передъ нами, какъ бывало отецъ его, Матвѣй Герасимовичъ, стоялъ передъ бабушкой, а сидя вмѣстѣ съ нами за столомъ; и, разговаривая съ нимъ, мы говорили ему уже не „ты", а „вы", какъ и онъ намъ.

А. Унковская.

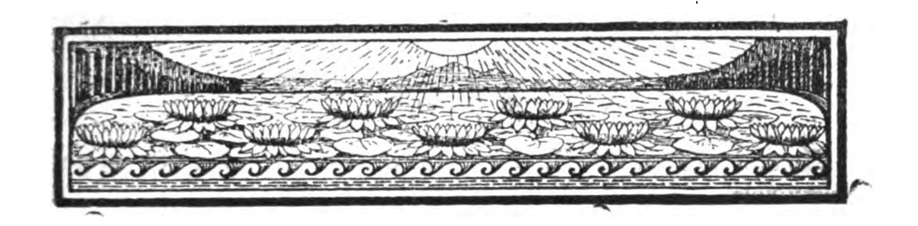
(Продолженіе слѣдуетъ).



Блажены рабы тѣ, которыхъ господинъ пришедъ, найдетъ бодрствующими; истинно говорю вамъ, онъ препояшется и посадитъ ихъ и подойдя, станетъ служить имъ. И если придетъ во вторую стражу и въ третью стражу придетъ и найдетъ ихъ такъ, то блаженны рабы тѣ. (Лука XII—37, 38).

Но когда дѣлаешь пиръ, зови нищихъ, увѣчныхъ, хромыхъ, слѣпыхъ; и блаженъ будешь, что они не могутъ воздать тебѣ, ибо воздастся тебѣ въ воскресеніи праведныхъ. (Лука. XIV—13—14).

Кто Мнѣ служитъ, Мнѣ да послѣдуетъ, и гдѣ Я, тамъ и слуга Мой будетъ; и кто Мнѣ служитъ, того почтитъ Отецъ Мой. (Іоаннъ XII—26).



„Нарождающійся мѣсяцъ“ [1]).

(The Crescent Moon).

Рабиндранатъ Тагоръ.

(Продолженіе).

БУМАЖНЫЕ КОРАБЛИКИ.

День за днемъ пускаю я свои бумажные кораблики одинъ за другимъ на струящійся потокъ.

Большими черными буквами я пишу на нихъ свое имя, и имя деревни, гдѣ я живу.

Я надѣюсь, что въ чужой странѣ кто-нибудь найдетъ ихъ и узнаетъ, кто я.

Я нагружаю свои маленькіе кораблики цвѣтами шіули изъ нашего сада въ надеждѣ, что эти цвѣты разсвѣта причалятъ невредимы къ берегу въ ночи.

Я пускаю свои бумажные кораблики и смотрю вверхъ на небо, и вижу, какъ маленькія облачка надуваютъ свои бѣлыя паруса.

Я не знаю, какой товарищъ игръ моихъ пускаетъ ихъ по вѣтру, чтобы они состязались съ моими корабликами.

Когда настаетъ ночь, я закрываю лицо руками и грежу, что мои кораблики все плывутъ и плывутъ подъ ночнымъ звѣзднымъ небомъ.

Феи снова плывутъ на нихъ, а грузомъ имъ служатъ корзины, наполненныя снами.

---

[1]) См. „В. Т.“ № 1, 2, 1915 г.

МОРЯКЪ.

Лодка лодочника Мадху стоитъ причаленная къ пристани Раджгунджъ.

Она нагружена безполезнымъ джутомъ и стоитъ здѣсь безъ дѣла уже такъ давно.

Если бы онъ только далъ мнѣ свою лодку, я вооружилъ-бы ее сотнями веселъ и оснастилъ-бы ее парусами, цѣлыхъ пять, шесть, семь парусовъ...

Никогда не буду я причаливать къ глупымъ рынкамъ.

Я проплыву всѣ семь морей и тринадцать рѣкъ волшебной страны.

Только, мама, ты не будешь плакать обо мнѣ въ уголку?

Я вѣдь не пойду въ лѣсъ, какъ Раманандра, чтобы вернуться только черезъ четырнадцать лѣтъ.

Я буду сказочнымъ принцемъ, и наполню лодку мою всѣмъ, чѣмъ хочу.

Я возьму съ собой моего друга Ашу.

Весело поплывемъ мы семью морями и тринадцатью рѣками волшебной страны.

Мы пустимся въ путь на утреннемъ разсвѣтѣ.

Когда въ полдень ты будешь купаться въ пруду, мы будемъ уже въ странѣ чужого царя.

Мы проплывемъ потокъ Тирпурни и оставимъ позади пустыню Тепантара.

Когда мы вернемся, будетъ уже темно, и я буду разсказывать тебѣ про все, что я видѣлъ.

Я переплыву черезъ всѣ семь морей и тринадцать рѣкъ волшебной страны.

НА ТОМЪ БЕРЕГУ.

Мнѣ такъ хочется пойти туда, на тотъ берегъ рѣки;

Гдѣ лодки привязаны рядкомъ къ бамбуковымъ шестамъ;

Гдѣ люди переѣзжаютъ рѣку по утру на своихъ лодкахъ, съ плугами на плечахъ, чтобы идти пахать свои далекія поля;

Гдѣ пастухи гонятъ вплавь мычащихъ коровъ на пастбище на томъ берегу.

Откуда всѣ они возвращаются къ вечеру домой, и одни шакалы воютъ на островѣ, поросшемъ осокой.

Мама, если тебѣ все равно, я хотѣлъ-бы быть лодочникомъ на перевозѣ, когда выросту большой.

Они говорятъ, что тамъ есть чудесныя заводи; онѣ спрятаны за этимъ высокимъ берегомъ.

Куда стаи дикихъ утокъ прилетаютъ, какъ только пройдутъ дожди, и растутъ у берега толстые камыши, гдѣ водяныя птицы кладутъ свои яйца;

Гдѣ кулички съ танцующими хвостиками оставляютъ слѣды своихъ маленькихъ лапокъ на чистой мягкой тинѣ;

Гдѣ вечеромъ высокія травы, покрытыя бѣлыми цвѣтами зовутъ лучъ луны плыть по волнамъ своимъ.

Мама, если тебѣ все равно, я хотѣлъ-бы быть лодочникомъ на перевозѣ, когда выросту большой.

Я все буду плавать съ одного берега на другой, и всѣ мальчики и дѣвочки на деревнѣ, когда придутъ купаться, будутъ любоваться мной.

Когда солнце высоко поднимется на полуденномъ небѣ, и время будетъ уже близко къ полудню, я прибѣгу къ тебѣ и скажу: „Мама, я голоденъ!“

Когда кончится день, и тѣни опустятся на деревья, я въ сумракѣ буду приходить домой.

Никогда не уйду я далеко отъ тебя, какъ отецъ, чтобы работать въ городѣ.

Мама, если тебѣ все равно, я хочу быть лодочникомъ на перевозѣ, когда выросту большой.

ШКОЛА ЦВѢТОВЪ.

Когда изъ грозовыхъ тучъ гремятъ въ небѣ раскаты грома, и ливмя льютъ іюньскіе дожди,

Сырой восточный вѣтеръ пробѣгаетъ по кустамъ и дуетъ въ волынку бамбуковъ,

Тогда неизвѣстно откуда появляются толпы цвѣтовъ и въ дикой радости пляшутъ на травѣ.

Мама, право я думаю, что подъ землей цвѣты ходятъ въ школу.

Когда они учатся всѣ двери заперты, и если имъ хочется выйти поиграть раньше времени, учитель ставитъ ихъ въ уголъ.

Когда идутъ дожди,—у нихъ праздникъ.

Вѣтви въ лѣсу ударяются другъ о друга, листья шуршатъ отъ порывовъ вѣтра, грозовыя тучи хлопаютъ гигантскими руками своими,—а дѣти—цвѣты выбѣгаютъ, одѣтые въ красныя, желтыя и бѣлыя платьица.

Знаешь, мама, ихъ домъ на небѣ, тамъ, гдѣ звѣзды.

Развѣ ты не замѣчала, какъ имъ хочется уйти туда? А знаешь, почему они такъ торопятся?

Я конечно догадался, къ кому они протягиваютъ свои руки: у нихъ тоже есть мама, какъ и у меня.

КУПЕЦЪ.

Представь себѣ, мама, что ты остаешься дома, и я иду странствовать въ чужіе края.

Представь себѣ, что лодка моя нагружена и готова отчалить отъ пристани.

Теперь подумай хорошенько, мама, прежде чѣмъ ты скажешь, что тебѣ привезти, когда я вернусь.

Мама, хочешь имѣть цѣлыя груды золота?

Тамъ на берегахъ золотыхъ ручьевъ поля полны золотой жатвой.

И на тѣнистой лѣсной тропинкѣ золотые цвѣты чампа падаютъ на землю.

Я соберу ихъ для тебя въ сотни корзинъ.

Мама, хочешь жемчужинъ, большихъ, какъ капли осенняго дождя.

Я поплыву къ берегу жемчужнаго острова.

Тамъ на утреннемъ разсвѣтѣ жемчужины дрожатъ на медовыхъ цвѣтахъ, жемчужины падаютъ на траву и раскинуты по песку брызгами дикихъ морскихъ волнъ.

У брата моего есть пара крылатыхъ коней, чтобы летѣть на облака.

Отцу я привезу волшебное перо, что безъ вѣдома его будетъ писать само собой.

Для тебя, мама, у меня будетъ ящикъ съ драгоцѣнностями, которыя стоятъ семи королямъ ихъ семи царствъ.

СИМПАТІЯ.

Если бы я былъ маленькимъ щенкомъ, а не твоимъ мальчикомъ, мама, милая, развѣ ты бы сказала мнѣ: „нѣтъ“, если бы я сталъ ѣсть съ твоей тарелки?

Развѣ ты прогнала бы меня и сказала: „убирайся прочь, гадкій маленькій щенокъ?“

Тогда уйди, мама, уйди! Я никогда больше не приду къ тебѣ, когда ты будешь звать меня и не позволю тебѣ кормить меня.

Если бы я былъ маленькимъ зеленымъ попугаемъ, а не твоимъ мальчикомъ, мама, милая, развѣ ты посадила бы меня на цѣпочку, чтобы я не улетѣлъ?

Развѣ ты грозила бы мнѣ пальцемъ и говорила: „Вотъ неблагодарное существо, эта птица! Она грызетъ свою цѣпочку день и ночь?“

Тогда уйди, мама, уйди! Я убѣгу въ лѣсъ. Я не позволю тебѣ больше брать меня на руки.

ПРИЗВАНІЕ.

Когда гонгъ прозвучитъ десять разъ поутру, и я иду въ школу по нашему лугу,

Всякое утро я встрѣчаю разносщика, который кричитъ: „Кольца, кольца хрустальныя!“

Ему не для чего спѣшить, нечего выбирать дорогу, некуда идти, не надо возвращаться во время домой.

Какъ бы я хотѣлъ быть разносщикомъ, проводить цѣлые дни на дорогѣ и кричать: „Кольца, кольца хрустальныя!“

Когда днемъ въ четыре часа я возвращаюсь изъ школы,

Я вижу черезъ ворота этого дома, какъ садовникъ копаетъ землю.

Онъ дѣлаетъ, что хочетъ своей лопатой, пачкаетъ въ землѣ свое платье и никто не бранитъ его, если онъ печется на солнцѣ или мокнетъ подъ дождемъ.

Какъ бы я хотѣлъ быть садовникомъ, копаться въ саду, и чтобъ никто не мѣшалъ мнѣ копаться.

И какъ только вечеромъ станетъ темно, и мама посылаетъ меня спать,

Я вижу въ открытое окно, какъ сторожъ все ходитъ взадъ и впередъ.

На дорогѣ пусто и темно, и какъ великанъ съ единственнымъ краснымъ глазомъ стоитъ уличный фонарь.

Сторожъ качаетъ своимъ фонаремъ и ходитъ рядомъ со своей тѣнью, и никогда въ жизни еще не ложился онъ спать.

Какъ-бы я хотѣлъ быть сторожемъ и ходить ночью по улицамъ, разгоняя тѣни своимъ фонаремъ.

СТАРШІЙ.

Мама, твоя дѣвочка глупенькая! Она совсѣмъ, совсѣмъ дурочка!

Она не отличаетъ фонарей на улицѣ отъ звѣздъ.

Когда мы играемъ въ обѣдъ изъ камешковъ, она думаетъ, что это настоящая ѣда, и старается тащить ихъ въ ротъ.

Когда я открываю передъ ней книгу и хочу учить ее: а, б, в, она вырываетъ руками страницы и визжитъ отъ радости; вотъ какъ она понимаетъ, что значитъ учиться.

Если я сержусь, качаю головой, и браню ее и называю ее гадкой,—она смѣется и думаетъ, что это веселая шутка.

Всякій знаетъ, что папа уѣхалъ, но если во время игры я громко зову: „папа", она волнуется, озирается и думаетъ, что папа гдѣ-нибудь близко.

Когда я играю въ школу съ ослами, которыхъ наша прачка пригоняетъ за бѣльемъ, и предупреждаю ее, что я учитель, она глупо кричитъ и зоветъ меня: „дада!" [1])

Твоя дѣвочка хочетъ схватить луну, она такая смѣшная,— зоветъ Ганешъ—Ганушемъ [2]).

Мама, твоя дѣвочка глупенькая; она совсѣмъ, совсѣмъ дурочка!

МАЛЕНЬКІЙ БОЛЬШОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Я малъ, потому что я маленькій ребенокъ. Я буду большой, когда буду такой же старый какъ отецъ.

Учитель придетъ и скажетъ: „Ужъ поздно, принеси свою доску и книжки".

Я скажу ему: „Развѣ вы не знаете, что я такой же большой какъ отецъ и мнѣ не нужно больше учиться?

Учитель удивится и скажетъ: „Онъ можетъ оставить книжки, если хочетъ; онъ теперь большой".

Я одѣнусь самъ и пойду на рынокъ, гдѣ толпится народъ.

Дядя подбѣжитъ ко мнѣ и скажетъ: „Ты потеряешься, мальчикъ; дай я снесу тебя домой".

---

[1]) Дада—старшій братъ.

[2]) Распространенное имя въ Индіи. Также названіе Божества съ головой слона.



Я отвѣчу: „Развѣ ты не видишь, дядя, что я такой же большой, какъ отецъ и могу идти на рынокъ одинъ?"

Дядя скажетъ: „Да, онъ можетъ идти, куда ему угодно,— онъ теперь большой".

Мама вернется съ купанья, а я даю денегъ нянѣ; вѣдь я буду тогда умѣть отворять ящикъ ключемъ.

Мама скажетъ: „Что ты тутъ дѣлаешь, гадкій мальчишка?"

Я скажу ей: „Мама, развѣ ты не знаешь, что я такой-же большой какъ отецъ, и мнѣ нужно дать нянѣ серебра?"

Мама скажетъ: „Онъ можетъ давать деньги, кому хочетъ,— онъ теперь большой".

На праздники въ октябрѣ отецъ вернется домой и будетъ думать, что я все еще маленькій и привезетъ мнѣ изъ города маленькіе башмачки и шелковыя платьица.

Я скажу: „Папа, отдай это дада, вѣдь я такой же большой какъ и ты".

Папа подумаетъ и скажетъ: „Онъ можетъ, если хочетъ, самъ покупать себѣ платья,—онъ теперь большой".

ДВѢНАДЦАТЬ ЧАСОВЪ.

Мама, я не хочу сейчасъ учиться. Все утро я сидѣлъ за книгами.

Ты говоришь, что еще только двѣнадцать часовъ. Положимъ, что теперь и не позднѣе. Но развѣ ты не можешь себѣ вообразить, что уже за полдень, когда еще только двѣнадцать часовъ?

Я сейчасъ легко могу представить, что солнце дошло до края рисоваго поля, и старая рыбачка собираетъ травы себѣ на ужинъ у берега пруда.

Я могу зажмурить глаза и вообразить, что тѣни сгущаются подъ мадаровымъ деревомъ, и вода на пруду отливаетъ чернымъ.

Если двѣнадцать часовъ могутъ быть ночью, почему не можетъ быть ночь, когда двѣнадцать часовъ?

СОЧИНИТЕЛЬСТВО.

Ты говоришь, что папа написалъ много книгъ, но я не понимаю, что онъ пишетъ.



Онъ читалъ тебѣ весь вечеръ, но развѣ ты въ самомъ дѣлѣ поняла, что онъ хотѣлъ сказать?

Какія хорошія сказки ты разсказываешь намъ, мама! Я все думаю, отчего папа не можетъ такъ писать.

Развѣ онъ никогда не слыхалъ отъ своей мамы сказокъ про великановъ, фей и принцессъ?

Развѣ онъ ихъ всѣ позабылъ?

Часто, когда онъ опаздываетъ къ купанью, ты должна идти за нимъ и кликать его сотни разъ.

Папа вѣчно играетъ въ то, будто онъ пишетъ книжки.

Если я иду играть въ папину комнату, ты приходишь звать меня: „Вотъ непослушный ребенокъ!"

Если я начинаю чуточку шумѣть, ты уже говоришь: „Развѣ ты не видишь, что папа сидитъ за работой?"

Что за веселье все писать и писать?

Когда я беру папино перо или карандашъ и начинаю писать на его книгѣ совсѣмъ, какъ онъ, а, б, в, г, д,—зачѣмъ ты бранишь меня, мама?

Ты ни слова не говоришь, когда папа пишетъ.

Если папа тратитъ цѣлыя кипы бумаги, мама, тебѣ все равно.

А если я возьму только одинъ листокъ, чтобы сдѣлать себѣ лодочку, ты ужъ говоришь: „Дѣтка, какой ты несносный!"

А что ты думаешь про то, когда папа портитъ много листовъ бумаги и пачкаетъ ихъ черными черточками съ обѣихъ сторонъ?

ЗЛОЙ ПОЧТАРЬ.

Зачѣмъ ты сидишь молча и тихо здѣсь на полу, мама, милая?

Дождь льетъ въ открытое окно, и ты вся вымокла, а тебѣ все равно.

Ты слышишь, какъ гонгъ прозвучалъ четыре раза? Пора брату возвращаться изъ школы.

Что съ тобой? Ты такая странная! Развѣ ты не получила сегодня письма отъ папы.

Я видѣлъ, какъ почтарь несъ въ сумкѣ своей письма почти для всѣхъ въ городѣ.

Только папины письма онъ оставляетъ себѣ, чтобъ потомъ самому ихъ прочитывать. Я увѣренъ, что почтарь злой человѣкъ.

Но ты не горюй, мама милая!

Завтра базарный день въ сосѣднемъ селѣ. Попроси нашу служанку купить тебѣ перьевъ и бумаги.

Я самъ буду писать всѣ папины письма, ты не сыщешь въ нихъ ни одной ошибки.

Я могу правильно писать отъ а до к.

Почему ты улыбаешься, мама?

Ты не вѣришь, что я могу писать такъ же хорошо, какъ папа?

Но я хорошенько налиную бумагу и буду писать все красивыя большія буквы.

Когда я кончу письмо, ты думаешь, что я такой-же глупый какъ папа, и положу его въ сумку этого ужаснаго человѣка?

Я самъ тотчасъ-же принесу письмо тебѣ и буква за буквой буду помогать тебѣ читать его.

Я знаю, что почтарь не любитъ отдавать настоящія хорошія письма.

ГЕРОЙ.

Мама, представь себѣ, что мы путешествуемъ и ѣдемъ по диковинной и опасной странѣ.

Тебя несутъ въ паланкинѣ, а я ѣду подлѣ тебя на рыжей лошади.

Уже вечеръ, и солнце низко. Передъ нами лежитъ пустыня Джорадиги, сѣрая и унылая.

Безлюдная и безплодная эта страна.

Тебѣ страшно и ты думаешь: „Я не знаю, куда мы пріѣхали“.

Я говорю тебѣ: „Мама, не бойся!“

Лугъ усѣянъ колючей травой, и узкая тропинка вьется по немъ.

Не видно стадъ на широкомъ лугу; они всѣ ушли въ деревню въ свои стойла.

Темнѣетъ и еле видно на дорогѣ и на небѣ, и мы не можемъ сказать, куда мы ѣдемъ.

И вдругъ ты зовешь меня и шепчешь: „Что это за огонь тамъ вдали?“

И внезапно раздается страшный крикъ, и къ намъ бѣгутъ какія-то фигуры.

Ты сидишь, поджавши ноги въ своемъ паланкинѣ и творишь молитву, призывая боговъ.

Носильщики дрожатъ отъ ужаса и прячутся въ колючіе кусты.

Я кричу тебѣ: „Не бойся, мама, я тутъ!"

Съ длинными палками въ рукахъ и съ развѣвающимися по вѣтру волосами они подходятъ все ближе и ближе.

Я кричу: „Берегитесь! вы тамъ, негодяи! Еще одинъ шагъ и вы будете лежать мертвые!"

Они опять издаютъ ужасный крикъ и бросаются впередъ.

Ты схватываешь меня за руку и говоришь: „Милый мальчикъ, ради всего святого не подходи къ нимъ!"

Я говорю: „Мама, смотри на меня!"

Тогда я вонзаю шпоры въ коня и скачу бѣшеннымъ галопомъ; мой мечъ и щитъ звенятъ другъ о друга.

Бой дѣлается до того страшнымъ, мама, что ты похолодѣла бы отъ ужаса, если бы могла видѣть это изъ своего паланкина.

Много ихъ бѣжитъ, и многіе разрублены на куски.

Я знаю, ты думаешь, сидя тамъ одна, что твой мальчикъ убитъ.

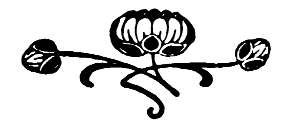
Но я подбѣгаю къ тебѣ весь въ крови и говорю: „Бой конченъ, мама!"

Ты выходишь, цѣлуешь меня, прижимая къ своему сердцу и говоришь про себя: „Я не знаю, чтобы я дѣлала, если бы мой мальчикъ не провожалъ меня".

Тысячи безполезныхъ вещей случаются каждый день, почему бы вдругъ ни случится и этому.

Это было бы совсѣмъ, какъ въ сказкѣ! Братъ сказалъ-бы: „Возможно-ли! Я всегда думалъ, что онъ такой слабый".

А люди на деревнѣ всѣ-бы говорили съ удивленіемъ: „Ну не счастье-ли, что этотъ мальчикъ былъ тогда съ матерью!"



И такъ, если Я, Господь и Учитель умылъ ноги вамъ, то и вы должны умывать ноги другъ другу (Іоаннъ XIII—14).



Комментаріи къ Бхагавадъ-Гитѣ [1]).

Методы іоги.

Bhakti.

IV.

(Продолженіе).

На пути *Bhakti*, на пути любви къ Богу, желаніе преходящихъ предметовъ переходитъ постепенно въ желаніе вѣчнаго, въ стремленіе къ Богу, и это ведетъ человѣка къ осуществленію Іоги.

Въ этой главѣ будутъ разсмотрѣны два другіе вида іоги, Іога Распознаванія, связанная съ аспектомъ знанія (jnânam), и Іога Жертвы, связанная съ аспектомъ дѣятельности (*kriya*) человѣка.

Первый аспектъ, аспектъ знанія, представляетъ собой большую опасность для стремящагося къ Мудрости и опасность эта коренится въ его чувствахъ. Ибо для него, болѣе чѣмъ для кого-бы то ни было, чувства являются тормозомъ, между тѣмъ какъ тѣ же самыя чувства были для него средствами познанія; вотъ почему долженъ онъ стремиться къ полному господству надъ своими чувствами прежде, чѣмъ даже что-либо похожее на истинную іогу станетъ доступнымъ для него.

Вотъ почему Шри Кришна говоритъ, обращаясь къ человѣку, стремящемуся къ Мудрости: „О сынъ Кунти, возбужденныя чувства неудержимо увлекаютъ разумъ даже мудраго человѣка, хотя бы онъ не переставалъ бороться. Укротивъ всѣ чувства, онъ долженъ сѣсть уравновѣшенный, поставивъ себѣ высшей цѣлью Меня; ибо пониманіе *того* установлено, кто владѣетъ

---

[1]) См. „В. Т." № 11, 12, 1914 г.—№ 1, 2, 1915 г.

чувствами своими". (II, 60, 61). А чтобы показать, что не только чувства вообще, но и каждое отдѣльное чувство есть источникъ опасности, Господь Іоги говоритъ: „То изъ налетающихъ чувствъ, которому поддается разумъ, уноситъ разумѣніе подобно бурѣ, гонящей корабль по морскимъ волнамъ. Поэтому, о мощно-вооруженный, у того, кто совершенно отвлекъ свои чувства отъ предметовъ чувствъ, пониманіе у того вполнѣ устойчиво" (II, 67, 68).

Начинается Іога Распознаванія съ той первой ноты, которая дается въ діалогахъ Бхагавадъ-Гиты. „Ты скорбишь о тѣхъ, о которыхъ не слѣдуетъ скорбѣть, хотя и говоришь слова Мудрости" (II, 11). По поводу этихъ словъ: „ты скорбишь о тѣхъ, о которыхъ не слѣдуетъ скорбѣть", въ *Gitâ Karadinyâsa*, которая представляетъ собою введеніе къ упражненіямъ Іоги, сказано, что слова эти являются исходной точкой (*Bijâm*) всей Гиты. Слово *Bijâm* можно перевести и какъ сѣмя. *Bijâm* есть звукъ, слово, или изреченіе, произносимое въ началѣ мантры съ цѣлью произвести желаемое дѣйствіе. Оно измѣняется для различныхъ индивидуальностей, и особые звуки, которые даются какъ *Mantra-bijâm*, придаютъ мантрѣ ея особую, отличительную силу, такъ что общая мантра становится особенной, благодаря прибавленію къ ней опредѣленнаго *bijâm* (сѣмя). Въ такомъ bijâm заключается вся суть мантры. Плодъ мантры выростаетъ для индивидуума изъ этихъ основныхъ звуковъ, которые предшествуютъ повторенію мантры. Слова: „Ты скорбишь о тѣхъ, о которыхъ не слѣдуетъ скорбѣть" и являются такимъ основнымъ звукомъ (bijâm) для мантры Гиты. Они являются ея сутью, они раскрываютъ ея цѣль, они придаютъ ей ея особое значеніе. Вся Гита заключена въ нихъ, какъ растеніе въ сѣмени. Они же служатъ и вступленіемъ къ ученію о Іогѣ Распознаванія.

„Ты говоришь слова Мудрости", говоритъ Учитель, ибо разсужденія Арджуны отличались чрезвычайной разумностью, какъ это упоминалось въ І-й главѣ. Его нежеланіе убивать своихъ родственниковъ было вполнѣ естественно; его чувство, что никакое царство не стоитъ цѣны человѣческой крови, было похвальное чувство; его отвращеніе отъ пролитія крови показывало лишь его вдумчивость и состраданіе. И все же Учитель сказалъ: „ты скорбишь о тѣхъ, о которыхъ не слѣдуетъ скорбѣть". Почему это? „Мудрые не оплакиваютъ ни живыхъ, ни мертвыхъ". Но почему же мудрые не оплакиваютъ?

Отвѣтъ на это дается на пути истиннаго познанія (*jnâni*),

онъ заключается въ ученіи, которое разсыпано во всѣхъ бесѣдахъ Господа Мудрости. Онъ начинаетъ, какъ помните, удивительными стихами, которые вкратцѣ выясняютъ причину, *почему* не слѣдуетъ скорбѣть, причину, которая выясняется въ теченіи всего ученія мудрости. О мертвыхъ не слѣдуетъ скорбѣть потому, что въ дѣйствительности *нѣтъ никакой смерти*. Реальное не перестаетъ быть, и то, что можетъ потерять бытіе, въ сущности не имѣло его никогда (II, 16). „Пребывающій въ тѣлѣ каждаго, всегда неуязвимъ" (II, 30). Оружіе не разсѣкаетъ его и никакой вредъ не коснется его (II, 23—25). „Онъ не рождается и не умираетъ... Нерожденный, постоянный, древній и вѣчный" (II, 20), зная его такимъ, „ты не долженъ скорбѣть" (II, 30).

Въ этомъ—первое указаніе, даваемое великимъ ученіемъ, которое слѣдуетъ затѣмъ, ясное, опредѣленное и точное, чтобы Арджуна понялъ природу міра и природу человѣка, живущаго въ этомъ мірѣ; ибо познавъ его, проникнувъ въ нее, утвердившись въ мудрости, онъ уже не будетъ скорбѣть, какъ скорбитъ невѣдующій и неразумный. Онъ утвердится въ Единомъ Я и всѣ сомнѣнія его улетятъ прочь.

Посмотримъ же въ чемъ состоитъ эта Іога Распознаванія, это глубокое ученіе мудрости, которое должно поднять своего ученика *надъ* всѣми скорбями міра.

Прежде всего, это—ученіе о природѣ міра, о природѣ Владыки міра и о различныхъ частяхъ Его природы, которую мы различаемъ здѣсь, какъ высшую и низшую, какъ Верховнаго Господа и Его проявленный міръ.

Ученіе это предназначается прежде всего для тѣхъ, которыхъ Арджуна упоминаетъ въ своемъ вопросѣ, говоря о наиболѣе подвинутыхъ въ Іогѣ: „тѣ ли это, которые, всегда уравновѣшанные, покланяются тебѣ, или тѣ, которые поклоняются Непроявленному, Неразрушимому?" (XII, 1). На что Господь отвѣчаетъ: „Тѣ, которые устремивъ свой умъ на Меня, всегда гармоничные, исполненные верховной вѣры, поклоняются Мнѣ, тѣ въ Моихъ глазахъ наиболѣе совершенны въ Іогѣ. Тѣ, которые поклоняются Неразрушимому, Неизрѣченному, Непроявленному, Вездѣсущему, Неисповѣдимому, Неизмѣнному, Незыблемому и Вѣчному, побѣдившіе чувства свои, съ равнымъ спокойствіемъ относящіеся ко всему, радующіеся благу всѣхъ, тѣ также приходятъ ко Мнѣ. Но труднѣе достиженіе для тѣхъ, чьи мысли устремлены на Непроявленнаго; ибо трудно воплощенному достигнуть пути Непроявленнаго". (XII, 2—5).

А въ другомъ мѣстѣ, при перечисленіи четырехъ видовъ праведниковъ, „поклоняющихся Мнѣ" (VII. 16), мы находимъ указаніе на тѣхъ, которые по природѣ своей расположены вступать на этотъ труднѣйшій изъ путей. „Ихъ всѣхъ,—говоритъ Господь Мудрости,—превосходитъ уравновѣшенный и беззавѣтно преданный Мнѣ мудрецъ; воистину Я дорогъ превыше всего для Мудраго и онъ дорогъ Мнѣ. Всѣ они благородны, но Мудраго я признаю подобнымъ Себѣ"... (VII, 17, 18).

Соединяя эти два мѣста, въ одномъ изъ которыхъ говорится, что тѣ, которые исполнены вѣры „наиболѣе совершенны въ іогѣ", а въ другомъ—что превосходитъ всѣхъ Мудрый, котораго „Я признаю подобнымъ Себѣ",—нужно признаться, что читая эти два мѣста, трудно понять, который же изъ двухъ совершеннѣе.

Отвѣтъ на это недоумѣніе простъ: тотъ путь наилучшій для человѣка, который наиболѣе отвѣчаетъ его натурѣ. Для человѣка, подобнаго Арджунѣ, полнаго чувства и страсти, самымъ лучшимъ путемъ будетъ Путь Любви; но для того, кто по природѣ болѣе склоненъ къ мудрости, наилучшимъ будетъ путь знанія. Совершенно также, какъ съ любовью поклоняющійся достигнетъ соединенія съ своимъ Господомъ, такъ и Мудрый, котораго Онъ признаетъ „подобнымъ Себѣ", приблизится къ нему черезъ полноту знанія; ибо Господь есть и Мудрость, и Любовь, и Дѣйствіе, и каждое изъ нихъ наиболѣе пригодно въ своемъ мѣстѣ, каждое представляетъ наиболѣе совершенный путь для одного изъ трехъ темпераментовъ. Каждый изъ путей—наилучшій для того, кто по природѣ своей наклоненъ къ нему, „ибо путь, по которому люди идутъ со всѣхъ сторонъ, есть Мой путь, о Партха!".

А теперь послушаемъ, какъ Господь учитъ пути Мудрости, какъ выясняется, что знаніе есть основа праведнаго поведенія.

Прежде всего, Онъ разъясняетъ Свой собственный составъ и говоритъ намъ, что составъ этотъ троичный—Божественный Духъ, облеченный въ Духъ и Матерію, Единое Я (*Self*), одѣтое въ Природу, которая двойственна. Ученіе объ этомъ троичномъ составѣ повторяется во многихъ мѣстахъ, и всѣ эти отрывки прибавляютъ нѣчто къ нашему знанію, если ихъ связать вмѣстѣ. Извлекаю ихъ изъ различныхъ частей Гиты, чтобы соединить въ одно связное и понятное цѣлое. Его низшая природа, *Aparâ Prakriti*, есть „земля, вода, огонь, воздухъ, эфиръ и разсудокъ, также и самость—это есть семиричное раздѣленіе Моей природы,

природы „низшей“ (VII, 4, 5), *Aparâ Prakriti.* Нужно овладѣть этой идеей вполнѣ: низшая природа Господа содержитъ въ себѣ все проявленное, всю видимую феноменальную природу; вся она— часть Его; всѣ проявленія физической вселенной, всѣ проявленія сверхфизической вселенной, всѣ видимости, которыя на каждомъ планѣ природы образуютъ собой существа этого плана, его внѣшніе объекты, все это соединяется въ одно великое обобщеніе: „Все это—Его низшая Природа“.

И нужно всегда помнить, что хотя все это и низшая природа, но все же она—часть Господа. И потому нельзя ее отдѣлить, какъ самостоятельную; нельзя ее отдѣлить отъ Него, какъ враждебную или противоположную. Она часть его природы и „знаніе“ моей преходящей природы“ (VIII, 4) есть *Adhibhuta*, наука объ элементахъ, которые входятъ въ составъ формъ.

Другая черта, снова и снова повторяющаяся въ Гитѣ по отношенію этой низшей природы, есть слово „проявленное“· Гдѣ бы ни говорилось о проявленномъ, вездѣ мы имѣемъ дѣло съ низшей природой Господа, съ *Apara Prakriti.* Но прежде чѣмъ итти дальше, посмотримъ, что представляетъ изъ себя второе подраздѣленіе Его природы, *Parâ Prakriti*, иногда называемая *Daiviprakriti*, которую Онъ описываетъ въ пятомъ стихѣ VII-й Бесѣды: „Познай Мою иную природу, высшую, которая есть элементъ жизни, о мощно - вооруженный, посредствомъ которой держится Вселенная“ (VII, 5). Эта *Para Prakriti*, эта высшая природа, этотъ жизненный элементъ, *Jivabhuta Purusha* философіи Санкхія, противопоставляется другимъ элементамъ. Знаніе этой высшей природы Господа, этой *жизнедающей энергіи*, этой жизненной стороны природы, есть *Adhidaiva*, познаніе свѣтозарныхъ, которые являются жизне-проводниками, проводниками Его жизни, называемыми современной наукой энергіями природы.

Такимъ образомъ, передъ нами двѣ великія науки, которыя необходимо изучить на пути познанія; одна, относящаяся къ его „преходящей природѣ“, а другая—къ Его „жизнь-дающей энергіи“. Первая — проявленная, вторая называется непроявленной; но здѣсь рѣчь идетъ о *низшей* непроявленной природѣ: „Воистину, превыше этого Непроявленнаго есть другое Непроявленное, которое остается въ то время, какъ все сущее разрушается“ (VIII, 20). И еще: „Высочайшая же Сила (*Purushottama*) есть воистину Другая, объявленная какъ Верховная, какъ тотъ непреходящій Господь, который, проникая Собою все, поддерживаетъ три міра“ (VX, 17). Эта разница представляетъ собою величай-

шее значеніе, ибо кто потеряетъ ее изъ виду, тому все ученіе покажется неяснымъ. Поистинѣ эта *Его низшая непроявленная* природа проникаетъ все сущее и поддерживаетъ вселенную. „Мною, въ Моемъ непроявленномъ видѣ, проникнутъ весь этотъ міръ“ (IX, 4); это то, что скрыто за покровомъ матеріи, но это все же низшая, а не высшая сторона Его природы.

И далѣе мы снова имѣемъ Его заявленіе, что „въ этомъ мірѣ живутъ двѣ силы: разрушимая и неразрушимая; разрушимая живетъ во всѣхъ существахъ, неизмѣнная называется неразрушимой“ (XV, 16). Здѣсь мы снова имѣемъ два многозначащія слова, которыя мы должны сохранять въ умѣ: низшая, разрушимая, проявленная, то, что мы зовемъ феноменальное; а съ другой стороны—высшая, неразрушимая, непроявленная, то, что мы называемъ *жизнью*, проникающей всю природу. Въ другомъ мѣстѣ о нихъ же говорится какъ о „Матеріи и Духѣ“ (XIII, 19); Матерія—низшая, Духъ—высшая; но „познай также, что Духъ и Матерія одинаково не имѣютъ начала“ (XIII, 19); ибо оба составляютъ природу Господа, оба образуютъ высшее и низшее подраздѣленіе Его природы и поэтому они раздѣляютъ безконечность и безначальность Господа; то и другое должно быть разсматриваемо, какъ „не имѣющее начала и конца“.

Они-то и составляютъ то, что мы называемъ „Природой“. Обѣ вмѣстѣ, обѣ „энергіи“ (XV, 16) совмѣстно составляютъ Природу и онѣ являютъ собою постоянное вращеніе колеса жизни: проявленное низшее переходитъ въ непроявленное высшее а высшее непроявленное высылаетъ снова низшее проявленное при началѣ новой Кальпы, новаго мірового періода. Въ началѣ этого періода появляется проявленное; въ концѣ проявленное исчезаетъ въ непроявленномъ. „Въ концѣ мірового проявленія, о Каунтея, всѣ существа поглощаются Моей низшей Природой; при началѣ новой Кальпы Я снова произвожу ихъ. Скрытый въ природѣ, которая произошла отъ Меня же, ея силою Я снова и снова произвожу это множество существъ, безсильныхъ и безпомощныхъ“ (IX, 7, 8) [1]).

Здѣсь слѣдуетъ остановиться, ибо слова эти—если вы не

---

[1]) Послѣднія открытія науки относительно природы атома бросаютъ яркій свѣтъ на эту картину, проявляющихся и исчезающихъ міровъ. По этимъ изслѣдованіямъ атомъ есть „узель“ или „напряженіе“ въ эфирѣ, и атомы могутъ появляться, когда эфиръ подверженъ напряженію и исчезать, когда напряженіе ослабѣваетъ. Предположимъ, что эфиръ есть „элементъ жизни“; предположимъ, что атомы представляютъ собой „низшую природу“; въ такомъ случаѣ, одно-

будете имѣть въ виду тѣхъ стиховъ Гиты, которые служатъ *къ объясненію ихъ—могутъ смутить васъ. Замѣтьте* выраженіе: „поглощаются Моей низшей непроявленной природой"; я думаю, вы безъ колебанія скажете, что „низшая природа" должна здѣсь означать „жизньдающую энергію", *Parâ-Prakriti*. Но когда Господь противопоставляетъ Себя природѣ, тогда оба подраздѣленія, называвшіяся до тѣхъ поръ „низшая" и „высшая" по отношенію другъ къ другу, оба становятся низшими по отношенію къ Нему. Это выражено еще яснѣе въ другомъ стихѣ, который я сейчасъ приведу, чтобы устранить возможное недоразумѣніе. Шри-Кришна уже далъ это объясненіе, прежде чѣмъ высказалъ приведенныя слова, ибо вотъ что Имъ сказано въ предшествующей бесѣдѣ: „Изъ непроявленнаго вытекаетъ все проявленное при зачатіи Дня; при наступленіи Ночи оно растворяется въ Непроявленномъ, имя которому ТО. Это множество существъ, снова и снова появляющихся, исчезаютъ при наступленіи Ночи; съ наступленіемъ Дня они по высшему повелѣнію являются вновь, о Партха! Воистину поэтому превыше этого Непроявленнаго (Духъ, *Purusha*) есть другое Непроявленное (ТО, Purushottama), которое при разрушеніи всего сущаго не разрушается. Это непроявленное именуется „Неразрушимымъ"; Оно называется высочайшимъ путемъ. Достигшіе Его болѣе не возвращаются" (VIII, 18—21). А затѣмъ, въ XV Бесѣдѣ, послѣ словъ: „Въ этомъ мірѣ живутъ двѣ силы: разрушимая и неразрушимая; разрушимая живетъ во всѣхъ существахъ, неизмѣнная называется неразрушимой",—мы читаемъ: „Высочайшая же Сила есть воистину Другая, объявленная какъ Верховное Я, тотъ непреходящій Господь, который, проникая Собою все, поддерживаетъ три міра. Потому что Я выше разрушимаго и превыше даже неразрушимаго, Я признанъ въ Мірѣ и въ Ведѣ Высочайшимъ Духомъ" (XV, 16—18).

И снова Онъ говоритъ: „Подъ моимъ началомъ природа высылаетъ движущееся и неподвижное; вотъ отчего, о Каунтея, вращается вселенная" (IX, 10). И далѣе: „Обозрѣвающій и разрѣшающій, поддерживающій и наслаждающійся, великій Владыка, а также Высочайшее Я, такъ именуется въ этомъ тѣлѣ Высочайшій Духъ" (XIII, 22). Еще одно объясненіе дается въ XIII

временно съ напряженіемъ, вызваннымъ волею Господа, изъ „элемента жизни" должна появиться низшая природа, иными словами—изъ эфира возникнутъ атомы, а когда воля ослабѣваетъ, низшая природа должна возвратиться въ „жизненный элементъ", атомы исчезнутъ въ эфирѣ.



Бесѣдѣ, которая касается *Поля* и *Познающаго Поле*. Поле есть природа и когда описывается Поле, мы видимъ, что въ него входятъ оба начала, и Матерія и Духъ, ибо оба они составляютъ Поле; а познающій Поле есть Господь. Поле описывается такъ: „Великіе элементы, индивидуальность, разумъ, а также непроявленное“, то, которое поглащаетъ въ концѣ мірового періода все проявленное, и изъ котораго оно снова исходитъ въ началѣ новаго періода—„десять чувствъ и одно и пять—пастбищъ чувствъ; желаніе, отвращеніе, наслажденіе, страданіе, тѣло, умъ, устойчивость, все это, вкратцѣ упоминаемое, являетъ собою Поле и его измѣненія“. (XIII, 5, 6).

Поле есть Природа, а высшее и низшее есть Тѣло Господа. И Онъ, Великій Владыка, Верховное Я, въ этомъ тѣлѣ Вселенной именуется Верховнымъ Духомъ (XIII, 22). Онъ есть Познающій, но не познаваемый, Онъ, и только Онъ одинъ, есть Объектъ Мудрости. И про этого Верховнаго Духа написано, что Онъ навсегда остается непроявленнымъ: „Лишенные Мудрости представляютъ себѣ Меня, непроявленнаго, какъ имѣющаго проявленіе, не вѣдая Моей высшей природы, непреходящей, исполненной превосходства“ (XII, 24).

Слѣдуя за этой мыслью и соединяя всѣ указанныя мѣста въ одно цѣлое, мы придемъ къ ясной опредѣленной идеѣ великой Троичности. Тотъ, кто именуется „Другимъ непроявленнымъ“; Тотъ, который именуется „Обозрѣвающимъ“; Тотъ, который называется „Верховнымъ Я“, „Верховнымъ Духомъ“, *Purushottama*, управляетъ всѣмъ, облеченный въ двойственную природу, состоящую изъ Матеріи и Духа, *Prakriti и Purusha*; они, взятые вмѣстѣ, составляютъ природу, а Владыка природы больше, чѣмъ природа. Матерія и Духъ составляютъ колесо жизни, но Господь пребываетъ надъ колесомъ, не подвергаясь перемѣнѣ; игра Матеріи и Духа, *Apara* и *Para Prakriti* продолжается: повторяются постоянныя перемѣны, благодаря появленію одного изъ другого, и новому поглощенію въ это другое; позади нихъ пребываетъ неизмѣнный Господь, и оба, Матерія и Духъ, представляютъ въ совокупности Его Майю, сквозь которую заблуждающіеся не способны проникнуть, которая ослѣпляетъ невѣжественныхъ и не видно имъ Господа, пребывающаго за ней. „Скрытый въ моей творческой иллюзіи (Ioga-Mayâ), не всѣми познаюсь Я. Заблуждающійся міръ не знаетъ Меня, нерожденнаго, вѣчнаго. Благодаря иллюзіи двойственности возникшей отъ притяженія и отталкиванія, все сущее стран-

ствуетъ по Вселенной въ полномъ заблужденіи, о Парантапа!“ (VII, 25, 27).

Попробуйте представить себѣ эту первую „пару противоположностей“, Матерію и Духъ, какъ покровъ, за которымъ пребываетъ Самъ Господь. Попробуйте мыслить Его, неизмѣннаго, всегда пребывающимъ позади этой пары, обозрѣвающимъ и господствующимъ надъ природой, Владыкой Майи, этой вселенной, которая лишь покровъ, наброшенный на Его неизрѣченную Славу, за которымъ Онъ, Нерушимый, Неисповѣдимый, Неизмѣнный, Вѣчный и Верховный, пребываетъ вовѣкъ. Вотъ что выясняется намъ ученіемъ Бхагавадъ-Гиты объ отношеніи Господа къ Его вселенной. „Учредивъ всю эту вселенную изъ частицы Себя, Я остаюсь“ (X, 42).

Прежде чѣмъ пойти дальше, попробуемъ остановиться и спросить себя: какимъ образомъ можетъ это ученіе помочь намъ въ осуществленіи Единства? Вѣдь мы здѣсь находимся передъ лицомъ троичности, а не Единства; мы имѣемъ Верховнаго Владыку и Его непроявленную и проявленную природу. Какъ можетъ это научить насъ не скорбѣть о живыхъ и о мертвыхъ? Какъ можетъ это подѣйствовать на нашу собственную природу, въ которой мы должны видѣть и Матерію и Духъ, а намъ между тѣмъ говорятъ, что то и другое является и исчезаетъ?

Ибо *Purushottama*, Верховный Духъ, есть поистинѣ Другой, Высочайшій, Предвѣчный, и Онъ-то и есть сокровеннѣйшее Я человѣка. Воображали вы себя лишь частицами природы? Думали вы, что въ васъ только эта двойственная природа вселенной, высшая и низшая? Представляли вы себѣ, что въ васъ— лишь одна проявленная сторона, а не самая суть Господа? Нѣтъ, Самъ Господь пребываетъ внутри васъ, какъ и внутри вселенной, Нерушимый и Верховный Духъ. Вы являетесь не только его высшей и низшей природой (*Para* и *Apara Prakriti*); это не болѣе какъ ваши тѣла, такъ же, какъ и Его тѣло, а вы сами— частица Его Самого, воистину „частица Меня Самого, ставшая въ мірѣ жизни безсмертнымъ Духомъ“ (XV, 7) — вотъ кто вы. И поэтому Онъ не можетъ быть далеко отъ васъ. Непроявленнымъ Онъ можетъ быть по отношенію къ нашей двойственной природѣ, но Онъ не можетъ быть непроявленнымъ для Себя Самого. Думать такъ, думать, что Онъ можетъ быть скрытъ отъ насъ, которые составляемъ Его Самого, это есть тончайшая изъ всѣхъ Майй, это есть величайшая изъ всѣхъ иллюзій. Онъ есть

наша сокровеннѣйшая Суть, истинная сердцевина нашего существа. Если есть что-либо, что человѣкъ можетъ познать, то это конечно его собственная сокровенная Суть, то, что одинаково пребываетъ за Духомъ и Матеріей, что есть онъ Самъ,—только это одно и можетъ знать человѣкъ.

Поэтому, истинная Мудрость и видитъ „Высочайшаго Господа, равно пребывающаго во всѣхъ существахъ", и „кто такъ видитъ, тотъ видитъ воистину" (XIII, 27). Онъ—въ сердцѣ каждаго изъ насъ.

Внезапно, однимъ великимъ просвѣтленіемъ, мы чувствуемъ себя поднятыми надъ природой, соединенными съ Высочайшимъ, который есть Господь природы. Мы раздѣляемъ Его сокровенную природу, Онъ есть наше сокровенное Я. Какой же можетъ быть послѣ этого страхъ, или скорбь, или заблужденіе для того, кто позналъ это Единство?

Узнать Познающаго, и узнать, что этотъ Познающій — мы сами, вотъ великій урокъ Мудрости, преподаваемый намъ Гитой. Снова и снова повторяетъ Онъ, что Единый не можетъ быть далеко отъ насъ: „Вѣчное сѣмя всего сущаго" (VII, 10) называетъ Онъ Себя; „Я — жизнь всего сущаго" (VII, 9) говоритъ Онъ про Себя. Не можетъ быть ни колебанія, ни сомнѣнія, ни умаленія передъ этой высочайшей Истиной. Онъ, одинъ Онъ составляетъ жизнь внутри всего сущаго; и если люди ненавидятъ другъ друга, они „ненавидятъ Меня въ чужихъ тѣлахъ и въ своемъ собственномъ тѣлѣ". Если люди терзаютъ тѣла, они терзаютъ и „Меня, пребывающаго въ основѣ всего сущаго" (XVII, 6). Свѣтлая истина выражена такъ ясно, что невозможно никакое сомнѣніе.

И все же Онъ всегда скрытъ отъ глазъ, не могущихъ проникнуть сквозь покровъ Природы. Онъ заявляетъ: „Скрытый въ Моей творческой иллюзіи", въ Моей Іогѣ-Майѣ, „не всѣми познаюсь Я". (VII, 25). Какъ же возможно для насъ видѣть Единое во всемъ разнообразіи формъ? Откуда они, эти безконечныя соединенія и сочетанія, скрывающія единство основного Я? Они всѣ исходятъ отъ г у н ъ, отъ трехъ свойствъ Матеріи, отъ низшей природы, которая, соединяясь въ безконечно разнообразныя сочетанія, приводитъ въ заблужденіе наблюдающаго. Вотъ почему Онъ объявляетъ: „Весь этотъ міръ, введенный въ заблужденіе тремя названными свойствами, исходящими отъ трехъ гунъ, не знаетъ Меня, Нетлѣннаго, стоящаго надъ ними. Воистину трудно проникнуть чрезъ покровъ

этой божественной Майи, вызванной тремя свойствами природы; приближающіеся ко мнѣ переступаютъ эту иллюзію“ (VII, 13, 14). Никто не избавленъ отъ вліянія этихъ свойствъ: „Нѣтъ не единаго существа на землѣ и даже на небѣ среди Свѣтозарныхъ, которое было бы свободно отъ этихъ трехъ свойствъ, рожденныхъ Матеріей“ (XVIII, 40). И все же Мудрый долженъ „переступить эту иллюзію“, чтобы достигнуть Господа и знать, что всѣ одинаково происходятъ отъ Него: „Знай, что и гармоничныя, и дѣятельныя, и лѣнивыя натуры, всѣ отъ меня“ (VII, 12).

Попробуемъ же проанализировать эту иллюзію. Прежде всего, мы находимъ первичную „пару противоположностей“, притяженіе и отталкиваніе, притяженіе—отъ природы Духа, а отталкиваніе—отъ природы Матеріи.

Притяженіе есть дѣйствіе единой нераздѣлимой и непроявленной жизни, скрытой во всѣхъ безчисленныхъ формахъ, и оно стремится къ объединенію. Матерія, самая суть которой — множественность, постоянно стремится къ раздѣленію. Разнородное постоянно раздѣляется, и подраздѣляется снова и снова, такъ что все тоньше и сложнѣе становятся подраздѣленія, пока не получится безконечное разнообразіе вселенной, которое мы знаемъ. Въ этомъ безконечномъразнообразіи отражается нераздѣлимый Господь.

Благодаря наклонности Матеріи къ подраздѣленіямъ и взаимному ограниченію, получается неизбѣжно и безконечное разнообразіе. И это необходимо; ибо, иначе, какъ могло бы отражаться въ ней безконечное? Всѣ эти частицы постоянно раздѣляющейся матеріи не могли бы отражать въ себѣ цѣлое. Безконечная красота должна отражаться въ безконечности прекрасныхъ предметовъ. Море, небо, поля, горы, пустыня, лѣса и населенные города, все это всѣмъ разнообразіемъ своихъ элементовъ отражаетъ лучи единаго солнца, Красоты, и въ ихъ Множественности, въ ихъ совокупности и заключается совершенство, ибо только такимъ образомъ они и могутъ отражать то Единое, изъ котораго они исходятъ.

И такъ со всѣмъ остальнымъ; только въ совокупности всего дѣлимаго можно увидать отраженнымъ Недѣлимое, Единое. Зная эту наклонность Матеріи къ безконечному подраздѣленію, нетрудно понять, почему она противится освобожденію Духа, который стремится къ единству. Понятно становится, почему въ этой первой „парѣ противоположностей“ матерія ста-

новится на извѣстныхъ ступеняхъ человѣческой эволюціи какъ бы врагомъ Духа, его противникомъ. До тѣхъ поръ, пока Духъ выступаетъ совмѣстно съ Матеріей и Матерія безконечно раздѣляется, предоставляя себя творческимъ силамъ Духа, до тѣхъ поръ Матерія хороша, она ведетъ себя какъ другъ. Отталкивающій элементъ, который составляетъ самую суть Матеріи, и благодаря которому достигаются необходимыя подраздѣленія, нуженъ для раскрытія Духа и потому онъ хорошъ.

Но, когда приходитъ время осуществленія Единства, когда вселенная уже прошла половину своего пути и вступила на вторую половину, когда все должно вернуться къ Единству, тогда наклонность къ раздѣльности становится враждебной для дальнѣйшей эволюціи, тогда раздробляющія силы становятся противодѣйствующими, и то, что было до сихъ поръ благомъ, становится зломъ. Все, ведущее къ разъединенію, дѣлается зломъ потому, что время раздѣльности закончилось и наступило время приведенія всего къ единству.

Такимъ образомъ, въ поступательномъ движеніи эволюціи происходитъ перемѣна, и изъ первичной „пары противоположностей“, Матеріи и Духа, которые сами по себѣ, какъ исходящіе изъ Господа, одинаково хороши, сила отталкивающая становится неумѣстной; ибо она въ измѣнившемся теченіи эволюціи идетъ противъ божественной Воли.

Изъ этой основной пары противоположностей вытекаютъ два потока эмоцій, одинъ—любви, направленной къ объединенію, а другой—ненависти, направленной къ разъединенію; это и есть „пара противоположностей, возникшая отъ притяженія и отталкиванія“ (VII, 27), та коренная пара, изъ которой возникаютъ всѣ остальныя

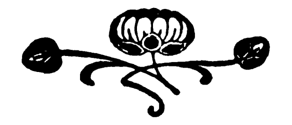
Эта идея даетъ намъ вѣрную основу для этики, она даетъ намъ пониманіе того, что праведно и что грѣховно, она даетъ намъ ключъ къ опредѣленію—когда и почему Добро есть Добро, а Зло есть Зло.

Это ученіе развивается въ шестнадцатой Бесѣдѣ Гиты, которая изъ этой первичной пары противоположностей выводитъ два ряда нравственныхъ качествъ, одинъ—называемый божественнымъ, ибо онъ исходитъ изъ свѣта Логоса (Daivaprakriti), а другой—демоническимъ, ибо онъ истекаетъ изъ элементовъ Матеріи. По существу между ними не должно бы быть столкновенія, ибо оба они составляютъ тѣло Единаго; но съ теченіемъ времени, когда человѣчество должно подниматься къ

сознательному единству, божественныя и демоническія свойства приходятъ къ неизбѣжному столкновенію. Все, что ведетъ къ раздѣленію, все, что идетъ отъ ненависти, принимаетъ аспектъ зла для развивающагося человѣка. Онъ долженъ побѣдить это зло, долженъ противопоставить ему добро, долженъ оставить его позади, и потому необходимо для него отождествлять себя съ божественнымъ и бороться противъ инстинкта раздѣльности, который исходитъ изъ прошлаго.

Пер. Е. П.

(Продолженіе слѣдуетъ).



Какъ Ты послалъ Меня въ міръ, такъ и Я послалъ ихъ въ міръ и за нихъ Я посвящаю себя, чтобы и они были освящены истиною. Не о нихъ же только молю, но и о вѣрующихъ въ Меня по славу ихъ. (Іоаннъ XVI—18, 19, 20).

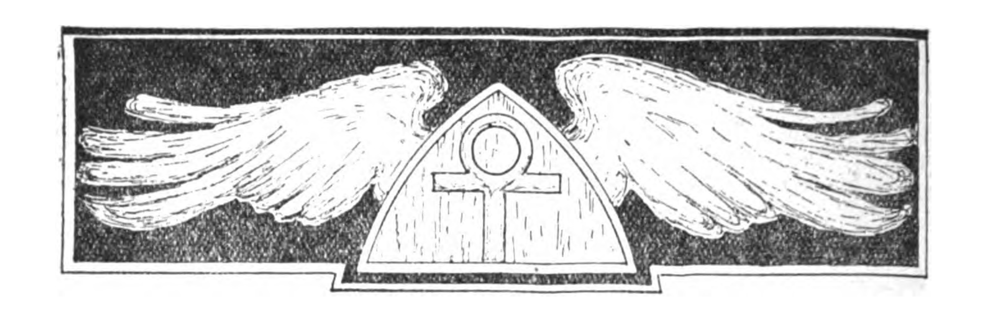
Я въ нихъ и Ты во Мнѣ;—да будутъ совершены во едино и да познаетъ міръ, что ты послалъ Меня и возлюбилъ ихъ какъ возлюбилъ Меня. (Іоаннъ XVII—23).

Отче! которыхъ Ты далъ Мнѣ, хочу, чтобы тамъ гдѣ Я и они были со Мною, да видятъ Славу Мою, которую ты далъ Мнѣ, потому что возлюбилъ Меня прежде основанія міра. (Іоанна).

Заповѣдь новую даю вамъ, да любите другъ друга; какъ Я возлюбилъ васъ, такъ и вы да любите другъ друга; потому узнаютъ всѣ, что вы Мои ученики, если будете имѣть любовь между собою. (Іоаннъ XIII—34, 35).

Да не смущается сердце ваше; вѣруйте въ Бога и въ Меня вѣруйте; въ домѣ Отца Моего обителей много; а если бы не такъ, Я сказалъ бы вамъ: Я иду приготовить мѣсто вамъ; и когда пойду и приготовлю вамъ мѣсто, приду опять и возьму васъ къ Себѣ, чтобы и вы были, гдѣ Я. (Іоаннъ XIV—1, 2, 3).





«Пути и праведности уставъ» [1]).

Книга Лао-Тзе.

(Окончаніе).

Спокойствіе, которое достигается праведнымъ, граничитъ съ равнодушіемъ или безстрастіемъ, но оно основано не на себялюбіи или притупленіи чувствъ, а на отсутствіи вниманія къ себѣ и своимъ эмоціямъ и на всепоглащающемъ вниманіи къ внутреннимъ запросамъ и велѣніямъ своего Высшаго Я, которое „питается“ праведностью. Лао-Тзе говоритъ, что „обладающій праведностью жаждетъ давать; не имѣющій ее — брать“.

Чѣмъ больше человѣкъ даетъ, тѣмъ болѣе онъ имѣетъ и тѣмъ болѣе растетъ его духовная сила. Росту ея часто мѣшаетъ то, что имѣетъ видъ и многими принимается за добродѣтель,— это благонравіе и благоразуміе. Они ограничиваютъ праведность и заграждаютъ ей движеніе дальше. Тотъ, кто не можетъ вмѣстить праведности, кто потерялъ любовь къ сущности вещей, полюбивъ болѣе самую дѣятельность, и кто пожелалъ свою добродѣтель оформить, чтобы „насладиться“ ею, тотъ обыкновенно останавливается на благонравіи и благоразуміи. Эти свойства Лао-Тзе противопоставляетъ праведности.

„Божественная праведность глубока, необъятна... и противорѣчитъ людямъ“, говоритъ Лао-Тзе: вѣдь она занимается *изысканіемъ* противоположнаго“ тому, чѣмъ они обыкновенно готовы довольствоваться. Люди довольствуются многимъ внѣшнимъ, это

---

[1]) См. „В. Т.“ № 2, 1915 г.

и дозволяетъ имъ принимать за добродѣтель просто благонравіе или благоразуміе. Но эти качества уклоняютъ человѣка отъ пути праведности, являясь часто источникомъ лицемѣрія и маской, т. е. тѣмъ, что можетъ быть и ненамѣренно—но скрываетъ и затемняетъ сущность человѣка и связываетъ его движеніе Они не позволяютъ ему познать ни вершинъ, ни безднъ духа, они не позволяютъ ему „выйти изъ себя", и ощутить такимъ образомъ „вѣянія духовности", они заставляютъ его пробавляться теплотою чувствъ и здравыми стремленіями...

„Толпу трудно вести, такъ какъ она обладаетъ благоразуміемъ", говоритъ Лао-Тзе.

Жители Гадаринской области попросили І. Христа покинуть ихъ, боясь, очевидно, за своихъ свиней. Они были благоразумны. Это благоразуміе заставляетъ людей проходить мимо „великаго", если оно угрожаетъ благосостоянію и задачамъ ихъ привычной жизни.

Противопоставленіе праведности благонравію и благоразумію кажется, можетъ быть, мыслью странной и „соблазнительной": новая и глубокая мысль кажется часто таковою, такъ какъ она вытекаетъ изъ высшаго пониманія вещей и явленій, а большинство, не обладающее этимъ высшимъ пониманіемъ и притомъ „благоразумное" обыкновенно соблазняется великими мыслями и примѣрами, и взятые, такъ сказать, въ обиходъ они неизбѣжно опошляются и извращаются.

Чтобы не „соблазнять", сущности великихъ ученій и скрывались часто подъ притчами, аллегоріями и символами. Лао-Тзе говоритъ: „мои слова имѣютъ свое начало, мои поступки подчинены закону. Но люди не осознали ихъ (ни начала, ни закона), а потому и не понимаютъ меня: тѣ кто понимаетъ—очень рѣдки, и это только увеличиваетъ цѣнность". Вотъ почему часто святой бываетъ долженъ облачаться въ грубыя одежды и скрывать драгоцѣнности на своей груди" (гл. XX), и поэтому-то часто „тотъ, кто разумѣетъ Тао, кажется облеченнымъ мракомъ; кто идетъ впередъ, держась Тао, кажется идущимъ вспять, а тотъ, кто на высотѣ Тао, кажется обыкновеннымъ смертнымъ".

Благоразумно-благонравные стараются всегда использовать то, что пріобрѣли. Достигнувъ добродѣтели, они стараются ее оформить и ею „насладиться". Это стремленіе исходитъ изъ любви къ „Не-Я": внѣшнимъ формамъ и дѣятельности, а не изъ „духовности"... это остановка человѣка въ его движеніи, пре-

кращеніе того „напряженія духа“, которое характеризуетъ человѣка, подвизающагося на Пути.

Это „напряженіе духа“,—„выходъ изъ себя“, т. е. изъ границъ своей земной личности,—рождаетъ гармонію: чувство сокровеннаго синтеза тѣхъ противоположностей, въ которыхъ индивидуумъ долженъ жить, познавая себя и міръ. „Вѣяніе духовности рождаетъ гармонію“, такъ переведена мысль Лао-Тзе французскимъ комментаторомъ Julien'омъ; эта же мысль (гл. XII) въ переводѣ Кониссн звучитъ нѣсколько по другому: „находящійся въ изступленномъ состояніи—умиротворяетъ“. Выходя изъ границъ своей личности въ силу напряженія духа, человѣкъ соприкасается съ реальностью духовнаго міра. Осознаніе этихъ реальностей достигается соотвѣтствующими жертвами, но—„кто можетъ вмѣстить, да вмѣститъ“, а остальные будутъ продолжать, очевидно, строить свой домъ на пескѣ, жить земными противоположностями: „несчастіе можетъ рождать благо, а въ лонѣ счастья бываетъ сокрыто бѣдствіе“, говоритъ Лао-Тзе и „никто не можетъ предугадать, что къ чему ведетъ“.

Чувство гармоніи съ міровой волей озаряетъ человѣка болѣе глубокимъ пониманіемъ людей и ихъ взаимныхъ отношеній, и это избавляетъ человѣка отъ тѣхъ преувеличеній, къ которымъ онъ такъ склоненъ, и невѣрной оцѣнки явленій, за которыми поэтому часто слѣдуютъ неожиданныя и тяжелыя разочарованія, а затѣмъ и уныніе духа. Человѣкъ, въ которомъ родилась уже гармонія, получивъ способность отличать реальное отъ нереальнаго, придаетъ значеніе только первому. Способность анализировать съ высшей точки зрѣнія свои мысли и сужденія, чувства и желанія, научаетъ его умѣрять свои эмоціи и ихъ выраженія. Кромѣ этого, „чувство гармоніи, рожденное духовностью“, одаряетъ еще человѣка способностью предвидѣнія или чутьемъ того, что нужно предпринять и какъ должно поступить въ какихъ-либо затруднительныхъ обстоятельствахъ. Онъ дѣлается способнымъ, какъ говоритъ Лао-Тзе: „останавливать зло въ его зародышѣ, не допускать безпорядка, который могъ бы произойти въ данный моментъ... видѣть тонкій корешокъ того дерева, которое готовится изъ него вырости... замѣтить тотъ комокъ глины, который закладывается въ постройку башни... предвидѣть тотъ первый шагъ, съ котораго можетъ начаться большое путешествіе“...

Но, предвидя и пресѣкая многое, достигшій гармоніи „дѣйствуетъ *не отъ себя*, а потому, говоритъ Лао-Тзе, и не мѣшаетъ

слѣдовать всѣмъ своей собственной природѣ". „Одинъ праведный можетъ понять намѣреніе Неба, но онъ видитъ, какъ трудны всѣ дѣла и не осмѣливается ничего предпринять, предпринять „отъ себя"... Онъ дѣйствуетъ „только по Высшей Волѣ, „подражая Тао", руководствуясь только своею праведностью, а не эмоціями, которыя всегда несовершенны и полны невѣдѣнія. Человѣкъ, подчиняющійся эмоціямъ, можетъ относиться къ одному благосклонно, къ другому нѣтъ – и, тѣмъ самымъ дѣйствовать, противясь Тао. Святой или мудрый знаетъ, что только то, что дѣйствуетъ свободно, согласно своей природѣ, дѣйствуетъ правильно, движется впередъ къ Тао. „Природа не имѣетъ жалости, говоритъ Лао-Тзе, она безстрастна, — и она пользуется всѣмъ, что можетъ служить ея намѣреніямъ, а потому, слѣдуя Высшей Волѣ, которая диктуется праведностью, мудрый или святой „пользуется людьми съ таковою же неумолимостью". Истинное состраданіе, говоритъ Лао-Тзе, это „оставленіе въ покоѣ"... Мысль парадоксальна, но именно потому она и скрываетъ за собой глубокую истину..

Фр. Ницше говоритъ, что состраданіе это—крестъ, къ которому пригвождается любящій. Не слѣзаетъ-ли тотъ, кто думаетъ „сдѣлать добро" со своего креста. Это „дѣланіе добра" не является ли оно уже вытекающимъ не изъ состраданія, а изъ стремленія избавиться отъ своего состраданія, облегчить свое страданіе за другого... Не является ли, такимъ образомъ, это чувство не совсѣмъ чистымъ. Въ немъ есть желаніе успокоить встревоженную совѣсть, умѣрить жалость, являющуюся всегда вслѣдствіе представленія себя на мѣстѣ того, кого мы жалѣемъ, оно смѣшано съ невѣрнымъ представленіемъ, что то, что мы хотимъ сдѣлать есть добро... Человѣкъ *праведный* проходитъ своимъ *состраданіемъ* мимо всего,—„оставляетъ въ покоѣ" все, что не можетъ благословить, и такимъ образомъ остается пригвожденнымъ къ своему кресту, дѣйствуетъ ли онъ или не дѣйствуетъ, но импульсомъ къ его дѣятельности является только законъ праведности: отвлеченіе отъ всего личнаго, эмоціональнаго... Одинаковые,—съ внѣшней стороны, поступки—можетъ совершать и тотъ, кто „пригвожденъ къ своему кресту" (т. е. къ состраданію), такъ и тотъ, кто *сходитъ съ него*, но эти поступки совершенно различны по существу. Праведный, состраданіе котораго есть „оставленіе въ покоѣ", совершаетъ свой поступокъ, какъ безстрастное дѣяніе, просто какъ исполненіе нѣкотораго обязательства къ ближнему. Онъ знаетъ, что измѣ-



нить вещи и законы Неба нельзя, что все, что случается съ человѣкомъ, вызывается самимъ этимъ человѣкомъ, и эта невозможность измѣнить, и невѣдѣніе того человѣка, который страдаетъ теперь отъ этой невозможности, только углубляетъ его чувство состраданія, которое всегда живетъ въ его груди; другой же, котораго состраданіе вызывается внѣшними обстоятельствами, совершая поступокъ изъ „состраданія“, какъ онъ думаетъ, облегчаетъ себя этимъ дѣланіемъ, успокаиваетъ свою совѣсть, и, постепенно его отношеніе къ окружающему, обладая эмоціональнымъ характеромъ, можетъ выродиться въ чувствительность, сентиментальность, и просто, наконецъ, въ слабость нервовъ, и—проявляться какъ благотворительность, основанная на заблужденіи—и, при этомъ на усыпляющемъ совѣсть заблужденіи,—что человѣкъ „дѣлаетъ добро“. „Состраданіе и долгъ относительно ближняго не есть сами по себѣ добродѣтели, а просто побочныя качества праведности“, говоритъ Лао-Тзе, и „никто“, добавляетъ онъ „исключая совершеннаго человѣка, не можетъ опредѣлить имъ мѣсто“. Онъ говоритъ: „человѣкъ праведный безстрашенъ ко всему окружающему. Самобытная цѣльность его натуры ненарушима. Познаніе его господствуетъ надъ чувствами. Праведностью, наполняющей его сердце, онъ обнимаетъ все, что находитъ убѣжище въ немъ. Двигаясь свободно впередъ и приближаясь, не ставя передъ собой никакой цѣли, онъ заставляетъ всѣ вещи *слѣдовать за собой*, — таковъ человѣкъ совершенной праведности“. То „реальное“, что даетъ праведный, не всякій можетъ взять: въ этомъ одиночество праведнаго, въ этомъ его страданіе, а радость его въ томъ, когда берутъ... „Развѣ дающій не долженъ благодарить, что берущій беретъ? Развѣ приниманіе не есть благодарность?—говоритъ Ницше. Даяніе праведнаго никогда не можетъ ни оскорбить, ни унизить, ни обмануть: оно раскрываетъ познаніе людей на истинную сущность вещей. Самихъ вещей измѣнить нельзя, но познаніе сущности ихъ заставляетъ человѣка мѣнять внутреннее свое отношеніе къ этимъ вещамъ, а *въ этомъ и заключается единственная*, истинная помощь, потому что только въ этомъ случаѣ человѣкъ начинаетъ жить не въ пустоту, а „богатѣть въ Бога“.

Въ книгѣ „Голосъ Безмолвія“ говорится: „кто алчетъ хлѣба мудрости и хлѣба, питающаго тѣнь, тому повѣдай о Благомъ Законѣ“. А въ Евангеліи мы читаемъ: „духъ животворитъ; плоть не пользуетъ ни мало“... Но—„какъ хотите, чтобы съ вами поступали люди, такъ поступайте и вы съ ними; ибо въ этомъ

законъ и пророки". Въ даяніяхъ не для духа, а для плоти—только „законъ и пророки", въ нихъ „человѣческое, слишкомъ человѣческое" и только *„отсутствіе"* отрицательнаго; положительное же является лишь при нашемъ устремленіи къ Небу. Если это устремленіе исходитъ изъ глубины нашего духа, то оно отвергаетъ за всякимъ конкретнымъ воплощеніемъ идеала какое либо окончательное значеніе; если же мы признаемъ за нимъ абсолютную цѣнность, то это означаетъ остановку... Лао-Тзе говоритъ, что „путь Неба подобенъ строителю свода: съ наивысшей точки онъ идетъ внизъ, а съ нижайшей—вверхъ"; значитъ, „уничтоженіе это корень возвеличенія".

Умаленіе человѣкомъ самого себя (и всякой вообще формы)—всегда бываетъ той „нижайшей точкой", отъ которой сводъ идетъ вверхъ, потому что это умаленіе даетъ человѣку болѣе чистое осознаніе своего идеала и позволяетъ ему ощутить то дѣйствительное, что остается при этомъ „умаленіи" и съ чего, значитъ, можно „пріумножиться", какъ говорится въ Евангеліи. Умаленіе, конечно, не должно быть внѣшнимъ, не въ словахъ и въ поступкахъ смиренности, не передъ другими, а—въ себѣ самомъ. Истинное смиреніе это не пассивное чувство безотвѣтственности и послушанія передъ чѣмъ или кѣмъ бы то ни было, а *активное* отреченіе отъ довольства собою и *своимъ*, постоянный запросъ къ внутренней правдѣ своихъ желаній и сужденій и такое осознаніе себя и своего, которое, какъ отъ „нижайшей точки" толкало бы человѣка постоянно впередъ и вверхъ. Это устремленіе человѣка и значитъ „богатѣть въ Бога", и оно наполняетъ преизбыткомъ, которымъ пользуются другіе. Ритмъ жизни состоитъ въ томъ, что „берется съ избытка одного и дается другому", въ томъ, что расходуя силы для многихъ преходящихъ вещей, человѣкъ дѣлается слабымъ къ воспріятію одного главнаго; въ томъ, что, умаляя дѣятельность своего физическаго тѣла, человѣкъ подчеркиваетъ и вызываетъ дѣятельность своего духа... Какой бы высоты человѣкъ не достигъ,—только признавъ свою высоту за нижайшее, онъ можетъ идти впередъ. На этомъ пути всѣ люди являются для праведнаго ступенями и орудіями его приближенія къ Тао; онъ, „грезя о Тао", жертвуетъ ими, какъ и самимъ собою. Лао-Тзе говоритъ: „праведный пользуется людьми съ такою же неумолимостью, какъ и природа". Въ этомъ устремленіи къ Тао заключается ростъ человѣка и вся сила его, хотя съ точки зрѣнія міра сего какъ разъ онъ-то и можетъ казаться слабымъ и не идущимъ въ ряду

съ передовыми и установившимися уже людьми. Лао-Тзе говоритъ: „слабо и нѣжно все, что молодо и растетъ вверхъ; оно гибко, и переносливо, и настойчиво... нѣжность и слабость это признаки растущей жизни, затвердѣлость и крѣпость—это признаки приближающейся смерти". Устремленіе человѣческой души къ Тао дѣлаетъ человѣка слабо прикрѣпленнымъ ко всему земному и не утвердившимся въ томъ, что цѣнно съ мірской точки зрѣнія. Онъ не „опирается на свой плугъ и не оглядывается назадъ", но въ силу этого онъ является „благонадежнымъ для Царствія Божія", какъ говоритъ Евангеліе, и это же самое утверждаетъ Лао-Тзе.

Не осознавшіе своей внутренней жизни—живутъ внѣшнимъ, не достигшіе праведности—стремятся къ нравственнымъ устоямъ, которые часто имѣютъ своимъ основаніемъ и не очень высокіе импульсы, какъ напримѣръ, соціальный инстинктъ, гигіену и возможность уважать себя, хотя бы и глазами другихъ. Праведность же или высшая нравственность дѣлаетъ людей „самодавлѣющими", не нуждающимися во внѣшнихъ оцѣнкахъ и традиціяхъ; они праведны и тогда, когда бездѣятельны, и когда они что дѣлаютъ, то они выше своихъ дѣлъ: „они не дѣлаютъ того, что они дѣлаютъ", какъ говоритъ Лао-Тзе въ главѣ XXXVIII; людей же „нравственныхъ" можно оцѣнивать по ихъ дѣламъ: „они дѣлаютъ то, что дѣлаютъ". Въ этой же главѣ Лао-Тзе рисуетъ—ступень за ступенью—паденіе Высшаго въ человѣкѣ: „когда утеряно Тао—является нравственность; когда забыта нравственность—является гуманность; когда исчезаетъ гуманность—является правосудіе; когда изсякаетъ правосудіе—является почтительность"... Такимъ образомъ почтительность—это ослабленіе правды и искренности, т. е. начало безпорядка. „Привязанность къ внѣшнему это принципъ невѣжественныхъ; мудрый держится лишь сущности вещей, правды, а не закона", какъ говоритъ Лао-Тзе.

Необходимость въ такихъ вещахъ, какъ гуманность и правосудіе является, когда люди перестаютъ слѣдовать Великому Пути (строительству Царства Божія внутри себя), и когда изсякаютъ праведность и мудрость; когда люди начинаютъ жить въ разъединеніи, тогда начинаютъ говорить о долгѣ, вѣрности и преданности. Всѣ эти относительно прекрасныя чувства говорятъ только объ отсутствіи главнаго, самаго важнаго: праведности, мудрости, единенія... ихъ-то и стараются замѣнить... По ученію Лао-Тзе, стоящіе во главѣ другихъ и руководящіе другими не

должны внѣдрять идеи гуманности и правосудія, такъ какъ эти идеи только искаженіе и подобіе, задерживающія стремленіе къ дѣйствительнымъ цѣнностямъ. Самъ руководящій, говоритъ дальше Лао-Тзе, долженъ отказаться отъ матеріальныхъ благъ и пріобрѣтеній, если онъ хочетъ, чтобы другіе отказались отъ хищенія и неправильнаго обладанія богатствами; онъ самъ въ себѣ долженъ уничтожить стремленіе къ внѣшнему, если онъ хочетъ, чтобы другіе придавали значеніе лишь существенному; и такъ какъ къ чему прибѣгаютъ относительно людей, тѣмъ и они пользуются относительно другихъ, то ведущій людей къ Тао не долженъ прибѣгать къ какому-либо насилію и не долженъ „дѣйствовать отъ себя", потому что какими благими намѣреніями онъ не руководствовался бы, все же онъ не можетъ вѣдь видѣть плана Неба и, значитъ, дѣйствуя отъ себя, можетъ противиться Тао... „Глубокою же добродѣтелью"—праведностью обладаетъ тотъ, кто „подражаетъ" Тао: „производитъ вещи и не дѣлаетъ ихъ своими; помогаетъ имъ сдѣлаться тѣмъ, что они есть и не хвалится ими; царствуетъ надъ ними, но оставляетъ ихъ свободными"...

Миссіонеры іезуиты въ своемъ стремленіи распространить христіанскіе догматы углядѣли въ главѣ XIV книги Лао-Тзе намеки на троичность. У Лао-Тзе мы читаемъ такъ: „вы смотрите на Тао и вы его не видите: оно безцвѣтно. Вы слушаете Тао и вы его не слышите: оно беззвучно. Вы думаете его коснуться и не ощущаете: оно безплотно. На китайскомъ языкѣ „безъ цвѣта" значитъ Khi (читается I) „безъ звука"—hi; „безъ плоти"—wei. Эти три качества принадлежатъ одному и тому же, значитъ: „трое въ одномъ"... Писатель Abel Rémusat идетъ еще дальше: онъ видитъ въ этихъ трехъ буквахъ слово Ie—ho—va", т. е. европейскую тетраграмму. Но все это звучитъ натяжкой.

Изъ всего сказаннаго можно заключить, что по ученію Лао-Тзе, Тао постигается человѣкомъ только какъ Путь, проявляясь въ жизни его извѣстнымъ ритмомъ и гармоніей, рождающимися изъ вѣянія духовности; слѣдуя Пути, человѣкъ достигаетъ праведности, т. е. правильности въ своемъ движеніи къ Тао. Такъ какъ вся жизнь есть только текучесть переживаній и опытовъ въ приближеніи къ Абсолюту и такъ какъ всѣ вещи міра относительны, то человѣкъ и не долженъ останавливаться ни на какой, а проходить ихъ всѣ мимо, быть „пустымъ": только тогда онъ можетъ стать орудіемъ Божественной Воли. Поэтому-

то Лао-Тзе и проповѣдуетъ „непротивленіе". Праведный, достигшій непротивленія, а значитъ и бездѣятельности во всѣхъ внѣшнихъ переходящихъ вещахъ,—дѣйствуетъ уже по плану Неба" и такимъ образомъ перестраиваетъ жизнь по Высшему, Благому Закону—и, ему ужъ ничего не остается дѣлать", желающій же перестраивать жизнь по собственному разумѣнію „нарушаетъ порядокъ міра", какъ и всякое дѣло людей, *желающихъ* „управлять вселенной", какъ говоритъ Лао-Тзе".

Жизнь каждаго—свята сама по себѣ... Кто хочетъ дѣйствительно „помочь Царю по Тао", какъ выражается Лао-Тзе, „тотъ не будетъ заботиться о процвѣтаніи страны посредствомъ военной силы"; онъ будетъ практиковать лишь „непротивленіе", будетъ дѣлать усилія подняться надъ своею личностью съ ея воззрѣніями и эмоціями и не соединяетъ въ своемъ представленіи эту личность со своимъ Высшимъ Я, которое у всѣхъ едино. Обособленіе „искусственное и преходящее чувство, которое принимаетъ себя за отдѣльную отъ другихъ сущность", это, какъ говоритъ Мэбель Коллинзъ, „желѣзный засовъ на златыхъ вратахъ, ведущихъ насъ къ духовной жизни"...

„Мы цѣпи безконечной единое звено
И дальше восходитъ въ сіяньи Правды Вѣчной
Намъ—врозь—не суждено".

Въ силу этого закона единства „каждый, кто поднимается выше, поднимаетъ за собою и весь міръ; кто падаетъ, тотъ задерживаетъ эволюцію всего человѣчества". Значитъ, главною задачей человѣка должно быть преодолѣніе въ себѣ „человѣческаго, слишкомъ человѣческаго", чтобы стать способнымъ подниматься къ Высшему, къ Вѣчному... „Ненавидящій душу свою въ мірѣ семъ сохранитъ ее въ Жизнь Вѣчную", сказалъ Іисусъ Христосъ.

На восточныхъ ученіяхъ лежитъ обвиненіе въ квіетизмѣ,—но что такое квіетизмъ?.. Это мистическое ученіе (основатель его Мигуэль Молиносъ, въ XVII в.), которое проповѣдывало всеобщій покой и молитву для достиженія внутренняго созерцанія Бога, ведущаго за собою нѣкоторое равнодушіе къ міру преходящихъ формъ, и убивающаго такимъ образомъ человѣческую дѣятельность, какъ таковую. Но... вопросъ въ томъ, какая дѣятельность необходима, какъ средство къ извѣстной цѣли, и какая совершенно несущественна и даже ненужна. Левъ Толстой въ своей статьѣ „Недѣланіе" говорилъ, что хорошо, если бы человѣкъ пересталъ дѣлать то, что онъ дѣлаетъ и, спокойно

оцѣнивъ всѣ вещи, рѣшилъ: что ему дѣйствительно нужно и должно дѣлать, а чего можно и не дѣлать... Жизнь сложна. Природа и условія жизни западныхъ народовъ требуютъ неутомимаго труда, а поэтому-то можетъ быть здѣсь и могло выработаться представленіе о трудѣ, какъ о самодавлѣющей само по себѣ цѣнности, а не только какъ о средствѣ. Углубленіе въ міровые вопросы невозможно безъ созерцанія и отвлеченія отъ внѣшней дѣятельности, иначе интересъ къ нимъ сводится большею частью въ сущности не къ исканію „смысла", а къ исканію „счастья" въ жизни. И постепенно цѣль и смыслъ жизни утрачивались и подмѣшивались, средства и орудія получали значеніе самой цѣли... Но если признать за жизнью вѣчный смыслъ, то неизбѣжно надо признать и глубокое значеніе внутренняго углубленія и созерцанія, причемъ дѣла міра, дѣла добрыя" являются ужъ только „ступенями на пути самоотреченія", которое необходимо для „согласованія съ Тао"...

Тао это—„глубина Бытія" и „сокровище праведныхъ", и, если не оно является главной цѣлью жизни, то—„ученіе прибавляется со дня на день, а Тао теряется со дня на день", такъ говоритъ Лао-Тзе.

Н. Дмитріева.



А Я говорю вамъ, что всякій гнѣвающійся на брата своего (напрасно) подлежитъ суду. (Матѳ. гл. 5. ст. 22).

И такъ если ты принесешь даръ твой къ жертвеннику и тамъ вспомнишь, что братъ твой имѣетъ что-нибудь противъ тебя, оставь тамъ даръ твой передъ жертвенникомъ и пойди прежде примирись съ братомъ твоимъ и тогда приди и принеси даръ твой (Матѳ. гл. V. ст. 23, 24.).

А Я говорю вамъ: любите враговъ вашихъ, благословляйте проклинающихъ васъ, благотворите ненавидящимъ васъ и молитесь за обижающихъ и гонящихъ васъ, да будете сынами Отца вашего Небеснаго; ибо Онъ повелѣваетъ солнцу Своему восходить надъ злыми и добрыми и посылаетъ дождь на праведныхъ и неправедныхъ. (Матѳ. гл. V. ст. 44, 45.).



Орфическіе гимны.

XXXIV. **Аполлону**—возжиганія манны.

Фебъ Ликорейскій, блаженный Пэанъ, шествуй, о Титіубійца,
Славноблестящій, Мемфисскій Титанъ, счастье дающій, цѣлитель,
Богъ земледѣльцевъ, сѣмянный, Сминтей, славный младенецъ, оракулъ,
Пиѳоногубецъ, святой, полевой, духъ свѣтоносецъ, любимый,
Ты златолирный, Пиѳіецъ, *Кривой* [1]), *Бранхій*, *Дельфійскій*, *Гринейскій* [2])
Хоры ведешь, Дидимей, Мусагетъ, стрѣлы далеко ты мечешь,
Делоса царь, о всевидящій богъ, глазъ твой для смертныхъ блистаетъ,
Златоволосый, оракула ты чистые знаки являешь;
Слушай моленье мое за народъ, сердцемъ внемли благосклоннымъ.
Все въ безконечномъ эѳирѣ всегда ты наблюдаешь и знаешь:—
Сверху — и землю съ счастливой судьбой, снизу — во тьмѣ звѣздоокой
Ночью ты видишь всѣ корни земли, космосъ насквозь ты проходишь;
Ибо начало въ тебѣ и конецъ, все лишь тобой расцвѣтаетъ;
Все превращаешь въ гармонію ты лирой своей многозвучной,
Самой высокой струною звуча, или же—низшей бряцая,
Все на Дорійскій сливаешь ты ладъ, дѣлишь питанье межъ всѣми,

---

[1]) *Кривой* (Λοξία)—таинственный эпитетъ, указывающій на наклонный путь солнца.

[2]) *Гринейскій* и т. д.—эпитеты бога по городамъ, гдѣ находятся храмы его, какъ у насъ: Казанская, Лурдская, Почаевская и т. д.

И съ міровою гармоніей ты судьбы людей согласуешь;
Лѣто съ зимою мѣшаешь въ одно, вмѣстѣ сливаешь обоихъ,
Низкія струны зимою звучатъ—лѣтомъ высокія струны,
Многолюбимой весны ты расцвѣтъ, ранній цвѣтокъ ты Дорійскій.
Прозвище смертные дали тебѣ—господомъ Паномъ назвали,
Богомъ двурогимъ, что дышитъ вездѣ, носится съ вѣтромъ свистящимъ.
Символы ты созидаешь одинъ—космоса цѣлаго знаки.
Слушай, блаженный, и мистовъ спаси, внемли молящему гласу.

XXXV. **Латонѣ**—возжиганія смирны.

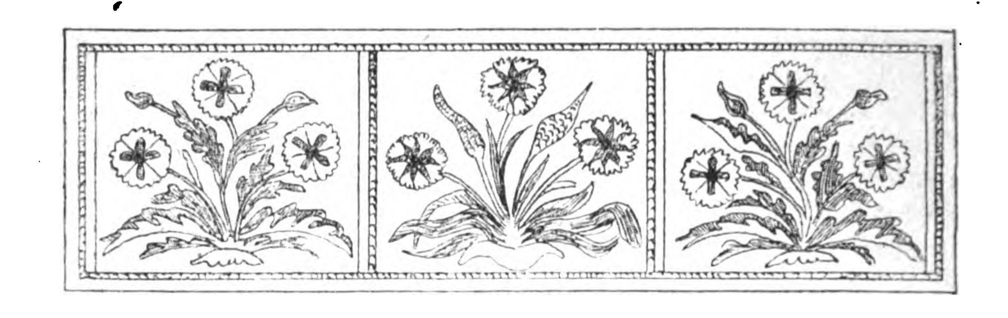
Въ пеплосѣ синемъ, Лето́, близнецовъ мать, святая, богиня,
Многомолимая ты, Коянтида съ великой душею,
Ты въ благородныхъ родахъ породила отъ Зевсова ложа
Феба законнаго, дочь—Артемиду, что стрѣлами мечетъ,
Что на Ортигіи чтутъ—а его на скалистомъ Делосѣ;
Внемли же намъ, госпожа, съ сердцемъ радостнымъ къ тайнѣ мистеріи
Всѣхъ ты боговъ—низойди, принося завершенія сладость.

XXXVI. **Артемидѣ**—возжиганія манны.

Слушай меня, о царица, дочь знаменитая Зевса,
Громная ты, Титанида славная, съ лукомъ, святая,
Свѣтлая, факелоносецъ, дѣва Охотница, съ сѣтью,
Ты покровитель рожденья, помощь даешь посвященью;
Ты пояса разрѣшаешь, любишь мистеріи Бакха,
Уничтожаешь заботы, быстрая, любишь охоту,
Стрѣлы, охотница, мечешь, ночью, желанная, свѣтишь,
Ты мужеформная, ложа освободитель высокій,
Женщину освобождаешь, демонъ—дѣтей воспитатель,
Звѣроубійца, охотникъ, съ рокомъ счастливымъ, святая,
Ты подъ землею проходишь, ты горнымъ лѣсомъ владѣешь,
Властная, сернъ убиваешь, псовъ защищаешь, лѣсная,
Вѣчно ты въ юномъ расцвѣтѣ, вѣчно мѣняешь ты форму,
Шествуй, богиня-спаситель, мистами всѣми любима,
Шествуй, Кидонская, дай намъ фруктовъ прекрасныхъ на землю,
Миръ намъ возлюбленный даруй, въ кудряхъ прекрасныхъ здоровье
И отошли на вершины горъ—и болѣзнь и страданье.

Перев. съ греч. Н. Павлиновой.





Сферы

Ч. Ледбитеръ [1]).

(Окончаніе).

Когда астральное тѣло удаляется изъ физическаго, мы не должны предполагать, что покинутое физическое тѣло остается безъ астральнаго двойника. Давленіе окружающей астральной матеріи, которое можно назвать дѣйствіемъ силы тяготѣнія на астральномъ планѣ, тотчасъ же принуждаетъ другую астральную матерію войти въ это астрально пустое пространство; это происходитъ совершенно такъ, какъ если бы при помощи вихря мы извлекли воздухъ изъ комнаты и другой воздухъ моментально устремился бы туда изъ окружающей атмосферы. Но эта астральная матерія будетъ съ удивительной точностью соотвѣтствовать той физической матеріи, въ которую она проникаетъ. Каждая разновидность физической матеріи притягиваетъ астральную матерію соотвѣтствующей плотности, такъ что твердая физическая матерія проникнута той разновидностью, которую можно назвать твердой астральной матеріей, т. е. матеріей низшаго астральнаго подплана; между тѣмъ какъ жидкая физическая матерія проникнута матеріей слѣдующаго астральнаго подплана, который можно бы назвать жидкимъ; точно также и физическій газъ притягиваетъ соотвѣтствующую ему матерію третьяго астральнаго подплана, которая можетъ быть названа астральнымъ газомъ.

Возьмемъ случай съ стаканомъ воды. Самый стаканъ (будучи твердой матеріей) проникнутъ матеріей низшаго астраль-

[1]) Начало въ № 2, Вѣстн. Теософіи 1915 г.

наго подплана; вода въ стаканѣ (будучи жидкой) проникнута астральной матеріей второго подплана, считая снизу вверхъ; тогда какъ воздухъ, окружающій оба (будучи газообразнымъ) проникнутъ астральной матеріей третьяго подплана, считая снизу вверхъ.

Мы можемъ себѣ представить, что точно такъ же, какъ все это—стаканъ, вода, и воздухъ, проникнуты физическимъ эфиромъ,—такъ и ихъ астральныя соотвѣтствія проникнуты тѣми видами астральной матеріи, которыя соотвѣтствуютъ различнымъ типамъ эфира. Такимъ образомъ, когда человѣкъ выдѣляетъ свое астральное тѣло изъ физическаго, послѣднее подвергается вторженію всѣхъ трехъ видовъ астральной матеріи, потому что физическое тѣло состоитъ изъ твердыхъ, жидкихъ и газообразныхъ составныхъ частей; а такъ какъ въ физическомъ тѣлѣ есть и эфиръ, то въ немъ должна быть и соотвѣтствующая астральная матерія высшихъ подплановъ.

Временный астральный двойникъ, образующійся во время отсутствія настоящаго астральнаго тѣла, есть, такимъ образомъ, точное его подобіе, насколько это касается порядка расположенія частицъ, то онъ не имѣетъ настоящей связи съ физическимъ тѣломъ и никогда не могъ бы служить въ качествѣ проводника. Онъ построенъ изъ любой астральной матеріи того же вида, какая окажется подъ рукой; это лишь случайное стеченіе атомовъ и, когда настоящее астральное тѣло возвращается, оно вытѣсняетъ эту вторгнувшуюся астральную матерію безъ малѣйшаго сопротивленія. Это одно изъ основаній для проявленія крайней заботливости къ обстановкѣ, въ которой мы спимъ, ибо если эта обстановка дурна, астральная матерія самаго нежелательнаго типа можетъ наполнить наше физическое тѣло, когда мы удалимся отъ него, и оставить послѣ себя вліяніе, которое не можетъ не подѣйствовать дурно на истиннаго человѣка, когда онъ возвратится въ свое физическое тѣло. Это немедленное вторженіе астральной матеріи, когда тѣло покидается, указываетъ на существованіе астральнаго давленія.

То же самое бываетъ, когда человѣкъ окончательно покидаетъ свое физичское тѣло въ моментъ смерти; но то, что онъ покидаетъ, уже болѣе не проводникъ, но трупъ, не только—въ настоящемъ смыслѣ слова,—а простое скопище разлагающихся матеріаловъ въ формѣ тѣла. И какъ нельзя называть это скопище тѣломъ, также нельзя называть наполняющую его астральную матерію подлиннымъ его двойникомъ, въ обыкновенномъ

смыслѣ слова. Возьмемъ разъясняющую, хотя и несовершенную аналогію. Когда цилиндръ паровой машины наполненъ паромъ, мы можемъ разсматривать паръ, какъ живую силу внутри цилиндра, заставляющую машину двигаться. Но когда машина остыла и стоитъ въ покоѣ, цилиндръ не долженъ быть непремѣнно пустымъ; онъ можетъ быть наполненъ воздухомъ; однако этотъ воздухъ не есть присущая машинѣ живая сила, хотя онъ занимаетъ то же мѣсто, которое занималъ и паръ.

Астральная матерія никогда не бываетъ тверда въ буквальномъ смыслѣ слова—твердость ея относительна. Вы знаете, что средневѣковые алхимики брали символомъ для астральной матеріи воду, и однимъ изъ основаній для этого была ея текучесть и проницаемость. Хотя и вѣрно, что двойники всѣхъ твердыхъ физическихъ предметовъ состоятъ всегда изъ матеріи низшаго астральнаго подплана, который мы для удобства называемъ „твердой астральной матеріей"; но мы не должны надѣлять ее качествами, свойственными твердой матеріи на физическомъ планѣ. Частицы наиболѣе плотной астральной матеріи отстоять—по отношенію къ своему объему—дальше однѣ отъ другихъ, чѣмъ даже газовыя частицы; такъ что для двухъ самыхъ плотныхъ астральныхъ тѣлъ легче пройти одно сквозь другое, чѣмъ для самаго легкаго физическаго газа разсѣяться въ воздухѣ.

На астральномъ планѣ нѣтъ ощущенія прыжка черезъ пропасть, но пареніе надъ нею. Если вы стоите на землѣ, часть вашего астральнаго тѣла проникаетъ почву подъ вашими ногами; но вы этого не почувствуете вашимъ астральнымъ тѣломъ, оно не испытываетъ ничего, соотвѣтствующаго ощущенія твердости, или какой-либо перемѣнѣ въ вашей способности къ передвиженію. Помните, что на астральномъ планѣ нѣтъ чувства осязанія, соотвѣтствующаго этому чувству на физическомъ планѣ. Тамъ не осязается поверхность чего-либо такъ, чтобы она казалась твердой или мягкой, шероховатой или гладкой, горячей или холодной; но при соприкосновеніи съ взаимно проникающей субстанціей, начинаешь сознавать вибраціи различныхъ порядковъ, которыя могутъ быть пріятныя или непріятныя, возбуждающія или угнетающія. Когда, просыпаясь утромъ, мы вспоминаемъ нѣчто, соотвѣтствующее нашему обыкновенному чувству осязанія, это происходитъ оттого, что воспоминанія проходятъ черезъ мозгъ, а послѣдній приспособляетъ къ астральнымъ ощущеніямъ тѣ способы выраженія, къ которымъ мы привыкли.

Хотя свѣтъ на всѣхъ планахъ исходитъ отъ солнца, но дѣйствіе, производимое имъ на астральномъ планѣ, совершенно не то, что на физическомъ планѣ. Въ астральномъ мірѣ существуетъ разсѣянное свѣченіе, неидущее, повидимому, изъ какого-либо опредѣленнаго источника.

Астральная матерія свѣтится сама по себѣ, и астральное тѣло не похоже на окрашенный предметъ, а скорѣе на сферу живого огня. Астральная матерія прозрачна и не даетъ отъ себя тѣни. Въ астральномъ мірѣ никогда не бываетъ темноты. Прохожденіе физическаго облака между нами и солнцемъ не оставляетъ никакого вліянія на астральный планъ, точно также и земная тѣнь, которую мы называемъ ночь.

Невидимый помощникъ не могъ бы пройти черезъ гору, если бы онъ подумалъ о ней, какъ о препятствіи; проникнуться увѣренностью, что она не составляетъ препятствія, есть частичная задача испытанія, называемаго „испытаніемъ землей". На астральномъ планѣ не можетъ быть катастрофы въ нашемъ смыслѣ слова, ибо астральное тѣло, состоя изъ разрѣженныхъ частицъ, не можетъ быть разрушено или повреждено непоправимо, какъ это можетъ случиться съ физическимъ тѣломъ. Взрывъ на астральномъ планѣ можетъ быть настолько же разрушительнымъ, какъ и взрывъ пороха на физическомъ планѣ, но вслѣдъ затѣмъ разъединенныя астральныя частицы быстро соединяются снова попрежнему.

Люди на астральномъ планѣ могутъ проходить и проходятъ очень часто одинъ сквозь другого и сквозь неподвижные предметы. Вспомнимъ, что на астральномъ планѣ матерія несравненно болѣе текуча и имѣетъ менѣе плотное строеніе. Тамъ не можетъ быть ничего похожаго на то, что мы зовемъ столкновеніемъ, и при обычныхъ обстоятельствахъ два проницающихъ другъ друга тѣла могутъ не оказать никакого замѣтнаго вліянія одно на другое. Если же взаимное проницаніе продолжается нѣкоторое время, какъ, напримѣръ, когда двое людей сидятъ бокъ о бокъ во время службы въ церкви или во время представленія въ театрѣ, тогда можетъ произойти значительное взаимодѣйствіе.

Есть много токовъ, которые стремятся увлечь людей съ недостаточной волей и даже тѣхъ, которые имѣютъ волю, но не знаютъ, какъ направить ее. Во время нашей физической жизни матерія нашихъ астральныхъ тѣлъ находится въ постоянномъ движеніи, тогда какъ послѣ смерти—если только воля не воспре-



пятствуетъ тому [1]), она располагается въ концентрическихъ оболочкахъ, причемъ самая грубая матерія образуетъ какъ бы кору на внѣшней поверхности. Если человѣкъ желаетъ служить на астральномъ планѣ, это раздѣленіе на концентрическія оболочки должно быть предупреждено, ибо всѣ тѣ, астральныя тѣла которыхъ подвергнулись такой перестановкѣ частицъ, теряютъ свободу передвиженія по всѣмъ подпланамъ астральнаго міра. Если такая перестановка частицъ уже произошла, возможно помочь перешедшему на астральный планъ—разрушить это состояніе и сдѣлать его свободнымъ на протяженіи всего астральнаго плана Для тѣхъ, которые дѣйствуютъ на астральномъ планѣ въ качествѣ невидимыхъ помощниковъ, нѣтъ раздѣленія на различные уровни; есть одинъ общій планъ.

Въ Индіи идея служенія на астральномъ планѣ менѣе распространена, чѣмъ на Западѣ; тамъ идея служенія Богу, чтобы достигнуть освобожденія, болѣе популярна, чѣмъ служеніе ближнему.

Атмосферическія и климатическія условія не вносятъ никакого различія въ работу на астральномъ и ментальномъ планахъ. Но пребываніе въ астральной области большого города даетъ себя сильно чувствовать благодаря массовымъ скопленіямъ мыслеобразовъ. Для нѣкоторыхъ психиковъ, работающихъ на астральномъ планѣ, благопріятнѣе всего температура около 22^0 по Реомюру, тогда какъ другіе работаютъ лучше всего при болѣе низкой температурѣ.

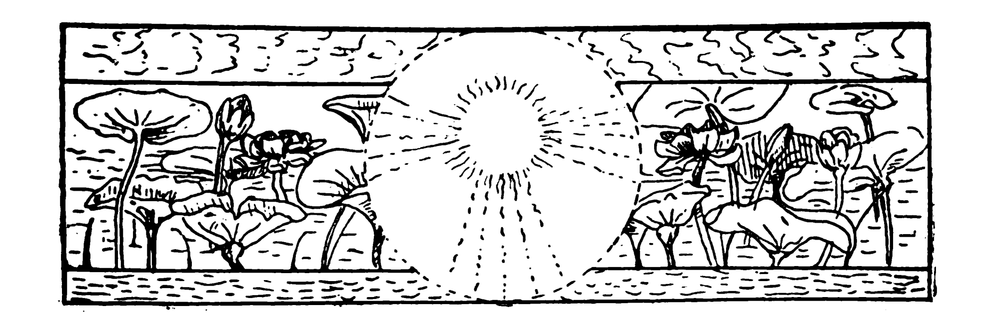
Въ случаѣ необходимости оккультная работа можетъ быть исполнена вездѣ, но нѣкоторыя мѣста болѣе благопріятны, чѣмъ другія. Напримѣръ, Калифорнія имѣетъ очень сухой климатъ съ большимъ количествомъ электричества въ воздухѣ, которое благопріятно для развитія ясновидѣнья. Здѣсь, въ Адьярѣ, для нашихъ мысле-образовъ благопріятно то, что всѣ мы думаемъ болѣе или менѣе по однимъ и тѣмъ же линіямъ. Но мы должны помнить, что всегда можетъ появиться сопротивленіе со стороны человѣка, которому мы посылаемъ нашу помощь, ибо нѣкоторымъ людямъ удается въ теченіе земной жизни построить вокругъ себя такія плотныя загражденія самости, что сквозь нихъ нельзя проникнуть даже и тогда, когда сильно желаешь сдѣлать имъ добро.

Пер. съ англійскаго В. М. Лалетинъ.

---

[1]) Здѣсь имѣется въ виду оккультистъ, сознательно владѣвшій еще при жизни своимъ астральнымъ тѣломъ и знающій законы астральнаго плана. *Прим. перев.*





Письма живого усопшаго[1]).

Продолженіе.

Письмо IX.

Гдѣ души восходятъ и нисходятъ.

Другъ мой, въ смерти нѣтъ ничего страшнаго. Это не тяжелѣе, чѣмъ путешествіе въ чужую страну—первое путешествіе для человѣка, который сталъ нѣсколько старомоднымъ и осѣлъ въ привычкахъ своего болѣе или менѣе тѣснаго уголка въ міровомъ пространствѣ.

Когда человѣкъ приходитъ сюда, чужіе, встрѣчаемые имъ здѣсь, не болѣе чужды, чѣмъ иностранцы для того, кто впервые сталкивается съ ними. Онъ не всегда понимаетъ ихъ; и здѣсь опять-таки его переживанія сходны съ пребываніемъ въ чужой странѣ. Черезъ нѣкоторое время онъ начинаетъ дѣлать шагъ впередъ и улыбаться глазами. Его вопросъ: „Откуда вы?" вызываетъ такой же отвѣтъ, какъ и на землѣ. Одинъ—изъ Калифорніи, другой—изъ Бостона, третій—изъ Лондона. Это бываетъ тогда, когда мы встрѣчаемся на большихъ дорогахъ; ибо и здѣсь существуютъ дороги, по которымъ души приходятъ и уходятъ, какъ и на землѣ. Такая дорога составляетъ обыкновенно кратчайшую линію между большими земными центрами; но она никогда не бываетъ надъ линіей желѣзной дороги. Было бы слишкомъ шумно. Мы можемъ слышать земные звуки. Происхо-

---

[1]) См. „В. Т." № 2, 1915 г.

дить извѣстный толчекъ въ эфирѣ, который доноситъ звуковую вибрацію до насъ.

Иногда нѣкоторые изъ насъ поселяются на долгое время на одномъ мѣстѣ. Я посѣтилъ старый домъ въ штатѣ Мэнъ, гдѣ человѣкъ, пребывающій по эту сторону жизни, задерживался въ теченіи цѣлаго ряда лѣтъ; онъ разсказалъ мнѣ, какъ выросли всѣ его дѣти и какъ жеребенокъ, котораго онъ любилъ передъ уходомъ сюда, выросъ въ большого коня и умеръ отъ старости.

Здѣсь такъ же бываютъ лѣнтяи и тупые люди, какъ и у васъ. Бываютъ также и блестящіе и притягательные, одно присутствіе которыхъ дѣйствуетъ оживляющимъ образомъ.

Можетъ звучать почти нелѣпо, что мы носимъ платья, какъ и вы; только намъ не нужно ихъ въ такомъ количествѣ. Я не видалъ здѣсь чемодановъ; хотя я вѣдь еще недавно здѣсь.

Тепло и холодъ не имѣютъ уже значенія для меня, хотя я помню, что въ самомъ началѣ мнѣ казалось холодно, но это уже прошло.

Письмо X.

Свиданіе въ четвертомъ измѣреніи.

Вы можете принести такую пользу, уступая мнѣ отъ времени вашу руку, что меня удивляетъ ваша боязнь.

Философія, которую я хочу передать вамъ, должна проникнуть въ міръ. Возможно, что только весьма немногіе поймутъ ея глубину въ этой жизни; но сѣмя, посѣянное сегодня, можетъ принести плодъ въ далекомъ будущемъ. Какъ тѣ зерна пшеницы, которыя были погребены вмѣстѣ съ муміями въ теченіи двухъ или трехъ тысячъ лѣтъ, и все же проросли, когда ихъ помѣстили въ подходящую почву въ наши дни. Тоже и съ сѣменами философіи.

Кто-то сказалъ, что глупо работать для философіи вмѣсто того, чтобы заставлять философію работать для себя; но человѣкъ не можетъ дать даже малой крупицы истинной философіи безъ того, чтобы самому не пожать всемеро больше. Чтобы получать нужно давать. Въ этомъ Законъ.

Я могу сказать вамъ многое о здѣшней жизни, что поможетъ другимъ, когда для нихъ придетъ время великой перемѣны. Почти каждый приноситъ сюда воспоминаніе прошлаго, болѣе или

менѣе живое воспоминаніе о своей земной жизни—по крайней мѣрѣ большинство изъ тѣхъ, съ которыми я имѣлъ здѣсь дѣло.

Я встрѣтилъ здѣсь одного человѣка, который не хотѣлъ говорить о землѣ и все толковалъ о „движеніи впередъ". Я напомнилъ ему, что какъ бы далеко онъ не ушелъ, онъ все же вернется къ мѣсту, откуда пустился въ путь.

Васъ интересуетъ, вѣроятно, нуждаемся ли мы въ пищѣ и питьѣ. Мы несомнѣнно питаемся и повидимому поглащаемъ много воды. Вамъ тоже слѣдовало бы пить побольше воды. Она питаетъ астральное тѣло. Я не думаю, чтобы тѣло, лишенное влаги, могло обладать достаточной астральной энергіей, чтобы уступить свою руку душѣ, которая находится на этомъ планѣ жизни, какъ вы это дѣлаете сейчасъ. Въ нашемъ здѣшнемъ тѣлѣ много влаги. Можетъ быть соприкосновеніе съ такъ называемымъ Духомъ отъ того и производитъ въ нѣкоторыхъ горячихъ людяхъ ощущеніе холода и они вздрагиваютъ.

Мнѣ нужно сдѣлать усиліе, чтобы писать черезъ васъ, но это усиліе стоитъ сдѣлать.

Я являюсь туда, гдѣ чувствую ваше присутствіе. Я могу васъ видѣть лучше, чѣмъ другихъ. И тогда я сдѣлаю обратное; т. е. вмѣсто того чтобы входить внутрь, какъ я это дѣлалъ прежде, я выхожу наружу съ большою силой по направленію къ вамъ. Я овладѣваю вами стремительнымъ натискомъ.

Иногда наше писаніе останавливалось посреди начатой фразы. Это было тогда, когда я недостаточно сосредоточивался. Вы замѣтили, можетъ быть, что когда вы переходите изъ одного міра въ другой, внезапный шумъ, или можетъ быть вторгнувшаяся мысль, можетъ привести васъ назадъ. Тоже и здѣсь.

Теперь, объ элементѣ, въ которомъ мы живемъ. Онъ несомнѣнно существуетъ въ пространствѣ, ибо онъ облекаетъ землю кругомъ. И все, каждая видимая вещь, имѣетъ здѣсь свой соотвѣтствующій двойникъ. Когда вы, передъ засыпаніемъ, вступаете въ этотъ міръ [1]), вы видите вещи, которыя существуютъ или существовали въ матеріальномъ мірѣ. Вы не увидите ничего въ этомъ мірѣ, что не имѣло бы физическаго соотвѣтствія на землѣ. Здѣсь существуютъ несомнѣнно и воображаемыя картины, мысле-образы; но видѣть воображеніемъ не значитъ владѣть астральнымъ зрѣніемъ. То, что вы видите засыпая, имѣетъ ре-

---

[1]) Это очевидно относится къ моимъ „гипнагогическимъ" видѣніямъ.



альное существованіе, и мѣняя быстроту вашихъ вибрацій, вы переходите въ этотъ міръ—или вѣрнѣе вы возвращаетесь въ него, ибо необходимо въ него вступить для того, чтобы выйти изъ него.

Воображеніе обладаетъ великой силой. Если вы нарисуете картину въ своемъ умѣ, вибраціи вашего тѣла могутъ приспособиться къ ней, или иначе - настроиться на тотъ же ладъ, если только воля работаетъ въ томъ же направленіи, какъ это бываетъ при мысли о здоровьи или болѣзни.

Можно было бы сдѣлать интересный опытъ, когда вы захотите перейти сюда: вы берете опредѣленный символъ и держите его передъ глазами. Я не увѣренъ, но возможно, что это поможетъ вамъ измѣнить ваши вибраціи.

Хотѣлось бы знать, смогли ли бы вы видѣть меня, если бы передъ засыпаніемъ перешли сюда съ мыслью обо мнѣ?

Сегодня я чувствую себя очень сильнымъ, потому что долго былъ въ присутствіи того, кто гораздо сильнѣе меня; и потому сегодня я могъ бы помочь вамъ въ подобномъ опытѣ лучше, чѣмъ въ другое время.

Я продолжаю узнавать многое, что хотѣлось бы передать вамъ. Напримѣръ, я могъ бы показать вамъ, какъ приходить сюда по своей волѣ, какъ это дѣлаютъ Учителя.

Сперва я овладѣвалъ только вашей рукой, чтобы писать посредствомъ нея, а теперь я умѣю владѣть всей вашей психической организаціей. Мнѣ помогъ въ этомъ Учитель. Благодаря этому новому пріему, вы не будете испытывать такой усталости, и я также.

Теперь я уйду и постараюсь встрѣтиться съ вами черезъ нѣкоторое время. Если опытъ не удастся, не теряйте увѣренности, но попробуйте снова въ другой разъ.

Письмо XI.

Мальчикъ Ляйонель.

Вамъ будетъ интересно узнать, что здѣсь такъ же, какъ и на землѣ, существуютъ люди, посвятившіе себя благу другихъ. Здѣсь есть даже большая организація душъ, которая называется Лигой. Ихъ задача состоитъ въ помощи тѣмъ, которые только что перешли сюда; они помогаютъ имъ приспособиться къ но-

вымъ условіямъ. Эта Лига приноситъ большую пользу. Они работаютъ наподобіе Арміи Спасенія, только на болѣе—не скажу высокомъ, а на болѣе интеллектуальномъ планѣ. Они помогаютъ и взрослымъ и дѣтямъ.

Дѣти представляютъ здѣсь интересныя особенности. Мнѣ самому не было времени наблюдать за всѣмъ этимъ; но одинъ изъ работающихъ въ Лигѣ сказалъ мнѣ, что для дѣтей легче приспособиться къ здѣшней жизни, чѣмъ для взрослыхъ. Очень старые люди имѣютъ наклонность много дремать, тогда какъ дѣти появляются сюда съ большимъ запасомъ энергіи и приносятъ съ собой то же любопытство, какое имъ свойственно на землѣ. Рѣзкихъ перемѣнъ не существуетъ. Дѣти выростаютъ здѣсь, говорятъ мнѣ, такъ же незамѣтно, какъ и на землѣ. Общее правило въ томъ, чтобы выполнить нормальный ритмъ, но бываютъ случаи, когда душа возвращается очень скоро. Возможно, что это--душа съ большимъ любопытствомъ и сильными желаніями.

Здѣсь встрѣчаются ужасы даже болѣе ужасные, чѣмъ на землѣ. Разложеніе отъ порока и невоздержанности здѣсь гораздо сильнѣе, чѣмъ тамъ. Я видѣлъ здѣсь лица и формы, которыя по истинѣ ужасны, лица, которыя казались полусгнившими и распадающимися на части. Но это—безнадежные случаи, и такихъ работники Лиги предоставляютъ своей печальной судьбѣ. Я не увѣренъ въ будущей судьбѣ этихъ людей: могутъ ли они воплотиться въ этомъ циклѣ, я не знаю.

Но дѣти здѣсь такъ очаровательны! Одинъ молодой мальчикъ бываетъ часто со мной; онъ называетъ меня отцомъ и, повидимому, радуется общенію со мной. Ему должно быть около тринадцати лѣтъ и онъ пробылъ уже нѣкоторое время здѣсь. Онъ не умѣлъ сказать мнѣ сколько времени; но я спрошу его, не вспомнитъ ли онъ земной годъ, когда перешелъ сюда.

Это невѣрно, что здѣсь нельзя скрывать своей мысли. Здѣсь можно сохранять тайны, если знать какъ это дѣлать. Это дѣлается внушеніемъ или наложеніемъ зарока. Хотя здѣсь все же несравненно легче читать чужія мысли, чѣмъ на землѣ. Мы сообщаемся другъ съ другомъ приблизительно такъ же, какъ и вы. Но по мѣрѣ того, какъ время идетъ, я замѣчаю, что начинаю разговаривать все чаще не губами, а посредствомъ сильныхъ проэкцій мысли. Въ началѣ я открывалъ ротъ, когда хотѣлъ что-нибудь сказать; теперь я это дѣлаю изрѣдка, по силѣ привычки. Когда человѣкъ только что перешелъ сюда, онъ не

понимаетъ другого, пока послѣдній не заговоритъ; или вѣрнѣе, пока самъ онъ не научиться говорить иначе.

Но я началъ о мальчикѣ. Онъ чрезвычайно интересуется нѣкоторыми земными вещами, о которыхъ я ему говорю—особенно аэропланами, которые были еще не особенно усовершенствованы, когда онъ перешелъ сюда. Ему хочется вернуться и полетать на аэропланѣ. Я говорю ему, что онъ можетъ летать здѣсь безъ аэроплана, но для него это не одно и тоже; ему хочется „вложить персты" въ самую машину.

Я совѣтую ему не торопиться съ возвращеніемъ назадъ. Интереснѣе всего, что онъ можетъ вспоминать свои предыдущія жизни на землѣ. Многіе здѣсь не имѣютъ никакого воспоминанія о своихъ прежнихъ жизняхъ, они помнятъ только то, что переживали передъ уходомъ сюда. Вообще—это вовсе не мѣсто, гдѣ бы всѣ знали обо всемъ - далеко нѣтъ. Большинство душъ почти такъ же слѣпо, какъ оно было на землѣ.

Мальчикъ былъ изобрѣтателемъ въ предыдущемъ воплощеніи, и на этотъ разъ онъ перешелъ сюда благодаря несчастному случаю, какъ разсказываетъ онъ самъ. Ему бы слѣдовало остаться здѣсь подольше, чтобы пріобрѣсти болѣе сильный ритмъ для своего возвращенія. Но это моя собственная идея. Меня такъ интересуетъ этотъ мальчикъ, что мнѣ хотѣлось бы удержать его и это, вѣроятно, вліяетъ на мое мнѣніе.

Вы видите—человѣческое намъ вовсе не чуждо.

Вы кажется хотите меня спросить о чемъ-то? Попробуйте сказать громко. Я думаю, что услышу.

Да, я чувствую себя гораздо моложе, чѣмъ на землѣ, и гораздо крѣпче, и гораздо здоровѣе. Въ самомъ началѣ я чувствовалъ себя какъ и во время моей болѣзни, по временамъ угнетеннымъ, а по временамъ свободнымъ отъ угнетенія; теперь же — совсѣмъ другое! Мое тѣло почти не безпокоитъ меня.

Я думаю, что старые люди молодѣютъ здѣсь до тѣхъ поръ, пока не возвращаются къ своимъ цвѣтущимъ годамъ и тогда они останавливаются на болѣе или менѣе долгое время. Вы видите, что я не пріобрѣлъ всѣ знанія. Я успѣлъ уже собрать много забытыхъ свѣдѣній; но относительно подробностей здѣшней жизни мнѣ остается многому научиться. Ваша любознательность поможетъ мнѣ изучить здѣшнія условія, чтобы я иначе не сдѣлалъ еще долго, а можетъ быть и никогда. Повидимому и здѣсь большинство людей не научается многому, и здѣсь на

первомъ планѣ—желаніе преуспѣвать, какъ и во время земной жизни.

Да, здѣсь есть школы, гдѣ желающіе могутъ обучаться, но и здѣсь немного *великихъ* учителей. Обыкновенные же здѣшніе профессора не обладаютъ высшей мудростью, совершенно такъ же, какъ и на землѣ.

Письмо XII.

Міръ первообразовъ.

Мнѣ нужно сдѣлать добавленіе къ тому, что я говорилъ, когда старался объяснить вамъ, что все, встрѣчающееся здѣсь, существуетъ и на землѣ. Съ тѣхъ поръ я узналъ, что это не совсѣмъ вѣрно. Здѣсь есть различные слои. Я это узналъ только недавно. Я и до сихъ поръ думаю, что въ слоѣ, ближайшемъ отъ земли, все, или почти все существуетъ и на землѣ въ плотной матеріи. Но если удалиться подальше отъ земли (какъ далеко я не могу опредѣлить земной мѣркой), можно достигнуть сферы образцовъ или—если можно такъ выразиться—первообразовъ вещей, которыя *возникнутъ* на землѣ. Я видѣлъ формы вещей, которыя, насколько я знаю, не существовали на вашей планетѣ, напримѣръ, будущія изобрѣтенія. Я видѣлъ крылья, которыя человѣкъ можетъ приспособить къ себѣ. Я видѣлъ также новыя формы летательныхъ снарядовъ. Я видѣлъ модели городовъ и башенъ съ странными, похожими на крылья проэкціями, употребленіе которыхъ мнѣ совершенно непонятно. Прогрессъ механическихъ изобрѣтеній очевидно только еще начался. Въ другой разъ я подвинусь дальше въ этомъ мірѣ образцовыхъ формъ и посмотрю нельзя ли проникнуть еще дальше.

Но имѣйте въ виду: я разсказываю вамъ совершенно такъ же, какъ разсказалъ бы путешественникъ о вещахъ, которыя онъ видитъ впервые. Иногда мои объясненія могутъ быть невѣрны.

Когда я былъ въ области, которую мы будемъ называть міромъ первообразовъ, я не встрѣтилъ тамъ никого кромѣ одного случайнаго путника, въ родѣ меня. Я дѣлаю изъ этого естественное заключеніе, что только немногіе, покидающіе землю, посѣщаютъ эту область. Я вывожу изъ всего, что видѣлъ и изъ своихъ общеній съ душами, перешедшими сюда, что большинство изъ нихъ не удаляется очень далеко отъ земли.



Очень странно, а между тѣмъ я видѣлъ людей, которые воображаютъ себя въ обстановкѣ настоящаго ортодоксальнаго рая, они поютъ въ бѣлыхъ одѣяніяхъ съ вѣнцами на головѣ и съ арфами въ рукахъ. Не принадлежащіе къ нимъ называютъ эту область „небесной страной“.

Разсказывали мнѣ, что существуетъ также и огненный адъ, чуть ли не съ запахомъ сѣры, но до сихъ поръ я не видѣлъ его. Когда я буду сильнѣе, я постараюсь добраться до него и если это не слишкомъ мучительно, я проберусь и дальше—если меня туда пустятъ.

Въ настоящее время я перехожу съ мѣста на мѣсто и, до сихъ поръ, я еще не изучилъ основательно ни одной области.

Я взялъ мальчика, котораго кстати сказать зовутъ Ляйонель, вчерашній день съ собой. Можетъ быть слѣдовало бы сказать вчерашнюю ночь, такъ какъ вашъ день—наша ночь, когда мы находимся на вашей сторонѣ. Вы и твердая земля находитесь въ центрѣ нашей большой сферы.

Я взялъ мальчика съ собой для того, чтобы вы назвали „прогулкой“.

Прежде всего мы отправились въ старый кварталъ Парижа гдѣ я жилъ въ прежней жизни; но Ляйонель ровно ничего не видѣлъ и когда я ему указывалъ на нѣкоторыя строенія, онъ спросилъ меня совершенно искренно, не вижу ли я ихъ во снѣ. Вѣроятно у меня есть способность, которая развита не во всѣхъ жителяхъ астральной страны. Такъ когда Ляйонель нашелъ, что Парижъ—мое воображеніе (самъ онъ жилъ въ Бостонѣ), тогда я отправился съ нимъ въ „небесную страну“. Ее онъ сейчасъ же увидѣлъ и сказалъ: „Это должно быть то самое мѣсто, про которое мнѣ разсказывала бабушка. Но гдѣ же Богъ?“

Этого я не могъ сказать: но тутъ мы увидѣли, что всѣ смотрятъ въ одномъ направленіи. Мы тоже стали смотрѣть вмѣстѣ съ другими и увидѣли большой свѣтъ, подобный солнцу, только свѣтъ былъ мягче и не такъ ослѣпителенъ, какъ у матеріальнаго солнца.

„Вотъ“, сказалъ я мальчику, „что видятъ тѣ, кто видитъ Бога“.

А теперь я долженъ сказать вамъ нѣчто очень странное; пока мы смотрѣли на этотъ свѣтъ, между нимъ и нами начала медленно образовываться фигура, какую мы на землѣ привыкли называть Христомъ. Онъ смотрѣлъ съ нѣжностью на людей и протянулъ къ нимъ Свои руки. Затѣмъ Его образъ измѣнился

и на Его правой рукѣ оказался ягненокъ; а затѣмъ—Онъ стоялъ какъ бы преображенный на горѣ; послѣ этого Онъ заговорилъ и началъ учить ихъ; мы могли слышать Его голосъ. А затѣмъ онъ исчезъ, и мы перестали видѣть Его.

Письмо XIII.

Реальныя и нереальныя формы.

Когда я впервые перешелъ сюда, я былъ такъ заинтересованъ всѣмъ видѣннымъ, что не разспрашивалъ, какъ слѣдуетъ относиться къ видимому; но позднѣе я началъ замѣчать разницу между предметами, которые на поверхностный взглядъ кажутся изъ одной и той же субстанціи. Такъ я начинаю видѣть разницу между тѣмъ, что несомнѣнно существовало на землѣ, какъ напр., форма мужчинъ, женщинъ и дѣтей, и между другими вещами, которыя, хотя и видимы и кажутся осязаемыми, но тѣмъ не менѣе должны быть вѣроятнѣе всего мысле-образами.

Эта мысль пришла мнѣ, когда я смотрѣлъ на драмы, разыгрываемыя въ „небесной странѣ“, и она снова явилась ко мнѣ еще съ большей силой, когда я дѣлалъ недавно изслѣдованіе въ той области, которую я назвалъ „міромъ первообразовъ“.

Позднѣе я буду вѣроятно различать и тотъ и другой видъ съ перваго взгляда. Напр., если я встрѣчу здѣсь существо или что мнѣ покажется существомъ, и мнѣ скажутъ, что это извѣстный герой романа въ родѣ Жана Вальжана Виктора Гюго, я буду имѣть основаніе думать, что это — лишь мысле-образъ, но настолько жизненный, что онъ кажется настоящимъ существомъ въ этомъ мірѣ разрѣженной матеріи. Но до сихъ поръ я еще не встрѣчалъ такихъ героевъ.

Такимъ образомъ, пока я не удостовѣрюсь, что встрѣченное существо слышитъ меня и можетъ отвѣчать мнѣ или другимъ, которые обращаются къ нему съ бесѣдой, — я не могу окончательно рѣшить, что оно дѣйствительно существуетъ Отнынѣ я буду изслѣдовать всѣхъ, встрѣчающихся мнѣ. Герой романа или иное созданіе мысли, какъ бы живо оно не казалось, не можетъ отвѣчать на вопросы, ибо не имѣетъ души не имѣетъ реальнаго центра сознанія.

Когда я вижу странную форму дерева или животнаго и могу его осязать, ибо чувства дѣйствуютъ здѣсь совершенно



такъ же, какъ и на землѣ, я знаю что она существуетъ въ тонкой матеріи астральнаго плана.

Я думаю, что всѣ существа, которыя я видѣлъ здѣсь, реальны; но если я встрѣчу такое, которое не смогу осязать и которое не сможетъ отвѣчать на вопросы,—тогда у меня будутъ данныя для моей гипотезы, что частицы матеріи, изъ которыхъ составляются мысле-образы, имѣютъ достаточную степень сцѣпленія для того, чтобы казаться реальными.

Несомнѣнно, что нѣтъ духа безъ субстанціи и нѣтъ субстанціи безъ духа, скрытаго или выраженнаго; но нарисованный человѣкъ можетъ же казаться на далекомъ разстояніи самимъ человѣкомъ.

Могутъ-ли здѣсь существовать сознательно преднамѣренные мысле-образы? Я думаю, да. Такая форма мысли должна быть очень интенсивна для того, чтобы сохраняться на продолжительное время.

Письмо XIV.

Фоліантъ Парацельса.

Недавно я попросилъ у моего Учителя показать мнѣ архивы, гдѣ могли записываться наблюденія жившихъ здѣсь, если такой архивъ существуетъ. Онъ сказалъ:

„Вы были большимъ любителемъ книгъ на землѣ. Пойдемте".

Мы вошли въ большое зданіе, подобное библіотекѣ, и у меня захватило духъ отъ удивленія. Меня поразила не архитектура зданія, а количество книгъ и рукописей. Ихъ должно быть было много милліоновъ.

Я спросилъ Учителя, всѣ ли книги здѣсь. Онъ улыбнулся и сказалъ:

„Неужели вамъ все еще мало? Вы можете выбрать все, что хотите".

Я спросилъ, какъ расположены книги—по предметамъ или иначе?

„Здѣсь есть опредѣленный порядокъ", — отвѣтилъ онъ. „Какую хотите вы?".

Я сказалъ, что хотѣлъ бы видѣть книги, въ которыхъ записаны наблюденія надъ этой, все еще мало знакомой для меня, страной.

Тогда онъ взялъ съ полки объемистый томъ. Онъ былъ напечатанъ крупнымъ чернымъ шрифтомъ.

„Кто написалъ эту книгу?“—спросилъ я у него.

„Здѣсь есть подпись“.

Я посмотрѣлъ въ концѣ книги и увидѣлъ подпись, какую употреблялъ Парацельсъ.

„Когда онъ написалъ это?“

„Вскорѣ послѣ переселенія сюда. Это было написано между жизнью Парацельса на землѣ и его слѣдующимъ воплощеніемъ“.

Книга, которую я раскрылъ, представляла собой трактатъ о духахъ человѣческихъ, ангельскихъ и элементальныхъ. Она начиналась съ опредѣленія человѣческаго духа, какъ духа, имѣвшаго опытъ жизни въ человѣческой формѣ; а элементальный духъ опредѣлялся какъ болѣе или менѣе развитое самосознаніе, не имѣвшее еще такого опыта.

Затѣмъ авторъ опредѣлялъ ангела, какъ духъ высокой ступени, который не имѣлъ и вѣроятно и въ будущемъ не будетъ имѣть такихъ переживаній въ матеріи. Затѣмъ онъ утверждалъ, что ангельскія души раздѣляются на двѣ рѣзко отличающіяся группы — небесныя и преисподнія; первые принадлежатъ къ тѣмъ ангеламъ, которые работали въ гармоніи съ законами Бога, послѣдніе—къ тѣмъ, которые работали противъ этой гармоніи. Онъ говоритъ, что каждый изъ этихъ отдѣловъ необходимъ для существованія другого; что если бы всѣ были добрые, то вселенная прекратила бы свое существованіе; что и само добро перестало бы быть за отсутствіемъ своей противоположности—зла.

Онъ утверждаетъ, что въ архивахъ царства ангеловъ есть указаніе, что добрый ангелъ сдѣлался злымъ, а злой ангелъ сдѣлался добрымъ, но что это были рѣдкіе случаи.

Далѣе онъ предупреждаетъ тѣ души, которыя будутъ пребывать въ той области, гдѣ онъ это писалъ и въ которой и я нахожусь въ настоящее время, чтобы онѣ не вступали въ сношеніе съ злыми духами. Онъ заявляетъ, что въ болѣе тонкихъ формахъ здѣшней жизни больше соблазновъ, чѣмъ въ жизни земной; что самъ онъ былъ неоднократно осаждаемъ злыми ангелами, убѣждавшими его соединиться съ ними и что ихъ аргументы были иногда чрезвычайно благовидны.

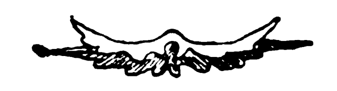
Онъ продолжаетъ, что во время своей земной жизни имѣлъ частыя общенія съ духами, и добрыми и злыми; но что пока

онъ былъ на землѣ, онъ никогда—насколько ему извѣстно—не бесѣдовалъ съ ангеломъ изъ породы злыхъ.

Онъ указываетъ своему читателю, что есть только одинъ способъ для опредѣленія, принадлежитъ ли существо здѣшняго тонкаго міра къ ангеламъ, или же только къ человѣческимъ или элементальнымъ духамъ; отличить ангела можно только по большей силѣ сіянія, окружающаго его. Онъ говоритъ, что и добрые и злые ангелы окружены чрезвычайнымъ сіяніемъ; но что между ними есть разница, замѣтная при первомъ же взглядѣ на ихъ лица; что глаза небесныхъ ангеловъ пылаютъ любовью и разумомъ, тогда какъ смотрѣть въ глаза ангеловъ преисподней чрезвычайно тяжело.

Онъ говоритъ еще, что для ангела тьмы возможно ввести въ заблужденіе смертнаго человѣка, явившись передъ нимъ подъ видомъ ангела свѣта; но что такой обманъ невозможенъ по отношенію души, освободившейся отъ своего смертнаго тѣла.

Возможно, что я скажу еще болѣе объ этомъ въ другой разъ, а теперь я долженъ отдохнуть.



Какъ вамъ кажется? Если у кого было сто овецъ и одна изъ нихъ заблудилась, то не оставитъ ли онъ девяносто девять въ горахъ и не пойдетъ ли искать заблудшую? Такъ нѣтъ воли Отца вашего Небеснаго, чтобы погибъ одинъ изъ малыхъ сихъ. (Матѳ. гл. XVIII—12—14).

Если бы вы знали, что значитъ: «милости хочу, а не жертвы» то не осудили бы невиновныхъ. (Матѳ. гл. XII—7).

Онъ же сказалъ въ отвѣтъ говорившему: кто Матерь моя и кто братья Мои? И указавъ рукою Своею на учениковъ Своихъ сказалъ: вотъ матерь моя и братья мои; ибо кто будетъ исполнять волю Отца Моего небеснаго, тотъ Мнѣ братъ и сестра и матерь. (Матѳ. XII—48, 49, 50).



Обозрѣніе теософической литературы.

Продолжая общую характеристику иностранныхъ теософическихъ журналовъ, отмѣтимъ органъ Шотландской секціи: *„Theosophy in Scotland“*, представляющій тоненькую книжку въ свѣтло-желтой обложкѣ, съ изображеніемъ людей у жертвенника, привѣтствующихъ восходъ солнца. Журналъ содержитъ небольшія статьи по теософическимъ вопросамъ, сравнительно обширный библіографическій отдѣлъ и сообщеніе о мѣстной теософической работѣ. Въ общемъ журналъ отражаетъ, хотя и не въ такой мѣрѣ, въ какой можно бы было ожидать, гибкую, острую и терпимую интеллектуальность обслуживаемой имъ секціи.

Французская секція въ періодической прессѣ пошла по оригинальному пути, издавая кромѣ журнала: *„Le Lotus Bleu“* и газету *„Le Théosophe“*, *„Le Lotus Bleu“* содержитъ главнымъ образомъ переводныя статьи лидеровъ движенія, задаваясь, повидимому, цѣлью ознакомить публику съ текущей иностранной теософической литературой.

Оригинальныя же статьи большею частью появляются въ газетѣ,—большого формата и содержащей много печатнаго матеріала. Она затрагиваетъ и злободневные вопросы, освѣщая ихъ съ болѣе глубокой стороны, и является для подвижной французской публики мостомъ, ведущимъ отъ поверхностнаго ознакомленія съ теософическими идеями къ серьезной религіозно-философской и теософической литературѣ.

Серьезнымъ теософическимъ журналомъ является органъ итальянской секціи: *„Bolletino della Societa Teosofica Italiana“*. Онъ даетъ въ переводѣ капитальные труды теософическихъ авторовъ и

цѣлый рядъ оригинальныхъ статей, иногда своеобразно и глубоко освѣщающихъ нѣкоторые вопросы. Преобладающая нота журнала—лойяльность, рыцарская преданность движенію и непоколебимая стойкость въ трудныя минуты жизни Общества.

Въ Римѣ издавался нѣкоторое время еще одинъ теософическій журналъ „*Ultra*", довольно объемистый, по общему своему характеру нѣсколько напоминавшій англійскій „*The Path*", хотя и менѣе смѣлаго и парадоксальнаго полета. Онъ являлся выразителемъ той части членовъ итальянской секціи, которой нужно „вложить персты въ раны для того, чтобы повѣрить и былъ цѣненъ, потому что будилъ мысль, хотя иногда пытался анатомическимъ ножемъ критики разсѣчь области, недоступныя таковому. Статьи были интересны и нерѣдко блестящи. Журналъ этотъ, кажется, прекратилъ свое существованіе.

Германская секція обслуживается маленькимъ, начинающимъ органомъ: „*Das Streben*", выходящимъ нерегулярно.

Другія европейскія секціи, какъ то: бельгійская, швейцарская, шведская, имѣютъ также свои небольшіе журналы, отражающіе мѣстную теософическую жизнь.

Изъ заокеанскихъ органовъ отмѣтимъ американскіе: „*The American Theosophist*" и „*The Messenger*", австралійскій: „*Theosophy in Australasia*" и журналъ секціи въ *Коста-Рика*: „*Virya*".

„*The American Theosophist*" въ теченіе нынѣшней зимы прекратилъ свое существованіе. Онъ издавался на отличной бумагѣ, иногда съ иллюстраціями и содержалъ очень разнородныя статьи по философіи, оккультизму, религіи, интересныя біографіи, библіографическій отдѣлъ и вопросы и отвѣты.

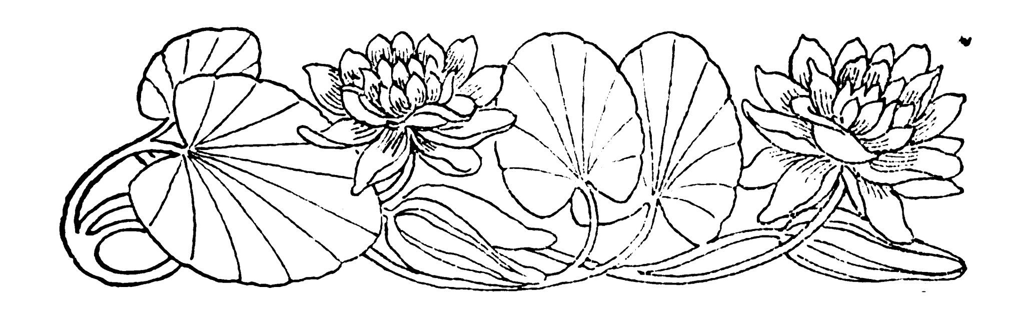
Послѣ закрытія журнала остался лишь *The Messenger*, имѣющій чисто освѣдомительный, дѣловой характеръ.

Коста-Рика сообщаетъ намъ о жизни своей секціи черезъ свой официціальный органъ „*Vira*", т. е. *сила*. И дѣйствительно отъ журнала вѣетъ бодрой, сильной жизнью, во всеоружіи знанія, безстрашно смотрящей въ глаза загадкамъ бытія.

Theosophy in Australasia напоминаетъ по типу шотландскій журналъ, состоя изъ небольшихъ статей, скорѣе намѣчающихъ пути къ изученію вопросовъ, чѣмъ освѣщающихъ ихъ всесторонне.

В. Пушкина.





Хроника теософическаго движенія.

═══ Въ декабрѣ ежегодно бываетъ годовой съѣздъ индусской секціи. Онъ созывается поочередно въ Бенаресѣ и Адіарѣ подъ предсѣдательствомъ А. Безантъ. Къ нему всегда бываетъ пріурочена серія публичныхъ лекцій. Въ настоящемъ году публичнымъ лекторомъ въ Адіарѣ выступаетъ Джинараджадаза.

═══ Годовой съѣздъ итальянскаго теософическаго о-ва состоится на Пасхѣ въ одномъ изъ центральныхъ городовъ. Мѣсто съѣзда и программа еще не опредѣлены.

═══ Въ Австраліи, гдѣ въ настоящее время царитъ лѣто, г-нъ Ч. Ледбитеръ продолжаетъ свое турне. Имъ прочитанъ рядъ публичныхъ лекцій въ Аделандѣ и Викторіи.

═══ Органъ теософическаго движенія во Франціи „Le Theosophe" разсказываетъ о трудномъ положеніи издательскаго теософическаго о-ва во Франціи. Онъ также описываетъ вкратцѣ работу французскихъ теософовъ при лазаретахъ, пріютахъ и даетъ списокъ погибшихъ на полѣ сраженія. Среди нихъ встрѣчается извѣстное имя Пьера Бернаръ, талантливаго писателя и общественнаго дѣятеля.

Редакція сообщаетъ, что по объявленію войны Теософическое О-во отдало все свое помѣщеніе подъ лазаретъ.

Если не будетъ неожиданной большой поддержки редакціи, то „Le Theosophe" временно не будетъ больше выходить. Редакція надѣется, что она все же получитъ возможность продолжать свою дѣятельность.

═══ Органъ Теософическаго О-ва въ Швейцаріи „Bulletin Teosophique" разсказываетъ о дѣтскомъ праздникѣ, устроенномъ на Рождествѣ членами „Золотой Цѣпи" въ помѣщеніи о-ва.

Были приглашены 35 бѣдныхъ дѣтей, которыхъ члены „Золотой Цѣпи" принимали и угощали. Вокругъ зажженной елки пѣли пѣсни, устраивались игры, раздавались подарки. Общій ужинъ закончилъ это веселое празднество.

11 января возобновляется работа Теософическаго О-ва въ Швейцаріи.

═══ Библіотека въ Американскомъ центрѣ Кротона получила великолѣпный даръ отъ извѣстнаго американскаго коллекціонера въ видѣ 1000 книгъ по сравнительному изученію религій, философіи и оккультизму. Среди нихъ есть чрезвычайно рѣдкіе экземпляры.

Вторая зимняя сессія лекцій въ Кротонѣ возобновляется 24 января и продлится до конца апрѣля.

═══ Теософическій центръ въ Нью-Іоркѣ въ этомъ году праздновалъ 39-ый юбилей своего существованія и вмѣстѣ съ нимъ юбилей всего Теософическаго О-ва, основаннаго въ 1875 году въ Нью-Іоркѣ. Предсѣдатель Нью-Іоркскаго центра г-нъ Варингтонъ сдѣлалъ краткій обзоръ Теософической работы въ Америкѣ за это время. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ коснулся распространенія движенія во всемъ мірѣ. Въ своемъ заключительномъ словѣ г-нъ Варингтонъ высказалъ убѣжденіе, что главная помощь Т. О-ва міру заключается въ томъ, что оно выясняетъ ему возможность вести духовную жизнь, оставаясь дѣятельнымъ человѣкомъ на землѣ и не уходя отъ своихъ земныхъ обязанностей.

═══ Теософическое О-во въ Англіи выпустило журналъ свой „Vahan" въ новой оранжевой обложкѣ и съ цѣлымъ рядомъ фотографическихъ снимковъ, изображающихъ главную квартиру Т. О-ва въ Лондонѣ, его библіотеку, пріемную комнату, комнату Совѣта и кабинетъ Генеральнаго Секретаря, представителя движенія.

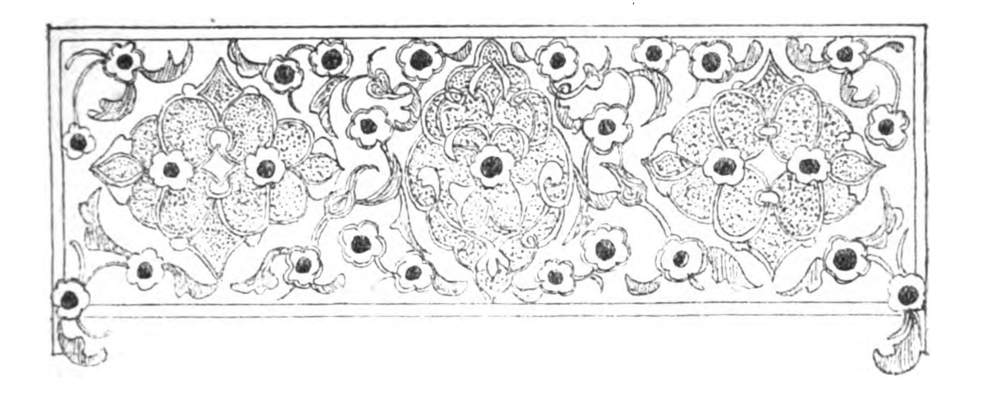
═══ 27-аго января, А. Каменская, предсѣдательница Р. Т. О-ва прибыла въ Кіевъ.

28-аго января, въ Кіевскомъ Отдѣлѣ Р. Т. О-ва, было общее собраніе членовъ, на которомъ были избраны на слѣдующее трехлѣтіе: представителемъ О-ва Е. В. Родзевичъ, ея товарищемъ—Е. Н. Сохновская, кандидатами въ правленіе: В. И. Соболевъ и Е. В. Пальшау.

29-аго января, на закрытомъ собраніи Кіевскаго Отдѣла, А. Каменская прочла докладъ: „О благомъ законѣ".

Alba.





Обозрѣніе журналовъ.

(*Художественная литература и статьи по искусству*).

„Аполлонъ“ (декабрь, январь), „Русская Мысль“ (декабрь, январь).

Въ декабрьской книжкѣ „Аполлона“ содержательна статья А. Эфроса *„Живопись театра“*. Дѣятельность руководящаго поколѣнія, говоритъ авторъ, обречена заниматься старыми рѣшеніями старыхъ задачъ въ ожиданіи, когда назрѣвающій взрывъ свѣжихъ творческихъ силъ вернетъ русскому искусству его мужественную активность.

Русская сценическая живопись была расцвѣтомъ новаго художественнаго организма, сосредоточившаго въ себѣ всю эстетическую значительность послѣдняго десятилѣтія. Она была полна романтико-ретроспективной экзотики, мечты о красотѣ „не нашего и не нынѣшняго бытія“. Подъ ея вліяніемъ театръ сталъ „пиромъ для глазъ“. Драматическое слово подчинилось гегемоніи живописи. Даже классиковъ на сценѣ живопись стремилась показать подъ такимъ угломъ зрѣнія, который бы позволилъ ей развернуть свои средства обольщенія, и они предстали, какъ обломки прошедшихъ вѣковъ, утративъ свою общечеловѣческую значительность. Постепенно живопись овладѣла величайшими святынями сцены, опустошая драматургію. Но съ каждымъ днемъ наростающій нео-реализмъ сталъ выявлять внутренній, а не внѣшній обликъ вещей, видимое на сценѣ явилось лишь отраженіемъ того, что происходило въ духовныхъ глубинахъ современности. Живопись очутилась въ критическомъ

положеніи, когда отъ нея потребовали „инсценировки психическихъ свойствъ".

Въ статьѣ „*По поводу выставокъ бывшихъ и будущихъ*" Всеволодъ Дмитріевъ гадаетъ о будущемъ русскаго искусства, сознавая, что хорошее будущее можетъ возникнуть только изъ мудраго использованія запасовъ, скопленныхъ въ нашемъ прошломъ и настоящемъ. По его мнѣнію, русское искусство переживаетъ время, когда одно искусствопониманіе, казавшееся раньше подлиннымъ и всеобъемлющимъ, стало условнымъ и недостаточнымъ и должно быть замѣнено другимъ. „Новое слово" должно сплотить разъединенныхъ.

Взгляды I. Эйгеса, автора статьи „*О Лермонтовѣ (къ метафизикѣ сновидѣнія)*" необыкновенно близко подходятъ къ оккультному обоснованію связи искусства со сновидѣніями. Онъ прямо заявляетъ: „говорить о художественныхъ элементахъ произведеній искусства, а это главная сторона ихъ,—значитъ говорить объ ихъ сновидческихъ элементахъ; эти два опредѣленія являются для насъ равнозначущими". Самое существенное въ Лермонтовѣ это то, что онъ былъ сновидцемъ. Анализъ „сновидческой насыщенности" творчества Лермонтова и составляетъ содержаніе статьи. Тотъ „новый міръ", о которомъ говоритъ Лермонтовъ, есть ли только плодъ пустого воображенія, или онъ представляетъ дѣйствительное проникновеніе въ міръ высшей реальности, видѣніе образовъ иного міра? Принятіе второго члена дилеммы обязываетъ насъ къ тому, чтобы признать сновидѣніе, которое именно и творитъ новый міръ, за моментъ самораскрытія метафизической сущности. Если „міръ" большею частью выражаетъ обнаруженіе нашихъ моральныхъ влеченій, то „сонъ" есть сфера нашихъ чисто эстетическихъ переживаній. Внѣ состоянія сновидѣнія нѣтъ красоты. „Только сновидѣніе дастъ тотъ всеобъемлющій принципъ, который, какъ золотое перо Жаръ-Птицы, освѣтитъ всѣ вообще эстетическія проблемы",—вотъ выводъ, къ которому приходитъ авторъ.

Въ январской книжкѣ „*Аполлона*" укажемъ на очень спеціальную статью Г. Лукомскаго „*Старинное зодчество Галиціи*". Переходя опять къ вопросу о живописи, приведемъ резюме статьи Н. Радлова „*Будущая школа живописи*". Авторъ тоже приходитъ къ выводу о необходимости новаго творческаго метода, новаго отношенія къ изображенію формъ. Онъ считаетъ, что „картинное" содержаніе сможетъ быть воплощено тогда, когда художникъ будетъ свободенъ въ пространственномъ изо-

браженіи формъ. Тогда его задачей явится сочетаніе этой пространственной формы, изъ которой онъ долженъ исходить, съ плоскостью холста, въ одно неразрывное цѣлое.

А. Римскій-Корсаковъ въ статьѣ *„Балеты Игоря Стравинскаго"* произноситъ довольно строгій приговоръ нашумѣвшему композитору. Подчеркивая большую талантливость и яркую артистичность Игоря Стравинскаго, авторъ отмѣчаетъ въ немъ отсутствіе двухъ цѣннѣйшихъ свойствъ—темперамента и лирики, подразумѣвая подъ темпераментомъ повышенный тонъ эмоціональныхъ переживаній, а подъ лирикой—глубину и индивидуальную яркость чувствъ. Онъ упрекаетъ также Стравинскаго въ стремленіи не одухотворять стихію звуковъ, но, напротивъ, матеріализовать ее, превращая звуки въ явленія почти зрительнаго и осязательнаго порядка, и относитъ композитора къ новымъ импрессіонистамъ, которые мобилизуютъ всѣ средства въ погонѣ за порабощеніемъ зрителя.

Я. Тугендхольдъ даетъ очеркъ о бельгійцѣ *Джемсѣ Энзорѣ* „странномъ художникѣ масокъ и смерти, мишурно-звонкихъ красокъ и колючихъ тернистыхъ линій". Нѣсколько односторонняя стятья Г. Иванова *„Военные стихи"* и спеціальная статья Ю. Слонимской *„Неизданная рукопись Новерра"*.

Переходя къ стихамъ декабрьской и январской книжекъ *„Аполлона"* замѣчаемъ, что почти всѣ они посвящены войнѣ. Въ нихъ отражены мысли, которыя вообще теперь распространены въ русскомъ обществѣ. Вотъ отрывокъ изъ стихотворенія Гумилева:

Но тому, о Господи, и силы,
И побѣды царскій часъ даруй,
Кто поверженному скажетъ: „Милый,
Вотъ, прими мой братскій поцѣлуй.

И вотъ строка изъ стихотворенія Вячеслава Иванова:

„Хочу пророчить; Муза мнѣ: молись".

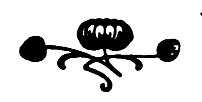
Въ декабрьской книжкѣ „Русской Мысли" есть нѣсколько крупныхъ повѣстей и разсказовъ (повѣсти А. М. Бутягиной *„Безликое"* и В. А. Мартовскаго *„На горѣ и подъ горой"*, „Три разсказа" Зворыкина, разсказъ Макса Гохдорфа *„Аретэ"*). Они написаны въ той манерѣ, которая, слѣдуя справедливому принципу устраненія психологической личности автора изъ написаннаго, устраняетъ одновременно и высшее *„я"* автора, то есть тотъ источникъ, который даетъ произведенію замыселъ, эмоцію

и мечту. А безъ этого получается впечатлѣніе болѣе или менѣе художественное въ зависимости отъ картинности выполненія, но не захватывающее. Интересенъ романъ маркиза де Сегюръ *„Жюли де Леспинассъ“*—живой документъ человѣческаго сердца.

Въ январской книжкѣ „Русской Мысли“ есть нѣсколько обѣщающихъ началъ, о которыхъ рано говорить, пока они не окончены. Закончена лишь трагедія Вячеслава Иванова *„Сыны Прометея“*, вещь чрезвычайно углубленная, которая такъ глубоко черпаетъ вѣчное изъ миѳа о Прометеѣ, что проливаетъ свѣтъ на тревожную современность. Отмѣтимъ интересное противопоставленіе въ смыслѣ сліянія противоположностей началъ Пандоры и Прометея, а также толпы прометеевой и прометеевыхъ избранниковъ, стражниковъ священнаго огня. И приведемъ въ заключеніе отрывокъ:

...Я творилъ
Васъ, первенцы, и нѣтъ средь васъ раба;
И будетъ рабство, но раба не будетъ.
Своимъ страстямъ и вожделѣньямъ низкимъ
Вамъ рабствовать дано; но, какъ челомъ,
Подъятымъ къ небу, ты не въ силахъ долу
Поникнуть, человѣкъ, уподобляясь
Четвероногимъ, такъ не въ силахъ ты
Забыть въ тебѣ зачатую свободу.
Ты жертвы хочешь возносить богамъ,
Но не иныя жертвы, чѣмъ моя.
Не раболѣпствовать, но пріобщаться
Старѣйшимъ въ небесахъ, и въ нихъ Тому,
Кто Самъ въ богахъ и Самъ въ тебѣ свободномъ.
Такія жертвы учредить промыслилъ
Въ отраду людямъ, въ исполненье правды,
И въ испытанье вольнымъ, и въ соблазнъ
И гнѣвъ Крониду Прометей.

М. Станюковичъ.



Редакторъ **Ц. Л. Гельмбольдтъ.** Издательница **А. А. Каменская.**

зомъ, можетъ быть безсознательно онъ широко открываетъ двери для нашихъ оккультныхъ ученій. Потому что онъ говоритъ:

Среда, въ которой происходятъ вихреобразныя движенія, согласно собственному, точно выраженному положенію проф. Лоджа (Nature vol. XXVII p. 305)—есть «совершенно однородное, несжимаемое, сплошное тѣло, неспособное къ разложенію на простѣйшіе элементы или атомы;—его строеніе, дѣйствительно, сплошное, а не молекулярное». И дальше, высказавъ такое положеніе, проф. Лоджъ прибавляетъ: «**Нѣтъ ни одного другого тѣла, о которомъ мы могли бы сказать это, и слѣдовательно свойства эфира должны нѣсколько отличаться отъ свойствъ обыкновенной матеріи**». Изъ этого выходитъ, что вся теорія вихревыхъ атомовъ, предлагаемая намъ взамѣнъ «метафизической теоріи» о дѣйствіи на разстояніе, основана на гипотезѣ о существованіи матеріальной среды, совершенно неизвѣстной опыту и свойства которой **нѣсколько** отличаются [1]) отъ обыкновенной матеріи. Слѣдовательно эта теорія не только не является, какъ она претендуетъ, сведеніемъ фактовъ, непровѣренныхъ опытомъ, къ провѣреннымъ фактамъ, но на самомъ дѣлѣ является сведеніемъ фактовъ совершенно извѣстныхъ къ фактамъ не только неизвѣстнымъ, но и совершенно не наблюдавшимся и недоступнымъ для наблюденія. Дальше, предполагаемое вихревое движеніе, предполагаемое внутри или у эфирной среды **невозможно**, потому что «движеніе въ совершенно однородной, не поддающейся давленію и потому сплошной жидкости не есть дѣйствительное движеніе»... Изъ этого видно..., что куда бы ни привела насъ теорія вихревыхъ атомовъ, она во всякомъ случаѣ не приведетъ насъ ни къ чему, находящемуся въ области физики или въ области verae causae [2]). И я могу прибавить, что такъ какъ эта гипотетически недифференцирован-

---

1) „Нѣсколько отличаются!“ — восклицаетъ Сталло. „Настоящее значеніе этого „нѣсколько“ заключается въ томъ, что среда, о которой идетъ рѣчь *ни въ какомъ постижимомъ смыслѣ не матеріальна*, такъ какъ не имѣетъ ни одного изъ свойствъ матеріи“. Всѣ свойства матеріи зависятъ отъ различій и измѣненій, а „гипотетическій“ эфиръ, опредѣляемый здѣсь, не только лишенъ различія въ своемъ составѣ, но даже неспособенъ различаться и измѣняться—въ физическомъ смыслѣ—добавимъ мы. Это доказываетъ, что если эфиръ есть „матерія“, онъ можетъ быть такимъ только какъ нѣчто видимое, осязаемое и существующее исключительно для *духовныхъ* чувствъ, что онъ есть Сущность,—но не на нашемъ планѣ—Отецъ Эфиръ или Акаша.

2) Verae causae (истинныя причины) физической науки являются иллюзорными причинами (майей) для оккультиста и наоборотъ.

ная [1]) и неподдающаяся дифференціаціи среда есть ясно невольное возрожденіе стараго онтологическаго понятія чистаго существа, то разсматриваемая нами теорія имѣетъ всѣ признаки непостижимаго метафизическаго призрака [2]).

„Призракъ" на самомъ дѣлѣ, который объяснить и сдѣлать понятными можетъ только оккультизмъ. Отъ указанной научной метафизики до оккультизма только одинъ шагъ. Тѣ физики, которые придерживаются взгляда, что атомистическое строеніе матеріи совмѣстимо съ ея проницаемостью, не должны далеко уходить отъ своего пути для того, чтобы стать способными объяснить величайшіе феномены оккультизма, которые теперь осмѣиваются учеными физиками и матеріалистами. „Матеріальная точка безъ протяженія"—Коши—это монады Лейбница и въ то же время это матеріалы, при помощи которыхъ „Боги" и другія невидимыя силы облекаются въ тѣла. Дезинтеграція и реинтеграція „матеріальныхъ" частицъ безъ протяженія, какъ главный факторъ въ феноменальныхъ проявленіяхъ, должны были бы сами указывать на полную возможность своего существованія, по крайней мѣрѣ для тѣхъ немногихъ научныхъ умовъ, которые принимаютъ взглядъ Коши, ибо отбросивъ то свойство матеріи, которое называется непроницаемостью и опредѣливъ просто атомы, какъ „матеріальныя точки, производящія одна на другую притяженіе и отталкиваніе, которыя мѣняются сообразно раздѣляющему ихъ разстоянію", французскій теоретикъ объясняетъ, что:

> Изъ этого слѣдуетъ, что если бы творецъ природы просто видоизмѣнилъ законы, согласно которымъ атомы притягиваютъ или отталкиваютъ другъ-друга, мы бы сейчасъ же увидѣли, какъ самыя твердыя тѣла проникаютъ одно другое, какъ мельчайшія частицы матеріи занимаютъ огромныя пространства и какъ огромныя массы матеріи сокращаются до ничтожнаго объема, такъ что въ концѣ концовъ вся вселенная концентрируется какъ бы въ одной точкѣ [3]).

Эта „точка", невидимая на *нашемъ планѣ воспріятія и матеріи*, совершенно видима глазу Адепта, который можетъ слѣдить за нею и видѣть ее на другихъ планахъ. Оккультисты не отдѣляютъ природы отъ ея Творца и потому, зная оккультные законы при-

[1]) Наоборотъ, очень сильно дифференцированная, съ того времени, какъ было оставлено состояніе laya.

[2]) Op. cit. pp. XXIV—XXVI.

[3]) Sept leçons de phisique générale, p. 38, и слѣд. Ed. Moigno.



роды и зная какъ можно измѣнять и создавать новыя условія въ эфирѣ, они могутъ не измѣнять законы, но работать въ согласіи съ этими неизмѣнными законами.

ОТДѢЛЪ III.

Есть-ли тяготѣніе законъ?

Теорія состава матеріи изъ матеріальныхъ частицъ безцеремонно отложена въ сторону; но тяготѣніе—принципъ, согласно которому всѣ тѣла притягиваются одно къ другому съ силой пропорціональной ихъ массамъ и обратно пропорціональной квадратамъ разстояній между ними, – живетъ до сего дня и царствуетъ безусловно, какъ и раньше, въ предполагаемыхъ эфирныхъ волнахъ пространства. Какъ гипотезѣ закону тяготѣнія угрожала смерть за то, что онъ не способенъ охватить всѣ представляемые ему факты; но какъ физическій законъ – это король еще недавно всемогущихъ „невѣсомыхъ". Недалеко отъ богохульства, „это оскорбленіе памяти великаго Ньютона, даже сомнѣваться въ законѣ тяготѣнія",—восклицаетъ американскій критикъ „Разоблаченной Изиды". Хорошо; но что же представляетъ собой этотъ невидимый и неосязаемый Богъ, въ котораго мы должны слѣпо вѣрить? Астрономы, которые видятъ въ тяготѣніи легкое рѣшеніе для многихъ вещей и универсальную силу, позволяющую имъ вычислять движенія планетъ, мало заботятся о причинахъ притяженія. Они называютъ тяготѣніе закономъ, причиной въ самой себѣ. Мы называемъ силы, дѣйствующія подъ этимъ именемъ, послѣдствіями и притомъ весьма второстепенными. Въ одинъ прекрасный день будетъ найдено, что эта научная гипотеза все-таки не отвѣчаетъ своему назначенію, и тогда она послѣдуетъ за матеріальной теоріей свѣта и будетъ отложена на многіе научные эоны въ архивъ всѣхъ обанкрутившихся спекуляцій. Развѣ самъ Ньютонъ не выражалъ серьезныхъ сомнѣній относительно природы силы и тѣлесности „Агентовъ", какъ они тогда назывались? Точно то же дѣлалъ и Cuvier, другое научное свѣтило, свѣтящее среди ночи изслѣдованія. Онъ предупреждаетъ читателей въ своей книгѣ Revolution du Globe относительно сомнительной природы такъ называемыхъ Силъ, говоря, что „нельзя сказать съ увѣренностью, не являются ли эти силы въ концѣ концовъ Духовными Сущностями (des agents spirituels).

Въ началѣ своихъ „Principia" сэръ Исаакъ Ньютонъ съ величайшимъ стараніемъ стремился внушить своей школѣ, что онъ не употреблялъ слово „притяженіе", по отношенію къ взаимному дѣйствію тѣлъ въ физическомъ смыслѣ. Для него это была, какъ онъ говорилъ, чисто математическая концепція, не вызывающая соображеній о реальныхъ и первоначальныхъ физическихъ причинахъ.

Въ одномъ мѣстѣ своихъ Principia [1]) онъ ясно говоритъ намъ, что разсматриваемыя физически притяженія, суть скорѣе импульсы. Въ отдѣлѣ XI (Введеніе) онъ выражаетъ мнѣніе, что „существуетъ какой-то тонкій духъ, силой и дѣйствіемъ котораго опредѣляются всѣ движенія матеріи" [2]), и въ своемъ третьемъ письмѣ къ Бентлею онъ говоритъ:

> Нельзя себѣ представить, чтобы неодушевленная грубая матерія безъ посредства чего-либо *нематеріальнаго* могла бы дѣйствовать на другую матерію, безъ взаимнаго прикосновенія, какъ это должно бы было быть, если бы тяготѣніе въ томъ смыслѣ, какъ его употребляетъ Эпикуръ, было бы существеннымъ и прирожденнымъ свойствомъ матеріи... Думать, что тяготѣніе могло бы быть внутреннимъ, вложеннымъ въ матерію, существеннымъ свойствомъ такъ, чтобы одно тѣло могло бы дѣйствовать на другое на разстояніе черезъ пустое пространство, безъ посредства чего либо, при помощи и черезъ что дѣйствіе одного тѣла могло бы быть передано другому тѣлу, кажется мнѣ столь невѣроятнымъ абсурдомъ, что я искренно думаю, что ни одинъ человѣкъ, способный сознательно мыслить въ философскихъ вопросахъ, никогда не дойдетъ до него. Тяготѣніе должно вызываться агентомъ, дѣйствующимъ постоянно, согласно извѣстнымъ законамъ, но вопросъ о томъ, *матеріаленъ ли этотъ агентъ или не матеріаленъ*, я предоставляю на размышленіе моихъ читателей.

Это очевидное водвореніе оккультныхъ причинъ въ область физики испугало даже современниковъ Ньютона. Лейбницъ называлъ свой принципъ притяженія „безтѣлесной и необъяснимой силой". Предположеніе о притягательной способности и о совершенной пустотѣ было характеризовано Бернульи, какъ „возмутительное"; и принципъ *дѣйствія на разстояніе* находилъ тогда такъ же мало сторонниковъ, какъ и теперь. Эйлеръ (Euler) съ

---

[1]) Defin., 8, B. I. Prop. 69 Scholium.

[2]) См. „Modern Materialism" священника W. F. Wilkinson



другой стороны думалъ, что дѣйствіе тяготѣнія обязано или *Духу*, или какому-то тонкому медіуму. И однако Ньютонъ зналъ, если онъ даже и не принималъ его, объ эфирѣ древнихъ. Онъ разсматривалъ промежуточное пространство между небесными тѣлами, какъ пустоту. Слѣдовательно, онъ вѣрилъ въ „тонкій Духъ" и Духовъ, управляющихъ такъ называемымъ притяженіемъ, такъ же, какъ вѣримъ и мы. Вышеприведенныя слова великаго человѣка произвели незначительные результаты. То, что онъ назвалъ „абсурдомъ" стало теперь догматомъ въ чистомъ матеріализмѣ, который повторяетъ:—„нѣтъ матеріи безъ силы, нѣтъ силы безъ матеріи; матерія и сила нераздѣлимы, вѣчны и неразрушимы (вѣрно); не можетъ быть независимой силы, такъ какъ всякая сила составляетъ только необходимое, присущее матеріи, свойство (не вѣрно); слѣдовательно, нѣтъ никакой нематеріальной творческой Силы".— О бѣдный сэръ Исаакъ!

Если, оставивъ въ сторонѣ всѣхъ другихъ извѣстныхъ людей науки, которые соглашались съ Эйлеромъ и Лейбницомъ, оккультисты будутъ считать авторитетами и своими сторонниками только сэра Исаака Ньютона и Кювье, какъ приведено выше, то они уже могутъ ничего не бояться со стороны современной науки и могутъ громко и гордо провозглашать свои вѣрованія. Но колебанія и сомнѣнія цитированныхъ выше авторитетовъ и многихъ другихъ также, которыхъ мы могли бы назвать, нисколько не мѣшаютъ научной спекуляціи такъ же, какъ и раньше, извлекать пользу изъ теорій грубой матеріи. Прежде была матерія и невѣсомый флюидъ, отличный отъ нея; потомъ явился невѣсомый флюидъ, подвергнутый такой критикѣ Гровомъ; потомъ эфиръ, бывшій сначала несплошнымъ и затѣмъ ставшій сплошнымъ—и послѣ этого явились—„механическія" силы. Эти послѣднія заняли теперь свое мѣсто въ жизни въ качествѣ „способовъ движенія" и эфиръ сдѣлался еще болѣе таинственнымъ и проблематичнымъ, чѣмъ когда либо. Очень многіе люди науки протестуютъ противъ такихъ грубыхъ матеріалистическихъ взглядовъ. Но тѣмъ не менѣе, со дней Платона, постоянно просившаго своихъ читателей не смѣшивать безтѣлесные элементы съ ихъ принципами—трансцендентными или духовными элементами, со дней великихъ алхимиковъ, которые подобно Парацельсу дѣлали большое различіе между феноменомъ и его причиной или нуменомъ, до временъ Грова, который „хотя не видитъ причинъ" лишить разлитую повсюду матерію функцій общихъ всякой матеріи, тѣмъ не менѣе употребляетъ

терминъ „Силы", тогда какъ его критики, „не придающіе этому слову никакой идеи специфическаго дѣйствія", говорятъ „Сила"; съ того времени до нашихъ дней ничто не оказалось достаточно компетентнымъ, чтобы пойти противъ теченія грубаго матеріализма. Тяготѣніе есть единственная причина, дѣйствующій Богъ, а матерія его пророкъ, говорили люди науки всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

Съ тѣхъ поръ они уже нѣсколько разъ перемѣнили свои взгляды. Но можно ли сказать, что люди науки понимаютъ теперь болѣе чѣмъ тогда сокровенную мысль Ньютона, одного изъ наиболѣе духовно-настроенныхъ и религіозныхъ людей своего времени? Въ этомъ можно сильно сомнѣваться. Ньютону ставятъ въ заслугу, что онъ нанесъ смертельный ударъ элементальнымъ вихрямъ Декарта—кстати сказать, представляющимъ собою возрожденную идею Анаксагора—хотя самые послѣдніе современные намъ „вихревые атомы" сэра Вильяма Томсона немногимъ отличаются отъ первыхъ. Тѣмъ не менѣе, когда его ученикъ Форбсъ написалъ въ предисловіи къ главной работѣ своего учителя фразу, заявлявшую, что „притяженіе есть причина всей системы", Ньютонъ первый заявилъ торжественный протестъ. То, что въ умѣ великаго математика принимало безтѣлесный, но глубоко укоренившійся образъ Бога, какъ Нумена всего, было философски названо древними и современными философами и оккультистами—„Богами" или творящими, образующими силами. Способы выраженія могутъ быть различны и идеи могутъ быть выражены болѣе или менѣе философски всей священной и непосвященной древностью, но основная мысль была одна и та же [1]).

Для Пиѳагора Силы были Духовными Существами, Богами, независимыми отъ планетъ и матеріи, какъ мы видимъ и знаемъ ихъ на землѣ, существами, которые являются правителями звѣзднаго неба. Платонъ представлялъ себѣ, что планеты движимы внутреннимъ Правителемъ, существомъ, соединеннымъ со своимъ жилищемъ, „какъ лодочникъ съ лодкой". Что касается

[1]) Притяженіе, пишетъ матеріалистъ Ле Кутюрье, „стало теперь для публики тѣмъ же, чѣмъ оно было для самого Ньютона — простымъ словомъ, идеей (Panorama des mondes) такъ какъ его причина неизвѣстна. Гершель на самомъ дѣлѣ говоритъ то же самое, замѣчая, что когда онъ изучаетъ движеніе небесныхъ свѣтилъ и явленія притяженія, онъ чувствуетъ себя все время проникнутымъ идеей о „существованіи причинъ, дѣйствующихъ для насъ подъ покрываломъ, скрывая свое прямое дѣйствіе". (Musee des Sciences, August 1856).



Аристотеля, то онъ называлъ этихъ правителей *„нематеріальными субстанціями"* [1]), хотя какъ человѣкъ, никогда не бывшій посвященнымъ, онъ не признавалъ Боговъ Сущностями [2]). Но это не мѣшало ему считать, что звѣзды и планеты „не неодушевленныя массы, но на самомъ дѣлѣ дѣйствующія и живущія тѣла". Такъ что, какъ будто, звѣздные духи были „болѣе божественными частями своихъ проявленій" (τὰ θειότερα τῶν φανερῶν [3]).

Если мы станемъ искать подтвержденія этого въ болѣе современныя и научныя времена, мы найдемъ Тихо Браге, признающаго въ звѣздахъ тройную силу--божественную, духовную и жизненную. Кеплеръ, соединяя фразу Пиѳагора „Солнце хранитель Юпитера" со стихами Давида „онъ помѣстилъ свой престолъ на солнцѣ" и „Господь есть солнце" и пр., говорилъ, что онъ прекрасно понимаетъ какимъ образомъ Пиѳагорейцы могли вѣрить, что всѣ небесныя тѣла, разсѣянныя въ пространствѣ, суть разумныя сознанія (facultates ratiocinatioae), вращающіяся вокругъ солнца, въ которыхъ живетъ чистый духъ огня, источникъ общей гармоніи [4]).

Когда оккультистъ говоритъ о Фохатѣ, интеллектѣ, возбуждающемъ энергію и управляющемъ во всеобщемъ, электрическомъ или жизненномъ флюидѣ, надъ нимъ смѣются. А между тѣмъ, какъ выяснилось до сихъ поръ, никто не понимаетъ ни природы электричества, ни природы жизни, ни даже свѣта. Оккультистъ видитъ въ проявленіи каждой силы въ природѣ, дѣйствіе качества или спеціальную характеристику ея Нумена; и этотъ Нуменъ есть отдѣльная и сознательная индивидуальность *по другую сторону проявленной механической вселенной.* Оккультистъ не только не отрицаетъ, но наоборотъ онъ поддерживаетъ взглядъ, что свѣтъ, тепло, электричество и пр. суть проявленія (affections), а не свойства или качества матеріи. Яснѣе, матерія есть условіе, необходимая основа или проводникъ, условіе sine qua non для проявленія этихъ силъ или агентовъ на этомъ планѣ.

Но для того, чтобы отстоять этотъ пунктъ, оккультисты

---

[1]) Сравнивать „нематеріальные виды съ деревяннымъ желѣзомъ" и смѣяться надъ Шпиллеромъ за то, что онъ называетъ ихъ „безтѣлесной матеріей", еще не разрѣшаетъ тайны (см. Concepts of Modern Physics, стр. 165 и ниже).

[2]) См. Vossius, Vol II, p. 528.

[3]) De Coelo I. 9.

[4]) De Motibus Planctarum Harmonicis p. 248.



должны прежде всего провѣрить всесторонне, насколько серьезно обоснованъ законъ тяготѣнія—„тяготѣнія, царя и правителя матеріи“. Чтобы исполнить это успѣшно, нужно вспомнить эту гипотезу въ ея самомъ первоначальномъ видѣ. Во-первыхъ, Ньютонъ-ли первый открылъ ее? Въ Atenaeum'ѣ отъ 26 января 1867 года есть любопытныя свѣдѣнія по этому поводу. Именно:

> Можетъ быть указано положительное свидѣтельство въ пользу того, что Ньютонъ извлекъ все свое знаніе тяготѣнія и его законовъ изъ Беме, у котораго тяготѣніе или притяженіе есть первое свойство природы... Потому что, согласно его, система Беме показываетъ намъ внутреннюю сторону вещей, тогда какъ современная физическая наука довольствуется тѣмъ, что разсматриваетъ внѣшнюю.

А затѣмъ еще:

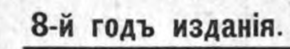
> Наука объ электричествѣ, которая еще не существовала, когда Беме писалъ, совершенно ясно предначертана въ его писаніяхъ; и Беме не только описываетъ всѣ теперь извѣстные феномены этой силы, но онъ даже даетъ намъ происхожденіе, зарожденіе и рожденіе самого электричества.

Такимъ образомъ Ньютонъ, глубокій умъ котораго легко читалъ между строкъ, и окунулся въ глубину духовной мысли великаго Провидца, и въ его мистическую передачу, обязанъ своимъ великимъ открытіемъ Якову Беме, питомцу Духовныхъ Сущностей, Нирманакайя, которые слѣдили за нимъ и направляли его; и о немъ авторъ цитируемой статьи справедливо замѣчаетъ:

> Каждое новое научное открытіе доказываетъ его (Якова Беме) глубокое и интуитивное проникновеніе въ наиболѣе тайныя дѣйствія природы.

И *открывъ* тяготѣніе, Ньютонъ, для того, чтобы сдѣлать возможнымъ дѣйствіе притяженія въ пространствѣ, принужденъ былъ, такъ сказать, уничтожить всякое физическое препятствіе, мѣшающее его свободному дѣйствію;—среди другихъ и Эфиръ, хотя онъ болѣе чѣмъ предчувствовалъ его существованіе. Поддерживая корпускулярную теорію, онъ создалъ абсолютную пустоту между небесными тѣлами. Каковы бы ни были его предположенія и внутреннее убѣжденіе относи-





8-й годъ изданія.

ВѢСТНИКЪ ТЕОСОФІИ

РЕЛИГІОЗНО-ФИЛОСОФСКО-НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Satyât Nâsti Paro Dharmah

(Нѣтъ религіи выше истины).

---

7 апрѣля.

ПЕТРОГРАДЪ.

—

1915.

№ 4.



Типографія Б. М. Вольфа, Петроградъ, Вас. Остр., Волховской пер., 4.

Отъ Комитета ВЫСОЧАЙШЕ разрѣшенной благотворительной лотереи 1914 г.

Комитетъ ВЫСОЧАЙШЕ разрѣшенной благотворительной лотереи открылъ 18 минувшаго Декабря продажу билетовъ. Вырученныя суммы предназначены на помощь раненымъ и больнымъ воинамъ, семьямъ лицъ, призванныхъ на войну, и лицамъ, пострадавшимъ отъ военныхъ бѣдствій. Потребности эти—безпредѣльны Помощь необходима безотлагательная и непрестанная; а для этого нужны средства. Между тѣмъ казна обременена огромными расходами на войну и на выдачу пайка семьямъ запасныхъ; приношенія же жертвователей обильны, но далеко недостаточны. Лотерея задумана для того, чтобы облегчить самую острую нужду. Тѣ 20.000.000 р., на которые выпущены билеты, а за вычетомъ 3.000.000 р., уже отчисленныхъ на выдачу выигрышей, только 17.000.000 р. пойдутъ для этой цѣли. Это поняли многіе русскіе люди: широкою рѣкою на всемъ огромномъ пространствѣ Россіи устремились они въ учрежденія, гдѣ продаются билеты. Розыгрышъ лотереи будетъ произведенъ въ Петроградѣ публично въ концѣ Марта этого года, а потому времени осталось немного и надо спѣшить пріобрѣтать билеты и вносить лепту на святое дѣло помощи пострадавшимъ героямъ войны и ихъ семьямъ.

ВЫСОЧАЙШЕ разрѣшенная БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ ЛОТЕРЕЯ 1914 г.

Доходъ отъ сей лотереи поступаетъ **въ пользу раненыхъ и больныхъ воиновъ семей лицъ, призванныхъ на войну, и лицъ, пострадавшихъ отъ военныхъ бѣдствій.**

Лотерейные билеты выпущены двумя выпусками по 10.000.000 р., всего на 20.000.000 р. Каждый выпускъ состоитъ изъ 2.000.000 билетовъ, раздѣленныхъ на 20.000 серій, по 100 билетовъ въ каждой серіи. Билетъ содержитъ пять отдѣльныхъ частей. Продажа совершается какъ цѣлыми билетами, такъ и отдѣльными частями. Билеты 1-го выпуска—свѣтло-зеленаго цвѣта, а 2-го—розоваго. Цѣна билета—5 р., а каждой части—1 р. Владѣлецъ билета, на который палъ выигрышъ, получаетъ всю сумму выигрыша, владѣлецъ же каждой отдѣльной части билета, на который палъ выигрышъ,—одну пятую часть его.

Число выигрышей въ 1-мъ выпускѣ—**4334 на 1.500.000 р.** (бил. свѣтло-зеленаго цвѣта).

1	выигр.	въ	100.000 р.
1	„	„	50.000 „
2	„	„	25.000 „
10	„	„	10.000 „
20	„	„	5.000 „
100	„	„	1.000 „
200	„	„	500 „
.000	„	„	300 „
1.000	„	„	200 „

Число выигрышей во 2-мъ выпускѣ—**4334 на 1.500.000 р.** (билеты розоваго цвѣта).

1	выигр.	въ	100.000 р.
1	„	„	50.000 „
2	„	„	25.000 „
10	„	„	10.000 „
20	„	„	5.000 „
100	„	„	1.000 „
200	„	„	500 „
1.000	„	„	300 „
3.000	„	„	200 „

Всего въ обоихъ выпускахъ **8.668** выигрышей на общую сумму **3.000.000** рублей.

Розыгрышъ лотереи состоится во второй половинѣ **Марта мѣсяца 1915 года** въ Петроградѣ публично, въ Совѣтѣ Государственнаго Банка, въ присутствіи одного изъ членовъ Комитета и депутатовъ отъ Петроградскихъ: дворянства, губернскаго земскаго собранія и городского общественнаго управленія.

Выдача выигрышей будетъ производиться въ Петроградской Конторѣ Государственнаго Банка предъявителямъ билетовъ или частей ихъ, по опубликованіи таблицы выигрышей въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“, не позднѣе 14 дней со дня предъявленія билета или отдѣльной части того билета, на который палъ выигрышъ.

Выигрыши не подлежатъ никакимъ налогамъ.

Продажа билетовъ производится:

а) въ **Государственномъ Банкѣ**, его конторахъ и отдѣленіяхъ;

б) въ **казначействахъ**;

в) въ **Государственныхъ Сберегательныхъ Кассахъ въ Петроградѣ и Москвѣ и при желѣзнодорожныхъ станціяхъ**;

г) въ **учрежденіяхъ Почтово-Телеграфнаго вѣдомства, а также въ наиболѣе крупныхъ частныхъ кредитныхъ учрежденіяхъ**;

д) Кромѣ того, жители сельскихъ мѣстностей могутъ заказывать билеты у земскихъ начальниковъ, въ волостныхъ правленіяхъ, въ учрежденіяхъ мелкаго кредита и у податныхъ инспекторовъ. Билеты и части билетовъ по такимъ заказамъ будутъ немедленно доставлены.

ПРОДАЖА

билетовъ ВЫСОЧАЙШЕ разрѣшенной благотворительной лотереи 1914 года въ пользу раненыхъ и больныхъ воиновъ, семей лицъ, призванныхъ на войну, и лицъ, пострадавшихъ отъ военныхъ бѣдствій,

ПРОДОЛЖАЕТСЯ и БУДЕТЪ ЗАКОНЧЕНА

въ Конторахъ и Отдѣленіяхъ Государственнаго Банка, Казначействахъ, Государственныхъ Сберегательныхъ Кассахъ, учрежденіяхъ Почтово-Телеграфнаго Вѣдомства и частныхъ банкахъ—15 мая 1915 года, а у земскихъ начальниковъ, податныхъ инспекторовъ и инспекторовъ мелкаго кредита и въ иныхъ учрежденіяхъ, принявшихъ на себя трудъ по размѣщенію билетовъ,—1 мая 1915 года.

Цѣна билета—5 рублей, а одной пятой части билета—1 рубль.

Выигрыши—отъ 200 р. до 100.000 р.
Всего выигрышей—8.668 на 3.000.000 р.

РОЗЫГРЫШЪ БИЛЕТОВЪ ЛОТЕРЕИ НАЧНЕТСЯ 1 ІЮНЯ 1915 года и будетъ законченъ, ввиду значительнаго числа выигрышей, въ теченіе мѣсяца. Розыгрышъ будетъ произведенъ Совѣтомъ Государственнаго Банка въ АЛЕКСАНДРОВСКОМЪ Залѣ Петроградской Городской Думы публично въ присутствіи Членовъ Комитета лотереи и депутатовъ отъ Петроградскихъ: Дворянства, Губернскаго Земскаго Собранія и Городского Общественнаго Управленія. Входъ для публики свободный.

Таблицы выигрышей для каждаго выпуска отдѣльно будутъ опубликованы по окончаніи лотереи въ „Правительственномъ Вѣстникѣ". Для справокъ владѣльцевъ билетовъ означенныя таблицы будутъ выставлены въ мѣстахъ продажи, а также продаваемы въ учрежденіяхъ Государственнаго Банка и Казначействахъ по 5 к. за экземпляръ.

Билеты лотереи и части ихъ, на которые пали выигрыши, должны быть представлены въ Петроградскую Контору Государственнаго Банка и выигрыши будутъ выдаваться названною Конторою не позднѣе 14 дней по полученіи билета. Лица, проживающіе внѣ Петрограда, могутъ предъявлять билеты, на кои палъ выигрышъ, или ихъ части съ подписью на нихъ владѣльца въ мѣстныя учрежденія Государственнаго Банка и Казначейства. Означенныя учрежденія будутъ пересылать представленные билеты или части ихъ въ Петроградскую Контору для перевода выигрышей, при условіи застрахованія ихъ за счетъ владѣльцевъ въ суммѣ выигрышей.

СОДЕРЖАНІЕ

апрѣльской книжки „Вѣстника Теософіи“.

стр.

SOMMAIRE DU № D'AVRIL:



Вѣнцы сіянные.

(Славословія древнія).

VI.

ИНДРА.

Нѣкогда древніе гимны воспѣли державнаго Индру,—
Бога небеснаго моря на струнахъ сердечныхъ прославимъ.

Пѣсенный ястребъ взовьется въ края синеокаго бога,
Быстрымъ крыломъ разверзая воздушнаго города стѣны.

Молній и струй хороводы въ заоблачномъ царствѣ почили...
Сонъ ихъ встревоженъ внезапно явленьемъ Царицы-Молитвы,—

Вспрянутъ дремливыя; тотчасъ коней синекудраго Индры
Властно Молитва впрягаетъ... воздушныя рушатся стѣны— .

Долы земные синѣютъ, и своды небесные сини,
Стелется синей равниной дорога Воителя—Индры;

Съ грохотомъ мчатъ колесницу, храпя, синегривые кони,
Блещутъ желѣзныя латы крылатаго Путника—Индры.

Молнія сине-златая, въ рукахъ громоноснаго бога,
Радостью гнѣвной трепещетъ на страхъ и смятенье Асурамъ.



Ратники рдянаго Рудры—стада лебедей черноперыхъ—
Рьяные рѣютъ Маруты, меча остроглавыя стрѣлы;

Золотомъ блещутъ ихъ копья, звенятъ и сверкаютъ запястья,
Бурному конскому бѣгу стремленье Марутовъ подобно.

Дымныя кудри развѣявъ, рыдаютъ и мечутся Тучи,
Влажныя стрѣлы роняя дождемъ на усталую землю...

Къ небу взывая съ мольбою, подъемля вершины лѣсныя,
Свѣтлыя струи впиваетъ земля въ упоеньи блаженномъ...

Стебель священнаго Сомы нальется зеленою кровью,
Жертвеннымъ чашамъ готовя медвяно-пьянящій напитокъ.

Мудраго Сомы росою и пѣснью хвалы опьяняйся,
Міра властитель державный, развѣявшій днѣвное знамя.

VII.

ДУХИ ГРОЗЫ.

Струи стиховъ сладкозвучныхъ—всевышнимъ богамъ возліянье,
Струи дождей живоносныхъ—дары златоликихъ Марутовъ.

Пастыри стадъ свѣторунныхъ, прославлены пѣснью священной,
Небу и долу на радость навѣйте летучія грозы!

Небо ночное сіяетъ красой свѣтозарности звѣздной,
Смуглые воины бури—въ сверканіи стрѣлъ золоченыхъ.

Мысли быстрѣе, ихъ лани влекутъ колесницы по высямъ,
Роемъ слетаютъ Маруты на волны святыхъ возліяній.

Хмуро лѣса затаились, насупилось море сурово,
Горы дрожатъ, цѣпенѣя... Проснулась и грянула буря!

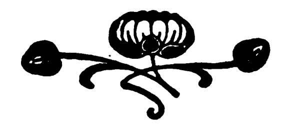
Съ неба свергаютъ Маруты добычу отъ чудищъ угрюмыхъ:
Всюду стремятся потоки, какъ сернъ боязливое племя.

Въ струи одеждъ златотканныхъ одѣты посланники Рудры,
Власть ихъ щедра и всесильна, какъ Солнца лучистая слава!

Анна Веселовская.



Примѣчаніе: Индра — глава ведійскихъ Боговъ — побѣдитель всѣхъ «враговъ божьихъ»: Асуровъ, Дайтіевъ-великановъ, Змѣебоговъ, Вритры—Космическаго Змія; Индра—Св. Михаилъ Индіи, боевыхъ, небесныхъ силъ Воевода (Doctr. Secr., III, 469). Его «друзья и союзники»—Маруты, духи грозъ, частью свѣтлые и кроткіе, частью черные и ярые; мистически, они—1) страсти, бушующія въ душѣ того, кто вступилъ на путь Подвига; 2) оккультныя силы низшей земной атмосферы всѣхъ обитаемыхъ міровъ; 3) реальныя, сознательныя существа космическаго и психическаго рода (ib., IV, 205—6).—Рудра—отецъ и повелитель Марутовъ—богъ огня, имѣющій, кромѣ имени Рудры, еще семь именъ, знаменующихъ семь видовъ его проявленія, а также семь силъ природы, разрушающихъ лишь ради возсозданія или возрожденья. Въ Ведахъ онъ олицетворяетъ божественное Эго, стремящееся вернуться къ своему чистому божескому состоянію—и въ то же время заключенное и мятущееся въ земной оболочкѣ. Рудра — прообразъ Шивы, еще не упоминаемаго въ Ведахъ (ib., IV, 123—4).

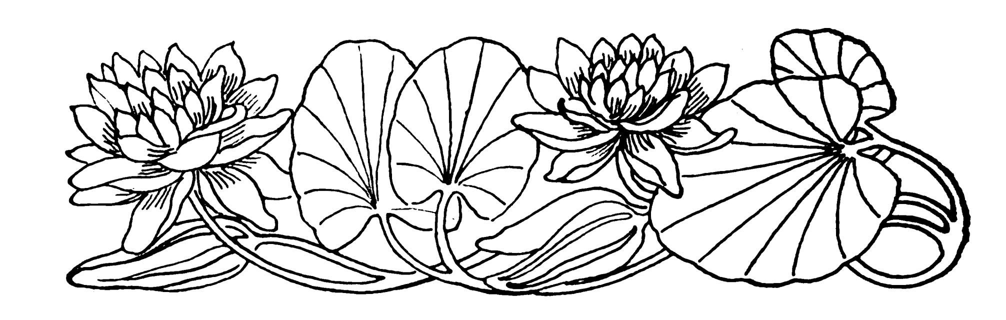


Для человѣка науки ни одна форма эволюціи не должна считаться научной и не должна имѣть цѣны, если она не охватываетъ всего человѣка и всего, что въ человѣкѣ, а также всѣхъ его дѣлъ, мыслей и стремленій.

Великіе моральные факты, моральныя силы, поскольку доказано ихъ существованіе, должны быть объяты эволюціей. Силы соціальныя и религіозныя не должны оставаться въ сторонѣ, какъ не остаются въ сторонѣ силы тяготѣнія или жизни. Причина, почему натурализмъ не включаетъ ихъ въ число эволюціонныхъ факторовъ заключается не въ томъ, что онъ можетъ съ ними не считаться, а въ томъ, что онѣ стоятъ выше его уровня.

Изреч. изъ книгъ Дрюмонда.





На сторожевомъ посту.

„Не говорите ли вы, что еще четыре мѣсяца, и наступитъ жатва? А Я говорю вамъ: возведите очи ваши и посмотрите на нивы, какъ онѣ побѣлѣли и поспѣли къ жатвѣ".
(Ев. отъ Іоанна, гл. 4; 35)

„Спускаются сумерки надъ Европой!" скорбно восклицаетъ обозрѣватель современныхъ событій въ „Сѣверныхъ Запискахъ", мечтавшій о долгой гегемоніи Европы надъ міромъ. Его пугаетъ мысль, что Европа станетъ провинціей среди новыхъ творческихъ центровъ и хотя онъ предчувствуетъ неизбѣжный синтезъ грядущаго, его тревожитъ распадъ настоящаго момента.

Но что же такое распадается? Что умираетъ? И что готовится къ новому рожденію?

Умираетъ старый ожесточенный, эгоистическій, обособленный міръ. Распадается утилитарная, матеріалистическая культура, яркой выразительницей которой является современная Германія. Кончаетъ свои дни ученое варварство, замѣнившее идею гуманности и справедливости идеей грубой силы и призвавшее на помощь себѣ утилитарную науку. По выраженію Бутру [1]): „Основываясь на систематическихъ научныхъ доводахъ, Германія противопоставила нашей эллинской цивилизаціи, христіанской и человѣчной, разрушительное неистовство гунновъ... Всѣмъ стало очевидно, что нѣмецкая культура не что иное, какъ ученое варварство".

---

[1]) Метафизическое и психологическое обоснованіе варварства. Вѣстникъ Воспитанія, № 9, 1914 г.

Вѣрно называетъ В. Ивановъ настроеніе современной Германіи „хулою на духа и безбожіе“.

Слѣдуетъ ли скорбѣть о паденіи такой цивилизаціи? Не пора ли замѣнить идола внѣшней культуры и утилитарной науки религіознымъ идеаломъ? не въ этой-ли задачѣ заключается миссія Славянъ, миссія Россіи?

Обозрѣвая современную литературу и журналистику, слушая лекціи, читаемыя нынѣшнею зимою, сознаешь, какъ предчувствіе этой задачи уже живетъ глубоко въ русскомъ сердцѣ и какъ ясно въ воздухѣ проносится вѣяніе новой жизни. Когда ветхія формы не въ силахъ болѣе удовлетворять раскрывающуюся жизнь, то онѣ рождаютъ чувство скорбнаго разлада, недоумѣнія и усталости. Это первое прикосновеніе „Vairagya“, освобожденія отъ ига формъ, сказывается въ тоскѣ по реальному и въ мучительномъ отвращеніи отъ всего нереальнаго, ненужнаго, чуждаго правдѣ. Какъ никогда звучитъ эта нота въ нашей литературѣ и изъ измученной души дѣятеля и мыслителя вылетаетъ пламенная мечта о вселенскомъ обновленіи.

Но что могутъ мечты, если онѣ такъ далеки отъ суровой дѣйствительности? Къ чему приведетъ насъ тоска по идеалу, если мы еще не видимъ путей?

Мысль есть величайшая сила въ мірѣ. „Мысль — ткачъ жизни“, говоритъ Теософія. „О чемъ человѣкъ постоянно думаетъ, тѣмъ онъ и становится“. И потому наши мечты не тщетная трата силъ. Наши мучительныя усилія понять и опредѣлить: „что-же такое истинная культура?“ не простое упражненіе логики. Наша страстная тяга къ духу не простая красивая эмоція, за которой скрывается жестокая иллюзія. Всѣ эти исканія, мысли и муки проводятъ глубокія борозды въ ментальной и астральной матеріи высшихъ плановъ и образуютъ тамъ, въ соприкосновеніи съ духомъ, живые источники, изъ которыхъ польются благодатныя воды въ міръ земной дѣйствительности, воды обновляющія и возрождающія.

Чрезвычайно важно направленіе, въ которомъ текутъ наши мысли. Чѣмъ опредѣленнѣе въ нихъ сказывается жажда чистоты и обновленія, тѣмъ глубже проведутся борозды въ ментальномъ мірѣ, тѣмъ цѣлительнѣе будутъ нарождающіеся духовные ключи. Въ этомъ отношеніи мы видимъ много цѣнныхъ и радостныхъ признаковъ въ современномъ русскомъ сознаніи. Было время, когда мыслящее общество было увлечено культомъ интеллекта и внѣшнихъ знаній, когда и въ школѣ, и въ семьѣ, на первомъ



планѣ стояли задачи умственнаго развитія, и когда наука, какъ голый символъ, независимо отъ своихъ рамокъ, цѣлей и примѣненія, была всеобщимъ идоломъ въ западной Европѣ и въ Россіи. Не такъ давно мыслящіе люди стали замѣчать признаки нѣкотораго банкротства науки и заговорили о необходимости идеально обосновать ея цѣли. Въ настоящее время всѣ чувствуютъ, что дольше жить съ прежнимъ міровоззрѣніемъ нельзя, что всюду нужны какія-то важныя поправки, что рядомъ съ интеллектуальнымъ развитіемъ необходимо культивировать и развитіе воли, и главное—нашу совѣсть, тихій и кроткій голосъ, который среди всѣхъ испытаній и сомнѣній, неизмѣнно намъ указываетъ на Правду, подобно тому какъ компасъ указываетъ мореплавателю всегда путь къ Сѣверу. Только въ согласіи съ совѣстью можетъ нормально и гармонично развиваться человѣкъ, только подъ ея чистымъ вліяніемъ можетъ правильно строиться жизнь міра. Лишь ея преобладаніе въ душѣ и жизни человѣка можетъ обезпечить гармоничное развитіе взаимоотношенія людей и народовъ въ духѣ братства, справедливости и любви. Это начинаютъ чувствовать всѣ и потому естественно въ сознаніи русскаго общества выдвигаются такъ опредѣленно задачи нравственныя. Въ связи съ ними говорится о возрожденіи искусства и литературы.

* *
*

„Духъ вѣетъ, гдѣ хочетъ, а настоящій, большой художникъ всегда есть орудіе духа, а не поденщикъ своего художественнаго ремесла“, пишетъ Л. Гуревичъ [1]). И дальше она спрашиваетъ: сколько поэтовъ и художниковъ работали *надъ собою* и думали о *нравственномъ* просвѣтленіи своего существа? Сколько изъ нихъ умѣло подняться надъ эгоистическими стремленіями своего „ограниченнаго я („эмпирическаго“), со всѣми его „случайными искривленіями и язвами, со всѣми его прихотями и похотями“? Она отмѣчаетъ преизбытокъ разсудочной культурности и скудость всеобщечеловѣческихъ мотивовъ въ современной литературѣ, мотивовъ *совѣсти и сердца*, именно тѣхъ, которые воспитываютъ *человѣка* въ человѣкѣ... Скорбно звучитъ голосъ ея: „Гдѣ-то вѣдь запечатлѣлась и та благодать совѣсти и сердца, благодать Духа, безъ которой страшенъ, какъ разлагающійся трупъ, былъ-бы теперь весь міръ“... И она горячо призываетъ къ работѣ надъ углубленіемъ *культуры совѣсти и сердца, культуры духа.*

[1]) Современныя Записки, XII.



Странно звучитъ въ этой прекрасной статьѣ мѣсто, гдѣ авторъ, нападая вполнѣ основательно на ницшевскій аморализмъ и паденіе нравовъ нашихъ дней, винитъ въ этомъ паденіи возрожденіе христіанской догматики, идей неоплатониковъ (!) и Теософію! Въ особенности поражаетъ въ этой группировкѣ Теософія, цѣлью которой исключительно является очищеніе, исцѣленіе, облагораживаніе жизни. Нельзя не пожалѣть о недостаточномъ знакомствѣ русскихъ писателей съ основными ученіями Теософіи.

* * *

Радостно встрѣтить въ демократическомъ журналѣ „Жизнь для всѣхъ" стихотворенія и разсказы съ идеалистическимъ оттѣнкомъ, а также цѣлую статью редактора, посвященную размышленію надъ Евангеліемъ [1]). Авторъ такъ заканчиваетъ свою статью: „Когда люди проникнутся ученіемъ Христа о Царствѣ Божіемъ внутри насъ, тогда совершится великое чудо всеобщаго единенія въ Богѣ-Любви. Будетъ хлѣбъ для всѣхъ, будетъ вѣра для всѣхъ, будетъ знаніе для всѣхъ, будетъ свобода для всѣхъ, будетъ жизнь для всѣхъ".

* * *

Въ педагогическихъ журналахъ чувствуется также поворотъ вниманія въ сторону духовныхъ идеаловъ.

Въ статьѣ: „Чего требуетъ жизнь отъ школы" [2]), М. Рубинштейнъ, говоритъ: „Въ нашей школѣ продолжаетъ все еще съ низу и до верху царить безраздѣльно односторонняя культура разсудка, культура исключительнаго знанія, вскормленная недавнимъ и еще продолжающимся—полновластнымъ господствомъ интеллектуализма". Съ горечью констатируетъ авторъ, что наши школы *образуютъ*, *но не воспитываютъ*, и знаніе, оторванное отъ воспитывающаго моральнаго вліянія, слишкомъ часто превращается въ разлагающій факторъ, теряя свою безусловную цѣнность. „Пусть школа попытается не только давать знанія, но и *нравственно улучшать*, это будетъ огромнымъ шагомъ къ приближенію школы къ жизни", говоритъ онъ. Авторъ проводитъ въ этой статьѣ интересную мысль о желательности внести въ число предметовъ преподаванія материнствовѣдѣніе и отцовствовѣ-

---

[1]) Дневникъ читателя, В. Поссе. (За чтеніемъ евангелія).
[2]) Школа и Жизнь, № 3, 1915 г.



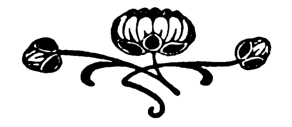
дѣніе, которыя, напоминая учащемуся о будущей его роли матери или отца, пробудятъ въ немъ и чувство нравственной отвѣтственности, и желаніе работать надъ собою, что поставитъ правильно и вопросъ о половомъ воспитаніи.

Къ этимъ цѣннымъ мыслямъ слѣдовало бы прибавить лишь одно: для того, чтобы прочно обосновать вопросы нравственные, необходимо въ дѣтяхъ пробудить религіозное сознаніе. Только религіозный идеалъ создаетъ чистую и незыблемую почву для правильной постановки всей проблемы духовной культуры.

* * *

Повидимому въ школѣ неизбѣжно долженъ возникнуть вопросъ о пробужденіи самодѣятельности въ области нравственной, логически вытекая изъ всего предыдущаго строительства педагогіи въ прошломъ. Подобно тому, какъ мы культивировали усиленно самодѣятельность въ области физическаго и умственнаго воспитанія, мы должны прійти къ необходимости вызвать свободную и сознательную дѣятельность души дитяти, направленную на культуру сердца, воли и сознанія, т. е. на задачи самовоспитанія. Отъ постановки этихъ важныхъ задачъ зависитъ здоровый нравственный ростъ молодого поколѣнія, зависитъ также и будущее всего человѣчества.

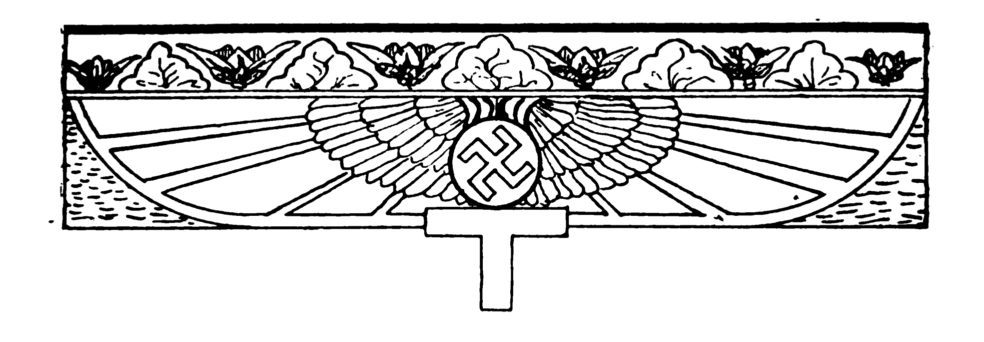
А. Каменская.



Древо ума, каковымъ мы его знаемъ въ низшей природѣ, и древо ума, каковымъ мы его знаемъ у младенца, есть одно и то же древо, пускающее свои корни въ одномъ и томъ же мѣстѣ. Вѣтви его никоимъ образомъ не кончаются на одномъ и томъ же уровнѣ, но все же онѣ простираются въ параллельномъ направленіи.

Изреч. изъ книгъ Друмонда.





Загадки жизни и какъ теософія отвѣчаетъ на нихъ [1]).

А. Безантъ.

Глава III.

Человѣкъ и его міры.

Человѣкъ есть духовная сущность, облекшаяся въ плоть для пріобрѣтенья опыта въ низшихъ матерьяльныхъ мірахъ, съ цѣлью овладѣть ими и господствовать надъ ними, а въ позднѣйшія времена и занять свое мѣсто въ творческихъ и направляющихъ Іерархіяхъ вселенной.

Существуетъ міровой законъ, по которому Сознаніе можетъ знать только то, что оно въ состояніи воспроизвести; одно Сознаніе можетъ знать другое только въ той мѣрѣ, въ какой оно въ состояніи воспроизвести внутри себя перемѣны, совершающіяся въ этомъ другомъ Сознаніи. Если человѣкъ испытываетъ страданіе, когда другой человѣкъ страдаетъ, счастье—когда другой человѣкъ счастливъ, если онъ испытываетъ такую же тревогу, такую же увѣренность и т. д., какъ и другой, немедленно воспроизводя внутри себя всѣ его настроенія, этотъ человѣкъ *знаетъ* другого. Симпатія—способность сочувствовать—есть условіе знанія. Но Сознаніе работаетъ въ тѣлахъ; мы облечены въ плоть, а не обнажены, и эта плоть состоитъ изъ матеріи. Со-

---

[1]) См. „В. Т." № 3, 1915 г.

знаніе можетъ дѣйствовать на Сознаніе, но какъ можетъ Сознаніе дѣйствовать на тѣла?

Существуетъ другой законъ, по которому каждая перемѣна въ Сознаніи немедленно сопровождается вибраціей въ окружающей матеріи, и каждой такой перемѣнѣ соотвѣтствуетъ своя собственная отвѣтная вибрація, подобно тому, какъ каждому музыкальному звуку соотвѣтствуетъ опредѣленная длина и толщина струны. Въ солнечной системѣ всѣ отдѣльныя Сознанія составляютъ часть сознанія ея Божественнаго Строителя, и вся матерія этой системы есть Его Тѣло—„въ немъ мы живемъ и двигаемся и имѣемъ наше бытіе". Онъ образовалъ эту матерію и соединилъ ее съ Собою такъ, чтобы она на всемъ своемъ протяженіи отвѣчала безчисленными видами вибрацій на безчисленныя измѣненія въ Его Сознаніи. Въ предѣлахъ всего Его обширнаго царства Его сознаніе и Его матерія отзываются одно на другую въ совершенной гармоніи и въ нерушимомъ взаимодѣйствіи.

Человѣкъ раздѣляетъ съ Господомъ это взаимодѣйствіе, но въ немъ оно выражается весьма несовершенно. Перемѣнамъ въ его Сознаніи отвѣчаютъ вибраціи въ окружающей его матеріи, но отвѣты эти бываютъ совершенны и полны только въ началѣ, въ высшихъ духовныхъ мірахъ, гдѣ человѣкъ существуетъ, какъ Эманація Бога, тамъ—каждая вибрація матеріи вызываетъ измѣненіе въ его Сознаніи, и благодаря этому онъ дѣйствительно знаетъ тотъ міръ, свою истинную родину. Но въ мірахъ матеріи болѣе плотной, чѣмъ та высокая область, онъ—все еще чужой, пришелецъ; вибраціи этой плотной матеріи, хотя онъ окруженъ ими со всѣхъ сторонъ, не задѣваютъ его, онѣ не существуютъ для него, какъ волны, несущія вѣсть по безпроволочному телеграфу, не задѣваютъ насъ въ этомъ мірѣ и какъ бы не существуютъ для нашихъ чувствъ. Какъ же можетъ онъ вырости въ совершенное подобіе своего Божественнаго Отца, который въ состояніи, производя измѣненіе въ Своемъ Сознаніи, вызвать любую вибрацію внутри матеріи, который сознателенъ и дѣятеленъ въ каждой точкѣ Своей системы?

Отвѣтъ заключается въ двухъ словахъ: *Инволюція* (завертыванье) и *Эволюція* (развертыванье). Человѣкъ долженъ погружаться въ матеріи, притягивать къ Себѣ оболочку изъ матеріи, привлекать къ себѣ матеріалы изъ всѣхъ міровъ: духовнаго, интеллектуальнаго, эмоціональнаго и физическаго; это и есть завертыванье или скрываніе Духа въ матерію—Инволюція—иногда

называемая схожденіемъ Духа въ матерію, иногда грѣхопаденіемъ Человѣка. Затѣмъ, овладѣвъ такой оболочкой, онъ долженъ медленно пріучаться къ распознаванію совершающихся въ немъ перемѣнъ—въ его собственномъ Сознаніи—всѣхъ этихъ волнующихъ, смущающихъ и ошеломляющихъ перемѣнъ, которыя приходятъ и уходятъ помимо его воли, благодаря вибраціямъ въ его матеріальной оболочкѣ, которыя вызываются вибраціями окружающаго его міра и создаютъ въ его Сознаніи непрошенныя измѣненія и настроенія. Ему приходится разбираться во всѣхъ этихъ измѣненіяхъ, распредѣлять ихъ соотвѣтственно ихъ источнику и узнавать черезъ нихъ подробности окружающихъ міровъ; организовать присвоенную для своихъ цѣлей матерію, то-есть свои собственныя тѣла въ проводники все болѣе усложняющіеся, все болѣе воспріимчивые, все яснѣе распознающіе; ему приходится или вводить въ свои тѣла или выбрасывать изъ нихъ тѣ вибраціи, которыя ударяются о нихъ извнѣ, и подъ конецъ, съ помощью тѣхъ же проводниковъ, запечатлѣвать всѣ измѣненія своего сознанія на предметахъ внѣшней природы, дѣлаясь такимъ образомъ ея властелиномъ вмѣсто того, чтобы быть ея рабомъ. Вотъ что такое эволюція; это—восхожденіе Духа черезъ матерію, его раскрытіе внутри матеріальной оболочки, составныя части которой извлечены изъ различныхъ окружающихъ его міровъ [1]), это—проникновеніе его собственной жизнью той матеріи, которую онъ присвоилъ себѣ, сдѣлавъ изъ нея покорную слугу Духа и поднявъ ее изъ праха на высоту, гдѣ она будетъ служить освобожденнымъ сынамъ Господа.

Эта матеріальная оболочка, частицы которой извлечены изъ различныхъ міровъ, должна быть постепенно организована—благодаря толчкамъ извнѣ и отвѣтамъ на нихъ изнутри—въ „тѣло" или проводникъ Сознанія. Оно организуется снизу вверхъ, переходя отъ болѣе плотныхъ къ болѣе тонкимъ матеріаламъ, причемъ матеріалы каждаго изъ трехъ міровъ [2]) организуются отдѣльно, чтобы служить средствомъ общенія съ своимъ собственнымъ міромъ

Физическіе матеріалы соединяются вначалѣ въ довольно компактную массу и изъ нея прежде всего начинаютъ медленно развиваться органы, выполняющіе жизненныя функціи и органы чувствъ. Удивительное сложное физическое тѣло развивалось

---

[1]) Имѣется въ виду сложный составъ человѣка изъ ментальной, астральной и физической матеріи.

[2]) Физическаго, астральнаго и ментальнаго. Прим. перев.

въ теченіе милліоновъ лѣтъ и продолжаетъ развиваться и до сихъ поръ; оно ставитъ человѣка въ соприкосновеніе съ окружающимъ его физическимъ міромъ, который онъ можетъ видѣть, слышать, осязать, вкушать и обонять и въ который можетъ вносить измѣненія благодаря воздѣйствію своего мозга и своей нервной системы, которые способны контролировать и направлять его мускулы и его руки и ноги. Это тѣло не совершенно, ибо и до сихъ поръ существуетъ въ окружающемъ его физическомъ мірѣ много такихъ явленій, на которыя оно не въ состояніи отвѣчать; — формъ, подобныхъ атомамъ, которыхъ оно не можетъ видѣть, звуковъ, которыхъ оно не можетъ слышать и силъ, которыхъ оно не въ состояніи воспринимать, пока силы эти не проявятъ себя воздѣйствіемъ настолько уплотненной матеріи, чтобы тѣло могло ощутить эти силы.

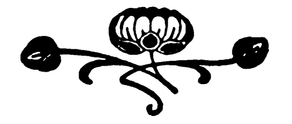
Человѣкъ изобрѣлъ тончайшіе инструменты, чтобы помочь своимъ чувствамъ и увеличить силу ихъ воспріятія—телескопы и микроскопы для помощи глазу, микрофоны для помощи уху, гальванометры, чтобы уловить силы, ускользающія отъ его органовъ чувствъ. Но со временемъ эволюція его собственнаго тѣла введетъ весь физическій міръ въ поле его познаванія.

Въ настоящее время, когда физическое тѣло уже высоко организовано, очередь за слѣдующимъ, более тонкимъ (астральнымъ) проводникомъ, который точно такъ же развивается и постепенно приведетъ человѣка въ соприкосновеніе съ окружающимъ его астральнымъ міромъ—міромъ эмоцій, страстей и желаній. Большинство представителей культурныхъ расъ начинаютъ уже сознавать астральныя соприкосновенія, а нѣкоторые различаютъ ихъ уже совершенно ясно. Предчувствія, предостереженія, появленія умершихъ людей, все это—воздѣйствія астральнаго міра на астральное тѣло человѣка. Они неопредѣленны и туманны благодаря тому, что тѣло это весьма несовершенно организовано на *нашей* ступени развитія; но тѣ немногіе, которымъ удалось ускорить свою эволюцію чувствуютъ себя такъ же свободно въ астральномъ мірѣ, какъ средній человѣкъ въ мірѣ физическомъ.

Третье состояніе матеріи, *ментальное*, находится такъ же въ процессѣ организаціи; по мѣрѣ того, какъ ментальное тѣло развивается, человѣкъ приходитъ въ соприкосновеніе съ окружающимъ его ментальнымъ міромъ, въ сознательную связь съ ментальными токами, съ мыслями близкихъ и далекихъ людей, „живыхъ“ и „мертвыхъ“.

Но и послѣ этого остается еще одинъ міръ, который долженъ быть завоеванъ человѣкомъ, это — міръ духовный, для воспріятія котораго человѣкъ имѣетъ соотвѣтствующее тѣло, то „духовное тѣло", о которомъ говоритъ апостолъ Павелъ. Эта многообразная организація матеріи въ цѣляхъ служенія Духу является удѣломъ человѣка въ великой мастерской вселенной; когда же онъ перейдетъ человѣческую ступень, тогда для него не останется во всей солнечной системѣ ничего непознаваемаго и не подлежащаго его воздѣйствію. Онъ изошелъ отъ Бога чистымъ отъ грѣха, но лишеннымъ вѣдѣнья и безполезнымъ за предѣлами высокой области своего рожденія; возвращается же онъ послѣ своего долгаго странствія мудрымъ и сильнымъ Сыномъ Бога, готовымъ внести въ грядущее свою долю, какъ исполнитель Божественной Воли въ непрестанно расширяющихся предѣлахъ сознательнаго служенія.

Пер. Е. П.



Каждый шагъ для доказательства единства въ міровомъ эволюціонномъ процессѣ и божественности въ человѣчествѣ есть также шагъ для доказательства божественности и всѣхъ низшихъ вещей.

Подъ эволюціей понимаютъ ни болѣе ни менѣе, какъ исторію сотворенія въ томъ видѣ, какъ ее разсказываютъ тѣ, кто знаетъ ее лучше всѣхъ.

Историкъ не долженъ имѣть предвзятости, но онъ не можетъ не преслѣдовать цѣли —раскрыть смыслъ, лежащій въ основѣ передаваемыхъ имъ фактовъ.

Мы живемъ въ эпоху эволюціи самого ученія объ эволюціи.

Изреч. изъ книгъ Друмонда.



Идиллія Бѣлаго Лотоса [1]).

Мабель Коллинзъ.

Глава V.

Меня привели въ большой залъ, гдѣ жрецы получали свою утреннюю пищу. Комната была почти пуста; но Агмадъ и Камэнъ оставались въ ней, разговаривая по обыкновенію вполголоса у одного изъ оконъ, въ то время какъ два послушника повели меня къ столу, на который поставили пирожки, фрукты и молоко.

Мнѣ было очень странно видѣть, какъ эти два юноши, не говоря ни слова, прислуживаютъ мнѣ, новичку во всѣхъ ужасныхъ тайнахъ ихъ храма. Я раздумывалъ въ то время какъ ѣлъ пирожки, почему ни одинъ изъ послушниковъ, которыхъ я видѣлъ, ни разу не заговорилъ со мной; но, обозрѣвая то короткое время, которое я провелъ въ храмѣ, я припомнилъ, что ни съ однимъ изъ нихъ ни разу не оставался наединѣ. Даже и теперь Агмадъ и Камэнъ оставались въ комнатѣ, и мнѣ казалось, что я читаю молчаливый страхъ на лицахъ юношей, которые служили мнѣ. И мнѣ казалось, что это—не обыкновенный страхъ, испытываемый къ учителю, глаза котораго глядятъ такъ, какъ у всѣхъ смертныхъ, но что здѣсь дѣло идетъ о всевидящемъ магическомъ наблюденіи, отъ котораго не

---

1) См. „В. Т.“ № 1, 2, 3, 1915 г.

ускользнешь никуда. На лицахъ обоихъ юношей не было ни единой искры выраженія, они дѣйствовали какъ автоматы.

Изнеможеніе, которое я снова начиналъ испытывать, уменьшилось послѣ того, какъ я поѣлъ, и покончивъ съ молокомъ, я всталъ и началъ смотрѣть съ волненіемъ въ высокое окно, надѣясь увидѣть въ саду Сэбоа. Но Агмадъ выступилъ впередъ, сталъ между мной и окномъ и пристально посмотрѣлъ на меня своимъ неподвижнымъ взоромъ, который вызывалъ во мнѣ такой глубокій страхъ.

— Пойдемъ,—сказалъ онъ. Онъ повернулся и пошелъ; я послѣдовалъ за нимъ съ опущенной головой и весь приливъ новой энергіи и надежды покинулъ меня; почему, я самъ не зналъ; я не могъ бы сказать почему, но когда я смотрѣлъ на вышитый край его величественной бѣлой одежды, который такъ плавно скользилъ предо мной по землѣ,—мнѣ казалось, что я иду за своимъ рокомъ.

Мой рокъ! Агмадъ, этотъ истинный жрецъ храма, истинный вождь среди остальныхъ первосвященниковъ—*онъ* былъ мой рокъ.

Мы долго шли по корридорамъ, пока не вступили въ тотъ широкій корридоръ, который велъ отъ рѣшетки храма къ святая святыхъ. Ужасъ наполнилъ меня при видѣ этого мѣста, несмотря на яркій солнечный свѣтъ, ворвавшійся черезъ раскрытую дверь и освѣтившій то, что *мнѣ* казалось безпредѣльнымъ мракомъ. Но до того былъ великъ мой страхъ передъ Агмадомъ, что оставшись вдвоемъ, я слѣдовалъ за нимъ въ полномъ послушаніи, не произнося ни слова. Мы подвигались впередъ по корридору. Съ каждымъ вынужденнымъ шагомъ я подходилъ все ближе и ближе къ ужасной двери, изъ которой въ ту мрачную ночь выступила чудовищная закутанная фигура.

Я разсматривалъ стѣны съ такимъ же ужасомъ, съ какимъ терзаемая душа могла бы глядѣть на страшныя орудія духовной пытки. Разъ взглянувъ въ глаза неизбѣжному року, невозможно перестать смотрѣть на него съ мучительнымъ и все же приковывающимъ вниманіемъ. Такъ было со мной въ моемъ слѣпомъ страхѣ, когда я всматривался въ стѣны длиннаго корридора, которыя, по мѣрѣ нашего движенія впередъ, казались слишкомъ надъ нами и навсегда отдѣляли насъ отъ того свѣтлаго, прекраснаго міра, въ которомъ я жилъ до тѣхъ поръ.

Всматриваясь съ напряженіемъ въ эти гладкія стѣны, я за-

мѣтилъ маленькую дверь, которая находилась подъ прямымъ угломъ отъ двери, ведущей въ святилище. Ее трудно было замѣтить и только благодаря неестественному напряженію чувствъ я увидѣлъ ее, несмотря на глубокія тѣни, которыя склонились на этомъ концѣ благодаря контрасту съ ослѣпительнымъ солнечнымъ свѣтомъ по ту сторону корридора.

Мы подошли къ этой двери. Какъ я уже сказалъ, она находилась подъ прямымъ угломъ къ стѣнѣ святилища. Она была совсѣмъ близко отъ двери, ведущей въ него, но она была продѣлана въ стѣнѣ корридора.

Теперь въ моихъ движеніяхъ воля не принимала никакого участія; несомнѣнно, она унесла бы меня назадъ, къ тому солнечному сіянію, которое такъ прекрасно украсило міръ цвѣтами, которое дѣлало изъ жизни такую чудную реальность вмѣсто этого чудовищнаго сна!

Но вотъ она, эта дверь, и Агмадъ стоялъ передъ ней, положивъ руку на ея затворъ. Онъ повернулся и посмотрѣлъ на меня.

— Не бойся,—сказалъ онъ своимъ спокойнымъ, равномѣрнымъ голосомъ.—Наше святилище составляетъ средоточіе нашего дома и одно приближеніе къ нему способно наполнять новыми силами.

У меня появилось то же чувство, какъ тогда, при первой встрѣчѣ въ саду, когда Агмадъ ободрилъ меня звукомъ своего голоса. Я взглянулъ съ усиліемъ въ его глаза, надѣясь найти что-нибудь похожее на одобреніе въ выраженіи его прекраснаго лица. Но я увидалъ то же невыносимо холодное равнодушіе въ его голубыхъ глазахъ; они были безпощадны; моя душа, пораженная, увидала въ нихъ въ этотъ моментъ жестокость подстерегающаго хищнаго звѣря.

Онъ отвернулся отъ меня и открылъ дверь; переступив черезъ порогъ, онъ держалъ ее открытой, чтобы я могъ слѣдовать за нимъ.—Я послѣдовалъ за нимъ—да, хотя мнѣ казалось, что ноги мои отказываются ступать, что я иду въ бездну.

Мы вошли въ комнату съ низкимъ потолкомъ, освѣщенную однимъ широкимъ окномъ, продѣланнымъ внутри стѣны. Она была завѣшана и задрапирована богатыми тканями; низкое ложе стояло у одной изъ ея стѣнъ. Когда мои глаза скользнули по этому ложу, я вздрогнулъ; почему—я и самъ не зналъ; но мнѣ представилось, что это была та самая постель, на которой я спалъ прошлую ночь. Я не могъ смотрѣть ни на что другое,

хотя комната была обставлена съ большой роскошью и тамъ было много красивыхъ вещей. Я думалъ—и сердце мое сжималось—*почему* эта постель перенесена изъ комнаты, въ которой я спалъ?

Пока я смотрѣлъ на нее, теряясь въ догадкахъ, я внезапно пришелъ къ сознанію жуткой тишины и полнаго одиночества.

Я обернулся съ внезапной тревогой.

Да, я былъ совсѣмъ одинъ. Онъ ушелъ—этотъ страшный жрецъ Агмадъ—ушелъ, не произнеся ни слова, и оставилъ меня въ одиночествѣ.

Что будетъ со мной?

Я подошелъ къ двери и потрогалъ ее. Она была крѣпко заперта, вѣроятно засовомъ.

Я былъ въ плѣну. Но что это значило? Я посмотрѣлъ кругомъ на толстыя каменныя стѣны—я поднялъ глаза на высокое окно—я подумалъ о непосредственной близости страшнаго святилища и бросился на постель, плотно закрывъ лицо руками.

Думаю, что я пролежалъ такимъ образомъ въ теченіе многихъ часовъ. Я не смѣлъ встать, боялся пошевелиться. Мнѣ не къ кому было взывать о помощи, кромѣ голубыхъ безпощадныхъ глазъ Агмада. Я лежалъ на своемъ ложѣ съ крѣпко закрытыми глазами, не смѣя взглянуть на свою тюрьму и все время молясь, чтобы никогда не приходила ночь.

День еще не склонялся къ вечеру—въ этомъ я былъ увѣренъ, хотя я и не зналъ, сколько времени провелъ въ саду съ Сэбоа. Солнце стояло еще высоко, его горячіе лучи струились черезъ мое окно. Въ этомъ я убѣдился, когда рѣшился наконецъ открыть глаза и окинуть тревожнымъ взглядомъ все, что было въ комнатѣ. Мнѣ казалось, что кто-то стоялъ въ ней, но никого не было видно, если только никто не прятался за занавѣсями.

Нѣтъ, я былъ одинъ и когда я собрался съ духомъ, чтобы посмотрѣть на солнечный свѣтъ, который сдѣлалъ изъ моего окна столь притягательный предметъ для моихъ глазъ, я понялъ, что солнце не погасло, что оно все еще существуетъ; и что несмотря на всѣ мои чудовищныя испытанія, я все же остаюсь тѣмъ же мальчикомъ, страстно любящимъ солнечный свѣтъ.

Притягательная сила этого свѣта стала такъ непреодолима, что я рѣшилъ влѣзть на высокое окно и посмотрѣть черезъ него. Ту страсть, которая толкала меня выполнить мое желаніе, я могу такъ же мало объяснить, какъ и большинство пытливыхъ и капризныхъ фантазій моего дѣтскаго мозга. Во всякомъ случаѣ



я всталъ съ своего ложа и весь недавній ужасъ внезапно покинулъ меня, когда передо мной встала цѣль, достаточная для того, чтобы поглотить всю мою дѣтскую душу. Стѣна была совершенно гладкая; но я подумалъ, что ставъ на столъ, стоявшій передъ окномъ, я смогу схватиться за выступъ руками и затѣмъ подтянуться настолько, чтобы выглянуть изъ окна. Я влѣзъ на столъ, но съ трудомъ дотянулся руками до оконнаго карниза. Тогда я прыгнулъ и схватившись за выступъ, поднялся къ окну. Мнѣ это очень понравилось и конечно я былъ увѣренъ, что увижу знакомый мнѣ садъ. Но то, что я увидѣлъ, хотя и не заключало въ себѣ ничего поразительнаго, отрезвило меня и погасило мое радостное ожиданіе.

Сада тамъ не было. Мое окно выходило на маленькій квадратный дворъ, окруженный высокими бѣлыми стѣнами. Я скоро сообразилъ, что то должно быть стѣны самого храма, а не наружная стѣна. Этотъ кусочекъ открытаго пространства былъ заключенъ въ самомъ сердцѣ большого зданія, ибо я могъ видѣть его колонны и крыши, виднѣвшіяся со всѣхъ сторонъ изъ за бѣлыхъ стѣнъ. Мое окно было единственное. Остальныя стѣны были совершенно гладкія.

Въ эту минуту я услыхалъ легкій шорохъ въ комнатѣ. Быстро опустившись, я осмотрѣлся кругомъ. Звукъ, казалось, исходилъ изъ-за тяжелой занавѣси, которая на половину скрывала одну изъ стѣнъ комнаты. Я стоялъ еле дыша отъ страха и даже въ лучахъ этого яркаго дневного свѣта чувствовалъ себя въ тискахъ ужаса при мысли о томъ, *что* я могу увидѣть. Я думалъ, что единственнымъ входомъ въ комнату служила та дверь, черезъ которую я вошелъ и поэтому не могъ ожидать никакого естественнаго появленія, я ждалъ чего-то ужаснаго.

Но мой страхъ разсѣялся, когда занавѣсъ отодвинулся и одѣтый въ черное послушникъ, лицо котораго было мнѣ совсѣмъ незнакомо, словно крадучись выдвинулся изъ-за занавѣса. Меня удивили его осторожныя скользящія движенія; но я не испугался, потому что въ его рукѣ былъ чудный цвѣтокъ царственнаго бѣлаго лотоса. Я спрыгнулъ со стола и приблизился къ нему, не отрывая глазъ отъ цвѣтка. Тогда онъ заговорилъ очень быстро и очень тихо.

— Это,—сказалъ онъ,—тебѣ отъ Сэбоа. Береги его, но только, чтобы никто изъ жрецовъ не увидалъ. Береги его и онъ поможетъ тебѣ въ минуту нужды; и Сэбоа проситъ, чтобы ты вспоминалъ все, что онъ говорилъ тебѣ и слѣдовалъ своей любви

ко всему истинно-прекрасному и чтобы ты довѣрялъ не другимъ, а голосу своей собственной совѣсти. Я исполнилъ порученіе, сказалъ онъ, отступая за занавѣсъ. Я рискую своей жизью, чтобы угодить Сэбоа. Берегись подходить къ этой двери и не показывай вида, что ты знаешь объ ея существованіи; она выходитъ въ личное помѣщеніе первосвященника Агмада, куда запрещено входить подъ страхомъ страшнаго наказанія.

— А какъ же удалось пройти тебѣ?—спросилъ я съ большимъ любопытствомъ.

— Они всѣ сейчасъ на утреннемъ служеніи—всѣ жрецы—и мнѣ удалось ускользнуть незамѣченнымъ.

— Скажи мнѣ,—воскликнулъ я, удерживая его,—почему не пришелъ Сэбоа?

— Онъ не могъ. За нимъ пристально слѣдятъ, чтобы онъ не имѣлъ доступа къ тебѣ.

— Но отчего же?—воскликнулъ я въ страхѣ и смятеніи.

— Я этого не знаю,—сказалъ послушникъ, освобождая свою одежду изъ моихъ рукъ.—Не забудь, что я сказалъ тебѣ.

Онъ быстро скользнулъ въ дверь и закрылъ ее за собой. Я очутился въ темнотѣ между дверью и тяжелой занавѣсью, а когда я пришелъ въ себя отъ удивленія, я отодвинулъ ее въ сторону и вошелъ въ свою комнату, держа лилію въ рукѣ. Моей первой мыслью было—прежде даже чѣмъ подумать надъ словами, которыя мнѣ хотѣлось хорошенько запомнить—укрыть мое сокровище въ какое-нибудь безопасное мѣсто. Я прижималъ ее съ такой нѣжностью, словно это было живое любимое существо. Я съ безпокойствомъ осмотрѣлся кругомъ, ища мѣста, гдѣ бы она могла быть въ сохранности и въ то же время никому невидима.

У изголовья моей постели я замѣтилъ уголокъ, скрытый занавѣсью. Здѣсь я могъ на время спрятать мою лилію; ей хватитъ воздуха, чтобы дышать и ее не будетъ видно, пока не отдернутъ занавѣсъ; и въ этомъ углу, за моей постелью, мнѣ казалось, она будетъ въ безопасности. Я торопливо поставилъ ее тамъ, боясь, что служеніе въ храмѣ уже окончилось и Агмадъ можетъ каждую минуту войти въ мою комнату. Спрятавъ ее, я сталъ оглядываться кругомъ, не найдется ли какого-нибудь сосуда съ водой, въ который бы я могъ поставить цвѣтокъ; я сразу вспомнилъ, что безъ воды онъ недолго проживетъ и я опять останусь въ одиночествѣ.

Вскорѣ я нашелъ небольшую глиняную кружку съ водой

и поставилъ цвѣтокъ въ нее, раздумывая какъ мнѣ быть, если жрецы замѣтятъ ея отсутствіе и спросятъ меня. Мнѣ ничего не приходило въ голову, но одно я рѣшилъ твердо—если цвѣтокъ будетъ открытъ, я не выдамъ Сэбоа; хотя я совершенно не понималъ въ чемъ дѣло, но все же мнѣ было очевидно, что имъ были недовольны изъ-за меня.

Что бы быть поближе къ своему возлюбленному цвѣтку, я сѣлъ на постель у самаго изголовья. И какъ же мнѣ хотѣлось поставить его на солнечный свѣтъ и наслаждаться его несравненной красотой!

Такимъ образомъ прошелъ весь день. Никто не приходилъ ко мнѣ. Я видѣлъ, какъ солнечный свѣтъ погасъ въ моемъ окнѣ. Я слѣдилъ, какъ вечернія тѣни спускались на него. Мое одиночество не нарушалось. Не помню, чтобъ я чувствовалъ страхъ. И даже спускавшаяся ночь не принесла съ собой прежняго ужаса. Внутри меня былъ глубокій покой, можетъ быть благодаря прекрасному невидимому цвѣтку; ибо онъ былъ все время передъ моими глазами во всей своей сіяющей тонкой красотѣ. И у меня не было никакихъ тяжелыхъ видѣній, съ которыми я боролся въ прошлую ночь.

Было уже совсѣмъ темно, когда дверь, ведущая въ корридоръ, открылась и вошелъ Агмадъ, сопровождаемый молодымъ жрецомъ, который принесъ мнѣ ѣду и чашу съ какимъ-то страннымъ, сладко пахнущимъ сиропомъ. Я бы не пошевелился съ своего мѣста, если бы меня не потянуло къ ѣдѣ. Я объ этомъ совсѣмъ не думалъ, но тутъ я вдругъ почувствовалъ себя голоднымъ и ослабѣвшимъ. Я быстро всталъ навстрѣчу молодому жрецу и прежде всего выпилъ сиропъ, чтобы поддержать свои силы.

Агмадъ смотрѣлъ на меня, пока я пилъ. Когда я поставилъ чашу, я поднялъ на него глаза съ неожиданнымъ вызовомъ.

— Я сойду съ ума,—сказалъ я смѣло,—если вы будете оставлять меня въ этой комнатѣ одного. Во всю мою жизнь меня никогда не оставляли такъ долго одного!

Я говорилъ подъ наитіемъ неожиданнаго внушенія. Когда я оставался всѣ эти долгіе часы въ уединеніи, они не казались мнѣ страшными; но теперь, предчувствуя все зло одиночества, я смѣло высказалъ мои чувства.

Агмадъ сказалъ молодому жрецу:

— Поставь его пищу и сходи за книгой, которая лежитъ на столѣ въ моей пріемной комнатѣ.

Жрецъ вышелъ, чтобы выполнить порученіе. Агмадъ не произнесъ ни слова; а я высказалъ то, что хотѣлъ и оставшись цѣлъ и невредимъ—чего я никакъ не ожидалъ—взялъ пирожокъ съ подноса и началъ съ удовольствіемъ уничтожать его.

Пять лѣтъ позднѣе я бы не посмѣлъ говорить такъ съ Агмадомъ. Я бы не былъ въ состояніи думать о своемъ насыщеніи послѣ того, какъ бросилъ въ его лицо вызовъ. Но въ тотъ день меня поддерживало полное невѣдѣніе и безразличіе крайней юности. У меня не было никакой мѣрки для измѣренія глубины его ума и огромнаго размѣра его непреклонной жестокости. И какъ могло быть иначе? Я былъ лишенъ всякаго знанія и кромѣ того, у меня не было никакого ключа къ его жестокости—къ намѣреніямъ и цѣлямъ его. Я былъ въ полныхъ потемкахъ. Но мнѣ было совершенно ясно, что моя жизнь въ храмѣ будетъ совсѣмъ не такая, о какой я мечталъ и во мнѣ уже начали слагаться наивные планы побѣга на случай, если моя жизнь будетъ такая же несчастная и въ будущемъ. Когда я думалъ объ этомъ, у меня не было понятія подъ какой строгой охраной я находился все время.

Агмадъ не сказалъ ни одного слова, пока я ѣлъ и пилъ; вскорѣ вернулся молодой жрецъ, держа въ рукахъ большую черную книгу. Онъ положилъ ее на столъ, который Агмадъ приказалъ ему придвинуть къ моей постели. Затѣмъ онъ принесъ лампу, стоявшую въ углу комнаты и поставилъ ее на столъ. Когда послушникъ зажегъ ее, Агмадъ сказалъ:

— Ты перестанешь чувствовать себя одинокимъ, если будешь разсматривать эти страницы.

Сказавъ это, онъ повернулся и вышелъ изъ комнаты, сопровождаемый молодымъ жрецомъ.

Я немедленно раскрылъ книгу. Обращаясь къ тому времени, я прихожу къ заключенію, что я былъ тогда такъ же пытливъ и любознателенъ, какъ и большинство мальчиковъ моего возраста; во всякомъ случаѣ, каждый новый предметъ приковывалъ на время все мое вниманіе. Я открылъ черный переплетъ книги и началъ разсматривать первую страницу. Она была великолѣпно раскрашена и я съ удовольствіемъ смотрѣлъ на красивые цвѣта, прежде чѣмъ началъ разбирать написанное. Буквы выдѣлялись съ сѣраго поля, окрашенныя такими яркими оттѣнками, что онѣ казались мнѣ огненными. Заглавіе книги было—*Искусства и Силы Магіи.*

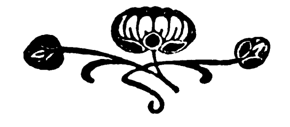
Для меня это была полная безсмыслица. Я былъ сравни-

тельно несвѣдующій мальчикъ и удивлялся, почему Агмадъ могъ выбрать для моего развлеченія подобную книгу.

Я началъ небрежно переварачивать ея страницы. Не говоря уже о содержаніи, даже и слова были незнакомы для меня. Было просто смѣшно снабдить меня такой книгой. Я началъ зѣвать надъ ней и закрывъ ее, собирался уже лечь на постель, когда я вздрогнулъ, замѣтивъ, что въ комнатѣ я не одинъ. По другую сторону маленькаго стола, на которомъ лежала книга, освѣщенная свѣтомъ лампы, стоялъ человѣкъ въ черной одеждѣ. Онъ смотрѣлъ на меня очень серьезно, но когда я взглянулъ на него, онъ слегка отступилъ въ глубину комнаты. Я дивился, какъ могъ онъ войти такъ тихо и подойти ко мнѣ такъ близко безъ малѣйшаго звука.

Пер. съ англ. Е. П.

(Продолженіе слѣдуетъ).

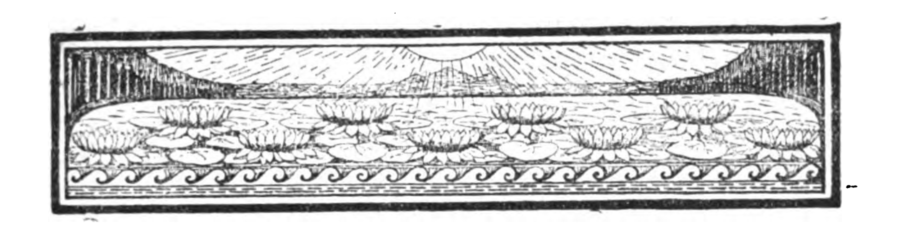


Изъ всѣхъ людей эволюціонистъ, по самой своей природѣ и въ силу пониманія своего непрерывно-мѣняющагося положенія въ этомъ вѣчно-движущемся и все болѣе и болѣе загадочномъ мірѣ, долженъ быть человѣкомъ самымъ смиреннымъ, самымъ терпимымъ и долженъ быть чуждъ догматичности.

Эволюція сдѣлала для времени то же, что астрономія для пространства. Столь же возвышающая разумъ, дѣлающая столь же могущественнымъ воображеніе, какъ и наука о здѣздахъ, она раскрываетъ міру новыя перспективы и даетъ человѣческому уму новыя мѣрки.

Изреч. изъ книгъ Дрюмонда.





„Нарождающійся мѣсяцъ“ [1]).

(The Crescent Moon).

Рабиндранатъ Тагоръ.

(Окончаніе).

КОНЕЦЪ.

Пора мнѣ уходить, мама; я ухожу.

Когда въ блѣднѣющемъ сумракѣ одинокаго разсвѣта ты протянешь руки къ кроваткѣ за своимъ ребенкомъ, я скажу: „Дѣтки нѣтъ здѣсь!.. Мама, я ухожу“.

Я превращусь въ легкій вѣтерокъ и буду ласкать тебя; я буду легкой зыбью на водѣ, когда ты купаешься, и буду цѣловать тебя, снова и снова.

Въ бурную ночь, когда дождь барабанитъ по листьямъ, ты услышишь мой шопотъ, лежа въ постели, и смѣхъ мой ворвется въ комнату твою вмѣстѣ съ молніей черезъ раскрытое окно.

Если ты не спишь и до поздней ночи все думаешь о своемъ ребенкѣ, я буду пѣть тебѣ со звѣзды: „Спи, мама, спи!“

На лунныхъ лучахъ прокрадусь я къ постели твоей и лягу къ тебѣ на грудь, когда ты заснешь.

Я превращусь въ сонъ, и черезъ маленькія щелочки въ вѣкахъ твоихъ проберусь въ самую глубь твоего сна. И когда ты проснешься и, вздрогнувъ, будешь оглядываться вокругъ, я улечу во мракѣ, словно мерцающій крылатый свѣтлякъ.

Когда въ праздникъ Пуджа сосѣднія дѣти придутъ играть возлѣ нашего дома, я смѣшаюсь съ музыкой флейтъ и весь день буду отдаваться въ сердцѣ твоемъ.

---

[1]) См. „В. Т.“, 1, 2, 3, 1915 г.

Милая тетя придетъ съ праздничными подарками и спроситъ: „Гдѣ-же наша дѣтка, сестра?“ Мама, ты тихо скажешь ей: „Она въ зеницѣ очей моихъ, она въ тѣлѣ моемъ и въ душѣ моей“.

ПРИЗЫВЪ.

Ночь была темна, когда она ушла, и они спали.

Ночь темна и теперь, и я зову ее: „Вернись, радость моя! Весь міръ спитъ, и никто не узнаетъ, если ты придешь на минутку, пока звѣзды перемигиваются между собой“.

Она ушла, когда деревья были всѣ въ почкахъ, и весна была молода.

Теперь цвѣты расцвѣли, и я зову ее: „Вернись, радость моя! Дѣти срываютъ и играя разбрасываютъ цвѣты. И если ты придешь и возьмешь одинъ маленькій цвѣточекъ, никто и не хватится его.

Тѣ, что играли прежде, и теперь все играютъ, такъ расточительна жизнь.

Я слушаю ихъ лепетъ и зову: „Вернись, радость моя! До краевъ переполнено сердце матери, и если ты придешь сорвать у нея одинъ маленькій поцѣлуй, никто и не позавидуетъ тебѣ“.

ПЕРВЫЕ ЖАСМИНЫ.

Ахъ, эти жасмины, эти бѣлые жасмины!

Мнѣ кажется, я помню тотъ первый день, когда нарвалъ я полныя руки этихъ жасминовъ, этихъ бѣлыхъ жасминовъ!

Я любилъ свѣтъ солнца, небо и зеленую землю.

Я слушалъ лепетъ рѣчныхъ струй во mракѣ полуночи.

Осенніе закаты встрѣчали меня на поворотѣ дороги въ пустынномъ краю, словно невѣста, откидывающая покрывало при встрѣчѣ жениха.

А все сладостно мнѣ воспоминаніе о тѣхъ первыхъ бѣлыхъ жасминахъ, что ребенкомъ держалъ я въ рукахъ.

Много веселыхъ дней было въ жизни моей, и смѣялся я съ веселыми собесѣдниками на ночныхъ пирахъ.

Въ сѣрыя дождливыя утра напѣвалъ я много праздныхъ пѣсенъ.

Я надѣвалъ вокругъ шеи своей вечерній вѣнокъ изъ бакула, сплетенный любящей рукой.

А все хранитъ мое сердце сладостное воспоминаніе о тѣхъ первыхъ свѣжихъ жасминахъ, что наполняли руки мои, когда я былъ ребенкомъ.

БАНЬЯНОВОЕ ДЕРЕВО.

О косматое баньяновое дерево у берега пруда, развѣ ты забыло маленькаго мальчика, похожаго на тѣхъ птичекъ, что гнѣздились въ вѣтвяхъ твоихъ и покинули тебя?

Развѣ ты не помнишь, какъ онъ сидѣлъ у окна и любовался извилинами твоихъ корней, что уходили подъ землю?

Женщины приходили на прудъ наполнять свои кувшины, и ихъ большія черныя тѣни колыхались на водѣ, словно сонъ, который старается очнуться.

Солнечный свѣтъ плясалъ на струяхъ, словно безпокойные маленькіе челноки, которые ткутъ золотую ткань.

Двѣ утки плавали у берега, поросшаго осокой, надъ своими тѣнями,—а ребенокъ сидѣлъ смирно и думалъ.

Ему хотѣлось быть вѣтромъ и дуть среди твоихъ шуршащихъ вѣтвей, быть тѣнью твоей, что удлинняется къ вечеру, быть птицей и сидѣть на самой верхушкѣ твоихъ косматыхъ вѣтвей и плавать, какъ эти утки среди осоки и тѣней.

БЛАГОСЛОВЕНІЕ.

Благослови это маленькое сердечко, эту бѣлую душу, что вымолила поцѣлуй у неба для нашей земли.

Онъ любитъ свѣтъ солнца, онъ любитъ глядѣть въ лицо матери.

Онъ не научился еще презирать прахъ и жадно стремиться къ золоту.

Прижми его къ сердцу и благослови его.

Онъ пришелъ въ эту страну съ ея сотнями перекрестныхъ дорогъ.

Я не знаю, какъ онъ отыскалъ тебя въ толпѣ, подошелъ къ двери твоей и схватилъ тебя за руку, чтобы спросить дорогу.

Онъ послѣдуетъ за тобой, болтая и смѣясь, и ни одного сомнѣнія не закрадется въ сердце его.

Оправдай его довѣріе, веди его прямымъ путемъ и благослови его.



Положи ему руку на голову и молись, чтобъ когда волны грозно вздымаются снизу, сверху снизошло бы дыханіе, надулись бы его паруса, и причалилъ бы онъ къ мирной пристани.

Не забывай его среди суеты; дай ему доступъ къ своему сердцу и благослови его.

ДАРЪ.

Я хочу дать тебѣ нѣчто, дитя мое, ибо уноситъ насъ вдаль міровой потокъ.

Скоро разъединятся жизни наши, и позабудется наша любовь.

Но я не настолько безуменъ, чтобъ надѣяться купить сердце твое своими дарами.

Молода твоя жизнь, и дологъ твой путь; залпомъ выпиваешь ты любовь, которую мы предлагаемъ тебѣ, отворачиваешься и убѣгаешь отъ насъ.

У тебя свои пиры, свои товарищи. Что за бѣда, если не останется у тебя для насъ ни времени, ни мысли.

У насъ, стариковъ, довольно времени, чтобы считать минувшіе дни и лелѣетъ въ сердцѣ своемъ то, что навѣки утеряно нами.

Рѣка быстро несется въ своемъ теченіи и съ пѣсней ломаетъ всѣ преграды.

А гора остается на мѣстѣ и вспоминаетъ, и съ любовью слѣдитъ за ней.

МОЯ ПѢСНЯ.

Эта пѣсня моя обовьетъ тебя своими напѣвами, дитя мое, подобно объятіямъ любви.

Эта пѣсня моя прикоснется къ челу твоему, подобно поцѣлую благословенія.

Когда ты одинъ, она сядетъ подлѣ тебя и будетъ шептать тебѣ на ухо; когда ты среди толпы, она окружитъ тебя оградой своей.

Пѣсня моя будетъ крыльями твоихъ грезъ, она перенесетъ сердце твое къ порогу неизвѣданнаго.

Она будетъ путеводной звѣздой твоей, когда темная ночь скроетъ передъ тобой путь твой.

Въ зеницахъ очей твоихъ будетъ пѣсня моя, ты проникнешь съ ней въ сердце творенія.

И когда смерть заглушитъ мой голосъ, пѣсня моя будетъ говорить въ сердцѣ жизни твоей.

ДИТЯ АНГЕЛЪ.

Они кричатъ и сражаются, они сомнѣваются и впадаютъ въ отчаяніе, и нѣтъ конца ихъ раздорамъ.

Пусть твоя жизнь, дитя мое, будетъ среди нихъ неколеблющимся, чистымъ свѣтлымъ пламенемъ,—и пусть умолкнутъ они, любуясь имъ.

Жестоки они въ своихъ стяжаніяхъ и зависти, и слова ихъ подобны спрятаннымъ ножамъ, жаждущимъ крови.

Пойди и стань среди ихъ угрюмыхъ сердецъ, дитя мое, и пусть взглядъ твоихъ кроткихъ очей упадетъ на нихъ, какъ всепрощающій миръ вечерній послѣ дневной борьбы.

Покажи имъ лицо свое, дитя мое, и пусть поймутъ они смыслъ всего; пусть полюбятъ они тебя и въ тебѣ полюбятъ другъ друга.

Приди и избери мѣсто себѣ въ сердцѣ безконечности, дитя мое. На расцвѣтѣ, подобно распускающемуся цвѣтку, раскрывай и поднимай сердце свое, а на закатѣ склоняй главу свою и въ безмолвіи довершай благоговѣніе цѣлаго дня.

ПОСЛѢДНІЙ ДОГОВОРЪ.

„Приди и бери меня!“ кричалъ я поутру, шагая по мощеной дорогѣ.

Съ мечомъ въ рукѣ появился Царь на колесницѣ своей.

Онъ взялъ меня за руку и сказалъ: „Я возьму тебя и отдамъ за это власть мою“.

Но ничего не стоила власть его, и уѣхалъ онъ на колесницѣ своей.

Во время полуденнаго зноя заперты были всѣ двери въ домахъ.

Я шелъ по извилистой тропинкѣ.

Появился старикъ; онъ несъ мѣшокъ золота.

Онъ подумалъ и сказалъ: „Я куплю тебя за деньги мои“.

И онъ сталъ взвѣшивать монету за монетой, но я удалился.

Былъ вечеръ. Вся въ цвѣту стояла садовая изгородь.

Вышла красивая дѣвушка и сказала:

„Ты будешь мой за улыбку мою“.

Поблѣднѣла улыбка ея и растаяла въ слезахъ, и одинокая возвращалась она въ сумракѣ ночи.

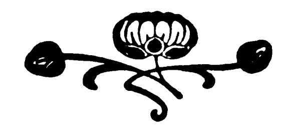
Солнце играло на пескѣ, и шаловливо разсыпались волны морскія.

Ребенокъ сидѣлъ на пескѣ и игралъ раковинками.

Онъ поднялъ голову, казалось, узналъ меня и сказалъ: „Ты будешь мой и ничего не получишь взамѣнъ“.

И съ тѣхъ поръ этотъ договоръ, заключенный во время дѣтской игры, сдѣлалъ меня свободнымъ человѣкомъ.

Пер. съ англ. С. Татариновой.



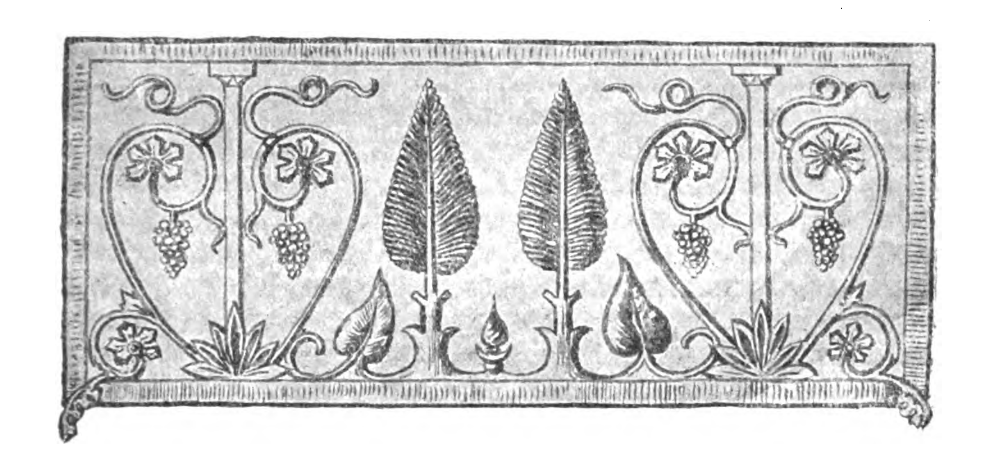
Человѣкъ достигаетъ своей полной высоты только тогда, когда любовь становится для него дыханіемъ жизни, силой воли, верхомъ желанія. Здѣсь лежитъ въ концѣ концовъ все счастье, и благо, и истина и божественность: «Потому что любящій червь въ его комкѣ земли, божественнѣй не любящаго Бога».

Эволюція любви есть дѣло чистой науки. Любовь не спустилась съ облаковъ подобно дождю или снѣгу. Она дистиллировалась на землѣ.

Всякая жизнь имѣетъ въ началѣ своимъ содержаніемъ, своимъ центромъ только себя, заключена въ одну единственную клѣточку. Первый шагъ къ болѣе широкой жизни—это освобожденіе отъ такого ограниченія.

Изреч. изъ книгъ Дрюмонда.





Воспоминанія [1]).

(Продолженіе).

Глава 6-ая.

Когда въ дѣтствѣ я съ бабушкой лѣтомъ жила въ Красномъ, по воскресеньямъ и двунадесятымъ праздникамъ мы ѣздили съ ней къ обѣднѣ въ Мещерку за три версты, или же за пять веретъ въ село Соковнино и, вспоминая эти дни, невольно вспоминаю церковь, ея прихожанъ и церковнослужителей.

Въ Мещеркахъ священникомъ былъ отецъ Алексѣй.

— Очень добръ, уменъ и во многомъ свѣдущъ,—говорила о немъ бабушка, любившая бесѣдовать съ нимъ у себя за чаемъ.

О чемъ, о чемъ только, бывало, не говорили они: и о возвышенныхъ предметахъ, и о погодѣ въ связи съ полевымъ хозяйствомъ и о сосѣдяхъ и разныхъ происшествіяхъ у нихъ, и о болѣзняхъ, которыя умѣлъ лѣчить отецъ Алексѣй, помогая этимъ крестьянамъ.

Бесѣда ихъ была не только полезная, но и пріятная бесѣда, потому что она была лишена злословія. Если отецъ Алексѣй, тонкій знатокъ людей, кого-нибудь хвалилъ, это значило, что человѣкъ этотъ на самомъ дѣлѣ былъ человѣкъ хорошій, иначе онъ говорилъ бы о немъ вскользъ, замалчивая его недостатки: „пусть, молъ, самъ ихъ сознаетъ, а говорить о нихъ не надо“.

---

[1]) См. „В. Т.“ № 1, 2, 3, 1915 г

Отецъ Алексѣй былъ нашъ духовникъ, но мы не ѣздили къ нему исповѣдываться въ церковь, а батюшка наканунѣ обѣдни, вечеромъ самъ пріѣзжалъ насъ исповѣдывать, а потомъ оставался у насъ чай пить.

Ясно помню томительное чувство ожиданія и страха передъ моей первой исповѣдью.

Но отчего мнѣ было такъ страшно тогда?

Проснулось ли смутное воспоминаніе какого-нибудь допроса въ далекомъ прошломъ прежняго существованія, боялась ли душа моя разоблаченія какого-нибудь стараго грѣха, принесеннаго ею изъ прошлаго въ новую жизнь—не знаю, но помню, что мнѣ было такъ тяжело, что я пошла въ садъ къ цвѣтамъ, для того, чтобы немного успокоиться возлѣ нихъ и тамъ съ тоскою думала:

„О чемъ будетъ спрашивать меня отецъ Алексѣй?"

На клумбахъ росли чудесные лиловые ирисы, бѣлыя розы и ночныя красавицы „belles de nuit", уже раскрывающіяся, потому что наступалъ вечеръ, а такъ какъ былъ успенскій постъ и время близилось къ осени, въ ихъ чашечкахъ созрѣвали красивыя черныя зерна, похожія на бусенки.

„Набери ихъ и сдѣлай себѣ ожерелье", искушалъ меня какой-то внутренній голосъ.

„Развѣ можно думать объ ожерельѣ передъ исповѣдью", возражалъ ему другой голосъ, „надо думать о своихъ грѣхахъ".

Но вотъ бѣда—знаю, что грѣхи у меня есть, а какіе они—не знаю и если отецъ Алексѣй самъ не догадается, что я буду говорить ему?

— Барышня, пожалуйте!—позвалъ меня Илья съ балкона.

Съ тяжестью въ ногахъ и сильно бьющимся сердцемъ, я поднялась по лѣстницѣ и черезъ гостиную прошла въ синюю комнату.

Оттуда только что вышла бабушка и въ полумракѣ, освѣщенномъ лампадкой, какъ будто все еще витали ея тревожныя мысли и признанія и слова утѣшенія отца Алексѣя, которому, какъ духовнику, она повѣряла всѣ свои сомнѣнія.

Онъ стоялъ въ эпитрахили возлѣ столика передъ большимъ кіотомъ съ образами и глядя въ потолокъ, о чемъ-то думалъ.

Едва передвигая ногами, я къ нему подошла и остановилась.

— Поклонитесь Богу до земли,—сказалъ онъ, взглянувъ на

меня, и я опустилась на полъ подъ тяжестью своихъ еще несознанныхъ грѣховъ.

— Встаньте.

— Ну, начинается,—подумала я съ ужасомъ.

— *Вѣрую* знаете?—спросилъ отецъ Алексѣй.

— Ка-а-жется зна-а-ю.

— Ну скажите,—улыбнулся онъ мнѣ, очевидно понявъ мое душевное состояніе.

— Господи, Господи! Помоги мнѣ,—подумала я и прочла „Вѣрую“.

Отецъ Алексѣй одобрительно качалъ головой.

— Ну, теперь встаньте на колѣни.

Положивъ мнѣ на голову эпитрахиль, онъ ласково положилъ на нее руку и сталъ молиться и сердцу моему становилось все легче и легче...

Прибѣжавъ опять къ цвѣтамъ, я уже не ощущала тяжести въ ногахъ и въ сердцѣ и не думала о своихъ грѣхахъ, но чувствуя любовь отца Алексѣя, испытывала большую радость и цвѣты казались мнѣ еще милѣй и краше, а въ мысляхъ все повторялись слова:

„Вѣрую во Единаго Бога Отца“...

Вечерняя заря, лиловые ирисы и бѣлыя розы какъ будто повторяли ихъ въ саду и, уже закрывшіяся чашечки „belles de nuit“, благоухая будто тоже шептали:

„Вѣруемъ и мы во Единаго Создателя добра и красоты“...

Вдыхая ихъ нѣжный тонкій ароматъ, я стала собирать ихъ зерна, чтобы изъ нихъ себѣ сдѣлать, не ожерелье какъ этого хотѣлось раньше, а въ память своей первой исповѣди и добраго отца Алексѣя—молитвенныя четки, какъ у моей тетушки, монашенки матери Магдалины и, вспоминая ее, я будто видѣла среди цвѣтовъ ея свѣтлые глаза и ясную улыбку.

. . . .

Пониманіе человѣческой души у отца Симеона, священника Соковнинской церкви, было нѣсколько иное, чѣмъ у отца Алексѣя: на духу онъ людей не утѣшалъ, а укорялъ, желая привести ихъ къ сознанію своей грѣховности; но такъ какъ онъ былъ тоже добръ и дѣлалъ это съ искреннимъ желаніемъ спасать людей, его любили и уважали; да и лицо у него было такое скорбное, что всѣ его жалѣли, предполагая, что у него есть большое скрытое горе.

Отецъ Симеонъ на самомъ дѣлѣ былъ очень несчастенъ



непониманіемъ своихъ сыновей и дочерей—людей передовыхъ, постоянно огорчавшихъ его своими новыми взглядами на жизнь, идущими въ разрѣзъ съ его понятіями, очень своеобразными въ нѣкоторыхъ случаяхъ.

Экономка бабушкиной младшей сестры, владѣлицы Соковнина, съ улыбкой однажды разсказывала, какъ ее исповѣдывалъ отецъ Симеонъ:

— Ну говори, въ чемъ грѣшна.

Она долго каялась, припоминая всѣ свои грѣхи и наконецъ, истощивъ весь свой запасъ, умолкла; но отецъ Симеонъ все не отпускалъ ее.

— Больше ни въ чемъ не грѣшна?

— Ни въ чемъ, кажется, батюшка.

— Ни въ чемъ, ни въ чемъ, а лавроваго листика-то ты мнѣ намедни не дала, когда я у тебя просилъ...

Помню какъ однажды на исповѣди отецъ Симеонъ убѣждалъ меня бросить музыку.

— Играть на скрипкѣ грѣхъ—брось, говорю тебѣ—брось.

Но я тогда была уже большая дѣвочка и разсудивъ, что можетъ быть онъ ошибается, посовѣтовалась объ этомъ съ бабушкой.

— Развѣ можно бросить музыку, вѣдь она душу возвышаетъ, да и столько радости приноситъ людямъ,—разрѣшила мои сомнѣнія бабушка.

И на самомъ дѣлѣ, моя скрипка уже тогда доставляла всѣмъ большое удовольствіе, любилъ ее и отецъ Стефанъ, священникъ Ивановской церкви.

— Сыграй-ка ты мнѣ опять эту самую... ну знаешь, чувствительную и развеселую — говорилъ онъ про пьесу Вьетана „Не бѣлы снѣги“ и „Во полѣ березынька стояла“, которую онъ уже нѣсколько разъ слышалъ.

Когда звучала широкая мелодія, отецъ Стефанъ задумчиво слушалъ и уносился мыслями ввысь, когда же эта мелодія переходила въ оживленную, онъ возвращался къ землѣ и приходилъ въ восторгъ.

Подъ конецъ онъ говорилъ мнѣ:

— Молодчина! Спасибо тебѣ, учись, учись на скрипкѣ, талантъ этотъ далъ тебѣ Богъ, развивай его, будешь хорошей музыкантшей.

Отецъ Стефанъ былъ большой другъ моего дяди Юрія Петровича, (старшаго сына Grand-maman), называвшаго его:

„Стефанидушка, ты моя дорогая“ и любившаго отца Стефана за его живой характеръ, за его интересъ къ музыкѣ, къ газетамъ и ко всему, что совершается на бѣломъ свѣтѣ.

Въ Ивановскомъ у дяди въ то время жилъ, ужъ не помню съ какихъ поръ, рябой старичекъ Иванъ Акимовичъ, очень похожій на стараго орангутанга, и жилъ онъ тамъ потому, что былъ бѣденъ, одинокъ и ему рѣшительно было некуда дѣваться.

Этотъ старичокъ также питалъ любовь и уваженіе къ отцу Стефану и находилъ большое удовольствіе вмѣстѣ съ нимъ читать уже прочитанныя дядей новыя газеты.

И вотъ однажды дядя, любившій подшутить надъ своими друзьями, рѣшилъ подмѣнять новыя газеты прошлогодними, подбирая вѣрно мѣсяцы и числа. Это какъ разъ было во время войны 1877 года, когда всѣ такъ интересовались сербами.

— Отчето это, Юрій Петровичъ, о сербахъ что-то больше ничего въ газетахъ не пишутъ?—черезъ нѣкоторое время озабоченно спросилъ дядю Иванъ Акимовичъ,—даже отецъ Стефанъ удивляется.

— Можетъ быть война ужъ кончилась, а вы оба прозѣвали,—серьезно отвѣтилъ Юрій Петровичъ.

— Н-не знаю, кажется внимательно читаемъ газеты, и притомъ всегда вдвоемъ.

— Ну, а числа въ газетахъ вы тоже вдвоемъ смотрѣли?

— Ка-акже, смотрѣли.

— Ну, а годъ?

— Го-о-одъ!?...

Иванъ Акимовичъ, у котораго былъ дурной характеръ, очень разсердился на дядю за его шутку и дулся на него нѣсколько дней; а отецъ Стефанъ смѣялся.

— Ахъ! Ужь и выдумщикъ же ты, Юрій Петровичъ! А изъ-за тебя я и дьякона въ заблужденіе ввелъ—увѣрилъ, что война должно-быть кончилась.

Молодой, рослый, бѣлокурый дьяконъ съ чуднымъ басомъ, тоже считался пріятелемъ Юрія Петровича, который и надъ нимъ былъ непрочь подшутить и добродушно посмѣяться.

Какъ-то разъ, послѣ обѣдни, за завтракомъ, къ которому было приглашено Ивановское духовенство, подали лимонное желе съ яблоками внутри.

Покушавъ пирога и поросеночка съ кашей и добравшись до желе, дьяконъ началъ лакею дѣлать таинственные знаки:

— Человѣкъ! Человѣкъ!

— Что прикажете, отецъ дьяконъ?

— Хрѣнку-бы съ уксусомъ къ студню-то...

— Ха, ха, ха!—покатился со смѣху дядя:

— Подайте ему поскорѣе хрѣну съ уксусомъ къ желе,—въ восторгѣ хохоталъ онъ, а дьяконъ, хотя и былъ смущенъ, но тоже добродушно смѣялся надъ собой со всѣми вмѣстѣ, потому что былъ находчивъ. Свою находчивость ему пришлось блистательно доказать, когда у него однажды вышло недоразумѣніе съ Иваномъ Акимовичемъ.

Ивану Акимовичу нравилось заниматься починкой сломанныхъ часовъ, разбирая и вновь собирая ихъ механизмы, а дьяконъ, интересовавшійся всѣмъ на свѣтѣ, какъ и отецъ Стефанъ, заинтересовался и этимъ.

— А ну-ка, что ты сегодня дѣлаешь, Иванъ Акимовичъ?—спросилъ онъ его какъ-то.

— Вотъ еще, стану я *всякому* каждый разъ объяснять, что я дѣлаю,—заносчиво отвѣтилъ Иванъ Акимовичъ, которому вѣроятно въ это время что-нибудь не удавалось.

Дьяконъ промолчалъ и ушелъ.

Въ слѣдующее воскресенье, за обѣдней, когда онъ сталъ кадить направо — въ нашу сторону, налѣво — въ сторону пѣвчихъ, и прямо—народу, ловкимъ движеніемъ руки, онъ перекинулъ кадило и, миновавъ Ивана Акимовича, стоявшаго посрединѣ церкви, лишилъ его благодати кадильнаго дыма.

Въ слѣдующее воскресенье, онъ сдѣлалъ тоже, и тоже самое повторялъ въ слѣдующія службы.

Иванъ Акимовичъ, будучи очень богомоленъ, замѣтивъ это, пришелъ въ недоумѣніе и наконецъ догадавшись, что дьяконъ тоже можетъ быть не желаетъ *всякому* каждый разъ кадить, пошелъ къ нему объясняться и просилъ у него прощенія, и дьяконъ его простилъ и благодать ему вернулъ.

Благодаря присутствію дьякона въ Ивановской церкви и его чудному голосу, богослуженіе носило очень торжественный характеръ, особенно во время ектиньи, когда поминался Царствующій Домъ.

Въ тѣ времена полагалось поминать всѣхъ членовъ Царской Фамиліи и дьяконъ никого не забывалъ, но только когда онъ доходилъ до Герцогини Виртенбергской, его встрѣчало непреодолимое препятствіе:

— Герцогиню Винтен... Виртер...—начиналъ онъ заминаться

и наконецъ выпаливалъ, къ великому удовольствію дяди Юрія Петровича:

„Винтербергскую“...

Разъ въ Ивановское пріѣхалъ знатный гость, титулованный родственникъ—камеръ-юнкеръ, которому надо было показаться во всемъ блескѣ и въ домѣ и въ церкви, и потому на кухнѣ старались повара, а мои дядюшки и тетушки рѣшили на клиросѣ сами спѣть обѣдню и молебенъ.

Въ назначенный день духовенство, въ честь гостя, служило въ новыхъ ризахъ и голосъ дьякона, отъ волненія, звучалъ особенно „зычно“.

Провозгласивъ въ концѣ молебна многолѣтіе Государю Императору и, собираясь какъ можно эффектнѣе провозгласить его знатному гостю—камеръ-юнкеру, дьяконъ набралъ побольше воздуха и съ особенными голосовыми раскатами началъ:

— Ка-мер-ди-не-ру-у-у Двора Его Ве-ли-чест-ва-а-а,—и полностью назвавъ имя и фамилію титулованнаго гостя, на всю церковь заревѣлъ:

„Мно-о-гая лѣ-та-а!“

„Многая, многая лѣта!“ подхватилъ хоръ, какъ можно громче, стараясь заглушить роковую ошибку дьякона...

...А знатный гость, стоявшій въ церкви во всемъ величіи и великолѣпіи своего расшитаго мундира, крестился и кланялся; крестился и кланялся народъ...

Но что испытывали на клиросѣ мои смѣшливыя тетушки и дядюшка Юрій Петровичъ, представить себѣ трудно.

. . . .

Такихъ торжественныхъ церковныхъ службъ не бывало ни въ Мещеркахъ, ни въ Соковнинѣ.

Соковнинская церковь была небольшая, деревянная, безъ особыхъ украшеній. Одинъ изъ ея придѣловъ былъ выстроенъ моей прабабушкой, а другой — бабушкой, во имя Царицы Александры. Помню какъ она хлопотала о томъ, чтобы иконостасъ былъ какъ можно проще — деревянный, рѣзной, безъ позолоты.

На освященіе этого придѣла пріѣзжалъ архіерей изъ Тулы и вначалѣ освященія намъ съ бабушкой позволили стоять въ алтарѣ, а потомъ насъ попросили оттуда удалиться уже навсегда, потому что женщинамъ, послѣ освященія престола, въ алтарѣ быть не полагается.

Возлѣ этого придѣла въ полутемномъ углу старой церкви стояла небольшая „темница“ съ двумя маленькими рѣшетчатыми

окошечками и рѣшетчатой дверью и въ ней было деревянное изображеніе Христа въ терновомъ вѣнцѣ. Заботой прихожанъ Христосъ былъ одѣтъ въ вышитыя пелены и увѣшенъ образками и крестиками на цвѣтныхъ ленточкахъ, а надъ дверью „темницы", всегда открытой, свѣшивалось серебряное паникадило, пылавшее во время обѣдни множествомъ зажженныхъ другъ отъ друга копѣечныхъ восковыхъ свѣчей, озарявшихъ скорбный ликъ Христа и его сложенныя на колѣняхъ руки.

Это мѣсто въ церкви особенно любили бабы, потому что здѣсь, въ тишинѣ и таинственной полутьмѣ Божьяго Храма, можно было вволю и повздыхать и поплакать надъ своей горькой долей, научаясь терпѣть, какъ терпѣлъ Христосъ.

Когда бывало моя бывшая кормилица — деревенская баба, приходила ко мнѣ въ гости, и я спрашивала ее, какъ ей живется, она улыбаясь отвѣчала:

— Ничаво.

— Значитъ не плохо?

— Плохо-то не плохо—землицы маловато, скотинку выгнать некуда,—недостатки во всемъ; не то, что молочка, другой разъ хлѣбушка нѣтути... Что дѣлать, надо терпѣть, вѣдь и Господь терпѣлъ.

Вспоминая ее, съ умиленіемъ думаю о такихъ же обездоленныхъ старыхъ и молодыхъ бабахъ, молившихся въ соковнинской церкви передъ „темницей" и приносившихъ заключенному Христу дары, - кто мѣдный крестикъ, кто полотенчико—не отъ избытка, а отъ скудости своей...

Въ дѣтствѣ я больше любила ѣздить къ обѣднѣ въ Соковнино, нежели въ Мещерки, потому что въ Соковнинѣ жили мои друзья,—дѣти бабушкиной сестры и, когда мы заѣзжали къ ней послѣ обѣдни, мнѣ было очень весело съ ними играть; а въ Мещеркахъ жилъ старый сѣдой помѣщикъ Иванъ Ильичъ съ нафабренными усами и моноклемъ въ стеклянномъ глазу и, хотя дочь его Надежда Ивановна была красавица и ѣздила верхомъ въ синей амазонкѣ на рыжей лошади, я ихъ боялась и домъ ихъ мнѣ казался страшнымъ, поэтому не безъ волненія ожидала я въ субботу вечеромъ, куда бабушка завтра рѣшитъ ѣхать къ обѣднѣ.

— Велите запрягать,—бывало говоритъ она въ воскресенье рано утромъ и мы начинаемъ одѣваться.

Мнѣ надѣваютъ бѣлое накрахмаленное платье съ прошивками и съ голубымъ шелковымъ поясомъ, а на бабушкѣ платье

шелковое-лиловое и бархатная мантилія цвѣта „oréille d'ours". У меня соломенная шляпа съ вѣнкомъ искусственныхъ васильковъ и ржаныхъ колосьевъ, пахнущихъ клеемъ, а бабушка беретъ только зонтикъ, такъ какъ на ней надѣтъ парадный тюлевый чепецъ.

Пока мы одѣваемся, Ѳедоръ въ каретномъ сараѣ запрягаетъ четверню сѣрыхъ въ коляску, а Илья на дворѣ чиститъ свою ливрею.

— Лошади поданы-съ,--наконецъ докладываетъ онъ и мы идемъ садиться въ экипажъ.

Ѳедоръ вопросительно смотритъ на бабушку.

— Въ Соковнино,—говоритъ она и Илья сначала подсаживаетъ ее въ коляску, а потомъ меня.

— Барышня, берегите ваши ручки, какъ бы дверцей ихъ не защемить.

Прячу руки и Илья, сильно захлопнувъ дверцу коляски, вскакиваетъ на козла.

— Пошелъ съ Бого-о-мъ,—говоритъ онъ Ѳедору.

— Съ Бого-о-мъ,—обращается Ѳедоръ къ лошадямъ и, чуть тронувъ натянутыя какъ струны возжи, говоритъ имъ:

— Впередъ!

Мы выѣзжаемъ изъ верхнихъ воротъ въ поле и легкій вѣтеръ дуетъ намъ навстрѣчу, показывая, что мы довольно скоро ѣдемъ по проселочной дорогѣ, покачиваясь на мягкихъ рессорахъ, какъ въ лодкѣ.

Рожь съ васильками, встрѣчая насъ въ полѣ, кланяется намъ; привѣтствуютъ насъ поклонами полынь и полевые цвѣточки на межахъ, а въ тепломъ воздухѣ навстрѣчу намъ разливается медовый запахъ цвѣтущей гречихи и жаворонокъ поетъ надъ нами въ чистомъ небѣ.

Солнце насъ уже пригрѣло и коляска начинаетъ пріятно пахнуть кожей; мы выѣзжаемъ на большую дорогу и видимъ вдали усадьбу бабушкиной сестры и посреди деревни церковь.

„Бомъ, бомъ, били-бомъ"... разносится по воздуху колокольный звонъ, то усиливаясь, то ослабѣвая вмѣстѣ съ порывами вѣтра.

— Уже трезвонятъ, кажется,—говоритъ бабушка.—Ѳедоръ, скорѣе.

Ѳедоръ опять дѣлаетъ незамѣтное движеніе возжами и пускаетъ лошадей полной рысью. Черезъ нѣсколько минутъ мы подкатываемъ въ облакѣ пыли къ церковной оградѣ.



Тамъ стоятъ лошади, запряженныя телѣги, а на травѣ сидятъ старики и бабы съ грудными дѣтьми и ребятишками.

Илья соскакиваетъ съ козелъ и высаживаетъ насъ.

Мужики снимаютъ шапки, мы раскланиваемся съ ними и, шурша платьями, входимъ въ церковь. Народъ разступается передъ нами, пропуская насъ впередъ, а бабы стараются незамѣтно пощупать наши платья и ленты моего пояса.

Бабушкина сестра съ дѣтьми уже въ церкви; мы становимся рядомъ съ ними и улыбками привѣтствуемъ другъ друга, а потомъ принимаемъ серьезный видъ, соотвѣтственно обстановкѣ.

Въ церкви царитъ благоговѣйное настроеніе и пахнетъ ладономъ и дымкомъ уже догорѣвшихъ во время заутрени восковыхъ свѣчекъ и къ нему примѣшивается запахъ дегтярныхъ сапогъ и полушубковъ, въ которые, несмотря на лѣто, для парада, одѣлись деревенскіе старики.

Обѣдню служитъ отецъ Семенъ, а на клиросѣ поетъ старенькій, престаренькій дьячекъ съ сѣдой косичкой въ синемъ холщевомъ кафтанѣ.

Нѣтъ ничего трогательнѣе тембра его разбитаго временемъ голоса, и такъ какъ онъ поетъ одинъ, вниманіе наше не отвлекается ожиданіемъ красивыхъ сочетаній нѣсколькихъ голосовъ, или страхомъ, что хоръ будетъ фальшиво пѣть, но оно всецѣло можетъ быть обращено на слова молитвъ, глубокій смыслъ которыхъ особенно значительно звучитъ въ древнихъ церковныхъ напѣвахъ, исполняемыхъ однимъ голосомъ умудреннаго жизнью старичка.

Богослуженіе приближается къ „Херувимской“ и старенькій дьячекъ съ особеннымъ чувствомъ начинаетъ пѣть дребезжащимъ голосомъ:

— И-и-же Херувимы, Херувимы, тайно—тайно образующе...

Въ церкви совершается что-то таинственное, заставляющее людей становиться на колѣни и молиться нетолько устами, но и безмолвно - сердцемъ своимъ... Слышатся глубокіе вздохи и молитвенный шопотъ... А надъ церковью съ радостными кликами вокругъ креста вьются ласточки и, задѣвая крыльями узенькія окна церковнаго купола, стучатся въ нихъ. Оттуда, сквозь легкія голубыя облака кадильнаго дыма въ церковь льются солнечные лучи, освѣщая старыя иконы и серебряныя паникадила съ горящими свѣчами, а въ нижнія окна смотрятъ зеленыя вѣтви кудрявыхъ березъ и съ улицы доносятся звуки деревенской жизни.

Въ церковь постепенно входятъ бабы съ грудными дѣтьми, чтобы причастить ихъ и крѣпко прижимая ихъ къ себѣ, равномѣрно хлопаютъ своихъ младенцевъ ладонью по спинѣ, чтобы они не пищали, но младенцы начинаютъ кричать.

„Шш, шш, шиши-ши", сильно встряхиваютъ ихъ бабы, чтобы успокоить ихъ, и дѣтскій крикъ усиливается и наполняетъ всю церковь, когда батюшка выходитъ съ Чашей.

Послѣ причастія, мы первыми подходимъ къ Кресту и потомъ выходимъ боковыми дверями въ церковную ограду со старыми могилами.

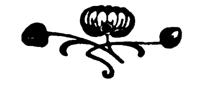
Съ утра проголодавшись безъ чая, мы тамъ съ удовольствіемъ съѣдаемъ по кусочку просфоръ, которыя въ концѣ обѣдни почтительно подалъ намъ на серебряномъ подносикѣ церковный староста и остатками ихъ надѣляемъ старушекъ на паперти.

Наблюдая въ церкви тихій разговоръ бабушки съ сестрой, я поняла, что мы поѣдемъ къ ней чай пить и весело перемигнувшись со своими кузинами уже успѣла объ этомъ сообщить имъ знаками.

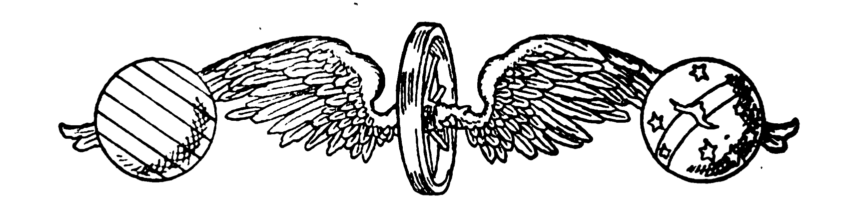
Кузины мои домой идутъ пѣшкомъ, а бабушкина сестра садится къ намъ въ коляску и мы опять мчимся полной рысью въ облакѣ пыли, обгоняя телѣги съ народомъ и пѣшихъ мужиковъ и бабъ; они намъ кланяются, мы отвѣчаемъ имъ и полнымъ ходомъ въѣзжаемъ въ ворота усадьбы... Бабушка облегченно вздыхаетъ, потому что каждый разъ боится, что въ воротахъ мы зацѣпимъ покосившійся кирпичный столбъ и онъ задавитъ насъ...

А. Унковская.

(Продолженіе слѣдуетъ).







Богоискатель

(изъ Буссэ).

Простеръ я руки ввысь... Мольбѣ моей внемли!
Къ Тебѣ изъ мрачныхъ безднъ, терзаясь, воззову я...
Одно лишь знаменье, Всесильный, мнѣ пошли,—
И милость я Твою прославлю, торжествуя!

О, я искалъ Тебя, и отдыха не зналъ...
Я страстно у Тебя молилъ благословенья;
Скитаясь, гостемъ былъ средь пышныхъ, гордыхъ залъ—
И въ бѣдныхъ хижинахъ нужды и униженья;

Я на горахъ стоялъ, въ молчанье погруженъ,
И по долинамъ шелъ, гдѣ урожай обильный;
Я слышалъ моря гулъ и колокольный звонъ,
И всюду звалъ Тебя,—Ты не внималъ, Всесильный!

Увы, тускнѣетъ взоръ отъ пыли—и заботъ!
Ужъ силы нѣтъ въ ногахъ... безцѣльно я блуждаю...
Какъ мать свою—дитя, мой духъ Тебя зоветъ.
Склонись ко мнѣ, молю! приди,— я такъ страдаю!

---

* * *

Дай мнѣ извѣдать смиренье,
Дай позабыть о себѣ!
Пусть я найду обновленье
Въ тихой и кроткой мольбѣ...

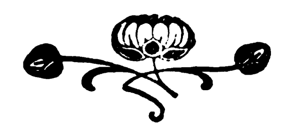
Пусть оживу я, и брошу
Мелочный, суетный путь!
Дай мнѣ съ души моей ношу
Низменныхъ мыслей стряхнуть!

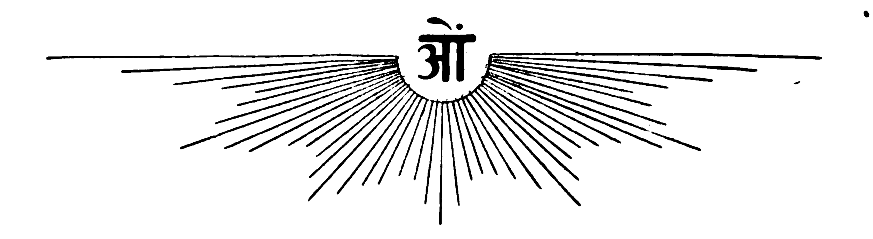
Знаю, не тотъ я, что прежде,—
Жизнь положила печать...
Только-бъ отдаться надеждѣ,
Пламенно вѣрить начать!

Жизни дорогой тернистой
Трудно и страшно итти,—
Дай мнѣ правдивой и чистой
Вновь мою душу найти!

Пусть въ ней былое стремленье
Къ свѣту, къ добру оживетъ...
Дай мнѣ узнать обновленье,
Ты, Кого сердце зоветъ!

Юрій Веселовскій.





Комментаріи къ Бхагавадъ-Гитѣ [1]).

Лекція IV.

Распознаваніе и жертва.

(Окончаніе).

Такова великая Іога Мудрости, выростающая изъ истиннаго пониманія природы поля, природы познающаго поле, и ихъ взаимнаго отношенія другъ къ другу (XIII, 2). Поэтому и сказано, что Мудрый поклоняется „Единому и Многообразному, присутствующему всюду“ (IX, 15), ибо онъ знаетъ что Многообразный есть тотъ же Единый въ проявленіи. Для того, кто овладѣлъ этой Мудростью, освобожденіе уже близко: „снова объявляю Я тебѣ ту высочайшую Мудрость, наилучшую изъ всѣхъ; познавъ ее, всѣ Мудрецы направлялись къ высшему совершенству“ (XIV, 1). Объ этомъ сказано: „Лучше всякихъ внѣшнихъ жертвъ—жертва мудрости, о Парантапа! Всѣ дѣйствія въ своей цѣлости достигаютъ своего высшаго совершенства въ Мудрости“ (IV, 33). Такая Мудрость сжигаетъ всѣ дѣйствія „подобно огню, превращающему топливо въ пепелъ“ (IV, 37); она—верховный очиститель: „воистину въ мірѣ нѣтъ лучшаго горнила, чѣмъ Мудрость“ (IV, 38).

Теперь становится ясно, *почему* Мудрый не скорбитъ. Зачѣмъ ему скорбѣть при видѣ этой игры Майи, этой измѣнчивости природы, разъ онъ убѣжденъ въ своемъ единствѣ съ неизмѣнной сутью вселенной? Вотъ почему слова: „Мудрый не оплакиваетъ ни живыхъ, ни мертвыхъ“. Также становится яс-

---

[1]) См. „В. Т.“ № 11, 12, 1914 г.—№ 1, 2, 3, 1915 г.

нымъ и то, почему Мудрые смотрятъ одинаково на всѣхъ: „и на брамина, украшеннаго ученостью и смиреньемъ, на слона, на корову, собаку и даже на того, кто ѣстъ собаку“ (v, 18). Мудрые смотрятъ одинаково на все, не видя разницы ни въ чемъ, потому что они видятъ Единое Я пребывающимъ во всемъ, и только видящіе такъ—могутъ быть названы Мудрыми. Всѣхъ остальныхъ вводитъ въ заблужденіе видимость; всѣ они — во власти Майи. Человѣкъ, переступившій за предѣлъ Майи, достигъ „высочайшаго состоянія Мудрости“ (xviii, 50) и „достигнувъ Брахмана, успокоившись въ Единомъ я, онъ не скорбитъ и не желаетъ; одинаковый ко всѣмъ существамъ, онъ исполняется высочайшей преданности ко Мнѣ. Преданностью онъ познаетъ Меня въ Моей Сути, кто Я и что Я; познавъ Меня такимъ образомъ въ самой сути Моей, онъ затѣмъ вступаетъ въ Высочайшее То“ (xviii, 54, 55). Въ немъ „Мудрость, сіяя подобно солнцу, раскрываетъ Высочайшее То... Мудростью разсѣявъ грѣхи, онъ идетъ туда, откуда нѣтъ возврата“ (v, 16, 17). Кромѣ іоги любви и іоги распознаванія, которую мы только что разбирали, существуетъ еще и третья форма іоги. Это — Карма Іога, Іога Дѣйствія. Но какого дѣйствія? Только такого, которое имѣетъ смыслъ жертвы и потому этотъ видъ іоги вѣрнѣе всего назвать *Іогой Жертвы*.

Эта предварительная іога дѣйствія или жертвы, иногда называется просто іога, безъ всякаго опредѣленія; и это по той причинѣ, которая выяснилась въ предыдущей лекціи, когда мы говорили о дѣятельности и о совершенномъ Іогѣ. Въ Бесѣдѣ третьей говорится о „двоякомъ пути“, о „единеніи черезъ познаніе и единеніе черезъ дѣйствіе“ (iii, 3). Если взять путь іоги черезъ дѣйствіе, то нужно прибавить, что онъ представляетъ собой большія трудности; и самыя главныя изъ нихъ, это — пониманіе самого дѣйствія.

„Что есть дѣйствіе и что бездѣйствіе? Даже мудрые этимъ смущаются. И потому Я объясню тебѣ дѣйствіе, познавъ которое ты освободишься отъ зла. Необходимо различать дѣйствіе, различать незаконное дѣйствіе и бездѣйствіе. Таинственъ путь дѣйствія. Тотъ, кто видитъ бездѣйствіе въ дѣйствіи и дѣйствіе въ бездѣйствіи, тотъ—Мудрый среди людей, тотъ гармониченъ даже когда совершаетъ дѣйствія“ (iv, 16—18).

Въ этомъ—первое изъ тѣхъ затрудненій, что будутъ окружать іога, идущаго путемъ дѣйствія; онъ долженъ узнать, что слѣдуетъ дѣлать и что не слѣдуетъ; онъ долженъ различать

праведное дѣйствіе отъ неправеднаго; и первое, что онъ долженъ внѣдрить въ себя, это: „Взирай лишь на дѣло, а не на плоды его" (II, 47). Плоды принадлежатъ Господу, правящему міромъ, если дѣйствіе совершается какъ жертва; ибо жертва не принадлежитъ человѣку—его дѣло только принести ее—а плоды жертвы принимаются и расходуются высшими силами. Понявъ, что онъ имѣетъ дѣло только съ дѣйствіемъ, человѣкъ долженъ „непрестанно безъ привязанности совершать должныя дѣйствія". (III, 19). Но что такое „должныя дѣйствія", что такое долгъ?

Вотъ вопросы, на которые мы должны отвѣтить, если хотимъ въ безопасности итти по пути дѣятельности, не выковывая новыхъ цѣпей своими дѣйствіями и не стремясь безсознательно къ ихъ плодамъ.

Господь говоритъ намъ совершенно опредѣленно, что есть должное или праведное дѣйствіе. Это—„дѣйствіе въ гармоніи со Мной" (III, 26). Вы должны научиться различать божественную Волю въ эволюціи, прежде чѣмъ ваши дѣйствія станутъ праведными. Не переставайте искать все большаго проникновенія въ Его Волю, но начните съ тѣхъ обязанностей, которыя поставлены передъ вами на жизненномъ пути вашей кармой, индивидуальной, семейной, общественной и національной; исполняйте ихъ какъ можно совершеннѣе, ибо онѣ возложены на васъ самимъ Господомъ. Истинный дѣятель не станетъ бросаться въ поискахъ за дѣломъ; онъ беретъ то дѣло, которое естественнымъ образомъ становится передъ нимъ, и стремится исполнить его какъ можно совершеннѣе. Въ этомъ усиліи понять стоящую передъ нимъ задачу, человѣкъ пріобрѣтаетъ Мудрость; въ усиліи различить праведное дѣйствіе отъ неправеднаго, *свой* долгъ отъ долга другого человѣка, выполненіе котораго часто представляетъ опасность для дѣятеля—„чужая дхарма полна опасности" (III, 35),—въ этомъ усиліи развиваются его способности. Самое усиліе въ этомъ направленіи подниметъ дѣятеля на высоту ясного видѣнья, укрѣпитъ его сознаніе и направитъ къ Мудрости.

Другое правило состоитъ въ томъ, чтобы изъ всѣхъ полезныхъ дѣятельностей, стоящихъ на пути человѣка, онъ выбиралъ ту дѣятельность, которая соотвѣтствуетъ его способностямъ; истинный дѣятель долженъ измѣрить свои силы и дѣлать не мало и не слишкомъ много. Предположимъ, что на вашемъ пути возникаетъ рядъ дѣятельностей, которыя соотвѣтствуютъ вашимъ способностямъ, а между тѣмъ количество ихъ превы-

шаетъ вашу работоспособность; всѣ онѣ какъ бы имѣютъ право на васъ, всѣ могутъ казаться долгомъ; но если у васъ нѣтъ ни силъ, ни времени для выполненія ихъ—что тогда? Тогда граница, налагаемая на васъ временемъ и размѣрами вашихъ силъ, выяснитъ для васъ и сферу вашего долга. Ровно столько, сколько вы способны сдѣлать хорошо въ размѣрѣ вашего времени и вашихъ способностей, и будетъ вашимъ долгомъ. Но если, пробуя сдѣлать болѣе того, что вы можете сдѣлать хорошо, вы схватитесь за множество задачъ, закончить которыя у васъ не хватитъ времени, въ такомъ случаѣ вы будете не правы; ибо то, что мы не въ состояніи закончить за недостаткомъ времени, не есть нашъ „долгъ", это—долгъ другого, а мы уже знаемъ что „чужой долгъ полонъ опасности" (III, 35).

Но вы можете сказать: „Дѣла такъ много, на мои силы и на мое время такой большой спросъ, такъ много задачъ, которыя нужно сдѣлать"... Это вѣрно. Но вѣдь не вы одни можете дѣйствовать. Вы—не единственная сила, отъ которой зависитъ все благо міра, и не ко всему на свѣтѣ должна быть приложена ваша собственная рука. Это — ошибка, въ которую впадаютъ многіе изъ насъ и которую слѣдуетъ избѣгать, если хочешь итти по пути дѣйствія. То, на что у насъ нѣтъ достаточно времени, не можетъ быть нашимъ долгомъ, и если мы — тѣмъ не менѣе—совершаемъ и это, мы тѣмъ самымъ вводимъ другого человѣка, который долженъ бы выполнить взятую нами на себя задачу, въ грѣхъ бездѣйствія.

Результатомъ такого недостатка пониманія является всегда ненормальный порядокъ вещей, при которомъ одинъ находится въ вѣчномъ напряженіи, перегруженный дѣломъ, половину котораго онъ не имѣетъ времени докончить; а другой—тутъ же лѣниво бездѣйствуетъ, остается съ пустыми руками только потому, что другой жадно захватываетъ все дѣло для себя одного.

Это не есть то дѣйствіе, которое предъявляется намъ какъ „долгъ", ибо *время* отъ Господа, какъ и все остальное; слѣдовательно и тѣ ограниченья, которыя ставятся намъ временемъ, воздвигнуты для каждаго изъ насъ самимъ Господомъ. Если у васъ нѣтъ времени сдѣлать какое-нибудь дѣло хорошо и до конца, будьте увѣрены, что Господь найдетъ для Себя другихъ дѣятелей, другія руки, ибо сказано: „Всюду имѣя руки и ноги, глаза, головы и уста, всевѣдущее То пребываетъ въ мірѣ, объемля все"... (XIII, 13). Въ этомъ заключается великій урокъ для дѣятельной индивидуальности, ибо она часто бываетъ при-

чиной бездѣйствія для другихъ, лѣни, нерадѣнія, небрежности и всѣхъ тѣхъ свойствъ, которыя мѣшаютъ людямъ подвигаться впередъ. Чрезмѣрная дѣятельность не есть истинный путь дѣйствія, это есть мірской путь. Урокъ этотъ, нужно признаться, не легкій для человѣка дѣятельнаго, ибо въ числѣ его свойствъ находится и способность къ труду; эта способность и заставляетъ его часто забывать о размѣрахъ какъ времени, такъ и собственныхъ силъ. Мнѣ слишкомъ хорошо извѣстна трудность урока по собственному опыту; множество задачъ, окружающихъ меня, поднимаютъ свои голоса и кричатъ: „сдѣлай меня, обрати на меня вниманіе!“ Но ихъ много больше, чѣмъ я могу сдѣлать, и когда я пробовала браться за все, я не успѣвала, у меня было такое чувство, что я ничего не дѣлаю вполнѣ хорошо. И тогда я поняла, что Господь обойдется отлично и безъ меня и что Онъ не можетъ зависить отъ одной опредѣленной индивидуальности, въ которой, въ концѣ концовъ, дѣйствуетъ все же Онъ, а не я, и что у Него много слугъ, черезъ которыхъ онъ можетъ дѣйствовать. Я поняла, что дѣлать то, что можешь дѣлать хорошо, а остальное представить другимъ, и есть путь мудрости въ дѣйствіи. И я всегда убѣждалась, что если приходилось оставлять недодѣланнымъ то, что за недостаткомъ времени не являлось *моимъ* долгомъ,—всегда находились другіе, дѣлавшіе то же дѣло до конца, и такимъ образомъ вся задача, во всей полнотѣ, выполнялась лучше, чѣмъ когда одна личность стремится завладѣть всѣмъ дѣломъ для себя одной.

Какимъ же образомъ усваивается этотъ урокъ дѣятельнымъ человѣкомъ? Онъ усваивается, когда уясняется слѣдующая истина: „не я—совершающій“.

„Обольщенное себялюбіемъ „я“ думаетъ: я есмь совершающій“ (III, 27); но это не такъ. Мудрый сказалъ: „я не дѣйствую... даже взирая, слушая, ощущая, обоняя, принимая пищу, двигаясь, почивая, дыша, говоря, давая, хватая, открывая и закрывая глаза, я долженъ сознавать: „чувства двигаются среди предметовъ чувствъ“ (V, 8, 9).

„Я не дѣйствую“. Вотъ что означаетъ *бездѣйствіе въ дѣйствіи*. Подобно своему Господу, онъ пребываетъ надъ качествами, заставляя *ихъ* работать. Онъ взираетъ и когда онъ пойметъ, что „не онъ дѣйствующій“, тогда всѣ праведныя дѣйствія начинаютъ совершаться по его волѣ и все двигается безпрепятственно къ назначенной цѣли.

Великій урокъ для дѣятеля заключается въ сознаніи: „не

я — совершающій.“ Это сознаніе должно сопровождать каждое дѣйствіе. Есть только одинъ совершающій, Верховный Господь, а дѣйствующій человѣкъ — лишь одна изъ его рукъ, являющаяся въ человѣческомъ мірѣ для того, чтобы исполнить ту или иную опредѣленную задачу. И въ предѣлы этой задачи вовсе не входитъ забота о томъ, какъ будетъ выполнена *вся* имѣющаяся въ мірѣ работа, а лишь одно — какъ выполнить возможно лучше ту опредѣленную задачу, которая выпала на долю *этой* руки. И если вы въ состояніи думать о себѣ только какъ о рукѣ — рукѣ, способной думать и находить лучшіе пути для исполненія, въ такомъ случаѣ вы неизбѣжно потеряете жадность ко множеству встрѣчаемыхъ задачъ. Если человѣкъ хочетъ рисовать, ему вовсе не нужно держать въ рукахъ одновременно кисть, перо и карандашъ, а можетъ быть и плугъ, и молотокъ, и топоръ, которые нужны въ другое время; ему нужно имѣть только одну кисть, когда онъ хочетъ рисовать, а когда онъ захочетъ пахать, тогда пусть возьметъ въ руки плугъ, когда захочетъ писать — пусть возьметъ перо, но всегда только одно орудіе, нужное въ данное время, таковъ правильный пріемъ, когда человѣкъ дѣйствуетъ.

Дѣлайте возможно совершеннѣе все, что вы дѣлаете, ибо ваша дѣятельность должна отражать совершенство Господа; вотъ почему лучше сдѣлать одну вещь въ совершенствѣ, чѣмъ сдѣлать ихъ сто кое-какъ. Но чтобы достигнуть этого, необходимо не только потерять привязанность къ плодамъ дѣятельности — „Безъ привязанности совершай должныя дѣйствія, ибо воистину — свободно совершая дѣйствія, человѣкъ достигаетъ Высочайшаго“ (III, 19) — но и каждое свое дѣйствіе совершать какъ жертву. „Міръ скованъ дѣятельностью, если она совершается не ради жертвы; ради жертвы выполняй и ты свои дѣйствія, свободный отъ привязанности, о сынъ Кунти!“ (III, 9).

Великій законъ жертвы, поддерживающій вселенную, долженъ найти свое воплощеніе въ человѣкѣ дѣйствія. Въ IV бесѣдѣ Господь даетъ пространное описаніе различныхъ видовъ жертвы, которыя приносятся людьми. „Всѣ они“, говоритъ Господь, „обладаютъ совершеннымъ знаніемъ жертвы...“ (IV, 30) и всѣ дѣйствія должны совершаться во имя жертвы.

Но въ чемъ состоитъ законъ? Онъ состоитъ въ томъ, что для жизни однихъ существъ должны быть пожертвованы жизни другихъ, вслѣдствіе чего каждое существо, по мѣрѣ достиженія самопознанія, должно быть готово уплатить свой долгъ, по-

жертвовавъ въ свою очередь и свою собственную жизнь. И этотъ законъ существуетъ не только для однихъ людей. Онъ существуетъ и для камней, растеній и животныхъ. Камень разбивается, чтобы служить питаніемъ для растенія; растеніе уничтожается, чтобы служить питаніемъ для животнаго; животное охотится за другимъ животнымъ и болѣе сильное пожираетъ болѣе слабаго; и человѣкъ живетъ на счетъ другого человѣка, истребляя себѣ подобнаго физически, вначалѣ ради пищи, а затѣмъ и ради иныхъ цѣлей. Законъ Жертвы разлитъ во всей природѣ потому, что Создатель есть Господь Жертвы, и первая принесенная жертва есть Его пожертвованіе Собой. Онъ есть та творческая энергія (*Purusha*), изъ которой произошла вся Вселенная.

Самопознаніе должно постепенно раскрыть для человѣка Законъ жертвы. Человѣкъ, по мѣрѣ развитія, убѣждается, что онъ живетъ жертвой другихъ жизней и онъ говоритъ себѣ: „Камни погибаютъ для меня, чтобы питать растительное царство; растенія умираютъ для меня, чтобы поддержать мое тѣло; животныя отдаютъ свою жизнь для Меня и работаютъ для моей пользы; мое тѣло есть результатъ безчисленныхъ жертвоприношеній и оно можетъ жить только благодаря постоянному пожертвованію другихъ жизней; безчисленныя жизни внесены въ мое тѣло и оно является—благодаря этому—алтаремъ, на которомъ приносятся миріады жертвъ. Справедливость требуетъ, чтобы я уплатилъ за всѣ эти жертвы, пожертвовавъ собой и обернувъ такимъ образомъ колесо жизни. Я долженъ отдать себя для другихъ. Я долженъ жить для другихъ людей; я долженъ жить для животнаго царства, для растительнаго и для минеральнаго, эволюція которыхъ съ моей помощью можетъ быть ускорена и облегчена. Такъ какъ я самъ—результатъ жертвы, я также долженъ быть жертвой“.

Вслѣдъ за тѣмъ, какъ человѣкъ начинаетъ различать все множество жизней, пожертвованныхъ для него, онъ начинаетъ заботиться какъ бы уменьшить число этихъ жертвъ. И онъ начинаетъ избирать для построенія своего собственнаго тѣла изъ миріадъ жизней, отдающихся для поддержанія *его* жизни, такія, которыя менѣе другихъ способны сознавать, а болѣе сознательныя жизни онъ стремится воспитывать и дисциплинировать какъ для своей пользы, такъ и для ихъ прогресса; такимъ образомъ, развиваясь самъ и стремясь развивать другихъ, онъ дѣлаетъ Законъ Жертвы закономъ своей жизни.



На Пути Возврата онъ уплачиваетъ долги, которые онъ заключилъ на Пути Выступленія. Поэтому все, что онъ долженъ дѣлать, всѣ свои обязательства, онъ стремится дѣлать какъ уплату долговъ своихъ. Онъ приноситъ такимъ образомъ въ жертву результатъ всѣхъ своихъ дѣятельностей, который принадлежитъ вовсе не ему, а Господу, и благодаря этому онъ становится совершеннымъ дѣятелемъ. Ибо только тотъ человѣкъ можетъ дѣйствовать въ совершенствѣ, который не заботится о плодахъ своей дѣятельности.

Это звучитъ странно въ мірѣ, гдѣ всѣ подстрекаются къ дѣятельности желаніемъ пожать ея плоды. И мы видимъ, что теряющіе такое желаніе становятся лѣнивы, нерадивы и инертны. А между тѣмъ, это возможно, когда у дѣйствующаго лица появится новый мотивъ и когда онъ, думая только о своемъ Господѣ и о томъ, чтобы быть достойнымъ проводникомъ Его Воли, совершенно перестаетъ заботиться о видимомъ успѣхѣ или видимой неудачѣ своей дѣятельности. Для него единственное успѣшное дѣйствіе—творить Волю Его и единственная несомнѣнная неудача—идти противъ этой Воли, которую онъ призналъ единственнымъ закономъ своей жизни.

Какое ему дѣло до того, что міръ называетъ успѣшнымъ или неудавшимся достиженіемъ? И то и другое встрѣчается на пути долга. Для него должно стать безразличнымъ—будетъ ли возводимое имъ зданіе защищать человѣка немедленно, или же оно—только основаніе для какого-нибудь болѣе великаго зданія, которое будетъ возведено впослѣдствіи. Фундаменты для зданія кладутся изъ разрушеннаго матеріала, оставшагося отъ другихъ зданій. Даже и при физической постройкѣ вамъ необходимо имѣть извѣстное количество разбитаго кирпича и камня для возведенія фундамента; и многіе храмы будущаго возведутся на фундаментахъ изъ матеріала, доставляемаго нынѣ изъ кажущихся неудачъ тѣхъ работниковъ, которые работаютъ для Господа. А если это такъ, зачѣмъ горевать? Какъ можно считать неудачей то, что подготовляетъ матеріалы, нужные для Господа въ будущемъ?

Истинный дѣятель знаетъ, что, окруженный Майей, онъ часто дѣйствуетъ ошибочно, и то, что ему кажется необходимымъ, можетъ и не входить въ божественный планъ; зная это, онъ продолжаетъ работать безропотно и безъ привязанности къ плодамъ дѣятельности даже и тогда, когда возведенное имъ зданіе, казавшееся ему и прекраснымъ, и полезнымъ, разбивается въ



куски на его глазахъ. Онъ не огорчается, не разстраивается, онъ мирится съ разрушеніемъ своихъ трудовъ, разъ это не то, что необходимо сейчасъ для строительства Господа.

Какъ можетъ огорчать его, считающаго себя рукою Господа, если развалины его постройки нужны для фундамента истиннаго Храма? Если металлъ, заготовленный имъ, оказался не нужнымъ, онъ спокойно бросаетъ его въ плавильную печь, увѣренный, что сгоритъ только шлакъ, и золото сохранится въ цѣлости.

И такъ онъ живетъ и работаетъ, и работая такимъ образомъ, безъ личнаго желанія, онъ можетъ дѣйствовать въ совершенствѣ. Онъ въ состояніи уловить малѣйшій знакъ, идущій отъ Господа, когда личныя желанія не ослѣпляютъ его.

На *такомъ* пути дѣйствія, благодаря іогѣ жертвы, онъ можетъ достигнуть освобожденія. „Что бы ты ни дѣлалъ, что бы ни ѣлъ, что бы ты не приносилъ какъ даръ, какой бы подвигъ ни совершалъ ты, о Каунтея, все это совершай какъ приношеніе Мнѣ. Такъ освободишься ты отъ оковъ дѣйствія, рождающаго добрые и дурные плоды“ (IX, 27, 28). Такъ ведетъ дѣятельность къ освобожденію и къ совершенной іогѣ, къ соединенію съ Богомъ.

Единый Богъ—объектъ поклоненія; единый Богъ—объектъ всей Мудрости; единый Богъ—источникъ всякой дѣятельности. Единый Богъ и слѣдовательно единое человѣчество; единый Богъ, единая Жизнь, единое Братство—вотъ выводъ изъ всего, что раскрылось намъ.

Мудрый будетъ содѣйствовать своей мудростью, дѣятельный своей дѣятельностью, поклоняющійся въ любви своей любовью и всѣ онѣ сольются вмѣстѣ и составятъ одно совершенное тѣло Бога.

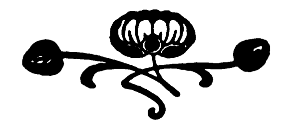
Когда вселенная исполнитъ свое назначеніе и настанетъ День отдыха, тогда слава Его Тѣла будетъ сіять въ разнообразіи всѣхъ темпераментовъ, всѣхъ дѣятельностей, всѣхъ мыслей и всѣхъ желаній, иначе говоря — всѣхъ клѣтокъ и всѣхъ тканей, изъ которыхъ строится это Божественное Тѣло.

И мы увидимъ тогда, что изъ этой совершенной вселенной, изъ этого Тѣла свѣта, возстанетъ Логосъ другой вселенной, а мы, части Его Тѣла, будемъ работать съ Нимъ въ этой новой вселенной, и работать съ большимъ совершенствомъ, чѣмъ мы работали здѣсь.



Такъ развертывается жизнь изъ вѣка въ вѣкъ, изъ вселенной въ вселенную, и гдѣ же—спрошу я снова—поводъ для скорби, куда исчезли всѣ иллюзіи, разъ мы увидѣли Единство всего?

Пер. съ англ. Е. П.



Эволюція влечетъ за собой не столько измѣненія во мнѣніяхъ, сколько коренную перемѣну въ понятіи человѣка о мірѣ и жизни.

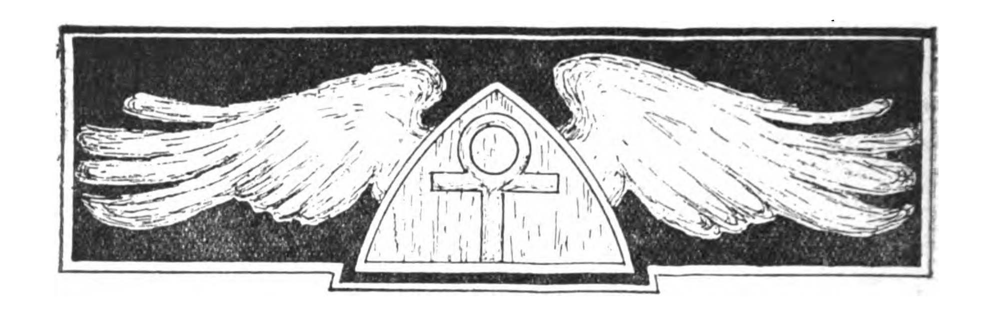
Для богослова было бы такой же большой ошибкой отдѣлять корабль отъ пассажировъ, какъ для натуралиста—отдѣлять пассажировъ отъ корабля.

Теоріи развитія всего болѣе долженъ бояться именно тотъ, кто не можетъ включить человѣка въ звенья эволюціи.

Нѣтъ воспроизведенія въ растеніи, животномъ или человѣкѣ, которое не заключало бы въ себѣ самопожертвованія. Наблюдайте цвѣтокъ и вы увидите чудо: вмѣсто того, что бы бороться за жизнь, онъ отдаетъ свою жизнь. Дерево еще живетъ, листья свѣжи и зелены, но эта жизнь въ жизни умерла. А почему? Потому что въ этой смерти заключена жизнь.

Изреч. изъ книгъ Дрюмонда.





Мистеріи Адониса.

Чаруя миѳомъ, влечетъ насъ мудрость.
Пиндаръ Н. VII. 33.

Многоименный богъ *Адонисъ* [1])—особенно любимъ въ древности. Надъ нимъ ореолъ несправедливыхъ страданій, трагической смерти и торжествующаго воскресенья. *Адоніи*—мистеріи Адониса похожи на всѣ древнія мистеріи [2]) Божество умираетъ. Его оплакиваютъ и хоронятъ. Божество воскресаетъ.

Мать Адониса, ассирійская царевна Мирра, или Смирна, зарождаетъ его отъ отца своего Тея. Этотъ древній мотивъ кровосмѣшенія, происходящій отъ Атлантовъ, встрѣчается въ мистеріяхъ Пеласговъ, Египтянъ и Индусовъ.

Мирра, превращенная въ дерево, дающее ароматъ мирру, черезъ десять мѣсяцевъ рождаетъ Адониса.

Афродита, пораженная его красотой, похищаетъ младенца и заключаетъ его въ *ларецъ* (γάρναξ).

Ларецъ, кладезь, или ковчегъ—играетъ большую роль въ мистеріяхъ.

Это символъ матеріи, заключающей искру жизни, или плоти, облекающей душу. Въ другомъ аспектѣ—это хранилище

---

[1]) *Адонисъ*—значитъ Господь на еврейскомъ языкѣ (Іосифъ). Адонисъ—Господь у Финикіянъ, такъ призываютъ Таммуца... Адонисъ—Господь у Лаконцевъ (Гезихій). Адонаи—арабы называютъ солнце (Страбонъ).

[2]) *Мистеріи*: Египетскія—*Озириса*, Самоѳракійскія—*Кабира*, Орфическія—*Діониса*, Финикійскія—*Таммуца*, Фригійскія—*Аттиса*, Элевсинскія—*Персефоны*.

священныхъ книгъ и предметовъ. Выраженіе „кладезь премудрости“ должно происходить отъ греческихъ мистерій. Ларецъ часто изображался на предметахъ, относящихся къ мистеріямъ [1]).

Афродита даетъ спрятать ларецъ съ младенцемъ—Персефонѣ.

Но возвратить его—Персефона не хочетъ. Богини идутъ на судъ къ Зевсу. Зевсъ присуждаетъ раздѣлить годъ на три части. Первую часть года Адонисъ долженъ быть съ Афродитой, вторую съ Персефоной, третью—съ кѣмъ онъ хочетъ, но Адонисъ и третью часть отдалъ Афродитѣ.

Споръ Афродиты съ Персефоной изображался на мистическихъ рисункахъ. Богини стоятъ по сторонамъ Зевса, внизу ларецъ или Адонисъ на погребальномъ ложѣ. Афродита плачетъ, Прозерпина держитъ миртовую вѣтку. (Ваза въ Неаполѣ и этрусское зеркало). Идея эта и композиція напоминаетъ знаменитый судъ Соломона. Олицетворенія любви и мрака, жизни и смерти—борятся за обладаніе младенцемъ. Имя Адониса связано и съ исторіей Соломона. Адоній—четвертый сынъ Давида. „*Онъ былъ очень красивъ*“. Онъ хотѣлъ быть наслѣдникомъ Давида, но младшій братъ Соломонъ сталъ царемъ *и убилъ Адонія*. (III кн. царствъ I.). Въ Библіи встрѣчаются еще имена Адонхирама и Адониседека, близкія къ имени Адониса.

Миѳъ о соперничествѣ богинь излюбленъ тѣми, кто считаетъ Адониса солнечнымъ героемъ (Гигинъ. Астрономія II. 7). Но какъ болѣе сложный и философскій, онъ не такъ популяренъ, какъ миѳъ о любви Афродиты и Адониса. Въ Эрмитажѣ есть ваза съ ихъ изображеніемъ. Афродита и Адонисъ окружены дѣвушками, которыя ихъ одѣваютъ и приготовляютъ имъ драгоцѣнности и ароматы.

Этотъ же мотивъ богато и таинственно разработанъ на помпейской фрескѣ. Адонисъ изображенъ въ муже-женской формѣ, а Афродита, какъ Восточная Астарта, съ бородою [2]).

Въ Орфическомъ гимнѣ (56) говорится о двуполости Адониса, также какъ Діониса (42), Селены (9), Природы (10), Паллады (32) и Артемиды (36).

На этрусскихъ зеркалахъ любовь Афродиты и Адониса изображается въ еще болѣе мистической обстановкѣ.

---

[1]) *Gerhard*: Vases grecs, relatifs aux mystéres. 1839. Etrusc. Spiegel. 1848

[2]) *Raoue-Rochette*. Peintures de Pompée. 1844.



Рядомъ съ ними—лебеди, символически свидѣтельствующіе о посвященіи, внизу—пантеры, вокругъ—летятъ космическіе геніи-гермафродиты съ мистическими повязками въ рукахъ и вѣтвями. Иногда, рядомъ *Судьба*—женщина въ богатой одеждѣ съ чернильницей и стилосомъ—записываетъ на дощечкѣ. Таинственное существо съ *приборомъ для писанія* является какъ бы олицетвореніемъ Кармы. Пророкъ Іезекіилъ описываетъ видѣніе (IX. 3): „И призвалъ Онъ человѣка, одѣтаго въ льняную одежду, у котораго *при поясѣ приборъ писца*. И сказалъ ему Господь: пройди посреди Іерусалима, и на челахъ людей... сдѣлай знакъ. А тѣмъ сказалъ: идите за нимъ и поражайте... старика, юношу, и дѣвицу, *и младенца* и женъ бейте до смерти, но нетроньте ни одного человѣка, *на которомъ знакъ*"...

Иногда на этрусскихъ зеркалахъ, рядомъ съ Афродитой и Адонисомъ изображается Аполлонъ или Орфей съ семиструнной лирой.

Надъ Адонисомъ надпись: ZINYTA—что значитъ Атунисъ, если читать справа налѣво, какъ читаются архаическія латинскія надписи. Такимъ же образомъ надъ Афродитой написано Туранъ, какъ она называлась по этрусски. Она въ богатомъ платьѣ, въ сандаліяхъ, съ повязкой на головѣ, съ ожерельемъ, серьгами и браслетомъ въ видѣ змѣи. Въ рукѣ ея иногда гранатъ или яблоко. Иногда, въ ихъ ногахъ, крылатый, змѣеногій геній въ родѣ пиѳона. Часто съ ними изображены плоды, символическія растенія, рыбы, птицы, животныя и мистическіе предметы.

Интересно изображеніе Атуниса въ видѣ крылатаго ребенка, въ родѣ Эрота.

Какъ мать Эрота, Афродита изображается въ видѣ матери Атуниса. Она привлекаетъ его лѣвой рукой, а правой протягиваетъ ему голубя. Здѣсь звучитъ древній таинственный мотивъ *матери—супруги*, встрѣчаемый во всѣхъ мистеріяхъ [1]).

У кресла Афродиты—символическій ларецъ, сбоку виситъ *зеркало*. Въ орфическихъ мистеріяхъ зеркало было символомъ творенія иллюзій. Діонисъ засмотрѣлся въ зеркало, когда напали Титаны разъединенія и разорвали божественное тѣло. На другомъ рисункѣ—загадочная сцена напоминаетъ сцену посвященія. Юный Атунисъ сидитъ, какъ сидитъ новопосвящаемый на

---

[1]) *Изида*—мать и супруга Озириса, *Персефона*—Діониса, *Кибела*—Аттиса, *Кабирія*—Кабира, *Астарта*—Таммуца.



тронѣ. Въ лѣвой рукѣ его посохъ или копье, правую онъ сакраментально поднимаетъ, какъ бы произнося священную клятву. Надъ нимъ виситъ ларецъ. Афродита стоитъ и протягиваетъ Атунису вѣнокъ и миртовую вѣтвь. *Копье* было въ самоѳракійскихъ мистеріяхъ символомъ посвященія. *Вѣнокъ* во всѣхъ мистеріяхъ былъ аттрибутомъ посвященныхъ. *Миртовая вѣтвь* или вообще вѣтвь была эмблемой воскресенія.

Почти всѣ эти этрусскія бронзовыя зеркала находятся въ Парижѣ, въ Луврѣ, въ отдѣленіи античной бронзы.

Смерть Адониса постигаетъ на охотѣ. Раненый кабаномъ, Адонисъ переходитъ въ царство Персефоны. Для солнечнаго бога характерна смерть отъ кабана, чернаго, дикаго звѣря, символа мрака. *Кабанъ*—символъ зимы, говоритъ Макробій (Сат. I. 21), который, какъ и астрономъ Гигинъ, считаетъ Адониса олицетвореніемъ плодоносной силы природы, Весны и Солнца. Мотивъ пораненія кабаномъ бога Свѣта повторяется на Востокѣ и въ Скандинавіи [1]).

Въ Помпеяхъ есть картина смерти Адониса въ объятіяхъ Афродиты. Фигуры больше человѣческаго роста, изящество позы и роскошь красокъ, декоративность обстановки—какъ бы указываютъ на исключительно живописную цѣль художника. Но детали намекаютъ на мистерію. На деревьяхъ мистическія повязки и яблоки или гранаты.

Внизу собака Адониса въ ошейникѣ съ желѣзными остріями, расположенными въ видѣ лучей вокругъ. Одинъ археологъ думаетъ, что острія показываютъ, будто это астрономическій Сиріусъ.

Другой ученый замѣчаетъ, что Адонисъ, умирающій на колѣняхъ Афродиты, является моделью для христіанскаго искусства, прообразомъ тѣла Христа на колѣняхъ Маріи, какъ изображается въ католическихъ Pieta.

На другой помпейской фрескѣ, Адонисъ—представленъ въ видѣ солнечнаго героя. Онъ сидитъ на ступени въ родѣ пирамиды. Онъ въ пышной восточной хламидѣ, надъ нимъ лучистый ореолъ, въ его лѣвой рукѣ *два копья*, какъ у посвященныхъ.

Древніе отмѣчали поразительныя совпаденія въ культѣ

---

[1]) *Creüzer*. Symbolik. 1819 г.: Bei den Siamesen ist es ein Riese in den *Eber* verwandelt, der den *Tagesgott* Sommona—Coden tödtet. Die Scandinawische Sage lässt den *Othin* dûrch einen *Eber* verwûnden.



Адониса и Озириса. Такъ они говорятъ: „Александрійцы поклонялись Озирису и Адонису въ одномъ изображеніи [1])...

Адонисъ, которому "поклоняются финикійцы и кипріоты— Египетскій богъ [2])"...

Мы не знаемъ подробностей мистерій Адониса. Но часть обрядовъ, наиболѣе простая и доступная сохранилась.

Это—обрядъ плача по Адонису. Еще Іезекіилъ отмѣчаетъ: „Онъ повелъ меня къ вратамъ Дома Господня, что стоитъ къ сѣверу; и тамъ сидѣли женщины, которыя *плакали по Таммуцѣ* (VIII. 14).

Ѳеокритъ описываетъ выставленіе тѣла Адониса въ Египтѣ, въ Александріи (Идиллія XV):

> „Самъ то какъ красиво лежитъ на серебряномъ ложѣ—первый пушокъ съ висковъ его ниспадаетъ—трижды любимый Адонъ, и за Ахеронтомъ любимый...
>
> Рядомъ лежатъ плоды (яблоки или гранаты), рядомъ и нѣжные сады, посаженные въ серебряныхъ корзиночкахъ...

Эти корзиночки съ землей, въ которой быстро всходили посѣянныя травы и цвѣты, назывались *сады Адониса.*

Выраженіе „сады Адониса" было символомъ всего нѣжнаго, прекраснаго, но эфемернаго, кратковременнаго, какъ сама жизнь Адониса.

Есть рисунокъ, поясняющій подобныя приношенія—Афродита стоитъ на лѣсенкѣ—*лѣстница* также мистическій символъ на памятникахъ посвященій—рядомъ съ лѣсенкой Эротъ. Они устраиваютъ „сады Адониса", что видно по сосудомъ на рисункѣ, съ показывающимися изъ нихъ ростками [3]).

Къ тѣлу Адониса принесены—

„золотые алабастры съ Сирійскимъ мирромъ".

Такой же *алабастръ съ мирромъ* принесла женщина въ домъ Симона, чтобы возлить драгоцѣнные ароматы Ему на голову. „Она помазала Тѣло Мое къ погребенію". (Маркъ 14. 8. Матѳей 26. 12).

Полно значенія это совпаденіе не только понятій, но даже *словъ* для выраженія „алабастръ съ мирромъ" при погребеніи— у Ѳеокрита и въ Евангеліи.

---

1) *Дамасцій* у Свиды въ Ἡραίσκος.

2) *Стефанъ Византійскій:* Ἀμαθοῦς.

3) *Fröhner.* Griech. Vase in Karlsrûhe.

Къ тѣлу Адониса принесены и разныя печенья.

„Къ бѣлой пшеничной мукѣ примѣшаны цвѣточные соки; пеклись они въ маслѣ и медѣ, сдѣланнные *ввидѣ птицъ и животныхъ*".

Воспоминаніемъ объ этихъ приношеніяхъ являются и наши булочки—жаворонки передъ Страстной Недѣлей.

Надъ Адонисомъ свѣшиваются зеленыя гирлянды „нѣжнаго укропа". *Укропъ*—священное растеніе, играетъ роль въ самоѳракійскихъ мистеріяхъ, какъ, повидимому, и въ мистеріяхъ Адониса. Надъ этимъ зеленымъ сводомъ, какъ бы летящія, фигуры „мальчиковъ Эротовъ". Серебряное ложе Адониса отдѣлано золотомъ, чернымъ деревомъ и фигурами изъ слоновой кости, изображающими орловъ, которые уносятъ Ганимеда.

Надъ драгоцѣннымъ погребальнымъ ложемъ, пурпурный балдахинъ „нѣжнѣе сна", по выраженію Ѳеокрита.

На утро—похороны Адониса.

„На зарѣ, съ росою", въ погребальной процессіи, женщины несутъ его статую изъ воска или терракоты: „адоніонъ".

Видомъ своимъ женщины выражаютъ трауръ. Ихъ волосы распущены, платья безъ пояса, свѣшиваются безпорядочно „до пятъ". Женщины плачутъ, ударяютъ въ грудь руками, и подъ звуки жалостной финикійской „гингры"—флейты, поютъ похоронные гимны „адонидіи".

Процессія движется по улицамъ Аѳинъ или Александріи, или другого города, къ берегу моря, гдѣ Адониса хоронятъ, будто бросаютъ въ волны Ахеронта.

Дальнѣйшихъ таинствъ мы не знаемъ. Но заключаются мистеріи торжествующимъ возгласомъ: „Адонисъ живъ! Онъ вознесся [1])!"

Объ этомъ свидѣтельствуютъ и Отцы Церкви: „Справляютъ ежегодно его праздникъ, въ которомъ восхваляютъ его и провозглашаютъ воскресшимъ—reviviscens [2]).

Афродита—„восходитъ отъ Аида и находитъ того, кто называется искомымъ"—Адониса [3]).

Исканіе—это символическое выраженіе и часть обрядовъ въ мистеріяхъ. Изида *ищетъ* разсѣянные останки Озириса; Деметра

---

[1]) *Лукіанъ*. О Сирійской богинѣ 6.

[2]) *Кириллъ* ad Jesai 18. 12.

[3]) *Іеронимъ* ad Esechiel VIII.

ищетъ похищенную Плутономъ, Персефону; Психея *ищетъ* утраченнаго Эрота; Афродита *ищетъ* похищеннаго Персефоной, Адониса.

„Исканіе—это первый періодъ праздника Адоній, который длился семь дней на Востокѣ" говоритъ Амміанъ Марцелинъ (20). Востокъ, Египетъ, Греція и Римъ—всѣ поклонялись Адонису.

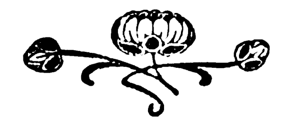
Но и во время христіанства не исчезли традиціи его мистерій. На протяженіи многихъ вѣковъ, имя Адониса имѣетъ таинственное значеніе. Воскресла древнѣйшая связь имени Адонія съ Соломономъ. Братства, связывавшія себя съ происхожденіемъ отъ храма Соломона, передавали посвящаемымъ исторію символическаго убійства Соломономъ своего старшаго брата Адонія.

Адоній, котораго стали называть и Адонхирамомъ, былъ символически убитъ тремя ударами у храма. Послѣ его исчезновенія—было *исканіе*. На гробницу былъ Соломономъ положенъ треугольникъ. Онъ означалъ: кто желаетъ найти, долженъ обладать тремя столпами—мудростью (Соломонъ), силой (Хирамъ) и *красотой* (Адоній).

Среди эмблемъ позднѣйшихъ орденовъ есть эмблемы мистерій Адониса: *ларецъ* или ковчегъ, въ которомъ хранились скрижали, жезлъ и другіе мистическіе предметы, и *миртовая вѣтвь*, замѣняемая иногда вѣтвью акаціи [1]).

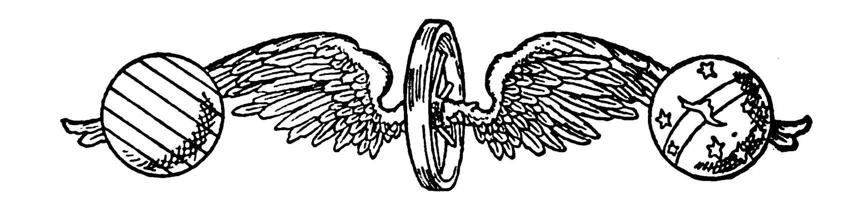
Какъ символы самоѳракійскихъ мистерій (копье, чаша, пятиконечная звѣзда, треугольникъ, молотъ, передникъ, факелъ) сохранились въ средневѣковой Европѣ, такъ продолжаются и традиціи мистерій Адониса.

Н. Павлинова.



[1]) *Les Adonhiramites.* Recueil précieux. Анонимная книга, изданная въ Филадельфіи 1787 г.





Орфическіе гимны.

XXXVII. **Титанамъ** (возжиганія ладана).

Свѣтлые дѣти Урана и Геи, Титаны,
Вы на землѣ прародители прадѣдовъ нашихъ,
Въ глуби подземной, въ домахъ тартарійскихъ живете,
Многострадальныхъ всѣхъ смертныхъ начало, источникъ,
Рыбъ, также птицъ, и звѣрей, населяющихъ землю;
Движется все, порожденное въ космосѣ вами.
Васъ призываю, вы тягостный гнѣвъ отгоните,
Если бъ онъ къ предковъ подземнымъ домамъ приближался.

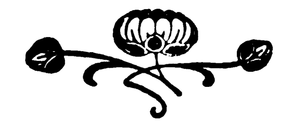
XXXVIII. **Куретамъ** (возжиганія ладана).

О мѣднозвонные, Куреты, владѣльцы орудій Ареса,
Многосчастливые, земные, небесные, также морскіе,
Жизнеродители, *спасители космоса*, яркіе духи,
На Самоѳракіи священной землѣ, среди волнъ вы живете,
Въ морѣ блуждающихъ вы смертныхъ спасаете въ буряхъ опасныхъ,
Также *вы первые для смертныхъ мистеріи установили*,
О вы безсмертные, Куреты, владѣльцы орудій Ареса;
Движете Океанъ, соленое море, и даже деревья.
Пусть зазвучитъ земля отъ ногъ вашихъ легкихъ, отъ блеска оружій.
Прячутся звѣри всѣ, и грохотъ и шумъ подымается къ небу,
Вы приближаетесь и бѣгъ вашъ извилистый пыль подымаетъ,



Вверхъ, къ облакамъ самимъ; на вашемъ пути всѣ цвѣты расцвѣтаютъ.
Демоны вѣчные, питатели вы, разрушители міра,
Жизнь и добро людей вы губите въ гнѣвѣ стремительномъ вашемъ;
Моря великій стонъ вдругъ слышится глухо изъ бездны глубокой
Вырваны изъ земли высоковершинныя съ корнемъ деревья;
Шумъ до небесъ дошелъ отъ свиста волнуемыхъ листьевъ древесныхъ.
О многовластные, Куреты, цари, Корибанты, владыки,
На Самоѳракіи царите совмѣстно съ сынами Зевеса,
Душепитатели, вы вѣчные духи, воздушные видомъ;
Благодыханные, небесные вы близнецы на Олимпѣ
О благосклонные, спасители, добрые вы плодоносцы,
Года временъ цари, владыки, попутный намъ вѣтеръ пошлите.

Пер. съ греч. Н. Павлиновой.

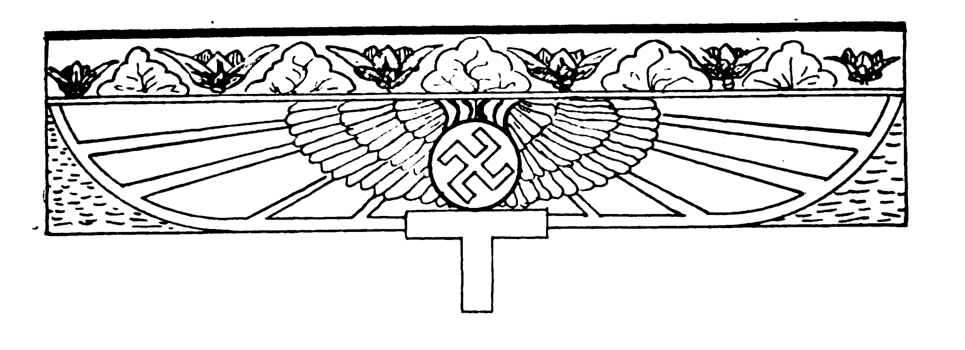


Совершенно несомнѣнно, что изъ всѣхъ вещей, способствующихъ благосостоянію и благу человѣка, изъ всего, что даетъ жизни красоту, радость и цѣну, наибольшую часть доставила намъ борьба за жизнь другихъ.

Симпатія, нѣжность, отсутствіе себялюбія и длинный перечень добродѣтелей, берущихъ свое начало изъ альтруизма, являются прямымъ слѣдствіемъ и естественной принадлежностью акта рожденія.

Человѣкъ не есть только тѣло или умъ. Храмъ ожидаетъ еще своего послѣдняго жителя—высшую человѣческую душу.

Изреч. изъ книгъ Г. Дрюмонда.



Сосредоточенiе.

Практическiй курсъ ***Э. Вудъ.***

Глава I.

Успѣхъ въ жизни.

Желаете вы имѣть успѣхъ въ жизни? Хотите вы принять мѣры, чтобы обезпечить за собой этотъ успѣхъ? Хотите вы сдѣлать выборъ и сказать себѣ: я хочу быть богатымъ; я хочу быть знаменитымъ; я хочу быть добродѣтельнымъ? Дайте своему воображенiю безпрепятственно вращаться вокругъ избранной мысли и слѣдите, какъ эта воздушная надежда будетъ постепенно превращаться въ реальную возможность. Дайте свободный взмахъ своей фантазiи, потому что прекраснѣе всякой картины, нарисованной воображенiемъ, будетъ то будущее на которое имѣетъ право человѣкъ съ сильной волей. Нарисовавъ въ своемъ воображенiи то, что вы избрали, скажите себѣ: ***я хочу.*** И нѣтъ ничего ни на землѣ, ни на небѣ, ни въ водахъ и подъ землею, что могло бы надолго воспрепятствовать вамъ; ибо вы безсмертны и все будущее послушно вамъ.

Вы, можетъ быть, скажете, что смерть преградитъ вамъ путь? ***Этого не будетъ.*** Вы скажете, что бѣдность, или болѣзнь, или друзья могутъ стать для васъ помѣхой! ***Этого не будетъ.*** Необходимо только сдѣлать выборъ и затѣмъ уже никогда больше не ***желать*** ничего. Вы должны не желать, а говорить: ***я хочу***, и дѣйствительно хотѣть, постоянно въ мысляхъ и въ дѣйствiяхъ, а не на однихъ только словахъ. И съ этихъ поръ

никогда ни на минуту не должны вы измѣнять, своей цѣли, направляя по тому же пути все, съ чѣмъ вы будете соприкасаться отнынѣ. И тогда, если только избранная цѣль не является вредной, она будетъ достигнута вами въ недалекомъ будущемъ.

Вы говорите о ничтожествѣ человѣка, затеряннаго въ изгибахъ огромной матери земли, которая сама въ свою очередь лишь пылинка среди безконечнаго пространства? *Это не такъ.* Вы говорите о слабости и усталости, о безуміи, о наслажденіяхъ и случайностяхъ жизни—какъ они ограничиваютъ и тѣснятъ маленькаго человѣка. *Это не такъ.* Тѣло лишь одежда, а чувства лишь отверстіе въ тѣлесномъ покровѣ, и когда тѣло спокойно, а чувства послушны, умъ же созерцаетъ ваши безсмертныя возможности,—тогда внутри васъ открывается окно и черезъ него вы *видите* и знаете, что вы можете стать лишь тѣмъ, чѣмъ сами вы захотите быть, и ничѣмъ инымъ.

Подобно крохотному зерну, зарытому въ землѣ, которое, прорываясь, выпускаетъ нѣжный ростокъ, пробивающійся сквозь землю, чтобы выйти на просторъ наружнаго воздуха, подобно тому, какъ оно превращается въ могучій дубъ, засѣвающій землю своими отпрысками, или подобпо большому банану, произошедшему отъ маленькаго сѣмени и разстилающему свои вѣтви на безпредѣльное пространство, чтобы дать благосостояніе и пріютъ тысячамъ существъ,—такъ и вы выбросьте изъ себя отнынѣ первый нѣжный, но опредѣленный ростокъ воли и выберите, **чѣмъ** именно вы желаете быть.

Что изберете вы? Хотите могущества? Въ такомъ случаѣ пусть у другихъ будетъ большая свобода и большая сила, потому что вы хотите того для себя. Хотите знанія? Тогда пусть другіе станутъ мудрѣе, потому что вы избрали мудрость. Хотите любви? Тогда дайте другимъ наслаждаться любовью, разъ вы сами можете такъ много дать. Такимъ образомъ ваша воля будетъ въ согласіи съ Великой Волей и съ Великимъ Закономъ и жизнь ваша будетъ едина съ Великой Жизнью, безъ чего невозможенъ прочный успѣхъ.

Каковы будутъ ваши средства? Все, что попадется на вашемъ пути, и малое и великое; ибо нѣтъ ничего, чего бы нельзя было примѣнить для достиженія вашей цѣли. Но еще разъ, пусть всѣ люди и всѣ предметы, которые будутъ служить вамъ, извлекутъ благо изъ этого служенія. Такимъ образомъ ваша удача станетъ и ихъ удачей и Великій Законъ будетъ соблюденъ.

Но что бы ни избрали вы, одно необходимо всюду и всегда—это *сосредоточеніе* намѣренія, мысли, чувства, и дѣйствія, чтобы, подобно могучему магниту, сосредоточеніе это могло поляризовать все, что будетъ встрѣчаться на вашемъ пути. Во всѣхъ задачахъ жизни это необходимо для удачи. Всѣ люди которые успѣвали въ дѣлахъ, въ общественной или политической жизни, въ искусствѣ, въ наукѣ и философіи, въ могуществѣ и добродѣтели,—всѣ они отличались неуклоннымъ постоянствомъ цѣли и властью надъ своей мыслью, хотя многіе изъ нихъ и пренебрегали Великимъ Закономъ. Не было ли этого всегда прежде, не повторяется ли тоже самое и теперь, и не будетъ ли того же въ будущемъ, что, насколько прогрессъ человѣка зависитъ отъ него самого, онъ достигается не иначе какъ систематической и устойчивой дѣятельностью, контролемъ надъ желаніями и сосредоточеніемъ мысли, безъ чего прогрессъ не достижимъ? Перечитайте біографіи и философію значительныхъ людей всѣхъ типовъ, и вы найдете у всѣхъ нихъ тотъ же фактъ на лицо. Эпикуреецъ древнихъ временъ сосредоточивалъ свою мысль на настоящемъ и старался жить въ гармоніи съ естественными законами. Онъ не позволялъ своему уму останавливаться съ сожалѣніемъ на чемъ либо прошедшемъ, или опасаться за будущее. Стоикъ сосредоточивалъ свое вниманіе на предметахъ въ сферѣ его вліянія, отказываясь отвлекать себя чѣмъ бы то ни было выходящимъ изъ предѣла его власти и цѣли, и даромъ растрачивать мысли и чувства свои. Платоникъ стремился сосредоточить свой умъ на благоговѣйномъ изслѣдованіи тайнъ жизни. Патанджали, великій учитель Индусской Іоги, удостовѣряетъ, что человѣкъ можетъ достигнуть своего истиннаго состоянія единственно благодаря успѣшному упражненію въ полной власти надъ своимъ умомъ. Набожный подвижникъ, наполняя свою жизнь и все свое окружающее обрядами и символами и постоянно повторяя мысленно имена Бога, стремится вызвать въ своей душѣ все болѣе сильныя набожныя чувства. Человѣкъ, успѣвающій въ наукахъ, настолько сосредоточенъ на своей цѣли, что онъ черпаетъ знаніе изъ самыхъ ничтожныхъ предметовъ, попадающихся на его пути. Такова сила мысли, что съ ея помощью всѣ вещи могутъ быть, направлены къ намѣченной цѣли, и такова власть человѣка, что онъ самую силу мысли можетъ подчинить своей волѣ.

Развѣ мы не знаемъ, что нерѣшительность, волненіе, безпокойство и суета порождаютъ физическое страданіе, слабость



разстройство пищеваренія и безсонницу? Даже въ этихъ мелкихъ обстоятельствахъ регулярное упражненіе въ контролѣ надъ умомъ, въ своей простѣйшей формѣ, вліяютъ подобно магическому исцѣленію. Это лучшій способъ избавиться отъ зависти, ревности, досады, недовольства, заблужденія, самообмана, гордости, злобы и страха. Безъ контроля ума невозможно браться за построеніе характера, съ нимъ же успѣхъ обезпеченъ. Удачное изученіе чего бы то ни было, зависитъ отъ умственнаго сосредоточенія, и постоянное упражненіе въ такомъ сосредоточеніи на много увеличиваетъ воспроизводительныя способности памяти.

Госпожа Безантъ описываетъ большія усилія и достигаемые успѣхи сосредоточенія мысли въ такихъ словахъ:

„Упражняющійся долженъ начать съ большой воздер-„жанности во всемъ и стремиться сохранять ровное и свѣт-„лое настроеніе ума; его жизнь должна быть чиста и мысли „цѣломудренны, его тѣло должно быть въ полномъ подчи-„неніи у души, а умъ долженъ сосредоточиваться на бла-„городныхъ и возвышенныхъ предметахъ; онъ долженъ „проявлять состраданіе, симпатію, готовность помогать дру-„гимъ и въ тоже время быть равнодушнымъ къ личнымъ „непріятностямъ и затрудненіямъ, онъ долженъ развивать „въ себѣ мужество, устойчивость и благоговѣніе. Добив-„шись помощью послѣдовательныхъ упражненій нѣкотораго „контроля надъ своимъ умомъ, такъ, чтобы онъ могъ на-„правляться въ теченіе нѣкотораго времени по опредѣлен-„ной линіи мышленія,—онъ долженъ затѣмъ приступить „къ болѣе строгой тренировкѣ ежедневнымъ упражненіемъ „въ сосредоточеніи надъ какой либо трудной или отвле-„ченной темой, или надъ возвышеннымъ объектомъ благо-„говѣйнаго почитанія. Это сосредоточеніе означаетъ непо-„колебимое устремленіе мысли на одну точку, не дающее „себя отвлекать ни внѣшнимъ предметамъ, ни чувствамъ, „ни самому уму. Умъ долженъ быть доведенъ до непоко-„лебимой устойчивости и спокойствія, пока онъ постепенно „не научится настолько отвлекать свое вниманіе отъ внѣш-„няго міра и отъ своего тѣла, чтобы чувства молчали и „въ то время, когда умъ будетъ готовъ направиться, со „всей силой своей энергіи, сосредоточенной внутри, на „опредѣленный центръ мысли, наивысшій, до котораго онъ „можетъ подняться. Когда умъ можетъ держаться такимъ

„образомъ сравнительно свободно, тогда онъ готовъ для „дальнѣйшаго шага, сильнымъ и въ тоже время спокой„нымъ напряженіемъ воли онъ можетъ подняться надъ „наивысшей мыслью, доступной физическому уму, и въ „этомъ усиліи онъ можетъ слиться съ высшимъ сознаніемъ, „освободившись въ тоже время отъ физическаго тѣла“.

Объ этой высшей жизни за предѣлами мозга вы можете прочитать подробнѣе въ цѣнныхъ теософическихъ книгахъ г-жи Безантъ. Какимъ образомъ эта жизнь открываетъ передъ человѣкомъ безконечныя перспективы знанія и могущества, совершенно невообразимыя для ограниченныхъ представленій мозга. Если же вы будете достигать духовной жизни путемъ благоговѣйной любви, вы опять встрѣтитесь съ той же необходимостью сосредоточенія на одной цѣли. Въ одномъ древнемъ писаніи сказано, что набожный человѣкъ долженъ бы видѣть Бога во всемъ и все въ Богѣ. Что бы вы ни дѣлали, ѣдите ли вы, приносите ли жертву, даете ли что, или стремитесь къ чему—дѣлайте все какъ приношеніе ему. Только тотъ, кто достигъ сосредоточеніе, можетъ сдѣлать это. И когда, въ чемъ можетъ онъ еще нуждаться, разъ онъ всегда созерцаетъ лицо Отца своего? И для тѣхъ, кто стучится въ врата Святого Пути, мы находимъ въ недавно изданной книгѣ „У ногъ Учителя“ указаніе, что ищущій долженъ достигнуть сосредоточенія и контроля надъ умомъ.

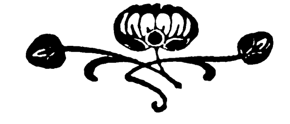
Существуютъ и другіе способы, помощью которыхъ достигается власть надъ умомъ. Духовная литература полна примѣровъ замѣчательнаго расширенія зрѣнія, достигнутаго путемъ экстаза. Индусскіе Іоги и факиры перечисляютъ восемь родовъ способностей и силъ, достижимыхъ помощью сосредоточенія, включая сюда возможность видѣть отсутствующихъ, прошлое и будущее, психическій телескопъ и микроскопъ, возможность странствовать невидимо въ астральномъ тѣлѣ и др. Какъ не удивительны эти явленія, и какъ не увлекательны ихъ изученіе и ведущія къ нимъ упражненія, но не менѣе интересно и дѣйствительно примѣненіе такого сосредоточенія и къ работѣ нашихъ нормальныхъ чувствъ, къ расширенію нашей силы и знанія въ обыденномъ мірѣ повседневной жизни.

Что же означаетъ эта сосредоточенность, и какъ надо намъ упражняться, чтобы достигнуть контроля надъ умомъ? Это не означаетъ суживанія, ограниченія или замыканія нашихъ мы-

слей и дѣйствій; это не означаетъ удаленія въ лѣсъ или въ пещеры; не означаетъ и потери человѣческихъ симпатій и интересовъ; не означаетъ и того, что источникъ жизни изсякъ въ нашихъ жилахъ подобно рѣкѣ во время лѣтней засухи въ пустынѣ. Такая сосредоточенность означаетъ, что вся наша жизнь вдохновилась единой цѣлью; она означаетъ усиленіе мысли, усиленіе дѣятельности, расширеніе симпатіи, потому что сосредоточенный человѣкъ стоитъ на стражѣ, не пропуская ни единаго случая послужить великой цѣли.

Пер. съ англ. Е. Дандре.

(Продолженіе слѣдуетъ).



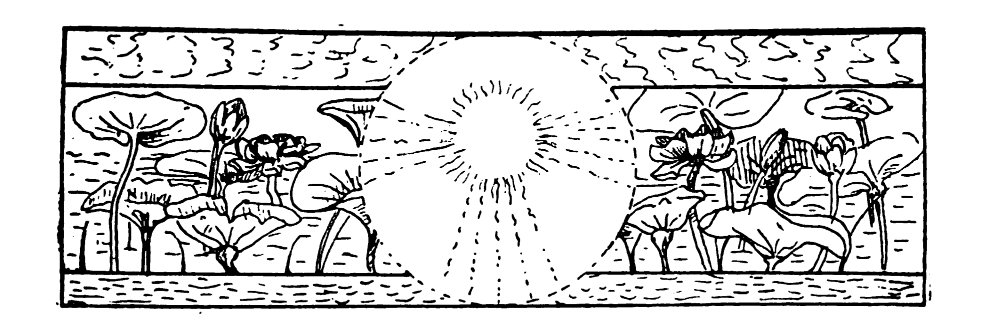
Стезя прогресса и стезя альтруизма одна и та же. Эволюція есть ничто иное, какъ эволюція любви, откровеніе безконечнаго Духа, вѣчная жизнь, возвращающаяся къ самой себѣ.

Любовь должна предшествовать знанію, ибо знаніе есть орудіе любви и оно безполезно, пока не пришла любовь.

Что всего болѣе поражаетъ при окидываніи мысленнымъ взоромъ эволюціи, это то, что движеніе идетъ въ направленіи къ тому, что можетъ быть названо только духовностью.

Изреч. изъ книгъ Г. Дрюмонда.





Письма живого усопшаго[1]).

Продолженіе.

Письмо XV.

Римская тога.

Особенно интереснымъ дѣлаетъ для меня эту страну отсутствіе условностей. Здѣсь нѣтъ двухъ людей, одѣтыхъ одинаково—или нѣтъ, это не совсѣмъ точно, но очень многіе одѣваются такъ необыкновенно, что ихъ наружный видъ придаетъ здѣшнему міру большое разнообразіе.

Моя собственная одежда похожа на ту, что я носилъ на землѣ, хотя разъ, въ видѣ опыта, остановившись мысленно на одной изъ моихъ прежнихъ жизней, я облекся въ одежду того времени.

Здѣсь ничего не стоитъ пріобрѣсти нужную одежду. Я не могу сказать, какимъ образомъ я пріобрѣлъ то, что меня облекало при переходѣ сюда; но когда я началъ обращать на эти вещи вниманіе, я увидалъ себя одѣтымъ такъ же, какъ и прежде.

Здѣсь много такихъ, которые носятъ костюмы древнихъ временъ. Но я не вывожу изъ этого, что они были всѣ эти истекшіе вѣка здѣсь.

Можетъ быть они носятъ такую одежду потому, что она нравится имъ.

---

[1]) См. „В. Т." № 1, 2, 3, 1915 г.

Какъ общее правило, большинство остается вблизи отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ они жили на землѣ; но я предпочелъ скитаться съ самаго начала. Я быстро передвигаюсь изъ одной страны въ другую. Одну ночь (у васъ это—день) я могу отдыхать въ Америкѣ, другую ночь—въ Парижѣ. Я нерѣдко отдыхалъ на диванѣ вашей гостиной, а вы не знали, что я былъ тамъ.

Хотя думаю, что вы навѣрно почувствовали былое присутствіе, если бы я оставался такъ же долго около васъ въ состояніи бодрствованія.

Но не подумайте изъ этого, что намъ необходимо прислоняться во время отдыха къ твердой матеріи вашего міра. Совсѣмъ нѣтъ. Мы можемъ отдыхать на тонкой субстанціи нашего собственнаго міра.

Однажды, послѣ моего переселенія сюда, я увидѣлъ женщину въ греческомъ костюмѣ и спросилъ откуда она достала его. Она сказала что сдѣлала его сама. На мой вопросъ—какъ? она отвѣтила.

„Я просто сдѣлала образецъ въ умѣ и онъ превратился въ мою одежду“.

„Какъ вы его скрѣпляли, стежками“?

„Но совсѣмъ не такъ, какъ это дѣлается на землѣ“.

Тогда я взглянулъ пристальнѣе на нее и увидѣлъ, что ея одежда состояла изъ однаго куска, подхваченнаго на плечахъ булавками съ разноцвѣтными камнями.

Послѣ этого я сталъ самъ пробовать и создавать вещи. Тогда-то мнѣ и пришла идея облечься въ римскую тогу, но я никакъ не могъ припомнить какой у нея видъ.

Когда вслѣдъ за тѣмъ я встрѣтилъ своего учителя и сказалъ ему о своемъ желаніи, онъ научилъ меня какъ создавать одежду по своему вкусу: нужно представить себѣ ясно образецъ одежды, сдѣлать его для себя видимымъ, а затѣмъ—силой желанія облечь тонкой субстанціей ментальнаго міра этотъ воображаемый образецъ. И тогда возникнетъ желаемая одежда.

„Въ такомъ случаѣ“, сказалъ я, „субстанція ментальнаго плана, какъ вы это называете, не та же самая, изъ какой состоитъ мое тѣло“.

„Въ конечномъ анализѣ“, отвѣтилъ онъ, „матерія одна и та же въ обоихъ мірахъ; но въ быстротѣ вибрацій и въ разрѣженности большая разница“.

Субстанція, изъ которой сдѣлана наша одежда, кажется

очень тонкой, тогда какъ тѣла наши представляются довольно плотными. Мы совсѣмъ не чувствуемъ себя прозрачными ангелами, сидящими на влажныхъ облакахъ. Если бы не быстрота, съ которой я переношусь черезъ пространства, я готовъ иногда думать, что мое тѣло такъ же плотно, какъ и прежде.

Я нерѣдко могу видѣть васъ и для меня *вы* кажетесь прозрачной. Я думаю, что это опять тотъ-же вопросъ о приспособленіи къ окружающей средѣ.

Въ началѣ мнѣ было трудно приспособлять количество энергіи, необходимой для каждаго опредѣленнаго дѣйствія. Такъ напримѣръ, когда я въ началѣ хотѣлъ подвинуться на короткое разстояніе—скажемъ на нѣсколько ярдовъ—я оказывался за цѣлую милю, до того мало усилія требуетъ здѣсь передвиженіе, но въ настоящее время я уже приспособился.

Я рѣшилъ запастись большимъ количествомъ энергіи для очень дѣятельной жизни на землѣ, когда я снова вернусь туда. Здѣсь же самая трудная задача, это—писать посредствомъ вашей руки; въ началѣ это брало всѣ мои силы, но теперь я чувствую все меньше сопротивленіе съ вашей стороны и мнѣ приходится употреблять все меньшее усиліе. И все же я не могъ бы писать безъ перерыва, не употребляя въ дѣло вашу жизненную силу, а этого я не хочу.

Вы, вѣроятно, замѣтили, что перестали утомляться послѣ писанія, какъ вначалѣ.

Но я заговорилъ объ отсутствіи условностей въ нашемъ мірѣ. Мы привѣтствуемъ другъ друга, но только когда хотимъ. Хотя я видѣлъ нѣсколько старыхъ женщинъ, которыя боялись говорить съ незнакомыми, но, вѣроятно, онѣ были очень не долго здѣсь и еще не отдѣлались отъ земныхъ привычекъ.

Письмо XVI.

Та вещь, которую нужно забыть.

Мнѣ хотѣлось бы сказать слово тѣмъ, кто приближается къ смерти. Мнѣ хотѣлось бы просить ихъ забыть какъ можно скорѣе о своихъ физическихъ тѣлахъ послѣ той перемѣны, которую они зовутъ смертью.

О, это ужасное любопытство, заставляющее смотрѣть на ту *вещь*, которую мы принимали когда-то за себя! Оно возвра-



щается отъ времени до времени съ такой силой, что заставляетъ насъ дѣйствовать какъ бы противъ воли и притягиваетъ насъ къ ней, къ этой вещи. Нѣкоторыми оно завладѣваетъ подобно страшной одержимости и они не могутъ освободиться отъ нея, пока остается малѣйшій остатокъ плоти на тѣхъ костяхъ, которыя служили для нихъ когда-то поддержкой.

Скажите имъ, чтобы они отбросили отъ себя всякую мысль о своемъ тѣлѣ и переходили бы свободными въ новую жизнь. Смотрѣть назадъ на прошлое бываетъ иногда очень полезно, но только не на эти разлагающіеся остатки прошлаго.

Видѣть въ гробу возможно потому, что тѣло, которое мы носимъ теперь, свѣтится въ темныхъ мѣстахъ и въ состояніи проникать черезъ плотную матерію. Я самъ это дѣлалъ, но рѣшилъ никогда не возвращаться и не смотрѣть на *это*.

Я не хочу потрясать или огорчать васъ—я хочу дать вамъ предупрежденіе. Это зрѣлище очень печальное и возможно, что отъ многихъ душъ, только что перешедшихъ сюда, оттого и вѣетъ такой печалью. Онѣ снова и снова возвращаются къ тому мѣсту, котораго они не должны бы посѣщать.

Нужно вамъ знать, что когда мы усиленно думаемъ о какомъ-нибудь мѣстѣ, мы немедленно переносимся туда. Наше здѣшнее тѣло такъ легко, что оно способно слѣдовать за мыслью почти безъ всякаго усилія. Скажите имъ, чтобы они не дѣлали этого.

Однажды, проходя по аллеѣ — ибо у насъ тоже есть деревья, — я встрѣтилъ высокую женщину въ длинной черной одеждѣ. Она плакала—ибо у насъ тоже есть слезы. Я спросилъ ее, о чемъ она плачетъ и она посмотрѣла на меня съ невыразимой печалью.

„Я сейчасъ смотрѣла на *это*",—сказала она.

Мое сердце болѣло за нее — я зналъ, *что* она чувствуетъ. Потрясеніе, которое испытываешь при первомъ посѣщеніи, повторяется снова и снова, ибо эта вещь становится все менѣе похожа на то, чѣмъ мы представляли себя при жизни.

Мнѣ часто хотѣлось, изъ чистаго научнаго интереса, спросить Ляйонеля не возвращался ли *онъ* къ своему тѣлу; но я не спросилъ, изъ боязни внушить ему эту идею. Онъ полонъ такой безпокойной любознательности. Очень возможно, что у тѣхъ, которые переходятъ сюда въ дѣтскомъ возрастѣ, меньше этого вреднаго влеченія, чѣмъ у насъ.

Намъ слѣдовало бы помнить во время земной жизни, что

эта наша внѣшняя форма вовсе не мы сами и тогда мы не придавали бы ей такого преувеличеннаго значенія.

Какъ общее правило, пробывшіе здѣсь очень долго — совсѣмъ не кажутся старыми. Я узналъ, отъ моего учителя, что послѣ нѣкотораго времени старый человѣкъ забываетъ, что онъ старъ; въ насъ заложена наклонность оставаться въ мысляхъ молодыми и это отражается на внѣшнемъ видѣ, такъ какъ здѣсь тѣла могутъ воспринимать именно ту форму, которая соотвѣтствуетъ нашимъ мыслямъ. Законъ ритма дѣйствуетъ здѣсь какъ и вездѣ; дѣти выростаютъ и могутъ даже достигнуть старости, если ихъ сознаніе ожидаетъ такую перемѣну; по большей части здѣсь встрѣчаются люди во цвѣтѣ лѣтъ, ибо существуетъ наклонность или достигать расцвѣта, или возвращаться къ нему, а затѣмъ удерживаться въ этомъ состояніи пока непреодолимое влеченіе къ землѣ не возникнетъ снова.

Большинство здѣшнихъ жителей не знаютъ, что они жили много разъ во плоти. Они вспоминаютъ свою послѣднюю жизнь болѣе или менѣе ясно, но все, что было раньше, кажется имъ подобнымъ сну. Слѣдуетъ всегда сохранять память прошлаго какъ можно яснѣе; это помогаетъ строить будущее.

Люди, которые представляютъ себѣ ушедшихъ своихъ друзей мудрыми и всезнающими, были бы очень разочарованы, если бы узнали, что въ дѣйствительности потусторонняя жизнь есть лишь продолженіе жизни на землѣ! Если земныя мысли и желанія направлялись къ однѣмъ матеріальнымъ радостямъ, онѣ по всѣмъ видимостямъ остаются такими же и здѣсь. Мнѣ встрѣчались настоящіе святые съ тѣхъ поръ, какъ я здѣсь; но они и въ земной своей жизни обладали высокими идеалами, здѣсь же они могутъ неограниченно жить этими идеалами. Жизнь за предѣлами смерти можетъ быть такъ свободна! Здѣсь нѣтъ той механической жизни, которая дѣлаетъ людей такими рабами на землѣ. Въ нашемъ мірѣ человѣка задерживаютъ только его мысли. Если онѣ свободны — свободенъ и онъ. Но здѣсь не много людей съ моимъ философскимъ складомъ. Здѣсь больше святыхъ, чѣмъ мыслителей, такъ какъ высочайшій идеалъ для большинства склонялъ ихъ скорѣе къ религіозной, чѣмъ къ философской жизни.

Мнѣ думается, что самый счастливый народъ изъ всѣхъ людей, которыхъ я здѣсь встрѣчалъ, это—живописцы. Субстанція здѣшняго міра такъ легка и пластична, что она необыкновенно легко складывается въ формы, творимыя воображеніемъ. Здѣсь



есть прекрасныя картины. Нѣкоторые изъ здѣшнихъ художниковъ стараются передать свои картины внутреннему зрѣнію земныхъ художниковъ и иногда это имъ удается; и тогда истинный творецъ радуется, когда его товарищъ на землѣ схватываетъ его идею и осуществляетъ ее на полотнѣ.

Не каждый способенъ видѣть ясно насколько вдохновленный имъ художникъ выразилъ его идею, ибо требуется спеціальный даръ или спеціальная подготовка, чтобы *видѣть* явленія изъ другого вида матеріи; но духъ вдохновителя улавливаетъ мысль въ сознаніи вдохновленнаго имъ художника и такимъ путемъ узнаетъ, насколько его идея осуществилась на землѣ.

Съ поэтами тоже самое. Здѣсь создаются прекрасныя поэмы и онѣ отпечатлѣваются въ мысляхъ земныхъ поэтовъ. Одинъ изъ здѣшнихъ поэтовъ сказалъ мнѣ, что́ это легче достигается съ короткими поэмами, чѣмъ съ эпосомъ и драмами, когда требуется продолжительное усиліе. Приблизительно тоже самое можно сказать и о музыкантахъ. Когда вы бываете въ концертахъ, гдѣ исполняется прекрасная музыка, тамъ вокругъ васъ навѣрно толпятся духи, любящіе музыку и упивающіеся музыкальными гармоніями. Земная музыка доставляетъ здѣсь много радости. Мы можемъ слышать ее. Но ни одинъ изъ здѣшнихъ любителей музыки не появится въ мѣстѣ, гдѣ барабанятъ и фальшивятъ. Мы предпочитаемъ струнные инструменты. Изъ всѣхъ земныхъ вліяній звуки достигаютъ легче всего въ эту область жизни. Скажите это музыкантамъ

Если бы они могли слышать *нашу* музыку! я не понималъ музыки на землѣ, но теперь мой слухъ приспособился. И мнѣ кажется что вы должны слышать нашу музыку такъ же, какъ мы вашу.

Вы, можетъ быть, интересуетесь знать, гдѣ я бываю. Я очень люблю одно прелестное мѣсто въ деревнѣ, на склонѣ горы, недалеко отъ моего собственнаго города. Тамъ вьется тропинка вокругъ холма и надъ самой дорогой стоитъ хижина. Иногда я остаюсь тамъ подолгу и слушаю журчанье ручья, сбѣгающаго съ горы; высокія стройныя деревья стали какъ братья для меня. Вначалѣ я неясно различаю физическія деревья; тогда я вхожу въ маленькую хижину и ложусь на деревянную скамью, прислоненную къ стѣнѣ. Я закрываю глаза и особымъ усиліемъ, или вѣрнѣе устремленіемъ, я дѣлаюсь способнымъ видѣть мое любимое мѣсто. Но нужно прибавить, что это происходитъ въ ночное время, когда мое тѣло излучаетъ свѣтъ. При яркомъ сол-

нечномъ освѣщеніи мы совсѣмъ не можемъ видѣть, нашъ свѣтъ угашается рѣзкимъ солнечнымъ свѣтомъ.

Однажды я взялъ Ляйонеля съ собой и оставилъ его въ хижинѣ, а самъ удалился на нѣкоторое разстояніе. Взглянувъ на хижину, я увидалъ что вся она свѣтится необыкновенно красивымъ сіяніемъ—сіяніемъ самого Ляйонеля. Маленькое строеніе съ остроконечной крышей имѣло видъ жемчужины, освѣщенной изнутри. Это было очень красиво.

Послѣ этого я пошелъ къ Ляйонелю и сказалъ ему, чтобы онъ въ свою очередь отошелъ въ сторону, а я занялъ его мѣсто въ хижинѣ. Меня интересовало, увидитъ ли онъ тоже самое. Когда онъ вернулся ко мнѣ, я спросилъ его, что онъ видѣлъ; онъ воскликнулъ:

„Какой вы удивительный человѣкъ, отецъ! Какъ это вы сдѣлали, что вся хижина свѣтилась?“.

Тогда я убѣдился, что и онъ видѣлъ тоже самое, что видѣлъ я.

Но сейчасъ я усталъ и пожелаю вамъ доброй ночи и пріятныхъ сновидѣній.

Письмо XVII.

Вторая жена.

Меня часто призываютъ, чтобы рѣшать различныя затрудненія. Многіе меня называютъ просто „судья“, но обыкновенно каждый сохраняетъ то имя, которое онъ носилъ на землѣ.

Мужчины и женщины приходятъ ко мнѣ, чтобы я рѣшилъ для нихъ нѣкоторыя недоумѣнія, касающіяся этики и другихъ вопросовъ; приходятъ даже по случаю ссоръ. Вы, вѣроятно, думали, что здѣсь не ссорятся? Не только ссорятся, но бываетъ и продолжительная вражда.

Придерживающіеся различныхъ религіозныхъ взглядовъ приходятъ нерѣдко въ горячія столкновенія. Появляясь сюда съ тѣми же вѣрованіями, съ какими они были на землѣ и получивъ возможность лицезрѣть свои идеалы и реально переживать свои чаянія, люди различныхъ вѣрованій становятся здѣсь еще нетерпимѣе, чѣмъ на землѣ. Каждый убѣжденъ, что именно онъ правъ, а другой ошибается. Особенно часто это встрѣчается у вновь пришедшихъ сюда. Черезъ нѣкоторое время они стано-

вятся гораздо терпимѣе, сосредоточиваясь внутри своей собственной жизни и наслаждаясь тѣми доказательствами и осуществленіями, которыя каждая душа строитъ для себя.

Мнѣ хочется дать вамъ примѣръ—въ какихъ вопросахъ приходится мнѣ быть здѣсь „судьей".

Здѣсь есть двѣ женщины, которыя при жизни на землѣ были замужемъ за однимъ и тѣмъ же человѣкомъ. Первая женщина умерла, а затѣмъ ея мужъ женился на другой и вскорѣ—черезъ годъ или два—мужъ и вторая жена, оба перешли сюда. Первая жена считаетъ себя единственной женой своего мужа и слѣдуетъ за нимъ повсюду. Она утверждаетъ, что онъ обѣщалъ встрѣтиться съ ней на небесахъ. Онъ же чувствуетъ болѣе склонность ко второй женѣ, хотя и къ первой питаетъ добрыя чувства. Но ему надоѣдаетъ то, что онъ называетъ ея безразсудствомъ. Онъ сказалъ мнѣ однажды, что желалъ бы отдѣлаться отъ обѣихъ для того, чтобы отдаться спокойно интересующимъ его изысканіямъ. Онъ часто искалъ моего общества и обѣ женщины, не хотѣвшія разставаться съ нимъ, приходили также ко мнѣ. Однажды, когда они подошли ко мнѣ втроемъ, первая жена задала мнѣ такой вопросъ:

„Этотъ человѣкъ — мой мужъ. Не должна ли эта другая женщина удалиться подальше и оставить его безраздѣльно мнѣ?"

Я спросилъ вторую жену, что она имѣетъ сказать. Она отвѣтила, что безъ мужа она будетъ здѣсь очень одинокой и такъ какъ она имѣла его позднѣе, поэтому онъ принадлежитъ болѣе ей, чѣмъ другой женѣ.

Мгновенно вспыхнули въ моей памяти сцена между саддукеями и Христомъ, когда они задали ему подобный же вопросъ, и я повторилъ Его отвѣтъ насколько могъ его припомнить: „возставшіе изъ мертвыхъ, не женятся и не выходятъ замужъ, а пребываютъ подобно ангеламъ на небесахъ".

Мой отвѣтъ, повидимому, поразилъ ихъ и они отошли, чтобы подумать надъ нимъ.

Мои собственныя наблюденія надъ этимъ вопросомъ приводятъ къ тому, что различіе половъ здѣсь такъ же реально, какъ и на землѣ, хотя выражается оно иначе.

Черезъ нѣкоторое время всѣ трое пришли ко мнѣ опять и сказали, что они по новому пересмотрѣли свое затрудненіе; возможно, что эта новая точка зрѣнія была ангельская, такъ какъ первая жена рѣшила „предоставить" своему мужу прово-

лить часть времени съ той другой женщиной, если это для него необходимо.

Но дѣло въ томъ, что у мужа была другая нѣжная любовь къ молодой дѣвушкѣ еще до встрѣчи съ обѣими женами. Эта дѣвушка тоже умерла и у мужа явилось сильное желаніе разыскать ее здѣсь. Удастся ли ему это, я не могу сказать. Но положеніе его не изъ легкихъ, и я думаю, что оно не составляетъ исключенія.

Хотя есть способъ, посредствомъ котораго онъ могъ бы отдѣлаться отъ настойчиваго общества своихъ женъ и обезпечить за собой уединеніе; но онъ этого еще не знаетъ. Знающій можетъ уединиться здѣсь такъ же, какъ и на землѣ; онъ можетъ построить вокругъ себя стѣну, черезъ которую его можетъ увидѣть только посвященный. Я не открылъ этой тайны моему пріятелю; но со временемъ я можетъ быть и открою, если для его развитія потребуется одиночество. Теперь же мнѣ кажется для него полезнѣе приспособиться къ этому двойному праву на него и найти, *какая* истина лежитъ въ основѣ его затрудненій. Можетъ быть онъ узнаетъ, что въ дѣйствительности, по существу, онъ не „принадлежитъ“ ни одной изъ этихъ женщинъ. Пребывающія здѣсь души начинаютъ черезъ нѣкоторое время въ такой степени любить свободу, что готовы и сами отступить отъ своихъ правъ и претензій на чужую свободу.

Здѣсь *можно* расти, если у человѣка есть эта потребность; хотя мало кто пользуется этой возможностью. Большинство довольствуется тѣмъ, что усваиваетъ земной опытъ и земныя переживанія; и здѣсь люди теряютъ благопріятныя возможности, какъ они дѣлали это во время своей земной жизни.

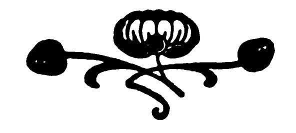
Здѣсь есть учителя, всегда готовые помочь тому, кто желаетъ ихъ помощи для проникновенія въ тайны жизни — здѣшней, потусторонней и теряющейся въ далекомъ, далекомъ прошломъ.

Если человѣкъ понялъ, что недавнее пребываніе на землѣ было лишь послѣднимъ въ длинномъ рядѣ жизней, и если онъ сосредоточитъ свои мысли на возстановленіи въ памяти далекаго прошлаго онъ можетъ вспомнить эти жизни. Многіе могутъ думать, что достаточно одного освобожденія отъ матеріальной завѣсы, чтобы освободить душу отъ всякаго помраченія; но, какъ на землѣ, такъ и здѣсь—„все происходитъ такъ или иначе не оттого, что оно должно бы быть таковымъ, а оттого, что оно есть таково“.

Мы притягиваемъ къ себѣ переживанія, для которыхъ мы созрѣли и на которыя у насъ есть запросъ; но большинство душъ предъявляютъ здѣсь слишкомъ малые запросы такъ же, какъ онѣ это дѣлали на землѣ. Скажите имъ, чтобы онѣ требовали больше и жажда ихъ будетъ удовлетворена.

Пер. Е. П.

(Продолженіе слѣдуетъ).



Помышленія плотскія суть смерть. (Ап. Павелъ).

Наше отношеніе къ смерти зависитъ отъ значенія, которое мы придаемъ жизни.

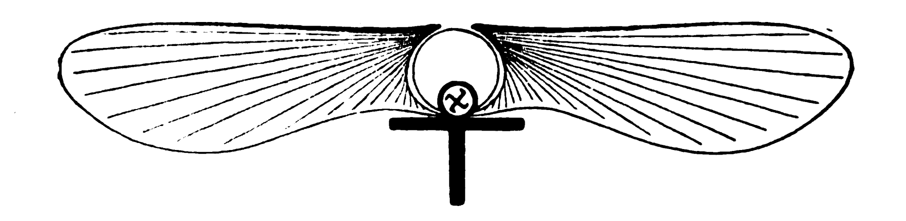
Жизнь животнаго или человѣка не есть случайный рядъ усилій, ея теченіе установлено также строго, какъ теченіе небесныхъ свѣтилъ. Всѣ ея движенія и измѣненія, ея кажущіяся уклоненія и пертурбаціи управляются неизмѣнными цѣлями.

Если эволюція есть методъ творчества, то способность рѣчи не была внезапнымъ даромъ.

Почему изъ безчисленныхъ тысячъ видовъ животныхъ, надѣленныхъ нѣкоторымъ слабымъ зачаткомъ ума, всѣ должны были остаться сравнительно на томъ же уровнѣ, тогда какъ человѣкъ одинъ быстро оставилъ за собою прошлое, развилъ въ себѣ такія силы и съ такой быстротой, какія невѣдомы въ исторіи міра? Что было такого, что дало умственнымъ силамъ человѣка ихъ безпримѣрный размахъ и облегчило ростъ столь быстрый и столь огромный?

Изреч. изъ книгъ Г. Дрюмонда.





Письмо къ Читателямъ.

> **„Матеріальные результаты—лишь позднее проявленіе невидимыхъ дѣятелей. Ядро уже давно вылетѣло когда звукъ выстрѣла доходитъ до насъ. Рѣшающія событія совершаются въ мысли.**
>
> *Амієль.*

Весь прогрессъ человѣчества, вся его эволюція сводится къ *расширенію сознанія.* Расширеніе сознанія происходитъ тогда, когда новая область, бывшая до того невѣдомой, вступаетъ въ освѣщенное поле сознанія *всего* мыслящаго человѣчества.

Открытіе Америки, существованіе которой не сознавалось, послужило къ такому расширенію; къ такому же расщиренію повело открытіе безконечно малыхъ міровъ, а также появленіе книги Ч. Дарвина объ эволюціи живыхъ организмовъ.

Въ литературномъ творчествѣ самаго послѣдняго времени, къ такимъ расширяющимъ сознаніе событіямъ можно причислить книгу Нормоннъ Энджельса „Великая Иллюзія"; книга эта доказываетъ, что наша историческая эпоха отличается отъ прежнихъ эпохъ тѣмъ, что она связала всѣ націи міра тонкой тканью такой живой чувствительности, что когда она разрывается въ одномъ мѣстѣ, наносится вредъ *всей* ткани, на всемъ ея протяженіи.

Ткань эта—экономическая система современныхъ культурныхъ народовъ, ея между народные финансы, которые переплелись между собой въ такую неразрывную „нервную систему", соединившую всѣ націи въ единый организмъ, что подрывъ одного національнаго банка неминуемо отзовется и на всѣхъ остальныхъ банкахъ. Изъ этого логически вытекаетъ реальное

единство всѣхъ людей, общность ихъ интересовъ и неизбѣжная неудача всего, что направлено противъ этого единства, что стремится присвоить одной части организма то, что въ сущности принадлежитъ всему цѣлому; отсюда авторъ выводитъ о невозможности войны въ недалекомъ будущемъ. Книга Энджельса обращенная къ здравому смыслу, настолько убѣдительна, что она не можетъ не разбить многія изъ нашихъ иллюзій и не можетъ остаться безъ вліянія на сознаніе современныхъ людей.

Интересно отмѣтить, что пока таже самая идея апелировала къ моральному чувству, люди оставались глухи; когда же она облеклась въ аргументы непреодолимой логики экономическихъ фактовъ, тогда стала прислушиваться къ истинѣ, которая въ теченіе тысячелѣтій оставалась „гласомъ вопіющаго въ пустынѣ". 10 лѣтъ тому назадъ Норманнъ Энджельсъ выступилъ съ книгой „Патріотизмъ подъ тремя флагами", въ которой онъ развивалъ тѣ же идеи, основывая ихъ на требованіяхъ морали, и ее никто не читалъ; когда же онъ вооружился статистикой, его новую книгу начали читать, ее перевели чуть не на всѣ языки, съ ней начали считаться государственные люди.

Отчего человѣкъ такъ глухъ, когда его убѣждаютъ аргументами морали и такъ воспріимчивъ, когда вопросъ переносится въ область точнаго знанія? Очевидно потому, что міръ вещественныхъ фактовъ лежитъ въ освѣщенномъ полѣ его сознанія, почему не считаться съ ними уже невозможно, хотя бы они были и невыгодны для эгоизма единицъ. Совершенно такъ же, какъ нельзя не считаться съ бактеріями съ тѣхъ поръ, какъ микроскопъ открылъ ихъ существованіе и онѣ вступили въ освѣщенное поле нашего сознанія. Теперь не считаться съ ними могутъ только люди невѣжественные; но вѣдь *до* микроскопа бактеріи совсѣмъ не существовали для человѣка, онѣ не входили въ его соображенія и весьма вѣроятно что тѣхъ, кто впервые убѣдился въ реальномъ бытіи безконечно малаго міра, осмѣивали и считали фантазерами.

Когда факты духовнаго міра будутъ также доступны для сознанія человѣка какъ и видимый міръ, считаться съ ними будетъ для здравомыслящаго человѣка обязательно, какъ и съ логикой физическихъ событій. И это вовсе не такъ далеко, какъ можно бы подумать. Расширеніе сознанія внизъ и вверхъ, въ область безконечно малаго и безконечно великаго совершается безостановочно, наука идетъ на встрѣчу религіозному чувству, а религіозное чувство подтверждается свидѣтельствами фактовъ.



Не говоря уже о теософіи, о тѣхъ очагахъ сознательнаго интереса къ невидимымъ мірамъ, который она зажгла среди образованныхъ людей всѣхъ странъ, даже воспитанные на позитивныхъ методахъ ученые начинаютъ опредѣленно поворачивать свое вниманіе къ области невидимаго и говорить объ огромномъ значеніи „психо - физическихъ“ эмонацій человѣчества.

Это пока еще робкіе проблески того огромнаго свѣта, который начинаетъ просвѣчивать сквозь завѣсу нашего мозгового сознанія, обѣщая освѣтить передъ нами иные міры, недоступные для него, но доступные для пробуждающагося высшаго сознанія.

Пробужденіе это становится все болѣе необходимымъ съ тѣхъ поръ, какъ земная жизнь человѣка вступила въ новый фазисъ. Этотъ новый фазисъ насталъ съ появленіемъ электричества въ обиходѣ нашей жизни. Электричество послужило для расширенія поля нашего сознанія: изъ мелкаго, личнаго, эгоистическаго, оно постепенно превратится въ обще-міровое, сверхличное и этическое. Молніеносная передача всего, что люди думаютъ и чувствуютъ на всѣхъ точкахъ земного шара, создала для современнаго человѣчества въ буквальномъ смыслѣ общую нервную систему, которая сблизила его настолько, что прежняя изоляція стала уже невозможной. Мы всѣ заражены психическими эмоціями окружающихъ людей, мы проникнуты ихъ мыслеобразами, мы настроены ихъ настроеніями, мы поднимаемся ихъ бодростью и поникаемъ отъ ихъ малодумія.

Благодаря этому ускоряющемуся единству современной жизни, долгъ человѣка передъ человѣкомъ поднимается на новую ступень. Возникаетъ Новый Завѣтъ жизни. Старый говорилъ: не совершай зло и твори благо. Новый говоритъ: не допускай въ себѣ дурныхъ мыслей, ибо онѣ вредятъ всѣмъ; очищай свое сердце и создавай въ немъ свѣтлыя, смѣлыя и великодушныя чувства, ибо они помогутъ всѣмъ; вѣрь въ добро, ибо такая вѣра дастъ людямъ силу; гони отъ себя уныніе, ибо бодрость очищаетъ психическую атмосферу, какъ азотъ очищаетъ воздухъ, которымъ мы дышимъ.

Это все факты духовнаго міра, которые еще новы въ наши дни, но скоро они сдѣлаются достояніемъ всего мыслящаго человѣчества. И тогда понятіе о „гражданскомъ долгѣ“ станетъ совершенно инымъ. До сихъ поръ моральной оцѣнкѣ подлежали только внѣшнія проявленія человѣка; но для обществен-



наго блага далеко не безразлично каково его внутреннее настроеніе: населяетъ-ли онъ невидимый міръ здоровыми и свѣтлыми „эмонаціями“, или же нездоровыми, унылыми и подозрительными, поддерживающими угнетенное состояніе народной души.

Тогда забота о здоровьѣ и счастьѣ *народной души* станетъ такимъ же факторомъ прогресса, какъ и забота о физическомъ благосостояніи тѣхъ клѣтокъ — людей, изъ которыхъ состоитъ *тѣло народа*.

Настанетъ время, когда нечистыя мысли и эмоціи будутъ признаваться столь же вредными для общественнаго блага, какъ въ наше время уличная драка или ругань въ общественныхъ мѣстахъ. Это--такіе же микробы зла какъ и заразныя бациллы, только выдѣляются онѣ не изъ тѣла человѣка, а изъ невидимой лабораторіи его духа.

Не знаю, слѣдуетъ-ли прибавлять, что чистоты физическаго воздуха, которымъ мы дышимъ, гигіеническихъ условій жилищъ, въ которыхъ мы живемъ, возможно добиться внѣшними мѣропріятіями; но внѣшнія мѣропріятія совершенно безсильны, когда дѣло идетъ о той невидимой атмосферѣ, которой питается наше сознаніе, о тѣхъ тончайшихъ эмонаціяхъ, которыя мы непрерывно воспринимаемъ и выбрасываемъ изъ себя.

Передъ современными людьми встаетъ задача огромныхъ размѣровъ, но это задача не матеріальная, а духовная. Она сводится къ тому, чтобы каждый изъ насъ, жаждущихъ свѣтлаго будущаго, призналъ себя творцомъ этого будущаго и взялъ на себя перевоспитаніе своей собственной души. Свѣтлыя страницы исторіи создаются душой народа, а она слагается изъ всѣхъ насъ, изъ нашихъ помысловъ и вождѣленій, изъ нашихъ вѣрованій, надеждъ и стремленій.

Первымъ шагомъ къ такому перевоспитанію будетъ перенесеніе отвѣтственности за все совершающееся съ внѣшнихъ причинъ на *внутреннія*; вторымъ — яркое сознаніе своей *отвѣтственности*, своего непрерывнаго участія въ созданіи этихъ причинъ. Мы должны помнить постоянно, что всѣми нашими помыслами и стремленіями, если они мелки, нечисты и себялюбивы, мы зарождаемъ внутреннее настроеніе нашего народа, и никакія учрежденія—если бы даже они были самыя совершенныя—не сдѣлаютъ насъ счастливыми, если душа народа будетъ отравлена внутренней нечистотой. Мы должны постоянно помнить, что наша невидимая связь со всѣми другими до того

тѣсна и неразрывна, что очищая себя, мы тѣмъ самымъ очищаемъ и другихъ, поднимаясь сами, мы этимъ поднимаемъ и всѣхъ другихъ. Размѣръ вліянія зависитъ отъ размѣра нашихъ силъ, но все равно — велики онѣ или малы — вліяніе наше несомнѣнно.

Такое сознаніе своей отвѣтственности передъ всѣми имѣетъ огромное значеніе всегда, но во время великихъ народныхъ бѣдствій, какъ переживаемая война, оно превращается въ *гражданскій долгъ* первостепенной важности.

Никто не сомнѣвается, что кромѣ видимыхъ условій войны, каковы пушки, техническія усовершенствованія, пути сообщенія и т. д. есть еще и *невидимое* условіе побѣды: *духъ* сражающихся. И вотъ въ этомъ-то „невидимомъ" условіи, самомъ важномъ изъ всѣхъ, всѣ мы, находящіеся въ тылу арміи, принимаемъ непосредственное участіе.

Къ чему сводится духъ войска, который долженъ побѣдить? Убѣжденіе въ правотѣ своего дѣла, вѣра въ силу правды, увѣренность въ своихъ силахъ и довѣріе къ своимъ вождямъ, вотъ что дѣлаетъ сражающихся непобѣдимыми. Но это убѣжденіе, эта увѣренность и это довѣріе должны быть непоколебимы и *въ насъ*, потому что между „передовыми позиціями" и его „тыломъ" сохраняется самая тѣсная невидимая связь, совершается непрерывное взаимодѣйствіе, и если наши мысли и эмоціи начнутъ расшатывать эту увѣренность, внесутъ ядъ сомнѣнія въ настроеніе сражающихся, тогда побѣда окажется или совсѣмъ недостижимой, или достанется съ несравненно большими жертвами и напряженіемъ.

Для тѣхъ, кто не подозрѣваетъ такой реальной связи между настроеніемъ каждаго изъ насъ и исходомъ великой борьбы, малодушіе въ такія историческія минуты, когда каждая здоровая душа должна бы властно требовать отъ себя самоотверженной стойкости и терпѣнія, — это признакъ внутренней слабости, печальнаго безсилія духа. Но для тѣхъ, кто — какъ теософы —знаютъ объ этой связи, грѣхъ малодушнаго сомнѣнія становится величайшимъ преступленіемъ противъ родины и противъ сражающихся за насъ братьевъ нашихъ.

Нашъ долгъ — самимъ все время помнить и напоминать всѣмъ, съ кѣмъ мы приходимъ въ соприкосновеніе, что во время міровыхъ катастрофъ, къ числу которыхъ принадлежитъ и переживаемая война, побѣда дается тѣмъ, кто умѣетъ вѣрить и

хотѣть, тѣмъ, въ комъ не угасая горитъ энтузіазмъ (Богъ пребывающій въ насъ).

Гасить этотъ энтузіазмъ въ душѣ народа во время битвы на жизнь и смерть, все равно что обрекать его на возможное пораженіе.

Другъ читателя.



Каждое растеніе въ мірѣ живетъ для другихъ. Сѣмя это часть любви; человѣкъ, питающійся сѣменами, питается любовью.

Не кооперативные или слабо кооперативные организмы вытѣсняются, тѣ, которые взаимно помогаютъ другъ другу, выживаютъ и населяютъ міръ своимъ родомъ.

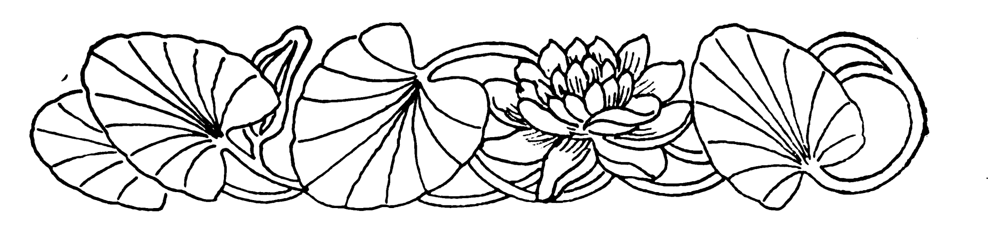
Красота, пестрота тѣни и окраски, убранство, запахъ, форма, величина цвѣтовъ—все это дары сотрудничества. Цвѣтокъ въ каждой подробности есть памятникъ принципу коопераціи.

Прогрессъ человѣка и общества связанъ отнынѣ съ проявленіемъ, усиленіемъ и распространеніемъ борьбы за жизнь другихъ. Въ этомъ состоитъ дальнѣйшая эволюція, лежащая передъ нами страница исторіи, заключительный актъ человѣческой драмы.

Дальнѣйшая эволюція должна продолжаться, высшее царство должно придти, сначала стебель—гдѣ мы сегодня, затѣмъ колосъ—гдѣ мы будемъ завтра, потомъ полное зерно въ колосѣ, которое ожидаетъ дѣтей нашихъ дѣтей, и ради котораго мы живемъ.

Изреч. изъ книгъ Г. Дрюмонда.





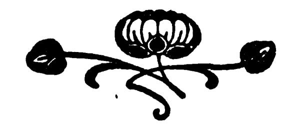
Обозрѣніе теософической литературы.

Въ органѣ австралійской секціи: *„Theosophy in Australasia“* мы читаемъ подъ заглавіемъ „Русскіе духовные идеалы“ слѣдующія строки: „То мѣсто, которое Россія несомнѣнно займетъ въ Европѣ, заставляетъ насъ съ большимъ интересомъ относиться ко всѣмъ заслуживающимъ довѣрія свѣдѣніямъ объ истинной, внутренней жизни этого удивительнаго народа, который въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній изображали намъ чуть ли не варварскимъ. Наша оцѣнка его претерпѣла нѣкоторое измѣненіе, во-первыхъ, въ силу неумолимой логики фактовъ, во-вторыхъ, вслѣдствіе постояннаго обмѣна между Востокомъ и Западомъ, необъятно ярко выявившаго передъ западнымъ человѣкомъ, нѣкоторыя стороны восточнаго человѣка, остававшіяся ему дотолѣ неизвѣстными. Съ несомнѣнностью установлено уже, что заповѣдь: „Не противься злу“ близка не только толстовцамъ, но и всей массѣ русскаго народа. Одинъ выдающійся сотрудникъ газеты *„Manchester Guardian“* пишетъ объ этомъ: „Существуютъ все же націи, для которыхъ „непротивленіе злу“ имѣютъ, дѣйствительно, реальное значеніе. Читая Толстого, Достоевскаго, Тургенева или Горькаго ясно сознаешь, что духъ непротивленія злу является чѣмъ-то болѣе глубокимъ, чѣмъ преходящимъ фазисомъ въ міросозерцаніи русскихъ писателей; онъ какъ бы свойственъ ихъ національному темпераменту...

Люди, думающіе, что это настроеніе присуще лишь Толстому, ошибаются. У него оно приняло крайнюю форму. Мы его видимъ, и можетъ быть даже еще болѣе опредѣленно, у всѣхъ упомянутыхъ мною писателей. Мое знакомство съ русской литературой слишкомъ недостаточно, чтобы я могъ составить себѣ мнѣніе о всемъ народѣ. Но трудно было бы найти во всей

тѣмъ что онѣ, каждая въ своемъ аспектѣ, передаютъ одинъ изъ Лучей Солнца Міра. Становясь на эту широкую почву, мы не понимаемъ— почему именно герметизмъ долженъ дать основу для научно-религіознаго синтеза. Вѣдь онъ только одинъ изъ лучей. Вѣрнѣе было бы сказать, что этотъ синтезъ осуществится при помощи Теософіи, которая обнимаетъ всѣ лучи единаго Солнца, всѣ цвѣта Небесной Радуги.

Alba.



Редакторъ Ц. Л. Гельмбольдтъ. Издательница А. А. Каменская.

тельно эфира, и сколькимъ бы друзьямъ онъ не открывалъ своихъ тайныхъ мыслей, какъ напр. въ его корреспонденціи съ Бентлеемъ—его ученія никогда не показывали, что у него была такая вѣра. Если онъ былъ „убѣжденъ, что сила притяженія не можетъ дѣйствовать посредствомъ матеріи черезъ пустое пространство“ [1]), какъ могло быть, что черезъ такое большое время, какъ въ 1860 году, французскіе астрономы, напр. Ле-Кутюрье, боролись съ „*гибельными* результатами теоріи ваккума, (пустоты), установленной великимъ человѣкомъ“?

Ле-Кутюрье говоритъ:

«Il n'est plus possible aujourd'hui de soutenir comme Newton, que les corps célestes se meuvent au milieu du vide immense des espaces... Parmi les conséquences de la théorie du vide établie par Newton, il ne reste plus debout que le mot attraction»... Nous voyons venir le jour où le mot attraction disparaîtra du vocabulaire scientifique [2]).

(Въ настоящее время невозможно болѣе поддерживать, какъ это дѣлалъ Ньютонъ, мнѣніе, что небесныя тѣла движутся среди огромныхъ пустыхъ пространствъ...

Среди послѣдствій «теоріи пустоты, установленной Ньютономъ, остается только слово «притяженіе»... Но мы уже видимъ день, когда слово притяженіе исчезнетъ изъ научнаго словаря).

Проф. Винчелль пишетъ:

Эти мѣста (письма къ Бентлею) показываютъ, каковъ былъ его взглядъ относительно природы междупланетнаго средства сообщенія. Хотя онъ заявлялъ, что небеса—«лишены ощутимой матеріи», онъ въ другомъ мѣстѣ предполагалъ можетъ быть какіе-нибудь очень тонкіе пары, облака и истеченія, поднимающіяся отъ атмосферы земли, планетъ и кометъ и отъ такой чрезвычайно рѣдкой эфирной среды, которую мы описывали и въ другомъ мѣстѣ [3]).

Это только показываетъ, что даже такіе великіе люди, какъ Ньютонъ, не всегда имѣли смѣлость высказывать свои мнѣнія.

---

[1]) World-Life, Prof. Winchell L. L. D. p 49 and 50.

[2]) Panorama des Mondes, p. 47, and 53.

[3]) Newton, Optics III. Вопросъ 28. 1704; цитировано въ World-Life p. 50



англійской литературѣ столько духа непротивленія, сколько его заключается въ 50 страницахъ Горькаго или Достоевскаго".

Тотъ же авторъ пишетъ дальше о врожденной русскимъ вѣрѣ въ человѣческую душу и о его непоколебимой увѣренности въ возможности исправленія преступниковъ, пьяницъ и т. п. А въ Достоевскомъ и другихъ писателяхъ современной школы мы находимъ глубокій и истинный христіанскій духъ.

Въ томъ же журналѣ мы читаемъ отчетъ о лекціи, прочитанной г. Ледбитеромъ, членомъ Теософическаго О-ва въ Австраліи, въ отвѣтъ на вопросъ о томъ, какая доля истины заключается въ вѣрѣ Римлянъ и Грековъ въ существованіе духовъ природы—водныхъ, лѣсныхъ, горныхъ и т. п. Ч. Ледбитеръ на основаніи оккультныхъ изслѣдованій утверждаетъ, что рядомъ съ эволюціей людей и животныхъ, на землѣ развертываются эволюціи и другихъ существъ, между прочимъ и духовъ природы, причемъ царство ихъ чрезвычайно обширно и разнообразно, простираясь отъ самыхъ микроскопическихъ существъ до существъ очень внушительныхъ размѣровъ. Нерѣдко они принимаютъ человѣческую форму, но всегда въ нѣсколько каррикатурномъ видѣ. Лѣса полны духовъ природы,— маленькихъ фей, формующихъ и окрашивающихъ цвѣты и растенія, другихъ фей, всегда живущихъ въ деревьяхъ и почти никогда не спускающихся на землю и т. п.

Кромѣ того, каждое дерево, въ особенности старое лѣсное дерево, является реальной, хотя и временной личностью. У нихъ очень неопредѣленныя мысли, представляющія и чувства, но все же они обладаютъ несомнѣнными симпатіями и антипатіями къ разнымъ людямъ, присутствіе которыхъ имъ пріятно или непріятно. Эти чувства выражаются путемъ игры астральныхъ цвѣтовъ, которые мѣняются не вспышками, какъ у людей и животныхъ, а медленно и спокойно. Эти духи деревьевъ иногда выходятъ изъ деревьевъ, принимая расплывчатую человѣческую форму большихъ размѣровъ.

Въ лѣсахъ и рощахъ живетъ обыкновенно въ одномъ изъ старѣйшихъ деревьевъ такой большой лѣсной духъ, являющійся царемъ даннаго лѣса; духи деревьевъ и феи повинуются ему и считаютъ его своимъ владыкой.

Людямъ нѣтъ особой надобности входить въ соприкосновеніе съ этими существами, но все-же полезно быть съ ними въ хорошихъ отношеніяхъ. Мы нарушаемъ эти отношенія нашими поступками. Эти духи любятъ деревья, цвѣты, дикихъ

животныхъ, птицъ. Мы же срубаемъ деревья,—что для нихъ равносильно убійству,—топчемъ цвѣты, убиваемъ животныхъ и птицъ. Кромѣ того, мы имъ непріятны тѣми сильными астральными вихрями, которыми мы почти всегда окружены и которые крайне тягостны всѣмъ существамъ, слѣдующимъ болѣе чистой и спокойной линіи эволюціи.

Шотландскій журналъ: „Thosophy in Scotland" въ статьѣ г. Аллана, „Карма и прощеніе грѣховъ", разъясняетъ соотношеніе этихъ двухъ понятій. „Намъ говорятъ, пишетъ онъ, что карма является однимъ изъ основныхъ законовъ, руководящихъ ходомъ человѣческой эволюціи. На первый взглядъ какъ будто невозможно согласовать этотъ законъ съ ученіемъ о прощеніи грѣховъ въ томъ видѣ, въ какомъ оно обычно понимается экзотерическимъ христіанствомъ.

Грѣхъ есть нарушеніе законовъ природы и человѣкъ, нарушающій ихъ, долженъ нести и результаты своего поступка. Таково ученіе кармы и оно было вполнѣ принято Ап. Павломъ, сказавшимъ: „Не обманывайтесь Богъ поругаемъ не бываетъ. Что посѣетъ человѣкъ, то и пожнетъ". (Гал. VI, 7). Законъ кармы можетъ разсматриваться какъ распространеніе закона дѣйствія и противодѣйствія, давно извѣстнаго наукѣ. „Каждое дѣйствіе производитъ противодѣйствіе, равное по силѣ и противоположное по направленію", и это настолько логично и разумно, что прощеніе грѣховъ, какъ произвольное нарушеніе этого общаго закона, стало считаться чѣмъ-то фантастическимъ, иллюзорнымъ. Между тѣмъ многочисленныя свидѣтельства о томъ, что при опредѣленномъ настроеніи и состояніи духа ощущается совершенно ясное и опредѣленное облегченіе, заставляетъ насъ прійти къ заключенію, что это не иллюзія и что возможно примиреніе между закономъ и несомнѣннымъ мистическимъ фактомъ. Мистическій фактъ совершается такъ: грѣшникъ, чувствуя свою грѣховность, обращается къ Христу и чувствуетъ, что съ его плечъ спало бремя и вмѣстѣ съ тѣмъ въ его душѣ усилился духовный свѣтъ и сила. Въ человѣкѣ живутъ два начала: низшее и высшее, духовное, будхическое или принципъ Христа въ человѣкѣ, отождествляемый съ космическимъ принципомъ—космическимъ Христомъ. Тотъ фактъ, что человѣкъ, ищущій прощенія, чувствуетъ бремя своихъ грѣховъ, указываетъ на то, что вліяніе высшихъ плановъ раскрыло ему существованіе чего-то лучшаго и высшаго, но его бодрствующее сознаніе все же еще отождествляетъ себя съ низшимъ началомъ, обременяющимъ

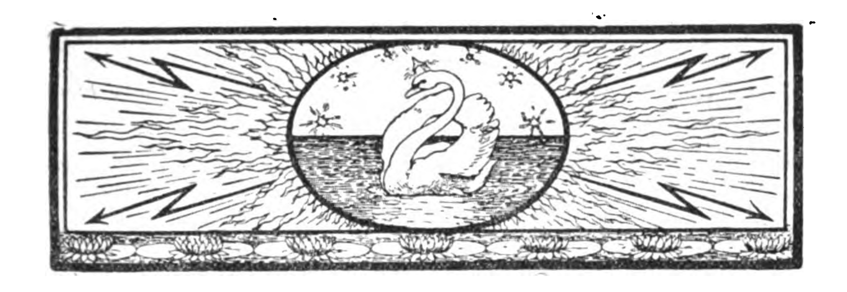
его. Для него принципъ Христа, хотя и пребывающій внутри его, кажется ему стоящимъ внѣ его и онъ къ нему обращается за освобожденіемъ отъ ига низшаго своего я. Ему придется еще много пережить, пока онъ познаетъ Христа въ себѣ, но тѣмъ временемъ духовный опытъ его совершенно реаленъ; онъ раскрываетъ себя вліянію Христа въ себѣ, который будучи единымъ съ Христомъ Космическимъ, изливаетъ на его личную жизнь вліяніе жизни Христовой и тѣмъ усиливаетъ въ немъ свѣтъ и духовную силу.

Но согласно закону кармы онъ долженъ пожать плоды нарушенія имъ закона. Тутъ, однако, привходитъ новый факторъ, а именно, что лишь равновѣсіе между дурнымъ противодѣйствіемъ изъ прошлаго и хорошимъ дѣйствіемъ въ настоящемъ становится дѣйствительнымъ. Слѣдовательно, пробужденіе начала Христа и вліяніе его на нашу жизнь и становится *дѣйствіемъ* того новаго фактора, который можетъ внести равновѣсіе между прошлымъ и настоящимъ и нейтрализовать дѣйствіе перваго. Другими словами, сила, являющаяся вслѣдствіе опредѣленнаго настроенія и состоянія души приноситъ собой фактическое погашеніе дурной кармы въ той мѣрѣ, въ какой эта сила дѣйственна; и такое погашеніе является лишь распространеніемъ закона дѣйствія и противодѣйствія.

Заключимъ это обозрѣніе словами г. Ледбитера, взятыми изъ его статьи о войнахъ и катастрофахъ, напечатанной въ американскомъ журналѣ: „The Messenger“. „Разберемъ спокойно, аналитически, что происходитъ при внезапныхъ катастрофахъ, какъ, напр., при землетрясеніи, бывшемъ въ Мессинѣ. Тогда двѣсти тысячъ человѣкъ были внезапно освобождены отъ бремени тѣла. Мы не можемъ представлять ихъ себѣ страдальцами, потому что они были сразу и безболѣзненно подняты въ высшую и болѣе счастливую жизнь.

Нельзя разсматривать смерть какъ несчастіе; теософія насъ этому научила. Мы должны были бы жалѣть не умершихъ, а живыхъ, которые продолжаютъ страдать отъ угнетающихъ условій физическаго плана. Тѣмъ, сознанію котораго недоступенъ другой планъ, уходъ съ физическаго плана, кажется ужаснымъ; человѣкъ же, зрѣніемъ своимъ обнимающій другіе планы, знаетъ съ достовѣрностью, которую невозможно поколебать, что самый свѣтлый моментъ для каждаго человѣка это тотъ часъ, когда онъ переходитъ съ этого плана въ болѣе широкую и реальную жизнь надъ нимъ.

В. Пушкина.



Хроника Теософическаго движенія.

—— Теософическое Общество въ Финляндіи продолжаетъ правильно работать.

Въ Гельсингфорсѣ, каждое воскресеніе г. Пекка Эрвастъ читаетъ лекцію по Теософіи на финскомъ языкѣ. Секціонный органъ „Tietàj“ (Путь) выходитъ ежемѣсячно.

—— Теософическое Общество въ Швейцаріи сильно занято задачами служенія.

Въ Женевѣ оно открыло пріютъ для бѣженцевъ и швейную мастерскую для снабженія воиновъ бѣльемъ и носками. Несмотря на свою активность на физическомъ планѣ, Общество продолжаетъ и свою очередную работу по Теософіи. По понедѣльникамъ, въ Женевѣ, при главной квартирѣ О-ва, читаются лекціи для начинающихъ: „Эзотеризмъ Христіанства“ и „Эволюція формы и жизни“.

Недавно представитель Швейцарской Секціи, г-жа Стефани, читала лекціи въ Лозаннѣ и Невшателѣ, послѣ чего въ Невшателѣ открылся новый теософическій центръ: „Neoconia“.

—— Представитель Французской Секціи, г. Шарль Блекъ, напечаталъ въ секціонномъ органѣ, „Bulletin Théosophique“, письмо, въ которомъ обозрѣваетъ работу настоящаго сезона. Онъ сообщаетъ, что къ 15 апрѣлю новое зданіе Т. О-ва будетъ готово и что съ переѣздомъ туда понемногу возобновится и дѣятельность Общества. Какъ извѣстно, прежнее помѣщеніе свое О-во отдало для устройства пріюта для бѣженцевъ и помощи раненымъ. Предсѣдатель Т. О-ва Франціи выражаетъ убѣжденіе, что перерывъ въ теософической работѣ этой зимой былъ необходимъ: 1) потому что надо было сосредоточить всѣ свои

силы на помощь родинѣ на физическомъ планѣ; 2) потому, что при волненіи, охватившемъ осенью всѣхъ рѣшительно, всякія собранія могли бы сдѣлаться легко ареной для возбужденныхъ споровъ, всегда строющихъ стѣны между людьми. Членамъ, по мнѣнію Ч. Блека, было полезно временно углубиться въ молчаніе и служеніе. Онъ призываетъ членовъ стоять спокойно и бодро на своемъ посту и учиться энергично бороться, не испытывая вражды.

═══ Теософическое Общество въ Америкѣ чрезвычайно дѣятельно. Идетъ масса лекцій, курсовъ и классовъ по Теософіи во всѣхъ городахъ, гдѣ существуютъ теософическіе центры. Опытные лекторы объѣзжаютъ города, гдѣ нѣтъ еще теософическихъ Отдѣловъ и читаютъ тамъ лекціи о Задачахъ Теософіи. Чрезвычайно распространенъ здѣсь, какъ и въ Англіи, обычай обмѣниваться лекторами. Недавно предсѣдатель центра въ Калгари предложилъ пересылать изъ центра въ центръ всѣ болѣе или менѣе удачные доклады, хотя бы и въ рукописномъ видѣ. Устроилось бюро пересылки докладовъ, въ которое каждый членъ можетъ обратиться съ просьбой выслать ему ту или иную рукопись.

Г-жа Роджерсъ и г. Куперъ закончили свои зимнія теософическія турнэ. Г-жѣ Роджерсъ удалось послѣ нѣсколькихъ лекцій открыть новый теософическій центръ въ Индіанѣ. Г. Куперъ объѣхалъ 24 города.

Американскій Секретарь въ Кротонѣ предлагаетъ обратить особое вниманіе на пассивныхъ членовъ, мало бывающихъ въ О-вѣ, устраивать еженедѣльныя чаепитія для бесѣды съ ними, а также чтенія съ волшебнымъ фонаремъ для гостей.

═══ Въ Англіи работа идетъ спокойно, углубленно и интенсивно. Въ нынѣшнемъ году Т. О-во не занимается пропагандой и не организуетъ спеціальныхъ теософическихъ турнэ въ новые города, но старается укрѣпить существующіе уже центры. Для этого Миссъ Коддъ объѣзжаетъ всѣ отдѣлы О-ва и читаетъ лекціи.

Журналъ „Теософистъ“ получается нынѣ за счетъ О-ва въ 39 публичныхъ библіотекамъ Англіи.

Много книгъ и брошюръ теософическихъ раздается даромъ при пріютахъ, госпиталяхъ и санаторіяхъ, при чемъ члены добровольцы принимаютъ на себя всѣ расходы.

═══ Годовое Собраніе Итальянской Секціи имѣло мѣсто въ этомъ году въ Генуѣ, при Ботаническомъ Институтѣ (Corso Dogali, 1); 1 и 2 Апрѣля.

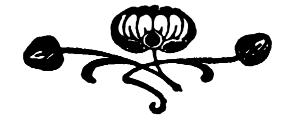
При инициативѣ члена Т. О-ва, г-жи Т. Ферари. основана Лига, призывающая всѣхъ, желающихъ помочь своей родинѣ въ переживаемомъ экономическомъ кризисѣ отказаться на 6 мѣсяцевъ отъ потребленія бѣлаго хлѣба и ограничиться потребленіемъ простого ячменнаго хлѣба (pane integrale), что можетъ быть только полезно.

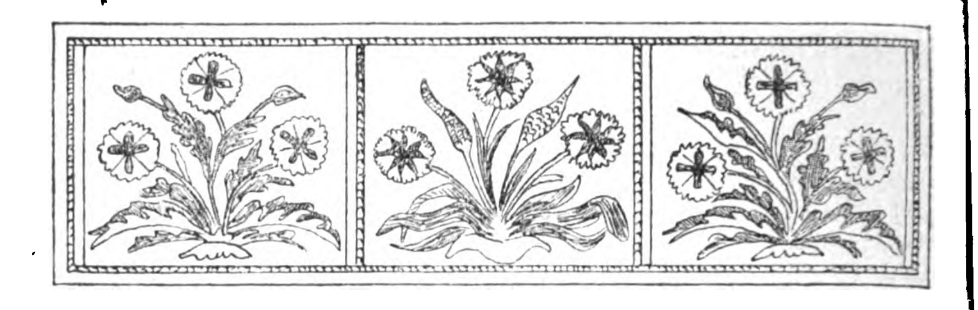
═══ 20 Февраля, въ закрытомъ собраніи Т. О-ва въ Петроградѣ, М. Ф. Гарденина сдѣлала докладъ: „О служебной роли интеллекта".

Въ теченіе Февраля, бывшій членъ Р. Т. О-во, П. Д. Успенскій, прочиталъ нѣсколько публичныхъ лекцій: „Въ поискахъ за чудеснымъ" и „Проблема смерти". Въ своихъ лекціяхъ П. Д. Успенскій разсказалъ мало объ Индіи. Зато онъ много говорилъ о своемъ разочарованіи въ „чудѣ" и полемизировалъ съ Т. О-мъ, которое, по его мнѣнію не занимается главной своей задачей, практическимъ оккультизмомъ. Этика и философія, по его мнѣнію, не такъ важны, какъ оккультизмъ. Характерно, что лекторъ не видитъ глубокой связи истиннаго оккультизма съ задачами этики. Его болѣе интересуютъ задачи чисто психическаго развитія „независимо отъ нравственной работы человѣка.

═══ 3 Марта, с. г., въ залѣ Тенишевскаго Училища, при большомъ стеченіи публики, состоялась публичная лекція А. Каменской: „Ритмъ высшей жизни". Лекція сопровождалась свѣтовыми картинами и музыкальными иллюстраціями.

Alba.





Изъ общественной жизни.

29-го Августа 1914 года исполнилось 70 лѣтъ англійскому писателю и мыслителю, Эдуарду Карпентеру.

Въ журналѣ «Вегетаріанское Обозрѣніе», приводятся краткія біографическія свѣдѣнія о немъ и его книгахъ. Образованіе онъ получилъ въ Кембриджскомъ университетѣ; потомъ онъ читалъ лекціи по астрономіи, физикѣ, музыкѣ и т. п. Но въ 1881 г. онъ все оставляетъ, строитъ себѣ деревянный домикъ въ саду, вблизи Шеффильда и принимается за «Towards Democracy», произведеніе, считающееся его chef d'oeuvre'омъ. Онъ близко входитъ въ жизнь рабочихъ Шеффильда и его окрестностей, раздѣляетъ всѣ ихъ радости, горести и труды... Результатомъ новой, упрощенной жизни были книги: «Идеалъ Англіи» и «Цивилизація, ея причина и излеченіе».

Въ 1890 г. онъ отправился на Востокъ, гдѣ провелъ около года въ наблюденіяхъ надъ чуждой жизнью и въ общеніи съ индійскими мудрецами. Результатомъ этого путешествія были книги «Отъ пика Адама до Элефанты», а затѣмъ «Крылья ангела» (по искусству и музыкѣ), «Совершеннолѣтіе любви» (по половому вопросу, женщина, бракъ и пр.), «Пѣсни труда» и другія...

Въ своемъ отвѣтѣ на поднесенный ему адресъ ко дню семидесятилѣтія, онъ, между прочимъ, сказалъ такъ: «Мои друзья говорятъ о признательности и я тронутъ этими выраженіями чувствъ, потому что дѣйствительно думаю, что искреннее чувство признательности весьма гуманное и любовное чувство—благо въ нѣкоторомъ родѣ для обоихъ,—для того, кто испытываетъ его и для того, къ кому оно относится... Все же, признаюсь, я какъ-то не могу вызвать въ себѣ этого чувства. Вѣдь то, что человѣкъ дѣлаетъ, онъ дѣлаетъ по необходимости своей

природы и ему нельзя ожидать признательности за это. онъ едва ли могъ бы поступить иначе. Меня, напримѣръ, иногда обвиняли въ томъ, что я веду довольно таки простую и цыганскую жизнь, общаюсь съ земледѣльцами, говорю рѣчи на улицахъ, рощу фрукты, дѣлаю сандаліи, пишу стихи... и чего только не дѣлаю въ ущербъ своему благополучію и съ нѣкоторой отдаленной и искусственной цѣлью—исправленія человѣчества. Но я могу увѣренно сказать, что во всѣхъ подобныхъ случаяхъ я дѣлалъ все это единственно и просто потому, что находилъ въ этомъ радость и самоудовлетвореніе. И если міръ или какая-либо часть его настаивали бы на томъ, что они реформированы—вина не моя. И это, пожалуй, въ концѣ концовъ, хорошое общее правило, именно: чтобы люди стремились (больше, чѣмъ они это дѣлаютъ) выражать или освобождать ихъ *собственныя* естественныя и глубоко скрытыя нужды и чувства. Поступая такъ, они навѣрно будутъ освобождать и способствовать выраженію своей жизни тысячамъ другихъ, и будутъ имѣть удовольствіе помогать людямъ безъ непріятнаго чувства, что они этимъ кого-то обязываютъ».

Наканунѣ военныхъ событій скончалась извѣстная поборница мира Берта фонъ-Зутнеръ. Въ журналѣ «Женскій Вѣстникъ» была статья М. Роговичъ, откуда и можно почерпнуть ея характеристику и обзоръ ея дѣятельности.

Ея вѣра въ возможность уничтоженія войны не была слѣпо-фанатичной. Она основывалась на серьезномъ изученіи новыхъ теорій о законахъ, управляющихъ жизнью вселенной и той частицы ея, которую составляетъ человѣчество... Міръ не есть что-либо неизмѣнное, неспособное совершенствоваться... и ни одно изъ существующихъ золъ не можетъ считаться неустранимымъ. Каждый человѣкъ можетъ и долженъ содѣйствовать по мѣрѣ силъ переходу человѣчества на болѣе высокую ступень культуры, при которой сами собой исчезнутъ многія бѣдствія, считавшіяся прежде неизбѣжными спутниками земного существованія людей или карою за грѣхи. Ея романъ «Долой оружіе» получилъ всемірную извѣстность и обратилъ вниманіе всѣхъ пацифистовъ и Берта Зутнеръ скоро приняла дѣятельное участіе въ работахъ лиги мира и стала неизмѣнной участницей всѣхъ конгрессовъ мира. Она была однимъ изъ тѣхъ смѣлыхъ борцовъ за идеи, которыхъ съ страстнымъ нетерпѣніемъ ждалъ Ницше. Ею руководили убѣжденія, которыя она высказала въ стихотвореніи слѣдующаго содержанія: «Слишкомъ мудрое слово—помѣха всякому начинанію. Оно заставляетъ страшиться смѣлыхъ поступковъ, предаваясь трусливымъ размышленіямъ. Оно заставляетъ

терять настоящее ради будущаго. Оно лишило счастья многихъ, слишкомъ много думавшихъ о концѣ и трусливо умолчавшихъ.

Посмѣть и начинать—въ рукахъ каждаго человѣка, а конца не позналъ ни одинъ мудрецъ. Ничто не попадаетъ въ заранѣе опредѣленную стезю, каковою представляетъ ее себѣ фантазія умниковъ. Жестоко ошибается тотъ, кто думаетъ о концѣ, желая пролить свѣтъ на мракъ будущаго. Высшая задача существованія—это самосозданіе и самосохраненіе, поэтому пусть все работаетъ безъ заботы объ исчезновеніи. Цвѣтокъ не думаетъ объ увяданіи, свѣтъ свѣтитъ, не боясь угаснуть. Богъ, создавая міръ, не думалъ о концѣ, и то, что создалъ, то создалъ безконечнымъ».

Н. Т.



За цѣлые вѣка до Дарвина, Ламарка или Лукреція, материнская любовь, склоняясь въ лѣсу надъ волшебной колыбелью и ища первой улыбки своего младенца, первая выразила довѣріе къ доктринѣ развитія. Съ того времени каждая мать—безсознательная эволюціонискта и каждо малое дитя—живое свидѣтельство эволюціи.

Соединять сверхчувственныя вещи съ животнымъ царствомъ не значитъ отожествлять ихъ съ животнымъ тѣломъ. Электричество связано съ металлическими прутьями, но изъ этого не слѣдуетъ, что оно металлическое. Интеллектъ связанъ съ животной матеріей, но изъ этого не слѣдуетъ, что онъ матеріаленъ.

Изреч. изъ книгъ Г. Дрюмонда.





Герметизмъ Д. Странденъ. Сокровенная философія египтянъ Изд. А. Воронецъ 1914. ц. 60 к.

Въ предисловіи къ своей интересной книгѣ, Д. Странденъ приводитъ слова Х. С. Чемберлена о значеніи изученія индо-арійской мудрости: «Когда нѣсколько столѣтій тому назадъ весь заживо погребенный міръ древне-эллинской мысли и поэзіи снова возсталъ изъ пепла, то казалось, какъ будто мы сами—мы homines europeaei Линнея—вдругъ вышли изъ подземнаго мрака къ яркому дневному свѣту. Тогда только стали мы мало по малу достигать необходимой зрѣлости и въ нашей собственной неэллинской задачѣ. Столь же могучаго хотя и совершенно иного рода вліянія нужно ожидать и отъ точнаго знакомства съ индо-арійской мудростью, и мы должны стремиться къ ней со всей силой глубоко сознанной необходимости».

Соглашаясь съ этими словами, авторъ призываетъ также приступить и къ изученію древне-египетскаго герметизма и позднѣйшей герметической литературы. По его мнѣнію, герметизмъ является тѣмъ первоисточникомъ, откуда мы, европейцы, черезъ посредство эллинской мысли, черпали наиболѣе цѣнныя философскія и религіозныя идеи. Въ этомъ отношеніи онъ ставитъ герметизмъ наряду съ эзотерическими ученіями древней Индіи.

Авторъ останавливается на древнѣйшемъ памятникѣ герметизма «Изумрудная скрижаль Гермеса», имѣющая въ свѣтѣ оккультизма семь значеній: метафизическое, космогоническое, антропогоническое психологическое, оккультное, астрономическое и историческое. Попытку раскрыть эти значенія и составляетъ содержаніе этой книги.

Среди многихъ интересныхъ мыслей въ этихъ комментаріяхъ, укажемъ на слѣдующія:

1. Герметизмъ признаетъ верховную цѣнность мистическаго опыта, являющагося результатомъ непосредственнаго соприкосновенія сознанія человѣческаго съ сознаніемъ космическимъ.



2. Истинная философія основана на данныхъ мистическаго и научнаго опыта.
3. Герметическое посвященіе освобождаетъ человѣка отъ конфликта между религіей и наукой.
4. Посвященіе — есть ускореніе нормальной эволюціи человѣка. Посредствомъ особыхъ методовъ, ведущихъ къ расширенію сознанія, человѣкъ можетъ совершенно возродиться физически и духовно.
5. Ученіе о пути посвященія излагалось уже въ древней Индіи. (Раджа-іога) въ Египтѣ и позже, въ средніе вѣка—символически въ трактатахъ объ алхиміи.
6. Въ древнихъ мистеріяхъ всегда существовало три степени: очищеніе, просвѣтленіе, совершенство (или сліяніе). Въ средневѣковыхъ оккультныхъ школахъ были степени: этическая, техническая и степень мастера.
7. Исканіе философскаго камня у средневѣковыхъ мистиковъ есть ничто иное, какъ стремленіе помочь раскрыться нашему истинному безсмертному Я, отбросивъ всѣ низменные, эгоистическіе и пустые интересы, эмоціи и мысли, приковывающіе у насъ къ землѣ.

Авторъ раскрываетъ значеніе такихъ выраженій—какъ очищеніе соли (матеріи), уплотненіе ртути (управленіе душею), фиксація сѣры (раскрытіе духа). Въ заключеніи авторъ высказываетъ убѣжденіе, что наука будущаго сблизится съ оккультизмомъ. Онъ думаетъ, что именно на почвѣ герметизма скорѣе произойдетъ научно-религіозный синтезъ, въ которымъ сольются и античное гуманистическое міросозерцаніе и христіанская мистика. Синтезъ этотъ нашелъ, по мнѣнію автора, символическое выраженіе въ крестѣ и розѣ.

Отмѣтивъ серьезныя достоинства книги, нельзя пройти мимо встрѣчаемыхъ недоразумѣній. Такъ—авторъ опредѣляетъ цѣль раджа-іоги, какъ переживаніе особаго рода экстаза, въ которомъ душа соприкасается съ божественнымъ центромъ міра. Эту стадію онъ называетъ космическимъ сознаніемъ. Путей къ достиженіюего, по мнѣнію автора,—два: путь психическаго развитія и духовнаго.

На это приходится возразить что:

1) Для истиннаго іога всякое внутреннее переживаніе, включая и высочайшій экстазъ, является лишь с р е д с т в о м ъ слиться съ Высшей Волей. Поэтому—экстазъ не можетъ быть цѣлью іога.

2) Космическимъ сознаніемъ называютъ часто простыя психическія переживанія въ природѣ, напримѣръ тѣ, которыя даютъ человѣку возможность глубже соприкоснуться съ жизнью міра. Такія переживанія при



извѣстномъ художественномъ и поэтическомъ складѣ души могутъ приходить независимо отъ нравственной тренировки. Но переживанія іога глубоко связаны съ его этической работой, съ его очищеніемъ и просвѣтленіемъ.

3) Къ высокимъ переживаніямъ іога не можетъ привести развитіе психическихъ способностей, ибо это есть путь не внутренній, а внѣшній. Поэтому, нельзя пріурочить къ высшимъ степенямъ духовной жизни— развитіе способности ясновидѣнія, цѣлительнаго дара и т. п. ибо всѣ эти силы при напряженіи воли, можно иногда, до извѣстной степени, развить искусственно, безъ всякаго духовнаго труда. Но это путь ненормальный и въ высшей степени нежелательный.

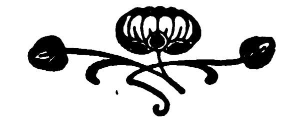
Трактуя о принципахъ герметизма, авторъ впадаетъ въ нѣкоторыя крайности, вслѣдствіе того, что онъ понимаетъ буквально выраженія Kybaliona, напр., «мѣра размаха направо, есть также и мѣра размаха налѣво»... Авторъ забылъ, что размахъ этого маятника не происходитъ только на одной плоскости. Движеніе осложняется другимъ, болѣе глубокимъ движеніемъ по спирали, вслѣдствіе котораго душа магнетически притягивается къ центру. На извѣстной ступени человѣкъ совершенно сливается съ этимъ. центромъ. «Размаха» больше нѣтъ, сердце іоги слилось съ Сердцемъ міра.

5) Непонятно, почему авторъ, отвергаетъ классификаціи Е. П. Блаватской въ Тайной Доктринѣ и принимаетъ менѣе авторитетную, изъ популярнаго оккультнаго руководства. Повидимому, онъ неправильно понимаетъ символы Венеры и Меркурія. Высшій манасъ, освобожденный отъ страсти сливается съ будхи.

Главное надоразумѣніе этой книги заключается въ томъ, что авторъ склоненъ дѣлать быстрыя заключенія, недостаточно обоснованныя, особенно—въ области сравнительнаго изученія древнихъ ученій. Такъ, онъ указываетъ что, въ герметизмѣ существовало также знаніе эзотеризма, какъ и въ древней Индіи. Съ другой стороны, средневѣковая мистика широко использовала герметизмъ въ формѣ извѣстнаго ученія алхиміи. Выводъ: раджа-іога и масонство— одно и то же. Не вѣрнѣе ли было бы сказать, что масонство, черпая въ герметизмѣ, положило въ основу своихъ ученій духовныя истины, провозглашенныя уже въ древней Индіи? Тождество традицій указываетъ на близость къ единому источнику, но никакъ не на тождество путей или исканій. Теософія учитъ, что въ основѣ всѣхъ великихъ религій были одни и тѣ же сокровенныя ученія о Духѣ, но изъ этого не вытекаетъ, что христіанство и буддизмъ или браманизмъ—одно и то же. Какъ историческія движенія, каждое имѣетъ свою оригинальную линію и задачу, и живутъ религіи не тѣмъ что онѣ заимствуютъ другъ отъ друга, но

тѣмъ что онѣ, каждая въ своемъ аспектѣ, передаютъ одинъ изъ Лучей Солнца Міра. Становясь на эту широкую почву, мы не понимаемъ—почему именно герметизмъ долженъ дать основу для научно-религіознаго синтеза. Вѣдь онъ только одинъ изъ лучей. Вѣрнѣе было бы сказать, что этотъ синтезъ осуществится при помощи Теософіи, которая обнимаетъ всѣ лучи единаго Солнца, всѣ цвѣта Небесной Радуги.

Alba.



Редакторъ Ц. Л. Гельмбольдтъ. Издательница А. А. Каменская.

тельно эфира, и сколькимъ бы друзьямъ онъ не открывалъ своихъ тайныхъ мыслей, какъ напр. въ его корреспонденціи съ Бентлеемъ—его ученія никогда не показывали, что у него была такая вѣра. Если онъ былъ „убѣжденъ, что сила притяженія не можетъ дѣйствовать посредствомъ матеріи черезъ пустое пространство“ [1]), какъ могло быть, что черезъ такое большое время, какъ въ 1860 году, французскіе астрономы, напр. Ле-Кутюрье, боролись съ „*гибельными* результатами теоріи ваккума, (пустоты), установленной великимъ человѣкомъ‘?

Ле-Кутюрье говоритъ:

«Il n'est plus possible aujourd'hui de soutenir comme Newton, que les corps célestes se meuvent au milieu du vide immense des espaces... Parmi les conséquences de la théorie du vide établie par Newton, il ne reste plus debout que le mot attraction»... Nous voyons venir le jour où le mot attraction disparaîtra du vocabulaire scientifique [2]).

(Въ настоящее время невозможно болѣе поддерживать, какъ это дѣлалъ Ньютонъ, мнѣніе, что небесныя тѣла движутся среди огромныхъ пустыхъ пространствъ...

Среди послѣдствій «теоріи пустоты, установленной Ньютономъ, остается только слово «притяженіе»... Но мы уже видимъ день, когда слово притяженіе исчезнетъ изъ научнаго словаря).

Проф. Винчелль пишетъ:

Эти мѣста (письма къ Бентлею) показываютъ, каковъ былъ его взглядъ относительно природы междупланетнаго средства сообщенія. Хотя онъ заявлялъ, что небеса—«лишены ощутимой матеріи», онъ въ другомъ мѣстѣ предполагалъ можетъ быть какіенибудь очень тонкіе пары, облака и истеченія, поднимающіяся отъ атмосферы земли, планетъ и кометъ и отъ такой чрезвычайно рѣдкой эфирной среды, которую мы описывали и въ другомъ мѣстѣ [3]).

Это только показываетъ, что даже такіе великіе люди, какъ Ньютонъ, не всегда имѣли смѣлость высказывать свои мнѣнія.

---

1) World-Life, Prof. Winchell L. L. D. p 49 and 50.

2) Panorama des Mondes, p. 47, and 53.

3) Newton, Optics III. Вопросъ 28. 1704; цитировано въ World-Life p. 50

Dr. T. S. Hunt

> обращалъ вниманіе на нѣкоторыя мѣста въ книгахъ Ньютона, долго оставленныя въ пренебреженіи,—изъ которыхъ видно, что увѣренность въ существованіи такой всеобщей между-космической среды постепенно укрѣплялась въ его умѣ [1]).

Но никто не обращалъ вниманія на эти мѣста до 28 ноября 1881 года, когда д-ръ Хэнтъ читалъ свои лекціи „Небесная Химія со временъ Ньютона". Какъ говоритъ Ле-Кутюрье:

> До того времени господствовала всеобщая идея, даже среди людей науки, что Ньютонъ, поддерживая корпускулярную теорію, проповѣдывалъ теорію *пустоты*.

Мѣста эти долго „оставались въ пренебреженіи", безъ сомнѣнія потому, что они противорѣчили и сталкивались съ любимыми предвзятыми теоріями даннаго времени, пока наконецъ теорія волнообразныхъ движеній не потребовала для своего объясненія „эфирной среды". Въ этомъ вся тайна.

Какъ бы ни было, именно изъ этой теоріи всемірной пустоты, о которой училъ Ньютонъ, если и не вѣрилъ въ нее самъ, вытекаетъ то великое презрѣніе, которое высказываютъ современные физики по отношенію къ древнимъ. Между тѣмъ древніе мудрецы утверждали, что „природа не терпитъ пустоты", тогда какъ величайшіе математики міра—т. е. западныхъ расъ—открыли „заблужденіе" древнихъ и высмѣяли его. И теперь послѣ столь долгаго времени, современной наукѣ приходится, хотя и неохотно, возстановлять права древняго знанія и кромѣ того оправдывать репутацію Ньютона и его способности къ наблюденію. И это послѣ того какъ наука болѣе полутораста лѣтъ не обращала вниманія на такія важныя мѣста въ книгахъ Ньютона,—можетъ быть именно потому, что для нея было удобнѣе не обращать на нихъ вниманія. Лучше поздно, чѣмъ никогда!

И теперь опять Отца - Эфира встрѣчаютъ съ распростертыми объятіями вмѣстѣ съ его лучшей половиной тяготѣніемъ до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ нихъ или оба не будутъ замѣнены чѣмъ-нибудь другимъ. Триста лѣтъ тому назадъ вездѣ была полнота (plenum), потомъ она превратилась во всеобщую печальную пустоту (vacuum), еще позже—дно звѣзднаго океана,

---

[1]) Тамъ же.



высушенное наукой, опять покрылось эфирными волнами. Recede ut procedas (отступай, чтобы наступать) должно бы было стать девизомъ точной науки—„точной" главнымъ образомъ въ томъ, что она находитъ себя неточной каждый высокосный годъ.

Но мы не будемъ ссориться съ великими людьми. Они должны были вернуться къ самимъ древнимъ „Богамъ Пиѳагора и древняго Канада" для того, чтобы оттуда извлекать самую сущность своихъ отношеній и „новѣйшихъ" открытій, и это можетъ вызвать добрую надежду у оккультистовъ относительно ихъ меньшихъ боговъ. Поэтому мы вѣримъ въ предсказаніе Кутюрье относительно тяготѣнія. Мы знаемъ, что приближается день, когда потребуютъ коренную реформу въ современныхъ методахъ науки сами ученые, какъ это уже сдѣлалъ сэръ Вильямъ Гровъ, F. R. S. (членъ Королевскаго общества физиковъ). До этого дня ничего нельзя сдѣлать. Потому что, если тяготѣніе будетъ завтра сведено съ пьедестала, послѣ завтра ученые откроютъ какой-нибудь новый видъ механическаго движенія [1]). Неровенъ и крутъ путь истинной науки и ея дни полны волненія духа. Но среди „тысячи" ея противорѣчивыхъ гипотезъ, предлагаемыхъ въ видѣ объясненія физическихъ явленій, нѣтъ лучшей гипотезы, чѣмъ „движеніе", какъ парадоксально не истолковываетъ его матеріализмъ. Какъ можетъ быть найдено на первыхъ страницахъ этого тома, оккультисты ничего не имѣютъ сказать противъ движенія [2]), Великаго Дыханія „Непознаваемаго" Герберта Спенсера. Но, вѣря, что все на

---

[1]) Если читать работы сэра Исаака Ньютона непредубѣжденно, они даютъ всегда готовое свидѣтельство о томъ, какъ онъ долженъ быть колебался между тяготѣніемъ и притяженіемъ, импульсомъ или какой-нибудь другой *неизвѣстной причиной* для объясненія правильнаго теченія планетарнаго движенія. См. хотя бы его Трактатъ о цвѣтахъ (Т. III. Вопросъ 31). Гершель говоритъ намъ, что Ньютонъ завѣщалъ своимъ преемникамъ обязанность вывести всѣ научныя заключенія изъ его открытія. Насколько современная наука злоупотребила правомъ строить свои новѣйшія теоріи на законѣ притяженія, станетъ ясно, когда мы вспомнимъ, какъ глубоко религіозенъ былъ этотъ великій человѣкъ.

[2]) Матеріалистическая идея о томъ, что разъ въ физикѣ реальное или осязательное движеніе невозможно въ чистомъ пространствѣ или въ пустотѣ, то поэтому вѣчное движеніе Космоса и въ Космосѣ—разсматриваемомъ, какъ безконечное пространство—есть *фикція*, только показываетъ еще разъ, что такія выраженія восточныхъ метафизиковъ, какъ „чистое пространство", „чисто Бытіе, „Абсолютъ" и пр. никогда не были поняты на Западѣ.

землѣ есть только тѣнь чего-то въ пространствѣ, они думаютъ, что меньшія „дыханія", живыя, разумныя и независящія ни отъ чего, кромѣ закона, чувствуются по всѣмъ направленіямъ въ теченіе періодовъ манвантары. Наука отклоняетъ ихъ существованіе. Но чтобы ни было придумано для замѣны притяженія, иначе тяготѣнія, результатъ будетъ тотъ же самый. Наука будетъ тогда такъ же далека отъ разрѣшенія своихъ затрудненій, какъ теперь, если только она не придетъ къ какому-нибудь компромиссу съ оккультизмомъ и даже съ алхиміей—предположеніе, на которое теперь посмотрятъ, какъ на дерзость, но которое тѣмъ не менѣе остается фактомъ. Какъ говоритъ Фай (Faye).

> Il manque quelque chose aux géologues pour faire la géologie de la Lune, c'est d'être astronomes. A la vérité, il manque aussi quelque chose aux astronomes pour aborder avec fruit cette étude, c'est d'être géologues [1]).
>
> (Геологамъ не достаетъ кое-чего для того, чтобы создать геологію Луны, это быть астрономами. Не достаетъ такъ же кое-чего и астрономамъ для того, чтобы съ пользой приступить къ этому изученію, это быть геологами).

Но онъ могъ бы прибавить съ еще большимъ остроуміемъ:

> Ce qui manque à tous les deux, c'est l'intuition miystique.
>
> (Чего не достаетъ обоимъ, это интуиціи мистика).

Будемъ помнить мудрыя „заключительныя замѣчанія" сэра Вильяма Грова о конечной структурѣ матеріи или о деталяхъ молекулярныхъ движеній, которыхъ, по его мнѣнію, человѣкъ никогда не будетъ знать.

> Много вреда уже сдѣлано попытками гипотетически анатомировать матерію и обсуждать форму, размѣръ и число атомовъ и ихъ атмосферъ, тепла, эфира или электричества. Можно ли или нѣтъ допускать взглядъ на свѣтъ, электричество, магнетизмъ и пр., какъ просто движенія обыкновенной матеріи, вѣрно только одно, что всѣ существовавшія раньше теоріи превращали, а всѣ существующія теперь превращаютъ дѣйствіе этихъ силъ въ движеніе. Потому ли что на основаніи нашего знакомства съ движеніемъ мы относимъ другія проявленія къ нему, какъ къ слову, наиболѣе удобному и наиболѣе усвоенному для объясненія ихъ, или потому,

---

[1]) Изъ World-Life Винчелля, pg. 379.



что это въ дѣйствительности единственный видъ, въ которомъ нашъ умъ, какъ противоположный чувствамъ, способенъ воспринять матеріальные агенты, вѣрно одно, что съ того времени, когда мистическія идеи духовныхъ или сверхъ-природныхъ силъ были приложены для объясненія физическихъ явленій, всѣ гипотезы, образованныя для объясненія ихъ, превращали ихъ въ движеніе.

И затѣмъ этотъ ученый высказываетъ чисто оккультное утвержденіе:

Терминъ «постоянное движеніе», которымъ я довольно часто пользовался на этихъ страницахъ, самъ по себѣ двусмысленъ. Если бы выдвинутыя здѣсь ученія были достаточно обоснованы, всякое движеніе въ извѣстномъ смыслѣ постоянно. Въ массахъ, движеніе которыхъ остановлено взаимнымъ столкновеніемъ, зарождается тепло или движеніе частицъ; и такимъ образомъ движеніе продолжается такъ, что если бы мы рѣшились распространять такія мысли на вселенную, мы должны были бы предположить одно и то же количество движенія, дѣйствующее вѣчно на одно и то же количество матеріи [1]).

Это именно то, что утверждаетъ оккультизмъ, и на основаніи того же самого принципа, по которому:

Гдѣ сила противопоставляется силѣ и производитъ статическое равновѣсіе, существовавшее раньше равновѣсіе нарушается и начинается новое движеніе, соотвѣтствующее тому количеству его, которое перешло въ стадію потенціальности.

Этотъ процессъ имѣетъ интервалы въ пралайѣ, но вѣченъ и непрерывенъ, какъ „Дыханіе", даже тогда, когда отдыхаетъ проявленный Космосъ.

Такимъ образомъ, если притяженіе или тяготѣніе будетъ откинуто въ пользу той теоріи, что солнце есть огромный магнитъ—теорія уже принятая нѣкоторыми физиками—магнитъ, который дѣйствуетъ на планетахъ, какъ теперь предполагается, что дѣйствуетъ притяженіе, то куда и какъ далеко это можетъ повести астрономовъ отъ того мѣста, гдѣ они находятся теперь? Ни на одинъ шагъ дальше. Кеплеръ пришелъ къ этой любопытной гипотезѣ" почти 300 лѣтъ тому назадъ. Онъ не открылъ теорію притяженія и отталкиванія въ космосѣ, ибо эта теорія была извѣстна со времени Эмпедокла, который назвалъ

1) Correl. Phys. Forces p. 173.



эти двѣ противоположныя силы „любовью" и „ненавистью"—словами, включающими въ себя ту же самую идею. Но Кеплеръ далъ довольно хорошее описаніе космическаго магнетизма. Что такой магнетизмъ существуетъ въ природѣ, также вѣрно какъ то, что тяготѣнія не существуетъ во всякомъ случаѣ не въ такомъ видѣ, какъ учитъ наука, никогда не принимавшая въ соображеніе различныхъ способовъ, въ которыхъ можетъ выражаться дѣйствіе двойственной силы, именуемой оккультизмомъ притяженіемъ и отталкиваніемъ въ нашей солнечной системѣ, въ земной атмосферѣ и вообще въ Космосѣ.

Какъ писалъ великій Гумбольдтъ:

> Въ пространствѣ за предѣлами солнца до сихъ поръ не было найдено ни одного явленія, аналогичнаго нашей солнечной системѣ. Это особенность нашей системы, что матерія сгущается въ ней въ облачныя кольца, ядра которыхъ сгущаются въ земли и луны. Я говорю опять: до сихъ поръ *ничего подобнаго не наблюдалось за предѣлами нашей планетарной системы* [1]).

Правда, что съ 1860 года появилась теорія туманностей, и послѣ тщательной разработки предполагается, что нѣсколько тождественныхъ съ ней феноменовъ наблюдалось за предѣлами солнечной системы. Однако великій человѣкъ былъ все-таки совершенно правъ: за предѣлами нашей системы, никакія *земли, луны* не могутъ быть найдены, кромѣ *похожихъ на нихъ по виду*, а также не могутъ быть найдены состоящіе изъ матеріи такого же порядка. Таково оккультное ученіе.

Это было доказано самимъ Ньютономъ, потому что въ нашей солнечной системѣ существуетъ много явленій, относительно которыхъ онъ самъ признался въ своей неспособности объяснить ихъ закономъ тяготѣнія, „таковы суть: однообразіе въ направленіи планетныхъ движеній, форма орбитъ, близкая къ круговой, и ихъ замѣчательная согласованность съ общимъ планомъ [2]). А если есть хоть одно исключеніе, то на законъ тяготѣнія уже нельзя ссылаться, какъ на универсальный. „Эти поправки, какъ намъ говорятъ, Ньютонъ въ своей общей Схоліи называетъ работой разумнаго и всемогущаго существа". Разумнымъ это „Существо" можетъ быть; но что касается его

---

[1]) См. Revue Germanique отъ 31 дек. 1860. Статья „Lettres et Conversations d'Alexandre Humboldt".

[2]) Проф. Винчелль.



всемогущества, то есть полное основаніе сомнѣваться въ этомъ. Бѣдный же онъ „Богъ", если долженъ работать самъ надъ такими мелочами и предоставлять болѣе важную работу второстепеннымъ силамъ! Бѣдность этого доказательства и такой логики превзойдены только Лапласомъ, который совершенно правильно, стараясь замѣнить движеніемъ „всемогущее Существо" Ньютона и не зная истинной природы Вѣчнаго Движенія, видитъ въ немъ слѣпой физическій законъ. „Развѣ не могутъ эти поправки быть результатомъ законовъ движенія?" спрашиваетъ онъ, забывая подобно всѣмъ современнымъ намъ ученымъ, что этотъ законъ и это движеніе образуютъ порочный кругъ до тѣхъ поръ, пока *природа обоихъ* остается необъясненной. Его знаменитый отвѣтъ Наполеону:—„Dieu est devenu une hypothèse inutile" (Богъ сталъ ненужной гипотезой) можетъ быть правильно сдѣланъ только послѣдователемъ философіи Веданты. Онъ становится чистой нелѣпостью, если мы исключимъ вмѣшательство дѣйствующихъ сознательныхъ и могущественныхъ (но никогда не „всемогущихъ") Существъ, которыя называются „Богами".

Но мы спросили бы критиковъ средневѣковыхъ астрономовъ, почему Кеплеръ объявляется крайне ненаучнымъ за то, что онъ предлагаетъ то же самое рѣшеніе, какъ Ньютонъ, только показавъ себя болѣе искреннимъ, болѣе основательнымъ и даже болѣе логичнымъ? Въ чемъ заключается разница между „Всемогущимъ Существомъ" Ньютона и Правителями (Rectores) Кеплера, его Звѣздными и Космическими Силами или Ангелами? Кеплеръ опять подвергается критикѣ за его „любопытную гипотезу, которая пользуется вихревымъ движеніемъ внутри солнечной системы", за его теоріи вообще, и за поддерживаніе идеи Эмпедокла о притяженіи и отталкиваніи, и о „солнечномъ магнетизмѣ", въ особенности. Однако нѣсколько современныхъ ученыхъ, какъ будетъ показано—Хэнтъ, если исключить Меткафа (Metcalfe), д-ръ Ричардсонъ и др.—очень сильно поддерживаютъ ту же идею. Но его наполовину извиняютъ на томъ основаніи, что:

> До временъ Кеплера опредѣленно не признавалось ни одного взаимодѣйствія между матеріальными массами, которое по своему происхожденію считалось бы отличнымъ отъ магнетизма [1]).

---

[1]) World-Life, p. 553.



Но развѣ это *ясно* различается теперь? Развѣ проф. Винчелль могъ заявить со стороны науки о наличіи серьезнаго знанія природы электричества или магнетизма—помимо того, что оба кажутся результатами какого-то дѣйствія какой-то неопредѣленной причины.

Идеи Кеплера, если изъ нихъ выбрать ихъ теологическія тенденціи, являются чисто оккультными. Онъ зналъ, что

I. Солнце есть большой магнитъ [1]). Въ это же вѣрятъ нѣкоторые изъ знаменитыхъ современныхъ ученыхъ и также оккультисты.

II. Солнечная субстанція нематеріальна [2]). Въ смыслѣ, конечно, матеріи, существующей въ состояніяхъ, неизвѣстныхъ наукѣ.

III. Для постояннаго движенія и возстановленія энергіи Солнца и планетнаго движенія Кеплеръ предполагаетъ постоянную заботу Духа или Духовъ. Вся древность вѣрила въ эту идею. Оккультисты не употребляютъ слова Духъ, не говорятъ о Созидательныхъ Силахъ, которыхъ они надѣляютъ сознаніемъ. Но мы можемъ также назвать ихъ Духами. Насъ могутъ обвинить въ противорѣчіи. Скажутъ, что мы отрицая Бога, допускаемъ Боговъ или дѣйствующихъ Духовъ, и что мы приводимъ цитаты изъ ханжескихъ римско-католическихъ писателей въ поддержку своимъ доказательствамъ. На это мы отвѣчаемъ: Мы отрицаемъ антропоморфическаго Бога Монотеистовъ, но никогда не отрицали Божественнаго Начала въ природѣ. Мы боремся съ протестантами и римскими католиками по множеству догматическихъ, теологическихъ вѣрованій человѣческаго и сектантскаго происхожденія. Мы соглашаемся съ ними въ ихъ вѣрѣ въ Духовъ и сознательно дѣйствующія Силы, хотя мы не поклоняемся „Ангеламъ", какъ это дѣлаютъ католики.

Настóящая теорія въ значительной степени стала непріемлемой гораздо болѣе по причинѣ допущеннаго въ нее „Духа", чѣмъ изъ-за чего-либо другого. Гершель старшій такъ же вѣрилъ въ нее, а также и нѣкоторые современные ученые. Тѣмъ не менѣе проф. Винчелль заявляетъ: „гипотезы болѣе фантастической и менѣе согласной съ требованіями физическихъ принциповъ, не предлагалось ни въ древности, ни въ наше время" [3]).

---

[1]) См. Astronomie du Moyen Age Деламбра.

[2]) См. Isis Unveiled. I, 270. 271.

[3]) World-Life, 554.





8-й годъ изданія.

ВѢСТНИКЪ ТЕОСОФІИ

РЕЛИГІОЗНО-ФИЛОСОФСКО-
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Satyât Nâsti Paro Dharmah

(Нѣтъ религіи выше истины).

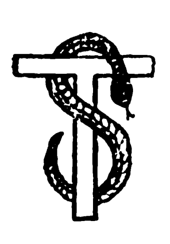
---

7 мая—7 іюня.

ПЕТРОГРАДЪ.

1915.

№ 5—6.



Типографія Б. М. Вольфа, Петроградъ, Вас. Остр., Волховской пер., 4.



Отъ Комитета ВЫСОЧАЙШЕ разрѣшенной благотворительной лотереи 1914 г.

Комитетъ ВЫСОЧАЙШЕ разрѣшенной благотворительной лотереи открылъ 18 минувшаго Декабря продажу билетовъ. Вырученныя суммы предназначены на помощь раненымъ и больнымъ воинамъ, семьямъ лицъ, призванныхъ на войну, и лицамъ, пострадавшимъ отъ военныхъ бѣдствій. Потребности эти—безпредѣльны. Помощь необходима безотлагательная и непрестанная; а для этого нужны средства. Между тѣмъ казна обременена огромными расходами на войну и на выдачу пайка семьямъ запасныхъ; приношенія же жертвователей обильны, но далеко недостаточны. Лотерея задумана для того, чтобы облегчить самую острую нужду. Тѣ 20.000.000 р., на которые выпущены билеты, а за вычетомъ 3.000.000 р., уже отчисленныхъ на выдачу выигрышей, только 17.000.000 р. пойдутъ для этой цѣли. Это поняли многіе русскіе люди: широкою рѣкою на всемъ огромномъ пространствѣ Россіи устремились они въ учрежденія, гдѣ продаются билеты. Розыгрышъ лотереи будетъ произведенъ въ Петроградѣ публично въ концѣ Марта этого года, а потому времени осталось немного и надо спѣшить пріобрѣтать билеты и вносить лепту на святое дѣло помощи пострадавшимъ героямъ войны и ихъ семьямъ.

ВЫСОЧАЙШЕ разрѣшенная БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ ЛОТЕРЕЯ 1914 г.

Доходъ отъ сей лотереи поступаетъ **въ пользу раненыхъ и больныхъ воиновъ семей лицъ, призванныхъ на войну, и лицъ, пострадавшихъ отъ военныхъ бѣдствій.**

Лотерейные билеты выпущены двумя выпусками по 10.000.000 р., всего на 20.000.000 р. Каждый выпускъ состоитъ изъ 2.000.000 билетовъ, раздѣленныхъ на 20.000 серій, по 100 билетовъ въ каждой серіи. Билетъ содержитъ пять отдѣльныхъ частей. Продажа совершается какъ цѣлыми билетами, такъ и отдѣльными частями. Билеты 1-го выпуска—свѣтло-зеленаго цвѣта, а 2-го—розоваго. Цѣна билета—5 р., а каждой части—1 р. Владѣлецъ билета, на который палъ выигрышъ, получаетъ всю сумму выигрыша, владѣлецъ же каждой отдѣльной части билета, на который палъ выигрышъ,—одну пятую часть его.

Число выигрышей въ 1-мъ выпускѣ—**4334** на **1.500.000** р. (бил. свѣтло-зеленаго цвѣта).

1	выигр. въ	100.000 р.
1	" "	50.000 "
2	" "	25.000 "
10	" "	10.000 "
20	" "	5.000 "
100	" "	1.000 "
200	" "	500 "
1.000	" "	300 "
3.000	" "	200 "

Число выигрышей во 2-мъ выпускѣ—**4334** на **1.500.000 р.** (билеты розоваго цвѣта).

1	выигр. въ	100.000 р.
1	" "	50.000 "
2	" "	25.000 "
10	" "	10.000 "
20	" "	5.000 "
100	" "	1.000 "
200	" "	500 "
1.000	" "	300 "
3.000	" "	200 "

Всего въ обоихъ выпускахъ **8.668** выигрышей на общую сумму **3.000.000** рублей.

Розыгрышъ лотереи состоится во второй половинѣ **Марта мѣсяца 1915 года** въ Петроградѣ, публично, въ Совѣтѣ Государственнаго Банка, въ присутствіи одного изъ членовъ Комитета и депутатовъ отъ Петроградскихъ: дворянства, губернскаго земскаго собранія и городского общественнаго управленія.

Выдача выигрышей будетъ производиться въ Петроградской Конторѣ Государственнаго Банка предъявителямъ билетовъ или частей ихъ, по опубликованіи таблицы выигрышей въ „Правительственномъ Вѣстникѣ", не позднѣе 14 дней со дня предъявленія билета или отдѣльной части того билета, на который палъ выигрышъ.

Выигрыши не подлежатъ никакимъ налогамъ.

Продажа билетовъ производится:

а) въ **Государственномъ Банкѣ**, его конторахъ и отдѣленіяхъ;
б) въ **казначействахъ**;
в) въ **Государственныхъ Сберегательныхъ Кассахъ въ Петроградѣ и Москвѣ и при желѣзнодорожныхъ станціяхъ;**
г) въ **учрежденіяхъ Почтово-Телеграфнаго вѣдомства, а также въ наиболѣе крупныхъ частныхъ кредитныхъ учрежденіяхъ;**
д) Кромѣ того, жители сельскихъ мѣстностей могутъ заказывать билеты у земскихъ начальниковъ, въ волостныхъ правленіяхъ, въ учрежденіяхъ мелкаго кредита и у податныхъ инспекторовъ. Билеты и части билетовъ по такимъ заказамъ будутъ немедленно доставлены.

ПРОДАЖА

билетовъ ВЫСОЧАЙШЕ разрѣшенной благотворительной лотереи 1914 года въ пользу раненыхъ и больныхъ воиновъ, семей лицъ, призванныхъ на войну, и лицъ, пострадавшихъ отъ военныхъ бѣдствій,

ПРОДОЛЖАЕТСЯ и БУДЕТЪ ЗАКОНЧЕНА

въ Конторахъ и Отдѣленіяхъ Государственнаго Банка, Казначействахъ, Государственныхъ Сберегательныхъ Кассахъ, учрежденіяхъ Почтово-Телеграфнаго Вѣдомства и частныхъ банкахъ—15 мая 1915 года, а у земскихъ начальниковъ, податныхъ инспекторовъ и инспекторовъ мелкаго кредита и въ иныхъ учрежденіяхъ, принявшихъ на себя трудъ по размѣщенію билетовъ,—1 мая 1915 года.

Цѣна билета—5 рублей, а одной пятой части билета—1 рубль.

Выигрыши—отъ 200 р. до 100.000 р.
Всего выигрышей—8.668 на 3.000.000 р.

РОЗЫГРЫШЪ БИЛЕТОВЪ ЛОТЕРЕИ НАЧНЕТСЯ 1 ІЮНЯ 1915 года и будетъ законченъ, ввиду значительнаго числа выигрышей, въ теченіе мѣсяца. Розыгрышъ будетъ произведенъ Совѣтомъ Государственнаго Банка въ АЛЕКСАНДРОВСКОМЪ Залѣ Петроградской Городской Думы публично въ присутствіи Членовъ Комитета лотереи и депутатовъ отъ Петроградскихъ: Дворянства, Губернскаго Земскаго Собранія и Городского Общественнаго Управленія. Входъ для публики свободный.

Таблицы выигрышей для каждаго выпуска отдѣльно будутъ опубликованы по окончаніи лотереи въ „Правительственномъ Вѣстникѣ". Для справокъ владѣльцевъ билетовъ означенныя таблицы будутъ выставлены въ мѣстахъ продажи, а также продаваемы въ учрежденіяхъ Государственнаго Банка и Казначействахъ по 5 к. за экземпляръ.

Билеты лотереи и части ихъ, на которые пали выигрыши, должны быть представлены въ Петроградскую Контору Государственнаго Банка и выигрыши будутъ выдаваться названною Конторою не позднѣе 14 дней по полученіи билета. Лица, проживающіе внѣ Петрограда, могутъ предъявлять билеты, на кои палъ выигрышъ, или ихъ части съ подписью на нихъ владѣльца въ мѣстныя учрежденія Государственнаго Банка и Казначейства. Означенныя учрежденія будутъ пересылать представленные билеты или части ихъ въ Петроградскую Контору для перевода выигрышей, при условіи застрахованія ихъ за счетъ владѣльцевъ въ суммѣ выигрышей.

От Редакціи журнала „Вѣстникъ Теософіи".

Въ виду недостатка краткихъ популярныхъ руководствъ по основнымъ вопросамъ Теософіи, намѣченъ къ изданію рядъ брошюръ, излагающихъ въ сжатой, общедоступной формѣ основныя положенія Теософіи. Въ настоящее время вышли изъ печати шесть первыхъ брошюръ: № 1. „Человѣкъ и его видимый и невидимый составъ" № 2. „Законъ причинъ и послѣдствій" (Карма). № 3. Перевоплощеніе. № 4. Сила мысли. № 5. Законы высшей жизни. № 6. Жизнь послѣ смерти. Что такое Теософія?

Статьи, присылаемыя для напечатанія въ „Вѣстникѣ Теософіи", подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и исправленіямъ. Рукописи должны быть написаны четко и на одной сторонѣ листа. Рукописи, не востребованныя въ теченіе трехмѣсячнаго срока, уничтожаются.

Во избѣжаніе недоразумѣній съ доставкою журнала Редакція проситъ гг. подписчиковъ заблаговременно **сообщать ей о перемѣнѣ ихъ адресовъ, не позже перваго числа каждаго мѣсяца.**

Заявленія о неполученіи очереднаго № должны быть дѣлаемы не позже полученія слѣдующей книжки журнала, такъ какъ жалобы, заявляемыя по истеченіи этого срока, экспедиція городского почтамта оставляетъ безъ разсмотрѣнія.

„Вѣстникъ Теософіи" за 1909, 1910, 1911, 1912, 1913 и 1914 года имѣются для продажи въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ. **Цѣна** съ пересылкой по 7 рублей за каждый годъ.

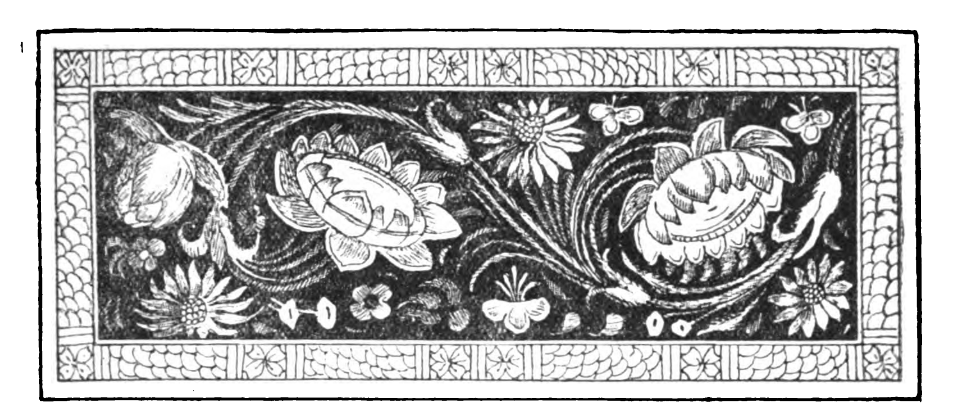


СОДЕРЖАНІЕ

Майской—іюньской книжки „Вѣстника Теософіи“.

SOMMAIRE DU № DE MAI—JUIN:

Pages.



Вѣнцы сіянные.

VIII.

АГНИ-СОЖИГАТЕЛЬ.

О божественный Агни, моленью внемли:
Бездыханнаго праха не жги, не терзай,

Пеленою багряной любовно обвей—
Вѣдь душа отлетѣла въ обитель Отцовъ...

Ублажимъ тебя жертвой, а ты поспѣшай,
Златокрылою птицей на жертву слети.

Возвратитъ пусть усопшій богамъ и землѣ,
Что отъ нихъ воспріялъ онъ, какъ жизненный даръ:

Очи—Солнцу, а Вайу—дыханье вернетъ,
А растеньямъ и водамъ—что взято отъ нихъ,

Что даровано было щедротой небесъ,
Иль земной благостыней—обратно отдастъ.

Но безсмертную душу лучами согрѣй
И на пламенныхъ крыльяхъ умчи къ небесамъ;

А когда заповѣдный приблизится срокъ—
Изъ жилища блаженныхъ онъ явится вновь.

Но и прежнее тѣло его сохрани
Отъ змѣи и отъ птицы и хищныхъ звѣрей.

. . . .

О возлюбленный, тѣло твое умастимъ,
Облечемъ нерушимой бронею огня,

Пусть, какъ знамя побѣды, священный огонь
Разовьется блестящимъ шатромъ надъ тобой,

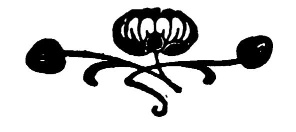
А когда, отгорая, угаснетъ костеръ,
На лугу улыбнется цвѣтами земля.

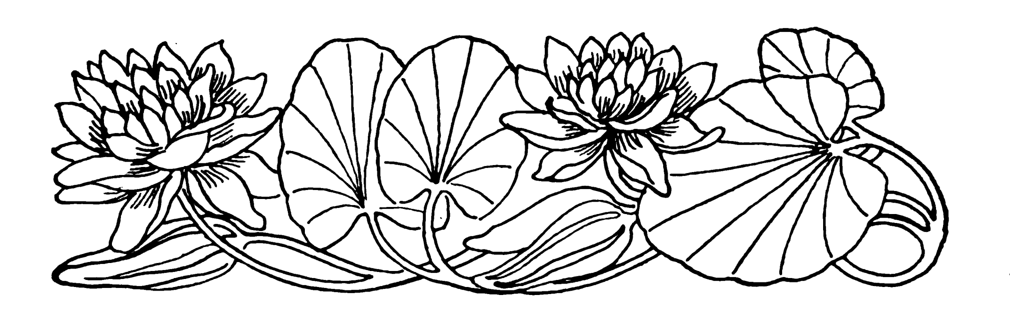
IX.

ЙАМА—ВЛАДЫКА СМЕРТИ.

Въ міръ безсмертія, гдѣ блещетъ свѣтъ немеркнущаго Солнца,
Я хочу къ тебѣ умчаться, Йама!
Въ царствѣ Йамы, гдѣ въ глубинахъ колыбели рѣкъ державныхъ—
Въ выси неба поселюсь навѣки.
Гдѣ въ тройномъ небесномъ сводѣ ликованьемъ жизнь трепещетъ—
Въ море свѣта погружусь навѣки.
Гдѣ страна свершенной грезы, гдѣ чертогъ лучистый солнца—
Въ міръ блаженства улечу навѣки.
Гдѣ царитъ покой отрадный, радость сбывшихся желаній,—
Въ томъ краю я водворюсь навѣки.

Анна Веселовская.





На сторожевомъ посту.

„Мы любимъ Россію, а если любимъ, не оставимъ ее, главное, повѣримъ въ ея грядущее воскресеніе".
Д. Философовъ.

Пасхальные номера газетъ и журналовъ полны серьезныхъ бодрыхъ и свѣтлыхъ мыслей, и любовь къ Россіи, простая и глубокая, звучитъ въ этихъ статьяхъ. Но страшно хвалить свой народъ...

„Страшно говорить о душѣ русскаго народа, страшно говорить за народъ", пишетъ Д. Философовъ [1]). Кто дастъ это право? Еще страшнѣе утверждать, что душа его избранная... Грѣшно превозносить свой народъ... Но какъ не любить свой народъ? Почему бояться пристрастія любви?" И авторъ призываетъ насъ испить мужественно чашу страданія до дна, не переставая служить Россіи, какъ это подобаетъ вѣрнымъ сынамъ ея, любовью и вѣрой, „вѣрой въ ея грядущее воскресеніе".

* * *

Въ разсказѣ Г. Петрова, „Въ Костелѣ" [2]), рисуется картина поруганнаго непріятелемъ храма, въ которомъ русскіе нашли смрадъ и лужи крови. Солдаты, зашедшіе въ костелъ, увидѣвъ слѣды нѣмецкаго житья, выходили мрачные, стиснувъ зубы, съ злымъ огнемъ въ глазахъ. У всѣхъ было тяжело на душѣ... Но вдругъ заигралъ органъ. Это полковой докторъ, страстный лю-

---

[1]) „Страданіе и Воскресеніе", Русское Слово, 22 Марта.
[2]) Тамъ-же.

битель музыки, взобрался на хоры и пѣлъ Ave Maria. Стихло все и молитва вознеслась въ поруганномъ храмѣ, очищая его и снова освящая. Къ ней присоединились всѣ, русскіе, армяне, грузины, сибиряки, солдаты и офицеры; всѣ участвовали въ молитвѣ въ польскомъ костелѣ, подъ звуки Ave Maria... Батальонный вспомнилъ, что нынче страстная суббота и поднялся къ доктору на хоры, прося его исполнить что-нибудь изъ пасхальной службы. И вотъ, съ хоровъ, подъ звуки органа, раздались чудныя великопостныя молитвы и псалмы, за которыми торжественно прогремѣло „Христосъ воскресе изъ мертвыхъ, смертію смерть поправъ!“... Толпа подхватила и храмъ огласился ликующимъ пѣснопѣніемъ... „Докторъ, милый, говорилъ, обнимая его батальонный, Христосъ Воскресе! Здѣсь сегодня, именно здѣсь! Какъ это страшно и странно, и прекрасно! *Вся жизнь воскреснетъ*! Храмъ обратили въ конюшню... и конюшню освятили въ храмъ!..“

И въ статьяхъ „Галицкіе храмы“ [1]), и въ статьѣ „Поруганный алтарь“ [2]), звучитъ та же глубокая нота беззавѣтной вѣры въ очищеніе и исцѣленіе жизни черезъ чудо любви и воскресенія.

* * *

Глубокое значеніе имѣютъ статьи, задавшіяся цѣлью осознать внутренній смыслъ переживаемыхъ потрясеній. Таковы нѣкоторые философскіе очерки въ журналѣ „Вопросы философіи и психологіи“ [3]). Такова и недавно вышедшая книга И. Ильина „Духовный смыслъ войны“.

По мнѣнію автора, война ставитъ передъ каждымъ изъ насъ вопросъ: „какъ я жилъ до сихъ поръ? чѣмъ я жилъ?“ И въ этомъ духовное испытаніе и духовный судъ войны. Она заставляетъ пересмотрѣть и переоцѣнить всѣ цѣнности и приводитъ къ выводу: „живи такъ, чтобы ты при жизни любилъ нѣчто высшее болѣе, чѣмъ себя“. И она учитъ насъ жить всегда такъ, чтобы „быть готовыми стать на защиту того высшаго, которое мы любимъ больше себя“.

Въ этой статьѣ есть интересное мѣсто, посвященное „нравственному добровольчеству“ и „нравственному дезертирству“.

---

1) С. Мамонтова, тамъ-же.

2) М. Боговича.

3) Ноябрь—декабрь. Ст. И. Ильина „Основное нравственное противорѣчіе войны“.



Авторъ указываетъ, что человѣкъ, живущій для личнаго своего удовлетворенія, идетъ постоянно отъ компромисса къ компромиссу и такъ понемногу слагается настроеніе „дезертира". Наоборотъ, человѣкъ, возлюбившій нѣчто высшее больше, чѣмъ себя, упражняется въ постоянномъ „нравственномъ добровольчествѣ"; онъ постоянно добровольно и радостно жертвуетъ собою ради цѣлей сверхличныхъ. Такое настроеніе исполнено той высшей красотой духа, которая создаетъ истиннаго героя.

Не всякая война оправдывается духовно, но настоящая война имѣетъ такое оправданіе. Но мы не должны забывать, что побѣда можетъ быть добыта только путемъ духовнаго подъема и духовнаго напряженія живыхъ внутреннихъ силъ Россіи, что есть уже само по себѣ „начало нашего возрожденія".

* * *

Знаменательны эти голоса нашихъ передовыхъ общественныхъ дѣятелей и мыслителей; полна значенія эта укрѣпляющаяся вѣра въ наступленіе новой эры, и въ особенности важно растущее убѣжденіе, что только *духовное* возрожденіе, т. е. преображеніе *внутренняго* человѣка, можетъ исцѣлить и обновить міръ. Никакія новыя формы жизни, какъ бы онѣ ни были прекрасны и утончены, не создадутъ царства Божія на землѣ, пока самъ человѣкъ не перестанетъ питать звѣря въ своей душѣ, пока онъ не поднимется на ступень, на которой онъ станетъ „вполнѣ человѣкомъ". Подняться на эту ступень можетъ лишь человѣкъ, познавшій себя какъ „духъ живой", и живущій велѣніемъ этого духа. Познаніе себя, какъ духа, познаніе своей божественности есть та задача, къ которой призывали всѣ великіе Учителя человѣчества, и ее же властно ставитъ передъ нами Теософія. Только человѣкъ, познавшій свою божественность, познаетъ и свое высшее назначеніе. Только познавшій свою миссію въ состояніи ее исполнить.

„Взгляни въ себя: ты Будха!", говорятъ на Востокѣ. (Будхи—просвѣтленный духъ).

„Или вы не знаете самихъ себя, что Іисусъ Христосъ въ васъ!" [1]) говоритъ Апостолъ, и дальше:

„Дѣти мои, для которыхъ я снова въ мукахъ рожденія, доколѣ не изобразится въ васъ Христосъ" [2]).

---

[1]) Второе посланіе къ Коринѳянамъ. XIII гл.

[2]) IV гл. къ Галатамъ.

Когда звѣрь побѣжденъ, старый Адамъ умираетъ и рождается человѣкъ новаго сознанія. Христово сознаніе—это сознаніе просвѣтленнаго духа, который призналъ единство всего сущаго и потому для него нѣтъ болѣе „ни Еллина, ни Іудея". Это сознаніе раскрывшагося въ насъ „Бога", подобно заключенному орлу, который разбиваетъ свою клѣтку и, познавъ свою свободу, расправляетъ свои крылья, чтобы летѣть прямо къ Солнцу. Клѣтка—это наша маленькая земная личность, вѣками держащая насъ въ плѣну и упорно питающая нашу самость. Орелъ—это наша безсмертная индивидуальность, которая разбиваетъ всѣ оковы и вылетаетъ изъ своего вѣкового плѣна: ибо крылья орлиныя выросли и часъ свободы пробилъ. Не наступаетъ этотъ часъ среди криковъ смятенія и нетерпѣливыхъ попытокъ богоборства. Онъ наступаетъ лишь въ часъ глубокой тишины, которая слѣдуетъ послѣ грозы, когда вся природа, омытая небеснымъ дождемъ, ускоренно растетъ въ лучахъ утренняго солнца. Онъ наступаетъ въ часъ просвѣтленія, когда огонь и вода сдѣлали свою великую работу очищенія, и когда душа, уподобившаяся алебастровому сосуду, уготовилась къ принятію и храненію священнаго пламени, которому суждено зажегшись—уже не гаснуть и не колебаться болѣе никогда. Это вновь рожденіе и воскресеніе совершается въ каждой душѣ, устремившей внутренній взоръ свой на Солнце міра и познавшей себя лучомъ Его. Оно совершится со временемъ во всемъ человѣчествѣ, когда все человѣчество, познавъ свою божественность, уготовитъ въ сердцѣ своемъ обитель Христу. Св. Софія, Теософія, раскрываетъ намъ путь къ этому совершенію.

Русской душѣ близка эта задача и къ осуществленію ея—сознательно и безсознательно—направлена вся зарождающаяся славянская культура. На меньшемъ мы не помиримся. Сильно чувствуетъ это душа русскаго народа и потому что она такъ глубоко это чувствуетъ, она несомнѣнно и подойдетъ къ осуществленію своей миссіи, она освятитъ земную жизнь свѣтомъ Св. Софіи...

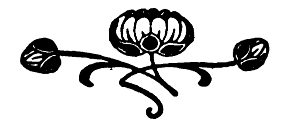
* * *

Воскресеніе жизни естественно должно идти черезъ возрожденіе молодого поколѣнія и потому глубокое значеніе имѣютъ тѣ новыя школы, которыя открываются на новыхъ основахъ, съ вѣрой въ идеалы вѣчные и съ сознательнымъ стремленіемъ къ одухотворенію жизни. Это первыя ласточки грядущей свѣтлой Весны.

Въ октябрѣ, 1914 г., недалеко отъ Москвы, въ лѣсномъ поселкѣ, былъ открытъ дѣтскій садъ, который, между прочимъ, далъ и пріютъ группѣ дѣтей отцовъ, ушедшихъ на войну. Зимній сезонъ прошелъ очень оживленно. Занятія въ комнатахъ чередовались съ прогулками, играми и занятіями на свѣжемъ воздухѣ. Дѣти сильно привязались къ своей школѣ и она будетъ расширена.

Съ осени 1915 г. предлагается открытіе здѣсь „Лѣсной Школы" съ широкими задачами. Цѣль школы—дать дѣтямъ истинное гармоническое развитіе. При школѣ будетъ общежитіе для мальчиковъ и дѣвочекъ. Подробныя свѣдѣнія объ этой школѣ можно получить отъ Юліи Николаевны Кирпичниковой (Лосиноостровская ст., Сѣв. ж. д., Дѣтскій Садъ). Отъ всей души желаемъ успѣха симпатичному начинанію.

А. Каменская.



Всѣ случаи нашей жизни — это матеріалы, изъ которыхъ мы можемъ дѣлать, что хотимъ.

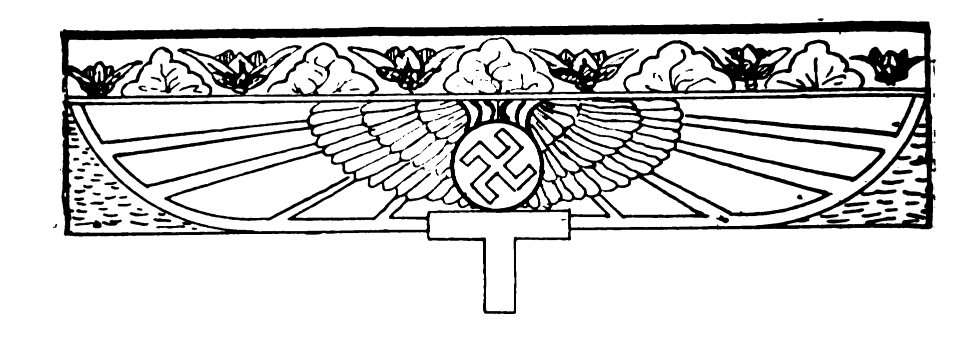
Идеализмъ долженъ быть противопоставляемъ не реализму, а формализму.

Міръ есть во всякомъ случаѣ слѣдствіе взаимодѣйствія между мною и Божествомъ.

Волшебнѣйшій, вѣчный феноменъ—наше собственное бытіе. Человѣкъ для самого себя—величайшая тайна. Разрѣшеніе этого безконечнаго заданія на дѣлѣ есть вселенская исторія.

Изреч. Новалиса.





Загадки жизни и какъ теософія отвѣчаетъ на нихъ [1]).

А. Безантъ.

Глава IV.

Человѣкъ и его смертныя тѣла.

Міры, въ которыхъ человѣкъ развивается, вступая въ кругъ рожденій и смертей, слѣдующіе: физическій, астральный или переходный, ментальный или небесный міръ. Въ этихъ трехъ мірахъ онъ живетъ отъ рожденія до смерти въ своемъ бодрствующемъ дневномъ сознаніи; въ двухъ послѣднихъ мірахъ онъ живетъ отъ рожденія до смерти, во время сна и нѣкоторое время послѣ смерти: въ небесный міръ онъ вступаетъ лишь изрѣдка въ періодъ сна, а также въ состояніи глубокаго транса, и въ немъ же онъ проводитъ наиболѣе важную часть своей посмертной жизни, причемъ время это удлиняется по мѣрѣ его эволюціи.

Всѣ три тѣла, въ которыхъ человѣкъ проявляется въ этихъ мірахъ—смертны; они рождаются и они умираютъ; они усовершенствуются съ каждой новой жизнью, дѣлаясь все болѣе и болѣе достойными служить орудіями для раскрывающагося Духа. Они являются копіями изъ плотной матеріи тѣхъ безсмертныхъ духовныхъ проводниковъ, которые не измѣняются при рожденіи

[1]) См „В. Т.“ № 4, 1915 г.

и смерти и образують покровъ Духа въ высшихъ мірахъ, гдѣ послѣдній пребываетъ какъ духовный Человѣкъ, тогда какъ здѣсь, на землѣ, онъ живетъ какъ физическій, „плотскій“ человѣкъ. Къ этимъ неумирающимъ духовнымъ тѣламъ относятся слова апостола Павла: „Ибо знаемъ, что когда земной нашъ домъ, эта хижина, разрушится, мы имѣемъ отъ Бога жилище на небесахъ, домъ нерукотворенный, вѣчный. Оттого мы и воздыхаемъ, желая облечься въ небесное наше жилище“ (II посл. Коринѳ. V, 1 и 2).

Объ этомъ безсмертномъ началѣ человѣка рѣчь будетъ въ другой главѣ.

Три смертныя тѣла человѣка — физическое, астральное и ментальное связаны, каждое въ отдѣльности, съ однимъ изъ трехъ упомянутыхъ міровъ.

Физическое тѣло.

Это тѣло въ настоящее время наиболѣе развито, и съ нимъ мы болѣе всего знакомы. Оно состоитъ изъ плотной, жидкой, газообразной и эфирной матеріи; первые три вида матеріи организованы въ клѣтки и ткани, изъ которыхъ построены органы чувствъ, дающіе сознанію возможность познавать внѣшній міръ; что касается послѣдней, т. е. эфирной матеріи, то она обладаетъ вихревыми центрами, черезъ которые изливаются жизненныя силы. Такъ какъ эфирная часть человѣческаго тѣла отдѣляется въ моментъ смерти отъ плотнаго, жидкаго и газообразнаго тѣлеснаго состава, то физическое тѣло и подраздѣляется на плотное и эфирное. Первое состоитъ изъ органовъ, воспринимающихъ и дѣйствующихъ; послѣднее является проводникомъ жизненныхъ силъ, и оно ихъ передаетъ своему плотному двойнику. Всякое выдѣленіе эфирнаго тѣла изъ физическаго во время жизни — нездорово; оно можетъ быть выдѣлено благодаря анестезирующимъ средствамъ, а въ нѣкоторыхъ исключительныхъ организаціяхъ, называемыхъ обыкновенно медіумическими, оно выдѣляется легко само собой. Отдѣленное отъ своего плотнаго двойника, оно бываетъ безпомощно и безсознательно, нѣчто въ родѣ носящагося облака съ центрами силъ, безполезными, когда некому передать проходящія черезъ нихъ силы, и въ тоже время находящагося въ постоянной опасности отъ различныхъ существъ, которыя могутъ овладѣвать имъ какъ средствомъ мате-

ріализаціи. Оно не можетъ удаляться на значительное разстояніе отъ своего плотнаго двойника, такъ какъ послѣдній не въ состояніи существовать въ разобщеніи съ нимъ; когда такое разобщеніе совершается, плотное тѣло „умираетъ“, т. е. лишается прилива жизненныхъ силъ, которыя поддерживали его дѣятельности. Даже и послѣ смерти физическаго тѣла эфирный двойникъ носится вблизи отъ своего сотоварища и представляетъ собой тотъ призракъ или ту тѣнь, которая бываетъ иногда видима на кладбищахъ, носящаяся надъ могилой только что погребеннаго тѣла.

Физическое тѣло—посредникъ между человѣкомъ и физическимъ міромъ и благодаря этому его называютъ иногда „тѣломъ дѣйствія“. Но оно воспринимаетъ также и вибраціи изъ высшихъ міровъ и когда оно способно отвѣчать на нихъ, тогда оно „чувствуетъ“ и „думаетъ“, такъ какъ нервная система его способна воспроизводить эти тонкія вибраціи въ физической матеріи. Какъ невидимый воздухъ, усиленно вибрируя, приводитъ болѣе плотную воду въ волненіе, какъ невидимый свѣтъ приводитъ палочки и колбочки сѣтчатки въ дѣятельное состояніе, такъ и невидимая матерія потустороннихъ міровъ приводитъ въ отвѣтныя колебанія болѣе плотную матерію нашего физическаго тѣла, какъ эфирнаго, такъ и плотнаго.

По мѣрѣ того, какъ эволюція идетъ впередъ, и физическое тѣло развивается, т. е. присваиваетъ себѣ все болѣе тонкія соединенія матеріи изъ внѣшняго міра,—оно становится все болѣе способнымъ отвѣчать на ускоренныя вибраціонныя волны, и благодаря этому человѣкъ становится все болѣе и болѣе „чувствительнымъ“.

Расовая эволюція состоитъ, главнымъ образомъ, въ этой постоянно возрастающей чувствительности нервной системы къ внѣшнимъ воздѣйствіямъ; чтобы человѣкъ былъ здоровъ, его чувствительность должна оставаться въ предѣлахъ эластичности его нервной системы; т. е. послѣдняя должна немедленно возвращаться къ своему нормальному состоянію послѣ испытаннаго напряженія. Если это условіе на лицо, такая чувствительность указываетъ на высокое развитіе и дѣлаетъ возможнымъ проявленіе геніальности; если же условія этого нѣтъ, если равновѣсіе не возстанавливается быстро и самопроизвольно, въ такомъ случаѣ это—нездоровая и опасная чувствительность и она ведетъ къ вырожденію, и подъ конецъ—если ее не подавить—и къ сумасшествію.

Астральное тѣло.

Развитіе этого тѣла чрезвычайно различно у разныхъ личностей, но его дѣятельность выражается у всѣхъ пріятными ощущеніями и непріятными, наслажденіями и страданіями, у всѣхъ оно приводится въ дѣятельное состояніе страстями, желаніями и эмоціями, у всѣхъ оно является проводникомъ органовъ чувствъ—зрѣнія, слуха, вкуса, обонянія и осязанія. Если страсти, желанія и эмоціи низменны, чувственны и животны, тогда матерія астральнаго тѣла груба, ея вибраціи сравнительно медленны и окраска ея темна и непривлекательна: въ ней преобладаютъ коричневые, темно-красные и грязно-зеленые тона, пронизанные отъ времени до времени вспышками ярко-краснаго цвѣта, которыми отличается астральное тѣло дикаря: коричнево-красные оттѣнки указываютъ на чувственность и жадность; сѣро-зеленые на лживость и хитрость; коричневые на себялюбіе; красные, налѣво отъ головы, указываютъ на гнѣвливость; желтое вокругъ головы—на умъ; сѣро-голубые надъ головой указываютъ на первобытное религіозное чувство (которое можетъ проявляться и въ фетишизмѣ); появленіе розоваго цвѣта означаетъ зачатокъ любви. По мѣрѣ того, какъ эволюція подвигается, матерія становится все тоньше, а окраска ея все чище, прозрачнѣе и свѣтлѣе.

Мы пользуемся этимъ тѣломъ въ теченіе всей нашей бодрствующей жизни, а у людей культурныхъ и тонко развитыхъ оно уже достигло довольно высокой степени развитія. Его болѣе тонкая субстанція въ тѣсномъ прикосновеніи съ наиболѣе грубой матеріей ментальнаго тѣла, и оба работаютъ вмѣстѣ, взаимно дѣйствуя одно на другое. Для ясновидящаго внѣшній видъ астральнаго тѣла ясно говоритъ о перемѣнахъ, которыя происходятъ внутри человѣка. Такъ, у человѣка влюбленнаго обыкновенный видъ его астральнаго тѣла преобразуется какъ разъ въ той мѣрѣ, въ какой онъ въ состояніи отрѣшиться отъ эгоизма въ пользу другого существа. Оттѣнки, выражающіе себялюбіе, неправду и гнѣвъ, исчезли и появилось большое количество розоваго цвѣта; цвѣтъ, выражающій любовь, бросается въ глаза и дѣлаетъ астральное тѣло пріятнымъ на видъ. Наоборотъ, астральное тѣло человѣка, переживающаго порывъ сильнаго гнѣва, имѣетъ въ полномъ смыслѣ ужасный видъ: все

оно окрашивается темными оттѣнками злыхъ страстей, злая воля выражается спиралями или вихрями цвѣта грозовыхъ тучъ, изъ-за которыхъ вылетаютъ огненныя стрѣлы гнѣва, стремящіяся нанести вредъ тому, кто вызвалъ этотъ гнѣвъ—поистинѣ мрачная и устрашающая картина.

Во время сна астральное тѣло отдѣляется отъ физическаго вмѣстѣ съ высшими началами человѣка, а у людей культурныхъ и тонко развитыхъ сознаніе продолжаетъ въ немъ дѣйствовать и во время сна, когда физическое тѣло спитъ. Мы научаемся многому во время сна, и знанія, пріобрѣтаемыя такимъ образомъ, могутъ проникать и въ физическій мозгъ; иногда они отражаются въ немъ какъ яркій и знаменательный сонъ. У большинства людей сознаніе въ астральномъ мірѣ слабо воспринимаетъ явленія этого міра благодаря тому, что оно такъ сильно занято своими собственными мыслями и чувствами; но сознательная воля можетъ направить его на явленія внѣшнія, и въ этомъ случаѣ могутъ возникнуть познанія астральнаго міра. Въ этомъ мірѣ можетъ происходить общеніе съ друзьями, сбросившими свои физическія тѣла въ моментъ смерти, и воспоминанія объ этихъ общеніяхъ могутъ быть перенесены и въ бодрствующее сознаніе, и такимъ образомъ можетъ построиться мостъ черезъ пропасть, отдѣляющую живыхъ отъ мертвыхъ.

Предчувствія, предувѣдомленія, ощущенія невидимыхъ присутствій и многія подобныя переживанія происходятъ благодаря дѣятельности астральнаго тѣла и его воздѣйствію на физическое тѣло. Все болѣе учащающіяся явленія такого рода—показатели все большаго развитія астральнаго тѣла; черезъ нѣсколько поколѣній у культурныхъ людей развитіе астральнаго тѣла настолько подвинется, что его воспріятія станутъ для насъ столь же обычными, какъ и воспріятія физическаго тѣла.

Послѣ смерти человѣкъ продолжаетъ въ теченіе нѣкотораго времени жить въ астральномъ мірѣ въ томъ же астральномъ тѣлѣ, которымъ онъ пользовался во время своей земной жизни и чѣмъ больше онъ научился владѣть имъ сознательно, тѣмъ сознательнѣе будетъ его существованіе послѣ смерти.

Ментальное тѣло.

Это тѣло, построенное изъ болѣе тонкаго матеріала чѣмъ астральное—на столько же, насколько астральное тоньше физическаго—отвѣчаетъ своими вибраціями на каждое измѣненіе



нашей мысли. Каждая перемѣна въ сознанiи вызываетъ вибрацiю въ нашемъ ментальномъ тѣлѣ, которая передается астральному проводнику, а послѣднiй—въ свою очередь—передаетъ ее физическому мозгу, благодаря чему возникаетъ дѣятельный процессъ въ нервной матерiи послѣдняго. Эта дѣятельность въ нервныхъ клѣткахъ мозга вызываетъ въ нихъ различныя электрическiя и химическiя измѣненiя, но возникаютъ эти измѣненiя благодаря воздѣйствiю мысли, а не измѣненiя вызываютъ мысль, какъ это воображали матерiалисты XIX-го столѣтiя.

Ментальное тѣло, такъ же какъ и астральное, сильно различается у людей разныхъ ступеней развитiя; оно состоитъ изъ болѣе грубой или изъ болѣе тонкой субстанцiи соотвѣтственно потребностямъ болѣе или менѣе развитого сознанiя. У развитыхъ и культурныхъ людей, оно въ постоянномъ движенiи и рѣзко очерчено; у неразвитыхъ оно подобно облаку съ неопредѣленными очертанiями. Субстанцiя, изъ которой оно состоитъ, принадлежитъ ментальному плану, и она находится въ непрестанной дѣятельности, ибо человѣкъ продолжаетъ мыслить и во время сна, когда отдѣляется отъ своего физическаго тѣла, и послѣ смерти, когда переходитъ въ высшiй мiръ, гдѣ онъ живетъ исключительно однѣми мыслями и эмоцiями. Такъ какъ въ этомъ тѣлѣ человѣкъ проводитъ наибольшее время послѣ перехода въ небесный мiръ, разумно было бы стремиться къ его возможному усовершенствованiю. Средствами къ такому усовершенствованiю могутъ служить ясное мышленiе, прiобрѣтенье знанiй, высокiя эмоцiи, сверхличныя стремленiя (молитва) и болѣе всего, правильная и усиленная медитацiя. При этихъ условiяхъ ментальное тѣло можетъ быстро эволюцiонировать, небесный же перiодъ человѣка обогатится въ высокой степени. Злыя мысли всѣхъ родовъ оскверняютъ его и вредятъ ему, и если онѣ длятся упорно, послѣдствiемъ является настоящая болѣзнь и изуродыванiе ментальнаго тѣла, которое трудно будетъ излѣчить впослѣдствiи

Таковы три смертныя тѣла человѣка: физическое онъ сбрасываетъ при смерти, а астральное—когда готовится вступить въ небесный мiръ. Когда кончается его небесный перiодъ, ментальное тѣло также распадается на составныя части и человѣкъ становится Духомъ, облеченнымъ въ свое безсмертное тѣло. При новомъ воплощенiи образуется новое ментальное тѣло, а затѣмъ и новое астральное, соотвѣтствующее его свойствамъ, послѣ чего они соединяются съ его новымъ физическимъ тѣломъ и человѣкъ вступаетъ въ новый перiодъ своей смертной жизни.

Глава V.

Безсмертныя тѣла человѣка.

„Ибо знаемъ, что когда земной нашъ домъ, эта хижина, разрушится, мы имѣемъ отъ Бога жилище на небесахъ, домъ нерукотворенный, вѣчный", говоритъ апостолъ Павелъ. „Оттого мы и воздыхаемъ, желая облечься въ небесное наше жилище" [1]. Это „небесное жилище" построено изъ безсмертныхъ оболочекъ Человѣка, жилище Духа на протяженіи безконечныхъ вѣковъ, мѣстопребываніе самого человѣка черезъ рожденія и смерти въ неизмѣримый періодъ его безсмертной жизни въ проявленіи.

Духъ, который „будучи родомъ Божіимъ" [2], пребываетъ вѣчно въ лонѣ Отца, онъ воистину есть Сынъ Божій, раздѣляющій Его вѣчную жизнь. Богъ сотворилъ человѣка „для нетлѣнія и сдѣлалъ его образомъ вѣчнаго Бытія Своего" [3]. Духъ этотъ мы называемъ Монадой, ибо это—истинная суть Самосущности. Когда Монада опускается въ матерію, чтобы одухотворить ее, она присваиваетъ себѣ по атому изъ трехъ высшихъ міровъ для того, чтобы заложить ядро своихъ трехъ высшихъ тѣлъ—атмическаго, буддхическаго и интеллектуальнаго. Къ нимъ—посредствомъ нити буддхической субстанціи—прикрѣпляются частицы отъ каждаго изъ трехъ низшихъ міровъ, чтобы могло возникнуть ядро трехъ низшихъ тѣлъ человѣка.

Въ теченіе долгихъ долгихъ вѣковъ Духъ осѣняетъ эти свои будущія смертныя тѣла, озаренныя Его жизнью, пока они медленно поднимаются изъ Минеральнаго царства въ растительное, и изъ растительнаго въ животное; между тѣмъ, изъ соединенія субстанціи трехъ высшихъ міровъ, изъ того „жилища на небесахъ", изъ того „дома нерукотвореннаго, вѣчнаго", о которомъ говоритъ Апостолъ, образуется проводникъ для жизни Духа, начинающей проявлять себя въ высшихъ мірахъ. Когда же животная форма достигаетъ той точки развитія, когда эволюціонирующая жизнь стремится—поднявшись—слиться съ высшей жизнью, тогда Духъ посылаетъ въ отвѣтъ на ея стремленіе

---

[1]) 2 Кор. гл. V, 1, 2.

[2]) Дѣян. апост. гл. XVII, стр. 29.

[3]) Пр. Соломона гл. II, ст. 23.

біеніе своей собственной жизни, и въ этотъ рѣшающій мигъ завершается ментальное тѣло человѣка, подобно искрѣ, вспыхнувшей между углями электрической дуги. Съ этого мгновенія человѣкъ индивидуализируется для жизни въ низшихъ мірахъ.

Высшее духовное тѣло (*атмическое*) является тончайшей субстанціей своего высокаго міра, оболочкой Духа, „Богомъ, ставшимъ плотью“ въ совершенно реальномъ смыслѣ, божественнымъ началомъ, окунувшимся въ океанъ матеріи, не перестающимъ быть божественнымъ, хотя и воплощеннымъ. Постепенно, въ этомъ высшемъ тѣлѣ собираются результаты всѣхъ переживаній, накопленныхъ на протяженіи вѣчности; при этомъ оба остальные безсмертные проводника [1]) сливаются постепенно съ нимъ, образуя свѣтлое одѣяніе для человѣка, достигшаго совершенства и ставшаго сознательно божественнымъ.

Духовное тѣло (*буддхическое*) принадлежитъ второму проявленному міру, міру чистой духовной мудрости, знанія и любви, соединенныхъ въ одно; иногда его называютъ „тѣломъ Христа“, такъ какъ именно оно рождается къ дѣятельности при первомъ великомъ Посвященіи, и оно развивается до „полноты мѣры возраста Христова“ [2]) на Пути Святости. Оно питается всѣми высокими, проникнутыми любовью стремленіями, чистымъ состраданіемъ и всеобъемлющей нѣжностью.

Интеллектуальное тѣло (*проводникъ закона причинности*) есть высшій разумъ, способный къ абстракціямъ, принадлежащій „природѣ знанія“ [3]), посредствомъ котораго человѣкъ узнаетъ истину интуиціей, а не разсужденіемъ, при чемъ отъ низшаго разума заимствуются его раціоналистическіе методы только для того, чтобы въ земномъ сознаніи установились абстрактныя истины, которыя ему самому вѣдомы *непосредственно*. Заключенный въ этомъ тѣлѣ человѣкъ носитъ названіе ego, а когда это тѣло сливается съ непосредственно слѣдующимъ высшимъ тѣломъ [4]), тогда человѣкъ получаетъ названіе духовнаго *ego* и тогда онъ начинаетъ сознавать свою собственную божественность. Оно питается и развивается абстрактнымъ мышленіемъ, усиленной медитаціей, безстрастіемъ и подчиненіемъ интеллекта волѣ, направленной на безкорыстное служеніе. По природѣ своей „интеллектуальное тѣло“ имѣетъ наклонность къ обо-

[1]) Буддхическое и интеллектуальное.

[2]) Ефессяне IV, 19.

[3]) *Prashna Upanishat*, IV, 9.

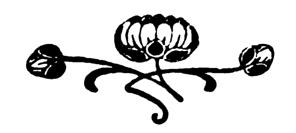
[4]) Буддхическимъ.

собленію, будучи орудіемъ индивидуализаціи, и оно должно вырасти сильнымъ и стойкимъ, для того, чтобы придать необходимую устойчивость такому „духовному тѣлу“, съ которымъ оно должно слиться въ одно.

Это—тѣ безсмертныя тѣла человѣка, которыя не подвержены ни рожденію, ни смерти; они даютъ непрерывность памяти, которая есть самая суть индивидуальности; они являются той сокровищницей, въ которой сохраняется все, достойное безсмертія; въ нихъ не можетъ „войти ничто нечистое“ [1]; они являются непреходящимъ мѣстопребываніемъ Духа. Въ нихъ осуществляется обѣтованіе: „ибо вы Храмъ Бога живаго, какъ сказалъ Богъ: „вселюсь въ нихъ и буду ходить *въ нихъ* [2]). Въ нихъ исполняется Молитва Христа: „какъ Ты, Отче, во Мнѣ, и Я въ Тебѣ, такъ и они да будутъ въ Насъ едино“ [3]). Они же оправдываютъ ликующій возгласъ Индуса, „я есмь Ты“.

Пер. Е. Писаревой.

(Продолженіе слѣдуетъ).



Всѣ науки и искусства покоятся на частичныхъ гармоніяхъ (Поэты, Безумцы, Святые, Пророки).

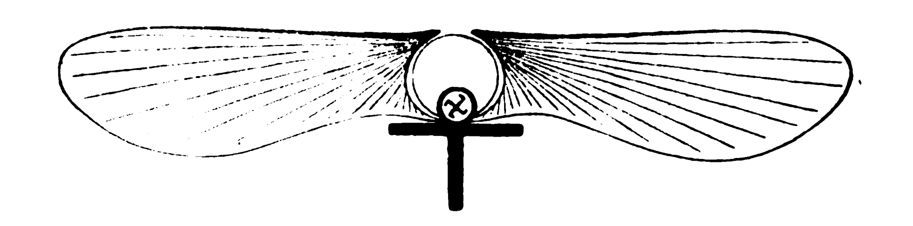
Вся жизнь наша—богослуженіе.

Всякое благо въ мірѣ есть непосредственная дѣятельность Бога. Въ каждомъ человѣкѣ мнѣ можетъ явиться Богъ.

Изреч. Новалиса.

---

[1]) Откровеніе XXI, 27.
[2]) Коринѳ. VI, 16.
[3]) Іоанна, XVII, 21.



Знаки Господни.

> **Ты видишь страданія и называешь ихъ гибелью, взирая на путь отходящихъ, я же именую спасеніемъ, свидѣтельствуясь преемствомъ грядущихъ.**
>
> ***Максимъ Тирскій.***

Наступилъ рѣшительный поворотный моментъ въ исторіи міра и человѣчества: часъ „Страшнаго Суда“, который Теософія объясняетъ, какъ кризисъ отбора, одесную и ошую, тѣхъ элементовъ, которые способны къ дальнѣйшему ускоренному развитію, и тѣхъ, которые не дозрѣли и тормозили бы во вредъ человѣчеству и во вредъ себѣ. Ради нихъ самихъ и для ихъ же пользы они подвергаются отбору и устраняются до появленія въ періодическихъ циклахъ снова подходящихъ для нихъ условій. „Козлища, идущія ошую“ въ настоящемъ кризисѣ, — не только нѣмцы, милитаризмъ и т. п., это явленіе гораздо болѣе обширное и глубокое, не локализованное въ Германіи! Оно касается всѣхъ странъ и всѣхъ народовъ, и надъ нимъ творится сейчасъ Судъ Божій вездѣ. Не нужно думать, что „союзныя державы“, потому что сражаются противъ „милитаризма нѣмцевъ“, тѣмъ самымъ уже обезпечили себѣ обладаніе *правды* и свое мѣсто одесную. Не нужно думать, что и мы, Теософы, проповѣдующіе „братство“ и „единство“, можемъ претендовать на почетное мѣсто среди овецъ и совершенно свободны отъ того козлинаго элемента, который осужденъ къ истребленію въ настоящемъ кризисѣ. Этотъ звѣриный элементъ — эгоизмъ, самость, духъ обособленія и самоутвержденія малаго разума, сопротивленіе формы Духу; этотъ элементъ есть всюду и вездѣ, и во всѣхъ насъ, и

мы, Теософы, должны также зорко смотрѣть за собой, чтобы не проглядѣть значенія настоящаго момента и не остаться за бортомъ.

Эгоизмъ, великая ересь раздѣльности, иллюзія формы „я“ имѣетъ тысячи ликовъ и умѣетъ прикидываться въ образахъ обманчивыхъ и привлекательныхъ, которые легко принять за подлинный ликъ правды. Мы стоимъ на перепутьѣ, наканунѣ выбора. „Никто не можетъ служить двумъ господамъ, ибо одного будетъ любить, а другого ненавидѣть, и одному служить, другимъ же пренебрегать: вы не можете служить и Богу, и Маммонѣ“. И хотя самый путь духовной жизни есть уже *выборъ*, но на этомъ пути выступленія моменты особой роковой важности, когда снова и снова предлагается сугубый выборъ. Моменты, являющіеся какъ бы ключемъ ко всему нашему будущему, раскрывающіе или навсегда замыкающіе Дверь. Передъ такимъ *послѣднимъ* выборомъ стоимъ мы теперь: мы должны выбрать того Господа, которому хотимъ *послужить до конца.*

„Въ то время будутъ работать двое на одномъ полѣ“, сказано въ Евангеліи, „одинъ берется, другой оставляется; двѣ мелющія въ жерновахъ, одна берется, другая оставляется“.

Оставленъ позади въ эту страшную рѣшительную минуту будетъ каждый, кто не способенъ подняться на крыльяхъ освобождающаго и очищающаго Духа трагедіи, Духа свободы, разрушающаго старыя, косныя историческія моральныя и интеллектуальныя формы, чтобы построить себѣ новую обитель. Каждый, кто прилѣпится душой къ какой-нибудь любимой формѣ, каждый, кто пожалѣетъ что-нибудь, утаитъ что-нибудь, какъ Ананія и Сапфира, которые пали мертвыми, потому что, сказавъ, что пришли все раздать бѣднымъ, утаили часть имущества. Это страшно знаменательный разсказъ. Въ духовномъ смыслѣ такая утайка можетъ быть безсознательной. *Мы думаемъ,* что все отдали. А все наше существо между тѣмъ тайно, судорожно хранитъ и прячетъ какую-нибудь послѣднюю цѣнность, въ которой, какъ будто сосредоточился самый пульсъ нашей жизни. Эту послѣднюю нить мы не въ силахъ пресѣчь. „Я все отдамъ, гораздо больше отдамъ, но только не это“ говоримъ мы, обливаясь холоднымъ потомъ предсмертной муки. Но именно *это* нужно отдать. И агонія совершается неумолимо и неизбѣжно, разъ только наше Высшее Сознаніе холоднымъ сверхличнымъ Окомъ проникнетъ въ ревностно охраняемый тайникъ души и обречетъ его на гибель. „Потерявшій же Душу свою, обрѣтетъ Жизнь вѣчную“. „Душа эта кровь сердца“, которая должна омыть ноги,

какъ сказано въ „Свѣтѣ на Пути“, это все то, что человѣкъ хранитъ, какъ *свое*, будетъ ли то его счастье, его знаніе, его любовь къ своей отчизнѣ, къ своей религіи, къ своему идеалу. Старый Гераклитъ Темный Эфесскій говоритъ: „Безсмертные смертные, смертные безсмертные, люди живущіе смерть боговъ, умирающіе жизнь ихъ“, т. е. бренный человѣкъ персти живетъ смертью своего внутренняго Бога, и долженъ умереть, чтобы могъ жить божественный Духъ въ немъ, его Высшее Я.

Этотъ кризисъ вольной жертвенной смерти, который наступаетъ неминуемо на пути ученичества для каждой отдѣльной индивидуальной души, обрисовывается теперь на горизонтѣ всего передового человѣчества. Оно должно отрѣшиться отъ всякихъ накопленныхъ богатствъ, матеріальныхъ и духовныхъ, отъ гордости въ своемъ знаніи, въ своей культурѣ, должно отказаться отъ „благополучія“, отъ желанія строить „кущи“, оно должно стать „нищимъ духомъ“, чтобы переступить заповѣдный порогъ новой эры. Пусть не возражаютъ мнѣ, что великій поворотный пунктъ „Страшнаго Суда“ по теософическому ученію наступитъ лишь въ пятомъ кругѣ, а не теперь. Извѣстно вѣдь, что по оккультному закону соотвѣтствующіе малые циклы подготовляютъ великіе циклы, и существуетъ глубокое оккультное сродство и соотвѣтствіе между кризисомъ пятой подрасы пятой коренной расы съ великимъ грядущимъ кризисомъ пятаго круга. Кромѣ того, извѣстно, что каждая коренная раса, на которой лежитъ обязанность развить до полнаго расцвѣта извѣстный принципъ изъ семи принциповъ, составляющихъ полнаго человѣка, подготовляется въ предшествующей коренной расѣ, той подъ-расой, которая помѣчена соотвѣтствующимъ ей числомъ, т. е. пятая коренная раса подготовляется за сотни лѣтъ уже пятой подъ-расой четвертой коренной расы. Это объясняется тѣмъ, что эти числовыя соотвѣтствія не есть нѣчто условное, внѣшнее, придуманное для удобствъ классификаціи, а реальное оккультное соотвѣтствіе и магнетическая связь, которую можно сравнить съ акустическимъ явленіемъ резонанса. Поэтому особое вниманіе со стороны Невидимыхъ Силъ, руководящихъ эволюціей человѣчества, удѣляется всегда той подъ-расѣ, которая помѣчена числомъ слѣдующей за ней коренной расы, т. е. второй подъ-расѣ въ первой коренной расѣ, третьей подъ-расѣ во второй коренной, четвертой въ третьей, пятой въ четвертой, шестой въ пятой, ибо она есть питомникъ слѣдующей великой расы, которая заключена въ ней какъ бы въ зародышѣ. Въ ней находятся тѣ сѣ-

мени, которая будутъ отобраны и приготовлены для посѣва грядущей расы. Такое приготовленіе мы именно и переживаемъ теперь. Народы пятой подъ-расы пятой коренной расы встряхиваются и пробуждаются, чтобы отобрать изъ нихъ тѣ, которыя являютъ хотя бы отдаленные признаки необходимыхъ свойствъ, которыя будутъ характеризовать Великую Шестую Расу. Въ прежнія времена, сотни и тысячи лѣтъ назадъ, такой отборъ сѣмянъ грядущей расы происходилъ очень просто. Отбиралось племя, родъ, уводилось куда нибудь за горы и воспитывалось въ изоляціи. Теперь это невозможно, потому что человѣчество всего міра переплелось въ одну тѣсную и сложную ткань. И отборъ этотъ и пробужденіе происходятъ уже не матеріально, географически, изолированно, а *психологически*. Души отстаиваются пластами, по атомному вѣсу. Оттого этотъ отборъ такъ мучителенъ, что мы остаемся въ общей ткани, связанные тысячами нитей привычекъ, привязанностей и обязанностей со всѣми переплетающимися другими нитями, и должны продолжать жить въ ней, тогда какъ душа наша фибра за фиброй выдѣляется изъ общей души.

Другая трагическая черта настоящаго кризиса заключается въ томъ, что идеаламъ, которые этотъ кризисъ выдвигаетъ, *еще не суждено осуществиться вполнѣ*: шестая подъ-раса, въ которую мы теперь вступаемъ, есть лишь „тѣнь и образъ небеснаго“, лишь предвѣстница далекаго исполненія Шестой Великой Расы, лишь залогъ будущаго торжества. Мы говоримъ о грядущей эрѣ, о новомъ словѣ, мы горячо сливаемся съ чаяніями, охватившими нынѣ весь міръ. Но мы, принявшіе и вѣрящіе въ тайное ученіе, должны скрѣпить свое сердце на страшный подвигъ, на самый страшный подвигъ сохраненія вѣры въ кажущейся [illegible]. Мы [illegible] знать, что ближайшая грядущая [illegible] не можетъ [illegible] трепещущіе ей идеалы, не [illegible] вѣющій надъ ней боже[illegible] которая раскроется, [illegible] что жизнь еще не смо[illegible]

[illegible] одинаково учать тому, [illegible] архетипы, не могутъ [illegible] Они должны преодолѣть [illegible] существующихъ формъ не только на [illegible] и на ментальномъ. [illegible] совершенныхъ формъ [illegible] дѣйствуя на него,



видоизмѣняя и образуя его. Въ моменты великихъ историческихъ кризисовъ, войнъ, катастрофъ, преемственная связь событій прекращается, обычныя соотношенія сдвигаются, и расплавленная психическая масса легче принимаетъ новыя формы и отпечатокъ божественной мысли.

Оборачиваясь назадъ на историческій ходъ послѣднихъ вѣковъ, нѣкоторыя отдѣльныя историческія эпохи и кризисы выступаютъ на общемъ фонѣ, связанные какой-то внутренней связью, внутреннимъ объединяющимъ смысломъ, хотя бы внѣшнія проявленія ихъ были очень различны. Они представляются умственному взору какъ послѣдовательныя волны одного и того же импульса, этапы одной и той же развивающейся мысли, чередующійся ритмъ одного Великаго Дыханія. Поднимается волна, восходитъ, пока не достигнетъ высшаго напряженія, не обострится въ прозрачномъ, пронзенномъ свѣтомъ хребтѣ, затѣмъ обрывается въ изнеможеніи и падаетъ, втянутая притягательной силой океана матеріи. Но вотъ рядомъ съ нею уже вздымается другая и третья, и преемственныя и послушныя, несутъ онѣ къ берегу свою вѣсть. Великая волна, которая вздымается теперь, стремясь отразить солнце правды и любви въ своей хрустальной вершинѣ, имѣетъ за собою много волнъ-сестеръ, идущихъ изъ глубины временъ. Всѣ онѣ—вѣстницы могучаго прилива великой стихіи Единства, безшумно, побѣдно идущей въ нашъ міръ раздѣльности, незамѣтно заполоняющей, постепенно проникающей его насквозь.

Всѣ онѣ несутъ міру благую вѣсть его Единства: каждая волна поетъ о немъ по иному, по новому отражаетъ его, и каждая набѣгаетъ впередъ, дальше предшествующей, доплескиваетъ выше другихъ.

* * *

Тайна предвѣчнаго Единства всего сущаго, тайна Царственнаго Сыновства и Братства всѣхъ людей издревле хранилась въ Сокровенномъ Сердцѣ человѣчества, въ мистеріяхъ посвященныхъ и передавалась ими въ символахъ и изъ устъ въ уста. Въ Христіанствѣ эта тайна Вселеннаго Человѣчества была впервые открыто провозглашена міру. Но человѣчество еще не смогло принять его, претворить и осуществить въ себѣ, и она ушла на небо и оттуда возсіяла міру далекимъ недостижимымъ Солнцемъ.

Воцареніе этой центральной идеи въ объединенномъ гори-

зонтѣ идеальнаго человѣчества можно сравнить съ тѣмъ переворотомъ, который совершился въ пониманіи вселенной въ связи съ открытіемъ Коперника, когда принципъ геоцентризма былъ замѣненъ геліоцентризмомъ, частныя движенія отдѣльныхъ планетъ были подчинены Единой движущей Силѣ центральнаго Очага.

Но такъ же, какъ Земля и Солнце связаны силой взаимнаго протяженія, такъ и микрокосмъ человѣка скрыто созвученъ макрокосму Вселенной: есть потайной ходъ изъ сердца человѣка въ Сердце Міра, въ сердце Всечеловѣка Христа; можно погружаться въ Жизнь Вѣчную черезъ колодезь сердца.

Съ тѣхъ поръ идея Единства центральнымъ Солнцемъ опредѣлила всю духовную жизнь человѣчества. Ея отблески постоянно отражались въ мечтахъ и утопіяхъ поэтовъ, изъ нея, какъ изъ очага Духа, постоянно исходили импульсы, которые улавливались геніями и мыслителями, претворялись и воплощались ими въ философскія или этическія системы, которыя становились постепенно достояніемъ всѣхъ людей.

Носительницей идеи Единаго Человѣчества въ исторіи явилась сначала Христіанская Вселенская Церковь: идея Царства Божія есть не что иное, какъ идея Всемірнаго Братства. Но раздвоенное сознаніе среднихъ вѣковъ исказило эту идею и раскололо ее на два различныхъ идеала, которые встали другъ къ другу въ непримиримомъ противорѣчіи и враждѣ: съ одной стороны идеалъ Теократіи, стремившейся къ осуществленію Царства Божія на землѣ посредствомъ торжества свѣтской власти Намѣстника Христа; съ другой стороны аскетическій, монашескій идеалъ Незримаго Царства „внутри насъ", совершенно отрѣшеннаго отъ дѣйствительности. Въ обоихъ проявленіяхъ своихъ, однако, теократическомъ и аскетическомъ экзотерическій идеалъ среднихъ вѣковъ стремился къ осуществленію Единства, не принимая въ разсчетъ творческой силы индивидуальной души человѣка: въ томъ и другомъ индивидуальность была поглощена, порабощена или уничтожена: творческая связь между микрокосмомъ и макрокосмомъ была порвана.

Только въ эзотерическихъ сектахъ среднихъ вѣковъ хранилось еще преданіе о святомъ Граалѣ Единой чашѣ Жизни, мистическомъ тѣлѣ Вселенскаго Человѣчества и о Пути къ Святому Чертогу. Трубадуры воспѣвали его, и тайная вѣсть о Царственности сыновъ человѣческихъ, о далекой вѣчно близкой отчизнѣ, продолжала жить въ сердцахъ людей.

Расцвѣтшая затѣмъ въ Италіи великая эпоха Возрожденія освободила человѣческую личность изъ темницы среднихъ вѣковъ, раскрыла снова ея цѣнность. И она предстала въ мірѣ, обогащенная всѣмъ прошлымъ опытомъ, уже не только носительницей узкаго гражданскаго идеала, какъ въ античномъ мірѣ, а какъ свободный, творческій центръ *мірового гражданства*, какъ очагъ духовной жизни, въ которомъ вырабатывались цѣнности *гуманизма*, т. е. цѣнности не національныя и конфессіональныя, а общечеловѣческія, міровыя. Связь микрокосма съ макрокосмомъ была возстановлена.

Однако позднѣе, человѣчество, шедшее по пути развитія Манаса, опять утратило чувство этой живой мистической связи и стало развивать все больше и больше интеллектуальный аспектъ идеи Единства.

Философскій 18-ый вѣкъ разработалъ теорію отношенія Индивидуальности и Человѣчества, какъ бы имѣя дѣло не съ живыми силами, а съ двумя отвлеченными терминами алгебраической формулы.

На рубежѣ 19-го вѣка французская революція осуществила въ области права христіанскій принципъ равенства всѣхъ людей: равные передъ христіанскимъ Богомъ стали равными и передъ человѣческимъ закономъ.

Философія Канта торжественно утвердила святость и безусловность человѣческой индивидуальности, какъ носительницы нравственнаго закона, объективнаго и сверхличнаго, залога моральнаго единства всѣхъ людей.

19-й вѣкъ вѣкъ техники и промышленности, стремясь создать всемірный рынокъ потребленія, объединилъ человѣчество всего земного шара на физическомъ планѣ. Необходимость согласованныхъ путей сообщенія и обмѣна создала обширную и развѣтвленную сѣть, похожую на систему кровообращенія внутри физическаго тѣла объединеннаго человѣчества. По этой раскинутой на физическомъ планѣ сѣти установился между отдѣльными націями, различными органами этого тѣла, потокъ постояннаго обмѣна цѣнностей не только матеріальныхъ, но и умственныхъ, эстетическихъ и духовныхъ. Европейцамъ стало понятно и близко искусство Японіи, поэзія Индіи; Шекспиръ и Достоевскій стали переводиться на японскій языкъ. Подобныя явленія были совершенно невозможны раньше, когда люди жили обособленной психикой своей національности. Мы же, люди 19-го вѣка, воспитались подъ знаменемъ космополитизма, мы

приняли крещеніе во всѣхъ священныхъ рѣкахъ культурнаго міра, поклонялись у всѣхъ алтарей Невѣдомаго Бога.

И теперь, когда вспыхнувшая военная гроза разорвала тонкую сѣть родственныхъ связей нашего духа, изгнала насъ изъ очаговъ культуры, на которые мы смотрѣли, какъ на вторую родину, мы страдаемъ, встрѣчая во вражескомъ станѣ въ искаженномъ обликѣ „врага" знакомые образы тѣхъ, кого привыкли чтить какъ друзей, и спрашиваемъ себя съ ужасомъ и тревогой: „Что это значитъ? Куда, въ какія глубины варварства отброшено назадъ человѣчество? Какъ, куда выйдетъ оно снова на свѣтлый путь?".

Но тревоги наши напрасны. Возродившійся духъ національзма, сопровождаемый темной тѣнью — враждой къ иноземному, не есть безнадежный регрессъ, неискупимый грѣхъ противъ Духа Единства. Это — лишь необходимый временный разрывъ для новаго, иного Соединенія.

Современное человѣчество, ушедшее такъ далеко на пути интеллектуальнаго развитія, утратило связь съ неугасимымъ очагомъ своего Внутренняго Свѣта; поэтому Единство, доступное ему, было лишь отвлеченнымъ интеллектуальнымъ понятіемъ, не мистической реальностью. Главныя философскія системы 19-го вѣка, позитивизмъ съ его общественными идеалами, съ его культомъ Человѣчества, попытки соціальныхъ реформаторовъ осуществить единство и братство въ дѣйствительныхъ условіяхъ жизни, всѣ одинаково останавливались въ 19-мъ вѣкѣ на ступени *космополитизма*, т. е. на единствѣ безразличной основы, уравнительнаго обобщенія, а не на единствѣ синтеза, вмѣщающаго всѣ антимоніи.

Тутъ есть какой-то какъ бы роковой предѣлъ творческой мысли. Человѣчество 19-го вѣка осуществляло идею Единства исключительно на планѣ Манаса и воспринимало ее чрезъ призму интеллекта. Но дѣло въ томъ, что это и была задача пятой Расы и ея назначеніе въ общемъ планѣ эволюціи Человѣчества. Теперь же наступило время, когда задача эта приближается къ исполненію. Идея Единства раскрылась уже полностью на планѣ Манаса, ея живое творческое содержаніе какъ бы исчерпано. И Духъ Жизни неудержимо стремится творить дальше: за гранью Манаса начинаетъ зарождаться новое сознаніе готовится новая ступень бытія, гдѣ раскроется иное міроощущеніе, иное познаніе Міра и Себя.

То познаніе „лицомъ къ лицу", о которомъ сказано у Ап-

стола: „тогда я познаю, какъ я познанъ“, познаніе въ Любви, сліяніе микрокосма и макрокосма, Единство міра, вмѣщенное въ Атомѣ Сердца.

Человѣчество стоитъ у Новой Грани, готовое переступить Порогъ. Еще лежитъ Облако на Алтарѣ и скрываетъ ликъ Новой Жизни. Все невѣдомо и чудно. Все безмолвно.

Но раньше, чѣмъ станетъ ему возможно переступить Грань, Человѣчество должно сразить Врага, Стража Порога.

Каждое посвященіе, каждое новое претвореніе грани въ духовномъ мірѣ, достигается лишь цѣною страшной смертельной борьбы. Ужасъ ея усугубляется тѣмъ, что неофитъ часто не знаетъ, ***съ кѣмъ***, и не помнитъ — ***за что*** онъ сражается. Въ страшномъ образѣ Дракона или Стража Порога ему приходится сразиться съ воплощеніемъ своей собственной низшей природы, съ возставшимъ призракомъ своего прошлаго, которое преграждаетъ ему путь впередъ.

Народныя легенды, хранящія въ символическихъ образахъ глубокія истины оккультной жизни, повѣствуютъ о томъ, что когда неофитъ убилъ Дракона, онъ надѣваетъ его шкуру, и она превращается на немъ въ прекрасный чешуйчатый панцырь, въ свѣтлую ризу посвященья.

Это значитъ, что побѣжденныя страсти низшей природы должны быть не уничтожены, но, пройдя черезъ „крестную смерть“ въ огненномъ горнилѣ духовной алхиміи, превратиться въ пламенную силу божественннаго Эроса, творческаго Духа Любви!

И Человѣчество, стоящее на порогѣ новой Эры, встрѣтилось нынѣ со страшнымъ Чудовищемъ, въ которомъ воплотились всѣ его страсти и пороки, всѣ грѣхи его прошлой жизни.

Раньше, чѣмъ можетъ прогремѣть Слово Новаго Откровенья, нужно было, чтобы разверзлась бездна, раскрылась до конца въ душѣ Человѣчества антиномія Ада и Неба, ненависти и любви, чтобы смѣшанныя въ безразличіи силы объявили себя и встали „одесную“ или „ошую“. Навстрѣчу полчищамъ Тьмы встаютъ несмѣтныя Бѣлыя Рати. То не отдѣльные народы сражаются другъ противъ друга въ этой всемірной брани, то поляризованныя силы въ нѣдрахъ самого Единаго Человѣчества столкнулись другъ съ другомъ и ополчились въ слѣпомъ натискѣ.

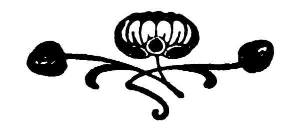
Кончится эта великая брань тогда, когда Свѣтъ одолѣетъ Тьму, когда Свѣтъ ***приметъ въ себя*** всю Тьму, когда Любовь осилитъ Ненависть и утолитъ ее.

Тогда совершится чудо: мрачное полымя Ненависти, пронзенное свѣтомъ Любви, переродится и возгорится Жертвеннымъ Пламенемъ. Тогда поднимется Облако на Алтарѣ, скрывавшее Ликъ Новой Жизни, и взойдутъ въ Радость Господа своего *всѣ боровшіеся*: и побѣдители, и побѣжденные, и любившіе, и ненавидѣвшіе, и прославившіеся, и безславно павшіе, всѣ претерпѣвшіе до конца. Останется позади, за Порогомъ, лишь тотъ, *кто не боролся*, кто не услышалъ призыва и не всталъ ни одесную, ни ошую, тѣ, что ни горячіе, ни холодные, кто не любилъ и не ненавидѣлъ, кто уклонился отъ своей брани, кто *не принесъ своей жертвы.*

„Претерпѣвшіе же до конца спасутся".

И распахнутся на мигъ Царскія Врата на Небѣ, и въ освѣщенныхъ благодатнымъ сіяніемъ глубинахъ, соединится на мигъ Сердце Человѣчества и Сердце Міра, и сбудется древнее слово: „Tat twam asi".

С. Герье.

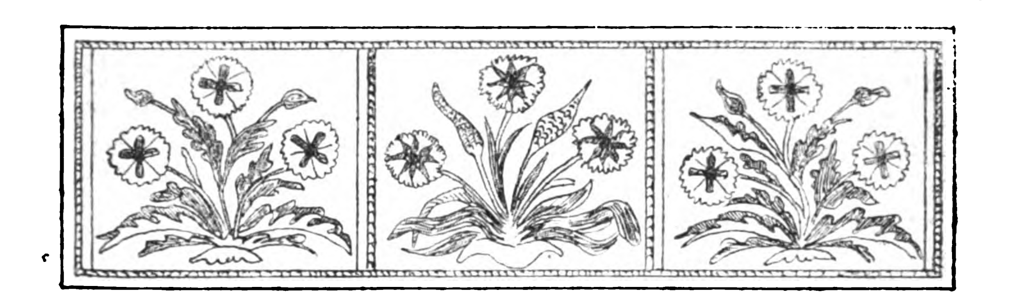


Всякій предметъ можетъ быть для религіознаго человѣка храмомъ въ смыслѣ авгуровъ. Духъ этого храма есть всесущій верховный жрецъ, единобожный посредникъ находящійся одинъ въ непосредственномъ отношеніи къ Божеству.

Личностная душа должна стать согласной съ Міровой Душой.

Изреч. Новалиса.





Письма о трудѣ.

Лучшая часть Россіи борется, страдаетъ, побѣждаетъ, проявляетъ сокровенныя героическія свойства души тамъ, на аванпостахъ, а мы дома, въ безопасности, и мучимся, если насъ еще не захватила война. Многимъ это очень тяжело. Но и передъ нами поставлена нелегкая задача, та же самая задача, за которую бьются и умираютъ наши братья на войнѣ: и существованіе этой задачи перестройки жизни, какимъ-то чудомъ чувствуется уже большинствомъ. Все зашевелилось. Весна идетъ. Отъ насъ зависитъ не пропустить драгоцѣнный моментъ и ввѣрить землѣ наше сѣмя съ теплой вѣрой, что на этотъ разъ, въ это небывалое время—урожай будетъ богатый. Перестройка должна произойти во всѣхъ областяхъ и подробностяхъ жизни. Каждый изъ насъ видитъ эту надвигающуюся перестройку лучше всего въ томъ спеціальномъ дѣлѣ, которому онъ служитъ.

Я буду говорить лишь въ предѣлахъ своей собственной спеціальности—изготовленія крестьянскихъ издѣлій для заграничнаго рынка, которымъ занимаюсь уже двадцать два года.

Двадцать лѣтъ тому назадъ заграничный сбытъ былъ необходимъ. Но настоящая война открываетъ грандіозный рынокъ внутри самой Россіи. Множество фабрикъ погибло и у насъ въ Россіи и въ Германіи. Конечно фабрикъ опять настроятъ, былъ бы спросъ на эти фабричныя издѣлія.

Постараемся вникнуть въ глубину этихъ вопросовъ и найти ключъ къ рѣшенію проблемы.

Положеніе вещей слѣдующее: у насъ есть длинная зима и есть десятки милліоновъ крестьянъ, которымъ нуженъ зимній



заработокъ по возможности на дому, въ деревнѣ. Работоспособность ихъ мало исчерпывается десяткомъ кустарныхъ складовъ, которые торгуютъ плоховато. Почему же это такъ? Почему на тысячи мануфактурныхъ магазиновъ имѣется одинъ съ ручными издѣліями, а провинціи почти совершенно не знаютъ иного товара кромѣ машиннаго. Спроса нѣтъ. Пониманія художественнаго превосходства ручной ткани и вышивки, ихъ значенія и вліянія также нѣтъ. Очень рѣдко можно встрѣтить людей, которые съумѣли бы даже отличить ручное отъ машиннаго. И лишь очень небольшая группа въ столицахъ частью изъ назрѣвшей уже художественной потребности и частью изъ желанія помочь и поддержать „кустарные" промыслы покупаютъ и носятъ ручное.

Голодовки породили все это движеніе, которое быстро возрасло, получивъ поддержку у правительства, и земствъ, и публики, но въ настоящую минуту оно не владѣетъ рынкомъ и требуетъ живой воды возрожденія.

Если голодовки послужили къ тому, чтобы вызвать къ жизни совершенно новое движеніе изъ нѣдръ крестьянства, которое выявило новыя—для интеллигенціи—сокровища народнаго творчества и послужило къ поднятію его экономіи.

Съ одной стороны 30 лѣтъ работы веденія городскими руководителями кустарныхъ промысловъ, организація сбыта, изученіе нуждъ крестьянства, все это уже дало свой опытъ и ошибки; нужно сказать по правдѣ, многочисленныя и серьезныя ошибки на лицо, и ложное направленіе выявилось нежелательными результатами.

Одной изъ ошибокъ въ развитіи кустарной дѣятельности было невниманіе потребителей къ пониманію художественной работы крестьянъ. Каждое художественное сердце содрогнется, вспоминая антихудожественное вліяніе заказовъ, даваемыхъ въ деревнѣ дачницами, помѣщицами и, низкій уровень дѣловыхъ заказовъ „безграмотныхъ скупщиковъ". Все это давило, тѣснило, унижало крестьянскія издѣлія и въ короткое время привело „кустарные" промыслы къ застою.

Въ дальнѣйшихъ статьяхъ я постараюсь разобрать, какъ отразилось это антихудожественное вліяніе на крестьянскомъ трудѣ, а также укажу на методы очищенія и освобожденія его отъ вкравшихся ошибокъ, а сегодня мнѣ хотѣлось бы поговорить именно о „потребителѣ".

Пока потребитель не пойметъ всѣмъ существомъ красоты,

не сдѣлается ревностнымъ поклонникомъ ея, пока его вкусомъ будетъ руководить не его внутреннее чувство, а мода, пока онъ будетъ глухъ къ горькой повѣсти, вѣющей отъ машинной красоты, ему не понять красоты ручного труда, его символизма и вѣковыхъ традицій.

Гдѣ же нашему среднему потребителю почерпнуть такія художественныя знанія? Поистинѣ негдѣ. Тѣ, которые пытались развить свой вкусъ, ходили въ наши музеи, считающіеся очень богатыми, но находили въ нихъ лишь памятники иностраннаго творчества и приходили къ заключенію, что русскаго народнаго искусства нѣтъ и не было. Еще лѣтъ 15—20 тому назадъ, говоря съ директоромъ музея и школы барона Штиглица Г. Месмахеръ, я спросила: почему русское искусство не представлено въ такомъ музеѣ, гдѣ цѣлая школа будущихъ техническихъ руководителей пользуется имъ, какъ вдохновеніемъ? Онъ отвѣтилъ на это совершенно серьезно: „какое русское искусство? Его нѣтъ совсѣмъ! Это сѣно и солома". Такъ думали *руководители*; мудрено-ли, что средніе интеллигентные люди думали также. Въ настоящую минуту это звучитъ уже почти анахронизмомъ, такъ какъ многіе художники опускались въ крестьянскую среду, посѣщали нашъ крестьянскій сѣверъ и нашли тамъ сокровища. Но пока это достояніе очень маленькаго меньшинства. Я же имѣю въ виду всю интеллигентную толпу. Нужно, чтобы весь средній классъ, всякая мелкая чиновница, всякая гимназистка вдохнули въ себя вѣяніе красоты и съ нашимъ талантливымъ русскимъ народомъ—этого нетрудно достичь.

Какъ на средство развить художественный вкусъ и пониманіе средняго обывателя, я укажу на слѣдующія мѣры.

1) Объяснительныя лекціи при музеяхъ, въ которыхъ зарегистрированы памятники народнаго искусства.

2) Лекціи о машинномъ производствѣ, напримѣръ: какъ достаютъ шерстяное волокно для пряжи.

3) Различіе между машиннымъ производствомъ и ручнымъ. Напримѣръ: лѣпка рукой и отлитое въ форму. Тканое машиной и тканое рукой. Пряжа машинная и пряжа ручная. Параллель такой обработки во всѣхъ производствахъ изъ металловъ, растительнаго волокна и пр. Изученіе матеріаловъ производствъ.

Въ младшихъ классахъ ввести шведскую систему „Слойда" [1]).

[1]) Слойдъ имѣетъ цѣлью соприкосновеніе ученика съ веществомъ разныхъ матеріаловъ. Главнымъ образомъ дается это соприкосновеніе черезъ столярную работу. Слѣдуетъ прибавить волокнистые матеріалы и металлы.



Условія работы, фальсификація окраски. Подмѣси веществъ для приданія блеска и вида новизны и свѣжести. Деморализація фабричныхъ рабочихъ. Статистика увѣчій.

Введеніе этихъ знаній въ мужскія и женскія гимназіи и школы съ самыхъ элементарныхъ классовъ, начиная съ простой темы: какъ и изъ чего дѣлаютъ всѣ окружающіе насъ предметы?

4) Лѣтніе курсы ремеслъ для мальчиковъ и дѣвочекъ, юношей и молодыхъ дѣвушекъ.

5) Знакомство посредствомъ лекцій съ жизнью великихъ средневѣковыхъ художниковъ и ремесленниковъ, какъ напримѣръ, Гансъ Саксъ и другіе. Отношеніе къ ремесламъ въ старое время. Исторія гильдій и искаженіе ихъ у насъ въ Россіи. Отношеніе къ ремесламъ въ Индіи и положеніе ремесленниковъ при древнихъ храмахъ. Наши древніе иконописцы и ихъ исчезновеніе. Замѣна живописи на иконахъ машиннымъ печаніемъ по жести.

6) Опытная красильня растительными пигментами. Демонстрація и сравненіе растительной и химической окраски.

7) Основаніе или совершенствованіе мѣстныхъ музеевъ въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ путемъ личной мѣстной помощи, собираніемъ и изученіемъ мѣстныхъ старинныхъ крестьянскихъ одеждъ и утвари, рѣзьбы по дереву, сказокъ, пѣсенъ и былинъ.

8) Изученіе крестьянской музыки и поэзіи, какъ положено этому начало въ Московской Народной Консерваторіи и распространеніе ея учениковъ по Россіи, какъ руководителей.

9) Основаніе въ провинціяхъ кружковъ дѣятелей по крестьянскому труду и пріисканіе мѣстъ сбыта его.

Желательно было бы обсуждать эти вопросы сообща и обмѣниваться мыслями въ „Вѣстникѣ Теософіи“.

Дана.





Идиллія Бѣлаго Лотоса [1]).

Глава VI.

— „Есть ли у тебя какое-нибудь желаніе?—спросилъ вошедшій яснымъ, но очень тихимъ голосомъ.

Я посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ. Судя по его одеждѣ, онъ былъ послушникъ; а между тѣмъ, говорилъ онъ такъ, словно *могъ* удовлетворить мое желаніе и вовсе не тономъ простого слуги.

— Я только что поѣлъ,— отвѣтилъ я.— У меня нѣтъ другого желанія, какъ освободиться изъ этой комнаты“.

— Это легко исполнимо,—отвѣтилъ онъ.—Слѣдуй за мной.

Я вздрогнулъ отъ изумленія. Этотъ послушникъ долженъ былъ знать мое положеніе—знать рѣшеніе Агмада относительно меня. Какъ могъ онъ не бояться его?

— Нѣтъ,—сказалъ я;—жрецы заключили меня въ эту комнату; если меня не найдутъ, я буду строго наказанъ!

— Пойдемъ!—повторилъ онъ вмѣсто отвѣта. При этомъ онъ поднялъ руку повелительнымъ жестомъ. Словно испытывая физическую боль, я закричалъ громкимъ голосомъ; почему—я и самъ не могъ понять. Но я чувствовалъ такъ, какъ будто бы меня схватили въ крѣпкіе тиски, словно какая-то невыносимая сила схватила мое тѣло и трясла его. Черезъ секунду я уже

[1]) См. „В. Т.“ № 4, 1915 г.

стоялъ около моего таинственнаго посѣтителя и его рука крѣпко сжимала мою руку. — Не оборачивайся назадъ!—воскликнулъ онъ.—Иди за мной.

И я послѣдовалъ за нимъ. Но у самой двери мной овладѣло непреодолимое желаніе повернуть голову и взглянуть; съ большимъ усиліемъ, какъ показалось мнѣ тогда, я обернулся.

Неудивительно, что онъ запретилъ мнѣ смотрѣть назадъ! Неудивительно, что онъ стремился увлечь меня изъ комнаты, ибо когда я обернулся, я остановился какъ вкопанный, несмотря на его желѣзную руку.

Я увидалъ себя или вѣрнѣе свое безсознательное тѣло и тогда я впервые понялъ, что мой товарищъ не принадлежалъ къ жителямъ земли, что я снова вступилъ въ страну тѣней.

Но мое удивленіе быстро погасло въ еще болѣе поразительномъ чудѣ, и оно дало мнѣ достаточно силъ, чтобы воспротивиться усиліямъ моего посѣтителя извлечь меня изъ комнаты.

Склоняясь надъ моей постелью въ той чудной позѣ, въ какой я впервые увидалъ ее надъ водоемомъ, стояла сама царица Лотоса.

И я услыхалъ ея рѣчь. Ея голосъ достигалъ до меня подобно свѣтлому журчанію воды, подобно брызгамъ водопада.

— Проснись, сбрось свои сновидѣнія, не оставайся подъ властью этихъ мрачныхъ чаръ.

— Я повинуюсь, моя царица—прошепталъ я внутри себя и немедленно какой-то туманъ окуталъ меня. Я сознавалъ очень смутно и все-таки зналъ, что ради желанія прекрасной царицы я долженъ сдѣлать усиліе и вернуться въ свое естественное состояніе. Мнѣ удалось это, хотя съ большимъ трудомъ, а когда я открылъ съ усиліемъ глаза, я увидѣлъ передъ собой—пустую комнату. Послушникъ оставилъ меня. Этому я радовался,—но увы! Владычица Лотоса покинула меня также. Комната показалась мнѣ совсѣмъ опустѣвшей и сердце мое болѣло, когда я осматривался кругомъ. Нѣжная Владычица Цвѣтовъ отражалась въ моемъ дѣтскомъ сердцѣ скорѣе какъ прекрасная мать, чѣмъ какъ царица. Я жаждалъ ея нѣжнаго присутствія; но ея не было. Я прекрасно зналъ, что она не могла быть въ комнатѣ невидимо для меня. Я чувствовалъ ея отсутствіе душой такъ же, какъ убѣждался въ немъ глазами.

Я всталъ съ большимъ трудомъ, потому что эта послѣдняя борьба истомила меня въ конецъ и, шатаясь, подошелъ къ углу постели, гдѣ былъ спрятанъ мой дорогой цвѣтокъ. Я отодви-

нулъ занавѣсъ и посмотрѣлъ на мое сокровище. Увы! Прекрасная головка цвѣтка склонилась безсильно внизъ. Я бросился, чтобы убѣдиться, не забылъ ли я налить воды. Но нѣтъ. Стебель его былъ глубоко опущенъ въ воду. И все же цвѣтокъ повисъ какъ мертвый и стебель согнулся безжизненно надъ краемъ сосуда.

— Мой дорогой цвѣтокъ!—воскликнулъ я, опускаясь передъ нимъ на колѣни:—Неужели ты покинулъ меня, неужели я совсѣмъ одинъ?

Я вынулъ безжизненную форму цвѣтка изъ сосуда и положилъ ее на грудь подъ свою одежду. А затѣмъ, въ страшной безутѣшности бросился снова на постель и закрылъ глаза, стараясь не видѣть ничего, прогнать отъ своего взора всякія видѣнія.

Какимъ образомъ?—Кто знаетъ тайну отгонять видѣнія отъ внутренняго зрѣнія, отъ того зрѣнія, которое обладаетъ страшнымъ даромъ видѣть въ самой глубокой темнотѣ? Я, по крайней мѣрѣ, въ то время не зналъ ее.

Ночь спустилась на землю, когда я пробудился отъ долгаго и тихаго сна. Былъ яркій лунный свѣтъ и серебристая полоска голубого свѣта проникла черезъ высокое окно и струилась въ моей комнатѣ. Какъ разъ въ полосѣ этого свѣта мерцалъ край бѣлой одежды; золотомъ вышитый край. Я узналъ шитье—я медленно поднялъ глаза, ожидая увидать Агмада. Онъ стоялъ въ тѣни; но очертанія его фигуры нельзя было смѣшать ни съ какими другими очертаніями, даже когда его лицо было невидимо.

Я лежалъ совершенно неподвижно; и все же онъ немедленно узналъ, что я проснулся.

— Встань,—сказалъ онъ. Я всталъ и стоялъ рядомъ съ своей постелью, устремивъ на него широко раскрытые отъ страха глаза.

— Выпей то, что стоитъ около тебя,—сказалъ онъ.

Я взглянулъ на чашу, наполненную красною жидкостью. Я выпилъ ее до дна въ слѣпой надеждѣ, что она дастъ мнѣ силу вынести испытаніе, которое въ безмолвные часы этой ночи ожидало меня. „Пойдемъ", сказалъ онъ и я послѣдовалъ за нимъ къ двери. Полубезсознательно бросилъ я взглядъ на окно, вспомнивъ о свѣжемъ воздухѣ и о свободѣ. Внезапно я почувствовалъ, что не вижу ничего; быстро поднялъ я руку къ глазамъ и убѣдился, что какая-то легкая повязка закрываетъ мои

глаза. Я молчалъ безмолвіемъ изумленія и страха; я почувствовалъ, что меня поддерживаютъ и заботливо ведутъ впередъ. Я содрогнулся при мысли, что меня поддерживаетъ рука Агмада, но я подчинился прикосновенію, зная, что не въ силахъ сопротивляться.

Мы медленно подвигались впередъ. Я сознавалъ, что мы вышли изъ моей комнаты и идемъ дальше, но какъ далеко мы прошли и въ какомъ направленіи, я не могъ сказать, ошеломленный своей внезапной слѣпотой.

Мы остановились въ полномъ молчаніи; рука, поддерживавшая меня, отстранилась и я почувствовалъ, что моя повязка снята. Но передъ моими раскрывшимися глазами была такая глубокая темнота, что я поднялъ руку, ощупывая свое лицо и желая убѣдиться, что повязка дѣйствительно снята. Но нѣтъ, глаза были свободны, они были широко открыты и все же не видѣли ничего, кромѣ черной стѣны изъ глубокаго мрака Моя голова болѣла и кружилась—испаренія крѣпкаго сиропа, который я выпилъ, казалось наполнили ее смятеніемъ. Я оставался неподвижнымъ, стараясь притти въ себя и проникнуть въ мое положеніе.

Въ то время, какъ я стоялъ въ ожиданіи, я внезапно почувствовалъ новое присутствіе совсѣмъ близко отъ себя. Но оно не испугало меня. Я чувствовалъ, что оно прекрасно и что оно благосклонно ко мнѣ. Меня пронизало непреодолимое устремленіе къ этому неизвѣстному, невыразимое ощущеніе духовной опоры, словно я прижался къ невидимому другу.

Среди полнаго безмолвія внезапно раздалась тихая нѣжная рѣчь совсѣмъ близко отъ моего уха.

— Скажи Агмаду, что онъ нарушаетъ законъ. Только одинъ жрецъ можетъ входить въ святая святыхъ, и больше никто.

Я узналъ серебристый, какъ струя воды, голосъ моей Царицы. И хотя мнѣ не было видно жреца, я безъ колебанія повиновался моей Повелительницѣ.

— Только *одинъ* жрецъ можетъ входить въ святая святыхъ—сказалъ я—и больше никто. Присутствіе Агмада нарушаетъ законъ.

— Я желаю услыхать реченіе моей Владычицы,—послышался торжественный голосъ Агмада.

— Скажи ему,—произнесъ другой голосъ, который пронизалъ всю мою душу и заставилъ меня затрепетать,—что если бы я могла открыться въ его присутствіи, я не ждала бы тебя.

Я повторилъ ея слова. Отвѣта не послѣдовало, но я услыхалъ звукъ шаговъ и дверь потихоньку закрылась.

Немедленно послѣ того нѣжная рука дотронулась до меня. Я одновременно и почувствовалъ прикосновеніе, и увидалъ слабый свѣтъ на моей груди. Вслѣдъ затѣмъ я ощутилъ какъ нѣжная рука взяла завядшую лилію съ моей груди. Я подчинился охотно и, поднявъ глаза, увидѣлъ свѣтъ и среди этого свѣта предо мной стояла Владычица Лотоса. *Моя* Царица, какъ я называлъ ее въ своемъ дѣтскомъ сердцѣ; я видѣлъ ее смутно, какъ бы окруженной призрачнымъ туманомъ и все же достаточно ясно, чтобы наполниться радостью отъ ея близкаго присутствія. Я глядѣлъ на нея и видѣлъ, что она прижимаетъ къ своей груди мой увядшій цвѣтокъ; и я видѣлъ, изумляясь, что онъ увядаетъ все больше, становится все темнѣе и подъ конецъ совершенно исчезаетъ. Но мнѣ было не жаль его, ибо по мѣрѣ того, какъ онъ умиралъ, она становилась все свѣтлѣе и яснѣе для моихъ глазъ. Когда цвѣтокъ совсѣмъ изсчезъ, она стояла передо мною ясно и отчетливо, освѣщенная своимъ собственнымъ сіяніемъ.

— Ты не долженъ бояться,—сказала она; они не могутъ повредить тебѣ потому, что ты вошелъ въ мою атмосферу. И хотя они помѣстили тебя въ настоящую темницу порока и лжи, не бойся и наблюдай и сохраняй въ памяти все, что увидятъ глаза твои.

Мнѣ показалось, что окружающая тьма засвѣтилась отъ ея властъ имущихъ и милостивыхъ словъ. Я почувствовалъ себя смѣлымъ и полнымъ энергіи.

Она протянула руку и слегка дотронулась до меня. Это прикосновеніе наполнило меня такимъ огнемъ, съ которымъ не могло сравниться ничто, испытанное мною въ жизни.

— Царственный цвѣтокъ Египта пребываетъ на священныхъ водахъ, которые по своей чистотѣ и тишинѣ достойны быть ея вѣчнымъ мѣстомъ отдыха. Я—духъ цвѣтка; я поддерживаюсь на водахъ истины и жизнь моя образуется изъ дуновенія небесъ, которое есть любовь. Но униженіе моего земного мѣстопребыванія, надъ которымъ все еще рѣютъ крылья моей любви, лишаютъ его небеснаго свѣта, который есть мудрость. Духъ царственнаго лотоса не можетъ долго жить въ темнотѣ; цвѣтокъ никнетъ и умираетъ, если его лишаютъ солнечнаго свѣта. Запомни эти слова, дитя, запечатлѣй ихъ въ своемъ сердцѣ; придетъ время, когда твой разумъ будетъ въ состояніи понять ихъ

и тогда они просвѣтятъ тебя во всѣхъ затрудненіяхъ твоей жизни.

— Скажи мнѣ,—заговорилъ я; когда могу я пойти къ лиліямъ? Можно ли мнѣ увидать ихъ завтра при свѣтѣ солнца? Теперь ночь, и я усталъ; не могу ли я уснуть у твоихъ ногъ, а завтра быть въ саду съ тобой?

— Бѣдное дитя,—сказала она, наклоняясь надо мной такъ, что ея дыханіе обвѣяло меня, и оно было сладостно, какъ ароматъ дикихъ цвѣтовъ.—Какъ сурово они поступаютъ съ тобой! Отдохни здѣсь на моихъ рукахъ, ибо ты будешь моимъ ясновидцемъ и просвѣтителемъ моей страны. Силы и здоровье должны пребывать на твоемъ челѣ, подобно драгоцѣнному вѣнцу. Я буду охранять тебя; спи дитя.

Я легъ по ея приказанію и хотя я зналъ, что ложился на холодный, жесткій полъ, я ясно чувствовалъ, что моя голова покоится на нѣжной рукѣ, полной магнетической ласки; я погрузился въ глубокій, спокойный сонъ, лишенный сновидѣнія.

Въ эту ночь въ книгѣ тайныхъ записей Агмада было внесено лишь одно слово—„Тщетно“.

Глава VII.

Бѣлый цвѣтокъ былъ въ моей рукѣ, когда я проснулся. Его красота наполнила мое сердце радостью, я смотрѣлъ на него и испытывалъ облегченіе и довольство, словно я спалъ на рукахъ матери и цвѣтокъ былъ ея поцѣлуемъ, ибо я держалъ полураскрывшійся лотосъ близко къ моимъ губамъ. Меня даже не удивило, какимъ образомъ онъ очутился у меня; я смотрѣлъ на его красоту и былъ счастливъ, ибо онъ ясно говорилъ мнѣ, что моя царица, мой единственный другъ, въ самомъ дѣлѣ охраняла меня.

Внезапно я увидѣлъ, что кто-то вошелъ въ комнату; и не столько вошелъ, какъ выскользнулъ изъ неосвѣщеннаго угла. Я лежалъ—какъ я теперь убѣдился—въ комнатѣ, куда меня перенесъ Агмадъ. Я не могъ припомнить, гдѣ и какъ я провелъ темные часы ночи, но я навѣрно зналъ, что это онъ перенесъ меня на мою постель. Я былъ радъ, что нахожусь опять въ той же комнатѣ и еще болѣе обрадовался, когда разглядѣлъ, что ко мнѣ приближается маленькая дѣвочка. Она была моложе меня и прекрасна какъ солнечный лучъ. Она подошла ко мнѣ, а затѣмъ остановилась; я протянулъ къ ней руку.

— Дай мнѣ цвѣтокъ,—сказала она.

Я поколебался—обладаніе цвѣткомъ давало мнѣ такое счастье,—но я не могъ отказать ей: она улыбалась, а въ этомъ храмѣ никто не улыбался мнѣ до сихъ поръ. Я отдалъ ей мой цвѣтокъ.

— О!—воскликнула она: на его листьяхъ вода!—И она отшвырнула его съ выраженіемъ брезгливости. Я вскочилъ съ постели, вспыхнувъ отъ гнѣва и устремясь, чтобы спасти мое сокровище. Но въ тотъ же мигъ дѣвочка снова схватила его и побѣжала съ веселымъ смѣхомъ. Я побѣжалъ за ней, торопясь изъ всѣхъ силъ. Я все же былъ только мальчикъ и я гнался за ней, сердясь и твердо порѣшивъ догнать ее. Мы мчались черезъ большія комнаты, совершенно пустыя, и дѣвочка исчезла за тяжелыми занавѣсами, а я преслѣдовалъ ее съ ловкостью мальчика, выросшаго въ деревнѣ. Но вдругъ я наткнулся на препятствіе: передо мной была каменная стѣна. Какъ она могла ускользнуть отъ меня? Вѣдь я былъ совсѣмъ близко отъ нея. Я повернулъ назадъ, ослѣпленный порывомъ ярости, но мгновенно все затихло во мнѣ, ибо передо мной стоялъ жрецъ Агмадъ. Считалъ онъ меня виноватымъ? Очевидно нѣтъ, потому что онъ улыбался.

— Пойдемъ со мной,—сказалъ онъ; и говорилъ онъ такъ привѣтливо, что я не боялся слѣдовать за нимъ. Онъ открылъ дверь и передъ моими глазами былъ садъ, полный цвѣтовъ—квадратный садъ, заключенный со всѣхъ сторонъ въ цвѣтущія изгороди, густо покрытыя цвѣтами; садъ было наполненъ дѣтьми и всѣ они бѣгали туда и сюда, выполняя очевидно правила какой-то игры, которыя я не понималъ. Ихъ было такъ много и они двигались такъ быстро, что въ началѣ я совсѣмъ растерялся, но вдругъ я увидѣлъ среди нихъ ту дѣвочку, которая унесла мой цвѣтокъ. Онъ былъ приколотъ къ ея платью и она насмѣшливо улыбнулась, когда увидала меня. Я бросился въ толпу дѣтей и казалось, что мои движенія немедленно подчинились законамъ какой-то игры или ритмическаго танца. Я не зналъ какъ это случилось, и хотя я не ошибался въ своихъ движеніяхъ, я не могъ бы сказать, какую цѣль преслѣдовала эта игра. Я не переставая гонялся за граціозной формой дѣвочки. И хотя мнѣ не удавалось приблизиться къ ней, такъ легка и подвижна была она, но мнѣ вскорѣ понравилось само движеніе и я наслаждался веселымъ возбужденіемъ, сіяющими лицами дѣтей и смѣющимися голосами. Благоуханіе



безчисленныхъ цвѣтовъ наполняло меня восторгомъ и мнѣ страстно захотѣлось сорвать какъ можно больше цвѣтовъ. Я забылъ о своемъ Лотосѣ, думая объ этихъ другихъ цвѣтахъ, и все же я продолжалъ быстро двигаться въ запутанныхъ фигурахъ танца, думая о томъ, какой большой букетъ я наберу, когда кончится игра; въ ту минуту я совсѣмъ не боялся Агмада и не думалъ о его недовольствѣ, даже если бы садъ принадлежалъ ему. А затѣмъ, совершенно неожиданно для меня раздался ликующій крикъ сотни веселыхъ дѣтскихъ голосовъ.

— Онъ выигралъ его! онъ выигралъ его!

Это былъ мячъ, золотой мячъ и до того легкій, что я могъ бросать его высоко, высоко, въ самое небо; и все же онъ каждый разъ возвращался въ мои протянутыя руки. Я нашелъ его у своихъ ногъ, когда раздался этотъ ликующій крикъ и я немедленно понялъ, что мячъ былъ мой. А затѣмъ я вдругъ увидѣлъ, что всѣ дѣти исчезли и въ саду осталась только та дѣвочка, которая унесла мой цвѣтокъ. Его не было болѣе на ея платьѣ—и я забылъ о немъ. Но она улыбалась, а я смѣялся, глядя на нее. Я бросилъ ей мячъ и она бросала его ко мнѣ, съ одного конца сада на другой.

Внезапно раздался звукъ колокола; онъ звучалъ ярко и громко въ воздухѣ.

— Пойдемъ,—сказала она;—пора въ школу, пойдемъ! Она схватила меня за руку и бросила мячъ въ сторону. Я посмотрѣлъ на него съ сожалѣніемъ и сказалъ:

— Вѣдь онъ былъ мой.

— Теперь онъ ничего не стоитъ,—отвѣтила она. Ты—долженъ выиграть новый призъ.

Мы побѣжали, держась за руку, черезъ другой садъ въ большую комнату, которую я не видалъ до тѣхъ поръ. Дѣти, съ которыми я игралъ въ саду, были всѣ здѣсь и еще много другихъ. Воздухъ въ комнатѣ былъ тяжелый, наполненный сладкимъ благоуханіемъ. Я не чувствовалъ себя усталымъ, я такъ недавно всталъ послѣ продолжительнаго сна и утро было все еще полно свѣжести; но когда я вошелъ въ комнату, я почувствовалъ усталость и голова моя начала горѣть.

Я вскорѣ заснулъ, продолжая слышать голоса дѣтей вокругъ себя. Я проснулся отъ такихъ же ликующихъ звуковъ, какъ тогда въ саду: „Онъ выигралъ его! онъ выигралъ его!“

Я стоялъ на чемъ-то въ родѣ трона—высокое сидѣнье изъ мрамора. И я слышалъ свой собственный голосъ, какъ онъ

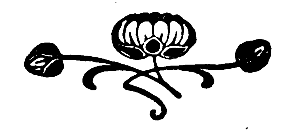
раздавался въ воздухѣ. Я держалъ рѣчь. Дѣти были вокругъ меня, столпившись около мраморнаго трона. Я помню, какъ дѣвочка, которая привела меня сюда, воскликнула, что „учитель стоитъ на этомъ тронѣ“.

Почему же мы, дѣти, находимся здѣсь? Я осмотрѣлся кругомъ и вдругъ увидѣлъ, что комната наполнена жрецами! Они стояли молчаливо и неподвижно. И снова я услыхалъ крики дѣтей: „Онъ выигралъ его! онъ выигралъ его“. Я соскочилъ съ трона въ порывѣ какого-то внезапнаго безумія, которое было непонятно для меня самого. Когда я спустился на полъ, я увидалъ, что всѣ дѣти ушли. Осталась только одна дѣвочка, которая привела меня сюда. Она стояла на тронѣ, смѣялась и била въ ладони отъ радости. Я не могъ понять, что такъ радовало ее; взглянувъ вокругъ, я увидалъ, что стою въ серединѣ круга, который образовали жрецы въ бѣлыхъ облаченіяхъ, но они не стоятъ, а лежатъ распростертые на землѣ, прикасаясь лбами къ самому полу. Что могло это означать? Я не могъ понять и стоялъ въ безмолвномъ ужасѣ, какъ вдругъ дѣвочка, словно въ отвѣтъ на мою мысль закричала: „Они покланяются тебѣ“!

Эти слова удивили меня не больше, чѣмъ другое чудо которое спустилось надо мной. Ибо я понялъ, что я одинъ слышу ея голосъ.

Пер. съ англ. Е. П.

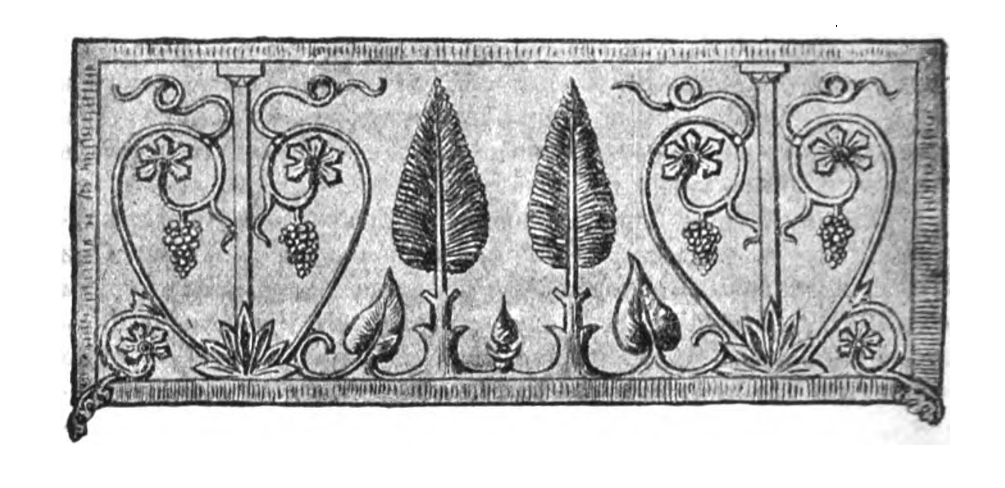
(Продолженіе слѣдуетъ).



Молитва или религіозная мысль состоитъ изъ троекратно восходящей, недѣлимой абстракціи, или предложенія.

Изреч. Новалиса.





Воспоминанія [1]).

(Продолженіе).

Глава 7-ая.

Въ соковнинскую усадьбу въѣзжали со стороны церкви и деревни по длинной аллеѣ и по плотинѣ, на лѣвой сторонѣ которой былъ глубокій оврагъ, заросшій лѣсомъ и кустарникомъ, а по правую сторону, противъ самаго дома — красивый прудъ, окаймленный съ трехъ сторонъ стриженными аллеями, а съ четвертой стороны — лугомъ, гдѣ мы, дѣти, проводили большую часть времени возлѣ качелей.

Къ одноэтажному деревянному дому, соединенному галлереей съ флигелемъ, съ большой дороги подъѣзжали по такой же аллеѣ, пролегавшей между лѣсомъ и паркомъ и въ концѣ ея, противъ самаго крыльца, была въ лѣсу бесѣдка, гдѣ послѣ чая и обѣда старшіе оставались разговаривать, работать и читать.

Бывало вволю набѣгаешься и наиграешься послѣ обѣдни въ Соковнинѣ съ дѣтьми бабушкиной сестры — tante Людмилы, какъ я звала ее, отчасти подражая моимъ тетушкамъ, а также и потому, что она казалась мнѣ слишкомъ молодой и подвижной, чтобы называться бабушкой Людмилой, да и титулъ бабушки, думалось мнѣ, принадлежалъ только *моей* бабуленькѣ и уступать его еще кому-нибудь мнѣ не хотѣлось.

---

[1]) См. „В. Т.“ № 4, 1915 г.

Дѣти tante Людмилы, Миша, Маша, Митя, Варя и Аннетъ были славный народъ—живой, веселый и неутомимый въ играхъ и прогулкахъ, а старшій Миша былъ такой умный, говорила про него бабушка, что, прочитавъ исторію отсѣкновенія главы Іоанна Крестителя, онъ сказалъ:

— Какъ могъ царь исполнить просьбу дочери Иродіады? На его мѣстѣ я бы сказалъ ей, что голова Іоанна Крестителя для меня гораздо, гораздо дороже полъ царства и я бы ни за что не отдалъ ее.

Бабушка про Мишу также разсказывала, что, когда умиралъ его отецъ, который былъ очень набоженъ и соблюдалъ всѣ посты, Миша далъ ему обѣщаніе всегда соблюдать ихъ за него и я знаю, что онъ это исполнялъ до самаго конца своей жизни, терпѣливо перенося въ юности немало насмѣшекъ легкомысленной молодежи.

Весело бывало мнѣ съ дѣтьми tante Людмилы, потому что они любили меня и я любила ихъ. Когда мы ходили гулять за версту въ лѣсъ и я, какъ самая маленькая, не поспѣвая за большими, уставала, Митя и Варя сплетали руки и несли меня, потомъ несла меня Маша на спинѣ, а младшая дѣвочка Аннетъ, отыскивая въ лѣсу душистую землянику, отдавала ее мнѣ и спрашивала:

— C'est bon?

— Très bon,—отвѣчала я, такъ какъ мы должны были между собой всегда говорить по-французски.

Если накрапывалъ дождь, то мы, возвратившись изъ лѣсу, по балконной лѣстницѣ шли въ домъ и играли въ залѣ, гдѣ было пять высокихъ и широкихъ готическихъ оконъ и въ простѣнкѣ надъ диваномъ былъ большой, прекрасный образъ Спасителя во весь ростъ.

Играя въ залѣ, я старалась забѣжать въ сосѣднюю комнату—кабинетъ покойнаго мужа tante Людмилы, про котораго говорили, что онъ былъ декабристъ, мнѣ казалось, что я тамъ узнаю, что значитъ это слово. Но въ кабинетѣ я видѣла только узкіе диваны вдоль стѣнъ, письменный столъ у огромнаго окна и на стѣнѣ—портретъ моей прабабушки Авдотьи Васильевны, писанный съ нея маслянными красками уже послѣ смерти; она сидѣла въ креслѣ съ закрытыми глазами, загадочнымъ лицомъ и евангеліемъ въ рукѣ и такъ, какъ этотъ портретъ возбуждалъ во мнѣ мистическій страхъ, въ кабинетѣ долго оставаться я не любила.

Въ самомъ концѣ дома, пройдя гостиную и спальню, была интересная комната—молельня съ кіотомъ, наполненнымъ образами, среди которыхъ было изображеніе Архангела Михаила съ огненнымъ мечемъ, а на стѣнѣ, противъ оконъ, висѣли портреты разныхъ архіереевъ и монаховъ; подъ ними былъ длинный диванъ, гдѣ можно было сидѣть въ молитвенномъ созерцаніи, глядя черезъ окно въ небо.

Здѣсь, въ опредѣленные часы, утромъ и вечеромъ собиралась вся семья tante Людмилы и она сама читала своимъ дѣтямъ молитвы и псалмы и поминала живыхъ и умершихъ родственниковъ.

Я любила въ эти часы присоединяться къ нимъ, когда мы гостили въ Соковнинѣ и, слушая мудреные обороты славянскихъ текстовъ, я смотрѣла на красненькій огонекъ лампадки, на большіе образа и кипарисовые образки, крестики и перламутровыя четки въ кіотѣ.

Но больше всего мнѣ нравился образъ Спасителя въ залѣ. Онъ шелъ въ розовыхъ и голубыхъ одеждахъ по широкому полю и, держа въ лѣвой рукѣ зеленый земной шаръ, правой рукой благословлялъ міръ; лицо Его было кротко, а у Его ногъ, черными славянскими буквами, по золоту широкой рамы были написаны таинственныя слова: „Азъ есмь Альфа и Омега". Не понимая значенія этихъ словъ, я чувствовала къ нимъ благоговѣніе.

Но отчего я въ дѣтствѣ внутреннимъ взоромъ видѣла Спасителя не въ розовомъ и голубомъ, какъ Его рисуютъ на иконахъ, а въ бѣломъ—и не въ полѣ, а на высокой, высокой горѣ... Онъ смотритъ съ ея вершины въ даль, въ необозримыя пространства, и мнѣ не поднять было взора до Его лица; и видя только Его босыя ноги и край бѣлой одежды, я припадала мысленно къ Его Стопамъ, испытывая такое чувство благоговѣнія, что хотѣлось умереть. . . . .

Внутреннее видѣніе это у меня въ дѣтствѣ повторялось въ связи съ безграничнымъ счастьемъ, вдругъ, безъ причины охватывавшимъ мою душу, а позднѣе оно сопровождало минуты величайшей печали, когда у меня бывало большое горе; тогда подножіе Высокой Горы, гдѣ Онъ стоялъ надъ міромъ, было единственнымъ прибѣжищемъ для моей скорбящей души

Съ чудеснымъ образомъ Спасителя Соковнинскаго дома, былъ связанъ таинственный случай, о которомъ tante Людмила при мнѣ разсказывала бабушкѣ:

Въ ея отсутствіе въ усадьбѣ загорѣлся сарай возлѣ дома и пламя неминуемо должно было охватить домъ, такъ какъ вѣтеръ дулъ въ его сторону.

Всѣ побѣжали на пожаръ и въ домѣ осталась одна экономка; не зная, что дѣлать и что спасать, она металась по комнатамъ и, прибѣжавъ въ залу, гдѣ былъ Спаситель—бросилась передъ Нимъ на колѣни и вспомнила народное повѣрье, что если обнести вокругъ дома образъ, который находится въ немъ съ самаго его основанія, пламя пощадитъ его.

Но что ей дѣлать, какъ ей быть?—Образъ Спасителя слишкомъ великъ и ей одной не поднять его. . . . . Вдругъ она видитъ, что отворяется балконная дверь и въ комнату входитъ незнакомецъ... Молча помогаетъ онъ ей снять образъ со стѣны и съ ней обноситъ его вокругъ дома.

Вѣтеръ перемѣнилъ направленіе, домъ уцѣлѣлъ, а незнакомецъ исчезъ и никто не зналъ кто это былъ.

— Можетъ быть это былъ Ангелъ,—сказала бабушкѣ tante Людмила; въ ея глазахъ показались слезы и она перекрестилась.

Вспоминая этотъ разсказъ, припоминаю другой случай, когда въ деревнѣ старушка съ образомъ и старикъ съ бочкой воды отстаивали отъ пожара церковь.

Это было гораздо, гораздо позднѣе чудеснаго случая съ образомъ въ Соковнинѣ.

Мы тогда съ мужемъ жили въ Красномъ и у насъ былъ обычай ѣздить на ближайшіе пожары и брать съ собой нашихъ рабочихъ съ цѣлью оказать тамъ возможную помощь.

Случался ли пожаръ днемъ, или ночью, кто бы не увидѣлъ зарево и не услышалъ набатъ, долженъ былъ тотчасъ же намъ объ этомъ доложить.

— Собрать верховыхъ, а мнѣ съ женой осѣдлать „Мизгиря" и „Золотника,—бывало отдавалъ кучеру распоряженіе мой мужъ и мы мчались на пожаръ, а если онъ былъ не такъ далеко—мы брали съ собой и своихъ мальчиковъ Володю и Сережу и они рядомъ съ нами скакали на своихъ лошадкахъ „Швейкѣ" и „Чалкѣ".

Такъ пришлось намъ однажды вечеромъ пріѣхать въ деревню, гдѣ противъ самой церкви горѣлъ домъ лавочника, а недалеко отъ него находился домъ священника, всѣ его хозяйственныя постройки и домикъ дьячка.

Народъ уже сбѣжался съ деревни, изъ-за рѣки и мужики привезли нѣсколько бочекъ воды и, какъ полагается, притащили багры и метлы, и кто заливалъ ведрами стѣны горящаго дома,



а кто, забравшись на крыши сосѣднихъ зданій, отстаивалъ ихъ, сметая мокрыми метлами падавшія на нихъ искры.

Изъ дома священника уже вытащили всѣ вещи и матушка съ плачущими дѣтьми сидѣла на травѣ рядомъ съ вещами, связанными въ узлы, а батюшка отдавалъ распоряженія выводить со двора лошадей и скотъ.

О пылающемъ домѣ лавочника никто не тужилъ, такъ какъ стало извѣстно, что онъ недавно былъ застрахованъ и что страховой агентъ въ этотъ вечеръ пилъ чай съ его хозяиномъ.

Выскочивъ изъ загорѣвшагося дома, онъ одинъ, какъ заинтересованное лицо, искренно сокрушался о пожарѣ, да лавочникъ, для виду, махая руками и причитая (безъ этого нельзя же) при всемъ народѣ, съ театральнымъ жестомъ бросилъ свою шапку въ огонь и воскликнулъ:

— Эхъ-ма! Гори и ты, головушка моя, вмѣстѣ съ домомъ моимъ!

— Ишь лавочникъ-то какъ о своемъ домѣ убивается,—посмѣивался надъ нимъ народъ.

— Давай воды, давай воды!—кричалъ страховой агентъ.

Про церковь всѣ забыли и темныя окна ея колокольни, гдѣ уже смолкъ набатъ, какъ испуганные глаза, съ ужасомъ глядѣли на зловѣщее пламя, направляемое порывами вѣтра въ сторону церкви, на которой масляная краска, покрывавшая ея деревянную обшивку, уже мѣстами темнѣла и пузырилась отъ жара.

Но въ эту страшную минуту церковь не была одна—возлѣ нея, у самой паперти стояли два вѣрныхъ стража—старикъ со своей клячей, запряженной въ бочку съ водой и старуха съ образомъ.

— Что ты тутъ бездѣйствуешь со своей бочкой—давай ее сюда!—грозно закричалъ на старика только что пріѣхавшій урядникъ.

— А какъ ты можешь моей бочкѣ повелѣвать, коли видишь, что я Божій храмъ отстаиваю,—спокойно отвѣтилъ ему старикъ. Не смѣешь ты моей бочкѣ повелѣвать, — еще разъ повторилъ онъ въ отвѣтъ на угрожающій жестъ деревенскаго начальства, и урядникъ махнулъ на него рукой и отошелъ.

— Ребята! Валите стѣны, разбирайте бревна баграми!—хлопоталъ страховой агентъ надъ застрахованнымъ имъ имуществомъ.

— Не станемъ мы ихъ трогать, полетятъ искры, батюшкинъ домъ загорится,—кричали мужики.

Завязался споръ, гудѣли голоса, гудѣлъ пожаръ, а старушка съ образомъ молча обходила церковь, какъ только вѣтеръ гналъ огонь въ ея сторону.

Преклонилась ли стихія передъ вѣрой этихъ двухъ стариковъ—стражей храма Господня, или была другая причина, но вѣтеръ измѣнилъ направленіе и церковь и окружавшія ее постройки уцѣлѣли.

Домъ лавочника догоралъ, ночь проходила, брезжилъ разсвѣтъ и было холодно.

Страховой агентъ съ урядникомъ уѣхали, а утомленный народъ, и мы съ нимъ,—грѣлись у огромнаго потухающаго костра, дожидаясь, чтобы онъ совсѣмъ погасъ и вспоминали другіе пожары, не такіе благополучные, какъ этотъ.

Подошелъ къ намъ батюшка, водворившій въ домъ жену, дѣтей и свои вещи.

— Много, много угольку на самоваръ припасъ себѣ лавочникъ къ зимѣ,—сказалъ онъ, качая головой,—чуть-чуть, что и насъ и церковь поэтому случаю не спалилъ . . . .
. . . .

Есть другое народное повѣрье, что въ пламя пожара надо бросать освященныя пасхальныя яица, чтобы огонь утихалъ и я видѣла, какъ это дѣлали и какъ, случайно, или нѣтъ, пламя уменьшалось.

Но пожаръ, зажженный молніей, по народному повѣрью, совсѣмъ нельзя тушить, такъ какъ это пожаръ совсѣмъ особенный, зажженный Самимъ Богомъ, чтобы люди не забывали Его.

Когда я была маленькая, помню какъ странно у насъ въ Красномъ отъ молніи сгорѣлъ на гумнѣ только одинъ соломенный ометъ, средній изъ пяти, стоявшихъ рядомъ на такомъ близкомъ разстояніи, что только-только телѣгѣ проѣхать.

Это случилось подъ конецъ лѣта, послѣ посѣва ржи, когда еще не весь хлѣбъ былъ убранъ съ поля.

Жара была ужасная, и въ этотъ день воздухъ съ утра былъ особенно тяжелъ, небо хмурилось и Негро валялся на спинѣ, что у собакъ всегда предвѣщаетъ лѣтомъ дождь, а зимой—мятель.

Къ обѣду на небѣ и въ комнатахъ стало такъ темно, что бабушка, предвидя грозу, велѣла затворить окна.

Въ это время послышался тяжелый шумъ колесъ и конскій топотъ и къ парадному крыльцу подъѣхала карета—дормезъ, запряженная шестерикомъ бѣлыхъ коней, и я въ первый разъ въ жизни увидѣла форрейтора—мальчика въ сѣрой ливреѣ и

красной шапочкѣ, сидѣвшаго верхомъ на правой передней лошади; онъ, повидимому, такъ усталъ, что, остановивъ лошадь, припалъ къ ея шеѣ и схватился за гриву, чтобы не упасть; какъ сейчасъ помню этотъ жестъ и мое чувство страха, что мальчикъ свалится съ лошади.

Нарядный лакей въ такой же сѣрой ливреѣ и въ черной шляпѣ съ кокардой соскочилъ съ козелъ и отворилъ дверцу кареты; изъ нея вышелъ красивый смуглый господинъ и за нимъ бѣлокурая дама въ бѣлой шляпѣ съ голубой вуалью,—это былъ бабушкинъ пасынокъ Дмитрій Владиміровичъ съ женой — „Митенька“ и „Любенька“, какъ звала ихъ бабушка.

— Maman! — сказалъ Митенька, цѣлуя бабушкину руку, — если бъ Вы знали, какая страшная гроза собирается, такого темнаго неба и такихъ зловѣщихъ тучъ я въ жизни не видалъ.

— Хорошо, что вы успѣли пріѣхать до грозы,—отвѣтила бабушка, цѣлуя его въ високъ.

Ослѣпительная молнія озарила комнату, страшный ударъ грома заглушилъ бабушкины слова и сразу налетѣвшій ураганъ, нагибая деревья и срывая съ нихъ сухія вѣтви, сталъ бросать ихъ въ наши окна и бѣшено рвать полотняныя занавѣси на балконѣ и маркизы на окнахъ.

Небо зловѣще шумѣло и, уронивъ на землю среди грома и блеска молній, нѣсколько тяжелыхъ капель дождя, начало сыпать градъ, все крупнѣе и крупнѣе и съ такой силой, что скоро въ нашихъ окнахъ, незащищенныхъ маркизами, были побиты стекла, а маркизы съ красными фестонами порваны и градъ странной формы, похожей на малину и величиной съ голубиное яйцо и гораздо больше, лежалъ и возлѣ дома, и на балконѣ, и на полу въ комнатахъ, гдѣ были побиты окна.

Страшный ливень смѣнилъ градъ и превратилъ садовыя дорожки въ бурныя рѣчки, на поверхности которыхъ поплыли водяные пузыри.

Когда гроза утихла и ливень прекратился, переполненныя водосточныя трубы шумѣли такъ сильно, что едва было слышно, какъ вбѣжавшій въ комнату испуганный Илья сказалъ:

— Барыня! На гумнѣ у насъ пожаръ!

— Пошли скорѣе верхового на ту сторону узнать, что горитъ,—распорядилась бабушка и, бросившись къ окнамъ, мы стали смотрѣть по направленію гумна, но его заслоняли высокія деревья сада и ничего не было видно.



Верховой вернулся, объявивъ, что рѣка разлилась, мостъ снесенъ и на ту сторону проѣхать никакъ нельзя.

Тогда догадались пойти въ фруктовый садъ, откуда было видно гумно и, стоя тамъ въ ледяномъ отъ града безвѣтренномъ воздухѣ, среди кучъ побитыхъ яблокъ, валявшихся въ грязи въ перемѣшку съ градомъ, мы увидѣли на гумнѣ возносившееся къ небу вмѣстѣ съ дымомъ пламя, какъ бы огромной догорающей свѣчи. Трудно было опредѣлить горитъ ли скирдъ хлѣба, или ометъ соломы, но было видно, что огонь утихаетъ.

— Ну, на все воля Божья, — сказала бабушка,- пойдемте обѣдать.

Пока собирали въ кухнѣ запоздавшій обѣдъ и накрывали на столъ, съ той стороны, верхомъ добрался къ намъ вплавь Петръ Павловъ и его, всего мокраго, позвали въ гостиную.

— Ну что?—спросила бабушка.

— Слава Богу-съ, у насъ отъ молніи на гумнѣ одинъ ометъ соломы загорѣлся, а рядомъ всѣ ометы цѣлы и хлѣбъ цѣлъ, потому—вѣтеръ стихъ.

— Что-же, тушили огонь?

— Помилуйте-съ, нѣшто можно огонь отъ молніи тушить-съ.

— Ну, слава Тебѣ Господи, что хлѣбъ цѣлъ,—перекрестилась бабушка.—Признаться сказать, въ первый разъ на своемъ вѣку вижу такую грозу и такой градъ.

— Такъ точно-съ,—почтительно отвѣтилъ Петръ; даже всѣ мосты на рѣкѣ унесло-съ и всѣ плотины сорвало.

— Oui, Maman, и мы, по правдѣ сказать ничего подобнаго не видали,—подтвердили Митенька и Любенька.

За обѣдомъ говорили о пожарахъ и Митенька сказалъ, что они часто случаются отъ неисправныхъ печей и онъ передѣлываетъ въ своемъ домѣ всѣ старыя печи.

— И теперь,—засмѣялся онъ,—я говорю своимъ гостямъ: извиняюсь, что принимаю васъ съ нѣкоторой *холодностью*, благодаря своей *безпечности*.

— Ахъ! вѣчно что-нибудь смѣшное придумаетъ!—улыбаясь отмахнулась отъ него бабушка, обращаясь къ Любенькѣ.

— Oui, Maman, Dmitry a toujours quelque chose d'amusant à inventer, quand quelqu'un a des désagréments, et c'est pour les lui faire oublier" [1]), одобрительно и ласково взглянула Любенька на

[1]) „Да, maman, Дмитрій всегда придумываетъ что-нибудь смѣшное, когда у кого-нибудь случаются непріятности, для того, чтобы о нихъ забыть".



мужа, надѣвавшаго свалившійся у него изъ глаза отъ смѣха монокль.

На другой день, послѣ обѣда гости наши собрались уѣзжать и я опять увидѣла поданую къ крыльцу карету шестерикомъ и маленькаго форрейтора, на этотъ разъ бодро сидѣвшаго на своей лошади.

— Пошелъ!—крикнулъ ему кучеръ, и мальчикъ, выровнивъ переднюю пару лошадей, тронулъ ихъ.

— Au revoir, maman!—кланялись бабушкѣ гости изъ окна кареты.

— Au revoir, ma petite chérie!—послала мнѣ поцѣлуй Любенька.

— Au revoir, au revoir, bon voyage!—махала имъ бабушка съ крыльца батистовымъ платочкомъ. . . . .

Долго вспоминали эту грозу и говорили о необыкновенномъ градѣ, разсказывая, что онъ въ полѣ побилъ много скота и что вѣтромъ уносило копны за нѣсколько верстъ, а что одинъ помѣщикъ, застигнутый градомъ въ полѣ, спасъ свою лошадь и себя только тѣмъ, что догадался привязать ей и себѣ на голову и на спину снопы.

Можно себѣ представить, что тогда творилось въ полѣ, если у насъ въ затишьѣ выворотило съ корнями нѣсколько старыхъ деревьевъ и поломало много яблонь.

Когда рѣка вошла въ берега и исправили мостъ, мы ходили на ту сторону смотрѣть сгорѣвшій отъ молніи ометъ и, увидя огромнѣйшую кучу золы, среди четырехъ ометовъ соломы, съ удивленіемъ думали, какъ могли они уцѣлѣть. Поистинѣ это былъ пожаръ совсѣмъ особенный, заставлявшій человѣка призадуматься...

Для меня воспоминаніе объ этой грозѣ всегда было связано съ воспоминаніемъ о большой каретѣ и о маленькомъ форрейторѣ, проскакавшемъ верхомъ въ одинъ день не менѣе тридцати-сорока верстъ и столько же на другой день.

Когда знаешь какую отвѣтственную роль играли форрейторы при поворотахъ, спускахъ съ горъ и подъемахъ въ гору, а крутыхъ горъ, овраговъ и косогоровъ у насъ въ Тульской губерніи пропасть—удивляешься какъ могъ это выдерживать ребенокъ.

Неудивительно, что изъ форрейторовъ, если они не поги-

бали въ дѣтствѣ, выходили не только искусные кучера и наѣздники, но и здоровые, ловкіе и дѣльные люди—мастера на всѣ руки, недаромъ говорившіе:

— Я все могу—я фолетеромъ служилъ у своихъ господъ.

А. Унковская.

(Продолженіе слѣдуетъ).



Всякое наслажденіе музыкально, слѣдовательно математично.

Метафорическій языкъ—это система логариѳмовъ. Не должны ли звуки идти въ извѣстной степени логариѳмически?

Куда мы уходимъ?—Всегда домой.

Жизнь кончается какъ день и какъ совершенное дѣйство, грустно, но съ возвышенной надеждой.

Жизнь боговъ есть математика. Чистая математика—это религія.

На Востокѣ истинная математика у себя на родинѣ. Въ Европѣ она выродилась въ сплошную технику.

Изреч. Новалиса.





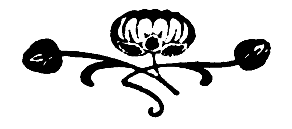
Дома, гдѣ являются духи.

ЛОНГФЕЛЛО.

Тамъ, гдѣ жизнь возникала, тамъ, гдѣ смерть наступала,
Въ тѣхъ домахъ бродятъ духи незримыхъ тѣней...
Не скрипитъ половица, гдѣ нога ихъ ступала,—
Они входятъ неслышно изъ раскрытыхъ дверей.
На порогѣ, на лѣстницѣ встрѣтить ихъ можно,
И по всѣмъ корридорамъ тихо бродятъ они;
Осязать этихъ духовъ рукой невозможно,—
Только движется что-то въ неясной тѣни.
За столомъ *гостей больше*, чѣмъ число приглашенныхъ;
Въ этой залѣ блестящей, что сверкаетъ въ огнѣ,
Много призраковъ кроткихъ, дара слова лишенныхъ,
Молчаливѣй, спокойнѣй картинъ на стѣнѣ.
Я сижу у огня, предо мной неотступно
Возникаютъ видѣнья, и звуки дрожатъ...
Ихъ не слышитъ чужой; для него недоступно
Все, что было когда-то, все, что видитъ мой взглядъ.
Не имѣемъ мы правъ на владѣнье страною:
Всѣ былые владѣльцы, всѣ жильцы прежнихъ дней
Изъ могилъ позабытыхъ машутъ блѣдной рукою
И владѣютъ, какъ прежде, и права ихъ вѣрнѣй.
И нашъ чувственный міръ, міръ иной окружаетъ,
Міръ души отвлеченной, міръ воздушно-нѣмой.
Сквозь земные туманы и тьму проникаетъ
Трепетанье живое эфирной струей.
Лишь борьбою желаній можетъ ровно держаться
Духъ нашъ бѣдный на нашей земной высотѣ!

Мы побольше хотимъ на землѣ наслаждаться,
Мы стремимся къ иной, неземной красотѣ.
И волненье души, и разладъ негасимый
Между тѣмъ, что мы можемъ, и что видимъ въ мечтахъ,—
Все во власти звѣзды неизвѣстной, незримой,
Не открытой на нашихъ земныхъ небесахъ.
Какъ луна изъ-за темныхъ, изъ-за облачныхъ зданій
Простираетъ надъ моремъ мостъ изъ яркихъ лучей,
И по доскамъ его цѣпь людскихъ упованій
Ищетъ путь въ царство тайны, въ царство вѣчныхъ ночей,
Такъ изъ міра иного мостъ спустился, сверкая,
Въ этотъ міръ, оба міра связавъ межъ собой,
И по доскамъ его, вся дрожа и не зная,
Бродитъ мысль надъ пучиной бездонно-нѣмой.

Пер. М. Станюковичъ.



Когда умираетъ духъ, становится онъ человѣкомъ. Когда умираетъ человѣкъ, онъ становится духомъ. Свободная смерть духа, свободная смерть человѣка. Что соотвѣтствуетъ въ вышнихъ человѣческому существованію? Существованіе демоновъ или геніевъ, которымъ тѣло то, что намъ душа.

Что больше жизни? Служеніе жизни, какъ служеніе свѣту.

Мы одновременно въ и внѣ природы.

Всякое слово есть слово заклятія. Какой духъ зоветъ, —такой и является.

Все видимое тяготѣетъ къ невидимому, слышимое къ неслышимому, осязаемое къ неосязаемому. Быть можетъ мыслимое къ немыслимому.

Перев. Новалиса.





Книга псалмовъ какъ путь Ученичества [1]).

Въ св. книгахъ еврейскаго народа есть много указаній на существованіе того, что называется „Путемъ". Во всѣ времена были у нихъ пророки, жившіе въ уединенныхъ мѣстахъ, иногда приходившіе въ Іерусалимъ или другія многолюдныя мѣста, даже въ военные лагери, если того требовали обстоятельства, и вокругъ нихъ группировались „ученики пророческіе". Видимо пророки являлись не только просто боговдохновенными людьми, которые иногда бывали вдохновляемы Св. Духомъ и потому начинали знать и видѣть больше остальныхъ людей. У нихъ были опредѣленныя традиціи, тщательно сохраняемыя отъ внѣшняго міра и передаваемыя по преемству (исторія Иліи и Елисея) и работа ихъ требовала опредѣленныхъ условій: уединенія, гористыхъ мѣстностей, пустыни и т. п.

Въ св. книгахъ неразъ можно найти исторію Пути, какъ неразъ встрѣчается и исторія посвященія. Самымъ замѣчательнымъ памятникомъ по красотѣ, величію замысла и символикѣ является исторія Исхода евреевъ изъ земли Египетской и пришествіе ихъ въ землю Ханаанскую, затѣмъ исторія Іосифа. Псалтырь—позднѣйшій памятникъ и составители ея знали сокровенный смыслъ исторій Исхода и Іосифа и упоминаютъ объ этомъ.

Отцы Церкви знали сокровенный смыслъ псалмовъ и донынѣ въ руки ученика-послушника въ нашихъ монастыряхъ

[1]) *Прим. ред.* Печатаемъ интересную статью М. Гарденинои, какъ попытку раскрыть эзотеризмъ псалмовъ въ свѣтѣ Теософіи. Въ библіи упоминаются „Школы пророковъ", ясное указаніе на существованіе древне-еврейскихъ эзотерическихъ традицій.



дается эта книга для руководства и внутренняго обученія на Пути.

Въ главной своей части она приписывается царю Давиду. (Есть небольшое число псалмовъ другихъ авторовъ). Произошло это оттого, что авторъ разсматриваетъ Путь какъ царственный и говоритъ объ идущемъ имъ какъ о Царѣ. Путь берется со стороны психологической. Указывается на состоянія души ученика, на этапы, черезъ которые она проходитъ. Видна также космическая сторона, такая же богатая и полная своихъ смысловъ, вѣроятно есть и остальные аспекты.

Въ этой работѣ мнѣ хочется коснуться только психологической стороны, а потому другія будутъ совершенно оставлены.

Главныхъ этаповъ, черезъ которые проходитъ ученикъ— три. Первый путь испытанія, затѣмъ—путь просвѣтленія и наконецъ—славы. Каждый изъ нихъ подраздѣляется еще на нѣсколько, на два или на три періода.

Псалтирь начинается съ указанія на существованіе двухъ путей: пути обычной человѣческой эволюціи и пути эволюціи ускоренной. Обычная эволюція, которой идетъ большинство, грѣшники или нечестивые, какъ говоритъ авторъ, полна суеты. „Какъ прахъ, взметаемый вѣтромъ, такъ дѣла человѣческія". Настаетъ минута для души, когда все это становится ненужнымъ человѣку и онъ восклицаетъ: Господи! укажи мнѣ путь Твой, въ онь же пойду. Выборъ сдѣланъ. Отнынѣ онъ пойдетъ путемъ сознательной культуры, ускоренной эволюціи. „Въ законѣ Господа воля его и о законѣ его размышляетъ онъ день и ночь".

Это упоминаніе о постоянномъ чередованіи, о смѣнѣ дня и ночи, указываетъ на то, что путь идетъ черезъ духовныя радости—откровенія Бога и духовную скорбь, мистическую ночь. Оно дается сразу въ первомъ же псалмѣ и также дается обѣщаніе о томъ, что вступающій на путь „будетъ какъ дерево, посаженное при потокахъ водъ, которое приноситъ плодъ свой во время свое, и листъ котораго не вянетъ, и во всемъ, что онъ ни дѣлаетъ, онъ успѣетъ".

Выборъ сдѣланъ, наступаетъ періодъ активнаго строительства. И сразу вступившій превращается въ царя-воина. Его окружаютъ возмутившіеся народы и племена, а цари и князья ихъ полны враждебныхъ замысловъ. Эти символы враждебныхъ

народовъ и племенъ указываютъ на всю совокупность нашихъ страстей и земныхъ желаній. Они были относительно спокойны, пока человѣкъ шелъ стихійно, иногда поддаваясь имъ, иногда отбрасывая ихъ, но теперь, при опредѣленномъ рѣшеніи навсегда избавиться отъ власти ихъ, они возмущаются и со всею силою самимъ же человѣкомъ созданныхъ мыслеобразовъ, выращенныхъ въ теченіе многихъ воплощеній, обрушиваются на него. Недовольны его рѣшеніемъ и цари и князья, тѣ, кто управляетъ народами, т. е. силы манаса [1]). Они возстали противъ Господа и противъ Помазанника Его. И Богъ даетъ обѣтованіе вступившему на Путь.

„Ты—Сынъ Мой; Я нынѣ родилъ Тебя.

Проси у Меня и дамъ народы въ наслѣдіе Тебѣ и предѣлы земли во владѣніе Тебѣ. Ты поразишь ихъ жезломъ желѣзнымъ, сокрушишь ихъ, какъ сосудъ горшечника".

Послѣ общаго обзора всѣхъ противящихся силъ, наступаетъ періодъ борьбы съ разными сторонами ихъ. Враги нападаютъ внезапно, стремительно, или устраиваютъ засады, ямы, сѣти, чтобы хитростью заставить его упасть. Иногда это приходитъ въ дни испытанія Божія, когда кругомъ разстилается непроглядная ночь и кажется нѣтъ никого, кто подалъ бы руку, кто понялъ бы, не говоря уже о помощи. Одиночество и тьма и враги кругомъ. Но твердая вѣра въ правильность принятаго рѣшенія, въ святость Пути и въ необходимость пройти черезъ эти испытанія, не оставляютъ ученика. Онъ восклицаетъ неразъ: „Господи! да будетъ Воля Твоя".

Отдѣльныя страсти являются ему подъ видомъ животныхъ:

„Ибо псы окружили меня, скопища злыхъ окружили меня, пронзили руки и ноги мои".

„Избавь отъ меча душу мою и отъ псовъ одинокую мою".

„Спаси меня отъ пасти льва и отъ роговъ единороговъ, услышавъ, избавь меня".

„Множество тельцовъ обступили меня, тучные Васанскіе окружили меня, раскрыли на меня пасть свою, какъ левъ, алчущій добычи и рыкающій".

„Душа моя среди львовъ, я лежу среди дышущихъ пламенемъ, среди сыновъ человѣческихъ, у которыхъ зубья—копья и стрѣлы, и у которыхъ языкъ—острый мечъ".

Трудности Пути ученикъ разсматриваетъ какъ испытанія,

[1]) (Земного разума).



которыя надо перенести, не теряя надежды на Бога и равновѣсія. Но иногда борьба становится слишкомъ трудна и человѣкъ какъ бы временно отступаетъ, падаетъ. Есть псаломъ, написанный въ дни бѣгства отъ сына своего, какъ извѣстна, и исторія отношеній съ этимъ сыномъ [1]). Въ другіе моменты скорбей и испытаній со всѣхъ сторонъ нападаютъ враги и противники. Иногда они извѣстны, а иногда нѣтъ: „Возстали на меня свидѣтели неправедные; чего я не знаю, о томъ допрашиваютъ меня". Иногда это моментъ активнаго натиска, иногда скрытыхъ засадъ и сѣтей, иногда это не враги, а близкіе—друзья, которые презираютъ и поносятъ, а иногда измѣна со стороны близкихъ. Все это тонкіе символы и соотношенія астральныхъ и ментальныхъ силъ души ученика и все это преходяще. Труднѣе моменты тонкихъ искушеній, искушеній праведности: „Ибо онъ льститъ себѣ въ глазахъ своихъ, будто отыскиваетъ беззаконіе свое, чтобы возненавидить его".

Вслѣдъ за временною слабостью наступаетъ моментъ осознанія, почему такъ произошло, происходитъ выборъ, энергичное отбрасываніе того, что ненужно и снова стремленіе впередъ. Все чаще идутъ псалмы съ обращеніемъ къ начальнику хора, т. е. той сторонѣ астральныхъ и ментальныхъ силъ, которыя остаются лойальны, чтобы не случилось и все чаще слышится призывъ къ необходимости постояннаго внутренняго бодрствованія. Это настроеніе не покидаетъ его въ самой крайности тьмы и сѣни смертной, той тѣни, про которую говорилъ „Голосъ Безмолвія:" „Взирай, что видятъ твои очи, о ищущій богоподобной мудрости?

— Покровъ мрака растилается надъ глубинами матеріи. Въ его изгибахъ я борюсь. Передъ очами моими мракъ сгущается, Господи... онъ разгоняется по мановенію Десницы Твоей. Тѣнь движется, изгибаясь, подобно выползающей змѣѣ. Она растетъ и ширится и тонетъ во мракѣ.

— То тѣнь отъ твоего личнаго я внѣ Пути, отбрасываемая на темноту твоихъ грѣховъ".

Кромѣ непрестаннаго внутренняго бодрствованія—сосредоточенія мысли на высшемъ Идеалѣ, намѣчается еще рядъ практическихъ задачъ. Прежде всего отказъ отъ плодовъ дѣлъ своихъ: „Онъ серебра своего не отдаетъ въ ростъ"; затѣмъ: чистыя мысли, чистыя слова, чистыя дѣла: „Кто взойдетъ на

[1]) Авессаломъ.



гору Господню или станетъ на святомъ мѣстѣ Его? Тотъ, у кого рука неповинны и сердце чисто, кто не клялся душею своею напрасно и не божился ближнему своему".

На подвигъ сердца и рѣчи указывается особенно часто. Запрещается принимать „поношенія на ближняго своего".

Съ теченіемъ времени ученикъ привыкаетъ къ испытаніямъ, получаетъ устойчивость и полное равновѣсіе. Появляется сознаніе, что сдѣлана какая-то внутренняя работа. „Ты испыталъ сердце мое,—говоритъ онъ, обращаясь къ Богу,—посѣтилъ меня *ночью*, искусилъ меня и ничего не нашелъ; отъ мыслей моихъ не отступаютъ уста мои".

Вслѣдъ за этимъ въ слѣдующемъ псалмѣ (17) идетъ величественная картина--видѣніе: испытанія ученика достигли крайняго напряженія:

„Объяли меня муки смертныя, и потоки беззаконія устрашили меня.

Цѣпи ада облегли меня и сѣти смерти опутали меня.

Въ тѣснотѣ моей я призвалъ Господа.

И въ отвѣтъ Господь сходитъ къ воззвавшему къ нему. Земля всколебалась и основанія горъ дрогнули, поднялся дымъ отъ гнѣва Его, а отъ устъ Его огонь поядающій. Подъ ногами Его мракъ, онъ летитъ на крыльяхъ вѣтра. Основанія вселенной открываются и появляются источники водъ. Онъ простираетъ руку Свою, извлекаетъ его изъ водъ многихъ, и выводитъ на пространное мѣсто.

Здѣсь появляются „воды многія", какъ символъ астральнаго міра.

Періодъ напряженной борьбы кончается, но битвы внутреннія еще не кончились. Онѣ идутъ черезъ всю псалтирь до послѣднихъ страницъ. Характеръ ихъ мѣняется, но самый фактъ постоянной возможности снова и снова появится уже утихнувшимъ страстямъ, заставляетъ ученика постоянно быть настороже. „Оберегай свое низшее, дабы оно не осквернило твое высшее Я",—говоритъ „Голосъ Безмолвія". И все же начинается новый этапъ въ Пути испытанія. Наступаетъ просвѣтъ, когда все низшее замолкаетъ и является возможность получить мистическія знанія. Наступаетъ періодъ обученія ученика. Въ душу его проникаетъ увѣренность и твердость, онъ чувствуетъ постоянное Высшее Присутствіе и Высшую Помощь: „Я преслѣдую враговъ моихъ и настигаю ихъ, и не возвращаюсь, доколѣ не истреблю ихъ.

Поражаю ихъ, и они не могутъ встать, падаютъ подъ ноги мои.

Ибо ты препоясалъ меня силою для войны и низложилъ подъ ноги мои возставшихъ на меня".

„Ты избавилъ меня отъ мятежа народа, поставилъ меня главою иноплеменниковъ; народъ, котораго я не зналъ, служитъ мнѣ".

Здѣсь интересно указаніе на возможность открыть въ душѣ своей совершенно новыя для самого себя стороны: „народъ, котораго я не зналъ", далѣе есть указаніе, что иногда въ душѣ встаютъ такія же силы противленія, неожиданныя и грозныя.

Сущность обученія является въ сознаніи единства всего сущаго, въ мирѣ и красотѣ его, въ непрерывномъ изліяніи силъ Духа надъ Матеріею, въ сознаніи закона чередованія:

„Небеса проповѣдуютъ славу Божію и о дѣлахъ рукъ его вѣщаетъ твердь.

День дню передаетъ рѣчь и ночь ночи открываетъ знаніе.

Нѣтъ языка и нѣтъ нарѣчія, гдѣ не слышался бы голосъ ихъ".

Проблема страданія разрѣшается. Оно разсматривается какъ нарушеніе закона или вслѣдствіе ложно направленнаго вниманія на достиженіе какой-нибудь временной цѣли, причемъ въ горячкѣ страсти топчатся вѣчныя установленія, или вслѣдствіе неумѣнія разбираться: „Укажи мнѣ, Господи, путь Твой и научи меня стезямъ Твоимъ".

„Вразумлю тебя, наставлю тебя на путь, по которому тебѣ идти; буду руководить тебя, око Мое надъ тобою.

Не будьте какъ конь, какъ лошакъ неосмысленный, которыхъ челюсти нужно обуздывать уздою и удилами, чтобы они покорялись тебѣ".

„Много скорбей нечестивому, а уповающаго на Господа окружаетъ милость".

Заканчивается первая часть указаніемъ на конечную цѣль работы—перестройки зданія. Символъ строящагося зданія встрѣчается въ псалмахъ такъ же, какъ встрѣчается и символъ царя-строителя; часты указанія на постоянную духовную алхимію. Ничто не уничтожается, все преображается внутреннимъ подвигомъ. „Онъ (Богъ) хранитъ всѣ *кости* его; ни одна изъ нихъ не сокрушится". Мятущіеся народы и враждующіе цари покорятся. Скотъ ихъ не умаляется. Буря превращается въ тишину. Только въ одномъ псалмѣ есть указаніе на необходимость из-

бивать „младенцевъ ихъ о камень“, но этотъ псаломъ написанъ въ дни плѣна Вавилонскаго, въ дни паденія уже достигшаго высоты ученика и понятно его энергичное стремленіе навсегда порвать со связывающими его оковами и уничтожить до конца причину ихъ, „младенцевъ Вавилонскихъ“.

Освобожденіе Духа изъ-подъ власти Матеріи и конечное преображеніе—торжество Матеріи силою Духа дается въ картинѣ-видѣніи: Царь, сильный славою своею и красотою своею, опоясанный по бедру мечемъ своимъ, садится на колесницу, ради истины и кротости и правды. И тогда къ царю ведутъ царицу, потому что онъ возжелалъ красоты ея. Одежда ея шита золотомъ и вся слава ея внутри.

Два полюса матеріи символизируются чашею. Сначала это чаша гнѣва Божія, въ которой кипитъ вино, полное смѣшенія. Потомъ она преобразуется въ чашу спасенія. Символъ чаши еврейско-христіанской мистики означаетъ то же, что символъ лотоса на востокѣ. Предвѣчная жертва, нисхожденіе Духа въ Матерію символизируется чашею въ рукахъ священника, и въ то же время, на эволюціонномъ пути: „это есть эманація объективнаго изъ субъективнаго, Божественное мышленіе (Ideation), переходящее отъ абстрактнаго въ конкретную видимую форму“, — говоритъ Е. П. Блаватская въ „Тайной Доктринѣ“. И дальше у нея есть интересное указаніе: „Ибо какъ только Тьма, или скорѣе то, что есть Тьма для невѣжества исчезаетъ въ свою область Вѣчнаго Свѣта, оставляя за собой лишь свое божественное проявленное мышленіе, открывается пониманіе Созидающихъ Логосовъ: они видятъ въ идеальномъ мірѣ скрытыя до того въ Божественной Мысли архитипы и начинаютъ по этимъ моделямъ копировать прообразы всего, строить или ваять преходящія трансцендентныя формы“.

Первая часть псалмовъ посвящена главнымъ образомъ астральному плану, и образы, встрѣчающіеся въ нихъ легче всего приписать ему. Астральный планъ символизируется моремъ, ментальный—воздухомъ. Мы встрѣчаемъ на это указанія и въ „Голосѣ Безмолвія“ и въ „Свѣтѣ на Пути“. Въ „Свѣтѣ на Пути“ говорится: „Вопрошай у земли (физическій планъ), у воды (астральный планъ), у воздуха (ментальный планъ) о великихъ тайнахъ, которыя они хранятъ для тебя“. Въ „Голосѣ Безмолвія: „Тогда только можешь ты стать „небеснымъ странникомъ“, тѣмъ, который попираетъ вѣтры, несущіеся надъ водами, и ступнями своими не касается волнъ“.

А въ концѣ первой части псалмовъ говорится:

„Спаси меня, Боже, ибо воды дошли до души моей.

Я погрязъ въ глубокомъ болотѣ, и не на чемъ стать; вошелъ въ глубину водъ, и быстрое теченіе ихъ увлекаетъ меня“.

„Бездна бездну призываетъ голосомъ водопадовъ Твоихъ; всѣ воды Твои и волны Твои прошли надо мной“.

Иногда встрѣчается въ псалмахъ и космическій символъ „Великой Бездны“.

Вторая часть—Просвѣтленіе идетъ черезъ испытанія ментальнаго плана, которыя иногда прерываются мятежами народовъ или хитрыми нападеніями злыхъ и неправедныхъ, или появленіемъ животныхъ. Но количество псалмовъ скорбныхъ уменьшается, увеличивается число радостныхъ.

Скорбь ментальнаго плана выражается въ вихряхъ и буряхъ; а состояніе души ученика полно ужаса и смятенія.

„Сердце мое трепещетъ во мнѣ и смертные ужасы напали на меня.

Страхъ и трепетъ напали на меня и ужасъ объялъ меня.

И я сказалъ: кто далъ бы мнѣ крылья, какъ у голубя. Я улетѣлъ бы и успокоился бы.

Далеко удалился бы я и оставался бы въ пустынѣ.

Поспѣшилъ бы укрыться отъ вихря, отъ бури“.

Это состояніе чередуется съ моментами затишья, и молчанія, символизирующимися темницею: „выведи изъ темницы душу мою“ и тѣснотою: „Изъ тѣсноты воззвалъ я къ Господу—и услышалъ меня и на пространное мѣсто вывелъ меня Господь“, тьмою и сѣнью смертной: „они сидѣли въ тьмѣ и сѣни смертной, окованные скорбью и желѣзомъ.

Символъ безводной и жгучей пустыни даетъ представленіе о болѣе глубокомъ испытаніи:

„Боже! ты Богъ мой, Тебя отъ ранней зари ищу я; Тебя жаждетъ душа моя, по тебѣ томится плоть моя, въ землѣ пустой, изсохшей и безводной“.

Испытанія даются душѣ и она переплавляется въ нихъ, какъ переплавляется серебро. И Богъ собираетъ одинокихъ и вводитъ ихъ въ домъ, а непокорные остаются въ знойной пустынѣ. Духовныя исканія часто символизируются голодомъ и жаждою, а ошибки—желчью и укусомъ. „И дали мнѣ въ пищу желчь, и въ жаждѣ моей напоили меня уксусомъ“.



Есть еще символы противодѣйствующихъ силъ, ввидѣ ужасовъ ночи; стрѣлы, летящей днемъ; язвы, ходящей во мракѣ; заразы, опустошающей въ полдень, и т. д.

Но душа ученика уподобляется укрѣпленному городу и ему не страшны нападенія. Онъ даже доволенъ, что они есть, потому что они не даютъ ему забыться и на минуту прекратить бодрствованіе. Онъ говоритъ:

„Вечеромъ возвращаются они, воютъ, какъ псы, и ходятъ вокругъ города.

Не умерщвляй ихъ, чтобы не забылъ народъ мой; расточи ихъ силою Твоею и низложи ихъ, Господи, защитникъ нашъ.

Пусть возвращаются вечеромъ, воютъ какъ псы, и ходятъ вокругъ города.

Пусть бродятъ вокругъ города и несытые проводятъ ночи“.

„Испытай меня, Боже, и узнай сердце мое; испытай меня и узнай помышленія мои, и зри не на опасномъ ли я пути, и направь меня на путь вѣчный“.

Потомъ, когда великая битва будетъ выиграна и ученикъ взойдетъ на высоту, онъ плѣнитъ плѣнъ и приметъ дары для человѣка, чтобы и противящіеся могли обитать у Господа Бога.

Дни испытанія длятся и въ душѣ ученика встаетъ иногда: доколѣ же? Особенно тяжелы моменты пересмотра старыхъ цѣнностей, измѣны того, что считалось вѣрнѣйшимъ оплотомъ и надеждою, что до сихъ поръ было другомъ и руководителемъ въ самыя высокія минуты жизни.

„Ибо не врагъ поноситъ меня,—это я перенесъ бы, не ненавистникъ мой величается надо мною,—отъ него я укрылся бы.

Но ты, который былъ для меня то же, что я,—другъ мой и близкій мой,

Съ которымъ мы раздѣляли искреннія бесѣды и ходили вмѣстѣ въ домъ Божій“.

Но переживая вѣчную смѣну, вѣчное разрушеніе всѣхъ формъ, ученикъ учитъ урокъ Единой вѣчной цѣнности—Духа. Онъ покорно восклицаетъ: „Твой день и Твоя ночь. Путь Твой въ морѣ и стезя Твоя въ водахъ великихъ и слѣды твои невѣдомы“. Сознаніе его подымается до смѣны космическихъ періодовъ:

„Въ началѣ Ты, (Господи) основалъ землю, и небеса дѣло рукъ Твоихъ.

Они погибнутъ, а Ты пребудешь; и всѣ они какъ риза обветшаютъ, и какъ одежду Ты перемѣнишь ихъ,—и измѣнятся.

Но Ты тотъ-же, и лѣта Твои не кончатся".

Нота предостереженія противъ увлеченія какими бы то ни было цѣнностями звучитъ и дальше:

„Когда богатство умножается, не прилагайте къ нему сердца".

Стремленія ученика направлены къ Богу.

„Какъ лань желаетъ къ потокамъ водъ, такъ жаждетъ душа моя къ Тебѣ, Боже.

Жаждетъ душа моя къ Богу крѣпкому, живому: когда приду и явлюсь предъ лицо Божіе".

Для этого онъ долженъ взойти на высоту и пребывать тамъ непоколебимымъ, какъ бы не стремились силы противленія совлечь его оттуда. Мѣстопребываніе Господа—Прекрасная возвышенность, радость всей земли, гора Сіонъ. Когда въ псалмахъ упоминается Господь, то этому придается нѣсколько смысловъ. Наиболѣе часто Господь, какъ Logos души, какъ высшее Я, какъ тотъ, кому должны покориться князья и цари. Слово же Богъ употребляется скорѣе въ обычномъ вселенскомъ смыслѣ.

На горѣ Сіонѣ находится городъ Великаго Царя. Онъ находится на сѣверной сторонѣ горы. Это указаніе на значеніе сѣвера—какъ священной части свѣта мы встрѣчаемъ въ законахъ Ману, Упанишадахъ, Бхагаватъ-Гитѣ. Въ нашихъ писаніяхъ священная страна—востокъ. Вѣроятно это вытекаетъ отъ мѣстообитанія народа относительно нѣкоторыхъ мѣстностей, считающихся священными. Городъ украшенъ многочисленными стѣнами и башнями, въ которыхъ есть ворота. Эти ворота должны раскрыться и тогда въ нихъ войдетъ Царь Славы:

„Поднимите, ворота, верхи ваши, и поднимитесь, двери вѣчныя, и войдетъ Царь Славы!

Кто сей Царь Славы?—Господь крѣпкій и сильный, Господь сильный въ битвахъ".

Этотъ образъ встрѣчается и въ Новомъ Завѣтѣ: „Я есмь дверь", говоритъ Христосъ. „Се стою у двери твоей и стучу".

Нѣтъ числа дверей и числа башенъ, но то, что ихъ нѣсколько, указываетъ на то, что путь не одинъ. Въ городѣ находятся жилища Господа, святые дворы Его и жилища праведныхъ. Центральное мѣсто города—это Храмъ Божій. Въ храмъ вступаютъ сонмы праведныхъ съ гласомъ радости и славословія. Въ

храмѣ есть жертвенникъ. На него не возлагаются жертвы всесожженія, потому что:

„Не приму тельца изъ дома твоего, ни козловъ изъ дворовъ твоихъ.

Ибо мои всѣ звѣри въ лѣсу и скотъ на тысячахъ горъ.

Если бы Я взалкалъ, то не сказалъ бы тебѣ, ибо моя вселенная и все, что наполняетъ ее.

Ѣмъ ли я мясо воловъ и пью ли кровь козловъ?

Принеси въ жертву Богу хвалу и воздай Всевышнему обѣты твои“, и еще: „Жертва Богу - духъ сокрушенный“.

„Да направится молитва моя, какъ ѳиміамъ предъ Лице Твое, воздѣяніе рукъ моихъ—какъ жертва вечерняя“.

Здѣсь указывается, что не разрушеніе чего бы то ни было нужно ученику, но положительное строительство. Онъ долженъ отвлечь свое вниманіе отъ низшаго и стремиться всецѣло сосредоточиться на высшей работѣ, не теряя времени на безполезныя размышленія и не предаваясь унынію.

Въ храмѣ раздаются непрерывно восторги хваленія праведныхъ, они символизируются гуслями и псалтирью. Праведные поютъ пѣснь новую. Они выучили и поняли теперь гораздо больше, чѣмъ это было раньше, въ первый періодъ. Они знаютъ что во всѣхъ народахъ спасеніе Твое; что цари воинствъ бѣгутъ, а сидящая дома дѣлитъ добычу; что голова Левіафана сокрушена и отданъ онъ въ пищу людямъ пустыни Эфіопской; что Господь сильною рукою вывелъ народъ Свой изъ земли плѣненія, изъ земли Египетской; поразилъ землю Египетскую чудесами; провелъ народъ свой черезъ море, а затѣмъ черезъ пустыню. Самъ шествовалъ въ столбѣ облачномъ (манаса) и огненномъ (Духа) и велъ народъ, охраняя его и направляя его къ св. горѣ Своей, гдѣ даровалъ ему Законъ. Прошло уже то время, когда онъ вышелъ изъ земли Египетской и услышалъ звуки языка, „котораго не зналъ“; ибо языкъ мистическаго обученія, языкъ символовъ, сталъ ему извѣстенъ. И если ему даже придется идти долиною плача, онъ будетъ открывать въ ней источники и дождь будетъ покрывать ее благословеніемъ. „Въ рукахъ Господа и глубина земли и вершины горъ Его же“. „Милость и истина встрѣтятся, правда и миръ облобызаются; Истина возникнетъ изъ земли и правда приникнетъ съ небесъ. И Господь дастъ благо и земля наша дастъ плодъ свой“.

Есть еще символъ виноградной лозы. Господь перенесъ ее изъ Египта, выгналъ народы, очистилъ для нея мѣсто и поса-

дилъ ее. Она разрослась и наполнила землю. Вѣтви ея, какъ кедры Божіи, горы покрылись тѣнью ея, она разрослась до моря и побѣги ея до рѣки. Но когда настали дни испытанія, то Господь разрушилъ ограду ея; и ее обрываютъ всѣ проходящіе по пути, лѣсной вепрь подрываетъ ее и полевой звѣрь объѣдаетъ ее. Она пожжена огнемъ и обсѣчена.

Извѣстенъ ему законъ: человѣкъ становится тѣмъ, о чемъ онъ размышляетъ. И онъ говоритъ о людяхъ, поклоняющихся идоламъ: „Подобны имъ да будутъ дѣлающіе ихъ и всѣ надѣющіеся на нихъ".

Самъ ученикъ стремится непрестанно размышлять о пути непорочномъ и ходить въ непорочности сердца среди дома своего. Никогда вниманіе его не остановится на вещи непотребной. Глаза его всегда устремлены на вѣрныхъ земли. Въ домѣ его не будетъ жить поступающій коварно и съ ранняго утра онъ будетъ истреблять всѣхъ нечестивцевъ земли.

Интересенъ еще символъ облака небеснаго. Господь шествуетъ на облакахъ. „Дѣлаетъ облака колесницею Твоею". Въ столбѣ облачномъ онъ ведетъ народъ. Изъ облаковъ дается дождь на жаждущую землю. И въ Новомъ Завѣтѣ говорится, что Сынъ человѣческій придетъ на облакахъ небесныхъ, съ силою и славою многою. Облако, несущееся въ воздушномъ пространствѣ, не является ли воплощеніемъ силъ ментальной сферы, тонкимъ проводникомъ, оболочкой идей духовнаго плана.

Третья часть состоитъ изъ псалмовъ хваленія. Душа человѣка переполнена восторгомъ и онъ пытается найти слова для выраженія своего состоянія. Эти псалмы носятъ подзаголовокъ: аллилуія, и ихъ большинство. Другая часть носитъ подзаголовокъ: пѣсни восхожденія, и въ нихъ звучитъ продолженіе старой работы—внутренней брани. Идея воина остается: „Благословенъ Господь, твердыня моя, научающій руки мои битвѣ и персты мои брани", но кромѣ внутреннихъ битвъ ученику поручается иногда какая-либо спеціальная работа въ этомъ направленіи для помощи міру. Въ одномъ изъ псалмовъ говорится: „Братья мои прекрасны и велики, а я между братьями былъ юнѣйшій и пасъ овецъ отца моего. Но Господь послалъ своего вѣстника и взялъ меня отъ овецъ отца моего и помазалъ меня елеемъ помазанія своего. Я вышелъ навстрѣчу иноплеменника,

и онъ проклялъ меня идолами своими. Но я, исторгнувъ у него мечъ, обезглавилъ его и избавилъ сыновъ израилевыхъ отъ поношенія".

Силы противленія олицетворяются въ великанѣ-Голіафѣ, въ Левіафанѣ, въ Сигонѣ, царѣ Аморрейскомъ и Огѣ, царѣ Васанскомъ, въ фараонѣ и т. п. Левіафанъ очевидно великій искуситель Мара. Въ первой части псалтири онъ—сила, угрожающая плавающимъ въ великомъ морѣ; во второй части говорится, что онъ сокрушенъ силою Господа и отданъ въ пищу людямъ пустыни Эфіопской; а въ третьей есть радостное восклицаніе: „Это море великое и пространное! тамъ пресмыкающіяся, которымъ нѣтъ числа, животныя малыя съ большими.

Тамъ плаваютъ корабли, тамъ этотъ Левіафанъ, котораго ты сотворилъ играть въ немъ".

Всѣ нападенія противныхъ силъ кажутся теперь только игрою, необходимою принадлежностью извѣстнаго этапа пути, занимающія такое ничтожное мѣсто сравнительно съ космосомъ. Они только помогаютъ своимъ противодѣйствіемъ раскрытію силъ души ученика.

И дальше:

„Всѣ они отъ Тебя ожидаютъ, чтобы ты далъ имъ пищу ихъ въ свое время.

Даешь имъ — принимаютъ, отверзаешь руку Твою — насыщаются благомъ.

Сокроешь лицо Твое—мятутся, отнимаешь духъ ихъ—умираютъ, и въ персть свою возвращаются.

Пошлешь духъ Твой — созидаются и Ты обновляешь лицо земли".

Фараонъ, царь Египетскій, Сигонъ царь Аморрейскій, и Огъ, царь Васанскій,—символы власти надъ тремя планами: физическимъ, астральнымъ и ментальнымъ.

Въ этой же части появляется указаніе на состояніе духа малаго дитяти, глубокое смиреніе.

„Господи, не надмевалось сердце мое, и не возносились очи мои, и я не входилъ въ великое и для меня недосягаемое.

Не смирялъ ли я и не успокаивалъ ли души моей, какъ дитяти, отнятаго отъ груди матери, душа моя была во мнѣ, какъ дитя, отнятое отъ груди".

Иногда же ученикъ долженъ былъ становиться судьею. Прежде онъ часто взывалъ къ Господу и ждалъ суда отъ Него, или видѣлъ духовными очами, какъ Господь идетъ совершать

судъ Свой. Шли дни боренія и ученикъ изучалъ въ нихъ Законъ Господа. Это изученіе наполняетъ весь день его. Онъ размышляетъ о заповѣдяхъ Господа, утѣшается уставами Его, онъ стремится уразумѣть путь повелѣній Господа. Онъ странникъ и пришлецъ и уставы Господа были пѣснями его въ мѣстѣ странствованій его. Во время духовной ночи вспоминаетъ онъ Имя Господа и хранитъ Законъ Его. Прежде страданія онъ заблуждался, а теперь хранитъ слово Его. „И благо мнѣ, что я пострадалъ, дабы научиться уставамъ Твоимъ". И наконецъ приходитъ завершеніе: Законъ Господа становится закономъ ученика. Въ Восточномъ Писаніи говорится, что ученикъ возлагаетъ сердце на крестъ. Когда сердце и крестъ станутъ одно, путь пройденъ.

Ученикъ становится самъ судьею. Онъ говоритъ: „Я видѣлъ предѣлъ всякаго совершенства; но Твоя заповѣдь безмѣрно обширна.

Благоволи, Господи, принять добровольную жертву устъ моихъ и судамъ Твоимъ научи меня.

Я клялся хранить праведные суды Твои и исполню".

И наконецъ: „Я совершалъ судъ и правду".

Духовная побѣда символизируется мирными картинами сельской и семейной жизни.

„Сѣявшіе со слезами, будутъ пожинать съ радостью".

„Съ плачемъ несущій сѣмена возвратиться съ радостью, неся снопы свои.

Онъ будетъ ѣсть отъ трудовъ рукъ своихъ. Вокругъ его трапезы соберутся многочисленные сыновья, какъ масличныя вѣтви, какъ разросшіяся растенія въ ихъ молодости, и дочери его будутъ, какъ искусно изваянные столпы въ чертогахъ. Сыновья его—это стрѣлы въ рукахъ сильнаго, и съ помощью ихъ онъ побѣдитъ враговъ въ воротахъ. У него благоустроенный домъ, въ которомъ хозяйничаетъ жена его, подобная лозѣ плодовитой. Житницы его будутъ полны и обильны всякимъ хлѣбомъ, овцы будутъ плодиться тысячами и тьмами на пажитяхъ его. Волы его будутъ тучны. Не будетъ ни расхищенія, ни пропажи, ни воплей на улицахъ города. Онъ побѣдившій отнынѣ, и Господь говоритъ его Господу, Высшему Я: „Сиди одесную Меня, доколѣ положу враговъ твоихъ въ подножіе ногъ твоихъ". Враги будутъ поражены жезломъ силы, который будетъ посланъ съ Сіона. Это день силы праведника и народъ его готовъ во благолѣпіи святыни. Капля сливается съ Океаномъ, и онъ узнаетъ,

что „изъ чрева, прежде Денницы, подобно росѣ рожденіе твое". Онъ становится „священникомъ Бога во вѣкъ по чину Мельхиседека. Мельхиседекъ, одна изъ Великихъ Сущностей, передъ которымъ преклонился родоначальникъ народа, одинъ изъ великихъ Риши, Авраамъ, предложилъ ему дары и принялъ его благословеніе.

Онъ видитъ присутствіе Бога во всемъ и все въ Богѣ:

„Дивно для меня вѣдѣніе твое,—высоко, не могу постигнуть его.

Куда пойду отъ Духа Твоего и отъ Лица Твоего куда убѣгу?

Взойду ли на небо,—Ты тамъ; сойду ли въ преисподнюю, и тамъ Ты.

Возьму ли крылья зари и переселюсь на край моря,—

И тамъ рука Твоя поведетъ меня и удержитъ меня десница Твоя.

Скажу ли: можетъ быть тьма сокроетъ меня, и свѣтъ вокругъ меня сдѣлается ночью,—

Но и тьма не затмитъ отъ Тебя и ночь свѣтла какъ день. Какъ тьма, такъ и свѣтъ".

Очень трудно понять состояніе души Побѣдившаго. Это непрестанное состояніе восторга, когда все открылось, все пришло въ гармонію. „Правъ Ты, Господи, ибо открылись стези Твои!", когда сбывается несказанное, неизреченное. Какъ тьма, такъ и свѣтъ—все слилось въ одно. Это есть состояніе, а не познаніе объектовъ, а потому не находится словъ для изображенія его, а тѣ отвлеченные символы, которые встрѣчаются въ послѣднихъ псалмахъ, трудны для пониманія, трудно найти ихъ содержаніе. Напр. Жезлъ силы, Милость и Истина, Судъ и Правда, различные древніе музыкальные инструменты, Святыня Божія, Твердь силы Его, Могущество, Величіе, Слово Божіе, Крѣпость Божія и т. д.

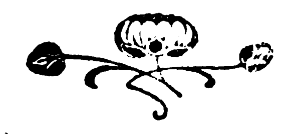
Трудно понять и работу побѣдившихъ, то, что символизируется воспѣваніемъ хвалы Господу. Въ Бхагавадъ-Гитѣ Арджуна въ созерцаніи Вселенской Формы видитъ, что въ Него вступаютъ сонмы лучезарныхъ со сложенными руками, взывая: „Да будетъ все ко благу". Аналогично на западѣ видѣніе византійскаго отрока, который видѣлъ сонмы силъ небесныхъ, непрестанно взывающихъ: „Святый Боже, Святый Крѣпкій, Святый Безсмертный". Пророкъ Исайя слышалъ хвалу силъ небесныхъ, воспѣвавшихъ: „Святъ, святъ, святъ, Господь Саваоѳъ! Исполнь

небо и земля славы Твоея". Въ послѣднихъ псалмахъ Побѣдившій видитъ, что вся вселенная, начиная съ ангеловъ и небесныхъ воинствъ, Солнце, Луна, всѣ звѣзды свѣта. Небеса небесъ и воды, которыя превыше небесъ, т. е. вся небесная Іерархія сливается въ пѣснопѣніе хвалы съ земными силами. Отъ земли, т. е. отъ трехъ міровъ формъ, его воспѣваютъ іерархіи силъ природы и люди: великія рыбы, всѣ бездны, огонь и градъ, снѣгъ и туманъ, бурный вѣтеръ, исполняющій слово Его, горы и всѣ холмы, дерева плодоносныя и всѣ кедры, звѣри и весь скотъ, пресмыкающіяся и птицы крылатыя, цари земные и всѣ народы, князья и всѣ судьи земные, юноши и дѣвицы, старухи и отроки.

На устахъ побѣдившихъ славословіе Богу, но въ рукахъ ихъ мечъ обоюдоострый. Они должны совершить мщеніе надъ народами и наказаніе надъ племенами. Царей ихъ заключить въ узы и вельможъ ихъ—въ оковы желѣзныя. „Производить надъ ними судъ писаный. Честь сія всѣмъ святымъ Его".

А въ послѣднемъ псалмѣ говорится о многообразіи видовъ хвалы Господу, о возможности, достигнувъ единенія, сохранить индивидуальность. Одни хвалятъ Господа со звуками трубными, другіе на псалтири и гусляхъ, или съ тимпанами и ликами, на струнахъ и органѣ, на звучныхъ кимвалахъ. Могущество Его многообразно и величіе Его безгранично. Все дышащее да хвалитъ Господа! Аллилуія...

М. Гарденина.



Форма есть актитеза. Содержаніе—теза. Содержаніе—нѣчто самостоятельное, устойчивое; форма — относительное, измѣнчивое, основа отрицанія, такъ же какъ содержаніе—основа реальности.

Изреч. Новалиса.





Орфическіе гимны.

XXXIX **Корибанту** (возжиганія ладана).

Я призываю земного царя, величайшаго, вѣчнаго,
Кйрбантъ счастливосудьбинный, Арейный, незримый, Куретъ ночной,
Страховъ гонитель ужаснѣйшихъ, ты покровитель фантазіи,
О Корибантъ одинокоблуждающій, формоизмѣнчивый,
О многоформный ты царь, двуприродный ты Богъ, окровавленный,
Смерть отъ двухъ братьевъ своихъ принимающій; ты измѣняешься
Тѣломъ священнымъ своимъ по Деметры рѣшенію мудрому,
Ты звѣротипную форму дракона мѣнять хочешь темнаго;
Слушай, блаженный, взыванья и гнѣвъ отврати ты свой тягостный
Душъ ты видѣнья умѣрь поражающей ихъ *неизбѣжности* [1]).

XL. **Деметрѣ Элевсинской** (возжиганія смолъ).

Слушай, Деметра, всематерь, богиня, прославленный демонъ,
Чадопитатель, святая Деметра, дающая счастье,
Все ты даруешь, богатства приносишь, колосья питаешь,
Миръ ты лелѣешь и многострадальныя также работы,

---

[1]) *Неизбѣжности* ἀνάγκης... *Ананке*—неизбѣжность, принужденіе, судьба. Въ этомъ понятіи нѣтъ мысли о справедливомъ возмездіи какъ въ понятіи Немезиды, Кармы. „Ананке“—непонятный неотвратимый рокъ, какъ и европейская „судьба“.

Вся зеленѣешь сѣмянная, травная, гумнохранитель,
Ты, что живешь на священныхъ долинахъ своихъ Элевсинскихъ.
Всѣмъ ты желанна, кормилица смертныхъ, любимая всѣми,
Первая—въ плуги ты выи воловъ запрягать научила,
Многосчастливую, смертнымъ желанную жизнь проявила;
Ты ростоцвѣтъ, вся блестящая въ почести, Бромія супруга,
Лѣтнихъ серповъ покровитель, святая, о лампадоносецъ,
Ты и проявленная и земная, ко всѣмъ благосклонна,
О благородшая, чадокормящая дѣва, святая,
Чадолюбивая, змѣйной уздой впряжена колесница,
Въ вихряхъ кружащихъ, эвоэ кричащими тронъ окруженъ твой.
Единородная, многорождавшая, смертныхъ владыка;
Священнолистная, многоцвѣточная, въ многихъ ты формахъ;
Шествуй, благая, святая, покрытая лѣта плодами,
Миръ приносящая, дай намъ желанную благозаконность,
Многосчастливое также богатство съ могучимъ здоровьемъ.

XLI. **Матери Антайѣ** (возжиганіе ароматовъ)

(„Предстоящей").

Многоименная матерь, Антайя царица, богиня,
Матерь безсмертныхъ боговъ, также смертныхъ людей, *ты что ищешь*
Въ многоблуждающемъ горѣ, и постъ прекращаешь въ долинахъ
Ты Элевсинскихъ. Нисходишь въ Аидъ ты за дѣвой святою
Персефонеей блестящею, проводника получила
Волей судьбы она *Тѣснопространнаго* [2]) Зевса святого,
Зевсъ былъ подземный ея посвятитель священнаго ложа,
И родился Эвбулей отъ нея *неизбѣжной* [3]) богъ смерти.
Многомолимая наша царица, мы просимъ, богиня,
Ты благосклонно приди къ своему благочинному мѣсту.

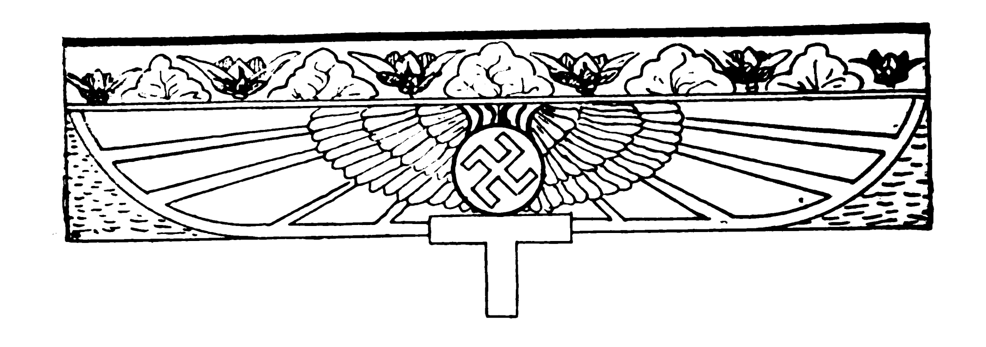
Перев. съ греч. Н. Павлиновой.

---

[2]) *Тѣснопространный:* Δυσαύλις. Странный и рѣдкій эпитетъ „под-земнаго Зевса", т. е. Плутона.

[3]) *Неизбѣжной.* Тутъ опять понятіе „Ананке". Θνητῆς ὑπανάγκης, т. е. „смерти по неизбѣжности".





Сосредоточеніе [1]).

Практическій курсъ *Э. Вудъ*.

Глава II.

Умъ и настроеніе.

Упражненія въ умственномъ *сосредоточеніи* заключаются въ контролѣ ума и въ господствѣ того настроенія, которое налагается на него волею, такъ что все ваше мышленіе будетъ направлено къ цѣли, которую вы сами избрали.

Что же такое этотъ умъ, которымъ вы должны управлять? Какая часть ума въ вашей власти? Эти вопросы должны быть разсмотрѣны до того, какъ вы приметесь за опредѣленныя упражненія, потому что плохимъ работникомъ будетъ тотъ, кто не знаетъ своего инструмента.

Вы обладаете орудіемъ во внѣшнемъ мірѣ. Оно приводится въ движеніе по вашей волѣ. Это—ваше тѣло, которое носитъ васъ всюду согласно вашему желанію. Это—вашъ проводникъ, несущій въ себѣ органы чувствъ, которые извѣщаютъ васъ обо всемъ, что доступно для ихъ воспріятія. Я сижу въ своей комнатѣ и осматриваюсь, передо мной столъ и стулья, на стѣнахъ большія полки для книгъ, часы, картины, календари и много другихъ предметовъ, у стѣнъ стоятъ комодъ, шкапчики. Я смотрю въ окно и вижу верхушки пальмъ и манговыхъ деревьевъ, бѣлыя мартовскія облака надъ Мадрасомъ, а за ними синеву эфира.

---

[1]) См. „В. Т.“ № 4, 1915.

Я обращаюсь затѣмъ къ моему слуху—налѣво каркаетъ ворона, часы тикаютъ на стѣнѣ, кто-то ходитъ вдали, волоча ноги, слышенъ гдѣ-то гулъ отдаленныхъ голосовъ, бѣлка щебечетъ гдѣ-то близко, внизу слышно монотонное чтеніе пандитовъ, въ другомъ мѣстѣ стучитъ пишущая машинка, а позади всего этого, на разстояніи полъ мили, слышенъ постоянный морской прибой залива у набережной Адіара. Я прислушиваюсь еще внимательнѣе и слышу какъ кровь шумитъ у меня въ ушахъ, слышу отдаленный протяжный звукъ какого-то неизвѣстнаго мнѣ физіологическаго процесса. Я обращаю вниманіе на свою кожу и чувствую легкое нажатіе моихъ пальцевъ на перо, чувствую одежду на своей спинѣ, стулъ, на которомъ я сижу, полъ, на который опираются мои ноги, теплый, мягкій лѣтній вѣтерокъ, касающійся моихъ рукъ и лица. Такимъ образомъ эти чувства, заключенныя въ моемъ проводникѣ—тѣлѣ, которое составляетъ орудіе моей воли и средоточіе моего сознанія во внѣшнемъ мірѣ,—приводятъ меня въ соприкосновеніе съ частью того огромнаго міра, среди котораго они живутъ. Но какъ мала эта часть! Я нѣсколько лѣтъ передвигался въ этомъ тѣлѣ и видѣлъ и слышалъ и чувствовалъ много вещей во многихъ мѣстахъ, но какъ мало этого моего опыта существуетъ въ моемъ сегодняшнемъ сознаніи, какъ неизмѣримо мало его вообще въ сравненіи съ тѣмъ большимъ міромъ, котораго я не видалъ и не знаю.

Что же слѣдуетъ изъ этого? Очень много, потому что такого же свойства и внутренній міръ, міръ ума, ментальный міръ. И онъ также заключаетъ безконечное количество истинныхъ идей, нѣкоторыя изъ которыхъ я уже узналъ съ помощью моего умственнаго проводника, нѣкоторыя другія, о которыхъ я зналъ въ прошломъ, но большая часть такихъ, которыя остаются для меня безбрежной неизвѣстностью. Въ этомъ мірѣ я также имѣю свое орудіе, которое согласно моей волѣ переносится по міру мысли и слѣдуетъ по указанному теченію умственной жизни, подобно тому, какъ тѣло мое живетъ и движется во внѣшнемъ мірѣ. Какой же у меня проводникъ въ ментальномъ мірѣ? Это—мой умъ, центръ моего сознанія для предметовъ умственныхъ. Представимъ себѣ, что это маленькое ментальное тѣло, въ которомъ я могу пребывать, похоже на рыбку, плавающую среди большого океана мыслей и извѣщающую меня о томъ, что она тамъ видитъ въ предѣлахъ ея ограниченныхъ способностей. Она не можетъ видѣть далѣе извѣстной границы, она не можетъ перескачить черезъ безконечность она должна пройти

черезъ промежутки для того, чтобы перейти съ одного мѣста на другое, отъ одной мысли къ другой. Вотъ этой-то рыбкой вниманія вамъ и приходится управлять для того, чтобы она, во 1-хъ, всегда плыла по избранному вамъ направленію; и, во 2-хъ, расширяла и улучшала свое поле зрѣнія, свое умѣніе передать вамъ съ полнотой и отчетливостью тѣ событія, которыя ей встрѣчаются въ ея странствованіяхъ по міру мысли.

Идея не есть мимолетная вещь. Каждый разъ, когда я смотрю на предметъ снова, новый образъ отпечатывается на сѣтчатой оболочкѣ моего глаза, предметъ же остается одинъ. Каждый разъ какъ я снова мыслю какую-либо идею, новый образъ производится въ моемъ умѣ, идея же одна. Когда умъ устойчивъ, мы можемъ яснѣе видѣть идеи и можемъ даже получать отъ нихъ интуитивное знаніе. Самыя совершенныя созданія мысли—лишь снимки съ живыхъ идей, такъ же какъ самыя совершенныя статуи лишь наилучшія воспроизведенія формъ наиболѣе ясно видѣнныхъ.

Въ то время какъ я пишу, я не думаю о своей ногѣ; но если кошка начнетъ царапать когтями мою икру, вниманіе мое тотчасъ же привлечется къ ней. Нога—часть моего тѣла—была все время тамъ, но вниманіе отсутствовало. Тоже самое вѣрно и относительно ума; я могу быть занятъ составленіемъ статьи по психологіи, не думая совсѣмъ о томъ, что въ 4 часа я условился быть у г-на Смита, чтобы за чашкой чая обсуждать вмѣстѣ государственный бюджетъ; какъ вдругъ слово *распознаваніе*, которое я только что написалъ, напоминаетъ мнѣ какой тонкій знатокъ чая г-нъ Смитъ, и это сразу наводитъ меня на мысль о нашемъ условіи, лежавшемъ незамѣченнымъ въ одномъ изъ изгибовъ моего ума.

Столько же основанія предполагать, что реальности ума вычеркнуты изъ бытія лишь потому, что мы не думаемъ о нихъ какъ воображать, что внѣшніе предметы исчезаютъ изъ поля бытія только потому, что мы ихъ не видимъ. Когда я смотрю на домъ, это тотъ же домъ, на который можетъ смотрѣть и кто либо другой. Мы можемъ смотрѣть на него одновременно, или онъ можетъ видѣть его въ мое отсутствіе. Домъ этотъ существуетъ для другого и тогда, когда *я* его не замѣчаю, но мы оба сознаемъ, что видимъ *тотъ-же* домъ, хотя и видимъ его разно и каждый по своему. Точно также когда мы мыслимъ какую нибудь идею, мы въ дѣйствительности мыслимъ *ту же самую идею*; но для большинства изъ насъ еще надо понять, что

нашъ умственный опытъ отражаетъ одну реальность, надо сознать, что всѣ мы живемъ въ единомъ мірѣ мысли, въ которомъ всѣ истинныя идеи существуютъ, все равно сознаемъ мы ихъ или не сознаемъ.

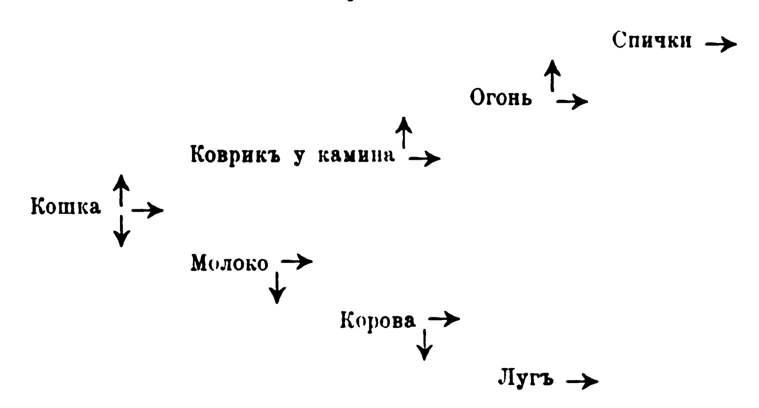
Даже поверхностное изученіе ума открываетъ намъ тотъ фактъ, что когда мы отчетливо думаемъ объ одномъ предметѣ, мы въ то же время смутно сознаемъ много другого, что болѣе или менѣе близко или отдаленно относится къ этому предмету, Совершенно такъ же, какъ обращая глаза на бутылку съ чернилами, стоящую передо мной, я въ то же самое время вижу и другіе предметы на моемъ столѣ, также мебель справа и слѣва. деревья въ саду—множество предметовъ; подобнымъ же образомъ, когда я сосредоточиваю свое вниманіе на какой либо одной мысли, я нахожу вокругъ нея массу смутныхъ мыслей постепенно заволакивающихся, становящихся болѣе туманными по мѣрѣ ихъ отдаленія и, наконецъ, теряющихся въ неопредѣленномъ пространствѣ. По мѣрѣ того, какъ вниманіе переходитъ съ одного предмета на другой, поле его становится безпредѣльно и горизонты этого поля постоянно отступаютъ, по мѣрѣ того какъ наше вниманіе приближается къ нимъ.

Возьмемъ для примѣра, что я думаю о кошкѣ. Мнѣ тотчасъ представится кошка и вокругъ этой мысли группируются множество другихъ побочныхъ картинокъ, какъ: блюдечко съ молокомъ, которое кошка такъ любитъ, или коврикъ передъ каминомъ, на которомъ она лежитъ. Блуждающій умъ остановится, положимъ, на коврикѣ передъ каминомъ; тогда я яснѣе увижу коврикъ, а образъ кошки начнетъ блѣднѣть, уступая мѣсто другимъ новымъ образамъ, каковы „огонь“ или „фабрика“. Умъ опять передвигается, онъ останавливается на фабрикѣ и я начинаю видѣть множество людей, работающихъ у ткацкихъ станковъ; въ это время кошка уже почти совсѣмъ исчезла, а умъ переходитъ къ новымъ предметамъ.

Эта цѣпь мыслей представляетъ неразрывную послѣдовательность во внутренней жизни. Каждая мысль слѣдуетъ за другой какъ звенья въ цѣпи. И какъ во времени одинъ предметъ слѣдуетъ за другимъ, причемъ только два момента съ своимъ содержаніемъ связаны между собой *непосредственно*,—точно также и въ потокѣ умственной дѣятельности образы слѣдуютъ одинъ за другимъ, но непосредственно связаны между собой только два образа. Въ теченіе нашей умственной жизни мысли не проникаютъ въ умъ массами или въ безпорядкѣ, а въ правильной

послѣдовательности, и потокъ мысленной дѣятельности лучше всего изобразить рядами круговъ, находящихъ одинъ на другой въ послѣдовательномъ порядкѣ. Желательно изслѣдовать ходъ мыслей въ умѣ и отмѣтить природу сцѣпленія между двумя послѣдующими мыслями [1].

Этотъ потокъ мысленной дѣятельности ничто иное, какъ слѣдъ „рыбки вниманія", по мѣрѣ того, какъ она проходитъ то въ одномъ направленіи, то въ другомъ. Она постоянно плаваетъ, а ея направленіе зависитъ отъ настроенія даннаго момента. Чтобы сосредоточить умъ на одной цѣли, намъ надо установить *настроеніе* собранности такъ, чтобы въ ряду мыслей или идей оно всегда руководило выборомъ звена въ умственной цѣпи и такимъ образомъ ходъ мысли не будетъ уклоняться отъ контроля или сосредоточенія. Слѣдующая діаграмма покажетъ какъ незначительно первое развѣтвленіе путей мысли, но какъ далеко расходятся впослѣдствіи самые пути:



Въ этомъ внутреннемъ мірѣ вниманіе постоянно привлекается въ различныхъ направленіяхъ заразъ. Рыбка оказывается окруженной разными привлекательными приманками. За которую ухватится она въ данный моментъ? Въ какую сторону будетъ она привлечена? Предпочтетъ ли она „коврикъ у камина" или „молоко"? Каждая мысль вызываетъ много другихъ мыслей или бываетъ связана съ ними. Когда я смотрю на банановое дерево передъ моей верандой, я вижу и слышу стаи воронъ и бѣлокъ и благодаря этому каждая мысль о бананѣ принесетъ въ поле моей мысли образъ именно этого банана, съ его раскидистыми вѣтвями и висячими корнями, съ стоящими подъ нимъ горшками

[1] Объ этомъ я говорю въ моей маленькой книжкѣ, посвященной памяти.



папоротниковъ, съ дерзкими воронами и болтливыми, пищащими полосатыми, коричневыми бѣлками.

Но въ поле вниманія проникнутъ сразу мысли и о другихъ деревьяхъ, хотя другія породы появятся далѣе отъ центра; высокая прямая пальма, морщинистый дубъ, стройный тополь, грустная стриженная ива центральной Англіи, разубранная инеемъ сосна снѣжнаго сѣвера. Или же глядя на раскидистыя вѣтви и многочисленныя стволы банана, которые поддерживаютъ тяжесть его громадныхъ тысячелѣтнихъ вѣтвей, умъ мой обращается къ тѣмъ исторіямъ, которыя онъ могъ бы разсказать: о разливахъ рѣки, протекающей вблизи, о постройкѣ домовъ и прокладкѣ дорогъ, а еще далѣе въ прошломъ — о густой лѣсной заросли, освѣжаемой вѣтеркомъ, съ шакалами и тиграми, съ несмѣтнымъ количествомъ муравьевъ, скорпіоновъ и змѣй, нашедшихъ пріютъ въ его дуплахъ и передвигавшихся по его вѣтвямъ столѣтія тому назадъ. Если мое настроеніе измѣнится снова, я могу обратить вниманіе на обширный объемъ банана — гора лѣсного матерьяла — и думать, какъ цѣлая армія могла бы укрыться подъ нимъ, какъ изъ него можно бы выстроить десятокъ домовъ или зажечь тысячу огромныхъ костровъ. Такимъ образомъ бананъ вызываетъ мысли о воронахъ и бѣлкахъ, о домахъ и дорогахъ, о другихъ породахъ деревьевъ, ихъ корняхъ, вѣтвяхъ, листьяхъ и стволахъ, о ихъ величинѣ и пользѣ, красотѣ и силѣ и т. д. и каждая изъ этихъ мыслей порождаетъ въ свою очередь новый кругъ идей.

По какому направленію пойдетъ вниманіе? За какую приманку ухватится рыбка? Между объектами чувствъ существуетъ безконечное соревнованіе для привлеченія нашего вниманія; и такое же безконечное соревнованіе для привлеченія нашего вниманія существуетъ и въ мірѣ мысли. Въ послѣдовательномъ ходѣ мыслей, должно же что-нибудь рѣшать, что именно *эта* мысль послѣдуетъ за другой въ каждомъ данномъ случаѣ, а не третья, столь же близко связанная съ ней.

Для большей ясности поставлю вопросъ иначе, представимъ себѣ, что я сижу за своимъ письменнымъ столомъ, посрединѣ моей библіотеки; какъ вдругъ сразу открываются всѣ четыре двери библіотеки и съ точностью кукушки въ старинныхъ деревенскихъ часахъ, мои друзья Смитъ, Браунъ, Джонсъ и Робинсонъ входятъ и въ одинъ голосъ говорятъ: „послушайте, Вудъ, мнѣ нужно посовѣтоваться съ вами по поводу одного вопроса“! Кто изъ нихъ первый привлечетъ къ себѣ мое изумленное вниманіе? Конечно это должно зависѣть отъ чего-нибудь. Это бу-

детъ зависѣть отъ *настроенія ума*, или отъ того направленія, въ какомъ плыла рыбка въ минуту изумленія. Другой рѣшающей причиной могло бы быть большее уваженіе или болѣе частая мысль объ одномъ изъ друзей, или же какая-нибудь особенность въ одеждѣ и движеніяхъ его, которыхъ мы въ данномъ случаѣ не предполагаемъ. Конечно, если бы Браунъ былъ одѣтъ туркомъ, онъ первый привлекъ бы мое вниманіе; но допуская, что никакой выдающейся разницы между ними не было, ничто кромѣ настроенія ума въ ту минуту не могло бы рѣшить кого изъ друзей выберетъ мое вниманіе.

Представьте себѣ еще, что я занятъ печатаніемъ книги и что кто-нибудь въ это время подходитъ къ двери съ возгласомъ „корректура"! Я тотчасъ же увижу листы печатной бумаги и утомительную работу корректированія. Но если я занятъ изученіемъ научной проблемы, то же слово [1]) сразу пробудитъ во мнѣ совершенно другой рядъ мыслей. Въ этомъ примѣрѣ ясно видно, что разница, которая опредѣляетъ выборъ, находится въ умѣ, а не во внѣшнемъ мірѣ. Если г-нъ Линкольнъ Иннъ, знаменитый адвокатъ, находится въ городѣ и кто-нибудь около него произноситъ слово „сумка" (*bag*), онъ сразу подумаетъ о письмахъ, выпискахъ и всякихъ аттрибутахъ своей профессіи; но если это будетъ происходить во время его каникулъ, когда онъ занятъ своимъ любимымъ спортомъ въ болотахъ, то-же слово вызоветъ передъ нимъ пріятное зрѣлище привязанныхъ за ногу безпомощныхъ птицъ, а также воспоминаніе о той ловкости и доблести, съ которыми онъ одерживалъ побѣды на полѣ спорта.

Въ разное время, разныя настроенія, цѣли, привычки и интересы господствуютъ надъ нашимъ умомъ и въ *настроеніи* лежитъ причина того, что именно эта мысль окажется избранной изъ всѣхъ тѣхъ мыслей, которыя окружаютъ каждый предметъ. Подобно тому, какъ сильный магнитъ поляризуетъ желѣзо не только вблизи, но и на значительномъ разстояніи, такъ и настроеніе, временное или постоянное, *поляризуетъ* каждую мысль, какъ только она вступаетъ въ сферу *вниманія*.

Большая часть изъ насъ знакомы съ опытомъ, производимымъ школьниками надъ пробирной трубкой, неплотно наполненной желѣзными опилками. Они ее закупориваютъ и кладутъ на столъ и медленно проводя надъ нею магнитомъ, наблюдаютъ,

---

[1]) По англійски „корректура" и „доказательства" выражаются однимъ и тѣмъ же словомъ *proofs*.



какъ опилки поднимаются и ложатся ровно, превращаясь въ маленькіе магниты, дѣйствующіе всѣ одновременно. Сначала они лежатъ въ безпорядкѣ и, если бы они были магнитами, то вліяніе одного нейтрализовалось бы вліяніемъ его сосѣдей; но когда они всѣ лежатъ равномѣрно, они дѣйствуютъ какъ сильный магнитъ на всякое желѣзо, находящееся вблизи отъ нихъ. Точно также если наши мысли нагромождены въ безпорядкѣ и обращены во всѣ стороны, ихъ дѣйствіе будетъ уничтожать другъ друга. Но если вы сдѣлаете усиліе, чтобы установить преобладающее настроеніе, тогда всѣ ваши мысли будутъ поляризованы имъ; такимъ образомъ мы видимъ, что ходъ мысли слѣдуетъ за настроеніемъ; сознавъ это, мы можемъ убѣдиться, что удача въ преслѣдованіи цѣли можетъ быть вполнѣ обезпечена, если установится неизмѣнное настроеніе, направленное къ намѣченной цѣли, когда это будетъ достигнуто, самыя незначительныя и даже враждебныя событія попадутъ въ сферу притяженія и помогутъ намъ въ достиженіи намѣченной цѣли. Этотъ фактъ былъ хорошо выраженъ великимъ греческимъ философомъ, сказавшимъ, что онъ явился на свѣтъ лишь для того, чтобы выполнить одну вещь—*самосовершенствованіе*, и что нѣтъ ничего въ мірѣ, чтобы могло помѣшать ему, ибо нѣтъ ничего, чѣмъ бы онъ не могъ воспользоваться для своей цѣли.

Глава III.

Первыя упражненія.—Возвращеніе мысли.

Первое, что надо сдѣлать, это остановиться на томъ настроеніи, которое вы избрали и затѣмъ исключить все то, что можетъ какимъ либо образомъ волновать умъ. Для этого вы должны стараться освободить себя отъ малѣйшаго слѣда гнѣва, раздраженія, безпокойства, нерѣшительности и страха.

Если подобныя состоянія могутъ проникнуть въ умъ, не можетъ быть ни настоящаго упражненія воли, ни постоянства въ настроеніи. Упражненія въ контролѣ надъ умомъ могутъ быть только тогда успѣшны, когда настроеніе устойчиво; если же вы на столько еще юны, что можете подпадать подъ вліяніе гнѣва, безпокойства или страха въ зависимости отъ такъ называемыхъ случайностей жизни, вы не можете, пока не пріобрѣтете самообладанія, поднятся надъ измѣнчивымъ настроеніемъ и

блуждающимъ умомъ. Лишь то, что чисто, благо, доброжелательно и спокойно, можетъ быть устойчиво; гнѣвъ же, страхъ и все сродное имъ, по самой сущности своей, измѣнчивы и непостоянны. Поэтому настроеніе, которое вы изберете, должно соотвѣтствовать самому лучшему и самому безкорыстному изъ высшихъ идеаловъ безкорыстному не только по отношенію къ вамъ самимъ, но и къ другимъ.

Вы уже не можете смотрѣть на жизнь, какъ на борьбу съ другими или ради нѣсколькихъ другихъ, и не можете желать управлять другими; цѣль ваша должна заключаться въ постепенномъ пріобрѣтеніи власти надъ собой и въ развитіи вашихъ собственныхъ силъ; и единственно возможное для васъ отношеніе къ другимъ, всегда и ко всѣмъ безъ исключенія, должно быть доброжелательное намѣреніе раздѣлить съ ними ту свободу и власть, которыя вы пріобрѣтаете для себя.

Запомните первый вопросъ. Отважитесь ли вы преодолѣть то умственное и душевное сопротивленіе, которое встрѣтитъ вашу рѣшимость принять факты жизни таковыми, какъ они есть и не желать, чтобы природа или Великій Законъ поставили иныя возможности на вашемъ пути? По крайней мѣрѣ каждый разъ, какъ явится подобное желаніе, слѣдуетъ сказать себѣ: перестань! я этого не хочу!

Подумайте, что могло бы означать перемѣны въ вашемъ сознаніи? Что означала бы она для васъ каждый разъ, когда вы утромъ встаете, когда вы ѣдите, когда вы ложитесь спать? Что бы оно означало для васъ при встрѣчахъ съ вашими товарищами, съ вашими друзьями, съ вашими такъ называемыми врагами? Что бы она означала для васъ, если бы вы лишились своего мѣста, своихъ денегъ, если бы вы заболѣли и ваша семья должна была бы пострадать? Сядьте спокойно и переберите мысленно всѣ тѣ непріятности, которыя могли бы случиться съ вами въ теченіе будущей недѣли и разберите, что каждый изъ данныхъ случаевъ могъ бы означать для васъ.

Совершившаяся перемѣна въ вашемъ сознаніи означала бы, что вы не захотите ничего измѣнять и что вы каждому изъ предположенныхъ случаевъ зададите вопросъ: какова твоя цѣль, какую пользу могу я извлечь изъ тебя? Эта перемѣна означала бы, что вы не опуститесь безпомощно и не скажете: „мнѣ очень жаль“,—или „я желалъ бы“, а бодро встанете и скажите: „я хочу“ — или „я не хочу“. Въ этомъ настроеніи вы руководствуетесь не *надеждой*, а *увѣренностью*, не *ожиданіемъ*, а *знаніемъ*, не *стра-*

хомъ передъ неизвѣстнымъ, а довѣріемъ къ Великому Закону внутри васъ и внѣ васъ.

Каждое утро, передъ тѣмъ какъ начать свой день, посвятите пять минутъ размышленію надъ этимъ бодрымъ взглядомъ на жизнь. Каждый вечеръ, передъ отходомъ ко сну, употребите пять минутъ на то, чтобы просмотрѣть насколько вы исполнили въ теченіе прожитаго дня принятое рѣшеніе. Не оглядывайтесь назадъ для того, чтобы останавливаться на томъ, въ чемъ вы ошиблись; оглядывайтесь главнымъ образомъ на то, въ чемъ вы имѣли успѣхъ. И каждый день будетъ говорить вамъ о вашихъ достиженіяхъ. Не желайте ничего; не жалѣйте ни о чемъ; не надѣйтесь ни на что. Но когда вы засыпаете, засыпайте съ мыслью: я хочу. И когда вы бодрствуете, говорите потихоньку внутри себя: я хочу.

Вашей дальнѣйшей задачей будетъ въ теченіе нѣкотораго времени слѣдить за всѣми мелкими надобностями, сберегать всѣ ваши силы, не тратить ихъ на пустыя мысли, пустыя эмоціи или пустыя дѣла.

Въ теченіе дня не дѣлайте ни одного дѣла, думая о другомъ. Мысль и дѣйствіе должны быть приведены къ единству; не слѣдуетъ допускать ни одной мысли, не имѣющей отношенія къ совершаемому или предполагаемому дѣйствію; и ни одинъ поступокъ не долженъ совершаться безъ предварительнаго намѣренія. Благодаря соблюденію этого правила въ продолженіи цѣлаго дня, умъ и тѣло научаются совмѣстно дѣйствовать безъ лишней траты физической и умственной энергіи. И такимъ образомъ вы подавите всякое праздное дѣйствіе и всякую праздную мысль.

Что касается *праздныхъ дѣйствій*, избѣгайте всѣхъ мелкихъ ненужностей и пустыхъ условностей, которымъ люди предаются полусознательно, какъ-то: трясеніе колѣномъ или перебрасываніе ноги черезъ колѣно, или произнесеніе безполезныхъ фразъ въ родѣ: вотъ „видите ли“, „нужно вамъ сказать“ или закручиваніе усовъ, почесываніе, кусаніе ногтей, подергиваніе пуговицъ или часовыхъ цѣпочекъ, безцѣльные разговоры и т. д. Всякій поступокъ или слово должны бы имѣть свою цѣль. Болѣе значительныя безполезныя дѣйствія должны быть также изгнаны, какъ, напримѣръ позднее лежаніе въ постели утромъ, трата времени ночью, ѣда ненужной пищи, стремленіе пріобрѣсти вещи на самомъ дѣлѣ не нужныя. Точно также ненужное тѣлесное возбужденіе и нервныя и мускульныя напряженія должны быть избѣ-

гаемы по возможности. Эти безполезныя привычки трудно измѣнить сразу, и лучше слѣдить за ихъ упраздненіемъ въ продолженіи одного часа ежедневно, постепенно удлиняя время, чѣмъ стараться измѣнить каждую безполезную привычку сразу и не справиться съ выполненіемъ принятаго рѣшенія.

Что касается *праздныхъ мыслей*, избѣгайте лежать въ постели, обдумывая разные вопросы передъ отходомъ ко сну; или лежать въ полу-сонномъ состояніи проснувшись; или снова и снова останавливаться на одной и той же мысли или разсужденіи. Если нужно что-либо обдумать, выдвините впередъ и разберите все, что относится къ данному вопросу, придите къ какому-либо заключенію и послѣ этого удалите совсѣмъ этотъ вопросъ изъ своего ума и не разбирайте его снова, пока не найдете новыхъ фактовъ, относящихся къ нему. Если доводы за и противъ опредѣленнаго хода дѣйствія одинаковы и не можетъ имѣть большого значенія въ какую сторону повернетъ ваше рѣшеніе, бросьте жребій и покончите съ колебаніями, не позволяйте своему уму снова и снова обдумывать тотъ же вопросъ. Если представляется затрудненіе, не откладывайте въ долгій ящикъ, дѣйствуйте сейчасъ же и отгоните дальнѣйшее размышленіе, или-же отложите его на опредѣленный срокъ; ни въ какомъ случаѣ не дозволяйте безпокойству, страху или отчаянью блуждать въ вашемъ умѣ, отравляя и ослабляя его. Избѣгайте слишкомъ много думать о томъ, что вы будете дѣлать -дѣйствуйте. Не думайте о томъ, что другіе говорятъ о васъ, иначе какъ съ цѣлью извлечь ту долю правды, которая всегда найдется въ чужихъ словахъ. Ни въ какомъ случаѣ не дѣлайте несовершенства другихъ предметомъ вашихъ размышленій. Если у васъ неподвижный умъ, не ѣшьте послѣ наступленія темноты и не спите послѣ восхода солнца, а продѣлывайте умѣренныя физическія упражненія и дышите свѣжимъ воздухомъ.

Остается еще устраненіе *праздныхъ эмоцій*. Исканіе мелкихъ удовольствій, которыя не даютъ отдыха, и потворствованье эмоціямъ, которыя не въ соотвѣтствіи съ вашей дѣятельностью и мыслями, ослабляетъ волю. Ваша главная цѣль должна быть и вашимъ главнымъ удовольствіемъ; если это не такъ, то или цѣль, или удовольствіе - не изъ здоровыхъ. Все это касается сосредоточенія, желательнаго въ теченіе повседневной жизни. Теперь мы перейдемъ къ ежедневнымъ упражненіямъ въ контролѣ надъ умомъ.

1. Выберите подходящее время, сядьте спокойно и обратите



свой умъ къ какой-нибудь пріятной мысли. Положите передъ собой часы съ секундной стрѣлкой, замѣтьте точно время и, закрывъ глаза, думайте объ избранномъ предметѣ, стараясь не упускать его изъ виду. Спустя нѣкоторое время вы замѣтите, что забыли о немъ и думаете о другомъ. Тогда отмѣтьте въ записной книжкѣ: 1) На чемъ вы сосредоточивались, 2) продолжительность времени, и 3) на чемъ вы поймали свою мысль. Это упражненіе можно повторить нѣсколько разъ, но если-бы заболѣла голова, слѣдуетъ немедленно прекратить его. Для первоначальныхъ упражненій долженъ быть избранъ простой и сравнительно неинтересный предметъ, какъ напримѣръ, монета, или часы, или ручка отъ пера и упражненіе это должно повторяться недолго, но ежедневно въ теченіе нѣсколькихъ дней, скажемъ недѣли, съ занесеніемъ подробныхъ помѣтокъ въ записную книжку.

Вы найдете, что ваше сосредоточеніе на данномъ предметѣ прекращается обыкновенно по одной изъ слѣдующихъ причинъ: нетерпѣніе, тревога о чемъ либо, скука, физическое безпокойство, головная боль, задержка дыханія, различныя помѣхи. Это часто передается выраженіемъ, что „умъ безпокоенъ". Замѣтимъ пока лишь то, что вниманіе легко поддается помѣхамъ и, по какой-то причинѣ, внутренней или внѣшней, побуждается къ уклоненію отъ избраннаго предмета.

Какъ преодолѣть это уклоненіе? Создайте *привычку возвращенія мысли.* Какъ это сдѣлать? Если вы исполните слѣдующія указанія такъ, *какъ они здѣсь изложены*, вы достигнете успѣха.

Обыкновенно дѣлаютъ такъ: принявъ обычное положеніе, устремляютъ вниманіе на опредѣленный предметъ и затѣмъ возвращаютъ его обратно къ исходной точкѣ всякій разъ, какъ оно чѣмъ либо отвлекается. Упражняющійся занятъ главнымъ образомъ усиліемъ удержать мысль въ своемъ умѣ и отчасти стараніемъ не дать ей ускользнуть и обратиться на другіе предметы; и ему постоянно нужно возвращать свое блуждающее вниманіе. Сдѣлайте вмѣсто этого слѣдующее упражненіе. *Избирите тотъ предметъ, на которомъ вы хотите сосредоточить свое вниманіе и затѣмъ думайте обо всемъ, о чемъ хотите, но не теряйте изъ виду избранный предметъ.*

Цѣль этого упражненія будетъ понятна, если изучить звенья соединяющія. Объ этихъ звеньяхъ я писалъ и распредѣлялъ ихъ по классамъ въ моей маленькой книгѣ о *памяти*. Для настоящей цѣли достаточно отмѣтить процессъ мысли, какъ онъ совершается

въ мозгу. Я вижу изъ своего окна дерево и думаю о немъ. Центръ поля мышленія—дерево, но оно имѣетъ вокругъ себя много другихъ мыслей. Это можно обозначить стрѣлками на слѣдующей діаграммѣ.

Садъ, поле и т. д. 1. ↑		↑ 2. Бананъ, сосна и т. д.
(×) 8 ←		→ 3. Возрастъ, величина, цѣнность и т. д.
	Дерево	
7. ← Сѣмя, цвѣтъ, плодъ и т. д. ↓		→ 4. Кустъ, изгородь, растеніе и т. д. ↓
Вороны, бѣлки, насѣкомыя 6. и т. д.		5. Листья, вѣтви, кора и т. д.

Еслибы я былъ фермеромъ, то моя мысль могла направиться по линіи 7-й къ размышленію о сѣменахъ и плодахъ. Плодъ сталъ бы при этомъ центромъ подобнаго же круга, а мысли, принадлежащія къ 1, 2, 3, 4, 5 и 6 остались бы почти или даже совсѣмъ незамѣченными. Мысль могла бы въ этомъ случаѣ перейти на рынокъ. Эта третья мысль не имѣетъ прямого отношенія къ дереву, и оно теперь забыто, а умъ продолжаетъ свое блужданіе скажемъ въ направленіи рынка, улицы, гостинницы, почтовой лошади, коровы, молока, молочной и т. д.

Если бы я былъ торговцемъ, моя мысль могла бы направиться по линіи 3 (1, 2, 4, 5, 6 и 7 остались бы въ сторонѣ) къ мысли о заготовленіи лѣса для разныхъ подѣлокъ, что находится въ прямой связи съ мыслью о деревѣ, а затѣмъ она перешла бы къ текущимъ цѣнамъ, (что уже не имѣетъ прямой связи съ нимъ), къ настоящему состоянію моихъ финансовъ и т. д.

Натуралистъ могъ бы направиться по линіи 6-й, охотникъ и ищущій развлеченій по линіи 1-й, философъ по линіи 3-й или 7-й, и всѣ они потеряли бы изъ виду дерево на третьемъ шагѣ своей мысли. Приведенныя подъ нумерами направленія мысли даны лишь для иллюстраціи, а не для классификаціи, потому что излученія мысли гораздо многообразнѣе.

Но если мы возьмемъ садовода, его мысль не убѣгала бы по радіусу отъ центра, а стремилась бы постоянно назадъ, вращаясь около круга и внутри него; потому что садоводъ сосредоточенъ на предметѣ до извѣстной степени уже по навыку ума. Онъ привыкъ думать о деревѣ въ связи съ его ростомъ, строеніемъ, внѣшностью и тѣмъ, что окружаетъ его въ саду.

Когда вы послѣдуете упражненію, напечатанному курсивомъ на страницѣ, ходъ вашей мысли будетъ отличаться отъ обычнаго блужданія тѣмъ, что вмѣсто слѣдованія по одному изъ направленій и перехода къ другимъ мыслямъ, не связаннымъ непосредственно съ даннымъ предметомъ, умъ пробѣгаетъ не далеко по каждой линіи, и снова возвращается назадъ. Но слѣдуетъ стораться убѣгать мыслью возможно дальше, не теряя при этомъ изъ виду избраннаго предмета и думая обо всемъ, что можетъ имѣть прямое отношеніе или связь съ нимъ по линіямъ 1-й, 2-й, 3-й, 4-й, 5-й, 6-й, 7-й или другимъ.

Если это упражненіе продѣлывается вполнѣ, въ положенное время, оно порождаетъ *привычку возвращенія мысли*, замѣняющую привычку блужданія, и такимъ образомъ получается склонность ума возвращаться къ центральной мысли, и вниманіе можетъ быть задержено впродолженіи долгаго времени на одномъ и томъ же предметѣ. Въ то же время такое упражненіе оживляетъ умъ, заставляя его при обдумываніи какого либо вопроса быстро схватывать всѣ имѣющія значеніе точки, связанныя съ этимъ вопросомъ.

Сравненіе, которое можетъ помочь намъ, дастъ путешествіе по желѣзной дорогѣ по богатой равнинѣ съ горой, виднѣющейся вдали. Сидя въ поѣздѣ, мы можемъ замѣтить разнообразные предметы, несущіеся мимо насъ въ ближайшемъ разстояніи: изгороди, кусты, деревья, дома при дорогѣ; за ними деревня, поле, рѣка, лѣсъ, озеро и вся постоянно мѣняющаяся мѣстность, лежащая между нами и горой; въ тоже время мы не перестаемъ сознавать присутствіе горы, стоящей подобно оси, вокругъ которой словно вращаются всѣ эти предметы. Это предварительное упражненіе сосредоточенія должно бы походить на подобное путешествіе, во время котораго мы смотримъ на мелькающіе виды, но центральный предметъ сосредоточенія продолжаетъ возвышаться надо всѣмъ.

Дѣлайте такія упражненія по получасу въ день въ теченіи приблизительно двухъ недѣль, прежде, чѣмъ приступить къ дальнѣйшему. Записывайте внимательно предметъ, о которомъ вы думали, время, когда вы замѣтили, что потеряли его изъ виду и тѣ мысли, которыя вы найдете на мѣстѣ утеряннаго объекта сосредоточенія.

Не имѣетъ большого значенія *какой* предметъ избирается для сосредоточенія, хотя сначала лучше избѣгать чего либо обширнаго или сложнаго, или связаннаго съ непріятными воспо-

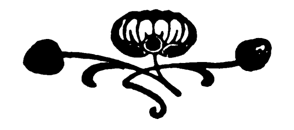


минаніями. Вполнѣ возможно брать картину или символъ. Объектъ можетъ быть замѣненъ другимъ черезъ нѣсколько дней.

Прежде чѣмъ начать, выберите спокойное мѣсто и насколько возможно удобное время, тогда рѣшите сколько времени вы намѣреваетесь посвятить ваше вниманіе опредѣленной цѣли и скажите себѣ: „я теперь займусь тѣмъ-то въ теченіе получаса и впродолженіи этого времени мнѣ не будетъ никакого дѣла до чего либо другого въ мірѣ. Важно, чтобы вы очень отчетливо сознали въ своемъ воображеніи то, что вы собираетесь дѣлать и представили *себя* дѣлающимъ это прежде, чѣмъ вы приступите къ упражненію.

Пер. съ англ. Е. Дандре.

(Продолженіе слѣдуетъ).



Все доказуемо=все антиномично. Существуетъ сфера, гдѣ всякое доказательство есть кругъ или ошибка, гдѣ ничто не доказуемо; это есть сфера сотвореннаго Золотого Вѣка.

Для насъ Новый Завѣтъ—это книга, запечатанная семью печатями.

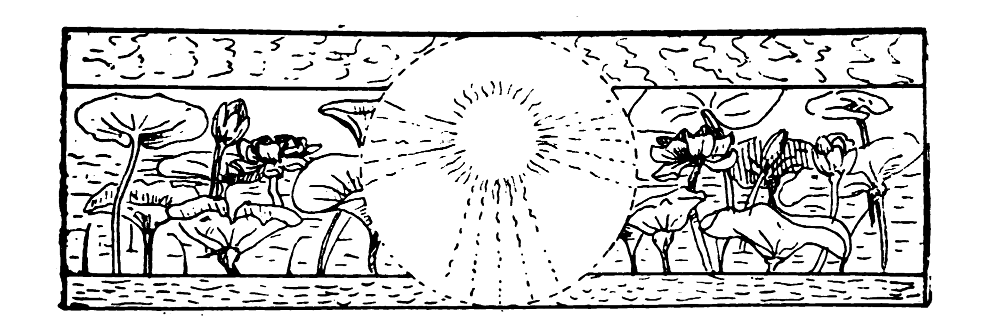
Время есть внутреннее пространство. Пространство—внѣшнее время (Синтезъ послѣдняго). Всякое тѣло имѣетъ свое время, всякое время—свое тѣло.

Наши чувства суть высшія животныя. Изъ нихъ возникаетъ еще болѣе высокій анимализмъ.

Истинная математика—подлинная стихія мага. Въ музыкѣ она является формально, какъ откровеніе, какъ творческій идеализмъ. Здѣсь она удостовѣряетъ, что она небесная посланница.

Изреч. Новалиса.





Письма живого усопшаго.

Продолженіе.

Письмо XVIII

Индивидуальные виды ада.

Нѣсколько времени тому назадъ я сообщилъ вамъ свое намѣреніе посѣтить адъ; но когда я началъ свои изслѣдованія въ этомъ направленіи, оказалось, что здѣсь существуетъ множество разновидностей того, что мы называемъ адомъ.

Каждый человѣкъ строитъ для себя свой собственный адъ.

Да, я увѣренъ, что люди помѣщаютъ себя сами въ адъ, что не Богъ посылаетъ ихъ туда. Я началъ искать ада изъ огня и сѣры и не нашелъ такого. По всей вѣроятности Данте видѣлъ тоже, что и я.

Но существуютъ другіе, индивидуальные виды ада.

(*Писаніе внезапно остановилось по непонятной для меня причинѣ и болѣе не возобновлялось въ этотъ вечеръ*).

Письмо XIX.

Пріютъ любви на небесахъ.

Я встрѣтился съ очень интереснымъ человѣкомъ, послѣ того, какъ писалъ съ вами. Это—любящее сердце, которое ожидало здѣсь свою возлюбленную въ теченіе десяти лѣтъ.



На землѣ ее увѣрили, что онъ умеръ и убѣдили полюбить другого; но она не могла забыть его, такъ какъ каждую ночь онъ встрѣчалъ ея душу во время сна, каждую ночь она появлялась къ нему сюда и иногда могла припомнить, пробуждаясь, все, что онъ сказалъ ей во время ихъ свиданія. Она сказала ему, что недолго останется въ солнцемъ-освѣщаемомъ мірѣ и придетъ къ нему сюда, въ само-свѣтящійся міръ.

Нѣсколько времени тому назадъ она, наконецъ, явилась. Онъ давно поджидалъ ее и построилъ изъ вещества этого міра маленькій домъ, какой мечталъ устроить для нея на землѣ.

Онъ разсказалъ мнѣ какъ однажды ночью, явившись къ нему во снѣ, она заявила, что соединится съ нимъ завтра. Онъ былъ пораженъ и почти готовъ остановить ее, такъ какъ *ея* смерть была внезапная и очень мучительная, а онъ боялся страданій для нея. Онъ всегда охранялъ ее, стараясь предупредить о каждой опасности; но на этотъ разъ онъ почувствовалъ, когда первое потрясеніе прошло, что она дѣйствительно перейдетъ къ нему. Онъ былъ очень счастливъ.

Здѣсь онъ не искалъ новой любви; ибо, когда покидаешь землю съ одной большой любовью и когда земная возлюбленная не забываетъ ушедшаго, связь можетъ сохраняться на долгое время, не ослабѣвая. Вы, оставшіеся на землѣ, забыли все пережитое здѣсь и потому не знаете какое счастье приноситъ намъ ваше воспоминаніе, не понимаете, какъ намъ тяжело ваше забвеніе.

Хотя бываетъ часто, что болѣе всего развиваются въ духовности какъ разъ тѣ, которыхъ забываютъ любимые люди на землѣ; но тѣмъ не менѣе грустно быть забытымъ. Вы вызываете въ насъ силу, предоставляя насъ самимъ себѣ; но эта сила дается тяжело и далеко не всѣ души готовы воспользоваться вынужденнымъ одиночествомъ съ цѣлью быстрѣе подниматься по лѣстницѣ духовнаго знанія.

Но вернемся къ интересующей меня парѣ. Весь тотъ день онъ оставался около нея. Онъ не могъ видѣть ея тѣла, ибо лучи солнца были слишкомъ ярки для него, но послѣ долгаго ожиданія онъ почувствовалъ ея руку въ своей рукѣ и, хотя она была невидима для него, онъ зналъ, что она *здѣсь*. И онъ заговорилъ съ ней, употребляя земныя слова. Но она, казалось, не понимала его. Онъ заговорилъ снова, но она все не отвѣчала; хотя по пожатію ея руки онъ зналъ, что она сознаетъ его присутствіе. И такъ стояли они рука въ руку въ темнотѣ солнечнаго освѣщенія-

онъ способный говорить, благодаря своему долгому опыту въ мірѣ тонкихъ звуковъ, она—безмолвная и растерянная, но продолжающая держаться за его руку.

Когда лучи солнца погасли, онъ началъ видѣть ея лицо и ея глаза, широко раскрытые и испуганные. Они продолжали оставаться въ комнатѣ, въ которой лежало ея безжизненное тѣло. Было лѣто и окна были раскрыты. Онъ старался увлечь ее въ просторъ душистой ночи, которая для нихъ представляла день; но она удерживала его за руку и не хотѣла удаляться.

Подъ конецъ ему удалось увлечь ее на небольшое разстояніе; теперь она услыхала его и отвѣтила.

„Возлюбленный", сказала она, „которая же изъ двухъ *я*? Я вижу себя—я чувствую себя—и тамъ тоже я. Я словно въ двухъ мѣстахъ. Которая же изъ двухъ—настоящая я?"

Онъ утѣшалъ ее словами любви. Онъ боялся приласкать ее, ибо прикосновеніе душъ чрезвычайно сильно и онъ боялся, чтобы она не возвратилась къ той покинутой формѣ и не настала бы новая разлука. Но хотя она часто приходила къ нему во снѣ, теперь это было иначе, гораздо жизненнѣе и онъ почувствовалъ, что она дѣйствительно переступила черезъ великую перемѣну.

Она продолжала держаться за его руку и въ то же время не хотѣла удаляться отъ *той вещи*. Онъ оставался съ ней всю ночь и весь слѣдующій день, когда засіяло солнце и онъ снова пересталъ видѣть ее.

Въ теченіе этого дня друзья его возлюбленной нарушили покой ея тѣла, продѣлывая надъ нимъ то, что нужно для живыхъ и только тревожитъ мертвыхъ.

Онъ оставался съ ней вторую ночь и второй день. Онъ слышалъ рыданія ея огорченныхъ родителей, хотя *они* не могли видѣть ни его, ни свою дочь; но во вторую ночь маленькая собачка его возлюбленной вбѣжала въ комнату, гдѣ лежало ея тѣло, увидала ихъ и начала жалобно визжать. Они оба слышали этотъ визгъ.

Теперь она яснѣе слышала, когда онъ заговаривалъ съ ней.

„Куда унесутъ они *это*?"—спросила она его.

Тогда онъ вспомнилъ минуты, когда самъ стоялъ какъ зачарованный около своей безжизненной формы, надъ которой его возлюбленная проливала горькія слезы. И онъ началъ уговаривать ее удалиться совсѣмъ; но ей казалось, что она не можетъ.



На третій день она взволновалась, когда они укладывали ея тѣло въ гробъ. Въ то же время онъ почувствовалъ - видѣть онъ не могъ - цѣлую толпу, собравшуюся въ комнатѣ и услышалъ похоронную музыку. Музыку гораздо легче разслышать, чѣмъ человѣческіе голоса; для того, чтобы разслышать послѣдніе, нужна хорошая подготовка.

Въ это время его возлюбленная была въ тяжеломъ волненіи, которое передалось и ему; они начали подвигаться медленно - невыносимо медленно и онъ сказалъ ей:

„Не огорчайся. Они хотятъ похоронить *это*; но ты въ безопасности со мной".

Небезпричинно чувствуется всегда надъ домомъ смерти какая-то странная невыразимая тишина, которая не можетъ быть объяснена одной печалью оставшихся. Они чувствуютъ присутствіе души, ушедшей изъ ихъ міра, хотя и не могутъ видѣть ее. Ихъ собственныя души оберегаютъ невольно эти первыя минуты ея смятенія.

Перемѣна не была бы такъ мучительна, если бы переходящій въ иной міръ припомнилъ, что это случалось съ нимъ и прежде; но мы такъ легко забываемъ. Иногда мы называемъ землю ***Долиной Забвенія.***

Въ теченіе послѣдующихъ дней и недѣль этотъ человѣкъ оставался около своей возлюбленой, все время стараясь отвлечь ее отъ земли и отъ *этого*, привлекавшаго ее, какъ многихъ, мучительной тягой.

Я узналъ здѣсь, что души, прожившія долгое время на землѣ, отрываются гораздо легче, но эта женщина была еще молода, около тридцати лѣтъ, и ей трудно было освободиться, даже съ помощью своего возлюбленнаго.

Но въ одинъ прекрасный день или ночь по-вашему онъ ввелъ ее въ тотъ домъ, который приготовилъ для нея на небесахъ, и они стали жить тамъ.

Иногда онъ покидаетъ ее на короткое время, а иногда она; ибо радость совмѣстнаго пребыванія усиливается здѣсь такъ же-какъ и на землѣ благодаря временной разлукѣ. Въ теченіе первыхъ дней она испытывала отъ времени до времени голодъ, и онъ старался утолить его, предлагая ей различныя вещества здѣшняго міра. Постепенно она отвыкала отъ земли и отъ земныхъ привычекъ и только изрѣдка, во снѣ, возвращалась къ своимъ родителямъ.

Не оставляйте никогда безъ вниманія сновъ, касающихся

умершихъ людей. Такіе сны имѣютъ всегда какой-нибудь смыслъ. Они передаютъ невсегда вѣрно, ибо дверь между обоими мірами чрезвычайно узка и мысли часто искажаются при переходѣ изъ одного міра въ другой. Но не забывайте, что мы все же можемъ общаться съ вами этимъ путемъ.

Я являлся къ вамъ во снѣ, стоя за рѣшеткой окруженнаго стѣной сада, въ которомъ вы были заключены. Я улыбался и дѣлалъ знакъ, чтобы вы подошли ко мнѣ; но я вовсе не хотѣлъ, чтобы вы оставались здѣсь со мной. Я хотѣлъ, чтобы вы перешли сюда въ духѣ; хотя для меня легче чѣмъ для васъ переходить въ вашъ міръ.

Доброй ночи.

Письмо XX.

Человѣкъ, нашедшій Бога.

Мнѣ кажется нѣтъ лучшаго способа пріобщить васъ къ здѣшней жизни, такой необычайной для васъ, какъ разсказать вамъ мои впечатлѣнія и бесѣды съ мужчинами и женщинами, которыхъ я встрѣчаю здѣсь.

Я какъ то говорилъ вамъ, что встрѣчаю здѣсь больше святыхъ, чѣмъ философовъ, и мнѣ хочется разсказать вамъ о человѣкѣ, который производитъ на меня впечатлѣніе неподдѣльно святого. Да, здѣсь есть маленькіе святые и большіе святые, такъ же, какъ есть маленькіе и большіе грѣшники.

Однажды я шелъ по вершинѣ горы. Я говорю „шелъ“, хотя передвиженіе дѣлается здѣсь безъ всякихъ усилій, но это почти тоже самое.

На вершинѣ горы я увидалъ человѣка, стоявшаго въ одиночествѣ. Онъ смотрѣлъ въ даль, но я не могъ видѣть то, на что онъ смотрѣлъ. Онъ былъ сосредоточенъ и былъ въ общеніи съ самимъ собой или съ кѣмъ то, кого я не могъ видѣть.

Я ждалъ нѣкоторое время. Подъ конецъ, глубоко вздохнувъ ибо мы дышимъ здѣсь, онъ повернулся ко мнѣ и сказалъ съ доброй улыбкой:

„Не могу ли я служить вамъ, братъ?“

Я былъ смущенъ, чувствуя что можетъ быть помѣшалъ какому-то невидимому для меня общенію.

„Если это не слишкомъ смѣло съ моей стороны“, сказалъ я,

„я бы попросилъ васъ сказать, о чемъ вы думали, стоя здѣсь и глядя въ пространство".

Я чувствовалъ, что этого не слѣдовало дѣлать; но мое серьезное желаніе научиться всему, доступному для меня, заслуживало прощеніе и меня прощали.

У этого человѣка было прекрасное лицо безъ бороды и юношескій огонь въ глазахъ. Одежда его говорила, что онъ очень мало думаетъ о своей внѣшности.

Онъ посмотрѣлъ на меня молча и затѣмъ сказалъ:

„Я стремился приблизиться къ Богу".

„А что есть Богъ? спросилъ я: и гдѣ Богъ?

Онъ улыбнулся. Я никогда не видалъ такой улыбки.

„Богъ всюду", отвѣтилъ онъ. „Богъ *есть*".

„Что же Онъ такое?" Настаивалъ я: и снова онъ повторилъ, но уже съ другимъ удареніемъ:

„*Богъ* есть".

„Что вы хотите этимъ сказать?" спросилъ я.

„Богъ *есть*, *Богъ* есть" повторилъ онъ.

Не знаю, какимъ путемъ передалось мнѣ значеніе его словъ, можетъ быть путемъ симпатіи; но въ моемъ сознаніи внезапно вспыхнуло, что когда онъ говорилъ „Богъ *есть*" онъ хотѣлъ выразить полнѣйшее осуществленіе Бога, какое только возможно для духа: а когда онъ говорилъ „*Богъ* есть", онъ хотѣлъ этимъ выразить, что ничего и не существуетъ, кромѣ Бога.

По всей вѣроятности на моемъ лицѣ отразилось то, что я чувствовалъ, судя по послѣдующимъ словамъ святого:

„Развѣ вы сами не знаете, что Онъ *есть* и что все, что существуетъ, есть Онъ"?

„Я начинаю чувствовать, что *вы* подразумѣваете", отвѣтилъ я, „хотя самъ я могу чувствовать лишь очень слабо".

Онъ улыбнулся и ничего не отвѣтилъ: но во мнѣ роились вопросы.

„Когда вы были на землѣ, много думали вы о Богѣ?" спросилъ я.

„Всегда. Я очень мало думалъ о чемъ-нибудь другомъ. Я искалъ Его всюду, но только по временамъ вспыхивало во мнѣ сознаніе о Его истинной сути. Иногда, когда я молился—а я молился много—во мнѣ возникалъ внезапный вопросъ: чему ты молишься? И тогда вырывался громкій отвѣтъ: Богу! Я молюсь Богу! Но хотя я молился Ему ежедневно въ теченіе многихъ лѣтъ, только временами вспыхивало во мнѣ истинное сознаніе

Бога. Но насталъ часъ—я былъ тогда одинъ въ лѣсу—когда пришло великое откровеніе. Оно пришло не въ видѣ опредѣленныхъ словъ, но скорѣе какъ безъ-молвное и безъ-образное чудо, слишкомъ великое для ограниченной мысли. Я упалъ на землю и вѣроятно потерялъ сознаніе, такъ какъ черезъ нѣкоторое время—какъ долго, я не знаю—я пробудился и поднявшись съ земли, сталъ смотрѣть вокругъ. И тогда я постепенно вспомнилъ пережитое; оно оказалось слишкомъ велико, не по силамъ моимъ, когда я его испытывалъ.

„Выразить въ словахъ это великое, слишкомъ великое для моей смертной природы, я сумѣлъ только въ такихъ словахъ:

„Все, что есть—есть Богъ". Это казалось такъ просто, а между тѣмъ эта простота должна включать и меня самого, и всѣхъ существъ—людей и животныхъ; и даже деревья, и птицы, и рѣки должны быть частью Бога, если Богъ есть все.

„Съ этой минуты жизнь получила для меня новое значеніе. Я не могъ видѣть человѣческаго лица, чтобы не вспомнить откровенія—не вспомнить, что это человѣческое существо есть часть Бога. Когда моя собака смотрѣла на меня, я говорилъ ей: „ты тоже часть Бога". Когда я стоялъ на берегу рѣки и слушалъ шумъ воды, я говорилъ себѣ: „Я слушаю голосъ Бога". Когда кто-нибудь изъ моихъ ближнихъ сердился на меня, я спрашивалъ себя: „Чѣмъ могъ я оскорбить Бога?" Когда кто-нибудь обращался ко мнѣ съ любовью, я говорилъ: „Теперь Богъ любитъ меня" и отъ этого сознанія у меня захватывало духъ. Жизнь становилась невообразимо прекрасной.

„Я былъ такъ погруженъ въ Бога и такъ стремился найти Его, что мало думалъ о своихъ ближнихъ и пренебрегалъ даже тѣми, которые были всего ближе ко мнѣ; но съ этого дня, я началъ сближаться съ моими братьями. И я убѣдился, что чѣмъ больше я искалъ Бога въ нихъ, тѣмъ чаще Богъ отвѣчалъ мнѣ черезъ нихъ. И жизнь становилась все болѣе чудесной и прекрасной.

„Иногда я старался передать другимъ то, что я чувствую, но они не всегда понимали меня. И тогда я началъ постигать, что Богъ намѣренно, по причинѣ извѣстной Ему одному, скрывалъ Себя за покровами. Можетъ быть для того, чтобы радоваться, разрывая ихъ? Если такъ, я рѣшилъ помочь Ему насколько у меня хватитъ силъ и я стремился помочь другимъ людямъ познать Бога, насколько я самъ позналъ Его. Въ теченіе многихъ лѣтъ училъ я людей. Вначалѣ мнѣ хотѣлось учить всѣхъ. Но

вскорѣ я убѣдился, что это невозможно, и тогда я избралъ немногихъ, которые называли себя моими учениками. Я просилъ ихъ не говорить, что они мои ученики, но убѣждалъ ихъ передавать другимъ то знаніе, которое я давалъ имъ. И такимъ образомъ не я одинъ, а многіе пріобщались понемногу къ тому чуду, которое было передо мной раскрыто въ тотъ день, когда я стоялъ въ одиночествѣ, въ *лѣсу*, и пробудился къ знанію, что Богъ *есть*, *Богъ* есть".

Сказавъ это, святой повернулся и оставилъ меня со всѣми моими неудовлетворенными вопросами. Я хотѣлъ спросить его, когда и какъ онъ покинулъ землю, и какое дѣло онъ дѣлаетъ здѣсь, но онъ ушелъ!

Можетъ быть я увижу его снова когда-нибудь. Но увижу я его, или не увижу, онъ далъ мнѣ нѣчто, что я въ свою очередь отдаю вамъ, какъ онъ самъ хотѣлъ отдавать свое знаніе міру.

Письмо XXI.

Досуги Души.

Одна изъ радостей здѣшняго бытія состоитъ въ досугѣ, въ возможности мечтать и знакомиться съ своей собственной сутью.

Конечно и здѣсь много дѣла; но хотя я и намѣреваюсь вернуться въ земной міръ черезъ нѣкоторое время, я чувствую, что у меня будетъ время для знакомства съ собой. Я стремился къ этому и на землѣ, болѣе или менѣе; но здѣсь меньше спроса на меня. Хотя бы облегченіе въ процессѣ одѣванія и раздѣванія и отсутствіе нужды зарабатывать для себя или для другихъ.

Въ виду здѣшняго досуга, я собираюсь въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ не только пріобрѣсти общія познанія познакомиться съ условіями этого четырехмѣрнаго міра, но и пройти въ обратномъ порядкѣ всѣ мои прежнія жизни и усвоить все, чему я научился въ нихъ. Я хочу сдѣлать полный синтезъ опытовъ моего *eqo*, вплоть до настоящаго срока, чтобы вывести изъ этого синтеза, *что* я смогу дѣлать въ будущемъ по линіямъ наименьшаго сопротивленія. Я думаю хотя я еще не вполнѣ увѣренъ—что я могу принести съ собой многое изъ этихъ знаній, когда я снова вернусь на землю.

Я постараюсь извѣстить васъ въ свое время, когда и приблизительно гдѣ найти меня. Чего же вы испугались? Это будетъ

еще не скоро. Я могъ бы, вѣроятно, ускорить свое возвращеніе, но это было бы не мудро, потому что я не могъ бы вернуться съ такимъ размѣромъ силъ, какого я хочу. Такъ какъ дѣйствіе и противодѣйствіе противоположны и равны и ego человѣка способно развить только опредѣленное количество энергіи въ данное время, поэтому лучше для меня оставаться въ условіяхъ этой легкой матеріи, пока я не соберу достаточно энергіи для того, чтобы вернуться назадъ очень сильнымъ. Но я не поступлю такъ, какъ дѣлаетъ большинство душъ; онѣ остаются здѣсь, пока не устанутъ отъ этого міра такъ же, какъ раньше они уставали отъ земной жизни, послѣ чего онѣ устремляются назадъ почти безсознательно непреодолимой силой ритмическаго прилива и отлива. Я же хочу руководить этимъ ритмомъ.

Съ тѣхъ поръ какъ я здѣсь, одинъ изъ тѣхъ, кого я знаю, вернулся на землю. Онъ былъ уже совсѣмъ готовъ, когда я впервые нашелъ его. Самое странное было то, что онъ самъ не понималъ своего состоянія. Онъ жаловался на усталость и на потребность частаго отдыха. Это былъ, по всей вѣроятности, естественный инстинктъ, чтобы подготовиться къ верховному усилію еще разъ раскрыть двери матеріи. Легче войти сюда, чѣмъ перейти изъ этого міра въ вашъ міръ.

Я знаю, гдѣ теперь находится эта душа: мнѣ сказалъ Учитель. Меня это удивило, такъ какъ человѣкъ, о которомъ идетъ рѣчь, не долженъ бы, по моему мнѣнію, интересовать Учителя. Но кто знаетъ? возможно что въ ближайшей своей жизни онъ соприкоснется съ *ихъ* ученіемъ.

Но я хотѣлъ поговорить о здѣшнихъ досугахъ. Мнѣ хотѣлось бы, чтобы и у васъ было больше досуга. Я не говорю о лѣни, но о пассивномъ состояніи ума, которое имѣетъ такое же значеніе, какъ и активное состояніе. Только когда вы пассивны, можемъ мы достигать васъ. Если ваше тѣло и умъ постоянно заняты, намъ трудно повліять на васъ отсюда. Найдите немного времени, чтобы ежедневно совсѣмъ ничего не дѣлать; въ такомъ случаѣ подсознательныя части вашего ума начнутъ работать Онѣ напомнятъ вамъ, что существуетъ внутренняя жизнь; ибо внутренняя жизнь, которая доступна вамъ на землѣ, есть настоящая точка соприкосновенія съ міромъ, въ которомъ живемъ мы.

Я уже говорилъ вамъ, что оба міра соприкасаются, и они соприкасаются черезъ внутренній міръ. Вы входите внутрь, чтобы выйти наружу. Это парадоксъ, но парадоксы заключаютъ боль-



шія истины. Противорѣчія—не истины, но парадоксъ не есть противорѣчіе.

Существуетъ большая разница во времени, въ теченіе котораго люди остаются здѣсь. Вы говорите о тоскѣ по родинѣ. Здѣсь есть души, которыя испытываютъ такую тоску по землѣ. Онѣ иногда возвращаются почти немедленно, но это большая ошибка. За исключеніемъ очень молодыхъ, не использовавшихъ энергіи, сохранившейся отъ послѣдней жизни, слишкомъ быстрое возвращеніе назадъ лишаетъ душу силы сопротивленія.

Какъ ни странно, а здѣсь можно встрѣтить такихъ, которые тоскуютъ по землѣ въ родѣ того, какъ нѣкоторые земные поэты и мечтатели тоскуютъ по внутренней жизни.

Это употребленіе терминовъ „внѣшній и внутренній“ можетъ показаться неяснымъ; но слѣдуетъ помнить, что вамъ нужно войти *внутрь* себя, чтобы достигнуть насъ, а намъ нужно выступить *изъ себя*, чтобы достигнуть васъ. Въ нормальномъ состояніи мы переживаемъ здѣсь то, что можно назвать субъективной жизнью. Мы становимся все болѣе и болѣе объективными по мѣрѣ того, какъ приближаемся къ вашему міру; вы же становитесь все болѣе субъективными, по мѣрѣ того какъ приближаетесь къ нашему міру. Если бы вы это ясно сознавали, вы могли бы почти во всякое время навѣщать насъ на нѣсколько мгновеній—при условіи достаточно глубокаго проникновенія въ самого себя.

Если вы желаете сдѣлать этотъ опытъ и если вы не боитесь, я могъ бы перенести васъ сюда, при чемъ вы не вполнѣ потеряете сознаніе—я разумѣю, что это будетъ не во время сна. Вы можете позвать меня, когда пожелаете сдѣлать этотъ опытъ. Не смущайтесь, если я появлюсь не тотчасъ же. Я могу быть въ это время занятъ чѣмъ-нибудь другимъ.

Спѣшить не слѣдуетъ, это нужно ясно запомнить. То, что вамъ не удастся сдѣлать въ этомъ году, вы можете сдѣлать въ слѣдующемъ. Но если вы будете торопиться и постоянно бросаться въ разныя стороны, вы не многаго достигнете въ этой работѣ. Вѣчность достаточно продолжительна для полнаго развитія человѣческаго ego. Она какъ будто бы предназначена для этой цѣли. Изреченіе „цѣль жизни есть жизнь“ кажется мнѣ очень вѣрнымъ съ тѣхъ поръ, какъ я имѣлъ возможность изслѣдовать вѣчность съ новой точки зрѣнія. Эта точка зрѣнія даетъ новый взглядъ на время и вѣчность. Я теперь вижу то, чего ранѣе не видѣлъ: что я въ сущности никогда не тратилъ времени даромъ. Даже всѣ мои ошибки были цѣнной частью

моего опыта. Мы теряемъ, чтобы пріобрѣтать снова. Мы вступаемъ и выступаемъ изъ круга силы приблизительно такъ же, какъ входимъ и выходимъ изъ жизни, чтобы научиться тому, что въ ней и что внѣ ея. И въ этомъ, какъ и во всемъ остальномъ цѣлью жизни является сама жизнь.

Не спѣшите. Человѣкъ можетъ вырости постепенно въ силу и знаніе или же можетъ взять ихъ усиліемъ. Воля свободна. Но постепенный ростъ не имѣетъ равносильно могучаго воздѣйствія.

Письмо XXII.

Змѣй Вѣчности.

Я хочу говорить съ вами сегодня о вѣчности. Пока я не перешелъ сюда, я никогда не могъ уловить этой идеи. Я мыслилъ въ границахъ мѣсяцевъ, годовъ и столѣтій. Теперь же я вижу полное протяженіе круга. Вхожденія въ матерію и исхожденія изъ нея не болѣе, какъ сокращенія и расширенія его сердца; съ точки зрѣнія вѣчности, они—относительно—также коротки. Для васъ земная жизнь кажется долгимъ періодомъ. Такой же казалась она и для меня, но теперь она мнѣ не кажется такой.

Часто говорятъ: „если бы я могъ снова пережить свою жизнь, я поступалъ бы такъ то и такъ то". Въ дѣйствительности, нельзя вновь переживать ту же жизнь, какъ нельзя сердцу вернуться вспять и снова сдѣлать прежній толчокъ; но можно приготовиться для ближайшей жизни. Предположимъ, что вы испортили ваше существованіе. Большинство людей повинно въ этомъ если смотрѣть съ точки зрѣнія ихъ высшаго идеала; но каждый человѣкъ, умѣющій думать, долженъ усвоить нѣкоторый опытъ, который онъ и можетъ унести съ собой. Онъ можетъ, вернувшись въ солнечный свѣтъ другой земной жизни, не помнить подробностей своего прежняго опыта, хотя нѣкоторые люди въ состояніи помнить, благодаря достаточной подготовкѣ и сосредоточенной волѣ; но наклонности каждой данной жизни, ея побужденія и желанія переносятся почти во всѣхъ случаяхъ въ слѣдующую жизнь.

Вы должны отвыкнуть отъ привычки смотрѣть на настоящую жизнь, какъ на единственную; отвыкнуть отъ мысли, что жизнь за гробомъ будетъ безконечнымъ существованіемъ въ одномъ состояніи. Вы не смогли бы вынести безконечнаго существованія



въ тонкой матеріи внутренняго міра такъ же, какъ не могли бы вѣчно жить въ той плотной матеріи, въ которой вы заключены сейчасъ. Вы почувствовали бы утомленіе. Вы не выдержали бы этого.

Овладѣйте вполнѣ идеей ритма. Всѣ существа подчинены закону ритма, даже боги хотя въ болѣе грандіозной формѣ, чѣмъ мы, съ болѣе значительными періодами прилива и отлива.

Мнѣ не хотѣлось оставлять землю. Я боролся до конца но теперь я вижу, что мой уходъ былъ неизбѣженъ. Если бы я началъ свою борьбу раньше, я подготовилъ бы свое судно для болѣе продолжительнаго плаванія; но когда весь уголь и вся вода вышли, необходимо было войти въ гавань.

Возможно снабдить даже маленькую жизненную ладью для болѣе продолжительнаго жизненнаго странствованія, чѣмъ назначенныя шестьдесятъ-семьдесятъ лѣтъ; но въ такомъ случаѣ нужно быть экономнымъ съ углемъ и не расточать воды. Найдутся люди, которые поймутъ, что вода есть влага жизни.

Многимъ не нравится мысль, что жизнь послѣ смерти, не есть вѣчно длящееся движеніе впередъ въ духовныхъ мірахъ; хотя очень мало кто изъ протестующихъ имѣютъ понятіе о чемъ они говорятъ, когда толкуютъ о духовныхъ мірахъ.

Вѣчно-длящаяся жизнь возможна для всѣхъ душъ—это такъ; но невозможно двигаться въ одномъ направленіи. Эволюція идетъ по кривой. Вѣчность есть кругъ, змѣй—поглощающій свой собственный хвостъ. Пока вы не согласны входить и выходить изъ плотной матеріи, вы никогда не научитесь преодолѣвать матерію. Есть люди, которые могутъ оставаться въ ней и выходить изъ нея по своей воли и при томъ настолько, насколько они сами захотятъ, но это не тѣ, которые убѣгаютъ отъ жизни въ формѣ.

Я въ прежнее время боялся того, что называлъ смертью. Здѣсь есть такіе, которые боятся того, что *они* называютъ смертью? Новое рожденіе въ земной міръ. Здѣсь много такихъ, которые такъ же мало знаютъ о ритмѣ, какъ большинство на вашемъ берегу. Я встрѣчалъ мужчинъ и женщинъ, которые даже не знали, что они снова вернутся на землю, которые разсуждаютъ о „великой перемѣнѣ“ какъ люди земли разсуждаютъ о смерти и обо всемъ, что находится по сю сторону какъ „недоказанное и даже неподлежащее доказательству“. Какъ видите, это очень трагично, хотя и нелѣпо.

Когда я въ свое время узналъ, что скоро умру, я рѣшилъ унести съ собой и память, и философію, и разумъ.

А теперь я хочу сказать вамъ нѣчто, что можетъ быть удивитъ васъ. Есть нѣкто, написавшій книгу, озаглавленную: „*Законъ Психическихъ Феноменовъ*" и въ этой книгѣ говорится о двухъ частяхъ ума, которыя онъ назвалъ *субъективной* и *объективной*. Онъ говоритъ, что субъективный умъ не способенъ на индуктивное разсужденіе, что субъективный умъ приметъ любую посылку, данную ему объективнымъ умомъ и, исходя изъ этой посылки можетъ разсуждать съ безукоризненной логикой; но что онъ не можетъ проникнуть *за* посылку, что онъ не можетъ разсуждать въ обратномъ направленіи.

Теперь я долженъ напомнить вамъ, что въ томъ состояніи матеріи, въ которомъ нахожусь я, люди ведутъ преимущественно субъективную жизнь, какъ люди на землѣ живутъ преимущественно объективной жизнью. И такъ какъ люди находятся здѣсь въ субъективномъ состояніи, они и разсуждаютъ, исходя изъ посылокъ, уже данныхъ имъ въ теченіе ихъ объективнаго существованія на землѣ. Вотъ почему большинство изъ проживавшихъ въ западныхъ странахъ, гдѣ идея ритма или возрожденія не популярна, переходятъ сюда съ установившейся идеей, что они болѣе не вернутся въ земную жизнь. Они продолжаютъ разсуждать, исходя изъ данной имъ посылки.

Конечно, ваше представленіе о невидимыхъ мірахъ не измѣнитъ сути вещей. Тѣ, которые не вѣрятъ въ новыя рожденія, не могутъ избѣжать ритма возрожденія; но они держатся за свое вѣрованіе, пока отливъ ритма не подхватитъ ихъ и не заставитъ погрузиться снова въ физическую матерію, не подготовленными и не уносящими съ собой почти никакого воспоминанія о жизни въ *этомъ* мірѣ. Сюда они принесли воспоминаніе о земной жизни только потому, что ожидали подобнаго перенесенія памяти.

Многіе жители Востока, которые всегда вѣрили въ перевоплощеніе, вспоминаютъ свои прежнія жизни потому, что они были увѣрены въ возможности помнить ихъ.

Да, когда я понялъ, что вскорѣ долженъ буду покинуть землю, я наложилъ на себя зарокъ. Я порѣшилъ сохранить воспоминанія одинаково и о моемъ вступленіи сюда и о послѣдующемъ выступленіи отсюда. Конечно, я не могу поклясться, что буду все помнить, когда вернусь снова въ физическую матерію; но я принялъ это рѣшеніе, и увѣренъ, что достигну нѣкотораго успѣха, если мнѣ только удастся найти подходящую мать. Она будетъ подходящей, если и ей будетъ близка мысль

о возрожденіи и, въ особенности, если она знала меня въ моей послѣдней земной жизни какъ ***, чтобы я могъ заявить ей въ дѣтствѣ, что я и есть тотъ самый ***, котораго она знала и чтобы она не журила меня и не загоняла моихъ воспоминаній внутрь своими сомнѣніями.

Я увѣренъ, что многія дѣти приносятъ воспоминанія о своей здѣшней жизни, но что эти воспоминанія теряются вослѣдствіи благодаря постоянному внушенію, что они впервые видятъ земной міръ, что они вновь созданы и т. д.

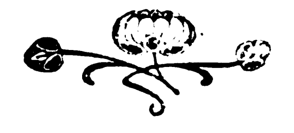
Вѣчность на самомъ дѣлѣ неизмѣрима, и міры, въ которыхъ мы живемъ, заключаютъ въ себѣ несравненно больше того, что можетъ снится обыкновеннымъ учителямъ нашихъ дѣтей.

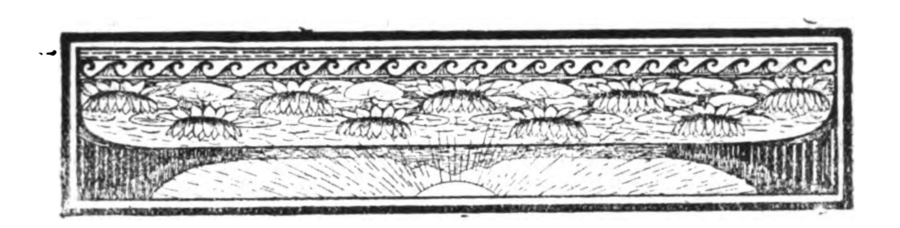
Если бы вы только могли схватить идею безсмертной жизни и крѣпко *держаться за нее!* Если бы вы мыслили себя, какъ существо безъ начала и безъ конца, — вы могли бы начать много новаго, стоющаго усилія. Это удивительное сознаніе — увѣренность въ вѣчности. Малыя трудности кажутся на самомъ дѣлѣ малыми тому, кто мыслитъ о себѣ въ размѣрахъ милліоновъ лѣтъ. Можно прибавлять билліоны, трилліоны — сколько хотите — идея останется та же. Цифры являются лишь символомъ большого количества, будь это годы, или денежные знаки. Ни одинъ милліонеръ не знаетъ въ точности сколько у него денегъ въ данное время; ибо слѣдуетъ причислить и проценты и потому его стоимость всегда колеблется. Тоже самое и съ безсмертіемъ. Не думайте о себѣ, что вы прожили милліонъ или трилліонъ лѣтъ, но думайте, что вы воистину безсмертны, безъ начала и безъ конца. Человѣкъ, сознающій себя богатымъ, богаче того, который опредѣляетъ сумму своихъ денегъ, будетъ ли эта сумма велика или мала. Сохраняйте же сознаніе вѣчности и работайте въ этомъ сознаніи.

На сегодня довольно.

Пер. съ англ. Е. П.

(Продолженіе слѣдуетъ).





Письма къ читателямъ.

> **Все, что ведетъ къ единству и гармоніи, есть добро; все, что ведетъ къ разъединенію и разладу, есть зло.**
> ***Древняя Мудрость.***

Когда въ современной литературѣ встрѣчается новое понятіе изъ области невидимыхъ міровъ, можно быть почти увѣреннымъ, что авторъ черпалъ свое вдохновеніе изъ ученій Теософіи. Таково понятіе о „Микробахъ зла" въ третьей книгѣ г-на Ладыженскаго „*Темная Сила*".

Первая его книга, „Сверхсознаніе" была очень цѣнной попыткой извлечь изъ темноты забвенія перлы мудрости средневѣковыхъ подвижниковъ и познакомить современныхъ читателей въ удобопонятной формѣ съ глубиной ихъ духовнаго состоянія и ради этой благой цѣли можно было простить всѣ ея недочеты. Но уже во второй книгѣ того же автора, „Свѣтъ Незримый", въ которой проводится параллель между православной и иной мистикой, замѣтна явная наклонность къ разъединенію, къ односторонности, къ возведенію стѣнъ, къ набрасыванію тѣни на все, что даже въ нѣдрахъ самого Христіанства идетъ по линіямъ, которыя отличаются отъ излюбленныхъ авторомъ. Иначе нельзя назвать характеристику, которую авторъ даетъ св. Франциску Ассизскому. „Смиреніе Франциска находило на него лишь единичными сильными порывами, не избавленными отъ утрировки и даже, можно сказать, театральности"... „Слова Франциска напоминаютъ скорѣе рѣчь того довольнаго собою добродѣтельнаго человѣка (фарисея), который по притчѣ Великаго Учителя стоялъ въ храмѣ впереди мытаря"... „При всемъ кажущемся своемъ сми-

ренін, Францискъ, такъ же какъ и самъ папа, болѣлъ недугомъ духовной гордости". (Стр. 128, 129 и 132).

Третья книга Трилогіи, „Темная Сила", написана также какъ и двѣ первыя, легкимъ стилемъ, въ ней такъ же удачно подобраны цитаты изъ Добротолюбія и изъ произведеній наиболѣе популярныхъ современныхъ авторовъ, она также отвѣчаетъ той жаждѣ къ духовнымъ проблемамъ, которая проснулась у современнаго человѣка. Этимъ объясняется успѣхъ произведеній г. Ладыженскаго. Онъ сумѣлъ широко воспользоваться всѣмъ, что могли дать для его цѣли произведенія современной интеллигенціи, писанія Толстого и литература современной Теософіи, изъ которой онъ обильно черпалъ вплоть до „микробовъ зла", которые являются самымъ оригинальнымъ изъ всѣхъ его положеній. И можно было бы только радоваться попыткѣ къ такому слiянію, привѣтствовать смѣлаго автора, увидавшаго ту же суть религіознаго сознанія и у средневѣковаго подвижника, и у представителей современнаго исканія религіозныхъ путей.

Но этой радости книги г-на Л. не даютъ. Наоборотъ, онѣ напоминаютъ печальную, постоянно повторяющуюся исторію о томъ, какъ часто люди принимаютъ хлѣбъ жизни и насытившись имъ, обращаются и бросаютъ каменья въ подавшихъ имъ этотъ хлѣбъ. Такъ поступаетъ и авторъ Трилогіи; онъ бросаетъ каменья въ интеллигенцію, обвиняя ее въ „гордыни", въ Толстого, объявляя его „лишеннымъ благодати", и особенно въ Теософію, подозрѣвая ее въ „прелести", въ наклонности къ черной Магіи, въ союзѣ съ сатаной и т. д.

Авторъ этихъ страшныхъ мыслей забываетъ только одно: что къ „микробамъ зла", о которыхъ онъ такъ много говоритъ въ своей книгѣ, принадлежитъ прежде всего „микробъ разъединенія", о которомъ въ Евангеліи сказано: „всякое царство раздѣлившееся въ себѣ, опустѣетъ". (Матѳеї XII, 25).

Пользуясь всѣми пріемами современной мысли и выводами современной науки, основанной на законѣ эволюціи, авторъ „Темной Силы" становится въ то же время на точку зрѣнія средневѣковаго монашества и видитъ во всѣхъ проявленіяхъ сложной человѣческой природы козни діавола. Съ этой точки зрѣнія, человѣкъ отъ сотворенія и до нашихъ дней все тотъ же „сосудъ грѣха", который самъ по себѣ не имѣетъ ничего общаго съ Богомъ; съ этой точки зрѣнія считается „гордыней" и „прелестью" всякая мысль о божественности безсмертной души че-

ловѣка, о возможности совершенствованія изнутри, изъ растущаго сознанія человѣка, и допускается только одинъ путь совершенствованія—сошествіе благодати *извнѣ*.

Современное сознаніе, воспитавшееся на идеи эволюціоннаго движенія *всей* жизни, не можетъ принять подобной точки зрѣнія. Просвѣщенные представители современнаго христіанства принимаютъ такъ же, какъ и теософы, идею эволюціи; для нихъ она не противорѣчитъ христіанству, а только разъясняетъ его и освѣщаетъ всѣ его глубины. Они, такъ же какъ и теософы, признаютъ, что религіозное сознаніе эволюціонируетъ какъ и все на свѣтѣ, и что тѣ объясненія, которыя могли удовлетворять въ средніе вѣка, недостаточны для современнаго мыслителя; что за двѣ тысячи лѣтъ человѣчество прошло черезъ долгій циклъ внутренняго развитія и его религіозное сознаніе не могло остановиться на одной и той же точкѣ, какъ не можетъ остановиться ничто живое.—Казалось бы, что это—такія истины, противъ которыхъ и спорить нельзя, а между тѣмъ вся книга „Темная Сила“ направлена противъ нихъ.

Одной изъ центральныхъ идей книги является идея Божественной благодати, которую авторъ противопоставляетъ „гордыни“ и „прелести“ теософіи. Но что такое *„благодать“, сходящая на человѣка свыше?* Теософія не только не отрицаетъ ее, но наоборотъ, обосновываетъ. „Благодать есть воспріятіе человѣческимъ сознаніемъ—беря сознаніе въ его современномъ расширенномъ значеніи—вліянія высшей духовной силы, которая всегда готова излиться на міръ, когда на лицо достаточно чистый и сильный проводникъ, способный воспринять эту силу. Но что значитъ: „способный воспринять?“ Мы знаемъ, что подобное воспринимается только подобнымъ. Законы вибрацій научили насъ разбираться въ этихъ тонкихъ и сложныхъ процессахъ; мы знаемъ, что струна не вибрируетъ въ отвѣтъ на звучащую струну, если сила ея вибрацій не соотвѣтствуетъ силѣ послѣдней. Тотъ же законъ наблюдается во всѣхъ мірахъ, видимыхъ и невидимыхъ. Человѣкъ съ неразвитымъ слухомъ совсѣмъ не восприметъ красоты той самой симфоніи, отъ которой музыкально развитой человѣкъ придетъ въ глубокое волненіе. Чтобы воспринимать что-либо извнѣ, *нужно обладать внутренней способностью, отзывающейся на воспринимаемое.* Въ данномъ примѣрѣ это особенно наглядно: тонко развитой слухъ есть аппаратъ воспринимающій симфонію, но глубокое волненіе возникаетъ не въ аппаратѣ уха, а въ той внутренней сути человѣка, которая

называется его безсмертной душой. Эта суть человѣка, по ученіямъ теософіи, и является тѣмъ внутреннимъ божественнымъ зачаткомъ, развитіе котораго до „полноты возраста Христова" и составляетъ задачу человѣческой эволюціи.

Въ *этомъ* коренная разница между средневѣковымъ монашескимъ взглядомъ на человѣка и взглядомъ теософическимъ. Для средневѣковаго монаха человѣкъ есть „сосудъ дьявола", или же какой-то пустой мѣшокъ, который навѣки останется пустымъ, если его не наполнить извнѣ. По этому поводу у одного изъ Отцовъ Церкви есть чудесное изреченіе. Онъ разсказываетъ, что видѣлъ сонъ—будто онъ подошелъ къ дверямъ рая и увидѣлъ ап. Петра съ очень недовольнымъ лицомъ. „Афанасій", сказалъ апостолъ „зачѣмъ мнѣ все посылаютъ эти пустые мѣшки съ приложенными къ нимъ печатями?".

Вотъ яркій примѣръ того, что даже съ точки зрѣнія святоотеческой человѣкъ долженъ быть не „пустымъ мѣшкомъ", а стремящимся существомъ, въ которомъ происходятъ глубоко важные внутренніе процессы усовершенствованія и постепеннаго уподобленія божественному идеалу; и только когда такіе процессы совершаются въ тайникахъ человѣческаго духа, тогда только возможно соединеніе божественной природы *внутри насъ* съ Богомъ *внѣ насъ*, или „сошествіе благодати" по христіанской терминологіи.

Это сошествіе не только не отрицается теософіей, но на него постоянно указывается. По представленію христіанскихъ подвижниковъ человѣкъ можетъ воспринять наитіе благодати только путемъ молитвы и глубокаго смиренія. Но что такое истинная молитва и истинное смиреніе? Это есть внутренній процессъ очищенія своихъ мыслей и эмоцій для того, чтобы можно было соединиться съ высшимъ, съ небомъ, съ Богомъ или съ міровымъ Духомъ по терминологіи древняго Востока. Этотъ внутренній волевой процессъ сводится къ изгнанію изъ себя грубыхъ вибрацій и къ настраиванію своего внутренняго міра на высокія и чистыя вибраціи сверхличной жизни Духа.

И у христіанскихъ подвижниковъ, и у индусскихъ іоговъ, это—одно и тоже сильное напряженіе воли, устремленное къ опредѣленной цѣли, которое невозможно безъ наличности внутренней силы, такъ пугающей г-на Л. И внутреннія условія у тѣхъ и у другихъ одни и тѣ же. Самомнѣніе, гордость, преувеличеніе своего значенія, которыя имѣетъ въ виду авторъ книги, это—все такія нечистыя примѣси, при которыхъ невозможно

воспріятіе высшихъ вліяній или благодати; іоги это знали совершенно такъ же, какъ и христіанскіе подвижники, и истинное смиреніе передъ Высшимъ было въ такой же степени свойственно и имъ. Они разнились только въ словахъ и объясненіяхъ, но вѣдь дѣло не въ словахъ и даже не въ тѣхъ объясненіяхъ, которыя видоизмѣняются по мѣрѣ развитія и расширенія знаній человѣка; дѣло въ томъ духѣ жизни, который творитъ дѣло жизни. Г-на Л. тревожитъ будущее теософовъ: какъ бы мы въ своей гордынѣ не приняли за Духъ Свѣта и Добра темную силу. А между тѣмъ Христосъ, именемъ котораго ставятся всѣ эти мрачныя подозрѣнія, сказалъ такъ ясно: „по плодамъ узнаете ихъ“. Въ книгѣ „Темная Сила“ нѣтъ указанія на дурные плоды теософіи, а только тревога, что „психическія силы развиваемыя теософами оккультистами, есть обоюдо-острый мечъ; въ рукахъ эгоиста это можетъ быть зломъ... примѣнимымъ какъ орудіе для злыхъ дѣйствій“ (стр. 188-ая).

Совершенно вѣрно; но это одинаково приложимо къ представителямъ каждаго вѣрованія, которые дѣлаютъ свои вѣрованія орудіемъ зла, что мы и видимъ въ средневѣковой инквизиціи, сжигавшей на кострахъ и пытавшей людей именемъ Іисуса Христа.

Если же авторъ тревожится за насъ, думая, что мы гораздо сильнѣе средневѣковыхъ подвижниковъ, и *всѣ* способны превратиться въ могучихъ іоговъ, властвующихъ надъ людьми и надъ природой, то это напрасная тревога: стать іогомъ также трудно, какъ сдѣлаться святымъ, и для этого нужна такая могучая сила, такая цѣльность стремленія и такой неугасимый энтузіазмъ, которыми въ наше время обладаютъ слишкомъ немногіе.

Владѣя болѣе обоснованными данными въ области психизма, теософы сознаютъ яснѣе другихъ всю опасность преждевременнаго развитія психическихъ силъ; и они нетолько не толкаютъ на этотъ путь себя и другихъ, какъ можно заключить изъ книги „Темная Сила“, но наоборотъ, не устаютъ разъяснять, что раскрытію психическихъ силъ должно предшествовать внутренное очищеніе, высокое развитіе нравственности, побѣда надъ эгоизмомъ, достиженіе сверхличности. Это стараніе разъяснить связь между расширеніемъ области внутренныхъ силъ человѣка и размѣромъ его нравственной отвѣтственности, навлекло на русскихъ теософовъ много недовольства и нареканій; нареканія эти сводились къ тому, что русск. Теос. О-во укло-

няется отъ 3-го § международнаго Т. О-ва [1]), какъ оно было задумано Е. П. Блаватской и вмѣсто оккультизма занимается проповѣдью высокой морали.

А между тѣмъ, никто такъ энергично не настаивалъ на необходимости предварительнаго очищенія, какъ именно Е. П. Блаватская; въ ея руководящей статьѣ, знакомой каждому теософу, „Практическій Оккультизмъ“, есть такой параграфъ: § 11. ***Углубленное размышленіе (медитація), воздержаніе, выполненіе всѣхъ нравственныхъ обязанностей, благія мысли, хорошія дѣла и добрыя слова, доброжелательство ко всѣмъ и полное забвеніе о себѣ — вотъ самыя дѣйствительныя средства для пріобрѣтенія (оккультнаго) познанія и для подготовленія къ воспріятію высшей Мудрости***“.

Можно ли яснѣе выразить связь между „моралью“ и расширеніемъ сознанія, или—по христіанской терминологіи между праведностью и благодатью?

Въ этой нерасторжимой связи между высшимъ сознаніемъ и высшей ступенью нравственности, на которой основана вся теософическая этика, и кроется причина совершенно несовмѣстимыхъ требованій, которыя предъявляются всѣми, нападающими на теософію. Одни недовольны тѣмъ, что вмѣсто оккультизма теософы выступаютъ съ стѣсняющими требованіями морали, другіе, подобно автору „Темной Силы“, боятся какъ бы благодаря оккультизму теософы не сошли со стези добродѣтели. Этотъ забавный конфликтъ между обвинителями теософовъ ясно указываетъ, что высокій идеализмъ теософическихъ ученій дѣйствительно непосиленъ для людей, которые не могутъ или не хотятъ сдѣлать усилія въ обоихъ направленіяхъ: освободить свои умственные и духовные горизонты отъ всѣхъ искусственныхъ загражденій и въ тоже время освободить душу свою отъ рабскаго подчиненія своимъ личнымъ страстямъ и желаніямъ.

Теософія трудна тѣмъ, что она требуетъ безграничной свободы для духа и мысли и въ тоже время—безпощаднаго контроля надъ низшей природой человѣка, надъ его эгоистическими страстями и вожделѣніями. Можно согласиться, что это нелегко, но тѣмъ не менѣе это *необходимо*, если мы дѣйствительно хотимъ выйти на новые пути жизни. Всѣ слова о „новомъ человѣкѣ“, о внутреннемъ возрожденіи, о новыхъ знаменіяхъ останутся пустыми звуками, пока мы не начнемъ на самомъ дѣлѣ уважать

---

[1]) 3-й параграфъ Т. О-ва ставить цѣлью: *изслѣдованіе необъясненныхъ законовъ природы и скрытыхъ силъ человѣка.*



свободу духа и свободу мысли въ другихъ людяхъ, а въ себѣ самихъ—не подчинимъ своихъ эгоистическихъ интересовъ благу *всѣхъ* и не освободимъ свою волю отъ рабскаго подчиненія своимъ личнымъ страстямъ. И не того ли же самаго требуетъ отъ насъ ученіе Христа? „Духъ дышитъ, гдѣ хочетъ", говорится въ Св. Писаніи, а чтобы „спастись", нужно не сберегать душу свою, а *отдать* ее.

* * *

Я не собираюсь разбирать книгу „Темная Сила"; въ ней много невѣрныхъ толкованій и несправедливыхъ нападеній на теософію, но это требуетъ большой статьи. Мнѣ хотѣлось лишь обратить вниманіе ея автора на то, что сдѣлавъ доброе дѣло, ожививъ въ сознаніи современныхъ читателей обликъ великихъ христіанскихъ подвижниковъ, г-нъ Л. напрасно думаетъ, что такія могучія души, сильныя своей неутомимой жаждой Божіей правды, могли бы ограничиться въ наше время одной „умной молитвой". Все живое растетъ и развивается; развивается также и религіозный опытъ. Въ темныя средневѣковые времена, времена насилія и безправія, лучшіе люди и не могли помогать иначе, какъ примѣромъ своей сіяющей святости и подвигомъ молитвы за темный непробужденный міръ. Но въ наше время, когда міръ пробудился, что сталось бы съ нимъ, еслибы всѣ сильные духомъ, всѣ умудренные въ истинѣ отстранились бы отъ жизни для подвига „умной молитвы", а неправедные и эгоисты стали бы прокладывать новые пути жизни?

Въ наше благословенное время, когда не „избранныя души", а почти всѣ начинаютъ чувствовать необходимость водворенія правды въ земномъ нашемъ обиходѣ нужны не отшельники, а дѣятели, строители жизни, безстрашно борящіеся за правду, самоотверженные работники на нивѣ Божіей. Такая дѣятельность будетъ для Бога самой лучшей молитвой и объ этомъ не слѣдовало бы забывать людямъ религіознаго сознанія.

Въ заключеніе хотѣлось бы успокоить автора „Темной Силы", который такъ боится за теософовъ. Большинство европейскихъ теософовъ убѣжденные послѣдователи ученія Христа, они вѣрятъ въ единаго Бога Отца и стремятся къ Всемірному Братству или Вселенской Церкви, что одно и тоже. И въ данное время, когда передъ нами стоитъ величайшая изъ всѣхъ задачъ, какія когда-либо ставились передъ человѣчествомъ, задача устроенія праведной жизни на землѣ; въ это время, столь трудное и вмѣстѣ столь

8

благословенное, когда сознаніе человѣчества раскрылось для воспріятія высшаго смысла жизни, всѣ, желающіе быть истинными учениками Христа, должны бы работать для дружнаго строительства новой жизни, для объединенія всѣхъ въ одну сплоченную человѣческую семью; искать способовъ сліянія, а не будить духъ разногласія; не строить новыхъ стѣнъ, а разрушать всѣ существующія перегородки, которыя мѣшаютъ людямъ познать и полюбить другъ друга. Отъ души желаемъ, чтобы вдохновеніемъ для новой книги г-на Ладыженскаго явилась эта благородная цѣль и чтобы въ ней засіялъ истинный духъ Христовой любви ко всѣмъ людямъ, безъ различія путей, по которымъ они идутъ къ Богу.

Другъ читателя.

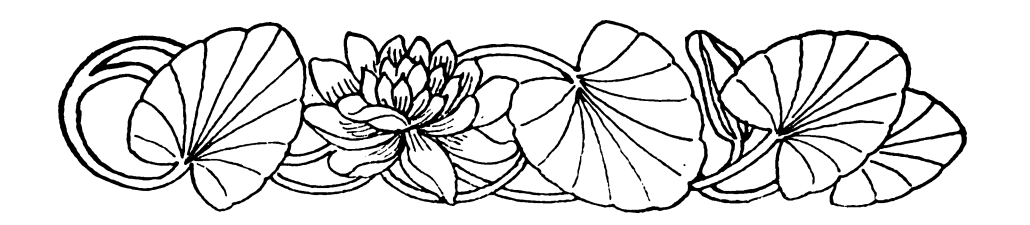


Мы грезимъ о странствіяхъ по вселенной; развѣ же не въ насъ вселенная? Глубинъ своего духа мы не вѣдаемъ. Внутрь идетъ таинственный путь. Въ насъ или нигдѣ—вѣчность съ ея мірами, Прошедшее и Грядущее. Внѣшній міръ—міръ тѣней, онъ бросаетъ свою тѣнь въ царство свѣта. Нынѣ намъ мнится, что внутри такъ темно, одиноко, безобразно. Но какъ совершенно иначе намъ будетъ казаться, если пройдетъ это затменіе и призрачное тѣло будетъ сброшено.

Всякій методъ есть ритмъ: кто овладѣлъ ритмомъ міра, это значитъ, что онъ овладѣлъ міромъ. У всякаго человѣка есть свой индивидуальный ритмъ. Алгебра—это поэзія. Ритмическое чувство есть геній.

Изреч. Новалиса.





Обозрѣніе теософической литературы.

Послѣдніе два номера *Theosophist'a*, дошедшіе до Россіи—январьскій и февральскій текущаго года—содержатъ прекрасную статью Вудхауза: „Оккультистъ и мистикъ“, въ которой онъ разъясняетъ происхожденіе и значеніе въ космосѣ того и другого типа.

Отношеніе Бога къ проявленной Вселенной, говоритъ авторъ, имѣетъ два первичныхъ аспекта. Во-первыхъ, существуетъ частица Его жизни, дѣйствующая въ предѣлахъ проявленія. Во-вторыхъ, существуетъ та гораздо болѣе мощная часть Его, которая живетъ внѣ проявленія. Другими словами Богъ одновременно имманентенъ и трансцендентенъ. Такова основная двойственность, свойственная самой природѣ всякаго божественнаго проявленія; слѣдовательно она должна отражаться и во вселенной, каждая частица которой должна быть связана какъ съ имманентнымъ, такъ и съ трансцендентнымъ Богомъ. Это двоякое отношеніе порождаетъ и двоякое движеніе, выявляющееся въ видѣ двухъ противоположныхъ стремленій или импульсовъ, дѣйствующихъ во всякой проявленной жизни и тянущихъ ее въ двѣ противоположныя стороны.

Намъ это станетъ ясно, если мы представимъ себѣ, чѣмъ является вселенная въ глазахъ Бога трансцендентнаго:--Очевидно, лишь затемненіемъ и ограниченіемъ Божественной жизни, заключенный въ ней. Вселенная же, въ глазахъ Бога имманентнаго является необходимой рамкой для процесса, при помощи котораго и чрезъ посредство добровольно принимаемыхъ ограниченій, неисчислимые сонмы новыхъ жизней, излучаемыхъ Отцомъ, развиваются и доростаютъ до полнаго возраста Христова.

Какова же логическая реакція на эти два аспекта вселенной?



Въ первомъ случаѣ стремленіе уйти, убѣжать, избавиться отъ иллюзіи, отъ страданій, отъ гнетущихъ условій жизни въ мірахъ и перейти въ реальность, въ блаженство и свободу Бога трансцендентнаго.

Во второмъ случаѣ остаться въ проявленныхъ мірахъ для того, чтобы сотрудничать въ этой мощной работѣ, проникнуть до послѣднихъ предѣловъ проявленія съ тѣмъ, чтобы раздѣлить его бремя и отдать силы на служеніе Богу имманентному.

Въ этихъ двухъ импульсахъ, дѣйствующихъ во всякой проявленной жизни, надо искать, по мнѣнію автора, различіе между оккультистомъ и мистикомъ. Мистикъ воплощаетъ въ себѣ отношеніе проявленной жизни къ Богу трансцендентному; оккультистъ воплощаетъ въ себѣ отношеніе ея къ Богу имманентному. Они являются представителями основной двойственности Божественной Природы: имманентнаго Бога, Творца, Деміурга и трансцендентнаго Бога, жизни за предѣлами сотворенныхъ міровъ. Оба эти типа людей ищутъ единенія съ Богомъ двумя разными путями. Разсмотримъ эти пути и ихъ вліяніе на тѣла или проводники.

Стремленіе внизъ, въ проявленіе, будетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ безпрестанное насыщеніе низшихъ проводниковъ жизненными силами, дающее въ результатѣ непосредственное, живое отношеніе къ жизненнымъ явленіямъ и желаніе усовершенствовать проводники, довести ихъ до высшей работоспособности съ цѣлью использованія ихъ какъ орудія работы имманентнаго Бога.

Второй типъ обнаруживаетъ стремленіе уйти отъ формы, чѣмъ какъ бы автоматически оттягивается жизненная энергія отъ низшихъ проводниковъ къ высшимъ, въ силу чего получается иногда чрезмѣрное насыщеніе его этихъ высшихъ проводниковъ въ ущербъ низшимъ. Само сознаніе какъ бы отворачивается отъ внѣшняго міра; впечатлѣнія отъ него становятся неопредѣленными, наблюдается нежеланіе входить въ детали, вслѣдствіе стремленія соединиться съ жизнью внѣ формы. Жизнь на низшихъ планахъ до извѣстной степени атрофируется, и вслѣдствіе этого низшіе проводники иногда не выдерживаютъ напора силъ, прорывающихся изъ высшихъ, чѣмъ объясняется появленіе истеріи у мистиковъ.

Въ противоположность усиленной дѣятельности оккультиста на физическомъ планѣ, мистикъ кажется апатичнымъ; между тѣмъ на высшихъ планахъ дѣятельность его не менѣе интенсивна.

Роль мистиковъ состоитъ въ пополненіи резервуара духовныхъ силъ; оккультисты же служатъ каналами, черезъ которые эти силы разливаются въ мірѣ, претворяя и одухотворяя матерію.

Ч. Ледбитеръ удѣляетъ много вниманія вопросу о воспитаніи и подходитъ къ нему съ необычной точки зрѣнія, нѣсколько опрокидывающія наши ходячія воззрѣнія. Австралійскій теософическій органъ излагаетъ нѣкоторыя его взгляды на воспитаніе, высказанные имъ въ отвѣтъ на заданные имъ вопросы на эту тему.

Онъ исходитъ изъ того положенія, что дитя, рождающееся у родителей, является сущностью, Эго, которое поручило этимъ родителямъ воспитать и выростить его физическій, астральный и ментальный проводники такъ, чтобы Эго могло возможно полнѣе и совершеннѣе выразить себя черезъ нихъ. Ребенокъ, рождаясь, приноситъ съ собой астральное и ментальное тѣло, включающія самыя разнородныя возможности и зачатки какъ хорошихъ, такъ и дурныхъ качествъ. Чрезвычайно важно поэтому сперва развить хорошія качества, но большинство людей прилагаетъ все стараніе къ тому, чтобы развить именно дурныя и тогда онѣ пріобрѣтаютъ такую силу, что хорошимъ качествамъ трудно утвердиться и пересилить ихъ. Эго ребенка не владѣетъ еще своими проводниками; вслѣдствіе этого низшія тѣла ребенка являются совершенно беззащитными передъ импульсами, идущими извнѣ и всѣ вибраціи, всѣ чувства и мысли окружающихъ глубоко запечатлѣваются въ его астральномъ и ментальномъ тѣлѣ. Такъ, если родители нетерпѣливы и раздражительны, то и въ ребенкѣ пробуждаются тѣ же недостатки.

Развивая дурныя стороны ребенка, мы лишаемъ Эго возможности проявлять себя черезъ свои проводники и не оправдываемъ довѣрія, оказаннаго имъ намъ тѣмъ, что оно поручило намъ приготовить для него орудія его проявленія.

Въ Англіи появился новый журналъ для юношества: The Joung Age, цѣли котораго изложены въ передовой статьѣ слѣдующими словами: 1915 годъ! Какъ будутъ смотрѣть на него нынѣшніе наши молодые читатели черезъ двадцать лѣтъ? Будутъ-ли они думать, что цивилизованный міръ совсѣмъ ума рѣшился, что цивилизованные люди забыли долгія столѣтія развитія изъ варварства и вернулись къ состоянію дикарей, когда желаніе убить своего ближняго было сильнѣе всего. Будутъ-ли они удивляться тому, что народы, именующіе себя послѣдователями Христа, могли довести свою цивилизацію до настоящаго кризиса?

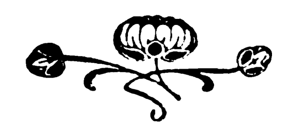
Или же они будутъ разсматривать текущія событія съ иной точки зрѣнія: какъ періодъ подъема великихъ силъ, прорывающихся наружу для того, чтобы выявилось нѣчто очень цѣнное и необходимое? Увидятъ-ли они, что изъ всего ужаса и горя настоящаго возстало такое великое добро, о которомъ міръ и мечтать не смѣлъ? И что люди въ силу своихъ страданій познали истинныя цѣнности и научились довѣрять другъ другу и другъ друга любить.

Весьма возможно, что нынѣшній годъ покажется имъ зарей новой жизни, когда въ каждомъ сердцѣ пробудились сѣмена любви и братства и народы, крещенные огнемъ, сотрутъ тѣ позорныя пятна, которыми они осквернили современную цивилизацію.

И тогда они поймутъ, что люди, теперь уже видящіе эту зарю, готовы были помочь молодому поколѣнію, въ рукахъ котораго лежитъ будущее, понять задачи новаго вѣка и воспитать себя для достойнаго осуществленія ихъ. Въ этомъ и состоитъ ближайшая цѣль журнала".

Первый номеръ содержитъ статью А. Безантъ о творческой силѣ и значеніи идеала, разсказъ о геройскомъ подвигѣ взятомъ изъ исторіи Англіи, статью „Истины для юношества", Дж. Арунделя, въ которой авторъ указываетъ на четыре истины, освѣщающія жизнь: братство, перевоплощеніе, карма и наступленіе новой эры.

В. Пушкина.



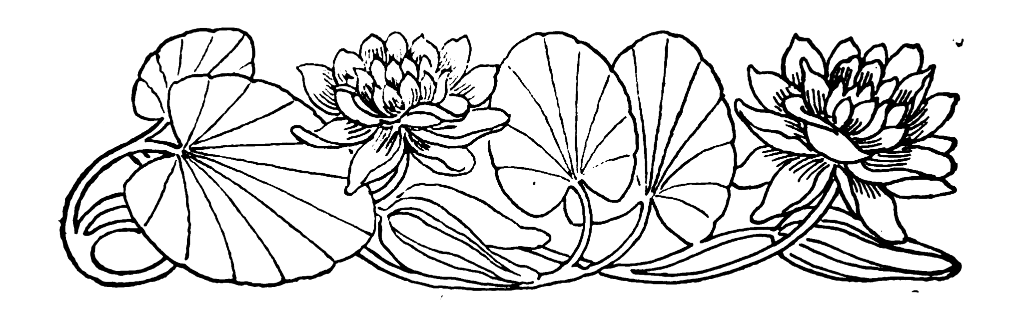
Грядущею жизнью можно спасти и возвысить жизнь прошедшую.

Всякая сила есть функція времени и пространства.

У однихъ личность болѣе пространственна, у другихъ болѣе временна. Не должно ли это быть различіемъ между героями и художниками.

Изреч. Новалиса.





Хроника Теософическаго движенія.

═══ Изъ Индіи пришли вѣсти о состоявшемся въ Адіарѣ наканунѣ новаго года, съѣздѣ Теософическаго Общества. Это 39 съѣздъ Индусской Секціи и онъ прошелъ очень оживленно. Изъ Европы и Америки было на этотъ разъ мало представителей; зато было очень много делегатовъ изъ всѣхъ Индусскихъ центровъ. Было также много Индусскихъ женщинъ, что является знаменіемъ времени.

Такъ какъ одновременно въ Мадрасѣ происходилъ большой Индусскій Національный Конгрессъ, пригласившій г-жу А. Безантъ принять видное участіе въ работѣ конгресса, то А. Безантъ пришлось дѣлить все время между этими двумя конгрессами. Предсѣдателемъ Теософическаго съѣзда въ Адіарѣ былъ избранъ г. Джинараджадаса. Въ теченіе трехъ дней съѣзда г. Джинараджадаса прочелъ 3 публичныхъ лекціи: „Теософія и проблема наслѣдственности", „Изученіе исторіи въ свѣтѣ Теософіи", и „Исканіе реальности". Въ своей заключительной рѣчи А. Безантъ говорила о „Задачахъ и миссіи Т. О-ва". Она указывала, что въ Т. О-вѣ много различныхъ индивидуальностей и у каждаго своя собственная дхарма и своя линія работы. Платформа Т. О-ва есть полнѣйшая свобода духа. Поэтому въ Т. О-вѣ есть мѣсто для людей всѣхъ типовъ и всѣхъ оттѣнковъ мнѣній.

═══ Появился снова послѣ полугодового перерыва журналъ Т. О. во Франціи: „Голубой Лотосъ" (Le lotus bleu), издававшійся столько лѣтъ покойнымъ коммендантомъ Курм'омъ и нынѣ принадлежащимъ г. Гастонъ Ревель. Начиная съ февраля с. г., онъ будетъ снова правильно выходить.

═══ Въ Голландіи родился большой теософическій журналъ „Theosofia", издаваемый Голландской Секціей.

══ Въ виду войны А. Безантъ отложила свое предполагаемое турнэ по Америкѣ. Возможно, что она въ этомъ году въ Европу также не пріѣдетъ.

══ Предсѣдательница „Братства Искусствъ и Ремеслъ“ (Brotherhaad of Arts and Crafts), Г-жа Маннъ, организовала въ Исть-Эндѣ (бѣднѣйшемъ кварталѣ Лондона) рядъ великолѣпныхъ концертовъ, участіе въ которыхъ принимаютъ лучшіе артисты Англіи. За входъ плата 1 пенни (5 коп.). На эти концерты стекается масса публики.

══ Г. А. Ледбитеръ читаетъ публичныя лекціи въ Австраліи. Въ Адіарѣ, его замѣняетъ г. Джинараджадаса. Такимъ образомъ теософы въ Адіарѣ слушаютъ въ настоящее время два курса лекцій: лекціи А. Безантъ (по пятницамъ) и лекціи г. Джинараджадаса (по средамъ и понедѣльникамъ).

══ 17 Марта, А. Каменская, предсѣдательница Р. Т. О-а, читала въ закрытомъ собраніи Московскаго Отдѣла докладъ на тему: „Ритмъ высшей жизни“.

══ 27 Марта, А. Каменская повторила этотъ докладъ въ Калугѣ.

══ 9 Апрѣля, с. г., на закрытомъ собраніи Т. О-а въ Петроградѣ; Е. В. Тимофеевская сдѣлала докладъ: „Работа надъ Евангеліемъ“. Докладъ вызвалъ большоій интересъ среди членовъ и образовался новый кружокъ для изученія Евангелія. Планъ работы обнимаетъ изученіе всѣхъ 4-хъ Евангелій поочередно (по одному году на каждое), Посланія Апостоловъ и Апокалипсисъ. Такимъ образомъ, работа предполагаетъ 7 лѣтній циклъ изученія.

══ 25 Апрѣля с. г., рабочій сезонъ Т. О-а закончился праздникомъ „Бѣлаго Латоса“, установленнаго въ память Е. П. Блаватской. Въ теософическихъ центрахъ всего міра въ этотъ день вспоминали основателей Т. О-а: Е. П. Блаватскую и Г. Олькотта, читали отрывки изъ Св. Писаній всѣхъ народовъ и изъ „Голоса Безмолвія“ (Е. П. Б.). Въ Петроградѣ собраніе закончилось нѣсколькими музыкальными пьесами, пропѣтыми и сыгранными на скрипкѣ и роялѣ членами художественно-музыкальнаго кружка Т. О-а.

══ Въ первыхъ числахъ Мая с. г., А. Каменская посѣтила Ростовскій Отдѣлъ Р. Т. О-а и сдѣлала на собраніи Отдѣла два доклада о работѣ Т. О-а, о его задачахъ и о миссіи искусства въ свѣтѣ Теософіи.

Alba.

Редакторъ **Ц. Л. Гельмбольдтъ**. Издательница **А. А. Каменская**.

То же самое было сказано нѣкогда объ универсальномъ Эфирѣ, а теперь онъ не только заставилъ принять себя, но и выдвигается, какъ единственная возможная теорія для объясненія нѣкоторыхъ тайнъ.

Идеи Грова, когда онъ перый разъ высказалъ ихъ въ Лондонѣ около 1840 года, были объявлены ненаучными, тѣмъ не менѣе его взгляды на соотношеніе силъ теперь приняты всѣми. Вѣроятно потребуется кто-нибудь болѣе свѣдущій въ наукѣ, чѣмъ авторъ этой книги для того, чтобы успѣшно бороться съ преобладающими теперь идеями относительно тяготѣнія и другихъ подобныхъ „рѣшеній“ космическихъ тайнъ. Но вспомнимъ нѣкоторыя возраженія, исходившія отъ признанныхъ людей науки, отъ выдающихся астрономовъ и физиковъ, которые отклоняли теорію вращенія, такъ же, какъ теорію тяготѣнія. Такъ, напримѣръ, мы читаемъ во *Французской Энциклопедіи*, что „наука въ лицѣ всѣхъ своихъ представителей признаетъ *невозможнымъ* объяснить *физическое* происхожденіе вращательнаго движенія солнечной системы“.

Если будетъ заданъ вопросъ: „Что причиняетъ вращеніе“? Намъ отвѣчаютъ: „Центробѣжная сила“. „А что производитъ эту силу“? „Сила вращенія,“ таковъ глубокомысленный отвѣтъ [1]).

Однако можетъ быть лучше изслѣдовать обѣ эти теоріи въ прямой или косвенной связи.

ОТДѢЛЪ IV.

Теоріи вращенія въ наукѣ.

Принимая во вниманіе, что „конечная причина объявлена химерой и Первая Великая Причина отнесена къ сферѣ Невѣдомаго“, какъ справедливо жалуется одно лицо духовнаго званія, число выдвинутыхъ гипотезъ, подобно туманностямъ Ея, въ высшей степени замѣчательно. Непосвященнаго изслѣдователя это смущаетъ и онъ не знаетъ въ какую изъ теорій *точной* науки долженъ онъ вѣрить. Мы приводимъ ниже число гипотезъ, достаточное, чтобы удовлетворить разные вкусы и умственныя способности. Онѣ всѣ извлечены изъ различныхъ научныхъ сочиненій.

---

1) Godefroy, Cosmogonie de la Révélation.

Текущія гипотезы, объясняющія происхожденіе вращенія.

Вращеніе зародилось:

a) Отъ столкновенія туманныхъ массъ, безцѣльно блуждавшихъ въ пространствѣ; или отъ притяженія, „въ тѣхъ случаяхъ, когда не произошло дѣйствительнаго столкновенія“.

b) Тангенеріальнымъ воздѣйствіемъ теченій туманной матеріи (въ случаѣ аморфной туманности), нисходящей отъ верхнихъ слоевъ къ нижнимъ [1]) или просто дѣйствіемъ центра тяжести массы [2]).

„Основнымъ принципомъ въ физикѣ принято, что *никакое вращеніе не можетъ быть зарождено въ такой массѣ дѣйствіемъ ея собственныхъ частей*. „Это все равно, что попытка измѣнить направленіе парохода, дергая за перила на палубѣ“, замѣчаетъ по этому поводу проф. Уинчелль въ World-Life [3]).

Гипотезы о происхожденіи планетъ и кометъ.

a) Мы обязаны рожденіемъ планетъ 1) взрыву Солнца—и выходу наружу его центральной массы [4]); или 2) тому или другому роду разрыва туманныхъ колецъ.

b) „Кометы чужды планетной системѣ“ [5])—„Кометы несомнѣнно зарождены въ нашей солнечной системѣ“ [6]).

c) „*Неподвижныя* звѣзды дѣйствительно неподвижны“, говоритъ одинъ авторитетъ. „Всѣ звѣзды въ дѣйствительности движутся“, говоритъ другой авторитетъ. „Несомнѣнно всякая звѣзда находится въ движеніи“ [7]).

d) „Болѣе чѣмъ въ теченіе 350.000.000 лѣтъ медленное и

---

1) Термины верхній и нижній имѣютъ только относительное значеніе для наблюдателя въ пространствѣ, всякое употребленіе этихъ терминовъ, въ такомъ смыслѣ, что имъ соотвѣтствуютъ абстрактныя реальности,—непремѣнно будетъ ошибочнымъ.

2) Jacob Ennis, The Origin of the Stars.

3) P. 99, note.

4) Если такъ, то какъ объяснитъ наука небольшой сравнительно размѣръ планетъ, ближайшихъ къ солнцу? Теорія метеорическихъ аггрегатовъ только на одинъ шагъ дальше отъ истины, чѣмъ идея туманностей, не имѣя преимущества послѣдней, метафизическаго элемента.

5) Laplace, Systême du Monde, стр. 414, изданіе 1824.

6) Faye, Comptes Rendus, Томъ 90, стр. 640—2.

7) Wolf

величественное движеніе солнца вокругъ своей оси ни на одно мгновеніе не прекращалось“ [1]).

e) „Мэдлеръ думаетъ, что . . . наше солнце имѣетъ Альціона въ созвѣздіи Плеядъ, какъ центръ своей орбиты, и требуетъ 180.000.000 лѣтъ на одинъ оборотъ [2]).

f) „Солнце существуетъ не болѣе 15.000.000 лѣтъ и будетъ излучать тепло не болѣе, чѣмъ еще 10.000.000 лѣтъ [3].

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ этотъ видный ученый разсказывалъ міру, что время, которое потребовалось землѣ на то, чтобы остыть отъ начала образованія коры на ея поверхности до настоящаго состоянія, не могло превосходить 80.000.000 лѣтъ [4]). Если мы предположимъ, что земная кора существуетъ только половину положеннаго землѣ срока, т. е. только 40.000.000 лѣтъ, а возрастъ солнца только 15.000.000, то должны ли мы вывести изъ этого, что земля существовала раньше независимо отъ солнца.

Такъ какъ возрасты солнца, планетъ и земли, какъ ихъ считаютъ въ своихъ научныхъ гипотезахъ различные астрономы и физики, приведены въ другомъ мѣстѣ ниже, то теперь мы уже сказали достаточно для того, чтобы показать разногласіе между руководителями современной науки. Примемъ ли мы 15 милліоновъ лѣтъ сэра Вильяма Томсона, или 1000 милліоновъ лѣтъ Гексли для вращательной эволюціи нашей солнечной системы, это все равно приведетъ къ одному: именно, что допустивъ самозарождающееся вращеніе небесныхъ тѣлъ, состоящихъ изъ инертной матеріи и однако движимыхъ своимъ собственнымъ внутреннимъ движеніемъ въ теченіе милліоновъ лѣтъ, мы увидимъ, что это ученіе науки приводитъ насъ къ слѣдующему—

а) Къ очевидному отрицанію того основного физическаго закона, который устанавливаетъ, что „тѣло въ движеніи стремится постоянно къ инерціи, т. е. къ продолженію того же самаго состоянія движенія или покоя, если только его не побудитъ къ дальнѣйшей активности высшая дѣйствующая сила“.

---

[1]) Panorama des Mondes, Le Couturier.

[2]) World-Life, Winchell, стр. 140.

[3]) Лекція сэра Вильяма Томсона о „Скрытой динамической теоріи относительно вѣроятнаго происхожденія, общаго количества тепла и продолжительности жизни солнца“, 188.

[4]) Томсонъ и Тэтъ.—Natural Philosophy. И даже въ этихъ цифрахъ Бишофъ не соглашается съ Томсономъ и вычисляетъ, что для земли потребовалось бы 350 милліоновъ лѣтъ для того, чтобы остыть съ температуры 20.000° С. до 200° С. Таково же мнѣніе Гельмгольца.

b) Къ первоначальному импульсу, который приводитъ къ неизмѣняющемуся движенію въ сопротивляющемся эфирѣ, что Ньютонъ объявилъ несовмѣстимымъ съ этимъ движеніемъ.

c) Къ всемірному тяготѣнію, которое, какъ насъ учатъ, всегда стремится къ центру по прямолинейному направленію, единственной причинѣ вращенія во всей солнечной системѣ, въ которой происходитъ вѣчное двойное вращеніе, для каждаго тѣла вокругъ своей оси и по орбитѣ. Другая случайная версія заключается въ слѣдующемъ:

d) Магнитъ въ солнцѣ; или, что указанное вращеніе обязано своимъ происхожденіемъ магнитной силѣ, которая дѣйствуетъ такъ же, какъ тяготѣніе, по прямой линіи и измѣняется обратно пропорціонально квадрату разстоянія [1]).

e) Все происходитъ по неизмѣннымъ и неизмѣняемымъ законамъ, которые тѣмъ не менѣе, часто оказываются измѣняющимися, какъ напр. во время нѣкоторыхъ хорошо извѣстныхъ капризныхъ явленій среди планетъ и другихъ тѣлъ, а также во время приближенія планетъ къ солнцу или отдаленія отъ него.

f) Двигательная сила, всегда пропорціональная массѣ, на которую она дѣйствуетъ; но независимая отъ спеціальной природы массы, которой она пропорціональна. Это равносильно тому, что говоритъ Кутюрье:

> Если бы эта сила не была независима отъ массы, и не была совсѣмъ другой природы, чѣмъ она, то эта масса, будь она велика, какъ Сатурнъ, или мала, какъ Церера, падала бы всегда съ одинаковой скоростью [2]).

Тѣмъ болѣе масса, которая обязана своимъ вѣсомъ тѣлу, на которое она вліяетъ своей тяжестью.

Такимъ образомъ, ни представленія Лапласа о солнечномъ атмосферическомъ флюидѣ, который распространяется за орбиты планетъ, ни электричество Кутюрье, ни тепло Фуко [3]), ни то, ни другое никогда не поможетъ ни одной изъ безчисленныхъ гипотезъ относительно происхожденія и постоянства вращенія избѣжать этого колеса бѣлки сколько-нибудь болѣе, чѣмъ теорія тяготѣнія. Эта тайна есть Прокрустово ложе физической

---

[1]) Законъ Куломба.

[2]) Musée des Sciences, 15 Августа, 1857 г.

[3]) Foucault, Panorama des Mondes, стр. 55.



науки. Если матерія пассивна, какъ насъ теперь учатъ, простѣйшее движеніе не можетъ быть названо существеннымъ свойствомъ матеріи—такъ какъ послѣдняя разсматривается просто, какъ инертная масса. Какимъ же образомъ тогда можетъ такое сложное движеніе, составное и многообразное, гармоническое и уравновѣшенное, продолжающееся въ вѣчность на милліоны и милліоны лѣтъ, какъ можетъ оно быть приписано просто своей собственной, присущей ей силѣ, если послѣдняя не есть Разумная Сущность? Физическая воля есть нѣчто новое—понятіе, которое на самомъ дѣлѣ никогда не могло бы образоваться у древнихъ! Уже болѣе столѣтія всякое различіе между тѣломъ и силой уничтожено. „Сила есть только свойство тѣла въ движеніи“, говорятъ физики, „жизнь—свойство нашихъ животныхъ органовъ—лишь результатъ ихъ молекулярнаго устройства“, отвѣчаютъ физіологи. Какъ учитъ Литтрэ:

> Въ нѣдрахъ того аггрегата, который называется планетой, развиваются всѣ силы имманентныя матеріи... т. е., матерія обладаетъ *въ себѣ* и *черезъ себя* силами, свойственными ей... и которыя *первичны*, а не *вторичны*. Такія силы суть свойство тяжести, свойство электричества, земного магнетизма, свойство жизни... Каждая планета можетъ развивать жизнь... какъ земля напр., которая невсегда имѣла человѣчество на ней, а теперь производитъ (produit) людей [1]).

Одинъ астрономъ говоритъ:

> Мы говоримъ о вѣсѣ небесныхъ тѣлъ, но разъ признано, что вѣсъ уменьшается пропорціонально разстоянію отъ центра, то становится очевидно, что на нѣкоторомъ разстояніи вѣсъ долженъ свестись къ нулю. Если бы существовало какое-нибудь *притяженіе*, то существовало бы равновѣсіе... И разъ современная школа не признаетъ *ни низа*, *ни верха* въ пространствѣ вселенной, то неясно, что же причиняетъ паденіе земли, разъ нѣтъ ни тяготѣнія, ни притяженія [2]).

Мнѣ кажется, что графъ де-Мэстръ былъ правъ, разрѣшая эту проблему своимъ теологическимъ путемъ. Онъ разрубаетъ Гордіевъ узелъ, говоря: „Планеты вращаются потому, что ихъ

---

1) Revue des Deux Mondes, Іюль 15, 1860.

2) Cosmographie.



заставляютъ вращаться... и современная физическая система вселенной есть физическая невозможность" [1]).

Развѣ Гершель не сказалъ того же самаго, замѣтивъ, что необходима Воля для сообщенія кругового движенія, и другая Воля для задержанія его [2]). Это показываетъ и объясняетъ, какимъ образомъ запоздавшая планета оказывается достаточно хитрой, чтобы разсчитать время и своимъ прибытіемъ угодить какъ разъ въ нужную минуту. Потому что, если наукѣ иногда удается, съ настоящей геніальностью объяснить нѣкоторыя изъ такихъ остановокъ, обратныхъ движеній, угловъ, не совмѣстимыхъ съ орбитами и пр., вслѣдствіе глазныхъ обмановъ, вытекающихъ изъ неравенства поступательнаго движенія планетъ и нашего собственнаго по соотвѣтственнымъ орбитамъ, мы все таки знаемъ, что существуютъ другія и „очень реальныя и значительныя отклоненія", согласно Гершелю, „которыя не могутъ быть объяснены иначе, какъ взаимнымъ и неправильнымъ движеніемъ тѣхъ планетъ и, нарушающимъ порядокъ, вліяніемъ солнца".

Мы узнаемъ, однако, что есть кромѣ этихъ маленькихъ и случайныхъ пертурбацій, продолжительныя уклоненія, называемыя „вѣковыми",—по причинѣ крайней медленности, съ которой увеличивается неправильность и вліяетъ на всѣ отношенія элиптическаго движенія—и что эти уклоненія могутъ быть исправляемы. Начиная съ Ньютона, который находилъ, что этотъ міръ очень часто нуждается въ починкѣ до Рейно всѣ говорятъ то же самое. Въ своей книгѣ Ciel et Terre, послѣдній говоритъ:

> Орбиты, описываемыя планетами, далеко не неизмѣнны, и наоборотъ подвержены постояннымъ измѣненіямъ въ положеніи и формѣ [3]).

Это доказываетъ, что тяготѣніе и законы передвиженій такъ же небрежны, какъ быстро они исправляютъ свои ошибки. Обвинение, какъ оно выражено здѣсь, заключается повидимому въ слѣдующемъ:

> Эти орбиты поочередно то расширяются, то суживаются, ихъ большая ось удлиняется или уменьшается или вращается въ

---

[1]) Soirées.

[2]) Discours, 165.

[3]) Стр. 28.

то же самое время справа налѣво вокругъ солнца; сама плоскость, на которой орбиты расположены, періодически понижается и повышается, въ то же время вращаясь кругомъ себя какъ бы съ дрожаніемъ.

На это де-Мирвилль, который, какъ и мы, вѣритъ въ разумныхъ „работниковъ", невидимо управляющихъ солнечной системой, остроумно замѣчаетъ:

> Вотъ уже именно путешествіе, имѣющее въ себѣ мало механической точности; въ крайнемъ случаѣ его можно сравнить съ движеніемъ парохода, дергаемаго туда и сюда и швыряемаго волнами, ходъ котораго замедляется или ускоряется, причемъ каждое изъ встрѣчаемыхъ препятствій могло бы на неопредѣленное время задержать его прибытіе, если бы не было разумнаго сознанія лоцмана и механиковъ, которые стараются нагонять потерянное время и исправлять поврежденія [1]).

Впрочемъ, законъ тяготѣнія, повидимому, становится устарѣлымъ закономъ въ звѣздномъ небѣ. Во всякомъ случаѣ длинноволосые звѣздные революціонеры, называемыя кометами, какъ видно мало уважаютъ величіе этого закона и безъ всякаго стыда пренебрегаютъ имъ. Хотя кометы почти во всѣхъ отношеніяхъ представляютъ собой „еще не вполнѣ понятыя явленія", тѣмъ не менѣе и кометы, и метеоры, по мнѣнію людей, вѣрящихъ въ современную науку, повинуются тѣмъ же законамъ и состоятъ изъ той же матеріи, „какъ солнца, звѣзды и туманности", и даже „земля, и ея обитатели" [2]).

Это дѣйствительно можно назвать принятіемъ вещей на вѣру, даже на слѣпую вѣру. Но точную науку не полагается о чемъ нибудь спрашивать, и на того, кто отклоняетъ гипотезы, принятыя ея послѣдователями—напр. тяготѣніе—на того будутъ смотрѣть, къ его стыду, какъ на невѣжественнаго дурака; и, все таки, только что цитированный авторъ разсказываетъ намъ странную легенду изъ научныхъ лѣтописей.

> Комета 1811 года имѣла хвостъ въ 120 милліоновъ миль длины и 25 милліоновъ миль въ діаметрѣ въ самомъ широкомъ мѣстѣ, въ то время, какъ діаметръ ядра равнялся около 127.000 милямъ, т. е. болѣе, чѣмъ въ десять разъ больше діаметра земли.

---

1) Des Esprits III, 155, Deuxieme Mémoire.
2) Laing, Modern Science and Modern Thought.

няется отъ 3-го § международнаго Т. О-ва [1]), какъ оно было задумано Е. П. Блаватской и вмѣсто оккультизма занимается проповѣдью высокой морали.

А между тѣмъ, никто такъ энергично не настаивалъ на необходимости предварительнаго очищенія, какъ именно Е. П. Блаватская; въ ея руководящей статьѣ, знакомой каждому теософу, „Практическій Оккультизмъ“, есть такой параграфъ: § 11. *Углубленное размышленіе (медитація), воздержаніе, выполненіе всѣхъ нравственныхъ обязанностей, благія мысли, хорошія дѣла и добрыя слова, доброжелательство ко всѣмъ и полное забвеніе о себѣ — вотъ самыя дѣйствительныя средства для пріобрѣтенія (оккультнаго) познанія и для подготовленія къ воспріятію высшей Мудрости*“.

Можно ли яснѣе выразить связь между „моралью“ и расширеніемъ сознанія, или—по христіанской терминологіи—между праведностью и благодатью?

Въ этой нерасторжимой связи между высшимъ сознаніемъ и высшей ступенью нравственности, на которой основана вся теософическая этика, и кроется причина совершенно несовмѣстимыхъ требованій, которыя предъявляются всѣми, нападающими на теософію. Одни недовольны тѣмъ, что вмѣсто оккультизма теософы выступаютъ съ стѣсняющими требованіями морали, другіе, подобно автору „Темной Силы“, боятся какъ бы благодаря оккультизму теософы не сошли со стези добродѣтели. Этотъ забавный конфликтъ между обвинителями теософовъ ясно указываетъ, что высокій идеализмъ теософическихъ ученій дѣйствительно непосиленъ для людей, которые не могутъ или не хотятъ сдѣлать усилія въ обоихъ направленіяхъ: освободить свои умственные и духовные горизонты отъ всѣхъ искусственныхъ загражденій и въ тоже время освободить душу свою отъ рабскаго подчиненія своимъ личнымъ страстямъ и желаніямъ.

Теософія трудна тѣмъ, что она требуетъ безграничной свободы для духа и мысли и въ тоже время—безпощаднаго контроля надъ низшей природой человѣка, надъ его эгоистическими страстями и вождѣленіями. Можно согласиться, что это нелегко, но тѣмъ не менѣе это *необходимо*, если мы дѣйствительно хотимъ выйти на новые пути жизни. Всѣ слова о „новомъ человѣкѣ“, о внутреннемъ возрожденіи, о новыхъ знаменіяхъ останутся пустыми звуками, пока мы не начнемъ на самомъ дѣлѣ уважать

---

[1]) 3-й параграфъ Т. О-ва ставитъ цѣлью: *изслѣдованіе необъясненныхъ законовъ природы и скрытыхъ силъ человѣка.*



свободу духа и свободу мысли въ другихъ людяхъ, а въ себѣ самихъ—не подчинимъ своихъ эгоистическихъ интересовъ благу *всѣхъ* и не освободимъ свою волю отъ рабскаго подчиненія своимъ личнымъ страстямъ. И не того ли же самаго требуетъ отъ насъ ученіе Христа? „Духъ дышитъ, гдѣ хочетъ“, говорится въ Св. Писаніи, а чтобы „спастись“, нужно не сберегать душу свою, а *отдать* ее.

* * *

Я не собираюсь разбирать книгу „Темная Сила“; въ ней много невѣрныхъ толкованій и несправедливыхъ нападеній на теософію, но это требуетъ большой статьи. Мнѣ хотѣлось лишь обратить вниманіе ея автора на то, что сдѣлавъ доброе дѣло, ожививъ въ сознаніи современныхъ читателей обликъ великихъ христіанскихъ подвижниковъ, г-нъ Л. напрасно думаетъ, что такія могучія души, сильныя своей неутомимой жаждой Божіей правды, могли бы ограничиться въ наше время одной „умной молитвой“. Все живое растетъ и развивается; развивается также и религіозный опытъ. Въ темныя средневѣковые времена, времена насилія и безправія, лучшіе люди и не могли помогать иначе, какъ примѣромъ своей сіяющей святости и подвигомъ молитвы за темный непробужденный міръ. Но въ наше время, когда міръ пробудился, что сталось бы съ нимъ, еслибы всѣ сильные духомъ, всѣ умудренные въ истинѣ отстранились бы отъ жизни для подвига „умной молитвы“, а неправедные и эгоисты стали бы прокладывать новые пути жизни?

Въ наше благословенное время, когда не „избранныя души“, а почти всѣ начинаютъ чувствовать необходимость водворенія правды въ земномъ нашемъ обиходѣ нужны не отшельники, а дѣятели, строители жизни, безстрашно борящіеся за правду, самоотверженные работники на нивѣ Божіей. Такая дѣятельность будетъ для Бога самой лучшей молитвой и объ этомъ не слѣдовало бы забывать людямъ религіознаго сознанія.

Въ заключеніе хотѣлось бы успокоить автора „Темной Силы“, который такъ боится за теософовъ. Большинство европейскихъ теософовъ убѣжденные послѣдователи ученія Христа, они вѣрятъ въ единаго Бога Отца и стремятся къ Всемірному Братству или Вселенской Церкви, что одно и тоже. И въ данное время, когда передъ нами стоитъ величайшая изъ всѣхъ задачъ, какія когда-либо ставились передъ человѣчествомъ, задача устроенія праведной жизни на землѣ; въ это время, столь трудное и вмѣстѣ столь

благословенное, когда сознаніе человѣчества раскрылось для воспріятія высшаго смысла жизни, всѣ, желающіе быть истинными учениками Христа, должны бы работать для дружнаго строительства новой жизни, для объединенія всѣхъ въ одну сплоченную человѣческую семью; искать способовъ сліянія, а не будить духъ разногласія; не строить новыхъ стѣнъ, а разрушать всѣ существующія перегородки, которыя мѣшаютъ людямъ познать и полюбить другъ друга. Отъ души желаемъ, чтобы вдохновеніемъ для новой книги г-на Ладыженскаго явилась эта благородная цѣль и чтобы въ ней засіялъ истинный духъ Христовой любви ко всѣмъ людямъ, безъ различія путей, по которымъ они идутъ къ Богу.

Другъ читателя.



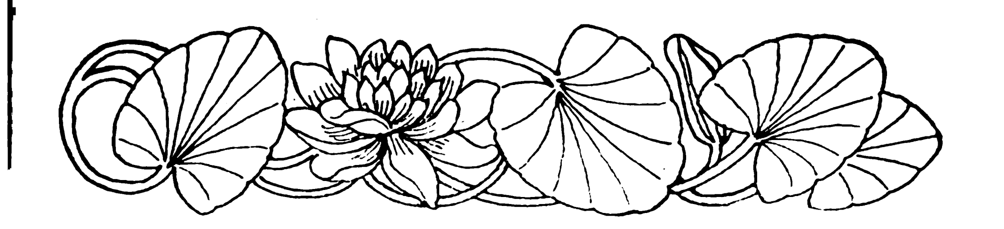
Мы грезимъ о странствіяхъ по вселенной; развѣ же не въ насъ вселенная? Глубинъ своего духа мы не вѣдаемъ. Внутрь идетъ таинственный путь. Въ насъ или нигдѣ—вѣчность съ ея мірами, Прошедшее и Грядущее. Внѣшній міръ—міръ тѣней, онъ бросаетъ свою тѣнь въ царство свѣта. Нынѣ намъ мнится, что внутри такъ темно, одиноко, безобразно. Но какъ совершенно иначе намъ будетъ казаться, если пройдетъ это затменіе и призрачное тѣло будетъ сброшено.

Всякій методъ есть ритмъ: кто овладѣлъ ритмомъ міра, это значитъ, что онъ овладѣлъ міромъ. У всякаго человѣка есть свой индивидуальный ритмъ. Алгебра—это поэзія. Ритмическое чувство есть геній.

Изреч. Новалиса.







Обозрѣніе теософической литературы.

Послѣдніе два номера *Theosophist'a*, дошедшіе до Россіи—январьскій и февральскій текущаго года—содержать прекрасную статью Вудхауза: „Оккультистъ и мистикъ“, въ которой онъ разъясняетъ происхожденіе и значеніе въ космосѣ того и другого типа.

Отношеніе Бога къ проявленной Вселенной, говорить авторъ, имѣетъ два первичныхъ аспекта. Во-первыхъ, существуетъ частица Его жизни, дѣйствующая въ предѣлахъ проявленія. Во-вторыхъ, существуетъ та гораздо болѣе мощная часть Его, которая живетъ внѣ проявленія. Другими словами Богъ одновременно имманентенъ и трансцендентенъ. Такова основная двойственность, свойственная самой природѣ всякаго божественнаго проявленія; слѣдовательно она должна отражаться и во вселенной, каждая частица которой должна быть связана какъ съ имманентнымъ, такъ и съ трансцендентнымъ Богомъ. Это двоякое отношеніе порождаетъ и двоякое движеніе, выявляющееся въ видѣ двухъ противоположныхъ стремленій или импульсовъ, дѣйствующихъ во всякой проявленной жизни и тянущихъ ее въ двѣ противоположныя стороны.

Намъ это станетъ ясно, если мы представимъ себѣ, чѣмъ является вселенная въ глазахъ Бога трансцендентнаго:—Очевидно, лишь затемненіемъ и ограниченіемъ Божественной жизни, заключенный въ ней. Вселенная же, въ глазахъ Бога имманентнаго является необходимой рамкой для процесса, при помощи котораго и чрезъ посредство добровольно принимаемыхъ ограниченій, неисчислимые сонмы новыхъ жизней, излучаемыхъ Отцомъ, развиваются и доростаютъ до полнаго возраста Христова.

Какова же логическая реакція на эти два аспекта вселенной?

Въ первомъ случаѣ стремленіе уйти, убѣжать, избавиться отъ иллюзіи, отъ страданій, отъ гнетущихъ условій жизни въ мірахъ и перейти въ реальность, въ блаженство и свободу Бога трансцендентнаго.

Во второмъ случаѣ—остаться въ проявленныхъ мірахъ для того, чтобы сотрудничать въ этой мощной работѣ, проникнуть до послѣднихъ предѣловъ проявленія съ тѣмъ, чтобы раздѣлить его бремя и отдать силы на служеніе Богу имманентному.

Въ этихъ двухъ импульсахъ, дѣйствующихъ во всякой проявленной жизни, надо искать, по мнѣнію автора, различіе между оккультистомъ и мистикомъ. Мистикъ воплощаетъ въ себѣ отношеніе проявленной жизни къ Богу трансцендентному; оккультистъ воплощаетъ въ себѣ отношеніе ея къ Богу имманентному. Они являются представителями основной двойственности Божественной Природы:—имманентнаго Бога, Творца, Деміурга и трансцендентнаго Бога, жизни за предѣлами сотворенныхъ міровъ. Оба эти типа людей ищутъ единенія съ Богомъ двумя разными путями. Разсмотримъ эти пути и ихъ вліяніе на тѣла или проводники.

Стремленіе внизъ, въ проявленіе, будетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ безпрестанное насыщеніе низшихъ проводниковъ жизненными силами, дающее въ результатѣ непосредственное, живое отношеніе къ жизненнымъ явленіямъ и желаніе усовершенствовать проводники, довести ихъ до высшей работоспособности съ цѣлью использованія ихъ какъ орудія работы имманентнаго Бога.

Второй типъ обнаруживаетъ стремленіе уйти отъ формы, чѣмъ какъ бы автоматически оттягивается жизненная энергія отъ низшихъ проводниковъ къ высшимъ, въ силу чего получается иногда чрезмѣрное насыщеніе его этихъ высшихъ проводниковъ въ ущербъ низшимъ. Само сознаніе какъ бы отворачивается отъ внѣшняго міра; впечатлѣнія отъ него становятся неопредѣленными, наблюдается нежеланіе входить въ детали, вслѣдствіе стремленія соединиться съ жизнью внѣ формы. Жизнь на низшихъ планахъ до извѣстной степени атрофируется, и вслѣдствіе этого низшіе проводники иногда не выдерживаютъ напора силъ, прорывающихся изъ высшихъ, чѣмъ объясняется появленіе истеріи у мистиковъ.

Въ противоположность усиленной дѣятельности оккультиста на физическомъ планѣ, мистикъ кажется апатичнымъ; между тѣмъ на высшихъ планахъ дѣятельность его не менѣе интенсивна.



Роль мистиковъ состоитъ въ пополненіи резервуара духовныхъ силъ; оккультисты же служатъ каналами, черезъ которые эти силы разливаются въ мірѣ, претворяя и одухотворяя матерію.

Ч. Ледбитеръ удѣляетъ много вниманія вопросу о воспитаніи и подходитъ къ нему съ необычной точки зрѣнія, нѣсколько опрокидывающія наши ходячія воззрѣнія. Австралійскій теософическій органъ излагаетъ нѣкоторыя его взгляды на воспитаніе, высказанные имъ въ отвѣтъ на заданные имъ вопросы на эту тему.

Онъ исходитъ изъ того положенія, что дитя, рождающееся у родителей, является сущностью, Эго, которое поручило этимъ родителямъ воспитать и выростить его физическій, астральный и ментальный проводники такъ, чтобы Эго могло возможно полнѣе и совершеннѣе выразить себя черезъ нихъ. Ребенокъ, рождаясь, приноситъ съ собой астральное и ментальное тѣло, включающія самыя разнородныя возможности и зачатки какъ хорошихъ, такъ и дурныхъ качествъ. Чрезвычайно важно поэтому сперва развить хорошія качества, но большинство людей прилагаетъ все стараніе къ тому, чтобы развить именно дурныя и тогда онѣ пріобрѣтаютъ такую силу, что хорошимъ качествамъ трудно утвердиться и пересилить ихъ. Эго ребенка не владѣетъ еще своими проводниками; вслѣдствіе этого низшія тѣла ребенка являются совершенно беззащитными передъ импульсами, идущими извнѣ и всѣ вибраціи, всѣ чувства и мысли окружающихъ глубоко запечатлѣваются въ его астральномъ и ментальномъ тѣлѣ. Такъ, если родители нетерпѣливы и раздражительны, то и въ ребенкѣ пробуждаются тѣ же недостатки.

Развивая дурныя стороны ребенка, мы лишаемъ Эго возможности проявлять себя черезъ свои проводники и не оправдываемъ довѣрія, оказаннаго имъ намъ тѣмъ, что оно поручило намъ приготовить для него орудія его проявленія.

Въ Англіи появился новый журналъ для юношества: The Joung Age, цѣли котораго изложены въ передовой статьѣ слѣдующими словами: 1915 годъ! Какъ будутъ смотрѣть на него нынѣшніе наши молодые читатели черезъ двадцать лѣтъ? Будутъ-ли они думать, что цивилизованный міръ совсѣмъ ума рѣшился, что цивилизованные люди забыли долгія столѣтія развитія изъ варварства и вернулись къ состоянію дикарей, когда желаніе убить своего ближняго было сильнѣе всего. Будутъ-ли они удивляться тому, что народы, именующіе себя послѣдователями Христа, могли довести свою цивилизацію до настоящаго кризиса?

Или же они будутъ разсматривать текущія событія съ иной точки зрѣнія: какъ періодъ подъема великихъ силъ, прорывающихся наружу для того, чтобы выявилось нѣчто очень цѣнное и необходимое? Увидятъ-ли они, что изъ всего ужаса и горя настоящаго возстало такое великое добро, о которомъ міръ и мечтать не смѣлъ? И что люди въ силу своихъ страданій познали истинныя цѣнности и научились довѣрять другъ другу и другъ друга любить.

Весьма возможно, что нынѣшній годъ покажется имъ зарей новой жизни, когда въ каждомъ сердцѣ пробудились сѣмена любви и братства и народы, крещенные огнемъ, сотрутъ тѣ позорныя пятна, которыми они осквернили современную цивилизацію.

И тогда они поймутъ, что люди, теперь уже видящіе эту зарю, готовы были помочь молодому поколѣнію, въ рукахъ котораго лежитъ будущее, понять задачи новаго вѣка и воспитать себя для достойнаго осуществленія ихъ. Въ этомъ и состоитъ ближайшая цѣль журнала".

Первый номеръ содержитъ статью А. Безантъ о творческой силѣ и значеніи идеала, разсказъ о геройскомъ подвигѣ взятомъ изъ исторіи Англіи, статью „Истины для юношества", Дж. Арунделя, въ которой авторъ указываетъ на четыре истины, освѣщающія жизнь: братство, перевоплощеніе, карма и наступленіе новой эры.

В. Пушкина.



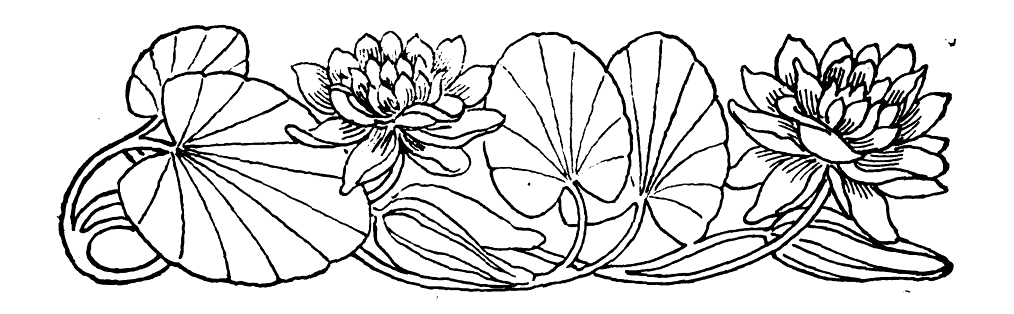
Грядущею жизнью можно спасти и возвысить жизнь прошедшую.

Всякая сила есть функція времени и пространства.

У однихъ личность болѣе пространственна, у другихъ болѣе временна. Не должно ли это быть различіемъ между героями и художниками.

Изреч. Новалиса.





Хроника Теософическаго движенія.

═══ Изъ Индіи пришли вѣсти о состоявшемся въ Адіарѣ наканунѣ новаго года, съѣздѣ Теософическаго Общества. Это 39 съѣздъ Индусской Секціи и онъ прошелъ очень оживленно. Изъ Европы и Америки было на этотъ разъ мало представителей; зато было очень много делегатовъ изъ всѣхъ Индусскихъ центровъ. Было также много Индусскихъ женщинъ, что является знаменіемъ времени.

Такъ какъ одновременно въ Мадрасѣ происходилъ большой Индусскій Національный Конгрессъ, пригласившій г-жу А. Безантъ принять видное участіе въ работѣ конгресса, то А. Безантъ пришлось дѣлить все время между этими двумя конгрессами. Предсѣдателемъ Теософическаго съѣзда въ Адіарѣ былъ избранъ г. Джинараджадаса. Въ теченіе трехъ дней съѣзда г. Джинараджадаса прочелъ 3 публичныхъ лекціи: „Теософія и проблема наслѣдственности“, „Изученіе исторіи въ свѣтѣ Теософіи“, и „Исканіе реальности“. Въ своей заключительной рѣчи А. Безантъ говорила о „Задачахъ и миссіи Т. О-ва“. Она указывала, что въ Т. О-вѣ много различныхъ индивидуальностей и у каждаго своя собственная дхарма и своя линія работы. Платформа Т. О-ва есть полнѣйшая свобода духа. Поэтому въ Т. О-вѣ есть мѣсто для людей всѣхъ типовъ и всѣхъ оттѣнковъ мнѣній.

═══ Появился снова послѣ полугодового перерыва журналъ Т. О. во Франціи: „Голубой Лотосъ“ (Le lotus bleu), издававшійся столько лѣтъ покойнымъ коммендантомъ Курм'омъ и нынѣ принадлежащимъ г. Гастонъ Ревель. Начиная съ февраля с. г., онъ будетъ снова правильно выходить.

═══ Въ Голландіи родился большой теософическій журналъ „Theosofia“, издаваемый Голландской Секціей.

═══ Въ виду войны А. Безантъ отложила свое предполагаемое турнэ по Америкѣ. Возможно, что она въ этомъ году въ Европу также не пріѣдетъ.

═══ Предсѣдательница „Братства Искусствъ и Ремеслъ" (Brotherhaad of Arts and Crafts), Г-жа Маннъ, организовала въ Исть-Эндѣ (бѣднѣйшемъ кварталѣ Лондона) рядъ великолѣпныхъ концертовъ, участіе въ которыхъ принимаютъ лучшіе артисты Англіи. За входъ плата 1 пенни (5 коп.). На эти концерты стекается масса публики.

═══ Г. А. Ледбитеръ читаетъ публичныя лекціи въ Австраліи. Въ Адіарѣ, его замѣняетъ г. Джинараджадаса. Такимъ образомъ теософы въ Адіарѣ слушаютъ въ настоящее время два курса лекцій: лекціи А. Безантъ (по пятницамъ) и лекціи г. Джинараджадаса (по средамъ и понедѣльникамъ).

═══ 17 Марта, А. Каменская, предсѣдательница Р. Т. О-а, читала въ закрытомъ собраніи Московскаго Отдѣла докладъ на тему: „Ритмъ высшей жизни".

═══ 27 Марта, А. Каменская повторила этотъ докладъ въ Калугѣ.

═══ 9 Апрѣля, с. г., на закрытомъ собраніи Т. О-а въ Петроградѣ; Е. В. Тимофеевская сдѣлала докладъ: „Работа надъ Евангеліемъ". Докладъ вызвалъ большой интересъ среди членовъ и образовался новый кружокъ для изученія Евангелія. Планъ работы обнимаетъ изученіе всѣхъ 4-хъ Евангелій поочередно (по одному году на каждое), Посланія Апостоловъ и Апокалипсисъ. Такимъ образомъ, работа предполагаетъ 7 лѣтній циклъ изученія.

═══ 25 Апрѣля с. г., рабочій сезонъ Т. О-а закончился праздникомъ „Бѣлаго Латоса", установленнаго въ память Е. П. Блаватской. Въ теософическихъ центрахъ всего міра въ этотъ день вспоминали основателей Т. О-а: Е. П. Блаватскую и Г. Олькотта, читали отрывки изъ Св. Писаній всѣхъ народовъ и изъ „Голоса Безмолвія" (Е. П. Б.). Въ Петроградѣ собраніе закончилось нѣсколькими музыкальными пьесами, пропѣтыми и сыгранными на скрипкѣ и роялѣ членами художественно-музыкальнаго кружка Т. О-а.

═══ Въ первыхъ числахъ Мая с. г., А. Каменская посѣтила Ростовскій Отдѣлъ Р. Т. О-а и сдѣлала на собраніи Отдѣла два доклада о работѣ Т. О-а, о его задачахъ и о миссіи искусства въ свѣтѣ Теософіи.

Alba.

Редакторъ **Ц. Л. Гельмбольдтъ.** Издательница **А. А. Каменская.**

То же самое было сказано нѣкогда объ универсальномъ Эфирѣ, а теперь онъ не только заставилъ принять себя, но и выдвигается, какъ единственная возможная теорія для объясненія нѣкоторыхъ тайнъ.

Идеи Грова, когда онъ перый разъ высказалъ ихъ въ Лондонѣ около 1840 года, были объявлены ненаучными, тѣмъ не менѣе его взгляды на соотношеніе силъ теперь приняты всѣми. Вѣроятно потребуется кто-нибудь болѣе свѣдущій въ наукѣ, чѣмъ авторъ этой книги для того, чтобы успѣшно бороться съ преобладающими теперь идеями относительно тяготѣнія и другихъ подобныхъ „рѣшеній“ космическихъ тайнъ. Но вспомнимъ нѣкоторыя возраженія, исходившія отъ признанныхъ людей науки, отъ выдающихся астрономовъ и физиковъ, которые отклоняли теорію вращенія, такъ же, какъ теорію тяготѣнія. Такъ, напримѣръ, мы читаемъ во *Французской Энциклопедіи*, что „наука въ лицѣ всѣхъ своихъ представителей признаетъ *невозможнымъ* объяснить *физическое* происхожденіе вращательнаго движенія солнечной системы“.

Если будетъ заданъ вопросъ: „Что причиняетъ вращеніе“? Намъ отвѣчаютъ: „Центробѣжная сила“. „А что производитъ эту силу“? „Сила вращенія,“ таковъ глубокомысленный отвѣтъ [1]).

Однако можетъ быть лучше изслѣдовать обѣ эти теоріи въ прямой или косвенной связи.

ОТДѢЛЪ IV.

Теоріи вращенія въ наукѣ.

Принимая во вниманіе, что „конечная причина объявлена химерой и Первая Великая Причина отнесена къ сферѣ Невѣдомаго“, какъ справедливо жалуется одно лицо духовнаго званія, число выдвинутыхъ гипотезъ, подобно туманностямъ Ея, въ высшей степени замѣчательно. Непосвященнаго изслѣдователя это смущаетъ и онъ не знаетъ въ какую изъ теорій *точной* науки долженъ онъ вѣрить. Мы приводимъ ниже число гипотезъ, достаточное, чтобы удовлетворить разные вкусы и умственныя способности. Онѣ всѣ извлечены изъ различныхъ научныхъ сочиненій.

---

[1]) Godefroy, Cosmogonie de la Révélation.

Текущія гипотезы, объясняющія происхожденіе вращенія.

Вращеніе зародилось:

a) Отъ столкновенія туманныхъ массъ, безцѣльно блуждавшихъ въ пространствѣ; или отъ притяженія, „въ тѣхъ случаяхъ, когда не произошло дѣйствительнаго столкновенія".

b) Тангенеріальнымъ воздѣйствіемъ теченій туманной матеріи (въ случаѣ аморфной туманности), нисходящей отъ верхнихъ слоевъ къ нижнимъ [1]) или просто дѣйствіемъ центра тяжести массы [2]).

„Основнымъ принципомъ въ физикѣ принято, что *никакое вращеніе не можетъ быть зарождено въ такой массѣ дѣйствіемъ ея собственныхъ частей*. „Это все равно, что попытка измѣнить направленіе парохода, дергая за перила на палубѣ", замѣчаетъ по этому поводу проф. Уинчелль въ World-Life [3]).

Гипотезы о происхожденіи планетъ и кометъ.

a) Мы обязаны рожденіемъ планетъ 1) взрыву Солнца—и выходу наружу его центральной массы [4]); или 2) тому или другому роду разрыва туманныхъ колецъ.

b) „Кометы чужды планетной системѣ" [5])—„Кометы несомнѣнно зарождены въ нашей солнечной системѣ" [6]).

c) „*Неподвижныя* звѣзды дѣйствительно неподвижны", говоритъ одинъ авторитетъ. „Всѣ звѣзды въ дѣйствительности движутся", говоритъ другой авторитетъ. „Несомнѣнно всякая звѣзда находится въ движеніи" [7]).

d) „Болѣе чѣмъ въ теченіе 350.000.000 лѣтъ медленное и

---

[1]) Термины верхній и нижній имѣютъ только относительное значеніе для наблюдателя въ пространствѣ, всякое употребленіе этихъ терминовъ, въ такомъ смыслѣ, что имъ соотвѣтствуютъ абстрактныя реальности,—непремѣнно будетъ ошибочнымъ.

[2]) Jacob Ennis, The Origin of the Stars.

[3]) P. 99, note.

[4]) Если такъ, то какъ объяснитъ наука небольшой сравнительно размѣръ планетъ, ближайшихъ къ солнцу? Теорія метеорическихъ аггрегатовъ только на одинъ шагъ дальше отъ истины, чѣмъ идея туманностей, не имѣя преимущества послѣдней, метафизическаго элемента.

[5]) Laplace, Système du Monde, стр. 414, изданіе 1824.

[6]) Faye, Comptes Rendus, Томъ 90, стр. 640—2.

[7]) Wolf

величественное движеніе солнца вокругъ своей оси ни на одно мгновеніе не прекращалось" [1]).

e) „Мэдлеръ думаетъ, что . . . наше солнце имѣетъ Альціона въ созвѣздіи Плеядъ, какъ центръ своей орбиты, и требуетъ 180.000.000 лѣтъ на одинъ оборотъ [2]).

f) „Солнце существуетъ не болѣе 15.000.000 лѣтъ и будетъ излучать тепло не болѣе, чѣмъ еще 10.000.000 лѣтъ [3].

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ этотъ видный ученый разсказывалъ міру, что время, которое потребовалось землѣ на то, чтобы остыть отъ начала образованія коры на ея поверхности до настоящаго состоянія, не могло превосходить 80.000.000 лѣтъ [4]). Если мы предположимъ, что земная кора существуетъ только половину положеннаго землѣ срока, т. е. только 40.000.000 лѣтъ, а возрастъ солнца только 15.000.000, то должны ли мы вывести изъ этого, что земля существовала раньше независимо отъ солнца.

Такъ какъ возрасты солнца, планетъ и земли, какъ ихъ считаютъ въ своихъ научныхъ гипотезахъ различные астрономы и физики, приведены въ другомъ мѣстѣ ниже, то теперь мы уже сказали достаточно для того, чтобы показать разногласіе между руководителями современной науки. Примемъ ли мы 15 милліоновъ лѣтъ сэра Вильяма Томсона, или 1000 милліоновъ лѣтъ Гексли для вращательной эволюціи нашей солнечной системы, это все равно приведетъ къ одному: именно, что допустивъ самозарождающееся вращеніе небесныхъ тѣлъ, состоящихъ изъ инертной матеріи и однако движимыхъ своимъ собственнымъ внутреннимъ движеніемъ въ теченіе милліоновъ лѣтъ, мы увидимъ, что это ученіе науки приводитъ насъ къ слѣдующему—

а) Къ очевидному отрицанію того основного физическаго закона, который устанавливаетъ, что „тѣло въ движеніи стремится постоянно къ инерціи, т. е. къ продолженію того же самаго состоянія движенія или покоя, если только его не побудитъ къ дальнѣйшей активности высшая дѣйствующая сила".

---

[1]) Panorama des Mondes, Le Couturier.

[2]) World-Life, Winchell, стр. 140.

[3]) Лекція сэра Вильяма Томсона о „Скрытой динамической теоріи относительно вѣроятнаго происхожденія, общаго количества тепла и продолжительности жизни солнца", 188.

[4]) Томсонъ и Тэтъ.—Natural Philosophy. И даже въ этихъ цифрахъ Бишофъ не соглашается съ Томсономъ и вычисляетъ, что для земли потребовалось бы 350 милліоновъ лѣтъ для того, чтобы остыть съ температуры 20.000° С. до 200° С. Таково же мнѣніе Гельмгольца.



b) Къ первоначальному импульсу, который приводитъ къ неизмѣняющемуся движенію въ сопротивляющемся эфирѣ, что Ньютонъ объявилъ несовмѣстимымъ съ этимъ движеніемъ.

c) Къ всемірному тяготѣнію, которое, какъ насъ учатъ, всегда стремится къ центру по прямолинейному направленію, единственной причинѣ вращенія во всей солнечной системѣ, въ которой происходитъ вѣчное двойное вращеніе, для каждаго тѣла вокругъ своей оси и по орбитѣ. Другая случайная версія заключается въ слѣдующемъ:

d) Магнитъ въ солнцѣ; или, что указанное вращеніе обязано своимъ происхожденіемъ магнитной силѣ, которая дѣйствуетъ такъ же, какъ тяготѣніе, по прямой линіи и измѣняется обратно пропорціонально квадрату разстоянія [1]).

e) Все происходитъ по неизмѣннымъ и неизмѣняемымъ законамъ, которые тѣмъ не менѣе, часто оказываются измѣняющимися, какъ напр. во время нѣкоторыхъ хорошо извѣстныхъ капризныхъ явленій среди планетъ и другихъ тѣлъ, а также во время приближенія планетъ къ солнцу или отдаленія отъ него.

f) Двигательная сила, всегда пропорціональная массѣ, на которую она дѣйствуетъ; но независимая отъ спеціальной природы массы, которой она пропорціональна. Это равносильно тому, что говоритъ Кутюрье:

> Если бы эта сила не была независима отъ массы, и не была совсѣмъ другой природы, чѣмъ она, то эта масса, будь она велика, какъ Сатурнъ, или мала, какъ Церера, падала бы всегда съ одинаковой скоростью [2]).

Тѣмъ болѣе масса, которая обязана своимъ вѣсомъ тѣлу, на которое она вліяетъ своей тяжестью.

Такимъ образомъ, ни представленія Лапласа о солнечномъ атмосферическомъ флюидѣ, который распространяется за орбиты планетъ, ни электричество Кутюрье, ни тепло Фуко [3]), ни то, ни другое никогда не поможетъ ни одной изъ безчисленныхъ гипотезъ относительно происхожденія и постоянства вращенія избѣжать этого колеса бѣлки сколько-нибудь болѣе, чѣмъ теорія тяготѣнія. Эта тайна есть Прокрустово ложе физической

---

[1]) Законъ Куломба.

[2]) Musée des Sciences, 15 Августа, 1857 г.

[3]) Foucault, Panorama des Mondes, стр. 55.



науки. Если матерія пассивна, какъ насъ теперь учатъ, простѣйшее движеніе не можетъ быть названо существеннымъ свойствомъ матеріи—такъ какъ послѣдняя разсматривается просто, какъ инертная масса. Какимъ же образомъ тогда можетъ такое сложное движеніе, составное и многообразное, гармоническое и уравновѣшенное, продолжающееся въ вѣчность на милліоны и милліоны лѣтъ, какъ можетъ оно быть приписано просто своей собственной, присущей ей силѣ, если послѣдняя не есть Разумная Сущность? Физическая воля есть нѣчто новое—понятіе, которое на самомъ дѣлѣ никогда не могло бы образоваться у древнихъ! Уже болѣе столѣтія всякое различіе между тѣломъ и силой уничтожено. „Сила есть только свойство тѣла въ движеніи“, говорятъ физики, „жизнь—свойство нашихъ животныхъ органовъ—лишь результатъ ихъ молекулярнаго устройства“, отвѣчаютъ физіологи. Какъ учитъ Литтрэ:

> Въ нѣдрахъ того аггрегата, который называется планетой, развиваются всѣ силы имманентныя матеріи... т. е., матерія обладаетъ *въ себѣ* и *черезъ себя* силами, свойственными ей... и которыя *первичны*, а не *вторичны*. Такія силы суть свойство тяжести, свойство электричества, земного магнетизма, свойство жизни... Каждая планета можетъ развивать жизнь... какъ земля напр., которая невсегда имѣла человѣчество на ней, а теперь производитъ (produit) людей [1]).

Одинъ астрономъ говоритъ:

> Мы говоримъ о вѣсѣ небесныхъ тѣлъ, но разъ признано, что вѣсъ уменьшается пропорціонально разстоянію отъ центра, то становится очевидно, что на нѣкоторомъ разстояніи вѣсъ долженъ свестись къ нулю. Если бы существовало какое-нибудь *притяженіе*, то существовало бы равновѣсіе... И разъ современная школа не признаетъ *ни низа*, *ни верха* въ пространствѣ вселенной, то неясно, что же причиняетъ паденіе земли, разъ нѣтъ ни тяготѣнія, ни притяженія [2]).

Мнѣ кажется, что графъ де-Мэстръ былъ правъ, разрѣшая эту проблему своимъ теологическимъ путемъ. Онъ разрубаетъ Гордіевъ узелъ, говоря: „Планеты вращаются потому, что ихъ

1) Revue des Deux Mondes, Іюль 15, 1860.

2) Cosmographie.



заставляютъ вращаться и современная физическая система вселенной есть физическая невозможность»[1].

Развѣ Гершель не сказалъ того же самаго, замѣтивъ, что необходима Воля для сообщенія кругового движенія, и другая Воля для задержанія его[2]. Это показываетъ и объясняетъ, какимъ образомъ запоздавшая планета оказывается достаточно хитрой, чтобы разсчитать время и своимъ прибытіемъ угодить какъ разъ въ требуемую минуту. Потому что, если наукѣ иногда удается съ настоящей геніальностью объяснить нѣкоторыя изъ такихъ остановокъ, обратныхъ движеній, угловъ, не совмѣстимыхъ съ орбитами и проч., вытекающихъ изъ неравенства поступательнаго движенія планетъ и нашего собственнаго по соотвѣтственнымъ орбитамъ, мы все таки знаемъ, что существуютъ другія и «очень реальныя и значительныя отклоненія», согласно Гершелю, «которыя не могутъ быть объяснены иначе, какъ взаимнымъ и неправильнымъ движеніемъ тѣхъ планетъ и нарушающимъ порядокъ вліяніемъ солнца».

Мы узнаемъ, однако, что есть кромѣ этихъ маленькихъ и случайныхъ пертурбацій, продолжительныя уклоненія, называемыя «вѣковыми»,—по причинѣ крайней медленности, съ которой увеличивается неправильность и влечетъ на себѣ отношенія взаимнаго движенія—и что эти уклоненія могутъ быть [illegible]. Начиная съ Ньютона, который находилъ, что этотъ міръ очень часто нуждается въ починкѣ, до Рейно всѣ говорятъ то же самое. Въ своей книгѣ Ciel et Terre, послѣдній говоритъ:

> Орбиты, описываемыя планетами, далеко не неизмѣнны, и наоборотъ подвержены постояннымъ измѣненіямъ въ положеніи и формѣ[3].

Это доказываетъ, что законы и законы передвиженій также не настолько плохи, какъ быстро они исправляютъ свои ошибки. [illegible] какъ [illegible] [illegible] подвижному въ [illegible].

> Эти орбиты поочередно то расширяются, то суживаются, ихъ большая ось удлиняется или уменьшается или колеблется въ

---

[1] [illegible]
[2] [illegible] 238.
[3] Стр. 25.

то же самое время справа налѣво вокругъ солнца; сама плоскость, на которой орбиты расположены, періодически понижается и повышается, въ то же время вращаясь кругомъ себя какъ бы съ дрожаніемъ.

На это де-Мирвилль, который, какъ и мы, вѣритъ въ разумныхъ „работниковъ", невидимо управляющихъ солнечной системой, остроумно замѣчаетъ:

Вотъ уже именно путешествіе, имѣющее въ себѣ мало механической точности; въ крайнемъ случаѣ его можно сравнить съ движеніемъ парохода, дергаемаго туда и сюда и швыряемаго волнами, ходъ котораго замедляется или ускоряется, причемъ каждое изъ встрѣчаемыхъ препятствій могло бы на неопредѣленное время задержать его прибытіе, если бы не было разумнаго сознанія лоцмана и механиковъ, которые стараются нагонять потерянное время и исправлять поврежденія [1]).

Впрочемъ, законъ тяготѣнія, повидимому, становится устарѣлымъ закономъ въ звѣздномъ небѣ. Во всякомъ случаѣ длинноволосые звѣздные революціонеры, называемыя кометами, какъ видно мало уважаютъ величіе этого закона и безъ всякаго стыда пренебрегаютъ имъ. Хотя кометы почти во всѣхъ отношеніяхъ представляютъ собой „еще не вполнѣ понятыя явленія", тѣмъ не менѣе и кометы, и метеоры, по мнѣнію людей, вѣрящихъ въ современную науку, повинуются тѣмъ же законамъ и состоятъ изъ той же матеріи, „какъ солнца, звѣзды и туманности", и даже „земля, и ея обитатели" [2]).

Это дѣйствительно можно назвать принятіемъ вещей на вѣру, даже на слѣпую вѣру. Но точную науку не полагается о чемъ нибудь спрашивать, и на того, кто отклоняетъ гипотезы, принятыя ея послѣдователями—напр. тяготѣніе—на того будутъ смотрѣть, къ его стыду, какъ на невѣжественнаго дурака; и, все таки, только что цитированный авторъ разсказываетъ намъ странную легенду изъ научныхъ лѣтописей.

Комета 1811 года имѣла хвостъ въ 120 милліоновъ миль длины и 25 милліоновъ миль въ діаметрѣ въ самомъ широкомъ мѣстѣ, въ то время, какъ діаметръ ядра равнялся около 127.000 милямъ, т. е. болѣе, чѣмъ въ десять разъ больше діаметра земли.

---

[1]) Des Esprits III, 155, Deuxieme Mémoire.
[2]) Laing, Modern Science and Modern Thought.



Онъ говоритъ намъ, что:

> Для того, чтобы тѣла такой величины, проходя близъ земли, могли не нарушать ея движенія и не измѣнять длины года ни на одну секунду, вещество, изъ котораго онѣ состоятъ, должно быть необыкновенно разрѣженнымъ.

Это должно быть такъ во всякомъ случаѣ, но:

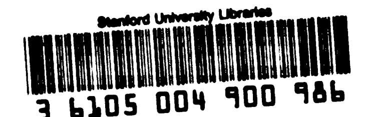
> Крайняя разрѣженность массы кометы доказывается еще явленіемъ хвоста, который при приближеніи кометы къ солнцу выбрасывается иногда на длину въ 90 милліоновъ миль въ нѣсколько часовъ. И что замѣчательно, этотъ хвостъ выбрасывается противъ силы тяжести какой-то отталкивающей силой, вѣроятно электрической, такъ что хвостъ всегда направленъ въ сторону противоположную отъ солнца (!!!) . . . . И, однако, какъ ни тонка матерія кометъ, она повинуется общему закону тяготѣнія (!?) и вращается ли комета по орбитѣ внутри орбитъ внѣшнихъ планетъ или вылетаетъ въ бездны пространства и возвращается только черезъ сотни лѣтъ, ея путь каждое мгновеніе, регулируется той же самой силой, которая заставляетъ яблоко падать на землю [1]).

Наука подобна женѣ Цезаря; она не должна быть даже подозрѣваема—это очевидно. Но тѣмъ не менѣе она можетъ быть почтительно критикуема и во всякомъ случаѣ ей можно напомнить, что „яблоко"—опасный плодъ. Потому что второй разъ въ исторіи человѣчества оно можетъ стать причиной паденія—на этотъ разъ паденія „точной" науки. О кометѣ, хвостъ которой пренебрегаетъ закономъ тяготѣнія передъ самымъ лицомъ солнца, едва-ли можетъ быть сказано, что она повинуется этому закону.

Въ цѣлой серіи научныхъ работъ по астрономіи и по теоріи туманностей, написанныхъ между 1865 и 1866 годомъ, авторъ этой книги, бѣдный новичекъ въ наукѣ, насчиталъ въ нѣсколько часовъ не менѣе какъ тридцать девять противорѣчивыхъ гипотезъ, предложенныхъ въ объясненіе самозарождающагося, первобытнаго вращательнаго движенія небесныхъ тѣлъ. Авторъ этой книги не астрономъ, не математикъ, не ученый, но онъ чувствовалъ себя обязаннымъ изслѣдовать эти заблужденія въ цѣляхъ защиты оккультизма вообще, и что еще болѣе

[1]) Тамъ же, стр. 17.




Stanford University Libraries
3 6105 004 900 986

